Ю. П. КОЖЕВНИКОВ

О м у т

~ 1 ~

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
(М.Ю. Лермонтов)

Ночь рождает вдохновение, означающее трепет души, вошедшей в контакт с мировой гармонией, для которой душа и предназначена изначально. Мировая гармония есть позитивное, созидательное начало. Соприкоснулась с ним душа и получила вдох божественный. Но нет ничего без своей противоположности. Ночь из тьмы соткана, дабы сравнять и смешать хаосы и гармонии воедино для вечного возрождения нового, постижимого и непостижимого. По ночам поют сирены для мореплавателей и потрескивают шкафы в музеях. Блуждающие огоньки скользят по болотам, а в лесной черноте вспыхивают неземным светом светляки. Пробормочет сонная птица - снится ей день, ибо днем она только и живет. Но махнет бесшумными крылами ночная птица и для первой сон станет вечным. Тьма переливается туманными очертаниями. Словно черные призраки возникают из черного небытия, чтобы тут же исчезнуть в черноте. На свет одинокого фонаря являются словно белые хлопья странные бабочки. Какие-то непонятные звуки доносятся невесть откуда, а может это звезды шуршат, перемигиваясь. Шевельнется воздух, словно всхлипнет кто-то, и снова замрет мир в томительном напряжении, что-то или кого-то ожидая.

Ночь - это время, когда добрые люди стремятся слиться друг с другом и постичь физический экстаз, внезапным результатом которого явится новая судьба. А новые фаусты мучительно размышляют о непостижимости мира и тянутся к склянке с отравой. Дух творцов взметывается в грядущее, чтобы оттуда кто-то когда-то откликнулся и был услышан в минувшем. «Ночь нежна» - написал на титульном листе своей книги Скотт Фицджеральд, а Сергей Есенин вспоминал деда: «А ты всю ночь не спишь и дрыгаешь ногою...»

Повиснет луна над миром, и отзовутся ей одиночеством души снедаемых тоской. Откликнется эхом поэтическая душа и оставит строки на все времена. Другая услышит в словах музыку лунной ночи и сердечного кипения. И вот... «Сияла ночь, луной был полон сад...». А там и скамья с «белой девой» И. Крамского. Темные дали поглощают мироздание и, словно пожевав его, запускают в чье-то ощущение. И видят спящие сны, а бодрствующие грезят. Творение дается творящим и утешение скорбящим. Мировое Ничто смешивается с Мировым Всем. Тень благой мудрости объемлет грешную Землю и касается своим крылом каждого. Вздрагивают спящие. Жгучее раскаяние обжигает бодрствующих. Но и темные силы живут в ночи, вихрями проносясь над миром в поисках жертвы.

Вглядывается робкая душа в два нежданных лика, а они - игруны - вдруг то смешались, то снова разделились. Зовут каждый с собой, а дорожки рядом. Пойди туда, сюда и обратно, потом вернешься. Таков закон. Всепоглощение жаждущих неизвестности. Соедини в себе огонь и воду и закипишь. В клубах пара пытайся сыскать ответы на все вопросы. Необязательно в словах найдешь их. Сердцем постигнешь, когда очистишься от скверны, искупишь грех страданием и покаянием. Когда увидишь в ночи свет, прощен будешь. А потому не спи ночами, а ищи начала своих путей.

* * *

348-ая камера спала. Не спал только Иван. За те без малого два месяца, что он провел в Крестах, он словно разучился спать по ночам. В этой камере было на редкость свободно. Ее занимали 4 человека, по числу железных нар в два этажа.

Иван лежал на верхних нарах и безучастно смотрел в потолок. Лампочка под решетчатым потолком посередине камеры струилась лучами, бросающимися то в одну, то в другую сторону.

Иногда он смотрел на дрожащий ореол вокруг лампочки, из которого выскакивали лучи. То была какая-то странная игра. Казалось, что толстый огненный червячок в лампочке испускает мельчайшие частички, пляшущие вокруг него в хороводе, и выстреливает сквозь эту пляску мгновенными молниями, тут же исчезающими в камерном пространстве.

Световой хоровод сопровождается разными посторонними звуками. Спящая камера не бывает безмолвна, когда она не пуста. Даже только три спящих человека создают богатый набор звуков. Камера давит людей и тогда, когда их души блуждают на свободе. А может быть в тюрьме души редко покидают тело?.. Ведь возвращаться не хочется!..

Долгие стоны несутся с соседних нар. Это добряк Саша. Ему 19 лет и он тоже ждет суда, подписав окончание дела. Снизу несется могучий храп Михаила - вора в законе. Этот прибыл на пересуд за довеском. Он сидит уже три года и за это время вскрылось что-то такое из прежних деяний, за что он рассчитывает схлопотать еще пятерик. Сопит и всхлипывает Вадик. Иногда он жутко кричит и вскакивает, словно какая-то неведомая сила подбрасывает его снизу. Не просыпаясь, он валится обратно на серый тюфяк и снова сопит. И во сне люди ощущают каким-то глубинным чутьем, где находятся. Это ощущение пронизывает самые основы их существа и запечатлевается где-то внутри клеток, чтобы и через десятилетия всплыть вдруг во сне тюремным бытием. Сожмется тогда сознание в серый ком, сдавливающий мозг, но придет пробуждение, а с ним освобождение. Возликует раскрепощенное сознание, оставляя позади таять видение мрачного прошлого.

Иван изучил уже множество особенностей поведения людей во сне. Но не эта сторона тюремной жизни вынуждает его не спать. Он знает, что впереди много лет жизни за колючей проволокой среди себе подобных, и эта мысль сверлит все его существо ужасом. Ему не хочется общаться с этими людьми, видеть их и слышать их зачастую глупые и пошлые разговоры. Его мучает мысль о том, что он сам такой же; потому он и здесь. И всегда был таким, только как-то не замечал этого. На воле всегда можно уйти от людей, которые не нравятся. Можно уйти от людей, в общении с которыми сам себе не нравишься. Можно получить какие-то отвлекающие импульсы, скажем, послушать возвышенную музыку или пообщаться с природой, или с хорошим другом. В тюремной камере человек должен вкушать то, что есть, и никуда от этого не денешься. Уж лучше бы в одиночке сидеть! Он вдруг начинает видеть и понимать многое совсем не так как раньше.

Иван ощущает себя в тупике. Окружающие его сокамерники только усугубляют этот тупик. Они представляются ему скучным хамлом, с которым и говорить-то не о чем. Но ночью он один. В это время он может даже забыть о том, где находится. То ли мысли куда-то уносят, то ли что-то иное увлекает чувство и рассудок, и ощущение ноющей боли остается где-то рядом. Трещинка на побелке потолка разрастается в диковинный красочный рисунок. Но вот... он подергивается пеленой, и Иван четко видит знакомые лица. Веселые и грустные, оживленно что-то обсуждающие или молчащие в шелесте внутренних переживаний. Знакомые места... Боже мой... Вот любимые уголки родных лесов. А вот он сам, давно-давно. Откуда же вела его судьба, чтобы бросить на тюремный топчан и иссушить жаждущие глаза?.. В полубреду память открывала Ивану отрывки из его 19-летнего бытия. Он и раньше многое помнил, даже из поры раннего детства, но теперь всплывали все новые и новые воспоминания, да еще из самых ранних времен. Он как будто проваливался сквозь время, словно в глубокий колодец, и перед его мысленным взором представало то, что давно минуло навсегда. А оказывается оно где-то сидело очень глубоко и может быть даже ждало, что когда-то будет вновь оживлено. Ведь не может чье-то прошлое воскреснуть в сознании другого, у которого свое прошлое и только свое.

Рождаешься из точки, и пошло твое время, раздувая точку бытием все больше и больше, превращая ее в подобие мыльного пузыря. Внешние радужные оттенки этого пузыря видны другим и каждому по-разному. От угла зрения и освещения зависит радужность. Но что есть внутри пузыря не узнает никто, даже когда он лопнет и его содержимое вольется в мировую пустоту. Да и сам дух, наполняющий пузырь, больше по его стенкам изнутри стелется, не заботясь о точке, с которой начался, ибо где эта точка, если сам пузырь ею стал?!.

Хорошо бы курнуть, но давно уже каждая табачинка подобрана и у соседей пусто. Иван отворачивается к обшарпанной стене. Сколько людей обтирались об эту стену! От серого пятна, обозначающего лежащих людей и задевающих стену, пахнет какой-то нечеловеческой мерзостью.

А может и не пузырем надо представлять бытие человека, а конусом. Тогда где-то там вдалеке есть точка, с которой началось твое время, от плавного течения которого раздвигались стенки

конуса и его вершина все далее отодвигалась, но оставалась в тебе. К ней можно вернуться, особенно если дух твой заперт в тюремной камере вместе с телом твоим и время замерло на месте. Оно совсем не связано со временем на свободе.

* * *

Старый, рубленный дом в поселке на окраине городка. Тогда он принадлежал целиком бабушке и дедушке. Его планировка была иная по сравнению с теперешней, когда полдома давным-давно продано и пропито дедушкой с отчимом. На месте теперешних сеней была комната. Именно в ней молодая женщина держит на руках грудного младенца, закутанного в серое одеяльце. Почему младенец запомнит один только момент на всю жизнь, да еще словно привязанный к определенной точке земной поверхности, что четко указывает на место в доме, где он находился. Да и видел он себя, что странно..., со стороны и даже с улицы, словно бы из воздуха над соседним огородом. Как он мог видеть младенца в сером одеяльце через стены, да еще и зная, что это он сам и есть?..

Потом бабушка подтвердит, что на месте сеней была комната, поскольку дом тогда целиком принадлежал им. Шел 1942-ой год. Немцы были в 2 км от города, но в город их все же не пустили.

- А ты, наверное, не помнишь, как мать бросала тебя в подвал, когда начиналась бомбежка?.. - вздыхала бабушка, горестно качая седой головой.

- Я все время ругалась с ней, ведь вышибешь парню мозги!.. Потом вы вакуировались в Свердловск. А отец твой в партизанах был. В армию-то его не взяли из-за плохого зрения. Вот и у тебя глаза худые по отцу. Он приходил иногда, пока вы тут были. Приносил свой паек: масло, хлеб, сахар, что в партизанах давали. Уж не знаю, что он там делал. А как приехали обратно, то и начала твоя мамаша шуры-муры с Лешкой. Отец ушел с отрядом, а Лешку вывезли из Ленинграда чуть живого. Отец-то у него врач был, выходил. С мамашей твоей они в школе вместе учились...

Бабушка проводила рукой по лбу, сгоняя несколько свесившихся волосков, и незрячими глазами смотрела в окошко, в соседний огород. Ивану было жаль ее воспоминаний. Какие-то они все были безрадостные. Но была жажда узнать что-либо о прошлом своих предков, и время от времени они сидели за чаем и Иван расспрашивал бабушку о родителях, о жизни до революции, когда она была молодая.

Он узнал, что бабушка, как и дедушка, была родом из Череповца. Он видел фотографию матери бабушки. Это была ничем не запоминающаяся старушка в платочке, завязанном под подбородком. В глазах у нее застыла скорбь. И отчего это русские старухи всегда столь безрадостны. Даже когда они смеются, кажется, это смех сквозь слезы. Вот только бабка Власиха (как ее все звали по фамилии Власова) была веселая. Все поселковые старухи ее очень уважали, и когда она умерла, на похороны пришли сотни людей. Хоронили с музыкой, что считалось признаком достатка. Иван помнил Власиху за ее чистый звонкий голос, рвущийся из тщедушного высохшего тельца в длинной грубошерстной юбке и потертом мужском пиджаке. Бабка Власиха верховодила в своем доме, и мужики у нее ходили по струнке, да и образованные были, не пили до чертиков.

Дом Власихи стоял за большими деревьями вдоль речки. В поселке ни у кого больше не было своего леска около дома. Летом дом был скрыт стеной зелени, но весной разлившаяся речка заливала понижение с деревьями, на которых нежно ворковали вороны, выражая свою воронью радость. Иван всегда останавливался и прислушивался к непривычным вороньим песням. Почему же хозяева не спилили деревья, размышлял Иван, не ворон же ради!.. В самом деле, не такие как все жили там люди. Было у них что-то свое, непонятное.

Бабушка всегда с тихой завистью говорила о Власихе. Дал ей Бог хорошего мужика, и дети вышли ладные. Один даже инженер в Ленинграде. Свою замужнюю жизнь бабушка представляла как сплошной серый ком.

- Только в девках и радость была... - она устремлялась взором в далекое прошлое, - мама была тихая скромная женщина, отец, хотя и строгий, но добрый. У него до смерти сохранились здоровые, желтые от махорки зубы, не то что у тебя. С сестрой Капитолиной жили душа в душу. Она, правда, рано замуж вышла за купца и уехали они в Екатеринбург. Мужа-то ее потом посадили на 10 лет, а до того они хорошо жили. А я как замуж вышла, все наперекось пошло. Дедка зарабатывал хорошо, на паровозах ездил, сперва кочегаром, потом помощником машиниста, а скоро

и машинистом стал. Пил он с 12 лет, курил с 7. Как запьет после получки, так пока все деньги не спустит, не успокоится. Договорились мы с ним, что сразу после получки идем на ярманку и закупаем продукты.

Тут она воодушевлялась, вспоминая былое изобилие.

- Бабушка, - спрашивал Иван, - а говорят, что до революции плохо жили, бедно?..

- Не знаю, может где-то и плохо жили, да не хуже, чем теперь. А у нас в Череповце все было. Революция эта для нас что была, что нет. И потом еще долго жили в достатке. С дедкой-то мы, как придем на ярманку, так глаза разбегаются. Крестьяне чего не навезут, и все добротное, дешевое. Купим голову сахару, да полбочонка масла, да мешок муки, да еще всякой всячины, возьмем телегу, чтобы домой все отвезть. И дедко бегом в пивную. Вечером извозчик в окно стучит кнутом, дескать, забирай свое сокровище, пока теплое. И так целую неделю, а то и больше... Как умерли отец с матерью, решили уехать. Думала, лучше будет на новом месте. Приехали сюда, купили дом, корову, а все то же осталось. Потом голодные годы пошли. Ну мы, правда, особенно не страдали. Огород большой, картошки много, капуста своя, морковь, свекла, да грибов соберешь, ягод, да дедко то рыбы откуда-то привезет из поездки, то мяса. Пить ему, сердешному, нечего было, дык хлестал деколон да денатурат, да политуру. Порода у них здоровая, все в роду пьянчуги были...

Бабушка жевала беззубым ртом, словно заедая свои воспоминания, и смотрела в соседский огород прямо за окном, где тетя Настя со своей снохой окучивали картошку. Из мира своего прошлого бабушка словно выныривала и осуждающим тоном говорила: «Уж больно быстро Клавка обабилась, вон, задницу отрастила!..»

Иван, все еще под впечатлением ее воспоминаний, поднимал голову и, проследив ее взгляд, тоже поворачивался к окну.

- Осенью еще провожала Настиного младшего в армию, так девушка как девушка была, - продолжала бабушка, - всплакнула, говорят, обещала ждать, а через месяц старший брат из армии пришел, так она за него выскочила... Теперь, вот, плывет, как на дрожжах...

- А как младший-то посмотрел на это дело, - хихикнул Иван.

- А никак, ты же знаешь, рохля он... Да ну их... Разберутся!..

Не такой уж он рохля, думает Иван, просто добродушный... Он вспоминает, как давным-давно Вовка обещал ему дать стрельнуть из самодельного ружья-поджоги, когда он чуть подрастет. Но пока Иван подрастал, медную трубку-ствол разорвало прямо у Вовки перед носом. Каким-то чудом его совсем не задело, но поджог он больше не делал.

Ничего хорошего Вовка о своей неверной невесте, конечно, не думает, но вряд ли он станет враждовать со старшим братом из-за этой бабы. Не красавица ведь!.. Вообще непонятно что!.. Нагуливающая вес свинка.

- Ой, - спохватывается бабушка, - уйдешь ведь! Вдень-ка мне нитку в иголку...

~ 2 ~

Мы на земле, когда бывает туго,
Как в море, где не ходят корабли,
Плывем, и нет спасательного круга,
Нет маяка, нет берега вдали.
(Расул Гамзатов)

Замерла душа, словно в небытии. Из туманных пределов давно ушедших дней поплыли воспоминания. Словно старая кинохроника проходят в сознании молодые лица, теперь постаревшие, стройные деревца, теперь выросшие, щебечущие птицы, давно отжившие свой век, красивые цветы, повторения которых тянут красоту из века в век. Приходит мысль, что человек похож на бездонный сосуд, в котором сверху плавают знакомые образы. Дальше в глубь они тускнеют, образуют какие-то странные композиции. А еще глубже клубится и вовсе нечто непонятное. Время льется в этот сосуд непрерывной струей, заполняя его прошедшей жизнью, в которой и свое, и чужое, и общечеловеческое. Оно собиратель творений, которые могут подняться из глубин сосуда и снова и снова ожить в памяти со всей первозданной ясностью. Их невесомость навалится вдруг невыносимой тяжестью на сердце или, наоборот, возьмет с собой в парящий полет. Засвербит в душе от совершенного когда-то неблаговидного поступка (Господи, зачем это было?!) или омоет

душу радостная тень кого-то давно бывшего. А то мелькнет зачем-то таинственный лик «Джоконды» из журнала «Огонек».

Пройдет хороводом нечто и вовсе бесплотное, но зацепит внутренние струны и отзовется сердце. Выльются слезы или стукнет в висках. Захолодеют ноги, или закипит мозг. Пройдет по телу судорога беспокойства, или расслабятся мышцы, как кисель. Как будто и голова пустая, нет никаких мыслей, а что-то шевелится в душе, словно чужеродное. И внезапно что-то захочется, кудато потянет, подумается о чем-то некстати. Или греза придет сладкая и захочется остаться с ней подольше, но она как пришла, так и ушла. А все же иногда оставляет что-то на память и годами помнится, словно и не греза то была, а явь.

Зачем дано человеку смотреть в себя?.. Ах, да!.. Познай себя, познаешь мир. Грех сомневаться в мудрости древних греков, но все же... с греха пошло знание и, не совершив его, ничего о нем не узнаешь. Напрасны все наставления мира.

«Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом.
А жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом».
(М.Ю. Лермонтов)

* * *

В 4 утра по дверной ручке с той стороны гремит ключ.

- Приготовиться на оправку, - доносится металлический голос.

На нарах начинается шевеление, только Саша остается без движения.

- Эй, дежуришь сегодня, - толкает его Михаил.

Это значит, его очередь нести вонючую парашу - жестяной бак с крышкой для мочи. Проходит минут 20 и в двери громыхает ключ. Врывается облако прохладного свежего воздуха. Надзиратель стоит рядом с открытой дверью и командует: «Выходи».

Первый выходит Михаил, зыркая по сторонам. За ним гуськом следуют остальные, руки за спину. Замыкает цепочку несущий парашу. Они идут по дощатому настилу галереи с перилами. На противоположной стороне такая же галерея. Так на всех четырех этажах. Между галереями вниз уходит огромный провал, но на каждом этаже над провалом натянута металлическая сетка. Говорят, что когда еще не было сетки, некоторые заключенные бросались вниз головой, и правосудие оставалось с носом. Какого-то докучливого надзирателя однажды сбросили не то с третьего, не то с четвертого этажа. Тогда-то и натянули сетки.

Туалет находится в самом конце галереи. Сокамерники идут мимо многочисленных дверей камер, очки которых закрыты заслонкой, и никому не приходит в голову заглянуть в чужие камеры. Надзиратель тут же может отправить в подвал, в карцер, а там ничего хорошего. Но на противоположной стороне обычно следует встречная цепочка, и две камеры с любопытством рассматривают друг друга. Разные цепочки походят друг на друга как паровозы одного типа. Да и отдельные субъекты, их составляющие, различаются не более, чем галереи портретов членов ЦК, вывешиваемые на праздники на парадные фасады в людных местах. Жесткая типология господствует в обществе и физиономистика ее броский показатель.

Тюремное крыло кончается огромным арочным окном, из которого видна свобода. Шествие камерников замедляется. Все взоры устремлены за стену с ажурными витками колючей проволоки поверху. Проспект Комсомола немноголюден и тем приятнее видеть непринужденно двигающиеся фигуры людей. Никто из них не подозревает о той гамме чувств, что проносится в душах людей, смотрящих на них сквозь решетку. Свобода завораживает самым банальным своим обличьем. Вот идут две стройные девушки, усиленно жестикулируя. На них можно было бы смотреть очень долго и рисовать в воображении заманчивые картины. Однако надзиратель поторапливает, и все заходят в сырой, необыкновенно мрачный туалет.

Стены покрыты висячей влагой. Стоит одуряющий запах хлорки. Слабая лампочка едва способна светить и создает не свет, а какую-то липкую серость. Бетонный постамент с дырками журчит вечными струями, брызги от которых щекочут склоненные над ними зады. Все мрачно сосредоточены, и только Михаил кричит Саше, чтобы он не драл парашу с хлоркой, чтобы не пахло

в камере. У Михаила богатый опыт тонкостей тюремной жизни, и он знает, что нужно делать, а что не нужно.

Надзиратель заглядывает в дверь и приказывает поторопиться. Михаил ворчит, что не дают спокойно посидеть. В камере уже до того все обрыдло, что даже в зловонном туалете хочется посидеть подольше, а потом медленно, словно на деревянных ногах, двигаться обратно, оглянувшись, конечно, на свободу за стеной. Девушки прошли, но идут другие. Пыльные тополя. Серые дома, в которых, как и в камерах, сидят люди. Но у них нет ощущения потери свободы. Можно сидеть дома, никуда не вылезая по целым дням, но зная, что каждую минуту можно куда-то отправиться, что-то поесть, с кем-то приятным пообщаться и множество другого, что и составляет свободу какой бы тусклой и неинтересной она не была. Человек часто не удовлетворен тем, что имеет. Ему хочется что-то такое... что он и сам не знает. Побыть бы ему хотя бы несколько дней в тюрьме и тогда все, что было раньше и представлялось докучливым, приобрело бы великий смысл, о котором никто и не думает, - свобода! - пока не утратит ее и должен постичь много ощущений, от которых хочется лезть на стену и ничего нельзя сделать.

Камера тем временем проветрилась, и есть время еще поспать до завтрака. От ночного бдения тело Ивана стало словно ватным, а в голове стоит серый ком. Он вытягивается на тюфяке и ощущает, как из тела уходит напряжение, и оно становится невесомым, куда-то уплывая. О, тюремное блаженство забвения!..

* * *

Солнце льет без удержу в дворик между домом и бревенчатым сараем. Земля покрыта мягким прохладным ковром ромашки. Бабушка протянула от сарая к изгороди длинную веревку и, подперев ее посередине шестом, вешает на нее выстиранное белье. Ваня медленно ходит по двору. Солнце и густая зелень пропитывают его маленькое тщедушное тельце, наполняя его ощущением несказанной радости. Все так хорошо, вот только петух вызывает опасение. Он важно расхаживает неподалеку среди нескольких куриц и неодобрительно поглядывает на Ваню. Время от времени петух склоняет набок голову, отчего его огромный красный гребень свешивается, и быстро-быстро кокочет. Курицы подбегают к нему, зная, что он что-то нашел, и петух галантно угощает своих подруг. Кому-то из них достается сочная зеленая гусеница, и петух доволен собой. Но этот маленький человечек, чуть выше петуха, ему не нравится: ходит тут зачем-то.

Медленно дефилируя по густой траве, курицы приближаются к Ване. Они не обращают на него внимания, и он их не боится. Но петух с его высоко поднятым хвостом смотрит жестко, и Ваня замирает, глядя на него. Вдруг петух решительно подскакивает и, слегка подпрыгнув, клюет Ваню прямо в лоб.

Бабушка слышит отчаянный вопль и, мгновенно обернувшись, видит поверженного внука, рядом с которым гордо стоит петух. Негодование захлестывает бабушку. Она бросается к орущему во всю силу Ване, хватает его на руки и пытается догнать петуха, чтобы дать ему хорошего пинка. Петух, не теряя осанки, бочком спешит в сторону, выражая свое петушиное недоумение коканьем. Не догнав петуха, бабушка несет перепуганного Ваню в дом и с порога кричит деду: «Под топор его, негодяя!..»

Дед откладывает газету и, ничего не понимая, смотрит на бабушку. «Вот... полюбуйся... что твой любимец сделал», - бабушка подносит Ваню к самому лицу деда, и тот видит посередине лба внука кровоподтек. «Да что это?.. Петя что ли?..», - вопрошает дед с изумлением. «А кто же еще... Чуть не убил парня!.., - кричит бабушка, - В кастрюлю его, и все тут». Дед, наконец, осознает, что случилось. Растерянно поглядывая на набухающий кровоподтек, на который бабушка делает примочки, дед бормочет: «Ах, он, мерзавец». Потом он решительно выходит в сени и появляется на крыльце с топором в руке. Петух забегает в сарай, но этим лишь облегчает деду свою поимку.

Вскоре дед появляется в доме и объявляет Ване, что больше ему бояться нечего. Вечером будет праздничный суп из обидчика. Ваня уже успокоился и ему непонятно, почему петух будет в супе, ведь дедушка так любил его. Бывало, сидят они с дедом на лавочке у огородной изгороди, и дед с восхищением разглядывает петуха.

- Ты посмотри, какой красавец... ах, подлец, до чего хорош!..

Петух вдруг бросается на курицу. Она удирает, но петух настигает ее и оседлывает, ухватясь клювом на перья на шее курицы.

- Деда, зачем петух курицу бьет?.. - спрашивает Ваня.

- Это чтобы она яичко снесла, - поясняет дед, - ведь любишь яички!..

Ваня совсем не понимает, причем тут яички, но раз дед говорит, значит, так оно и есть. Дед сворачивает цигарку и выпускает вонючее облако махорочного дыма.

- Деда, а облака на небе - это от того, что все курят?..

- Ну, не только от этого, вон труба кочегарки смотри, как дымит, - дед указывает пальцем на далекую трубу лесозавода.

- Дык, ведь из трубы дым черный, а облака белые, - пытается добиться ясности Ваня.

- Облака - это туман, пар, - терпеливо разъясняет дед.

- А-а, это как у бабушки в чане, когда она белье кипятит...

- Вот-вот! - радуется дед смышлености внука.

Хлопает дверь дома. Бабушка приносит миску с кусками вареного желудочного рубца.

- Ты не ешь!.. - приказывает она Ване.

- А что, мясо как мясо, - возражает дед и режет рубец, напоминающий резину, на мелкие кусочки.

- Попробуй, - предлагает он кусочек внуку.

Ваня жует рубец и, хотя он не жуется, вкус у него вполне приятный. И что это бабушка всегда корежится от него, когда варит рубец для деда. Мать тоже не желает его есть, предпочитая голую картошку.

И вот теперь суп из петуха. В доме устанавливается небывалый запах. Мать, придя с работы, шумно втягивает в себя воздух, еще ничего не зная. «Господи, что это тут у вас?..» - с удивлением поднимает она брови.

- Вона, полюбуйся, - машет бабушка рукой на Ваню, - петух проклятый!..

Мать приседает перед Ваней и вглядывается в кровоподтек. «Да что ты у меня такой невезучий, хорошо еще не в глаз», - причитает она.

Несмотря на злодеяние, суп из петуха признан классным. Обсуждается проблема покупки нового петуха. Ведь два-три, а то и четыре яйца в день, а время голодное, и что впереди, неизвестно.

Отойдя в угол, бабушка смотрит на темные лики трех икон в золотистых оправах, что-то шепчет и крестится.

Зимой Ване разрешили выходить за калитку на проселок, до проезжей дороги. Среди глубокого снега тянулась узкая тропа, только двоим разойтись. Особенно тут не разгуляешься, но зато иногда можно потолковать с соседскими ребятами, особенно с Вовкой, который немного старше Вани. Сестренка его ровесница Вани, но с ней неинтересно. Она только фыркает и ничего сказать не может. У них такие круглые красные щеки, и Вовка как-то спрашивает: «Ты чего такой дохлый?..»

- Я не дохлый, - отвечает Ваня, - дедушка говорит, что у меня кости тонкие...

- Наверное не такие, как эта, - Вовка показывает на огромную кость, лежащую на снегу недалеко от тропинки.

Ваня завороженно смотрит на кость: откуда она взялась?.. На кости краснеют пятна.

- А она живая, - говорит Вовка, зная, что Ваня доверчивый, и он слегка рычит сквозь зубы, - слышишь?..

И правда, Ваня отчетливо видит, что кость живая. Она не только рычит, но, вроде бы, шевелится. Ване страшно. Вовкина сестренка, как обычно, фыркает и втягивает зеленые сопли под носом. Ваня убегает к своему дому по тропинке, как по траншее, спотыкается, падает и бежит дальше, закутанный множеством одежд. В окне дома видна бабушка. Она силится понять, что происходит на улице. Перевалив через порог, Ваня сообщает ей, что там лежит живая кость и рычит. Бабушка распутывает шарф у него на шее и вздыхает: «Смеется это Вовка над тобой». Ваня поправляет бабушку, утверждая, что Вовка хороший, только вот говорит, что Ваня дохлый. Бабушка опять вздыхает: «Так ведь у них корова, поросенок каждый год, а у нас только тощая коза, и молока-то от нее едва два стакана. У них семья, а у нас - так, все норовят куда-то в сторонку, а дедко из пивной бы не вылезал».

Ваня сидит у гудящей плиты и вспоминает, что подвыпивший дед обычно приносит ему из пивной ириски - такие твердые сладковатые квадратики, которые можно долго сосать, а потом жевать, как смолу. Нужно только очистить ириски от махорки, которая густо приклеивается к ним у деда в кармане.

Хорошо сидеть зимой у печки и думать о лете. Как там коза в сарае. Холодно ей, наверное. И титьки ее, торчащие в стороны, поди, мерзнут. Смешная она, когда, открыв свою розовую пасть, тянет: бе-е-е... Ваня уже выше козы и таскает ее за рога по двору. Коза покорно идет за ним, но потом вдруг упирается, и ее никак с места не сдвинуть. Как-то Ваня решил прокатиться на ней. Коза пронесла его два шага и сбросила на травяной ковер прямо в кучку сочного куриного помета. Давясь табачным дымом от смеха, дед кричал с лавочки: «Сломаешь козу-то, ой, не могу!..»

Больше коза не подпускала Ваню к себе, отбегая подальше и глядя на него с укором. Дескать, вот еще, лошадь нашел.

А вокруг синело, зеленело и переливалось множеством оттенков лето. Громко кричали проносящиеся стрижи. Пахло скошенной травой из огорода. Всем своим существом Ваня впитывал благость мира, разлитую в нем.

- Бабушка, я посмотрю в огонь? - просит Ваня.

- Ну, посмотри... только немного... всю плиту закоптил уже... - бабушка что-то режет на столе и вполоборота наблюдает, как внук открывает печную дверцу. Из топки выползает завиток дыма. А внутри пощелкивают горящие дрова, и языки пламени исполняют свой древний танец. В красных головнях пробегают сполохи. Появляются темные пятнышки, но тут же снова краснеют. Завораживающая картина.

- Закрывай, дыму напустил, - кричит бабушка, и Ваня неохотно лязгает дверцей. Без видения огня стало скучно.

~ 3 ~

О наша жизнь, где верны лишь утраты, Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты,
И где навек минувшее одно.
(В.А. Жуковский)

Плывут в небе белые птицы, а где-то изможденные вихри черемуховых лепестков оседают на воду. Она мчит мерцающие блестки в непонятную даль, где что-то синеет. Замирает струйный лепет. Незримые хоры устремлены звучанием в будущее, и кто-то смотрит из травы в глубину Вселенной. Притягивает цветочные головки огненный лик, и трепещут поденки дрожащим облачком у воды. Принесет ветерок пряный аромат чего-то и вот он уже исчез, так и непонятый, кому-то еще нужный. В туманной дали шевелятся чьи-то тени, переливаясь с пустотой и невидимая птаха скрипит и трещит на все лады где-то рядом. Струится серебристый воздух во всеохватывающем томлении. Даль приблизилась и слилась с близью. Все сделалось единым, плывущим в самом себе в сладком шелесте.

Уходит дневное марево, и звездный бисер шлет Земле мерцающие приветы далеких миров. Из космических глубин доносится дыхание непреходящего, и кто-то затаивается под кустом, а кого-то влечет внутренний зов слиться с дыханием вечности и, забыв цветы и пауков, приобщиться к великим тайнам бытия, уйдя от времени.

Тикают ходики на стене избы, гонимые земным тяготением, и торжественно бьют часы в богатых футлярах под гнетом скрученной пружины. Время стучит бесконечностью в души людей. Каждый миг отодвигает предыдущий, чтобы тут же быть отодвинутым. Не войдешь дважды в реку - сказано Гераклитом из Эфеса задолго до Рождества Христова. Сквозь тысячелетия видим мы светильники древних, молившихся за нас. А время стучит, но не каждый идет за своей звездой, но не каждый зажигает свой светильник для идущих следом. Звезды тянут время, как Земля тянет тело. Души наматывают на себя отведенный кусок времени вместе со всем жизненным скарбом, легшим в этот кусок невесомыми тенями. Память наша хранит наше благочестие и наши преступ-

ления. Она сжала наше время в клубок и дает нам возможность снова и снова обратиться к давно ушедшему. В этом клубке и собственный путь, и разные пути человечества. Судьба укажет, когда нужно сопоставлять и оценивать. Зачем это задумано?.. Много вопросов, остающихся без ответа, но когда встанет этот, дано будет понять, хотя не сразу. Сначала работа, потом расплата.

Рвет тяжелую тишину железо о железо. «Завтрак», - провозглашает надзиратель за дверь., зашуршав крышкой волчка.

Минут через пять гремит телега, распахивается окно, называемое кормушкой: «Хлеб, братцы!..» Вадик вскакивает и принимает пайки. Кормушка захлопывается, но ненадолго. Гремят миски, и вскоре Вадик передает всем горячий тюремный суп из костей камбалы, которую поймали, вероятно, еще до Великого Октября, и мясо на костях истлело. Выбора, однако, нет. Камера голодная, т.е. передач никому не несут, и когда вчера Иван ловил за решкой коня с махоркой из камеры сверху и увидел вдруг за стеной, на свободе, женщину, машущую кому-то в тюрьме связкой баранок, то у него пронзительно засосало в желудке. Да еще чуть в изолятор не угодил. Надзиратель застукал его на окне. Едва успел Иван мотнуть спичечным коробком вокруг решки, чтобы не упала во двор такая ценность. Он ощущал даже признательность надзирателю за то, что тот не сдал его в карцер, пожалел.

Некоторые кости мягкие, и если аккуратно жевать, то можно и проглотить их. Главное - не смолотить сразу все 400 грамм хлеба. Тогда-то, конечно, насытишься, но зато вечером будет совсем худо.

В камере слышно только чавканье и бряканье ложек о миски. Но это длится недолго. Суп, от которого с презреньем отвернулись бы даже не слишком воспитанные собаки, исчезает в требующих свое желудках удивительно быстро. Остается выпить кружку горячей воды - на десерт. При этом можно медленно жевать хлеб, превращая его во рту в кашицу, с которой не сравнится никакое пирожное, которое кто-то где-то бесстрастно пожирает на свободе.

Михаилу проще всех в этой камере. За многие срока его организм прекрасно освоился с недостатком питания и всем остальным. Да и недостаток у него бывает редко. Это здесь вот вышел такой прокол, что никому ничего не несут. Он отбрасывает к двери миску, встает с нар и, размяв плечи, молодцевато всех оглядывает. Он, и в самом деле, бодрый, а когда снимает грязную рубашку, обнажается его мускулистое, как у гимнаста, тело со множеством наколок. Походка у него типичная для вора в законе. При каждом шаге вместе с ногой вперед слегка выдвигается плечо, а руки повернуты ладонями вперед. У него характерная речь: слова произносятся при слегка растянутом рте, с оттяжкой. Это специфический диалект, на котором говорят, особенно когда желают показать, что они не хухры-мухры, а тянули сроки.

Михаил смотрит, как Иван сосет хлеб, запивая горячей водой, и плоско шутит. Иван для него - постоянная мишень. Ему хочется вывести Ивана из себя, но тот молчит. Их неприязнь друг к другу возникла сразу, как только Ивана переселили в 348-ую камеру.

Войдя в камеру, и еще не рассмотрев ее обитателей, Иван приветливо поздоровался. Двое молодых на нарах дружелюбно ответили, и только Михаил, сидящий по-турецки на обшарпанной тумбочке под окном, смотрел на него молча и насмешливо. Иван осмотрелся, определяя свободное место и удивляясь, что в камере так мало людей. Вдруг чернявая, какая-то лошадиная физиономия произнесла из-под окна:

- Какая битая морда!..

Иван оглянулся на него, не сразу сообразив, что сказанное относится к нему. Не может же так быть, чтобы человека встречали, впервые видя, враждебно. Он увидел прищур и блестевшие в оскале фиксы, низкий лоб и мощную нижнюю челюсть. Отвращение разом всколыхнуло его.

- Ты еще не бил ее, - резко ответил Иван и тут же пожалел о реплике. Стоило опять вступать в драку.

- Так может попробовать?.. - еще больше засветился оскал.

Иван отвернулся и спросил у сидящего на нижних нарах парня, где свободное место. Тот показал пальцем над собой. Иван оперся руками о края обоих нар и, не вставая на нижние, легко забросил свой зад на указанное место. Не глядя на тумбочку, он ждал в напряжении - придется драться или нет. Но с тумбочки уже вполне миролюбиво прозвучал вопрос: «Какая статья?»

- 89-ая, 144-ая, 18-ая, - безрадостно ответил Иван.

- О, да ты, коллега, полкодекса нацеплял, - усмехнулся низкий лоб, - магазинчики работал, да квартирки, и с перышком гулял.

- Нет... ларек, три велосипеда и два кастета.

- Ну, - разочаровался допрашивающий и тут же постарался уточнить, - групповуха?..

- Нет, один.

Сидящий на тумбочке помолчал, потом сказал: «Ты не боись, тут утки нет...»

Иван подумал, что его самого за утку почему-то сразу не признали. Может, у него и в самом деле «битая морда». Помнится, 267-ую камеру - первую его камеру в Крестах, целиком таскали к оперу за то, что Иван долго возился с конем на окне, и охранный офицер со двора пару раз прокричал ему, чтобы слез. Он запомнил камеру и пришел в нее, но не узнал того, кто был на окне. Издалека все заключенные так похожи друг на друга.

Офицер повел всю камеру к оперу. Пока шли, круглолицый Витя прошипел Ивану: «Молчи». Семь бритоголовых серых людей вошли в сияющий кабинет опера. Офицер доложил, что кто-то из них болтался на окне и проигнорировал (он отчеканил это слово) его приказание слезть. Опер, сверкая пенсне, обвел всю группу медленным взглядом.

- Да, физиономии, что надо, - сказал он с отвращением и, открыв пачку «Казбека», достал папиросу.

- Ну, кто? - спросил он, зажигая спичку и поднося ее к папиросе в то время как пенсне его бросало лучики на заключенных.

Никто не шелохнулся, и семь пар глаз смотрели на него, как на стекло.

- А вот всех в карцер... - подкинул перспективу опер.

Все молчали, с вожделением глядя на сизые облака ароматного дыма. Иван почувствовал угрызения совести и колебание. Нехорошо, если все пойдут из-за него в карцер. Но долго колебаться ему не пришлось. Оперу уже надоело рассматривать эту малопривлекательную кучку людей.

- Лишить камеру прогулки, - приказал он, и все двинулись обратно в камеру.

- Вот видишь, обошлось, - ободрил Витя Ивана, когда все расселись по нарам, - а что не погуляем, так то не беда.

В 267-ой камере все, кроме Ивана, были рецидивисты. Это обстоятельство долго угнетало его. Он решил, что раз его поместили в такую камеру, значит он тоже идет как рецидивист, поскольку у него уже была судимость. Потом, правда, выяснилось, что это не так. Народ в камере менялся, и постепенно появились и другие перворазки.

Но первый состав камеры, в который он влился, ему запомнился. Рецидивисты оказались совсем не злыднями. Среди них было трое в законе, и именно законники относились к нему доброжелательно и постоянно подбадривали его. Передачи, хотя и редкие, распределялись честно, и Ивану доставалось столько же, сколько и другим, хотя сам он передач не получал. Но никто даже не спросил, будут ему носить или нет.

У рецидивистов большая лагерная практика, и дни проходят в постоянных воспоминаниях о разных «командировках», о знаменитостях лагерей, о всевозможных правилах, шарашках, бурах и т.д. О свободе вспоминают меньше. Видимо, это связано с тем, что многие жили на свободе, в основном, в детстве, а потом только бывали на ней, как в отпуске.

Иван часто вспоминал Гришу. Ужасный шрам от лезвия топора пересекал половину лица Гриши Ему было 42 года, хотя казался он глубоким стариком. Его 11 приговоров в общей сложности составляли 75 лет. Досрочные освобождения накопили ему сроков более чем вполовину всей его жизни. Еще в молодости, когда он утверждал себя в законе, он получил удар топором по голове. Иван всегда содрогался при мысли, как можно ударить человека лезвием топора по лицу. Ну... обухом по темени... это еще возможно, когда иного не дано, выбора нет.

От спанья под открытым окном у Ивана воспалился тройничный нерв, и правая сторона головы стала болезненной и припухла.

- Ты скажи дежурному, чтобы лепилу[1] вызвал, может, он таблетки даст какие, - посоветовал Витя.

Для вызова надзирателя имеется кнопка, при нажатии которой у камерной двери откидывается флажок, и дежурный уже издали видит вызов. Иван, однако, не решился звать надзирателя, а дождался оправки, да и тут чуть было не забыл, спохватившись, когда уже закрывали дверь.

- Товарищ надзиратель! - крикнул он, подскочив к двери.

[1] Фельдшер

- Какой он тебе товарищ, - усмехнулся Витя.

Сидящий на нарах Гриша поднял голову: «Тамбовский волк теперь тебе товарищ, пора бы уже шмендеферить».

Иван, конечно, еще на свободе знал, что к мусорам надо обращаться «гражданин начальник», но тут как-то импульсивно выскочило, впопыхах. Дежурный ушел, не среагировав на «товарища». Было слышно, как на оправку отправилась соседняя камера. Пока вся галерка не сходит в сортир, нечего и думать, что надзиратель подойдет к камере с откинутым флажком и, открыв кормушку, спросит: «Ну что там у вас?..»

* * *

- Ванюшка, пойдем в огород ягоды собирать, - предлагает ласково бабушка.

- Пошли, пошли, - радостно торопит внук.

Он любит бывать в огороде. Тут столько интересного: и две сосны с теплыми стволами, и бочажок с водой у болотины, где плавают какие-то странные существа и растут травы, которых нет во дворе, и красивый лужок с обилием цветов, среди которых пасутся птицы. Они почти черные, и носы у них длинноватые и острые. Ваня медленно придвигается к птицам и певуче говорит им, что они хорошие. Вытянув шеи из травы, птицы смотрят на Ваню, потом улетают... «Чего вы боитесь?!.» - кричит им вдогонку Ваня. Он очень огорчен. Вот если бы можно было стоять рядом с птицами и разглядывать их. Они такие интересные. Что они ищут в траве?! И говорят они по-своему. Почему они не подпускают к себе, как курицы?!

Мысль задерживается на птицах, хотя они давно улетели; Ваня еще не знает, что птицы будут интересовать его всю жизнь. А пока он бредет по лужку, радуясь, какие здесь разные цветы. Ярко-желтые чередуются с нежно-розовыми, лохматыми, а подальше белые головки кашки, которую можно есть. А вот большой лопух. Бабушка привязывает лист лопуха на ночь вокруг колена, чтобы оно не болело. Скоро дедушка скосит траву; он уже наточил косу. Когда трава высохнет, она станет душистым сеном, которое заполнит чердак сарая, а зимой его будет есть коза Катька.

Чуть повыше влажного луга стоит одинокая старая, корявая яблоня. Яблоки она дает очень кислые, зато цветет красиво. А вот два густых-густых куста. Бабушка говорит, что это - чайный куст, но чай из его листьев не заваривает. У забора растет большая вишня. Она тоже красиво цветет, а вишни бывают не каждый год. Дедушка говорит, что у нее цвет морозом побивает. Под вишней крапива. Бабушка ее обычно выдирает, поскольку внук как увидит ее, так обязательно ошпарится. Но не доглядеть бабушке за всей крапивой, участок большой. За сараем крапива растет зарослью, но Ваня туда не ходит. Бабушка говорит, что там сам черт ногу сломает, а Ваня тем более.

Ветерок слабо шуршит в листве и траве. Теперь Ваня ходит между гряд и с удовольствием отмечает: укроп, морковка, репа, свекла, огурцы, помидоры. Больше всего, конечно, картошки, а из нее торчат кое-где подсолнухи, и их солнечные лики обращены к солнцу. Вдоль дальнего забора тянется ряд кустов черной смородины и крыжовника.

Бабушка собирает смородину в лукошко на варенье, Ваня - в рот. Наевшись, он помогает бабушке, но тут его внимание поглощает красный жучок с черными точками на спине.

- Это не жучок, а божья коровка, - поясняет бабушка.

- А почему божья и коровка, - Ваня смотрит в небесную синеву. По словам бабушки, там сидит где-то Бог, и непонятно, за что он держится и не падает вниз, да и самолеты его не сбивают; наверное, летчики объезжают его, когда увидят.

- Не знаю, - отмахивается бабушка, - так заведено.

Ей все чаще приходится ссылаться на «так заведено». Вопросы внука ставят ее в тупик.

- И что это ему в голову приходит такое, - вздыхает она про себя, - много думает, оттого и тощий такой. А много думать вредно, надо принимать все так, как есть, ведь то Божий промысел.

Но она тут же с горестью думает, что война кончилась, а какая радость от этого?.. Только, что не убьют... Ваня остался без отца при живом отце. Такой хороший был человек, и на кого же его променяли. Она не желала впускать в дом нового избранника дочери и говорила Ване, что человек, который провожает маму до калитки дома, - чужой, а у него есть настоящий отец, только живет он в другом месте.

Ваня стал большой, деду по пояс, и дед не нарадуется, глядя на него.

- Пойдем-ка, на рынок сходим, - предложил как-то дед в бабушкино отсутствие.

Ваня в восторге. Он еще никогда не был на рынке. И вот дед ведет его за руку сквозь толпу продающих и покупающих. Ваня постоянно спотыкается, ему некогда смотреть под ноги. Его воображение потрясено. Он не мог себе представить, что на свете существует столько разных вещей, которые можно купить и считать своими. Дед покупает здоровенную рыбину и, засунув ее в кошелку так, что торчит хвост, предлагает Ване заглянуть в стеклянный павильончик.

Тут столики, занятые громко говорящими мужиками. Стоит дымовая завеса. Дед с внуком подходят к стойке, за которой громадный мужик орудует пивным насосом. Он наливает деду большую стеклянную кружку пива и 150 г водки в стакан, кладет на тарелочку ломтик хлеба с кусочком селедки и плитку соевого шоколада. Потом дед ведет Ваню в уголок, где под огромным фикусом видны свободные места. В непрерывном гомоне и чаду дед подвигает Ване плитку шоколада: «Давай, милый», и торопливо опрокидывает в себя стакан. Крякнув, он берется за пиво: «А хошь селедку, так ешь», - кивает дед на тарелочку. Ваня ест хлеб с селедкой и заедает шоколадом, который приводит его в восторг. Там какие-то орешки, и все вместе так здорово!..

- Ты бабке-то не говори, что в пивную заходили, ладно? - нагибается дед к Ване, держа кружку с пивом.

Так это пивная и есть, - прозревает Ваня и обещает деду ничего не говорить бабушке.

Они медленно бредут домой, и дед объясняет внуку, что они видят вокруг. На мосту через речку Воняловку они долго стоят, опершись о перила, и смотрят в темную, струящуюся воду. Дальше начинается поселок, и скоро они сворачивают на свою улицу. У калитки дома их поджидает бабушка, и Ваня видит уже издали, что она не в духе. Он шепчет деду: «Бабушка злая!..». «Ну, ничего, отобьемся», - отвечает дед.

И точно. Стоило приблизиться, как бабушка закричала: «Ты куда парня водил, старый дурак!?».

- Да так, гуляли до рынка, рыбу купили, - с некоторой робостью говорит дед и тут же замирает. Спохватывается и Ваня. А рыба-то где?.. Дед смотрит на Ваню, Ваня на деда. Оба в замешательстве.

- В пивной забыли, - выговаривает Ваня с ужасом от того, что такая большая рыба осталась под фикусом.

- В пивной!.. - голос бабушки взлетает до небес.

Ваня чувствует, что проговорился и старается как-то загладить промах.

- Нет, нет, - кричит он бабушке, - это что-то другое было, вот смотри, - он показывает бабушке треть плитки шоколада, - это тебе.

Бабушка с ненавистью оглядывает деда, который горбится под ее взглядом и бормочет: «Ну, чего уж тут». Взяв Ваню за руку с шоколадкой, бабушка ведет его в дом. «Господи, и не лопнет у него утроба, пьянь проклятая!..». Она еще долго ворчит на тему об утробе деда, который сидит во дворе на лавочке и пережидает «бурю», зная, что идти в пивную за рыбой бесполезно. Она уплыла.

Ваня ест картофельную толкушку с молоком и думает о том, что дед, наверное, голодный. Он осторожно делится своим соображением с бабушкой, но она и слышать не хочет о том, чтобы позвать деда обедать. Ваня грустно идет во двор. Дед правит у сарая грабли и приветливо заговаривает с подошедшим внуком. Он уже давно разъясняет Ване назначение разных инструментов и показывает, как ими пользоваться. Сколько радости ему доставила стружка из рубанка, которая, наконец, появилась после многих попыток. Дед тоже доволен и, когда склеивает столярным клеем табуретку, говорит: «Ну, вот... готова наша мебель!..».

Появляется мама, последнее время постоянно надутая, как говорит бабушка. Теперь и дядя Леша заходит в дом, а она все равно надутая. Правда, бабушка с дядей Лешей не говорит и не здоровается, но дедушка доволен и обсуждает с дядей Лешей разные новости, о которых дедушка прочитал в газете. Ваня не знает, что ему думать про дядю Лешу, но раз бабушка его не любит, то и он не должен. Поэтому даже когда дядя Леша протянул ему конфету, он замялся: брать или не брать. «Да ты что дикий такой!.. - прикрикнула мама, - к нему с добром, а он!..». Она не нашла сравнения. Ваня взял конфету.

- Что сказать нужно?! - вскипела мама. Ваня пробормотал «спасибо» и красный выскочил в кухню, к бабушке. «Вот порода неблагодарная!..» - донеслось ему вдогонку.

За ужином хмурая мама, обернувшись к Ване и глядя в угол, сообщает: «Хватит дурака валять, теперь будешь в детский садик ходить». Бабушка поджимает губы. Дедушка поднимает брови: «Да что он, мешает что ли кому?!.». Мама молчит, и все глухо затихают. Ваня не знает, хорошо это или плохо - детский садик. Вообще-то ему и дома хорошо.

~ 4 ~

Невинная душа похожа на сосуд
Безмерной глубины, когда осадок тины
Попал в него сперва, то после хоть поток
Прозрачной, как хрусталь, струей в него вольется,
Сосуд, как океан, обширен и глубок.
И грязь на самом дне навеки остается
(Альфред де Мюссе)

Самый толстокожий представитель рода человеческого, для которого процесс мышления ограничен бытовыми нуждами, нет-нет, да и задается вопросами, ответов на которые нет. Что за ветерок коснулся его серого вещества, обычно служащего ему лишь наполнителем черепной коробки?.. Чаще всего это обида, несправедливость, жестокость, проявленная по отношению к нему. Личные горести поднимают в душе вихрь защитных эмоций, под давлением которых рассудок включается в широкие обобщения, привлекая все, что удалось узнать в жизни. И силится человек постичь: есть ли предел человеческой жестокости?.. Если вспомнить описания из истории, какие изощренные пытки люди использовали, то поневоле думается, что нет такого предела. Как часто и в разных концах мира люди не просто убивали друг друга, но старались сделать этот процесс протяженным, чтобы человек умирал в мучениях. Обливали водой на морозе, проращивали через привязанное тело бамбук, четвертовали, жгли на малом огне, вырезали из тела полосы, подтягивали пятки жертвы к затылку пока не сломается хребет, и многое другое. И при этом испытывали удовольствие. Ведь с какой радостью смотрела толпа на распятие Иисуса Христа и двоих разбойников с ним!.. Одного, говорят, помиловали, согласно пасхальному обычаю, но разбойника с большой дороги, а не того, кто призывал возлюбить ближнего, как самого себя.

Да и почему его должны были помиловать?.. Судьи-то кто?.. Богоизбранный народ, вся история которого, согласно Ветхому Завету, состоит из жестокости, обмана, вероломства. Невозможно читать это «священное писание» без чувства омерзения. Что еще можно ожидать от боговдохновенного учения, если сам вдохновитель дает своему народу «землю обетованную», на которой нужно сначала уничтожить всех уже давно живущих на этой земле. С подобным вдохновением что еще можно сделать со смутьяном, проповедующим всеобщую любовь, кроме, как подвесить его на гвоздях, чтобы помучился. Потом скажут, что он принял все грехи людей на себя.

Правда, согласно евангелисту Матфею, Иисус принес людям не мир, но меч. Голубиная его кротость вполне уживалась с пониманием того, что за себя надо постоять. И хотя якобы говорил Иисус о правой щеке, которую нужно подставить, коль ударили по левой, всякий православный хватался за меч, в крайнем случае, за кол, получив пощечину. Сама церковь, выдавая себя за невесту христову, благословляла такой стиль поведения не только при угрозе вражеского закабаления, в том числе и самой церкви, но и при расширении своего господства над душами тех, кого она еще не коснулась. Нальет ложку кагора, сунет на закуску черствую просфору, а потом потребует бочки меду и туши мясные. Все это было еще тысячелетия назад, в древнем Египте, когда сами фараоны приносили в жертву богам тысячи быков зараз. У жрецов, наверное, животы лопались от обжорства. Нет никаких свидетельств о том, что жрецы делились излишками с простолюдинами и рабами, как нет их в более поздних религиях, даже в буддизме - единственной религии, в которой нет ни слова о насилии ни над телом, ни над духом, что, впрочем, не мешало адептам буддизма убивать друг друга и обогащаться некоторым за счет других, хотя сам Будда Гаутама отказался от царского наследия и, получив прозрение в отшельничестве, учил добру. Однако одно дело теоретическое знание, другое - практика жизни.

Проповедавшееся учение о добре во все человеческие времена было однозначным, направленным, прежде всего, на отношения между самими людьми. Еще среди каннибалов находились отдельные представители, вдруг осознавшие, что нехорошо пожирать человека. Потом находились

отдельные личности, признававшие, что нехорошо приносить человеческие жертвы (хотя бы и врагов своих) богам. Уже в древнем Египте эта мода отошла, хотя одновременные финикийцы ее еще придерживались. В Америке, заселенной человеком много позднее других континентов, человеческие жертвы богам приносили вплоть до появления испанцев. Можно заметить связь между прекращением человеческих жертв и осознанием единобожия, которое в древнем Египте не было всеобщим, но только прерогативой жреческой касты посвященных, тогда как простой люд оставался языческим. Мы не можем знать, чем руководствовались жрецы: то ли соображениями гуманизма, то ли пониманием, что от живого, полностью подчиненного человека, больше пользы. Устранение обряда человеческих жертв не мешало рабовладению. Не помешало ему и единобожие, ставшее всеобщим, благодаря великим учителям, получившим космическое прозрение. Под разными именами у разных народов единый Бог использовался, прежде всего, теми, кого ранее называли жрецами, а позднее служителями культа, церковниками.

Когда на свет появляется ребенок, он не знает никакого бога и лишь по мере взросления проникается его идеей под влиянием окружающих его людей.

Любая религия была гуманной, ее каноны гласили о не нанесении какого-либо ущерба своему ближнему, а, наоборот, о помощи ему даже в ущерб себе. Но то было учение пророков, а присвоившие его церковники в большинстве своем, проповедуя благие идеи, обещая царствие небесное, занимались обыкновенным вымогательством, стараясь войти в аппарат управления народом, чтобы еще более росли доходы. До сих пор христианская церковь, огнем и мечом, пряником и кнутом завоевавшая сердца полмира, использовавшая в корыстных целях природную потребность людей во что-то верить, попустительствует нарушению заповедей Христа и, обрядившись в дорогие облачения, призывает людей к воздаянию и послушанию, когда ей выгодно. И люди, как стадо баранов, внимают лицемерным словам о любви и добре. И так им хочется верить!

Но прошло две тысячи лет, и люди отнюдь не стали добрее, как к тому призывал Сын Божий. Как до его появления на земле поднимали тучи пыли толпы людские, идущие уничтожать другие толпы, так и по сию пору происходит. Но теперь это делается более изощренно. Враги не стоят толпами друг против друга, размахивая мечами, как сотни лет назад. Развитие земной цивилизации шло по пути развития способности людей уничтожать друг друга. Похоже, что все остальное было только приложением к совершенствованию «военного искусства». Пращу заменили пушки, а обыкновенные булыжники уступили свое место в оснащении войска снарядам, минам, бомбам. Отпала надобность в богатырях, в поединках во чистом поле. Люди убивают друг друга издалека и даже не видя, кого!..

Их приучают к этому с детства, давая в ручки игрушечный автомат. Что там мушкетеры Дюма, тыкающие своими шпагами!.. Вот, когда уложить сразу десяток другой, и при этом даже не запыхаться - вот это работа!.. И руки чистые, разве что чуть смазочным маслом припахивают!.. И с верой в порядке; святые отцы учат тому, что врагов надо уничтожать, особенно иноверцев. А если враг того же бога почитает, все равно у него вера другая, просто потому, что он верит в то, что он прав, а правы мы!..

А что сердце?!. Это ведь просто орган кровообращения. Такой же мотор, как в танке. Пока пыхтит, делаем свое дело. Ну, а если подбили, значит, судьба!..

Но разве родился когда-либо хоть один ребенок, способный убивать или мучить свои жертвы?.. Разве его первоначальная беспомощность таит в себе будущие угрозы, когда он смотрит на мир широко раскрытыми глазами и жаждет добра, улыбаясь солнечному сиянию. Каждый червячок кажется ему носителем чего-то необыкновенного, священного. Он видит и слышит то, что недоступно взрослым, и пугается грозы, вносящей в природу непривычные диссонансы. В его незапятнанной душе отражается Эдем, будь то в шикарной городской квартире или в лачуге среди помоек. В соответствующем окружении он может долго ощущать рай на земле, как Поль и Вирджиния Бернардена де Сен-Пьера, которых обожал Наполеон Бонапарт, мечтавший о завоевании мира.

Но каждый ребенок не застывает в райском неведении, а наоборот стремительно поглощает знания из своего земного окружения. Того самого окружения, которое оберегает его беспомощность и дает ему шансы расти и развиваться. Сменяются райские кущи на человеческие потребы, по заданным обществом меркам. Познаются бесчисленные условности, мнимые блага, общественные стандарты, главным из которых является «быть как все». Невинная безмятежность вытесняется борьбой за существование, такое существование, которое сформировалось в душе в образах,

внушенных ближайшим окружением. Забыты невинные помыслы, чистота которых отвращается как бессмысленная пустота, и лишь в минуты вдохновения или великого страдания человек погружается в свои начала. Но окружение требует стряхнуть это никчемное занятие. Тут Вам, сударь, не лирика!.. Хочешь жить, умей вертеться.

* * *

Когда из 267-ой камеры ушли «с вещами» Гриша со следом топора на лице и мужиковатый Кузьма с 4 судимостями за кражи, вместо них появились длинный Сережа в коричневом костюмчике и элегантный Николай в чистенькой полосатой рубашке, при галстуке. Сережа мечтал приобрести хороший мотоцикл и, наконец, осуществил свою мечту, угнав «Яву» из какого-то питерского двора. Но долго ездить не довелось.

Сережина открытость и спокойная рассудительность внушали симпатию. Иван чувствовал, что внутренний строй Сережи заметно отличает его от других сокамерников и многих людей, которых Иван встречал когда-либо.

Зато элегантность Николая оказалась «липовой».Да и откуда ей было взяться. Совсем недавно Николай отзвонил последние 7 лет на Воркуте. Успел, правда, жениться, работал мастером на стройке, что и подвело. Не смог чисто и понемногу продавать стройматериалы. Зарвался. «Жадность фраера сгубила», - заключил Витя.

Иван спал теперь на нижних нарах, дождавшись своей очереди на полу. Новеньким пришлось расположиться на полу, хотя Николай бросил намек, что, хотя он и не в законе, но стаж у него солидный, и Иван должен уступить ему место. Воры промолчали, и Иван понял, что намек ими не принят, а стало быть он сам должен решить, как ему поступить. И он молча остался на нарах. Николай, вздохнув, расположился на полу под окном - помимо нар, это самое удобное место. Он, однако, затаил злобу на Ивана. Будучи язвенником, он очень мало ел хлеба и оставшееся демонстративно отдавал Сереже, который каждую ночь что-то жевал во сне, вкусно причмокивая.

Как-то разговор принял резкий оборот. «Да ты по мордам давно не схлопатывал», - с деланным участием проговорил Николай. Не вставая с нар, Иван парировал, что за «по мордам» он отвечает тем же. «Да ну?!.» - удивился Николай и наотмашь ударил Ивана в переносицу. Наступило секундное затишье. Воры посторонились. Иван провел рукой под носом, размазывая кровь, и встал. Вид крови взбудоражил его, хотя беспокойство, что предпримут воры, сдерживало его. Все же Николай ближе им, чем он. Не делая взмахов, Иван ударил противника в челюсть справа и тут же слева. В глазах Николая вспыхнул страх. Пока удары были слабые, но Иван понял, что воры не вмешиваются, и готов был измолотить Николая. Но тут о дверную ручку загремело и из-за двери донесся голос: «Это что тут происходит?..». Иван тут же сел на нары, Николай отступил в угол. Между нар, насвистывая, прошелся Витя. «Все в порядке, начальник», - обратился он к очку в дверях. На том дело и кончилось.

Через несколько дней, однако, вновь возникла стычка, теперь Николая с Витей. Трудно вообразить, что мог бы сделать крепыш Витя с мозгляком Николаем, работай он кулаками, которые у него были, как кувалды. Но схватка происходила в неизвестной Ивану манере. Опершись руками на нары так, что ноги не касались пола, противники, урча, грызли друг другу лицо. Все молча наблюдали. Надзиратель был, видимо, в этот раз далеко. Крутя головами, два представителя Homo sapiens старались поймать зубами выступы вражьего лица. Наконец, Николай преуспел и ухватил Витю за бровь. Он впился зубами в складку кожи с бровью, как в лакомый кусок, и зарычал. Вывернувшись, Витя спрыгнул на пол и, бросившись к параше, выхватил ее увесистую крышку. Николай вихрем взлетел на верхние нары и встал на них в рост, скрестив на груди руки, словно покойник.

«Ах ты, дешевка поганая, убью суку!.. - орал взбешенный Витя, - А мальчишку, падла, за что бил?». С крышкой параши в отведенной руке, сверкавший глазами сквозь подтеки крови, Витя был страшен, изрыгая на своего врага потоки великого русского языка трущоб. Николай словно застыл со скрещенными руками, глядя сверху вниз на своего противника. Его поза означала смирение и Витин запал скоро иссяк в потоке бешеной ругани.

Точно так происходит у враждующих собак и волков. Желающее сцепиться животное, обычно более сильное, чем избранный противник, ходит, подняв шерсть, вокруг своей предполагаемой жертвы, и рычит ей прямо в ухо, исходя яростью. Но жертва не желает принимать бой, по-

нимая неравенство сил, и лишь отворачивает морду в сторону, словно в упор не видит своего обидчика. Бой может произойти только в том случае, если потенциальная жертва огрызнется. Пока это не произойдет, нападающий может получить инфаркт от собственного бешенства, но не может переступить закон природы - броситься на смиренного противника.

Иван видел много драк и сам нередко бывал в жестоких схватках, но грызня Вити и Николая послужила для него жутким эпизодом в накапливающемся опыте жизни в то самое время, когда «Программа построения коммунистического общества» охватила широкие слои советского народа. Одним из пунктов этой программы было формирование нового человека.

Однако после съезда КПСС осенью может быть амнистия или комиссия, как это бывало после предыдущих съездов. Все очень ждут это событие и надеются. Важно лишь не схватить «постановление» в дело за нарушение порядка. А сколько уже было случаев, когда чудом проносило. С «постановлением» не уйдешь на свободу. А пока остается лежать и смотреть в потолок, где вырисовываются картины прошлого.

- Тает, как свечка, - сказал как-то один законник, глядя на Ивана, - гляди, не дотянешь до суда, не только до свободы...

Иван действительно ощущал постоянную пришибленность, придавленность, словно на него свалилась непосильная ноша. Все же его деятельная натура, с одной стороны способствовавшая придавленности из-за вынужденного бездействия, с другой стороны впитывала из окружения все, что было ему неизвестно ранее. Он узнал, что понятие «вор в законе» это вовсе не тот, кто не раз побывал в тюрьме и бравирует этим. Вор в законе это тот, кто добывает средства существования только воровством, неважно каким. Он может быть щипачом-карманником, взломщиком магазинов или квартир, складов, железнодорожных вагонов, грабителем простых людей, подставляя им к животу нож или пистолет. Оказывается, были законники, ни разу не сидевшие, т.е. работавшие так чисто, что никогда не попадались, хотя были известны в уголовном мире, посещая сходнякималины (своего рода съезды или конференции, на которых решались проблемы содружества или территориального деления работ, или иных взаимодействий). В былые времена «вор в законе» была престижная профессия даже с опознавательной униформой, главным элементом которой были хромовые сапоги (хромачи) гармошкой, к которым полагался хороший пиджак (френч). Держали себя законники с достоинством, поскольку в сапоге обычно носили изящную финку, которую, не размышляя, пускали в ход, как только им казалось, что к ним отнеслись без почтения. В лагерях законники тоже не работали, пока существовали зачеты (день за три, если выполнена норма). Это было придумано еще в сталинские времена. За законников работали мужики, соответственно выполнявшие 2-3 нормы, если сил хватало, одну себе, другую - своему «радетелю», который забоится, чтобы «его» мужика или мужиков не прирезал кто-нибудь.

Всю эту лагерную социологию Иван знал еще на свободе, общаясь с бывалыми людьми. Теперь зачетов не существовало, их заменили условно-досрочным освобождением по некоторым статьям Уголовного кодекса. Законниками теперь считались те, кто сидел несколько раз. Чтобы не попасть в БУР (барак усиленного режима), им приходилось работать, но они, разумеется, подыскивали соответствующую работу, чтобы не переламываться. Ветераны ходили в бане разукрашенные татуировками с головы до пят. Надписи вроде «Не забуду мать родную», соседствовали на телесах с каким-нибудь чертом с гитарой на полумесяце, портретами возлюбленных, а то и Ленина или Сталина, и даже крупными иллюстрациями с картин. Владельцы художественного произведения, вроде «Три богатыря», с гордостью сообщали, что оно делалось штампом, т.е. иголки подбирались на деревянной пластине. Когда иллюстрация была собрана, иголки смачивали тушью, прикладывали пластину к телу и ударяли по ней кулаком. Случалось, что желающий иметь художественную татуировку при этом терял сознание, но зато на всю жизнь был обеспечен творением, доказывающим незаурядность его носителя и его вкус.

Это для Ивана тоже было не в диковину. В бане в своем городке ему приходилось видеть разрисованных ветеранов на костылях, а то и бодрых еще мужичков, за которыми следовала целая группа юнцов, разглядывающих наколки. Как-то, помнится, всех умилила превосходно выполненная наколка кочегара с лопатой у одного мужика на заднице. При ходьбе мужика кочегар двигался, подкидывая уголька куда полагается. Мужик снисходительно оглядывался на юных молодцов, которые быть может и не до такого додумаются, когда придет их время.

Иваново время пришло, но то, что совсем недавно казалось экзотичным, сразу потускнело и утратило привлекательность. Лишь рассказы о прошлом лагерей и их легендарных личностях еще пробуждали интерес.

Люди часто живут своими воспоминаниями, особенно когда молодость осталась позади, а впереди только серая муть безрадостного прозябания. Лагерные ветераны не чужды этой общечеловеческой особенности, тем более, когда в очередной раз судьба забросила в этот отстойник, а там годы и годы с лучшим местом у печки в бараке. Старые лагерники с упоением вспоминают былые годы, когда зоны были смешанные - мужчины и женщины жили вместе и можно было найти себе подругу, да и харч имелся, было от чего подъемной силе возникать. Не всегда и не везде, конечно, так было. Все зависело от хозяина (начальника лагеря): хороший заботился о своих подопечных, при нем и баня работает, и хлеба хватает, и в бараках тепло (дрова есть), а дерьмовый хозяин, так и люди у него ходят качаясь, в бане дадут шайку воды - мой хоть морду, хоть задницу, загонят вместе с бабами, так никто и не глядит друг на друга, одни доходяги, которые и мерли один за другим, да ведь никто ничего не узнает и никто не ответит, то ведь сброд преступный, пусть дохнут, меньше зла будет. Фраеры откидывались, а урки все же выкарабкивались, каждому свое.

- Какие люди встречались, - вздыхал ветеран, погрузясь в светлую память своего прошлого. По его словам, случались среди урок и борцы за народную долю, хотели добиться лучшего, да, кроме горла, нечем брать было, лезли прямо на стволы, тут и получали пулю.

Потом ветеран рассказывает о необыкновенных людях, с которыми приходилось встречаться: был у нас на зоне как-то финн, и была огромная овчарка, от которой никому из беглых не удавалось уйти; поспорил финн с собачьим офицером что может запросто кончить со знаменитостью, которую выпрашивали на случай во всех зонах округи; договорились, что в случае чего мести не будет; вышел финн в запретку, привели овчарку, как телка; только прыгнула собачина на финна, никто не успел даже рассмотреть, что произошло: лежит собачина и издыхает, пристрелить пришлось; офицер ничего не сказал финну, только посмотрел на него с выражением, дескать, не долго тебе осталось; но финн не стал ждать, пока его ненароком пристрелят, пошел в побег и был таков.

- Да-а, были люди в наше время, - вздыхает ветеран. Воспоминания о сильных людях придают силы и ему, хотя встать даже с нижних нар тяжеловато, надсадный кашель сотрясает тщедушное тело. Идет к финишу никчемная жизнь, которая и самому-то ветерану не дорога, а уж кому-либо другому и вовсе ничего не значит: умер максим, ну и бог (или что там?) с ним; подикуясил в свое время и захлебнулся, наконец, своей блевотиной жизни.

* * *

Все мамы и папы уже пришли и забрали своих чад. Дети с нетерпением поджидали родителей на обширной цементной площадке с перилами, окружающей угол детского сада. После такого длинного дня, в котором не успевает произойти одно, как наступает другое, так радостно видеть на дороге за забором знакомое платье. «Это мама!..» - сколько раз взметнется эта искристая мысль за вечер над полированным цементом, который тщетно стирают в мельтешении детские башмачки.

Но сегодня уже все стихло, и скоро стемнеет. Ваня уже начал мерзнуть в своем пальтишке, сшитом из старого пиджака деда. Последнее время мама несколько раз приходила с дяденькой, который раньше провожал ее до калитки дома. Теперь он с какой-то резиновой улыбкой смотрел на Ваню и ничего не говорил. Ваня стеснялся, а мама шлепала его по спине: «Ну, что ты такой бука?! Это дядя Леша!..» И они шли долгой грязной дорогой в поселок, в серый бревенчатый дом, где их ждала бабушка, глядя в низкое окно, прижав угол старого поношенного платка к губам. Ваня всегда смотрел - стоит бабушка или нет. Она стояла всегда.

- Это папа твой? - спрашивали уже несколько раз мальчики и девочки. У них было какое-то врожденное ощущение, что с мамой необязательно приходит папа. Они были военные дети, но почему их так интересовало кровное родство?!.

- Нет, это так, дяденька, - отвечал Ваня. Ему было почему-то стыдно, и он старался быстро сменить тему разговора.

Над облетевшими деревцами у забора блеснула первая звездочка. Ваня оглянулся на окно. Нянечки не было видно, и он решился. Сбежав с нескольких ступеней, он пробежал по тротуару,

насыпанному из шлака, и открыл тяжелую калитку. Дальше было нельзя, но что же делать? Может быть мама и не придет. Она ведь знает, что за ним тут смотрят. А ему так не хочется здесь быть. Зачем она отдала его сюда, ведь дома бабушка?!

Ваня идет с внутренним страхом. Ему кажется, что все взрослые будут его останавливать и допытываться - чей он?.. почему в такой поздний час один на улице. Что он им скажет?..

Но никто его не останавливает. Люди спешат мимо, словно серые тени. У многих, кажется, и лиц нет. Нет, если всмотришься, что-то есть. Вот баня. Здесь на крылечке, как всегда, пьяные дядьки в драных шинелях и в телогрейках. Они ругаются матом на всю улицу и хохочут. Что-то дают облезлой собаке со впалыми боками.

Из открытых дверей соседнего овощехранилища несется тяжелый дух гнили, который смешивается с ужасной вонью из уборных двухэтажного деревянного дома. Все это Ваня знает. Оно тут всегда. Разве что, мужики у бани иногда дерутся, и тогда слышно сопенье, тяжелые удары, треск рванья и истошные крики. Н.В. Гоголя бы сюда с его пером. Не видел он советской провинции в 100 км от Ленинграда, и не было у него такой благодатной пищи для его таланта. Но Ваня не Гоголь. Он не видел ничего другого и знает, что это и есть жизнь. После бани кончается булыжная дорога, и дай Бог не утонуть в грязи, да не скатиться в воронку от бомбы у края дороги. В воронке совсем страшно. Там вода и сколько-то там еще глубины. Но вот он уже на мосту через речку Воняловку. На мосту почти нет грязи, а внизу жутко журчит черная вода. Отсюда дорога прямая, как струна, через весь поселок. Ряд тусклых лампочек выделяет дорогу в густой приземной тьме, которую не могут истребить звезды и маленький серп луны. Тут хуже всего. Две глубокие колеи от колес окружены сплошным месивом грязи. Ваня бредет почти по пояс в колее, стараясь по краю проползать вдоль глубоких луж. Людей нет, все сидят по домам, которые высвечивают желтыми прямоугольниками сквозь заборы и деревья.

Вдруг... опасность!.. Вдали показались два огненных круга. Бьющие лучи света тянутся с прерывистом рокотом к Ване. По колеям с натугой ползет грузовик. Ваня вылезает на коленях на край колеи и прижимается к столбу с лампочкой. Он уверен, что в столб грузовик въехать не должен, да и не вылезти ему из колеи. В самом деле, грузовик, страшно рыча и лязгая железяками, проползает рядом строго по колеям и увозит с собой яркий свет. Вторая улица, направо. Вот уже и родной дом. Окна светятся, а бабушки нет.

Ваня грохает ногами по крыльцу, сбивая грязь. Мозг пронзает мысль, что он весь грязный, и если мама дома, то взбучки не миновать. В доме грохает дверь в сени, и тут же распахивается дверь на улицу.

- Господи, - с отчаянием кричит бабушка, - да где же вас носит?! Она всматривается за спину Вани, потом смотрит на калитку и, наконец, вопрошает Ваню: «А мать-то где?..» Ваня тут же соображает, что мамы дома нет, и взбучки можно не бояться.

- Я один пришел, - отвечает он неохотно.

Бабушка замирает: «Как один?!»

Через секунду она уже превращается в вихрь. Она хватает Ваню на руки и, открывая боком двери, заносит его в теплую кухню. Дед сидит на табуретке у печки и, как всегда, читает газету. Он вскакивает в изумлении: «Что такое?..»

Бабушка что-то бормочет, усаживает Ваню на табурет, стаскивает с него сапожки и, выливая из них в таз воду, кричит деду: «Мерзавцы!... Загубят парня!..»

- А матка-то где? - сокрушенно спрашивает дед, еще не понимая, что происходит.

- Блядь его матка, - плачет бабушка, снимая с Вани перемазанные грязью одежды.

Дед трясущимися руками наливает из горшка на печке теплое молоко и подносит Ване большую алюминиевую кружку: «Давай, согрейся, что ты, милый». Ваня пьет молоко, и тепло разливается истомой по телу. Он и не заметил, что сильно замерз.

Хлопает входная дверь, и теперь, словно ураган, врывается мать. Увидев Ваню, она со слезами бросается к нему и причитает:

- Мы пришли, а нянечка говорит - ушел, ничего не сказал...

Она еще что-то говорит и говорит, ни к кому не обращаясь, словно объясняя Всевышнему, как все произошло. Дядя Леша подсаживается на лавку рядом, достает портсигар и, щелкнув затвором, протягивает деду. Они закуривают. Бабушка с невнятным ворчанием собирает Ванины одежки и несет в сени, где слышно, как она начинает их драить.

Ваня окончательно успокаивается насчет взбучки, хотя он уже усвоил, что подзатыльник может схлопотать в любой момент, и надо быть настороже. Сидя у теплой печки, он перебирает в памяти свежие впечатления, но тут его привлекает рассказ дяди Леши о том, как трое убили инкассатора. В него стреляли из пистолета, а он закрывался саквояжем с деньгами. По простреленным деньгам убийц и нашли. Их брали в той самой пивной, где Ваня бывал с дедом.

- Что делается кругом... сплошные грабежи да убийства, - сокрушается мать, - ты хоть не ходи по темным переулкам, - обращается она к дяде Леше.

- А и не надо темных переулков, - возражает дядя Леша и рассказывает, что не так давно главный убийца инкассатора - известный в городке бандит Мишка Шматов привязался к ним с товарищем в центре, на самой освещенной улице. Едва отделались, дай на бутылку, и все тут.

Ваня представляет себе злодеев со страшными рожами, с пистолетами в руках. Никому пока не дано знать, что через много лет Ваня встретится с Мишкой Шматовым в лагере, и тот ему расскажет свою эпопею.

~ 5 ~

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
(А.С. Пушкин)

Пройдут годы и годы. Высохнут одни реки и потекут другие. Отшумят дубы и попадают, круша все вокруг в последнем своем аккорде. В прах уйдет все, что сейчас наполняет землю благовонием или зловонием. Города останутся стоять серыми развалинами или уйдут под воду, в небытие. Придут исследователи, начнут копать и выяснять, когда здесь жили люди, чем они занимались и почему исчезли. Найдут они вещицы, которые были кому-то дороги и что-то означали. Увидят чьи-то кости, некогда одетые плотью и духом. Ничего теперь нет. Растворились чаяния, грезы, надежды, и ничто их не воскресит.

Зачем живет человек на свете? Сколько людей вставали перед этим вопросом, как перед закрытой дверью, за которую их влекло. Они приходили к ней с разных сторон. Философское любопытство и ощущение краха, мнимая наука и душевная боль, а то и что-то совсем непонятное приводило людей к этой двери. Многие брались за ручку. Дверь была заперта. В ней не было даже щели для пытливого зрачка, и ни один самый опытный взломщик не был способен вскрыть ее. Все же находились некоторые, утверждавшие, что они знают, что за дверью. Другие им верили или не верили. Большинство предпочитало не ломиться в запертую дверь. Живешь, коли родился и еще не умер.

Есть от века заведенный порядок. В молодости женился, сотворил детей, вырастил их. Стало быть, сознание своего продолжения и есть смысл жизни. Ведь недаром считается, что человек сотворен по образу и подобию Бога. Значит творение детей и означает это подобие.

Разница между Богом и добропорядочным семьянином лишь в том, что Бог создал человека из праха земного и вдохнул в него дух, оживив, а добропорядочный семьянин, посопев в свое удовольствие, положил начало новой жизни. Но дух в нее войдет, благодаря все тому же Высшему Началу. Нет без духа основы для жизни в ее развитии. Издревле вошедший дух понимался как божья искра и младенец уподоблялся ангелу, ибо невозможно зло от него, в самом его начале. Но уже родители приложат усилия, чтобы от божьей искры в их чаде осталось как можно меньше, а лучше, если она и вовсе угаснет. Общество не переносит богоподобие. После тысяч лет развития оно предпочитает скотоподобие. Всякий скот ведь тоже создан Богом, и он тоже продолжает себя в своем потомстве. И разве вся эта биология не та же самая у человека и у скота?!

Однако разница все же есть. Скот не может стать человеком, а человек может стать скотом или не стать им: в том его выбор и судьба. Ведь были возвышенные личности, которых нельзя сопоставить со скотом, несмотря на биологию?! Правда, почти все они получали соответствующее воспитание и образование. Общество давно расслоилось на людей, тренирующих ум и накапливающих в себе знания, на тех, кто живет физическим трудом, без особой потребности шевелить мозгами над абстрактными проблемами и на тех, кто паразитирует и на первых, и на вторых.

* * *

Надзиратель лязгает ключом о дверную ручку: «Приготовься на прогулку!».

Через несколько минут дверь распахивается и камера гуськом, руки за спину, направляется к чугунной лестнице. Со времен Екатерины II стоят эти лестницы, и многие тысячи ног выбили в чугуне глубокие впадины. Везде стоят надзиратели и наблюдают за шествием. На улице теплый воздух бьет по ноздрям, а солнце жжет стриженую макушку. Очередной надзиратель распахивает приглашающе дверь прогулочного дворика, называемого утюгом. Здесь голый асфальт, голые стены и крупноячеистая сетка сверху. Полчаса можно ходить взад-вперед и греться на солнышке, если его лучи падают в утюг. Но Иван не любит теперь солнце. Оно словно плавит его и без того размякшие мозги.

На воздухе серые лица розовеют или желтеют. Разговоры прекращаются. Каждый погружен в свои мысли. Лишь Михаил всматривается в самый высокий ряд окон тюремного корпуса. Там камеры смертников и, кроме простой решетки, окна забраны мелкоячеистой решеткой. Иногда там светлеют физиономии, а то и голос донесется: кто-то кого-то узнал. Смертнику можно не бояться постановления, хотя все они ждут помилования от Верховного суда. Позднее Иван узнает несколько человек, прошедших через камеры смертников и бережно хранящих в своих чемоданах газеты, в которых сказано о том, что такой-то (владелец газеты) приговорен к высшей мере, приговор приведен в исполнение.

Дверь утюга распахивается, пошли в камеру. Тяжелый дух в камере исчез, и какое-то время свежий воздух перебивает запах казенного помещения. Шевелятся в мозгу свежие впечатления, ничего не значащие, кроме того, что они получены.

- Подышали кислородом, приятно и покурить!.. - провозглашает Михаил, сворачивая цигарку.

С куревом всегда проблема. Иногда иссякают спички, но в этом случае есть выход: из тюфяка надергивается немного ваты, из которой делается очень тугой жгутик; от крышки тумбочки отламывается дощечка, которой быстро и сильно катают по крышке, найдя ровную поверхность; через минуту-две жгутик начинает дымить, остается только раздуть его и вот... вата подернулась тлеющим огоньком; можно прикуривать.

Подобная наука доставляет Ивану маленькое удовольствие. Он тут же пытается и сам получить огонь, но поначалу ничего не выходит. Однако после нескольких попыток, сопровождаемых указаниями, огонь сработан. Но за махоркой надо обращаться к соседям через окно, когда во дворе не видно ментов. Перестукивание в стену не практикуется. Это отживший прием, кто-то теперь морзянку знает?!. Но прежде чем вызывать соседей нужно просто постучать им в стену, а уж потом говорить в окно. Их окно всего-то в каких-то трех метрах. Обычно у кого-то махра имеется. Хорошо, если в верхней камере. Оттуда просто спускают коня - спичечный коробок на нитке - и все дела. Хуже, когда махра есть в камере сбоку, особенно справа. Нужно ловить коня, выставив руку далеко через решетку. А то и самим бросать пустой коробок, утяжелив его кусочком извести. Тут требуется изрядная ловкость. Конь должен лететь точно вдоль стены, не теряя высоты.

Обычно этим занимается молодежь, постоянно набивая руку. Кто-то становится затылком к очку, загораживая его, и если надзиратель заглядывает в очко, то у работающего с конем есть секунда, чтобы спрыгнуть с окна. Конем можно переслать записку, которая обойдет почти всю сторону корпуса, а то и уйдет на волю. Для этого нужно, чтобы записка добралась до крайних трех-четырех окон, лучше на 3-ем этаже. Здесь записка привязывается к стрелке, сделанной из крышки тумбочки. Катушка от ниток и резинка из трусов составляют орудие, которое выстреливает стрелку с посланием за стену тюремной территории. Далее дело случая. Кто-то подберет стрелку и отошлет записку по указанному адресу. Говорят, что, как правило, послания находят адресатов.

Иван размышляет о зэковской солидарности: ведь сколько людей рискуют, не зная, ради кого. Поэтому ему очень обидно, что когда, наконец, в их камеру приносят передачу, Михаил запрещает давать что-либо Ивану.

- Нечего ему кишки распускать, - командует Михаил, и Вадик, облагодетельствованный родственниками, подчиняется. Глядя в потолок, Иван слушает внизу сосредоточенное чавканье и вспоминает воров в законе в первой своей камере, где никому и в голову не приходило обделить его из того, что они получали.

Вечером он шарит на пустой полке и находит сухие катышки хлеба, которые намял пальцами Михаил. Испытывая отвращение, он, тем не менее, размягчает их во рту и затем жует. Передачу едят несколько дней, и ее обладатель спрашивает у Михаила, можно ли дать Ивану остаток пайки. «Ну, дай», - милостиво разрешает тот.

- Не надо, - слышится сверху, и довольный Михаил обращается к Вадику: «Он еще не проголодался».

Ночное бдение Ивана заполняет проникновение в городскую столовую в родном городке. Длинное, низкое здание столовой находится на безлюдной улочке. В палисаде перед зданием стоит ряд густых березок, совершенно закрывающих окна, в которых нередко забывают закрыть хотя бы одну форточку. Одним словом, забраться в столовую ровным счетом ничего не стоит. Только брать-то там нечего. Иван зашел как-то специально в низкий зал столовой, чтобы прикинуть возможную добычу и был разочарован. На витрине красовались на тарелочках ломтики хлеба с килькой и селедкой, глазунья из одного яйца, винегрет, стояли стаканы со сметаной в полстакана. Выручку, конечно, сдают. Значит, незачем и корячиться в форточку.

Но теперь, лежа на тюремных нарах, Иван ощущает, как он перемахнул низкий забор сбоку и спокойно идет вдоль темных окон. На улочке ни души, да и действительно, за густой зеленью ничего не видно. Ага... вот и открытая форточка. Железный подоконник, прогнувшись, щелкнул, и снова тишина. Форточка маловата, но раз уж плечи пролезли, то все в порядке. Своим телом Иван владеет, как кошка. Он нащупывает рядом с окном какую-то трубу и втягивает тело внутрь. Небольшая заминка с ногами, но вот... одна нога уже внутри и тянется на подоконник между горшками с цветами. Бесшумно Иван слезает на пол. Это зал, где едят. От уличных фонарей довольно светло. Иван с удовольствием осматривает витрину - с чего начать. Он медленно жует хлеб с килькой, тут же засовывает в рот яичницу, прихлебывает сметану. Славненько! Тарелочки пустеют одна за другой.

Снизу доносится жуткий скрежет зубов Михаила. Иван вздрагивает и вплывает в реальность с целым ртом слюны.

* * *

В широкие окна детского сада льется солнечный свет. Дети стоят полукругом около старенького пианино и смотрят на Антонину Георгиевну. Они любят эту маленькую хрупкую женщину в потертом черном платье с многочисленными кружевами, от которого всегда припахивает кошачьей мочой. Говорят, дома у Антонины Георгиевны живет штук двадцать кошек. Она прикармливает еще и бездомных кошек. Со всего городка вечером кошки собираются к дому, где живет маленькая старая пианистка, приносящая им ужин из столовой детского сада.

- Поем все вместе, - звонким голосом провозглашает Антонина Георгиевна, артистически поднимая руку, украшенную стеклянными перстнями, - эх, хорошо в стране советской жить, эх, хорошо страной любимым быть!..

Она ударяет по дребезжащим клавишам, и неуверенный хор что-то бормочет. Антонина Георгиевна приходит в отчаяние и объясняет, что петь надо громко и радостно, ведь им тут так хорошо. Дети смотрят на нее с восторгом, но песня не ладится.

- А что вы сами хотели бы разучить? - звенит Антонина Георгиевна, - ну, вот ты, Ваня, какую любишь песню?..

Особенно размышлять Ване не приходится. Радио у них дома нет, а дед, когда в подпитии, поет только одну песню: в темном ле-е-се, в темном ле-е-се, в темном ле-е-се, в темном ле-е-се..., залесью.., залесью...

Обычно на этом порыв деда иссякает, но бывает, что он продолжает: я посе-е-ю, я посе-е-ю, я посе-е-ю, я посе-е-ю... лен-конопель..., лен-конопель...

Ваня напевает Антонине Георгиевне дедову мелодию. Учительница соглашается, что песня неплохая, народная, но им она не подходит, так как мелодия очень сложная.

Мальчик Вася сообщает, что он любит песню: соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, - а у маленькой Любы постоянно звучит в ушах «чубчик кучерявый».

- У вас разносторонние дарования, - говорит Антонина Георгиевна и, обратившись к клавишам, начинает быстро-быстро двигать пальцами. Дети замирают и смотрят на маленькое сморщенное лицо, по которому текут слезы. Потоки звуков смешиваются с солнечным светом и обволакивают маленькие сердца, пробуждая в них безотчетную радость.

- Дети, если вы услышите где-то эту музыку, то знайте, что это Шопен..., а сейчас... в столовую...

Шопен мигом улетучился и, сшибаясь друг с другом в дверях, дети с визгом и воплями спешат в соседний зал, где их ждут ряды тарелок с манной кашей, украшенной ложкой варенья с вишенкой. Воспитательница пытается упорядочить детский хаос, и скоро все чинно сидят за столами и стараются попасть ложкой в рот.

Вскоре в здании наступает тишина. Тихий час. Ваня обычно лежит в постели без сна и вспоминает. Столько нужно обдумать. Вчера, например, они ясно видели, как за забором, где дымит куча шлака из кочегарки, большие парни положили кого-то прямо на тлеющий огонь. Но позднее, когда Ваня с дружками пролезли через дырку в заборе на соседнюю территорию и подошли к дымящейся куче, там ничего не было. Неужели совсем сгорел?..

Кончается тихий час, можно идти на улицу, тем более, что солнце продолжает заливать мир своим сиянием, и совсем не холодно, хотя октябрь. На кустах вдоль забора вызрели ягоды, сидящие по две. По облику они вполне съедобные, но Ваня знает, что это - волчьи ягоды, и они ядовитые. Около дома стоят разные грибки, качели, какие-то уродливые сооружения. Дели облепляют все это с большой охотой. Но группа мальчиков уходит в дальний конец территории, где лежат гряды картошки, а рядом, на блеклом лугу, пасется коза. Она привязана на длинной веревке к колышку. Мальчики гоняют козу, бросают в нее пустую консервную банку. Ваня хочет доказать, что совсем не боится козы..., ведь дома у них тоже есть коза. Он приближается к обозленной козе, и тут происходит непонятное. Коза подскакивает к нему и, нагнув вбок голову, поддает ему рогами. Ваня оказывается лежащим на спине, хочет закричать и не может. Дыхание прерывается, в горле ужасная боль. Он переворачивается на живот и хрипит. Изо рта выступает розовая пена.

Перепуганные мальчики с криками спешат к дому. Вскоре белые фигуры бегут к Ване, а он сидит на жухлой траве, раскрыв рот. Рядом мирно пасется коза. Ее рог угодил Ване в рот.

Совсем юная врачиха просит Ваню раскрыть рот пошире и запускает туда блестящую палочку. Ваня дергается в объятиях могучей тети Поли. Лицо врачихи становится белым, как халат. Кончик рога проник в горло и ободрал его. Там вообще видна лишь какая-то каша. Мальчика укладывают в постель, но лежа он не может дышать. Тогда его усаживают, обложив подушками, и ждут из больницы хирурга.

Большой дядя в белом халате появляется вместе с раскатами могучего баса: «Где тут забоданный козой?..» Он долго смотрит в рот Ване, вставив в него два своих толстых пальца. Потом лицо его расплывается, и он рокочет: «Ну, малыш, тебе повезло, еще бы полсантиметра и дело твое было бы табак, а так ничего, выдюжишь...» Он встает и говорит с юной врачихой. Ваня слышит незнакомые слова: гортань, отек. Вечером он видит заплаканную мать, которая уходит домой без него. Он думает, что бабушка тоже будет плакать, прижав угол платка ко рту.

Три дня и три ночи Ваня сидит, обложенный подушками, и даже сикать приходится в широкую бутылку, называемую уткой. Его кормят жидкой, как вода, кашей. Но и ее глотать он не может, и каша течет по подбородку на грудь. Пришла бабушка, принесла мед и какое-то целебное сало. Врачиха пыталась протестовать, но бабушка, сверкнув глазами, сказала: «Нет, уж!» И села сама вливать внуку в горло сало барсука, на которое ушли деньги от продажи единственного приличного платья.

Дело быстро пошло на поправку. Скоро Ваня мог лежать и нормально высыпаться. Наконец, его выпустили из изолятора, и он медленно пошел в общую залу. Дети окружили его, наперебой сообщая разные новости. Козу, оказывается, давно выгнали с территории. Вечером появилась мама, и Ваню отпустили домой. На улице их поджидал дядя Леша.

- Здрасьте, дядя Леша, - без подсказки приветствовал его Ваня и дядя Леша, присев, участливо заглянул ему в глаза: «Ну, как твое горло?..» Ваня сообщил, что глотать еще больно, но терпимо.

- Ну, пошли, - дядя Леша протянул руку, и Ваня протянул свою.

Рука у дяди Леши теплая и большая. Приятно вот так идти, как будто с папой. Мама что-то бурно рассказывает дяде Леше и сама хохочет на всю улицу над своим рассказом. Дядя Леша только хмыкает. Ваня хочет что-нибудь сказать, но ничего не придумывается. Он с удовольствием глядит по сторонам и, хотя все это видено-перевидено, ощущение тихой радости охватывает его. Даже облако неистребимой вони из дома против бани кажется ему не столь уж и мерзким. Облезлый пес бежал мимо, но вдруг остановился и смотрит вопросительно на них. «Пусть только по-

дойдет!.. Дядя Леша кекнет его так, что два дня чесаться будет» - думает Ваня, предполагая, что пес хочет его укусить.

Во дворе дед колол дрова. «Деда!» - закричал Ваня и побежал к нему, чувствуя, что кричать еще нельзя. Дед оглянулся, воткнул топор в чурбак и бросился навстречу.

Потом Ваня подошел к козе, бродившей вдоль забора. Коза подсеменила к нему навстречу и проблеяла. «Здравствуй, Катька, - Ваня погладил ее лоб, - ты у нас не бодучая.» Он потрогал ее рожки. Они были меньше тех.

Бабушка ждала его на крыльце. «Слава Богу, обошлось», - она гладила внука по голове и что-то бормотала невнятное.

В детский садик Ваня больше не ходил. Бабушка настояла, что нечего ему там делать, пока живут вместе. Вот разъедутся, тогда как Бог даст. Ваня не понял, что значит разъедутся.

~ 6 ~

Ведь слезы на земле - роса, что выпадает
На краткий утра срок; и ветер отряхает,
И солнце пьет ее; затем на сердце нам
Забвение сойдет, как сходит сон к глазам.
(Альфред де Мюссе)

За дальними далями лежат неведомые страны, где все не так, как здесь. Там живут непохожие на нас люди. И звери там не те, которые рыщут в наших лесах. А какие диковинные там цветы, и птицы небывалые. Сочные цвета лепестков и перьев мешаются и мельтешат одно в другом, создавая бесчисленные формы и оттенки. Снится по временам, что летишь где-то в небывалом крае и видишь под собой яркую землю. Шелестят краски, и блуждающие огоньки медленно плывут в никуда. Кто-то смотрит на тебя откуда-то и что-то о тебе думает. Но где он?.. Только взгляд лежит на теле, а может быть на душе. Но чей он?.. Зашелестит чем-то синим, и на огненно-красном фоне расползется черное пятно приглашающе, но останется позади. Послышится хор поминальный по ком-то. Никогда не слышал эту музыку. Кто же автор?.. Тают в музыке розовые черепки чьего-то разбитого счастья и желтая пыль заносит их следы. Покачивается фиолетовая паутина между двух кривых углов и кто-то в ней барахтается. Хорошо ему, так и хотел.

Мелькнет белая тень, и опять струйное мерцание света заслонит то, что внизу. Донесется чей-то приятный голос, но что сказано, не разобрать. Какой-то город с храмами сменится скалистым развалом. Взметнется голубая струя и упадет в розовое озеро. Мелькнет стая радужных мотыльков и превратится в хлопья сияющих белизной непонятных сущностей. Затемнится ветхий утес с мохнатой шапкой мхов, из которой ползут разноцветные клубы. Выплеснет из них величественный гимн, но его заглушит шорох от множества крыльев белых птиц, летящих навстречу. Они растворяются не долетев.

Внезапно все исчезает, и только пламенный простор вокруг до бесконечности. Но где мое тело?.. Его нет, и то уже не я лечу, а яркий холодный свет с мягкими переливами несется навстречу и, нежно шелестя, пронизывает то, что есть мое Блаженство... А внизу какой-то туманный хаос, как в начале Земли, и одинокая сгорбленная фигура, похожая на огородное пугало. И приходит знание: Господи, это же я!.. Но что это?.. Где?..

* * *

Задремав после обеда из овсяной каши, Иван видит странные сны и больше всего на свете ему хотелось бы в них оставаться, но земной мир возвращает его в свое лоно. Сердце сжимается от боли и гулко отдается в висках.

- Покимарил, - смотрит на Ивана сосед снизу, прогуливающийся между нар туда-сюда, - улыбался во сне, родных, поди, видел.

- Во сне хорошо, не просыпался бы, - ответствует Иван.

- А есть способ, - встревает вездесущий Михаил, развалившийся на нарах, - некоторые его пользовали - разбегаешься, значит, от окна и чухаешься головой о стену у двери.

Начинается дискуссия, может ли человек размозжить себе голову таким образом. Михаил клянется, что не раз был тому свидетелем и сам собирал в миску чьи-то мозги. Он рассказывает и о том, как люди в камерах вешались, свив веревку из обшивки тюфяка или из одежды, вскрывали себе вены осколком стекла, которым приходилось долго пилить.

Иван вспоминает, как еще в КПЗ в милиции, где он провел десяток дней, пожилой уже мужик вскрыл себе вену кусочком железа, который он вытащил из пряжки башмака Ивана. Разогнув этот кусочек, он целый день точил его на осколке кирпича. Под утро он толкнул спящего Ивана: «Стучи в дверь, я тут вену вскрыл.» И повалился на нары, закатив глаза. Иван с ужасом уставился на большое пятно крови на стене, куда ударила струя из разрезанного сосуда. Потом он бросился к двери и загремел кулаком о железо: «Дежурный!..» Ворвался милиционер. Осмотрев место происшествия и убедившись, что пострадавший живой, он пнул его ногой: «Сволочь, не мог днем себя уродовать, спать людям не даешь». Он ушел, и часа через два мужика увели, а Ивану пришлось мыть стену и пол. Ему и в голову не пришло, зачем сосед точил железку, Говорил, что побриться хочет, а здесь ведь не дадут. И брить-то у него было нечего, а оно вон что, оказывается. А за что попал, не ответил, только едва не плакал, когда говорил, что всего несколько месяцев назад освободился, отволок 8 лет; устроился на хорошую работу - слесарем в гараже, нашел старушку, зажили душа в душу, и вот... опять влип... Голос у него дрожал. Ивану было его жалко. Мужик плюгавый, ничтожный, потерявший, как он сам говорил, здоровье на лесоповале. В самом деле, нашел человек после долгих мытарств свое маленькое счастье в жизни, так и пусть себе наслаждается своей старушкой. Но ведь за что-то его загребли!.. И сам он чувствовал свою крышку, иначе не стал бы кровь себе выпускать.

Позднее, в собачнике Крестов, Иван узнал его историю: ехал мужик в поезде; кроме него только одна молодая женщина сидела как раз напротив; рукой в кармане мужик сонанировал, глядя на нее, а, когда уловил приход, достал член и, задыхаясь, извергнул ей на подол свой мужской припас. Женщина вскочила и заорала.

- Не поняла кайф, - заключил рассказчик, не пояснивший, однако, откуда ему все это известно. Впрочем, никто из слушателей не сомневался, что так это и было. О подобных историях мусора сами со смехом рассказывают на всех углах. Вот если бы мужик изнасиловать молодку попытался, то было бы неинтересно, банально, а тут чувствуется изюминка, хорошо знакомая ветеранам. Публика отнеслась к рассказу с юмором и сочувствием, обсуждая возможные варианты.

- Надо было в штаны спустить, да видно забрало очень!..

- А что баба-то, не видела что ли, как он дрочит на нее?.. Могла бы и подсобить или хотя бы сеанс дать!..

- Да, интеллигентная была...

- Ох, эти интеллигентные более расторопны, чем дуры, которые знают только одно: туда-сюда, туда-сюда, как пильщик!..

- А интересно, какую статью фраеру пришьют, ведь не 117-ую (изнасилование)?.. И даже не попытку?..

- Ты отпросись на его суд, узнаешь, потом расскажешь!..

Иван вспоминает сетования мужика о налаженной жизни со старушкой. Верно, не очень все отладилось, коли старая привычка оказалась сильнее. Он увидел резавшегося мужика позднее. Они вместе ехали в «воронке» на вокзал. Их поместили в одно купе вагона, носящего название «столыпин». Великий российский реформатор увековечил себя, придумав специальный вагон для перевозки арестованных, а то бы, вероятно, до сих пор пешком ходили, в колодках: динь-дон, динь-дон, слышен звон кандальный; динь-дон, динь-дон, устьилимский дальний...

Давно забыли про реформы П.Г.Столыпина, да и вообще перестали связывать это слово с жившим когда-то человеком, но вагон с решетками на окнах по-прежнему носит его фамилию и постукивает колесами на стыках точно так же, как и остальные вагоны, где беззаботные пассажиры не подозревают о том, что в одной упряжке с ними едут преступники. Мрачные фигуры наполняют зарешеченные купе. Не один мозг сверлит мысль о побеге, но в тамбурах стоят автоматчики, и облизываются огромные немецкие овчарки.

Воспоминания прерывает грохот ключа в двери, которая с лязгом распахивается. На пороге стоит офицер с листком бумаги в руке.

- Маккавеев Иван Павлович, - объявляет офицер, - к следователю...

Иван спрыгивает с нар и сует ноги в башмаки. Привычно заложив руки за спину, он спускается по чугунным лестницам и, слушая команды идущего сзади офицера, вскоре оказывается перед дверью, за которой его ждет следователь. Скоро он робко здоровается и усаживается на стул против уже хорошо знакомого лица с очками на носу.

- Ну-с, Маккавеев, обдумал свои делишки?.. - следователь достает пачку сигарет и закуривает. Заметив голодный взгляд Ивана, он дружелюбно протягивает ему пачку.

- Так где ты взял велосипед, вспомнил?.. - следователь пытливо смотрит на жадно затягивающегося Ивана.

- Да ведь я уже говорил, и не раз, - отвечает Иван, решив держать свою линию до конца.

- Это хозяин спьяну не помнит, куда поставил свой велосипед, - решительно добавляет он.

- А в ларьке-то следы двоих найдены, - сверлит глазами следователь, - а говоришь, один брал...

Ну уж, дудки, - думает Иван, какие такие следы. Будут они в каком-то ларьке следы искать, ювелирный что ли.

- Один был, - Иван смотрит в глаза следователю.

- Ну, ладно, - соглашается вдруг следователь, - если тебе нечего больше добавить, то будем заканчивать дело и передавать его в суд. Вот, знакомься...

И следователь листает страницу за страницей, повернув пухлую папку к Ивану. Протоколы допросов, показания свидетелей и пострадавших, фотографии. Как-то специально возили Ивана, чтобы сфотографировать у ларька на стадионе и у сарая, из которого они с Алькой и Витюхой вытащили полусломанный велосипед. На отличном фото Иван держится за пробой, который он тогда с легкостью вырвал отверткой, и невинно смотрит в объектив. А вот и фото двух свинцовых кастетов: один из них Женявого, сколько было хлопот с отливкой, а воспользоваться кастетом не пришлось.., не было надобности такой страшной штукой крушить чей-то череп. Женявый только както постукал тихонько своим кастетом по голове пьяного мужика, когда Иван проверял его карманы. Сам же он своим орудием только свои карманы продирал.

На фотографии у ларька Иван какой-то сгорбленный и серый. Замочек-то там был плевый, контрольный. Не надо и усилий, чтобы его открыть. Но и брать там особенно нечего было. Нахватали шоколадных конфет, да «Беломору», но даже кошелку забыли, чтобы взять побольше. Зато приехали к ларьку на велосипедах в холодящем волнении, в надвинутых на глаза шляпах. Ехали «на дело», как настоящие уркаганы. И никакая собака след не возьмет. А что добыча аховая, так ладно.., пока это тренировка для большего. Планы уже обсуждаются.

Иван разглядывает иск, который ему предъявляет торговое предприятие. В иске значится приличная денежная сумма.

- Денег там не было, - возмущенно заявляет он следователю.

- Может быть и так, - задумчиво отвечает следователь, - но доказать ты это не сможешь, кто же поверит тебе?! Советую это принять, как нежелательный довесок, ведь ничего от этого не меняется... Если нет возражений, то подпишись вот здесь...

Иван ставит подпись (а!.. все равно!..) и вопросительно смотрит на очки: «А сколько мне дадут?..»

- Это решит суд. Самое большое, что тебе грозит, - 6 лет, но суд у нас гуманный. Советую нанять адвоката, - складывает бумаги следователь.

- Денег нет на адвоката, - угрюмо говорит Иван.

- Ну, в таком случае, будет государственный защитник. Но твое дело осложнено тем, что ты явно берешь все на себя, и это бросается в глаза, ведь в показаниях твоих и потерпевших есть неувязки. Если бы ты назвал, кто был с тобой, то вполне возможно, суд учел бы это и назначил меньшее наказание.., - следователь опять задерживает взгляд на Иване. Он словно видит его насквозь. Конечно, парень здесь получил наставления. Выложи он, кто был с ним, тогда будет «групповая», и ему от этого не легче, те же 6 лет. Зато дело надо будет пересматривать, а это совсем излишне. Он предлагает сигарету в камеру и желает минимального срока.

- Выдерживай на суде свою версию...

Приятно, когда человек тебе улыбается, даже если это следователь, закрывающий твое дело. Значит, еще есть надежда, что и другие отнесутся к тебе снисходительно, слегка забыв, что ты уголовник.

Появляется офицер, и Иван идет обратно в камеру.

- Ну, что, 201-ую подписал? - спрашивает Михаил.

- Да, - нехотя отвечает Иван.

- Теперь жди свой пятерик, - решает Михаил со знанием дела.

Иван молча лезет наверх и, опрокинувшись на спину, испытывает ужас от слова «пятерик». Ему хочется думать, что дадут год или два, ведь должна же существовать какая-то соразмерность между виной и тем, каков человек есть. А он ведь не закоренелый преступник. Если бы существовал аппарат, определяющий душу человека, то его и вовсе бы не посадили, ограничившись тем, что он уже отсидел. Ему и не нужно ничего было. Воровал он просто ради острых ощущений. Он думал, что вот... поворует, пограбит, а потом «завяжет», так как ему это даже неприятно. Да, да... Где-то глубоко внутри у него всегда было ощущение, что он зря этим всем занимается. Но кого интересует, что у тебя глубоко внутри?!

* * *

Ваня нисколько не жалеет, что не посещает детский садик. Дома лучше. Осенью они с бабушкой приводили в порядок палисадник под окнами. Ваня разглядывал плоды трав и кустов и собирал семена. Есть какое-то таинство в том, что одни семена такие гладкие, округлые и приятные на ощупь, а другие, наоборот, с рубчиками и шероховатые, словно кусачие.

Увядшие георгины склоняли свои мохнатые шапки. Бабушка выкапывала их клубни, чтобы убрать на зиму в подвал.

В сером небе иногда проплывали косяки птиц. Ваня провожал их глазами, пока они были видны.

Иногда Ваня ходил с бабушкой в поселковый магазин. Старухи в очереди за хлебом улыбались ему - ишь, какой большой стал, а глазищи-то!.. Ваня рассматривал витрины и спрашивал бабушку, что вон в тех баночках. Бабушка отвечала, что это им не по карману. Оказывалось, все разные баночки не по карману, но кулечек конфет подушечек Ваня получал.

Зимой он занимался чем только мог. Исследовал дрова у печки и находил занятные сучки. Подолгу он смотрел на большую картину с семейством медведей - копию «Утра в сосновом бору». Картина очень ему нравилась, и он часто представлял себя в ней, но подальше от медведей, ведь они кусаются. У него были многочисленные колобашки, заменявшие игрушки. Он складывал из них замысловатые сооружения. За долгие месяцы он изучил трещины на подоконниках и пятна на обоях и потолке.

Дед приходил часто навеселе. Он пытался приласкать Ваню, но бабушка хватала внука и тащила его в другую комнату.

- Нечего тут парня пьяными соплями измазывать! - кричала бабушка. Дед разражался тяжелой бранью и грозил, что скоро он разделается с этой стервой, испортившей ему всю жизнь.

Ваня стоял между колен бабушки в дальнем углу и не знал, что ему думать. Зачем они ругаются?.. Ведь дедушка хороший... Но вот он размахивает поленом в дверях. Потом он уходит, в кухне гремит брошенное полено, и вскоре дед храпит, как трактор, завалившись на кушетку. Бабушка каменно смотрит в окно и продолжает прижимать к себе внука:

- Господи, что с тобой будет?!.

Весной началась суматоха. К дому подъехала подвода. Начали выносить вещи. Дядя Леша спрашивал, что тащить, и мама отдавала распоряжения, собирая в коробки разный скарб. Бабушка ушла в дальний угол и сидела на табуретке, горестно подперев голову. Ваня подошел к ней, и бабушка вдруг заплакала.

- Не забывай меня, Ванюшка, - сквозь слезы пробормотала она, гладя внука по голове.

- Ваня, ты где?.. Пошли... - объявила строго мать в дверях.

Нагруженная телега уже выезжала на центральную дорогу. Ваня оглядывался на окна. Бабушка, прижав ко рту конец платка, махала ему рукой. Рука матери быстро увлекала его и, споткнувшись, Ваня упал на колени в грязь. Взъерошенная мать отвесила ему подзатыльник: «Ты будешь под ноги смотреть».

Они шли довольно долго. Тянулись какие-то мрачные низкие дома без окон, но со множеством дверей. Рядом пролегали рельсы, и вот... по ним со стуком едет паровоз. Ваня видел паровоз только на картинках и ему интересно. Железная громада пыхтит мимо и обдает их облаком сви-

стящего пара. Но особенно не засмотришься. Материнская рука тащит Ваню так, что он вынужден почти бежать. А тут еще тяжелые калоши на драных ботинках.

За складами открывается простор с огородами и зарослями высокой прошлогодней травы. Сзади тянется цепочка неказистых деревянных домов. У высокого крыльца крайнего дома уже стоит знакомая подвода. Ване приказано погулять, и он с любопытством осматривается. Здесь все новое. Сараи, сложенные из шпал. Недалеко свистят и гудят паровозы, там станция. В палисаде перед домом гряды, а под самой стеной глубокая канава. Из дома выскакивают две девочки и подходят к Ване.

- Вы теперь здесь будете жить, - полувопросительно, полуутвердительно произносит девочка с бантиками на плечах. Она открыто смотрит на Ваню, и он чувствует, что она хорошая, но молчит.

- Меня зовут Света, а ее Валя, а тебя как?.. - вопрошают бантики.

Ване почему-то трудно смотреть в ее сияющие глаза.

- Я Иван, - нехотя говорит он, отворачиваясь и чувствуя, что краснеет.

- Хочешь, мы будем вместе играть, - предлагает Света и забегает к нему под взгляд.

- Как играть?.. Я не знаю, - Ваня не решается поднять глаза, ковыряя носком калоши грязь.

- Да он тумак, - вдруг заявляет Валя и фыркает.

Иван думает, что она очень похожа на Вовкину сестру в соседнем с бабушкиным доме, только без зеленых соплей под носом.

На крыльцо выходит мать и зовет Ваню. Они перешагивают через высокий порог и идут по коридору, одна стенка которого представляет занавески, отгораживающие «комнаты» соседей. Но в самом конце дверь в настоящую комнату. В ней уже стоят стол, железная кровать и кушетка с торчащими, доставленные на телеге. В комнате одно окно. Другое окно заделано и выглядит как большая заплата на стене, заклеенная драными газетами. Стены серые. С потолка посередине свисает шнур с тусклой лампочкой. На плитке, стоящей на фанерном ящике, кипит чайник. От всего веет холодом и неуютом, и дядя Леша мрачно пускает облака дыма, сидя на табуретке за серым столом. Мама, поджав губы, режет хлеб. Наверное, им тоже тут не нравится.

- Зачем мы уехали от бабушки?.. - спрашивает за ужином Ваня.

Мать хмурится и отвечает, что это не его дело. Тон у нее такой, что Ваня знает, лучше не продолжать расспросы. Ему грустно. Он чувствует, что все плохо.

~ 7 ~

Чувствительная душа - это роковой дар небес. Тот, кто наделен ею, становится игрушкой стихий, солнце или туман определяют его бытие, направление ветра решает: счастлив он или несчастлив.

(Л. Фейхтвангер)

Осенними ночами из сырой темноты наверху нет-нет да и донесется птичий голос. Оказывается, пока под тусклыми фонарями темные фигуры людей месят грязь, высоко над ними летят на юг стаи пернатых. Они будут лететь всю ночь, подбадривая друг друга возгласами. Звезды служат им ориентирами, а если затянут небо тучи, то не беда... магнитное поле планеты поможет определить нужное направление. Так думают ученые, подозревая, что есть и еще нечто им неизвестное, но понятное птицам.

Замрет кто-то, заслышав птичий вскрик из мрачной выси. И охватит его первозданная тоска о недоступном. Если бы можно было влиться в эту стаю... Проплывали бы внизу мутно-светлые пятна городов, где люди сидят в своих домах, словно мыши в норах, и наслаждаются жалкими благами. Так хорошо опираться крыльями на воздух вместо того, чтобы сбивать ноги о земные колдобины.

Потом слева появятся белые тени и вырастут в сполохи. Посереют туманы над грешной Землей. Зашевелятся какие-то темные клубы и поползут в небытие. Все зло умрет, когда на Землю брызнет первый солнечный луч. Всякая тварь, завороженная, затихнет. Велики миг - выставился край светила и сошло благословение на все сущее. Ночные странники опустились. Долго они присматриваются и прислушиваются. Они никому не делают и не желают зла, так как не знают, что

это такое. Но зато они знают, что вокруг неизвестность, в которой могут оказаться желающие их смерти. Потому они вместе, у них много глаз и ушей. Даже когда они убедятся в безопасности избранного места, извечная настороженность не покинет их. Пока одни кормятся и дремлют, другие внимательно вглядываются в окрестности. Потом они поменяются ролями. И так будет продолжаться, пока длится день. С наступлением сумерек стая, словно получив сигнал, поднимется в воздух, и опять поплывут внизу блеклые огни селений, а наверху замрут звезды. И опять птицы будут подбадривать друг друга своими позывками, которые кто-то услышит на земле и займется его сердце странным желанием. Но тщетно он будет вглядываться во тьму: это не его мир.

* * *

Нет ничего ужаснее тюремных стен, но Ивану постоянно кажется, что если бы он был в камере-одиночке, ему было бы легче. Так надоело постоянное мельтешение перед глазами неприятных людей, пустые разговоры, идиотический юмор. Теперь Иван знает, что для некоторых представителей рода человеческого присуща какая-то дремучая грубость, которой нет даже у животных. Быть рядом с ними очень тяжело, но ничего не поделаешь. Тюрьма не знает сантиментов. Кроме лишения свободы она обеспечивает полуголодное прозябание, грязь, унижения, постоянное нахождение с непереносимыми людьми. Говорят, в Америке заключенные бастуют, когда им на завтрак дают черствые булочки. Сюда бы их... в руки советской тюремной администрации: бастуйте сколько угодно, хоть до тех пор, пока не придут зэки из хозобслуги, чтобы привязать бирку на ногу и стащить тело в морг.

Шесть шагов в одну сторону, поворот, шесть шагов обратно, поворот через другое плечо. Камерный моцион. Он производится по очереди. Но иногда проход не занят. Все стараются спать и спать. Во сне быстрее проходит время. А оно в тюрьме длинное. «Здесь каждый день ползет, как год, как бесконечный год...» - написал Оскар Уайльд в «Балладе Реддингской тюрьмы». И в самом деле, утреннее вспоминается вечером, словно было давным-давно. А свобода уже подернулась туманом и кажется столь давней, словно десятилетия протекли с тех пор как сзади захлопнулась дверь камеры.

Когда небо хмурое, оно оказывает на душу дополнительное давление. Если светит солнце, и сквозь решетку видны огненно-белые облачка, то мрак душевный отнюдь не рассеивается, а, наоборот, сгущается. Его щупальца проникают в неисповедимую глубину человеческого существа.

Иногда кормушка распахивается и зэк-библиотекарь предлагает книги. Случаются неплохие вещи, а что-то можно заказать к следующему обмену. Иван пытается читать, но смысл не воспринимается. Однако «Пан Тадеуш» Мицкевича пошел. Почему-то стихотворная форма проникает в сознание легче. Иван заучивает некоторые стихи, повторяя их то и дело. Когда в его руки попадает сборник Лермонтова, он буквально упивается гениальными строфами. Он находит вдруг удивительно созвучные его состоянию стихи:

Не дождаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!
....
Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно;
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Иван не помнит, сидел ли Лермонтов в тюрьме. Никто из сокамерников не знает этого также. Вадик предполагает, что он мог сидеть на гауптвахте и этого вполне достаточно, чтобы ощутить тоску по свободе. Он читает по памяти «Бородино» - со школы помнится...

Михаил перебивает литературное отступление, вспоминая, что сегодня банный день. И точно... Вскоре лязгает ключ, и в дверях предстает сопровождающий надзиратель: «Пошли мыться!..» Баня в другом корпусе. Путь в нее пролегает мимо симпатичного садика с фонтаном, кажущегося неуместным. Рядом возвышается бывшая церковь. До Великого Октября заключенных

приводили сюда на службу и замаливать грехи. Теперь в этом нет надобности. Бога изгнали. Надзиратель - бог.

Несколько минут ходьбы по двору дают маленький запас зрительных впечатлений. Пыльная зелень кустов акаций. Плавные формы деталей церкви. Раньше на это не обратил бы внимания, а теперь это впивается в восприятие и заставляет переживать.

В сыром кафельном коридоре каждый получает маленький ломтик хозяйственного мыла и камера занимает душевое отделение с двумя душами. Горячая вода падает на разгоряченный мозг, замутняя мир ощущаемого. Но все знают, что вода не только смывает грязь, а и приносит также облегчение. На кранах лежит куцая мочалка. Иван решает ею воспользоваться. Через недолгое время он пожалеет об этом. Эти жалкие мочалки служат для распространения лобковых вшей. И хотя в тюрьме существует специальный контроль за мандавошками, как именуются в народе эти создания, они успешно противостоят натиску на них. Иван помнит, с каким недоумением он смотрел, прибыв в Кресты, на пожилую женщину, сидящую на стуле с яркой лампой в руке. Мимо нее тянулась вереница голых прибывших, и все задерживались, повернувшись к ней фасадом. Женщина приближала к интимному месту лампу и, слегка нагнувшись, вглядывалась в волосяной покров.

После бани самочувствие заметно улучшается. Вода, даже испорченная различной обработкой, хранит неведомые флюиды, которые поглощает тело. Человек даже не знает, что происходит и зачем. Но результат дает себя знать. На какое-то время мысли становятся спокойными, чувства притупляются. Внутри словно распрямляется некая пружина, и тело размякает, как кисель.

* * *

Все казалось серым в новом местожительстве. Со станции плыли клубы пара, напитанные паровозной гарью. Перед домом была непролазная грязь, через которую были проложены кое-как сколоченные мостки. В обшарпанной комнате стоял неистребимый запах казенного места. По ночам из лохмотьев заделанного окна появлялись тучи клопов. Дядя Леша принес вонючий белый порошок и обсыпал окно и все вокруг. Но клопы продолжали появляться, и Ваня со страхом ждал, после того как гас свет, когда они начнут кусаться.

Как-то засветило солнышко, и серые окрестности расцветились. Ярко заохрились заросли тростника на болоте за сараем, торчащие изо льда. Ваня перебрался через полосу взбитой грязи, стараясь не зачерпнуть в калоши, и скоро стоял на краю зарослей. Высокие сухие стебли слегка шевелились и невнятно шелестели. Ваня прошелся по льду в тростниках. Ему нравились эти полые стебли с кисточками наверху. Они словно нашептывали что-то, как бабушка. За полосой тростников тянулся закопченный лед, а чуть дальше темнела открытая вода. Ваню тянуло заглянуть в таинственную глубину. Тростники зашуршали громче и тревожнее, но мальчик уверенно подошел к краю льда.

Внезапно он потерял опору. Лед под Ваней сломался, и он погрузился в жгучую воду. Ухватившись за край льда, Ваня отчаянно закричал. Вылезти было невозможно, калоши тянули вниз. Дыхание прерывалось от отчаяния и ужасного холода, сковавшего щуплое тельце. По грудь в воде Ваня цеплялся иззябшими пальцами за ямочки во льду. Он уже не кричал, а мычал, не видя, что от железнодорожного пути бегут двое рабочих. Им понадобилось, однако, сбегать еще к сараям и отыскать там несколько досок, чтобы положить их на рыхлый лед. Уже не было сил держаться, и сознание помутилось, когда Ваня почувствовал, что его подхватили сильные руки и вытащили из воды. Прибежавшие из дома девочки показали, куда отнести спасенного.

Ваня так никогда и не узнал, кто были эти простые мужики, которые вытащили его из ледяной воды, отнесли в дом и ушли по своим делам.

Опять он видел себя со стороны, Вот он сидит на кровати в изголовье между двух подушек. На голове у него белый в синий горошек чепчик. Потом он смотрит на три белые фигуры у стола и не может понять, люди это или человекоподобные клубы пара. Они молча подплывают к нему, и он погружается в небытие.

Двухстороннее воспаление легких сделало Ваню совсем невесомым. Когда он вышел на крыльцо, то оказалось, что уже совсем тепло, и кругом зеленеет трава. Он щурится на солнце и с радостью слушает болтовню Светы, держась за перила. Пахнет копотью, и черные клубы по-

прежнему плывут от станции, где перекликаются паровозные гудки. Проходит Светина мама. «Ну что, выкарабкался, утопленник!» - ласково говорит она.

Когда дети остаются одни, Света сообщает, что Ваня был «на том свете». Ее мама так говорила, Свете любопытно, что Ваня там видел. Но Ваня ничего не может вспомнить. Лишь позднее, устраиваясь спать между торчащих пружин кушетки, он вдруг вспомнит какие-то ни на что не похожие видения и завораживающий свет. Но все это как-то невсамделишно, как те белые. Ваня сказал маме, что помнит троих врачей. Она с удивлением на него взглянула: «Как же, полклиники прибежит к тебе оттого, что тебя в пруд нелегкая занесла!.. Одна врачиха приходила, уколы делала».

Ваня пытается думать, кто же были еще двое, ведь он так хорошо их видел. А вот уколы совсем не помнит и хорошо, от них ведь больно. Зато теперь горькие порошки приходится глотать. Он трется лопаткой о выступающую пружину кушетки - опять кто-то кусается. Внезапно перед глазами возникает Света и молча улыбается ему. «Ты где, на этом свете или на том?... - спрашивает Ваня. - Я с тобой», - отвечает Света.

~ 8 ~

Свеча погасла, и фитиль дымящий,
Зловонный чад обильно разносящий,
Во мраке красной точкою горит.
(В.М. Гаршин)

Когда-то наступает несчастное время в жизни, и тускнеют все краски мира. Теряет смысл то, что недавно так влекло. Растворяются в тумане дальние страны. Нет восторга над цветком. Уходят ароматы лесных полян, незамечаемые. Не тревожат шорохи листвы, и не слышен флейтовый голос иволги. Напрасно пляшет пыль в солнечном луче и сверчат кузнечики. Пламенеющие закаты и пылающие рассветы невидимы. Лишь ветер, бросивший горсть пыли в глаза, заставляет вздрогнуть.

Рухнуло нечто, умерло, ушло безвозвратно. Нет больше душевной отрады и не будет никогда. Зачем Провидение так сделало, какой ему прок от этого?.. Ведь естественный путь другой!.. Почему нужно претерпеть страдания?.. Если бы можно было обогнуть стороной этот участок жизненного пути. Или заснуть где-то под кустом, подобно медведю, завалившемуся в спячку, чтобы не знать зимних неурядиц. Но судьба назначает испить чашу горечи. Без нее неведома истинная сладость.

Безучастно течет река забвения, и пропадают слезы, как высыхают в засуху ручейки. Перестанет колотиться пульс и разверзнется спасительная пустота. В ней найдется утешение, ибо пустота - это Бог. Всемогущее, непознаваемое Ничто вдохнет в опустелый человеческий дух живительную силу, как некогда уже было... Или не вдохнет, вернув в себя тот вдох, что в начале оживил плоть из праха земного. Пути Господни неисповедимы.

А может быть уже испита чаша бытия и только какой-то мутный осадок на дне питает бренную плоть и не дает времени исчезнуть. Сочится оно сквозь муть, пахнущую гнилью в глубоком колодце, в который долго бросали всякий хлам и трупы. Трудно шевелиться, как будто незримая поклажа прижимает к земле. Зачем же она не разверзнется?.. Говорят, Гоголь в последние минуты прошептал: «Как сладко умирать!» Может быть это легенда! Почему другие не шептали то же самое. Или им не было сладко предвкушение вечного небытия?!. Или инобытия?..

* * *

В один отнюдь не прекрасный день, когда Иван собирался после завтрака попытаться уснуть, дверь камеры распахнулась.

- Маккавеев Иван Павлович, приготовиться с вещами!..

У Ивана застучало в висках. На суд! В такой момент вся камера приходит в возбуждение. Каждый пытается сказать что-нибудь обнадеживающее и доброе. Даже Михаил советует не забыть пайку, там, дескать, не скоро дадут.

Снова в дверях грохочет ключ. Пошли. Во дворе стоит «воронок». Рядом автоматчик. Несколько человек залезают в зарешеченную машину. Поехали. Через час машина останавливается. Слышны громкие голоса конвоиров. Передаются дела сидящих в машине. Наконец дверь клетки на колесах открывается. Серые люди выскальзывают на улицу. Им приказано построиться по двое и взяться за руки.

- Шаг в сторону, стреляю без предупреждения, - провозглашает один из автоматчиков, и маленькая колонна двигается через многочисленные рельсовые пути к стоящему на обочине вагону с зарешеченными окнами.

«Купе» давно заняты, а вагон стоит как стоял. Здесь спешить некуда. У одних служба идет, у других срок. Но, в конце концов, все свершается. В родном городке встречают с очередным «воронком» и эскортом. В вечерних сумерках проплывают так хорошо знакомые улицы и перекрестки, с каждым из которых связано какое-то воспоминание. На газонах, которых раньше не было, красуются крупные цветы. И как это их не оборвут на букеты подружкам?!. Знакомых что-то не видно... Немногим больше двух месяцев Иван не был в своем городке, а как будто что-то изменилось, лишь дома стоят те же самые.

Машина устремляется по пустынному шоссе, и Иван тоскливо смотрит на заросли кустарников по сторонам. Он знает, что там сыро и гнездятся птицы. Поодаль видна обширная роща из дуба. Когда-то там жил помещик, который и насадил эту рощу.

Теперь это парк отдыха с шумной танцплощадкой, где Иван испытал множество ощущений, стремясь перебороть робость перед девушками, которые ему нравились. Почему-то это плохо удавалось. Самого же его избирали девушки, которые ему не нравились. Лишь нынешней весной случилось странное. Таня, встретившаяся ему еще на катке, приходила на свидания с ним со своей подругой - тоже Таней. Они мило гуляли втроем, но как-то Таня-старшая сказала, что подруга ее ходит с ними вовсе не просто так, а сама она приходит только ради нее. Иван и раньше ощущал отчужденность своей избранницы, а теперь, узнав истинное состояние отношений, решил, что Таня-младшая более подходящий субъект для его сердечных волнений. Однажды, проводив Таню-старшую домой, Ваня робко предложил младшей подруге погулять еще. И она согласилась. Они прошли по улице туда-сюда, когда появилась Таня-старшая. Она прошла мимо них не остановившись и демонстративно отвернувшись. Но Таня-младшая не бросилась следом, а осталась с Иваном, который заметил, что точки над «и» расставлены. С тех пор они гуляли вдвоем, ходили в кино, смеялись, пока в один солнечный день Иван не смог прийти на свидание. За ним приехал угрозыск.

Бессчетное число раз пережил Иван в мыслях свой позор. От воспоминания, как он угощал Таню крадеными конфетами, он готов был лезть на стену. Теперь он проехал по тем улицам, где они гуляли, ощущая тайную сладость непорочной дружбы. Он вцепился в железную решетку. Ему хотелось выть. А вот и река, на берегах которой он всегда испытывал радостные ощущения. Теперь это клубится в сером хаосе.

Вскоре машина останавливается перед двухэтажным зданием милиции. Последний взгляд на тополя за забором, и за спиной гремит окованная дверь и засовы. Камера набита до отказа. Перед Иваном поднимается на сплошных нарах мощная фигура с кривым глазом: «Здорово, Ваняй!..» Хо, да это Шпэк, который давно уже сидит.

Иван даже не знает, как зовут Шпэка. Они не были в большой дружбе, хотя как-то уже давненько Иван бросился на клич Шпэка бить ремеслуху. Однако им пришлось спасаться бегством в темном переулке. Уж слишком много выскочило из барака-общежития дюжих молодцов. Дело решил брат Шпэка, такой же крепыш, прибежавший в переулок.

- Стой, падло!.. - дико заорал он, полуприсев и отведя руку с большой финкой. Ремеслуха попятилась. Все знали, что в черноте переулков городка ножом не угрожают, а пускают его в дело не задумываясь.

Хотя зверская физиономия Шпэка всегда отшатывала Ивана, теперь он был рад встрече. Шпэк рассказал, что он отбыл уже больше года из двух по приговору за избиение, но родственники пострадавшего подали на пересуд. Пересуд состоится завтра или послезавтра, и он боится, что ему добавят срок. Братану он передал весточку. Пусть родственники не думают, что им это сойдет на халяву. Братан посмотрит на них на суде, а потом рассчитается с ними сполна.

Иван рассказывает Шпэку о своих встречах в Крестах. Он не забывает упомянуть, как Михаил «прокатил» его с передачей. Шпэк возмущен так, словно это произошло с ним самим.

- Я б его, гада.., - лицо его вконец перекашивается, и огромные кулаки взлетают сами по себе. Иван с удовольствием представляет, что бы было с Михаилом, окажись он здесь с ними.

В камере стоит непрерывный гул от множества разговоров. Висит махорочный чад, но есть даже папиросы. Неплохо и со съестным. С забытым ощущением Иван жует кусок булки с колбасой. Ему, однако, не дает покоя постоянный зуд в интимном месте. Уж не подцепил ли он мандавошек?.. Ему уже приходилось испытать действие этих тварей. Как-то в душевой кочегарки, где он работал, сменщик пользовал какую-то бабенку, а вслед за этим пришел Иван и завалился спать на ту же лавочку. Потом он долго не мог понять, почему так безумно чешется волосяной покров внизу. Поскольку он теоретически знал о существовании лобковых вшей, то у него закралось подозрение, которое тут же и подтвердилось. Обследовав жгучее место, он извлек шевелящуюся причину зуда. А вскоре и сменщик рассказал о своей трагедии, давшей трещину в семейной жизни. Похоже, что и теперь было то же самое. Иван запустил руку в карман и с горьким наслаждением незаметно драл ногтями низ живота. В тюрьме существовало поверье, что мандавошки заводятся от переживаний. Иван не сомневается, что так и есть. Про мочалку в бане Крестов он забыл. Ко всей мерзости прибавилась еще одна.

Валяясь ночью на полу на замурзанном пиджаке рядом с храпящим Шпэком, Иван ощущал отвратный запах своей заношенной одежды, который сливался с общим смрадом, заполняющим этот проклятый кусочек безмерного пространства. Нет... Не надо думать о том, что рядом, пропади оно пропадом. Еще маленьким он придумал себе занятие перед сном. Закрыв глаза, он представлял себе различные жизненные ситуации. Воображение разыгрывалось настолько, что он плакал или радовался, переживая выдуманные события. Теперь добавился новый канал бегства из реальности. Он вспоминает свое прошлое и нередко вдается в него с такой силой, что всплывают из глубин забвения совершенно ничтожные подробности: какой-нибудь сучок на перилах крыльца, которого давно не существует, или проникающий взгляд человека, который давно стал совсем другим.

Если хорошо настроиться, то прошлое надолго поглощает настоящее. Как в кино впитываешь то, что происходит на экране и больше ничего не ощущаешь, так и это погружение в прошлое. Цвета, звуки, запахи и собственные ощущения, переживания текут и текут, иногда вдруг переключаясь на совсем другое. Можно сознательно избрать какой-то случай, погрузиться в него и рассмотреть то, что тогда не успел или не обратил внимания и вот теперь оно перед глазами.

* * *

Ваня часто вспоминает бабушку. Он понимает, что с матерью о бабушке лучше не говорить. Рука у матери тяжелая. Он уже изучил ближайшие окрестности и часто ходит к тростникам на краю болота, которое переходит в небольшое озеро. Вода там нестерпимо блестит, а по берегам на той стороне навален разный хлам, какие-то ящики и бочки, железяки и машинные шины. Там нет тростников, которые растут только здесь, со стороны размякших гряд.

У самого дома тянется канава полная воды. Ваня пристрастился пускать по воде щепочки и колобашки, представляя их корабликами. Какова же была его радость, когда однажды дядя Леша, возвращавшийся с мамой с работы, подозвал его и вытащил из кармана изящную пластмассовую лодочку. Ваня сказал «спасибо» и принял подарок.

Мама хмуро объявила, что надо сказать «спасибо, папа». Ванина радость поблекла. Уже не первый раз мать требует, чтобы он называл дядю Лешу папой. Но Ваня помнит слова бабушки, что у него есть настоящий папа. Только он где-то в другом месте живет.

- Ладно уж, - сказал дядя Леша и, взяв мать под руку, пошел к дверям по узким мосткам, стараясь не оступиться с них.

Ваня с восторгом смотрел, как маленькая желтая лодочка плывет под напором легкого ветерка. Однако, вскоре лодочка затонула, и Ваня с горечью смотрел на желтую полоску на дне канавы. Достать ее было невозможно. Он сходил попросить дядю Лешу, но мать опять резко сказала, что пока он не назовет дядю Лешу папой, лодочка будет лежать на дне. Ваня ходил вдоль канавы, потом принес палку, пошевелил ею лодочку, но она только покрылась слоем ила.

На следующий день Ваня все так же безнадежно толкался у канавы. Пришли девочки, и он рассказал им, почему дядя Леша не хочет помочь. Валя очень быстро сообразила, что нужно сделать.

- Ты назови его папой понарошку!..

С работы мать пришла одна, и лишь через час проследовал дядя Леша, глядя перед собой.

Ваня набрался духа. Он вбежал в комнату и с порога закричал: «Папа, достань мне лодочку!..» Мать ковырялась в кастрюле, стоящей на плитке, и не взглянула на Ваню. Дядя Леша сидел на кушетке и оловянными глазами молча смотрел на Ваню. Только теперь Ваня заметил, что дядя Леша выпивши. Молчание поразило мальчика, принесшего большую моральную жертву. Ему стало стыдно, как еще никогда не было. Он попятился и выскользнул за дверь. На улице он переживал свое предательство, о котором потом будет помнить. Заморосил дождь, стало холодно. Мимо проковыляла тетя Лена, у которой коленки не расходились, как будто были связаны.

- Ну что, горемыка!.. - ее широкая теплая ладонь легла на Ванину голову.

Утром Ваня вставал обычно, когда мать с дядей Лешей уже ушли на работу. Когда после своего неудачного обращения к отчиму, он открыл утром глаза, то первое, что он увидел, была желтая лодочка, лежащая на табуретке около кушетки. Однако радостная вспышка, озарившая его, тут же померкла. Словно какая-то серая тень выдвинулась из-за старых газет, залепивших бывшее окно. Ваня потерял интерес к лодочке. И никогда больше мать не настаивала, чтобы он называл дядю Лешу папой.

Дни проходили за днями, не оставляя по себе никакой метки в памяти. Убогий мир освещался величественным солнцем и этого было достаточно, чтобы сидеть где-нибудь под стеной сарая, вдыхая запах креозота от шпал, из которых сарай был сложен. Большие лопухи рядом вызывали почтение. На огороде паслись скворцы. На огромном тополе перекликались галки, и Ваня силился понять их проблемы.

Приходили девочки и начинали тараторить. Ваня слушал их звонкие голоса и молчал.

- Ты почему не говоришь с нами?!. - возмущалась Света.

- Дык, вы сами говорите, - смущенно отвечал Ваня.

- У него котелок не работает, - заключала Валя.

- Ну, что ты говоришь?!. - вскидывалась Света, - у него хороший котелок, только медленно варит... Правда?.. - обращалась она к Ване.

- Когда надо, тогда и быстро варит...

Ваня испытывал некоторое раздражение оттого, что девочки обсуждали способности его «котелка», но злость на них у него не возникла. Он еще не научился злиться. А кроме того, он чувствовал, что они - хорошие девочки, особенно Света.

~ 9 ~

Такова жизнь! Суетная и недолгая. Только она и причиняет боль. В смерти нет страдания. Умереть - все равно, что уснуть. Смерть это конец, покой. Почему же ему не хочется умирать??!

(Джек Лондон)

Стоит над землей неистребимый Зов жизни. Из него ползет муха с оторванными крыльями. К нему обращает отчаянный взор зверь, попавший в капкан. Из смрадной топи его подхватывает вопль тонущего. Изуродованный смиряется с Судьбой под его призывом. Ему подчиняясь, самка уходит от детенышей, поедаемых непосильным врагом.

Думая о смерти, призывая ее как избавление, отшатывается человек от ее холода. Безмерны муки, но пусть будет Жизнь. Жалкое прозябание, только не конец. В нем затаится надежда.

Сотрет время острые выступы. Великая печаль покроет сердце серой паутиной. Умрут надежды. Не засветит впереди желанный огонек и не к кому прикоснуться перстами. Слабое тепло души уходит никому не нужным. Тихая печаль струится от звезд и от Луны. Смыкаются глаза на пыльной дороге. Тяжел крест, зарыть бы его в землю. Но Зов жизни будет звучать во все времена и каждый ему подчинится. Даже взойдя на край пропасти и еще не сделав последний шаг, услышит жаждущий Смерти многократное эхо, зовущее жить. И останется он зарастать плесенью и осквернять воздух. Не будут ему петь птицы и благоухать травы. Но и с беззубым ртом, кряхтя от немощи, он будет радоваться хлебу насущному и доброму слову. Бог не оставил его, погасив склонность к великому греху - уйти из жизни раньше отведенного срока.

* * *

Тупое ожидание, чередовавшееся с режущим отчаянием перед неопределенностью, кончилось. Маленькая клетка на колесах остановилась у дома, где на первом этаже находился суд. По улице, как обычно, двигались люди. С руками за спиной Иван поднялся по нескольким бетонным ступенькам. Сразу за высокими дверями в небольшом коридоре он увидел девицу Женявого. Она, конечно, явилась узнать, не выдаст ли Иван напоследок ее дружка. Женявый подцепил ее совсем недавно, но теперь они, видимо, окончательно снюхались. Ивану она казалась неинтересной. Он даже не помнил, как ее звать. «Привет», - сказал он ей, стараясь казаться непринужденным. Девица не ответила, словно видела его впервые.

- Сучка, - подумал Иван и вошел в зал.

Там сидело несколько человек. С двумя милиционерами за спиной Иван прошел вдоль зала за небольшой барьер, ограждавший скамью подсудимых. У самого барьера сидел дед с испуганными глазами. У Ивана похолодело нутро. Он хотел обнять деда, но милиционер сзади отстранил его: «нельзя». Сев на скамью, Иван смотрел на деда не в силах что-либо сказать. Дед не сводил с него глаз. Он казался совсем дряхлым и немощным.

- Мать не пришла?., - хрипло спросил Иван.

- На юг уехала, - также хрипло проговорил дед, - на Черном море греется...

- Бабушка как?..

- Плачет все... - блеклые глаза деда заблестели. Он полез в карман за платком.

И тут Иван сорвался. Он упал головой на барьер, захлебываясь судорожным плачем. Минуты две он был словно вне себя, ощущая лишь какие горячие льют слезы.

- Поговорил бы лучше с дедом, чем рыдать-то, - проговорил милиционер.

Иван вытер глаза рукавом. Дед спросил милиционера, можно ли передать пакет с едой внуку.

- Потом, - сказал милиционер.

- Встать, суд идет, - перекрыл женский голос общий шум.

Все встали. Иван увидел знакомого судью. Один из народных заседателей тоже был знакомый. Он жил в одном доме с Иваном, работал каким-то путейским служащим и в небольшом сарае постоянно делал бочонки для квашения капусты, которые продавал. То, что он вошел в состав суда, не сулило ничего хорошего. Но Иван согласился на состав суда. Будь что будет. Он рассказал, слегка запинаясь, то, что уже не раз говорил следователю. Он увидел своих пострадавших. С какой неприязнью они говорили о нем! Красивая, молодая женщина, представлявшая торговую организацию, перечислила похищенное в ларьке на стадионе. Опять прозвучала кругленькая сумма денег.

- Не было денег, - жестко проговорил Иван, ни на кого не глядя, - сами украли...

- Не перебивайте свидетеля, ведите себя, как следует, - произнес судья, глядя на Ивана глазами мороженого окуня. Спустя годы он сопьется и застрелится, но пока он этого не знает. А потом никто не узнает, почему он решил оборвать свою жизнь.

Государственный обвинитель произносит речь, в заключение которой считает, что подсудимый вполне заслуживает четыре года лишения свободы. Значит три года дадут, - думает Иван. Он знает, что суд всегда дает меньше, чем просит прокурор. Государственному защитнику, похоже, вообще не хочется говорить. Сказав несколько общих фраз, он обращает внимание на молодость подсудимого. По его мнению, лишение свободы в данном случае неизбежно, но прокурор, пожалуй, завышает его длительность. Иван забыл, что подсудимому дается последнее слово. Он растерялся и начал мямлить о том, что он глубоко прочувствовал свою вину в тюремной камере, что вся жизнь сложилась нескладно, дома всегда было плохо... вот и теперь, когда он стоит перед судом, мать отдыхает на Черном море. Исподволь поползла мысль, зачем он это говорит, зачем он пытается вызвать к себе жалость. Иван замялся и, сжимая вспотевшими руками барьер, попросил суд о смягчении приговора. Он чувствовал, что выглядит жалким ходатаем, но высока цена свободы на скамье подсудимых.

Суд удаляется на совещание. Иван с надеждой смотрит на толстые щеки заседателя, делающего бочонки. Ведь сосед... И почему это бочоночное быдло должно решать, сколько лет ему

париться за решеткой. Кого только не наберут в народные заседатели!.. Прокурор и защитник собирают свои бумажки и уходят. Их действо кончилось, решение суда их не интересует.

Иван не смотрит в зал, где как будто подсобиралось немало народу. Он окидывает взглядом лишь первый ряд, где сидят те, кто давали показания против него. Торжествующая физиономия шофера, который обнаружил около сарая Ивана свой велосипед по обрывку голубой резинки на переднем крыле и «заложил» его. Этот особых чувств не вызывает, хотя теперь-то нашлось бы применение кастету. Но эта смазливая торговка с пышной задницей, что сидит сразу за дедом, наполняет Ивана ненавистью. Он тихо говорит с дедом и снова вспоминает деньги, которые ему «пришили». Дед машет рукой, да бог с ними, с деньгами, только бы дали поменьше, а то он и не дождется Ивана. Завтра дед обещает приехать в милицию с большой передачей, которую собирает бабка. Сарай Ивана, где его взяли с поличным, дед разобрал на дрова. В поселке Ивана помнят, спрашивают при встрече, что слышно о внуке. Плохо никто не говорит. Да и что тут говорить?! Столько народу пересидело по тюрьмам, что нет в этом ничего особенного. Жизнь такая.

- Встать, суд идет!..

Иван вытягивается. Толстые щеки смотрят на него безучастно. Судья монотонным голосом читает приговор.

- Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Перечисляются злодеяния Ивана и, наконец, звучит решающий аккорд: по статье 89, часть 2 - 3 года, по статье 218, часть 2 - 1 год, по статье 144, часть 2 - 5 лет. Общий срок лишения свободы - 5 лет с отбыванием в лагерях усиленного режима.

У Ивана сперло дыхание, а в следующее мгновение его охватила злоба. Сволочи, они не поняли, что ему хватило бы и трех лет.

- Понятен ли приговор, - обращается судья к Ивану.

- Понятен, - сквозь зубы цедит Иван.

Расслабленность милиционеров улетучилась. Они знают, что между ними находится отчаявшийся волк, способный на невероятные свершения. Долго передаются на спецзанятиях случаи, когда, выслушав приговор, подсудимые бросались на судей или на конвой, и стоило больших усилий скрутить их. Отчаяние рождало невероятную силу; случалось, что подсудимым удавалось бежать прямо от судейской кафедры. И этот, первым делом, войдя в зал, глянул на не зарешеченные окна.

Ивана подхватывают под руки и, забыв про пакет деда, быстро ведут к выходу, где стоят еще два милиционера.

-Деда, я вернусь!.. - через плечо кричит Иван и видит растерянную фигурку.

В камере он плачет и матерится, как только может. Потом тупо затихает. Вскоре его вызывают и ведут на второй этаж. В кабинете он видит заместителя начальника угрозыска. С огромными черными бровями, сросшимися на переносице, он имеет суровый облик, и все уголовники чувствуют себя в его присутствии неуверенно.

- Ну что... получил катушку!.. - спрашивает заместитель, - сам виноват... надо было рассказать как было дело, кто соучастники... впрочем, еще не поздно, пока ты здесь... ведь, не один был?..

У Ивана уже после «катушки» катятся слезы, он всхлипывает. Заместитель разглядывает его, постукивая карандашом по стеклу на столе. «Нашкодничают, а потом крокодиловы слезы льют», - с омерзением думает он, вероятно, в тысячный раз.

- Расскажи, что скрыл, мы сумеем изменить приговор...

- Конечно, я был не один, и даже не вдвоем, - сквозь слезы выговаривает Иван, - но черта лысого вы от меня узнаете... что вы тут мне дуру гоните... приговор измените... сами ловите, за то деньги получаете...

- Ну, как знаешь, - с досадой цедит заместитель и нажимает кнопку на краю стола. Его расчет на то, что парень совсем раскис и легко расколется, не оправдался. Кто-то из его дружков гуляет на свободе и что еще совершит?! Сколько дел останется нераскрытыми?! Ведь и на этого вышли случайно. А он, явно, только начал воровскую жизнь и еще не успел взяться за крупные дела.

* * *

Осенью дядя Леша получил комнату в коммунальной квартире большого дома. Комната совсем маленькая, но в солидном доме и с перспективой получить комнату побольше, когда кто-нибудь из соседей выедет. Здесь нет «клопового »окна и общей серости, но зато есть тусклый коридор, по которому нужно проходить в комнату. Что-то в этом коридоре пугает Ваню. Ему постоянно кажется, что в коридоре кто-то есть, невидимый. Наверху коридор пересекает какая-то толстая труба, и паутина, свисающая с нее, шевелится сама собой. В углу, заваленном хламом, слышатся какие-то потрескивания и шорохи. Свет от маленькой лампочки, залепленной грязью, неровный, и даже там, где ничего не должно быть, Ваня видит неясные тени.

Он пытается сказать маме, что в коридоре кто-то есть. Но она высмеивает его, сказав, что вечно он придумывает небылицы. Дядя Леша, наоборот, очень серьезно выслушал Ваню, взял его за руку и они несколько раз прошли вместе по коридору. Шевеление паутины, шевелящиеся тени, непонятные звуки, - все получило естественное объяснение дяди Леши, но Ваня уверен, что есть еще что-то, о чем он не знает, как сказать. В конце концов ничего не поделаешь, ему пришлось свыкаться с коридором, но он всегда старается проскочить в коридорной серости побыстрее.

На улице здесь все не такое, как около прежнего дома. Копотью почти не пахнет, и паровозные гудки далекие, а иногда их и совсем не слышно. Из окна третьего этажа далеко видно. Дом стоит на окраине, и из окна открывается вид на огороды и луга с одной стороны, и на ясли в низком каменном доме, окруженном громадными тополями, - с другой. Ваня изучил новый двор с двухэтажными сараями, с большим садом, с рядами акации и барбариса. В доме живет много людей, всех и не упомнить. Тетки одеты все по-разному, а дядьки либо в военную, либо в железнодорожную форму как у дяди Леши; кому что выдают на работе, то и носят не снимая. Но и ватных фуфаек много. Их носят те, кто не работает в органах или на железнодорожной станции. Фуфайки носят тетки и дядьки, когда холодно. Подростки все одеты в рваные фуфайки, и мама говорит, что растет шпана и нечего без толку слоняться на улице, когда все приличные дети сидят дома. И правда, детей на улице почти не видно. Иногда мальчика или девочку ведет за руку мама, и Ваня с любопытством смотрит, как сверстники тоже с любопытством глядят на него, которого никто никуда не ведет. Днем он один; мама с дядей Лешей на работе, и он свободен. Мама запретила долго гулять и далеко ходить, но что такое долго и недолго, далеко и близко?..

В каждом подъезде широкие цементные лестницы, огороженные перилами, по которым большой парень с четвертого этажа обычно съезжает на заднице и залихватски насвистывает. Ваня сразу оценил его смелость. Если сверзиться с перил вниз, то костей не соберешь. Но на животе он пробует и... получается, хотя в конце пролета он несколько раз не успевает затормозить и отлетает под широкое окно. На лестнице крепко пахнет кошачьими мочой и калом (дядя Леша говорит, что кал - это приличное говно, хотя мама отвечает ему, что как не называй говно, оно все равно говно). И точно, лежит на лестнице кошачья кучка, и сразу видно, что это говно, хоть и калом ее назови, противная. А под нижнюю лестницу, где ничего нет, ступить негде, столько говна, а от вони голова кружится. Но сами кошки встречаются редко и всегда убегают. Они знают, что лучше вовремя смыться. Лишь молодые кошки, жалобно мяукая, тянутся к проходящим людям, пока не получат хорошего пинка, тогда прозревают. Как-то Ваня приласкал серенькую кошечку, а проходящая тетя сказала, что он получит заразу, и Ваня отбросил жалкое животное, представив, как некая зараза с мягкой шерстки заползает ему в рукава.

Сад - это близко, туда можно, хотя иногда там сидят на земле мужики и пьют водку. Часто пьяные и отсыпаются под кустами акации, издали напоминая брошенный серый куль с хламом. Делается холодно, моросит дождик, а им хоть бы хны... Скучно. Лучше идти домой, пока мама с работы не пришла, а то ругаться будет и подзатыльник залепит.

У соседей опять две девочки, и Ваня с ними общается. Сверху приходит еще одна девочка. Они собираются все у Вани и играют. Девочки затевают бытовые игры. Иногда они изображают в ролях сценки из виденного. Если должен придти врач и делать укол в попку, то Ваню заставляют забираться под кровать, чтобы он не смотрел на попку. Однажды он решил вылезти в самый ответственный момент и заявил, что слышал как кто-то вошел в квартиру. Тут-то он и увидел пухлую попку Веры. Ничего интересного это зрелище ему не представило, а перед увидеть не удалось. Ване непонятна стеснительность девочек: что в этом такого, если бы он посмотрел; к тому же он видел письку девочки еще в детском садике и знает, что у девочек не так, как у мальчиков, потому они и девочки; и у Светы он видел письку, когда они вместе сикали за сараем...

Иногда дети ссорятся, и Ваня является примиряющим звеном. У него теперь есть букварь, и дядя Леша, когда бывает трезвый, обучает Ваню чтению. Днем Ваня разглядывает с девочками картинки в букваре. Они представляют, как все вместе живут вот в этом красивом доме на картинке. Они решают жить вместе долго-долго, пока не помрут.

- А ведь когда-нибудь помрем, и нас никогда больше не будет, даже через миллион лет, - как-то с тревогой сказал Ваня.

Дети немного поплакали, переживая эту печальную мысль, но вскоре забыли о вечном небытии после смерти. Жизнь, хотя и убогая, берет свое. Однако потом, оставшись один, Ваня опять думал о том, что смерть наступает навсегда. Эта мысль была невыносима, пока он не вспомнил, что есть «тот свет» и, как говорила Света, он даже уже бывал там, вот только не запомнилось. Завтра он скажет девочкам, чтобы не боялись, с «того света» можно даже возвращаться обратно.

Зимой дядя Леша принес от своей сестры охотничьи лыжи. Он уже давно обещал Ване эти лыжи. Хотя было совсем темно, Ваня тут же отправился в сад. Лыжи были очень большие и неудобные, но Ваня старался изо всех сил ехать на них, как это делали большие мальчики. Между рядов акации было совсем темно, только сам снег давал отсвет. Иногда какая-нибудь ветка тыкалась в лицо. Стало жарко. Где-то далеко брехали собаки. В черном небе горели и перемигивались звезды. Было так хорошо. Совсем не было страшно одному в темном саду, среди снегов.

Уже ночью начался жар, и несколько дней Ваня не покидал постели, то цепенея от озноба, то обливаясь потом. Девочек к нему не пускали, вдруг заразный. Утром и вечером приходилось глотать какие-то горькие порошки. Но как-то утром Ваня понял, что поправился. Он отправился голышом на кухню. Старушка соседка с укоризной выговорила ему, что нехорошо, мол, гулять по дому без штанов. Ваня понял, что и правда, нехорошо, а тут еще и Лиля вышла. Она, однако, совсем не смутилась и даже как будто не заметила, что он совсем раздетый.

- Как хорошо, что ты поправился!.. А то скушно без тебя...

Ваня переживал упрек старой соседки. Он, должно быть, ощутил то же самое, что Адам, отведавший запретного яблочка, обнаружив вдруг отсутствие штанов на себе. Ничего не ответив Лиле, он бросился в комнату и оделся, после чего долго смотрел в окно. Там, на горизонте виднелась темная полоска леса, куда ему почему-то хотелось.

- Ты что делаешь? Давай букварь смотреть, - Лиля просунула в комнату голову. - Ты не сердись на бабушку, она старая...

- А я и не сержусь, - удивился Ваня тому, что он мог бы рассердиться, - давай лучше в окно смотреть, вон там далеко, видишь - лес, тебе хотелось бы туда?..

- Да ты что?!. Там же волки! Они злые...

- А я и не подумал!..

~ 10 ~

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.
(Сергей Есенин)

На цветочном ковре на холме где-то стоит одинокая береза, чтобы принять под свою сень неведомого путника. Отсюда, с прохладного живительного ложа, он мог бы видеть волны, прокатывающиеся по соседнему пшеничному полю, и цепочки облачных клубов, плывущих в синеве. Прошелестел бы аккорд березовых листьев, и задорно прокричал бы радостный зяблик. Запах цветов, несравнимый ни с чем, влился бы в грудь живительной струей. Прогудел бы шмель, и засверчала цикада, вписанные в мироздание. Роились бы мысли при взгляде на дорогу, по которой пришел, но терялось бы все ушедшее в березовом шелесте и синей бесконечности.

Береза стоит, но путника нет. Он мог свернуть в сторону и уйти в овраг. Он мог не дойти и лечь в пыли дороги бездыханным. Его могли подстеречь лихие люди там, где дорога идет через лес. А может быть его завлекла в болота какая-то нечисть: то ли лешак пугнул, то ли русалка поманила, спрятав свой тюлений хвост в зловонную жижу.

Сложатся из мгновений века, и на месте одинокой березы зашумит лес. Может быть тогда появится тень, заблудившаяся во времени, и погрузится во влажный полумрак в папоротниковой

чащобе. Смутное воспоминание назначенного места проплывет укором: здесь тебя ждали когда-то, но ты не пришел. Теперь ты чужой, а здесь все другое. Тогда надо было приходить, когда тебя тут долго ждали. Тогда ты мог бы получить указание, что тебе нужно и куда идти дальше. Теперь поздно. В другом месте ждут тебя. Ищи его. Будет подсказка. Запомни.

Прозвучало во сне название места. Но где это? Мир велик, дороги бесконечны. Кто-то слышал и скажет: да это же в Хабаровском крае где-то... Боже... На другом краю света... И где гарантия, что там твое место сейчас?.. Придешь когда-то и опять будет поздно. Но твоя воля...

* * *

На следующий день после осуждения Ивана плачет и матерится Шпэк. Его вытаращенный глаз, глядя в потолок, бешено вращается, и никто не мешает бегать Шпэку от стенки к стенке и сбивать штукатурку огромными кулаками. Ему «довесили» четыре года.

Вероятно, каждый преступник мог бы сказать вслед за Оскаром Уайльдом:

Мы знали только, что закон, написанный для всех,
Хранит мякину, а зерно роняет из прорех.
С тех пор как брата брат убил,
И миром правит грех...

Говорят, что были люди, согласные со своим приговором. Не выдумка ли это, как и почти все, что люди передают друг другу, никогда толком ничего не зная. Осужденному всегда кажется, что его приговор слишком суров. Он забывает, что сделал кому-то плохо, может быть даже убил кого-то или сделал инвалидом. По законам общества, он должен нести кару, но он не хочет ее нести. У него находятся оправдательные аргументы перед своей совестью, если уж это требуется.

В середине дня Ивана вызывают к дежурному. На деревянном диване сидит дед. Он поднимается навстречу внуку и, обнявшись, оба плачут.

- Сначала не хотели дать попрощаться с тобой, - всхлипывает дед, - но этот господин такой хороший, сказал «ладно, на пять минут», - дед обращает лицо к дежурному, который с добродушной усмешкой смотрит на допотопного деда, до сих пор не забывшего господ.

- Бабка не поехала, не могу, говорит... вот, передачу прислала, - дед кивает на здоровенный мешок, который он неизвестно как дотащил.

- Ты слушайся там начальников, может пораньше выпустят, - поучает дед.

- Амнистию ждите к съезду, - громко встревает дежурный, - недолго осталось...

- Ну, все, пять минут прошло!..

Иван обхватывает щуплые плечи деда, потом, подхватив мешок подмышку, уходит за решетчатую дверь.

На следующий день в Кресты отправляется воронок. Поезд со столыпиным стоит на втором пути. Вылезшие из воронка выстраиваются в колонну и, окруженные со всех сторон, идут к вагону. С перрона доносится приветствие. Это брат Шпэка стоит, подняв руку. Несколько человек с безразличием смотрят на колонну, которую поглощает вагон с решетками.

Ивану кажется, что все происходит во сне. Людей он видит только как какие-то символы, как на картинах Камилла Писсаро. Он задвигает мешок на вторую полку и забирается следом. За ним лезет Шпэк, довольный, что увидел брата. Теперь путь не сулит особых новшеств. В Питере их встречают, рассаживают по воронкам, и вот она... тюрьма центральная, меня, несчастного, по новой ждет... Знакомый собачник. Туалет с могучей фановой трубой, через которую, как гласит легенда, бежали отец с сыном. Но только отец выскользнул живой в Неву. Сын захлебнулся. После этого случая на выходе трубы поставили решетку. Когда через какое-то время еще двое попытались уйти через эту трубу, то уперлись носами в эту решетку. Сбоку трубы на болтах завинчена крышка, которую и вскрывали беглецы.

Иван трогает болты и недоумевает - как же они отвинчивали их, не пальцами же?!.

На саносмотре пожилая тетя уже сказала Ивану проходить. Он смущенно заметил, что вроде бы что-то есть. Тетя еще раз осветила его лобок и поправилась - да, туда, - и махнула рукой в сторону двоих, стоящих особняком. Иван подошел к Шпэку.

- Ну, пошел я в карантин, мандавошки у меня...

- Может, еще увидимся, при случае дай знать, где ты..., - прошептал Шпэк.

Несколько зараженных подошли к цырюлю, который ловко ободрал тупой бритвой волосяной покров, ткнул палкой с какой-то мазью и наказал размазать. В камере собрались только об-

ритые снизу. Люди были новые, но как по облику, так и по разговору, как будто те же, что и раньше были. В основном бакланы, т.е. жалкие хулиганы, мелкие воришки и прочий сброд, заторканный, с пугливыми глазами. Один подсел к Ивану, с сочувствием заговорил. Через некоторое время Иван понял, что притягивало этого серого человека с подобострастной улыбкой и кивками головой.

- Кешар у тебя хороший, пожрать есть?..

Иван достал батон, разрезанный вдоль пополам и проложенный яичницей с колбасой. Серый уселся поудобнее и принялся откусывать от целого батона куски, едва не выворачивая челюсти. Иван ходил по камере. Все остальные спали. Серый охотно пояснял, что будет дальше, как писать кассацию, сколько ждать, куда могут послать этапом. Ему эта премудрость уже надоела, но вот... опять залетел на трояк, бабу побил... Хорошо, должно быть, побил, если три года дали, - подумал Иван. Ему был неприятен этот серый тип, но сколько еще таких должны были пройти перед глазами.

Даже днем в камере тускло горит лампочка. Окна камер осужденки с намордниками. Лишь сверху виден кусок неба. В отличие от следственного корпуса , здесь можно ходить по камере всю ночь, а там после отбоя надо лежать, да еще и выставив руки, если закрылся заскорузлой накидкой или пиджаком. Время от времени слышно отодвигание заслонки очка - заглядывает надзиратель. Теперь очки со стеклами, а раньше, говорят, были без них. Но какому-то докучливому надзирателю кто-то всадил в глаз заточенную ручку ложки. Интересно, что было с этим «кто-то». Должно быть забили насмерть где-нибудь в подвале. Большинство людей здесь одного сорта, только одни совершили преступления, а другие пока нет, стерегут первых. В самом деле, какую нужно иметь душу, чтобы добровольно работать надзирателем и постоянно общаться со всякого рода сбродом, возвращающимся в эти стойла всю свою жизнь.

Иван вспоминает несколько встреч старых знакомых. Какая отрада! Опять свиделись! На свободе не встречались, но сходятся дорожки в тюрьме, да еще и в одной камере. Вот же игра судьбы!

Под утро ноги устают, сонные вопли и жуткий храп вспугивают мысли и в голове устанавливается пепельный шум со стучанием в висках. Цифра 5 огненным зигзагом прорезает мозг. Тусклым утром в наморднике раздается голос синицы. Зачем она здесь лазает?.. А впрочем что ей. Глотнет тюремного смрада и улетит в более благостные места, и никто не будет стрелять в нее. Она из другого мира.

* * *

До чего хорошо летом! Всякий раз, когда Ваня ярким солнечным утром выходит из дома, он всем своим существом упивается этой хорошестью. Он пытается смотреть на солнце, но оно ослепляет, и после того, как на несколько мгновений удается задержать на нем взгляд, ничего вообще не видно.

Можно забраться по скрипучей лестнице на второй этаж сараев и оттуда обозревать двор с кучами дров, между которыми гуляют куры. Они такие разные. Есть огромные темные с рыжими крапинами и даже черные, но больше всего простых белых, как у бабушки. Петухи гордо выступают среди своих подруг, живущих в одном каком-то сарае. Вскочив на кучу дров, то один, то другой петух громко кукарекает, показывая другим петухам, что он гордый и сильный. В доказательство он еще и крыльями машет и хлопает, прежде чем спуститься с дров и примкнуть к своим подругам, нежно проворковав им свою любовь. Случается, две группы сблизились и чужак-петух посягает на курочку из соседской группы. Тут уж держись... Глава своих бросается на него, как лев, и пошла потеха. Петухи сшибаются в воздухе, норовя резануть противника шпорой. После воздушной атаки они переходят в наземное нападение с помощью клюва, целясь в глаз или в гребень. Иногда кому-то удается ухватить врага за гребень, и он тычет его мордой о землю. Схваченный за гребень уже не сопротивляется, видно, ему очень больно, и он покорно кивает, пока соперник не утомится. Тогда побежденный, улучив момент, бросается в сторону и, опустив хвост, бежит что есть сил подальше и от врага, и от подруг своих. С гребня у него капает кровь.

Победитель побежденного не преследует далеко: хватит ему и того, да и сил не осталось. Однако он гордо вскидывает голову и, оглядев присмиревших подруг врага, степенно отходит к

своим. Бывает, что и вскочит он на вражескую подругу, которая с готовностью отодвигает хвост, и, как говорил дед, сделает ей яичко, изогнувшись дугой.

Иной петух боя не принимает. Ему уже доставалось изрядно, и он это помнит. Если уж происходит сближение со старым знакомым, нагнавшим на него некогда страху, уж лучше смотаться побыстрее. Пусть курочки сами разбираются, что делать. Им может быть и приятнее, что такой красавец оседлывает их. Иная, правда, пытается сбежать, но пробежав немного, останавливается и приседает с готовностью, ощущая приятную тяжесть на спине и оттягивание перьев на шее. Соскочив, петух еще вытянет крыло вдоль ноги и просеменит полукругом вокруг избранницы, что-то выговаривая на своем языке. Да тут же и забудет про нее, ведь и другие есть; всех надо уважить.

Бывает, что дерущиеся петухи не уступают друг другу, а драться обоим надоело. Тогда они степенно отодвигаются один от другого все еще со взъерошенными на шее перьями и делают вид, что клюют что-то сбоку, пристально наблюдая одним глазом за врагом. Но вот... расстояние уже достаточное и можно сложить шейный ореол перьев на место и забыть о противнике.

Солнышко пригревает все сильнее. Запахло нагретой древесиной, и если приложить к ней ладони, слышно, как душистое тепло вливается в них. Огромные синие и зеленые мухи присаживаются на древесину и, заправившись ее теплом, летят дальше. За низким забором из штакетника стоит пряный запах цветущей акации. Желтые цветки ее приятны на вкус и их можно съесть много. А вот кисти барбариса совсем невкусны, зато листочки кисленькие и после сладковатых цветков акации идут как приправа. Надо только смотреть, чтобы на них не было тли, которая иногда облепляет листочки с нижней стороны.

На большой круглой клумбе беспорядочно пламенеют цветки ноготков. Говорят, что они лекарственные, но вкуса у них нет никакого. Дальние углы сада совсем темные от высоких густых кустов и здесь даже страшновато. Вот ветка закачалась сама по себе. Ах, это птица вылетела... Хоть бы посидела на месте, дала себя рассмотреть, но нет, смылась...

За сараи из сада лучше не ходить, там везде кучи говна, как будто весь дом туда ходит в уборную... Того и гляди вляпаешься, и не отчистить, а потом мама принюхивается и грозно спрашивает: «Где шлялся?.. Все говно на себя собрал!..» Да еще и подзатыльник отвесит.

Иногда мама прогуливается вечером с дядей Лешей по дороге к речке Воняловке, и они берут Ваню с собой. Он счастлив оттого, что пошли туда, куда ему одному ходить нельзя. Мама сказала, что если кто-то ей скажет, что Ваню видел на дороге, то ремня ему не миновать. А ремень - штука неприятная, уж это точно.

На дороге Ваня бежит впереди и пускает катиться колесико, подобранное у кочегарки. Радостно смотреть на катящееся колесико. Но вот... оно упало где-то у большой лужи и его не найти. «Да вот же твое колесико! - приблизившаяся мама указывает пальцем на край лужи и со смехом оборачивается к дяде Леше - Глаза по ложке, а не видят ни крошки!» Зачем она это сказала, ведь знает, что Ваня не любит, когда про его глаза говорят. Настроение испорчено, и колесико больше пускать не хочется. «Федул губы надул», - говорит мама насмешливо. Дядя Леша с растянутым в улыбку ртом поглядывает на Ваню и молчит. На мосту через Воняловку Ваня думает, что этот мост похож на тот, который находится на дороге к бабушке, и речка та же самая. Правда, там сливаются две речки, и которая из них больше Воняловка, непонятно. Он спрашивает об этом дядю Лешу. Тот поднимает брови: хм! Потом поясняет, что название Воняловка не настоящее, людское, а настоящее название речки какое-то другое, он не знает, а, впрочем, может быть и нет у нее названия, ведь маленькая речка, перепрыгнуть можно местами.

- Ладно, пошли обратно, а то и правда, воняет, - мама потянула носом воздух, - фу!.. Не зря назвали так речку.

- Народ мудрый, все обозначает точно! - замечает дядя Леша.

Они возвращаются мимо скопления огородов, разгороженных то живописными заборами с листами старого железа с крыши, то заборчиками из какой- то сетки, то рядами колючей проволоки.

- Хорошая нынче картошка будет, судя по ботве, - произносит дядя Леша.

- Ты бы озаботился о собственном огороде, а то зимой жрать нечего, - раздраженно отвечает мама.

- Будет, все будет!.. - убежденно говорит дядя Леша.

Ваня вспоминает бабушкин огород. «Такого не будет, - думает он, - чтобы и сосны росли, и тополя, и яблоня с вишней, и всякое другое, а тут одна картошка...»

~ 11 ~

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья?
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?..
(М.Ю. Лермонтов)

Многое постигла наука, и человеку кажется, что он знает... Распускается цветок с письменами на лепестках и источает неясный нежный аромат, понятный мотыльку. Пряные запахи разбросает невесть откуда прилетевший ветерок. Погладил щеку и исчез не увиденный. В плавном танце опускается на траву лист, а мимо, поблескивая прозрачностью крыльев, проносится стрекоза.

Можно взахлеб пить небесную синеву и слушать шорохи облаков. Пестрая зелень будет обволакивать мозг, а в сердце вольется непонятная струя. В этот момент происходит непостижимое: дух соприкасается с Всеобъемлющим. Только теперь приходит полное знание. Постигаются письмена на лепестках и пятна на крыльях бабочек. Камень, согретый теплом руки, излучает картины далекого прошлого. Шершавый ствол березы льет в ладони повесть своего бытия. В зеркале родника рисуются древние мотивы, будто выскальзывающие из чрева Земли. Цветные тени слагают странные сочетания, каких теперь не бывает.

В цветочном мареве на лесной поляне плавают мифы. Кто-то видит их мельком, а иной - словно в кино. Дж. Толкиен много показал миру незрячих. Кто смог, увидел.

Придет истома, и подернется дымкой беспредельность. Сведет судорога тело и душу, словно от всепожирающего огня. Изойдет от человека что-то неощутимое, словно невидимый дымок, и колеблется он клубами среди других, лучистых клубов. Сладостный восторг заполняет все, и нет никаких мучительных вопросов, сомнений, ничтожных желаний. Нет времени и пространства. Ощущение благости столь поглощающе, что для мыслей, а тем более слов, не хватает места, да и нет таких слов, чтобы выразить понятным образом для других свое переживание. А может быть и не нужно выражать? Потому и нет мыслей, только ощущение полноты в пустоте, без ничего. Сам себя потерял. Но сменяется теплота то ли огненным жаром, то ли ледяным холодом, и появляется страх, словно во сне с грозящей смертью. Со всех сторон влились ощутимо неведомые токи, будто прошуршали в голове. Призрачные видения земного вновь появились. Но хочется вырваться из чьих-то нежных объятий и бежать куда-то в пустоту, роняя кипящие слезы. Зачем... ну, зачем все это?.. - корчится человек, ненароком соприкоснувшийся с пламенем ада. Не потому ли желают покойникам: упокой, Господи, душу его! Может быть он вернется к жизни, хотя бы адской?

Тот, кто возвратился от соприкосновения с полнотой бытия, обогащен будет великим знанием, влитым в него неведомым путем во время блаженного небытия. Потом это знание проявится в сознании, как возникает изображение на фотобумаге, погруженной в проявитель. Захочет человек поделиться своим знанием с ближними, ибо для того дан ему язык, чтобы открывать свое внутреннее, иначе недоступное ему подобным. Кто-то его послушает, но мало тех, кто будет верить ему. Заратустра у Ницше нес людям любовь и встретил в лесу святого отшельника, сказавшего ему: «Ничего не давай им, лучше возьми у них что-нибудь и неси вместе с ними - для них это будет всего лучше: если только это приятно и тебе!»

* * *

Умяв батон с яичницей и ветчиной, серый отвернулся к стене, и вскоре рука его ритмично задвигалась. «Дрочит, сволочь, на моем батоне», - злобно подумал Иван и отвернулся к противо-

положной стене. Он уже знал, что онанизм в тюрьме не считается большим грехом. Многие запасаются соответствующими картинками из журналов, чтобы иметь зрительный образ женщины, пусть даже в одежде. Изображения дамочек в купальниках котируются очень высоко. Они служат предметом купли-продажи. Проблемы онанизма иногда обсуждаются ветеранами лагерей. Иван вспоминает, что как только прибыл в Кресты и находился еще в собачнике, куда напихивают человек по двадцать, он как раз попал на такое обсуждение. Громадный мужик сетовал, что вышел на свободу, нашел сочную продавщицу и ничего не смог. Он и терся об ее пышные формы (он показывал, какой величины), и в руку она брала, никакого толка.

- А в рот брала? - спросил спортивного вида молодец, - очень помогает...

- Нет, это мне не нравится, - отвечал верзила, сообщая, что дрочил все 16 лет каждый день и вот... на настоящую бабу теперь не хватает. Может и отошло бы, да вот... встретил как-то своего следователя. Тот с палочкой теперь ходит и приветливый такой стал, поздоровался по имени-отчеству. Помнит, падлюга, через столько-то лет.

Рассказчик показал, как он поднял этого гада и забросил за придорожную канаву. Теперь еще лет пять всучат. Опять лес пилить.

Утром надзор выдал бумагу и карандаши тем, кто пожелал писать кассационную жалобу в областной суд.

- А... пиши... не... один черт..., - махнул рукой серый.

Два другие мужика тоже отказались. Но Иван тут же приступил к делу, хотя внутреннее чутье подсказывало ему, что надеяться на успех нельзя. Почему бы не попробовать, ведь что-то надо делать. Вдруг свершится чудо.

Он писал весь день, а потом еще и ночь, несколько раз начинал сначала. Надзиратель взъелся за количество бумаги, а после прогулки больно ударил дверью по пятке «Давай, пошевеливайся, ползет, как умирающий». Иван посмотрел в его плоскую, красную рожу, но дверь захлопнулась.

В кассации он пытался дать анализ своих действий, исходя из всего предыдущего опыта своей жизни. Он уже заикнулся об этой теме в последнем слове на суде. Но тогда это было неосновательно, да и неуместно. Теперь же он вдумывался в свои предпосылки и отчетливо видел, что весь его жизненный путь был в противоречии с его сущностью. Произошла какая-то ошибка судьбы. Он осознает, сколь тягостные преступления совершены, но это осознание его внутреннее, оно не зависит от того, находится он в тюрьме или на свободе. Он не вынесет 5 лет заключения, так как сила раскаяния и тюремное окружение совершенно непереносимы. Наверное, он сойдет с ума, потому что уже ощущает некоторые симптомы. Наконец, он понял, что опять старается вызвать себе жалость. Но что делать?.. Другого пути нет. Может быть его кассация попадет в руки сердечного человека.

Все, кто пишут кассационные жалобы, чаще всего просят о снижении срока, т.е. жалобу на обоснованную несправедливость приговора попросту подменяют прошением о смягчении наказания. Давно, однако, известно, что Москва слезам не верит, а плачут в тюрьмах многие. Их деяния зачастую не связаны с убеждениями, как у политических или религиозных заключенных, дух которых оказывается более стойким, благодаря их убеждениям. Они знают, что правы. У уголовников такого ощущения нет, поэтому и дух их чаще всего хлипкий. Поэтому уголовники нередко пускают слезу. Не чуждо это даже рецидивистам.

Иван вспоминает рассказ круглолицего Вити в 267-ой камере. Витя был профессиональный карманник, но покинув лагерь пятый раз, решил завязать. Целый месяц он жил честной жизнью и наслаждался этим. Но потом приперло с деньгами, и он решил последний раз зацепить кошелек у какой-то дамочки в «Пассаже». И надо же так было случиться, что с галереи его застукали. А в кошельке-то оказалось 20 копеек. У Вити скатилась слеза, и он отвернулся. Плачут даже бытовые убийцы. Ведь убийство не готовилось и не обдумывалось. Просто в состоянии аффекта подвернулся под руку топор, который и обрушился на голову соседа. Через секунду аффект прошел, но череп соседа не склеишь. Он обойдется лет в 12-15, хотя бы убитый и был отъявленным мерзавцем, за которого общество-то может быть и благодарно, а вот правосудие решит по-своему: нет ни у кого личного права лишать жизни человека, кто бы он ни был. Точно также не может кто-либо присваивать имущество, принадлежащее другому.

Все это настолько понятно, что очень трудно оправдаться, зачем ты присваивал чужое. Добро б, еще с голода умирал, но ведь не было этого. И все же Иван закончил свою кассацию на

11 страницах. Пусть один шанс из миллиона, но он есть. Через несколько лет он узнает, что его кассация произвела сильное впечатление на секретаршу того суда, что решал его судьбу. Туда пришла копия. Секретарша была единственным человеком, который всплакнул над чужой болью. Читал ли кассацию кто-то еще, знает один Всевышний.

Карантинные дни вышли. Загрохотал засов, и скоро Иван зашагал в новую камеру, в новый мир. Здесь было людно. Лишь возле параши оставалось место, где можно было постелить тюфяк. Камера оказалась веселой. Тонус поддерживал плешивый мужичонка с усами лет сорока (как оказалось потом - 24).

- Посидишь с 14 лет, посмотрим, как ты будешь выглядеть, - говорил он крепышу в тельняшке.

Воспитывался Николай в детдоме, откуда и переселился сначала в колонию для несовершеннолетних, а затем в нормальный лагерь. В основном он работал по дуркам (сумкам) в транспорте, иногда по карманам, особенно когда замечал солидный лапотник (бумажник) у солидного фраера. Как-то он вырезал лапотник из внутреннего кармана френча какого-то оглоеда, что свидетельствовало о высокой квалификации в глазах воров. Это тебе не замок ломом выворачивать, - гордо повествовал Николай, - нужно ощущать фраера, как самого себя, не толкнуть лишнего, не жать, а если что, вежливо выговаривать соседям, дескать, товарищи, не давите так, у меня ребро сломано. Он припоминал множество историй из лагерной жизни, из которых следовало, что в лагере жить можно. Нужно только устроиться каким-нибудь придурком: лучше всего в каптерку, можно на кухню посудомоем или в баню, да мало ли теплых мест, да еще и с каким-нибудь наваром. Теперь Николай влетел на 4 года, как рецидивист.

- Всего-то по четвертому разу! - восклицал он без особой досады. Он постоянно напевал, выстукивал чечетку и затевал дискуссии на разные темы.

- Чего ты кислый, по половинке уйдешь, - уверял он Ивана, - а может и скоро... вот сделают амнистию после съезда... всех вас повыгоняют... мы только, старые волки, останемся...

Он подпрыгивал и с переливами выщелкивал на цементе чечетку, гордясь своим искусством. У всех, пытавшихся ему подражать, получалось весьма куце.

- А ну, директор, растряси жирок!.. - кричал Николай грузному субъекту, сидящему на нижних нарах. Но директор предпочитал степенность и поэзию. Он сочинял стихи, посвященные Лельке, и всегда читал вслух свои новые произведения. Лелька, несомненно, пришла бы в восторг от этих виршей, доведись ей послушать их. Вся камера знала, что это - ширяющаяся студентка филфака, занимавшаяся любовью с директором так, чтобы остаться девственницей. Она была последней в любвеобильной жизни директора, из которой его вырвал угрозыск, прямо из уютного кабинетика хозяйственного магазинчика.

Нет в тюрьме более животрепещущей темы, чем об амурных приключениях ее обитателей. Богатая практика директора приковывала внимание камеры, особенно если учесть его безусловный талант рассказчика. Голод самцов уходил с людьми в сны. Прекрасное женское тело без лица на какой-то железной крыше дома. Иван хочет к ней приблизиться, но не успевает. Его передергивает, дыхание спирается и, пробуждаясь, он ощущает мокроту в штанах на целом бедре.

* * *

Как дядя Леша не убеждал Ваню, что коридор совсем не страшен, Ваня остался с ощущением какой-то темной силы, заполняющей коридор. Он даже думает, что коридор живой и каким-то образом приникающий в чувства находящихся в нем. Пока мать в комнате, она не злая, но сходит на кухню, т.е. дважды пройдет по коридору, и ее настроение меняется. Соседи смеются в своих комнатах, а как пройдут по коридору в кухню, так поджимают губы. Когда Ваня с мамой и дядей Лешей переехали сюда, то какое-то время взрослые здоровались друг с другом при встречах. А потом не только перестали здороваться, но и время от времени на кухне возникала злобная перебранка.

Мать запретила Ване играть с соседскими девочками, а те получили такие же наставления от своих матерей. Когда Ваня попытался обойти запрет, то услышал: «Ты худой и ссышься по ночам». Это был удар, что называется, ниже пояса. Мало того, что мама не жалела подзатыльников, когда обнаруживала мокрую простыню, так теперь, оказывается, и соседи знают о его несчастье. Валя смаковала свое знание, видя как вытянулась Ванина физиономия, и он не знает, что сказать.

«Зассыха, зассыха!..» - она прыгала на одной ноге и корчилась от смеха. Дело происходило в кухне. Ваня бросился в комнату, подумав, что сейчас еще и Лиля выйдет. Тогда его позор еще более углубится. В коридоре ему показалось, что дух, витающий там, тоже осклабился: ссун...

Он долго всхлипывал, прижавшись лбом к оконному стеклу. Потом взял «Букварь», долго не мог настроиться на чтение, но, наконец, дело пошло, и внутренняя боль утихла. Ему нравилось по буковке прочитывать слово и вдруг осознавать, что это слово связано с хорошо знакомым предметом. Уже оставалось совсем мало незнакомых букв, и он мог читать даже конец «Букваря», складывая лишь знакомые буквы и догадываясь, что означает слово, в котором есть незнакомые буквы. Он даже удивил дядю Лешу тем, что сам назвал буквы, которых они еще не проходили, уяснив их звучание по прочитанным словам.

Вечером мама варила на керогазе суп, а Ваня сидел рядом с дядей Лешей на ящике для картошки в их кухонном углу. Пришла Валя, прислонилась к своему кухонному столу и настойчиво ловила взгляд Вани. Ему совсем не хотелось на нее смотреть; он участвовал в разговоре взрослых. Но иногда его лицо поворачивалось к Вале, и она строила ему отвратительную гримасу.

- Похоже, что у нас будут свои Ромео и Джульетта, - сказал дядя Леша маме.

- А кто это? - спросил Ваня, почувствовав неладное.

- Подрастешь, узнаешь, - таинственно улыбнулся дядя Леша.

Он, конечно, так бы не подумал, если бы знал про тягчайшее оскорбление своего пасынка. И действительно, скоро Ваня едва замечал Валю, хотя с Лилей они иногда перекидывались немногими словами и даже играли на кухне, когда не было Вали. Высокая старуха, смотревшая за Лилей, ничего против не имела.

Летом Ваня сдружился с девчонкой, жившей этажом ниже. Она, правда, была маленькая, на целый год его моложе, но зато крупная и сильная. Мать у нее была татарка, поэтому имя у нее было непривычное - Дина. С соседней улицы к Дине приходила подружка Майка. Дружили их отцы - военные, дружили и дочери. Поначалу Майка была в недоумении, почему это Дина все время с Ваней. Однако она быстро признала этот союз, и они играли втроем, сидя где-нибудь под стеной дома. Ване очень нравилось смотреть на Майку. Она была маленькая, очень тоненькая и с удивительно смуглым лицом. Когда она смотрела ему в глаза, то казалось, что из ее глаз идут лучи света. К Ване она, однако, почти не обращалась, разговаривая обычно с Диной.

Как-то они сидели по привычке под стеной и возили по влажному песку кирпичи. За кирпичом оставалась гладкая ровная дорожка, из которой можно создать рисунок, над чем Ваня и трудился, прислушиваясь к подругам. Тут-то он и уловил тихо произнесенное Майкино признание, но обращенное не к нему, а к Дине. Ваня сделал вид, что ничего не слышал, но Динка захихикала.

- Слышь, она говорит, что любит тебя, - сообщила Динка Ване.

Ваня взглянул на Майку. Она смотрела в землю. Ваня замешкался. Ему хотелось сказать, что он тоже любит Майку и даже первее, чем она, но ведь Динка хихикает, хотя и добродушно. Поэтому Ваня произнес безразличным тоном: «Ну и что тут такого».

- А они переезжают в другой город, - сообщила уже совсем серьезно Динка.

Этого Ваня не расслышал в их разговоре и был ошеломлен.

- Переезжают!.. - повторил он упавшим голосом.

- Папу переводят, - вскинула на него свои лучи Майка.

Секунду мальчик с отчаянием впивал эти лучи. Потом молча опустил глаза.

- Ну, я пошла, - поднялась Майка и словно уплыла по воздуху, навсегда.

Разорвала судьба ниточку, сотканную неизвестным им высочайшим духом, ибо не знали они ничего больше, и не нужно им было ничего, кроме как ощущать присутствие друг друга. А может быть так угодно было Провидению, чтобы сохранила память образ ангельской чистоты, который непременно померк бы когда-то в будущем, случись развитие этих отношений. Ведь ангелов нет в плотском мире потому, что они несовместимы с сущностью земной жизни.

Ваня долго помнил Майку. Она словно плавала у него перед глазами. Как-то он спохватился: да что же это он не проводил ее, ведь она приходила прощаться!.. Через много лет он осознает, что уже тогда дух жалкого обывателя охватил его, вытеснив божественную искру, с которой появляется в этом мире каждый новый человек.

Дина не появляется, но тетя Валя с верхнего этажа ведет за руку маленькую Альку и предлагает ей недолго погулять с Ваней, который сидит на пустом ящике у подъезда.

- Ты мою девочку не обижай, - предупреждает тетя Валя, - такая чудная погода, сама бы гуляла, да стирать надо...

Ваня ведет Альку во двор и они лазают по кучам дров. Говорить им особенно не о чем. Алька все время сидит дома и привыкла молчать. Она сообщает, что часто смотрит в окно и видит как Ваня гуляет вокруг дома. «Я писать хочу», - внезапно говорит она. «Ну так что, вон, смотри, какая прятка», - Ваня показывает нишу под настилом из досок над кучами дров. «А ты не смотри на меня», - просит Алька. «Ладно», - соглашается Ваня и тут же поворачивает к ней голову. Алька недовольна, что он подглядывает, но продолжает свое дело, повернувшись фасадом к нему. Потом они снова лезут на дрова, но вдруг к ним подбегают несколько больших девочек, которые, оказывается, наблюдали за ними издали.

- Жених и невеста из кислого теста! - громко кричат девочки и хохочут, приседая и корчась.

Ваня потерян. Ему вовсе не хочется, чтобы Альку называли его невестой; подумаешь, посикала рядом с ним... Положение спасает Алькина мама, которая, высунувшись в окно высоко над двором, кричит, чтобы Алька шла домой. Большие девочки убегают за угол дома. Алька смотрит на Ваню: «Пойдем?!.» Но Ваня отвечает, что его не звали, ему дома делать нечего, а до подъезда она и без него может дойти.

От дров и щепок, устилающих землю на дворе, жарко. Ваня идет в сад и ходит между рядами акации. Здесь как в лесу. Навстречу идет белобрысый мальчик, заметно старше Вани и с каким-то неприятным взглядом. Он останавливается прямо против Вани:

- Банку хочешь?..

- Какую банку?..

- В ухо!..

Ваня пытается связать некую банку и ухо, но тут получает крепкий удар по уху, и от неожиданности падает на бок, но тут же вскакивает и в недоумении смотрит на обидчика.

- За что?..

- А просто так!..

Ваня лихорадочно думает, что просто так по голове не бьют, но пока мысли теснятся, погоняя одна другую, белобрысый поворачивается и , насвистывая, уходит.

Много лет проживут они в одном дворе, и разное будет между ними, но дружить они никогда не будут. Впрочем, Мамин, как его назовут позднее, не был дружен ни с кем. Было в нем что-то, отталкивающее любого. Когда они вырастут, и Ваня станет Иваном, которого как-то доставят в милицию, он увидит Мамина среди мусоров и поймет, что Мамин работает стукачом. Он сделал вид, что не узнал Ивана, но когда того увели в камеру, наверняка рассказал все, что ему известно об этом субчике по слухам, которых было немало. Вряд ли Мамин вспомнил историю их знакомства, о чем думал Иван, растянувшись на нарах в КПЗ. Он думал и о том, что профессия филера, судя по литературе, очень древняя, и вот... оказывается, что предпосылки ее появляются еще в короткоштанном детстве, хороший пример чего являл собой Мамин, хотя в данном случае он и не имел стукаческого отношения к Ивану. А тогда... после ухода белобрысого Ваня потрогал ухо, отозвавшееся болью, и заплакал.

~ 12 ~

Человек без житейского опыта - это былинка, увлекаемая бушующим ветром. Наша цивилизация находится еще на середине своего пути. Мы уже не звери, - ибо в своих действиях мы руководствуемся не только одним инстинктом, - но еще и не совсем люди, - ибо мы руководствуемся не только голосом разума.

(Теодор Драйзер)

Каждый человек, доживший до почтенных лет, помнит время, когда он был маленьким, какие длинные дни тогда были, и как ярко светило непонятное солнце. Какая юная была мама!.. Как радостно она улыбалась успехам своего чада и с какой тревогой встречала его неприятности!.. Ее душевное тепло согревало и защищало от всего чужого и непонятного. Все затруднения исчеза-

ли, стоило лишь посмотреть на маму. Ответы на все вопросы виднелись в ее глазах и ощущались в ее руках. Она могла низвергать то, что засело в голове, и это не было больно. Наоборот, исправленная ошибка приносила облегчение, как от вытащенной занозы. Казалось, так будет всегда, но потом возникали новые заботы, о которых маме лучше было не знать. Но она знала и старалась помочь как могла. Даже когда ушли розовые дни детства, и впереди открылся безжалостный мир, мама оставалась тем неизменным приютом, каким была с самого начала. Вернулось ли ее чадо изуродованным или даже потерявшим рассудок, она найдет путь к его сердцу, так как он никогда не прерывался.

Мама прощала то, что простить нельзя. Она забывала самые мерзостные поступки и находила оправдание преступлениям, если уж судьбе было угодно, чтобы ее чадо их совершило. Она молилась, забыв, что не верит в Бога, за то, чтобы минула горькая чаша для ее кровиночки. Если бы Высший Разум снисходил до материнских чувств, то на свете не было бы несчастий, но у него иные цели. Ведь и человеческий разум не всегда постигает глубину материнской любви. Но когда грянет беда, каждый хочет, чтобы снова пришли нежные глаза и руки матери, и мир заполнился их теплом хотя бы на какое-то время, чтобы перевести дух. Может быть потом все изменится к лучшему, придет избавление от страданий, и образ мамы затаится в душе до новых передряг.

Мало ли было трагических обрывов жизни и звучал последний, отчаянный крик: ма-а-ма!!! Импульсивный зов рвался из глубины сердца, где самый дорогой образ всегда был защитой от чего бы то ни было плохого. И в последний миг не оставалось больше ничего другого, как рвануться к нему.

Образ матери волновал все творческие сердца. Созданы шедевры в музыке, живописи, литературе. Они приходят к нам из глубины веков и из вчерашнего дня. Они поднимают в душах певучие вихри воспоминаний о блаженной материнской близости. Неслышимо звучат гимны в честь женщины, подарившей нам жизнь и собственным примером учившей нас любить ближнего. Если мы этому не научились, то в этом не ее вина. Когда-то мы вспоминаем свой путь и размышляем, отчего все получалось не так, как надо было. Но в любом случае мы смягчаемся и испытываем прилив добра, когда видим в начале пути маму.

Уйдут годы в житейской кутерьме, но настанет миг, когда раздастся внутренний зов, и тогда понадобится собраться в путь и проведать маму. Седенькая, немощная старушка взбодрится, вытирая полувидящие глаза. Вместе со здоровьем прохудилась и память. Но, если вы интересуетесь своим гороскопом, для чего нужно знать точное время рождения, можете не сомневаться, вы его узнаете без промедления. И если имели вы претензии к матери, и любовь ее вызывала сомнения и казалась уродливой, то теперь придет постижение того, что вам было отдано все, что можно было отдать. Просто одни имеют больше для отдачи, другие - меньше; кому сколько дадено от Бога. Но если любовь измеряется теплом и заботой самки, то по всеобщему закону каждый новый человек получает их в том достатке, который он и несет потом всю жизнь, будь он отпетый уголовник или суперинтеллигент.

Уходит мать из жизни, и человек сиротеет. Какой-то обрыв нарушает связь вещей. Нет больше твоего начала, остался только конец.

* * *

Нигде не живут с такой силой ожидания как в тюрьме. Здесь все ждут со жгучим нетерпением, так как время явно замедляет свой ход. И когда происходит что-то неожиданное, то кажется, будто мир переворачивается.

Как-то уже после обеда загремела дверь. Появившийся надзиратель объявил: «Маккавеев Иван Павлович, на свидание!» Пока они идут по галереям и лестницам, Иван думает, как он будет говорить с матерью. Ведь это несомненно она приехала, кто же еще?!.

В комнате свиданий он еще не был и теперь видит широкий стол, по одну сторону которого сидят родственники. По другой стороне рассаживаются заключенные. Женщина-надзиратель объявляет правила свидания. Иван смотрит в заплаканное лицо матери с южным загаром, и сердце его сжимается. Он судорожно силится не плакать, но слезы текут сами по себе. Ему хочется сказать: мама, но он не может выговорить это слово. Уже с давних пор он перестал его произносить, и даже теперь, когда чувства накалены, он не может.

Разговор не клеится, тем более, что рядом сидит надзирательница. Общие фразы -как там, дома... Съездили на юг, путевка пропадала...Бабушка с дедом здоровы, кланяются, просят его вести себя смирно, может быть выпустят пораньше. Люди говорят, что за хорошее поведение освобождают досрочно.

В какой-то момент Иван не выдерживает и всхлипывает. С отчаянием он говорит матери, что непременно сбежит, как только окажется в лагере. Он не знает, что эти слова, которые слышит надзирательница, вскоре преобразуются в красную полоску на обложке его «дела», а это означает «склонность к побегу». Такая полоска определяет многое. Если отбираются заключенные на какие-то работы, то смотрят их «дела». Лагерная канцелярия работает с «делами», а не с людьми. «Дело» с красной полоской обычно и не смотрят, откладывают не глядя.

Свидание закончено. Иван смотрит в смятое, красное лицо матери. В ее глазах боль. Увидимся ли?..

В камере Николай старается его утешить, рассказывая чудесные истории из лагерной жизни, которым он сам был свидетель. Приносят передачу для Ивана, и все, кроме его самого, с удовольствием жуют, вспоминая запахи свободы. Потом директор сочиняет очередной стихоподобный «шедевр» на тему свидания и передачи.

Иван выспрашивает Николая о возможностях и последствиях побега. Тот готов разорваться от распирающих его сведений, которые кому-то понадобились. Он рассказывает множество историй, но почти все они кончаются уныло. За побег добавляют 2-3 года, и уж потом можно не рассчитывать на условно-досрочное освобождение. А при поимке могут и убить ненароком. Кто-то получит за это отпуск, домой съездит. А если с дальняка бежать, то там любой местный будет рад сгрести беглого или, по крайней мере, сообщить, где тот находится. За это премию дают.

- Не-ет, бежать надо с толком, - следует вывод, - чтобы сразу ксиву[1] сработать и деньги иметь, да податься куда подальше от родных мест.

- А чего тебе бежать! - обрушивается Николай на Ивана, - потолок у тебя что ли. Через 2,5 года выскочишь, как миленький. Вот в следующий раз встретимся, расскажешь...

- Не будет следующего раза, - угрюмо возглашает Иван.

- Хо, видали, - торжественно обращается Николай к камере, - все так думают по первости, а там, глядишь, опять залетел, аж самому не верится.

Он еще долго не может остановиться, вспоминая разные повторные встречи. Заключительная часть его разглагольствований имеет характер широко распространенной теории: попавший в тюрьму в молодости опять в ней окажется, побыв немного на свободе. Это - судьба, рок, и тут ничего не поделаешь. Даже если ты ничего такого не сделаешь, все равно клеймо на тебе красуется, и за что-нибудь да снова упекут.

Все это Иван уже слышал от прежних сокамерников. Одно и то же разными словами говорят разные люди. Стало быть, есть в этом что-то закономерное. Иван старается уйти от этих мрачных мыслей и думает о побеге. Он, конечно, не собирается, совершив побег, возвращаться в родной город и вообще появляться на людях. Разве не способен он жить в лесу?! Сколько он мечтал о такой жизни еще на свободе!.. Сколько исходил он лесов и всегда испытывал радость в своих блужданиях!.. Он открывал для себя скрытую жизнь леса и бывал счастлив, встретив что-то редкое. Поэтому нет для него ничего особенного от того, что он поселится в лесу навсегда.

Из угла за нарами вылезает довольный Гена. Он необыкновенно тощий и весь какой-то серый, должно быть от почти непрерывных сроков. На руке у Гены красуется татуировка: «не забуду мать родную», а повыше черт с гитарой на полумесяце. Много дней он изготавливал из газет карты. Сначала он жевал хлеб и, набрав целый рот клейковины, мазал языком листочки газеты и склеивал их. Потом он вырезал шаблоны мастей, сделав краску: черную из сажи, для чего жег каблук башмака, красную из кусочка кирпича. Теперь он нанес рисунки мастей на основу и продемонстрировал свое изделие. Это был шедевр. Карты были упругие, гладкие, изображения мастей не отличались от печатных. Гена пустил колоду по воздуху из одной руки в другую, дал каждому подержать ее в руках. Даже Иван ненадолго отключился от мрачных мыслей, будучи поражен, что буквально из ничего сделана изящная вещь. Гена сообщил, что таких колод он уже сделал несколько десятков, и это не самая лучшая его работа. Скоро колода пошла в дело. Рассевшись один в углу, другой рядом на нарах, чтобы не вызвать подозрения надзирателя, когда тот заглянет в

[1] Документ

волчок, Гена с Николаем начали игру в вист. Директор, прикрывая их своей массивной фигурой, уткнулся в книгу. Круглоголовый Саша гулял по проходу, Иван - более коротким маршрутом от параши до угла противоположных нар: три шага. Как обычно, он погружается в горестные думы, но в то же время размышляет о том, что многие люди, видимо, вообще не думают, а сосредоточивают свое внимание на каком-либо деле, и время для них уходит незаметно. Сколько он уже слышал рассказов о необыкновенных изделиях: кто-то сделал из клейстера художественные шахматы (сам кум купил за несколько пачек сигарет), кто-то написал целую кучу репродукций картин (не отличишь от Рембрандта или Пикассо) для хозяина, предоставившего художнику условия и освободившего от всякой работы, кто-то даже роман написал, а хозяин издал его под своей фамилией, кто-то лепил скульптуры, особенно голых баб в натуральную величину, дрочить на которых собирались толпой, и скульптуры всегда были заляпаны труханиной.

От бывших лагерников Иван еще на свободе слышал немало своеобразных и пикантных историй, от которых могло и вытошнить. Но теперь он познавал истории попросту невероятные, поскольку, оказывается, нет ничего невероятного, например, в том, что камерники вставляют друг другу член в задницу и составляют «паровозик», а если хватает членов, то могут замкнуть круг и работать в слаженном ритме. Кто-то говорит, что это скотство, но ему тут же возражают, что скотство это когда весь народ сношают правители, и люди становятся хуже скотов, потому что скоту от бога положено быть самим собой, а у человека, дескать, должно быть что-то от самого бога, раз уж он создан по божьему подобию.

Когда принесли подтверждение приговора, т.е. отказ на просьбу о смягчении приговора, Иван испытал новое потрясение. Он и не ожидал положительного исхода, но, оказывается, где-то в глубине таилась надежда. И вот... она рухнула, подкосив дух. Иван перестал ходить на прогулку и большей частью лежал, пытаясь забыться. Он совсем запаршивел, так как одежда не менялась уже три месяца. В пахах развилась прелость, причиняя боль. Незаметно для сокамерников он засовывал в штаны обрывки газет, чтобы «промакнуть» сопревшие места.

Некоторые надзиратели запрещали днем лежать. По дверной ручке с той стороны бухал ключ, и доносилось требование: А ну, встань!.. Кружилась голова и, казалось, ноги совсем не держат. Те же вредные надзиратели не разрешали оставаться в камере, когда все пошли на прогулку. Приходилось тащиться в «утюг», на сетке которого наверху появились осенние листья.

* * *

Дядя Леша принес с работы репродуктор. Широкий, черный конус из бумаги в железном обруче и со стаканообразным прибором посередине повис на стене, выдавая с легкой хрипотцой то последние известия, то музыку, то какие-то речи. Ваня был счастлив. Для него вдруг открылся мощный информационный канал, и он даже в хорошую погоду забывал идти гулять. Часами он слушал радио, а когда объявляли перерыв на три часа, то ему делалось скучно. Особенно ему нравилось слушать музыку. Раньше он слышал только похоронные марши, когда кого-нибудь хоронили, и за гробом шел, сверкая трубами, духовой оркестр. Ваня всегда пристраивался сбоку к оркестру и смотрел, как надуваются трубачи, как лупит в громадный барабан колотушкой барабанщик, а рядом с ним идет музыкант с бронзовыми тарелками, которыми он брякает друг о друга. Заунывная мелодия несется окрест, проникая печалью в сердца прохожих, которым неизвестно, кого хоронят.

Теперь Ваня услышал разную музыку и был ошеломлен. Он ощущал, что это нечто совсем особенное. Под музыку так хорошо представлять себе то, чего нет на самом деле, но что могло бы быть.

В те времена еще не звучала истерическая попсовая музыка. В основном радио передавало приятную для слуха эстрадную музыку, народные песни и классику. Товарищ Сталин не велел громко кричать. Это имя произносилось по радио по сто раз на дню, и даже в иных песнях Сталин улыбался в пшеничные усы. Народ пил сивуху за здоровье товарища Сталина и ждал ежегодное снижение цен на розничные товары, особенно на продукты. Когда в магазине появлялась мука, за ней выстраивались громадные очереди. Машинисты имели привилегию, и их жены, размахивая мужниными удостоверениями, лезли без очереди. Всем муки не хватало. Бабы расходились злые, громко сетуя.

Мать, когда приходила с пустыми руками, весь вечер повторяла: пузня проклятая!.. Так она звала соседку, жену машиниста и мать Вали. Та, действительно, имела громадное брюхо, похожее на барабан из похоронного оркестра. С матерью они быстро стали смертельными врагами и время от времени устраивали на кухне бешеную перебранку. Из солидарности к своим женам мужчины старались в упор не видеть друг друга. Ване теперь и в голову не приходило позвать Валю играть вместе. К тому же он вовсе не забыл как она жестоко оскорбила его.

Дядя Леша получил значок «Почетный железнодорожник», немедля прикрутил его к кителю, который снимал только когда ложился спать. Теперь у него стала ровнее спина, так как грудь непроизвольно выпячивалась. Вместе со значком предоставлялось право один раз в год бесплатного проезда в поезде дальнего следования вместе с домочадцами. В один прекрасный летний день мама принарядилась и заставила Ваню одеть отутюженные брюки, пообещав ему подзатыльник, если он запачкает их. Ваня сразу невзлюбил брюки, потому что они пачкались сами по себе, и подзатыльники были незаслуженные.

Торжественный, как на официальном приеме, дядя Леша провел маму с Ваней в купе поезда на Ленинград. Для Вани все было новое и интересное, но самое замечательное оказалось - смотреть в окно, стоя в проходе. Под ровный перестук колес проносились деревеньки, окруженные полями. Какая-то глупая шавка заливисто облаивала поезд. Здоровенные грязные бабы с кувалдами и ломами в руках шарили глазами по окнам вагонов. На станциях истерзанные мужики, поддерживаясь за заборы из штакетника, осоловело глядели, словно не понимая, что за штука едет. А тетка в красной фуражке подняла руку с желтым флажком. Потом в глаза врывалась зеленая круговерть вперемежку с солнечными бликами. Усиливался стук, перед глазами мелькали балки ферм моста, а внизу текла речка в бахроме лугов и густых кустарников. Хорошо бы побродить там. Но опять мельтешит зелень. Затем она отдаляется, и открывается глубина леса с таинственной тенью.

Балагуривший в купе дядя Леша выходит покурить и тоже с удовольствием смотрит в лес и на открывшееся болото. «Нравится?» - спрашивает он Ваню. Тот кивает головой. «А вот охотничий сезон откроется, мы с тобой за утками сходим», - обещает дядя Леша.

В Ленинграде Ваня ошеломлен. Скопище народу, как на демонстрации. Невероятное количество машин, и все бибикают на разные лады. Вот трамвай, как на картинке. Он звонит и ходит по рельсам. Мама решительно приказывает не разевать рот и не отпускать ее руку. Они садятся в трамвай и долго куда-то едут. Дядя Леша рассказывает о том, что видно. Он здесь долго жил, и если бы не блокада, наверное и теперь оставался бы в этом городе. Ведь тут у него были жена и сын, но их разбомбили. Ваня все это знает. Он вспоминает фотографию с красивой улыбающейся женщиной, около которой стоит мальчик чем-то похожий на него. Ване странно, что дядя Леша такой веселый.

Наконец, они покидают трамвай и, после недолгих поисков, звонят в дверь. Открывает полная красивая дама и радостно приветствует дядю Лешу, а потом маму с Ваней. Это подруга дядилешиной сестры. Она показывает, где расположиться, и вскоре уходит по своим делам. За чаем Ваня пробует незнакомые вещи. Все так вкусно!.. Особенно колбасный сыр. Это надо же - сыр сделать колбасой!..

Потом они гуляют по магазинам, и Ваня познает вкус эскимо в шоколаде. Он в восторге и надеется отведать и другой тип мороженого. Но мама опять напоминает ему, что он дохлый. Еще не хватало, чтобы он тут заболел. Они куролесят по городу, смотрят на Исакий, проходят мимо Аполлона с лошадью, при виде которого мама начинает плеваться, а дядя Леша скабрезно хихикает. А тут еще и Геракл подворачивается не без содействия дяди Леши. Мама приходит в полное отчаяние, у нее иссякает слюна. Ваня с удивлением разглядывает каменных мужиков без штанов, а про себя думает: и чего это мама так возмущается, ведь в душе моется с дядей Лешей в одной кабинке, а его выставляет в другую. А дядя Леша тоже ничего, Геракл, правда, поздоровее, но Аполлону-то, пожалуй, дядя Леша всыпал бы, случись что, по первое число...

Вечером тетя Нина потчует их небывалыми блюдами и, когда в животе уже нет свободного места, достает откуда-то невероятное мороженое. Дядя Леша довольствуется малюсеньким стопариком, потому что дядя Саша - военный музыкант и совсем не пьет.

Еще два дня они знакомятся с Ленинградом. Дядя Леша постоянно что-то рассказывает. Иногда он исчезает на несколько минут в «Рюмочной», чтобы «освежиться», как он говорит. Маме купили туфли на высоком каблуке, и вечером было много веселья, когда она пыталась в них ходить по комнате. Ваня перепробовал разные мороженые и по достоинству оценил магазин «Вос-

точные сладости». Его буквально потрясли клодтовы скульптуры на Аничковом мосту, несмотря на замечание мамы: « опять с голой задницей». Дядя Леша поясняет, что бог создал человека голым, и скульпторы ему подражают. У Вани как всегда возникают вопросы. Ему непонятно, где бог взял мясо, чтобы сделать человека. Дядя Леша поднимает брови и разъясняет, что бог создал человека из глины, а потом вдохнул в него душу. Тут вмешивается мама : «Ты же партейный, чему парня учишь?..» Дядя Леша оправдывается, что так сказано в Библии, а по науке человек произошел от обезьяны. И они едут в Зоосад смотреть обезьян. При виде ярко красных седалищных мозолей павианов и бабуинов мама опять плюется. Дядя Леша указывает на громадную гориллу, которая невозмутимо ловит в шерсти блох: «Вот твой предок...» От такого родства Ваня не в восторге, но обилие зверей и птиц самого странного облика так его увлекает, что он не хочет уходить из Зоосада, хотя маме все уже надоело и она ворчит, как медведица.

Нагруженные авоськами со множеством пакетов и кульков, уже ночью они оказываются в своем городке. С мамой что-то случилось. Ваня уловил в ее шепоте слово «течет». От самого вокзала мама чуть не бегом устремляется к дому. За ней, едва поспевая, шагает дядя Леша, поглядывая, не отстал ли Ваня, который занят перевариванием навалившихся, как глыба, впечатлений от Ленинграда, где так шумно и светло, и вместо заборов из колючей проволоки красивые чугунные решетки.

~ 13 ~

Безнадежное занятие - рисовать пустоту, безуспешный труд - живописать однообразие.
(Стефан Цвейг)

Какой-то английский писатель сказал: человек, как таковой, по своей природе не плох, но общество делает его плохим. Тут есть над чем поразмыслить. Ведь если бы общество делало всех плохими, то не было бы никакого прогресса, не существовала бы культура, да и само общество давно бы изжило себя. Значит, оно делает разных людей. Об этом можно судить хотя бы по конкретным единицам общества: в больших городах всегда выше культура и образование, но глубже и негативные проявления (преступность, проституция и т.п.), чем в деревнях, где люди, по большей части, простодушны и добросердечны, в отличие от черствых и холодных жителей крупных городов. Провинциальные городки в этом смысле вполне промежуточны.

Сельские жители, да и провинциалы отчасти, хотят они того или нет, волею судьбы приближены к Природе, хотя обычно и не замечают ее. Но Природа воздействует на них незримыми флюидами и не дает развиться в их душах адовым силам, даже если они становятся алкоголиками или, вступив в конфликт с «Уголовным кодексом», отправляются заниматься самым честным трудом на благо отчизны. Мало кому из них удается выработать в себе коварство, предательство, ненависть, какой бы грех они не совершили в роковую минуту, когда вспышка ярости или нужда затмили все вокруг. Зато в городах, особенно в «системах коридорных» - в коммуналках, плавают клубы демонических начал. Они, разумеется, неприметны для глаза, как не видны магнитные силовые линии или рентгеновские лучи. Коридор воспринимается как более или менее грязноватая пустота. Однако, как известно, природа не терпит пустоты. Не в обиду марксистам-материалистам будет сказано, но в любом коридоре обитает дух, который отличается от святого духа именно тем, что он коридорный, и происхождение его тянется не сверху, а из преисподней, которая, согласно всем древнейшим источникам, находится снизу или, в крайнем случае, сбоку. Понятно, что при таком различии происхождения коридорный дух не терпит в своих владениях каких-либо подобий святого духа. Тем более, что этот последний - порядочный бездельник: привык считать, что все смертные им наделены за просто так, и, что они так и тащатся с ним по жизни как с писаной торбой. Ему и невдомек, что за живые души надо бороться. Кое-кто из людишек это даже понял и сочинил малоубедительный опус. Дескать, Мефистофель сделал все возможное, а его усилия пошли прахом - душу Фауста перехватили наглым образом ангелы. Чепуха это. Просто автор описывал свою жизнь и решил, что его место на небесах. Тут он может быть и прав, не в коридоре родился и вырос. Но за что же он героя своего обесчестил?.. Ведь был уговор!.. Всегда литераторы что-то налепят не так, как есть в обитаемом мире. То Тамару уволокут у Демона из-под носа, то самого

Сатану изобразят этаким джентльменом, осуждающим сатанинские качества и потворствующим возвышенным устремлениям. Так не бывает. Черное не может стать белым.

Коридорный дух это хорошо знает и добросовестно выполняет свое дело. Ему не нужны души мертвых. Куда важнее владеть душами живых. Его действие начинается еще при утробном состоянии будущего жителя сего коммунала. При благоприятном стечении наследственных факторов на свет иногда появляется изумительное отродье. В лучах любви какой-нибудь дворничихи-лимитчицы, согрешившей со слесарем на диване в мастерской, юный горожанин, еще сидя на горшке, уже соображает какую-нибудь пакость. Сияющий майский день не в состоянии развеять мрак в его душе, зачатый вместе с ним. Для коридорного духа такой объект - одно удовольствие. Для него достаточно малейшего воздействия. Прошел по коридору в туалет и вот... чернота в душе уже откликнулась и медленно поднимается, рождая соответствующую идею.

Коридорный дух доволен, он знает, что этот ублюдок принадлежит ему, где бы ни был и какую бы маску не одел. С другими бывает потруднее, но коридорный дух нежно охватывает всех до каждой клеточки их организма. Он помогает работать внутренним органам в требуемом режиме. Он создает чувства и мысли, чтобы человек не утруждал себя. Он знает, что не одинок. Великая сеть коридоров создана, чтобы человек не забывал, что он изгнан из рая, где он мог спать с Евой под кустиком и даже не знать, что такое грех. Теперь же... коридорный дух знает, что все в порядке, когда прислушивается по ночам к ритмичным скрипам изношенных кроватей и диванов. Новая пища, глядишь, появится!..

Подрастают младенцы и вместе с нарастающей упругостью органов и сменой козлетона на баритон или торговкино верещанье, ширятся помыслы, замышляются усложненные сюжеты как кого-то подставить, как приобрести безнаказанно что-то чужое. Коридорный дух спокоен: все путем, душевный мрак настроен как радиоприемник на нужную волну. Камерная сюита злобы и ненависти, сочиняемая коридорным духом, тут же начинает звучать в душах выродков. Всколыхивается пустота в беззвучном хохоте и только нежное шевеление паутины под потолком говорит о том.

* * *

Как в организме происходит постоянное обновление клеток, так и в тюрьме ее клетки - камеры - испытывают непрерывный «обмен веществ». Одни уходят, другие приходят.

Иван дождался очереди на верхних нарах и, сотрясаемый по ночам бурно онанирующим внизу директором, мрачно ждал, когда тот зашипит, как змей, и затихнет. Но вскоре его вызвали «с вещами» и отвели в другую камеру. Новые лица, новые впечатления, какое-то разнообразие хоть на пару часов. Как обычно. В камере одно-два лица, обращающих чем-то на себя внимание, и еще несколько фигур, воспоминание о которых уходит сразу, как только от них отворачиваешься.

В этой камере не было намордника, и как приятно после долгой серятины камеры с намордником увидеть голубую бесконечность. Народ, кажется, доброжелательный. Вечером в темный квадрат окна льется прохлада и обволакивает Ивана, лежащего под окном. Чернявый крепыш Вадим, сидя на верхних нарах, приятным голосом поет «Журавли». Иван уже много раз слышал эту песню, но здесь она звучит с особой проникновенность. Все неподвижно слушают.

Довольный произведенным впечатлением, Вадим исполняет «Оксану». Голос у него сильный, и он без особого труда то возносит мелодию, то опускает до нижнего предела густого баса. У Ивана сжимается сердце.

«Пусть годы проходят, недели сменяя,
К тебе, дорогая Оксана, вернусь.
И в сердце любовь до тех пор сохраняя,
К груди твоей нежной, Оксана, прижмусь».

Есть в тюремных песнях глубинная тоска. За простыми словами и рифмами кроется все, что дает человеку тюрьма. Протяжные и словно мечущиеся мотивы дополняют слова. Авторы хорошо известных тюремных песен известны. Иногда их кому-то приписывают, как, например, «Журавли» - А. Вертинскому. Знатоки отвергают это авторство. Дескать. В «Журавлях» нет ничего от стиля Вертинского. Есть еще и другие «Журавли», принадлежащие Петру Лещенко:

Журавли улетели, журавли улетели.

Опустели, умолкли родные края.
Лишь оставила стая средь бурь и метелей
Одного, с перебитым крылом журавля.

Песни эмигрантов наполнены той же тоской, что и тюремные, хотя жизнь у них была совсем другая. Говорят, что Петр Лещенко имел в эмиграции свой ресторан, в котором и пел свои песни. А может быть он до того в тюрьме посидел?.. Откуда же в его «Журавлях» столько знакомых чувств?..

Со временем Иван заведет толстую тетрадь, в которую он будет собирать тюремные песни. Пока же он каждый вечер просит Вадима что-нибудь спеть. Репертуар Вадима солидный, но, как у всех смертных, у него бывает «не певческое» настроение.

В камере есть шахматы и большой их любитель Федя, который с утра начинает каждого уговаривать «сделать партию». Иван быстро убедился, что Федя играет слабовато. Когда Федя предложил для подогрева страстей проиграть Ивану свою толстую клетчатую рубашку, тот согласился. Рубашка ему была не нужна, к тому же слишком велика, но «подогрев страстей» ему был не чужд, иначе не пришлось бы ему играть в шахматы «под интерес» в тюремной камере. Рубашку он великодушно решил оставить хозяину, когда выиграет ее. Через пару часов рубашка принадлежала Ивану, но Федя не сдавался, через 20 минут рубашка по-прежнему облегала тело хозяина, а Иван достал из своего мешка теплую нижнюю рубашку. Скоро одна партия твердо оставалась за Федей, а вторую они проигрывали по очереди. Наконец, после ужина рубашка по праву перешла в Федину кошелку.

На следующий день Федя предложил реванш и для начала проиграл одну партию, что воодушевило Ивана. Ему не хотелось лишаться теплой рубашки. Однако ему пришлось доставать из мешка теплые кальсоны, затем свитер. Федя мучительно думал над доской, хлопал себя ладонью по лбу, когда делал неудачный ход. Все было так естественно, что Иван лишь к вечеру сообразил, как его ловко водят за нос. Мешок его изрядно оскудел, зато Федина кошелка трещала по швам. Наконец Иван решительно сказал: хватит... Он выразил Феде свое «фе», сказав, что принял Федю за порядочного человека. Тот возмутился: да что я, настаивал что ли, чтобы ты играл со мной?!. Я предложил, ты согласился.., ведь когда я проиграл тебе свою рубашку, ты же не думал, что я тебя за нос вожу!..

Он добродушно усмехался, а Иван сожалел, что не может дать ему в морду... уж больно здоров... этакий бугай. Вадим подтвердил, что рыпаться нечего, сам виноват, на будущее урок... в зоне могло быть хуже. Старый волосатый армянин с грустными глазами вспоминал, как часто молодые парни проигрываются на зоне вдрызг, но, в надежде отыграться, могут поставить на кон чью-то жизнь или собственную задницу.

Ночью Иван думал о том, что он втягивается в эту жизнь. Он переживает о каких-то тряпках. За три с лишком месяца тюрьмы он уже хорошо усвоил нравы этого заведения, узнал множество нюансов будущей жизни на зоне. Народ тут охотно делится опытом. Попадешь на ближнюю командировку - это одно, а окажешься на дальняке, это - другое. Теперь в циклы мечтаний Ивана вошли лагерные сюжеты, но основной мотив оставался - побег. Он до боли ощущал, как он лезет под колючей проволокой, вжимаясь в жесткую землю. Несколько метров смертельной «запретки», по которой бегают громадные овчарки, и каждую секунду может застрочить автомат. Зато, если обойдется, конечно, в ненастную погоду, впереди будет свобода. Мысли о свободе полны романтики. Это даже не мысли, а ощущения, главным из которых оказывается возможность двигаться куда хочешь. Он, правда, пытается представить, что же он будет есть. Особых проблем с этим как будто нет. Сейчас осень, на полях есть картошка, капуста и другие овощи. Можно «ковырнуть» какой-нибудь сельский магазинчик или ларек. Можно забраться в какой-нибудь склад, заготовить провиант на зиму. А жить можно в какой-нибудь лесной избушке.

Эти мысли утешают. Хочется поскорее в лагерь, чтобы успеть до зимы где-то обустроиться после побега. Однако идею о побеге никто не приветствует. Всем она кажется абсурдной. «Прибудешь на зону, забудешь про побег, - говорит Вадим, - лучше отмаяться какое-то время, чем всю жизнь оглядываться, а в зоне жить можно, сам увидишь» . Федя рад подключиться к разговору и высказать свои соображения. Он тоже не сторонник побега, но рассказывает несколько занимательных историй, а затем делает заключение, что успешный побег могут совершать лишь неза-

урядные люди. Он снисходительно смотрит на Ивана, словно сомневается в его способностях, но тот не собирается с ним спорить.

Гремит кормушка, и Федя, усмехнувшись, добавляет, что в побеге миску похлебки не предложат, а вот пулю могут, и даже наверняка.

Иван снова и снова поражается однообразию мыслей у разных людей. Даже слова они используют одни и те же, словно выученные уроки. Дни проходят один за другим, сливаясь в единую серую массу времени, в котором невозможно вспомнить: было ли какое-то незначительное происшествие вчера или неделю назад. Как обычно, в камере возникают споры о какой-нибудь чепухе, слышатся плоские шутки, вроде той, что, не дай бог, волосатый армянин поймает мандавошек и его придется брить всего. Временами вся камера погружается в тягостные размышления и кажется, что воздух сгустился от мрачных мыслей несчастных людей с изуродованными душами, у которых впереди годы лесоповала, карьеров, строек коммунизма.

* * *

Произошло что-то ужасное. Мама лежит, рыдая, на кушетке, а дядя Леша вот уже целый час сидит над нею, обнимает ее и просит простить его. Мама взбрыкивается, отталкивает его и твердит, чтобы дядя Леша уходил и не появлялся больше. Ваня сидит за столом, пытается рисовать, но ничего не получается. Он представляет, что дядя Леша уйдет, и будет плохо. И что он такое сделал?.. Ваня протискивается меду столом и табуреткой, на которую шлепается его слеза. В садике он садится на скамью и думает, пока не становится темно. И тут из окна третьего этажа раздается звонкий голос матери: «Ваня-я!..» Он вскакивает и бежит домой, соображая на ходу, что, видимо, все в порядке. И точно. Дядя Леша сосредоточенно раскручивает назад электросчетчик, чтобы меньше платить, а мама раскладывает по тарелкам жареную картошку. За ужином мама зло спрашивает дядю Лешу: «А как ты ей коленки-то раздвигал?..» Дядя Леша виновато молчит. Мама ворчит о проклятой сиповки, и Ваня вдруг вспоминает, что так называли тетю Лену на их прежней квартире. Потом мама почти весело восклицает: «И как ее не разорвало при родах!..» Дядя Леша тяжело вздыхает. Ваня начинает понимать, что дядя Леша, видимо, ходил к тете Лене за занавеси, а кто-то видел и сказал маме. Но теперь все позади. Дядя Леша остался, и вскоре он уже показывает Ване, как нужно рисовать дом, чтобы было похоже, что это дом. А не просто каракули. Ваня доволен, что мама не выгнала дядю Лешу, и все пошло как обычно. Бросив рисовать дом, который, хоть тресни, не получается, он берет пустую пачку из-под папирос «Звездочка» и вырезает из нее красные звезды. Дядя Леша заваливается на кровать и выпускает густые облака табачного дыма. Клубы поднимаются и обволакивают большую старую фотографию под стеклом в красивой раме. На фотографии мама, когда ей было 4 года, на чем-то вроде велосипеда. На ней какое-то торчащее во все стороны платьице из марли и огромный бант на голове. Она очень довольная. Мама очень дорожит этой фотографией, и Ваня помнит, сколько усилий потратил дядя Леша, извлекая сзади рамы из слоев бумаги клопов, когда они переехали сюда. Как дядя Леша ни старался, клопов они с собой привезли, и борьба с ними продолжалась.

Хрипит репродуктор. Дядя Леша вдруг всхрапывает, уронив папиросу на одеяло. Мама начинает ругаться, что он наделал в одеяле много дыр своими папиросами. Но тут внимание ее привлекает спешащий по стене клоп. Она снимает шлепанец и с силой, могущей своротить быка, приговаривает насекомое: «Сволочь!..»

Дядя Леша иногда приходит при изрядном поддатии. Заплетающимся языком он сообщает, что была халтура и им налили. Потом он заваливается на кровать и храпит как трактор. Мама ложится на кушетку, вжимая Ваню в стену. Как-то дядя Леша вскочил ночью с кровати и вскоре послышалось журчание. Теперь вскочила мама и щелкнула выключателем.

- Ты что делаешь!.. - заорала она. Дядя Леша стоял голый, держась за спинку кровати, и сикал под кровать. На вопль матери он и бровью не повел, безучастно глядя перед собой.

- Давай, давай больше, - подзуживала теперь мама. А дядя Леша сикал и сикал, словно у него там полведра накопилось. Он наполнил новые мамины туфли, привезенные из Ленинграда, которые хранились у стены под кроватью за неимением лучшего места. Скоро струя побежала под дверь, и мама, сидя на кушетке, задыхалась от злобы. Ваня, приподнявшись, замер в недоумении: оно, вроде бы и смешно, и жутко. Ведь явно нехорошо писать под кровать, да еще и так много, что уже в коридор потекло.

Наконец, дядя Леша закончил и, как ни в чем ни бывало, нырнул в постель, тут же всхрапев, как мотор. Мама погасила свет и вляпалась в ручей, проклиная все на свете. Прерванная неординарным событием ночь продолжалась, но Ваня не мог заснуть и ворочался, пока не удостоился в ребра тычка острого маминого локтя. Он, однако, напрасно думал, что вот теперь-то мама выгонит дядю Лешу.

Есть в русских семьях невероятная супружеская терпимость. Потаскает пьяный муж за волосы жену из угла в угол в субботний вечер, а в воскресенье они уже воркуют, словно голубки, и припудренный фингал под глазом жены словно залог мирного семейного счастья. А кому какое дело?.. - вскинется любвеобильная супруга, если вдруг кто-то что-то слышал и дает советы.

~ 14 ~

Земля, природы мать, ее ж могила:
Что породила, то и схоронила.
Припав к ее груди, мы целый ряд
Найдем рожденных ею разных чад.
Все - свойства превосходные хранят.
Различно каждый чем-нибудь богат.
(Уильям Шекспир)

Среди жухлой прошлогодней травы ранней весной по берегам ручьев встречаются изумрудные лужайки, радующие глаз свежестью. Кажется, что встанешь на такую лужайку, и непременно волна благости пройдет через тело, и восторг обольет сердце сладчайшим фимиамом. Но коварна действительность. Один только шаг, и ноги погружаются в жидкое месиво, и как будто кто-то хватает их внизу и тащит вглубь. В смятении можно броситься вперед, и тогда топь примет жертву, нежно охватив ее, плотоядно булькая. Заволнуется изумрудная поверхность, сочный травяной ковер обласкает пришельца, освежая его разгоряченное страхом тело. Не отзовется небесная лазурь на вопль. Не протянет ольха шершавый серый ствол. Лишь прокричит тревожно пичуга, уловив в колебаниях эфира, что дело худо. Уйдет медленно жертва к своим истокам, и вновь сочная зелень манит прилечь и усладиться.

Не нужно стремиться вперед, сделав неверный шаг. Спасение сзади, где уже испытано. Если опрокинуться на спину, топь уступит. Она не злая, просто делает свое дело: одних берет, другим дает урок. Кому что: каждый решает сам. Но многие ли помнят урок, получив его?.. Многие ли понимают, что происшедшее не слепой случай, а символика Природы, означающая знание. Она не враг человеку, а его мать. У нее свой язык, который человек понимал в древности, а потом возгордился и стал смотреть на Природу свысока. Он, дескать, не может ждать милостей у Природы, взять их у нее его задача. Как добрая мать. Природа терпит унижения и по-прежнему дает уроки. Кто хочет, тот берет.

Даже в душных городах, откуда люди постарались изгнать Природу и придумали себе неестественные пути довольства, всюду видны ее символы, но для избранных. Мало кто видит их, и еще меньше тех, кто их понимает. На разных языках нет общения. Не может доказать росток, ломающий асфальт, что это - никчемная броня Земли, лишающая человека нужных ему токов. Засыхающее дерево кричит об отравленном воздухе, но человек не слышит. Где уж ему символы понимать, когда прямые показания не доходят?! А Природа тщится исправить свое блудное дитя, проводя ему высшие начала Духа даже в затхлые квартиры, где оно мается в тоске. Одна лишь вода приносит неизмеримое количество неведомых импульсов. Воздух содержит больше, чем кислород, необходимый для дыхания. Земля, через все ее извращения поддерживает в человеке дух, который отличает его от праха.

Стихии древних неподвластны человеку, который в своем дремучем невежестве провозгласил покорение Природы посредством полуграмотной науки смыслом своего существования. Эскимос в бесплодных землях Канады, не собирающийся никого и ничего покорять, много грамотнее университетских профессоров, потому что его учит сама Природа, и он внимает ей. Ему не нужно терзаться над проблемой как обратить Землю в рабство, потому что Земля его содержит и он спокойно сольется с нею, когда придет срок.

* * *

Долгое, томительное ожидание кончается резким поворотом. Словно гонг судьбы гремит открываемая кормушка, и резкий голос приказывает Маккавееву Ивану Павловичу приготовиться с вещами на этап. Ивана мелко трясет; начинается новая жизнь. Он вступает в мир, о котором много знает понаслышке, к которому он уверенно шел, влекомый своей романтической натурой, избравшей уголовный мир для своей реализации. К чему жалкий лепет оправданий!.. Конечно, все могло быть иначе, но ведь не было. А было желание казаться уркой, жить на воровские доходы, заработать блатной престиж. О тюрьме не думалось. Да и, в конце концов, среди знакомых было больше «сидевших», чем не побывавших в тюрьме. Самые почтенные блатяги сидели не по разу. Их авторитет был велик даже в том случае, если в физическом отношении блатяга ничего из себя не представлял. Однако набить ему морду казалось кощунственно и страшно, ведь он - блатной.

Дверь распахивается, и напутствуемый сокамерниками, с отощавшим мешком подмышкой, Иван идет по галерее и лестницам. На дворе колонна грузится в воронки. «Кажись, на местный», - доносится чей-то голос. Точно, однако, ничего не известно. Решетчатая дверь захлопывается. Автоматчики с овчаркой занимают свои места перед решеткой. Тронулись.

В угол окна на задней дверце можно видеть мелькание свободной жизни. На остановках перед светофором взгляд жадно хватает все, что там есть. Погода солнечная, приятная, и на лицах людей чаще радость, чем забота. Никто не обращает внимания на фургоны, мало ли что везут... Слышится подтверждение: «Я же говорил, что на местный». Кто-то соглашается, и, действительно, город кончился. Мелькают придорожные кустики, незатейливые сельские пейзажи. Часа через 1,5 машина останавливается. Опять ожидание, пока конвой передаст документацию. Но вот... решетка распахивается. Согбенные фигуры выскальзывают на солнечный свет перед опутанными колючей проволокой открытыми воротами, за которыми виднеются еще такие же ворота, но закрытые. Кругом автоматчики и овчарки. Около первых ворот группа лагерных надзирателей и офицеров. Один из них выкрикивает фамилии, владельцы которых проходят в первые ворота и останавливаются перед вторыми. Наконец, между воротами оказываются все, кого привезли. Они выслушивают речь молодцеватого офицера, из которой уясняют, куда они приехали и что от них требуется. Неподчинение порядку грозит пребыванием в шизо[1]. Офицер показывает на беленый каменный домик с флюгером в виде раскрашенного петуха. Затем ворота раскрываются, и толпа новичков шествует мимо шизо по асфальтовой дороге. Вдоль дороги тянутся бараки, между которыми осыпают листья молодые березки. С одной стороны барак особого вида, с пристройками - столовая. Далее виден обширный пустырь и даже маленький кусочек сохранившегося леса с низкими соснами. Тут футбольное поле. Иван поражается тому, что здесь играют в футбол. В конце дороги видны еще одни ворота и пропускная будка. Поодаль, куда ни кинь взгляд, он упирается в глухой беленый высокий забор с козырьком из колючей проволоки. Перед забором на расстоянии трех метров тянется забор пониже из колючей проволоки. Это - запретка, которая находится под непрерывным наблюдением часовых на вышках. За дощатым забором еще такая же запретка, в которую на ночь спускают собак.

Около последнего барака, отличающегося от остальных, толпа останавливается. Надзиратель командует входить по несколько человек. Здесь прибывших распределяют по отрядам и по рабочим бригадам. За отдельным столом сидит интеллигентного облика человек в штатском, который приглашает молодых учиться в школе. Он записывает Ивана в 8-ой класс.

- Ничего, освоишься со временем, а школа будет как хорошее отвлечение от мрачных мыслей. У нас вольные учительницы, с ними приятно...

На работу Иван зачислен в бригаду ширпотреба, которая работает на смежной территории и охраняется круглосуточно. В рабочую зону, где охрана на ночь снимается, Ивана не выпустили. Красная полоса на папке с «делом» начала работать. В ширпотреб определяют инвалидов, стариков и ненадежных.

Оказавшиеся собригадниками новички отправляются в соответствующие бараки, где староста определяет им спальные места. Железные «холостяцкие» койки стоят в два яруса, как нары в Крестах. Они аккуратно застелены по военному образцу. К старосте подходит пожилой человек и

---

[1] Штрафной изолятор

указывает на Ивана. «Пусть этот надо мной спит, молодой, ворочаться не будет...» Он приветливо улыбается полубеззубым ртом и представляется: «дядя Коля». Староста дает каждому фанерку-бирку, которую надо заполнить по образцу на любой койке и прикрепить к спинке своей койки. Дядя Коля ведет Ивана в другую, меньшую комнату или, как здесь говорят, кубрик. В самом углу он показывает Ивану пустую верхнюю койку.

- Сам не побеспокоишься, так положат какого-нибудь старпера, что всю ночь вертится с боку на бок. А последние месяцы хочется поспать спокойно, - дядя Коля разевает щербатый рот и уходит.

Иван смотрит на бирку на койке дяди Коли. Статья 102 - убийство, значит. Срок 15 лет. Выходит, он досиживает пятнадцатый год. У Ивана холодеет спина. Как это долго!.. Он пишет свою бирку, крепит ее к спинке койки и идет получать постель. Выдают тюфяк, подушку, шерстяное одеяло, наволочку, полотенце и две простыни (одна как пододеяльник). Все очень чистое, хотя не новое. После тюремной грязи лечь на чистую простыню довольно приятно. Но оказывается, для новеньких работает баня, и это просто здорово. В бане отличная парная и мыться надо из шайки, а не под душем. После мытья все получают исподнее. Потом идут получать обмундирование: темно-серые х/б штаны и куртку, ватник-фуфайку, кирзовые сапоги, фуражку-домик и зимнюю шапку. Свое носить тоже не возбраняется.

За массой новых впечатлений и получением необходимой информации притупляется внутренняя боль. Даже что-то вроде радости ощущается. Воздух осени пьянит. Желтые березы греют. Цветы на клумбах, обложенных кирпичами, еще не увяли и кажутся прекрасными. Местами пышная сорная зелень подпирает стены бараков и вылезает из придорожной канавы. Небо, хотя и обложено серым, после камерного сжатия кажется сводом божественного храма. Кое-где уголки, где нет людей, и в душу широким потоком льется яркая желтизна листьев, исчерченная штрихами темных стволов и ветвей. Вспыхивает апельсиновыми огоньками небольшой клен. Огромный лопух поражает вдруг гармоничным сочетанием листьев и зонтиков цепких шариков с семенами. Однако сзади, словно преграда всего сущего, стоит глухой белый забор, а поодаль возвышается сторожевая вышка, в просвете которой в верхней ее половине торчит фигура с автоматом за плечами.

Староста - солидный серьезный мужик - предупреждает об ужине. Близ столовой Иван видит уже знакомые пару ворот, между которыми стоит серая толпа в драных ватниках. Это бригада возвращается с работы в жилую зону. Она уже прошла перекличку. Еще момент, растворяются внутренние ворота, и толпа драных ватников мчится с дикими возгласами в столовую.

В каждой бригаде свой раздающий, который получает бачок еды, приносит миски. Ложку каждый имеет свою, получая ее вместе с кружкой.

Пшенная каша весьма густая, заметно лучше, чем в тюрьме. Правда, маловато. Хочется курить, но нечего. Оставить затянуться никто из курящих не дает, дескать, много вас тут, шакалов, на всех не наберешься. Какой-то старичок, однако, достает кисет с махоркой и улыбается, пока Иван сворачивает цыгарку потолще.

В 10 часов отбой, и ходить по территории запрещено. Можно лишь в сортир, стоящий поодаль. Отбой объявляется по местному радио: спокойной ночи, товарищи... В радиоузле тоже сидит зэк, поэтому и товарищи. Звучит грустная мелодия, постепенно затихая. Староста гасит свет.

Скоро кубрик наполняется обычными ночными звуками: стонами, вскриками, храпом во всех тональностях, бредом. В окно сиротливо стучит ветка; поднялся ветер.

* * *

Днем солнышко в комнату не заглядывает; окно выходит на север. Но все же чувствуется, что в комнате светлее, чем в пасмурную погоду. Выходной день, и потому мама с дядей Лешей спят и спят, хотя Ване уже надоело ворочаться с боку на бок. Наконец он не выдерживает, встает с постели и на цыпочках пробирается к окну. Точно... солнце шпарит вовсю, красота...

Мать нехотя поднимает голову, а затем садится на кровати уже чем-то недовольная. Дядя Леша густо всхрапывает с похмелья. Мама подскакивает и яростно включает репродуктор. Звучит бравурный марш, а дяде Леше хоть бы хны. Ваня углубляется в изучение обрывка какой-то книги, валявшегося на улице. Вчера он не понял, о чем тут пишется, но и сегодня яснее не становится. Какая-то «техника безопасности», что это за техника?

Мама, громыхая, вносит парящий чайник, и дядя Леша поднимает голову. После чая напряжение спадает, и Ваня спрашивает у дяди Леши, что значит «техника безопасности». Дядя Леша не сразу понимает, потом хватает обрывок книги и, взглянув на него, начинает хохотать. «Да ты что читаешь?.. Где ты это подобрал?.» Перестав смеяться, он объясняет, что эта брошюра написана для тех, кто работает на подстанциях, что нужно делать, а что не делать, чтобы не угодить под ток высокого напряжения.

- Сходили бы за земляникой, я бы вам мусс сбила, пока яйцо есть, - говорит мама.

- А что!.. Идея!.. - говорит дядя Леша, глядя на Ваню, который от подозрения, что это и его касается, чувствует жар на спине.

Скоро они с наслаждением пылят по дороге, пересекают Воняловку и выходят на поля, видные из окна их комнаты. У Вани множество вопросов по поводу всего, что он видит. Дядя Леша дает обстоятельные ответы. Они идут по дороге через поле ржи, как в траншее. Видно только лазурное небо и миллионы стеблей со щетинистыми колосьями, нагнувшимися в разные стороны. С неба доносится журчание.

- Это жаворонок, - поясняет дядя Леша и останавливается, высматривая птичку в синеве, - вон он!..

Но Ваня, сколько не всматривается, жаворонка не видит.

- Придется тебе очки выписать, - вздыхает дядя Леша.

Ваню эта мысль приводит в отчаяние. Он уверен, что видит хорошо; вот только, если очень далеко, не всегда можно разобрать. А очки он носить не будет.

- Ну, ладно, там видно будет, с небольшой близорукостью можно и без очков ходить, - успокаивает дядя Леша насупившегося пасынка, - вон, смотри, васильки!..

Ваня разглядывает синие цветки, не решаясь сорвать их.

- А у дома таких нету...

- Ну, естественно, они только на полях растут. Возьми их в букет маме и давай двигаться, а то до земляники и к вечеру не доберемся, а собирать-то ее морока!..

Однако кругом столько нового, что то и дело приходится задерживаться. За полем проступила совсем близко стена леса. Они идут по влажной лесной дороге, вдыхая теплые ароматы. Но вот впереди просвет- большая поляна с пнями.

- Пришли, - говорит дядя Леша, огладываясь, - смотри около пней землянику и ешь, а я буду в банку собирать...

Ваня нагибается под пень и видит крупные ягоды. Они тают во рту, наполняя дыхание несказанным ароматом. Какой-то плоский зеленый жучок ползет по ягоде. Какой он красивый! А вот между ягод белый цветочек. Ваня срывает его и хочет показать дяде Леше, который согнулся неподалеку. И тут его словно что-то захватывает. Он видит прямо перед глазами огромную кисть жгуче синих цветов, открытых прямо на него. Рядом торчит султан фиолетовых цветов. Живописная коряга словно облокотилась о пень. Хором трескочут кузнечики. Белоснежные облачка повисли в небесной синеве. Нежный ветерок коснулся кожи лица, и раздались шорохи и шелесты. Качнулись цветочные кисти, и над ними вдруг запорхала огромная рыжая бабочка с темными пятнышками. Ваня смотрит на нее с изумлением, и дыхание его прерывается. О таком чуде он и не подозревал. Бабочка подлетает совсем близко и как будто тоже разглядывает мальчика.

- Ты чего там?!. - дядя Леша стоит с банкой в руке и смотрит на Ваню. - А- , красивая бабочка!..

Он прошел к другому пню и нагнулся. Ваня продолжает следить глазами за бабочкой, пока она не растворяется в пестром ковре цветущих трав. Ему кажется, что все это пестроцветье, и эти серые, но такие приятные пни, и тусклый ствол большой осины с какими-то желтыми пятнышками, что-то шепчущей, и серая птаха, заливающаяся на сухой торчащей вбок ветке куста, - течет каким-то образом через него, и сам он расширяется и летит, впитывая все новые и новые цвета, звуки, запахи, создающие в нем странное кружение и сладость, и даже какую-то непонятную боль внутри. Хочется и смеяться, и плакать сразу.

- Да ты сомлел тут совсем, - подошедший дядя Леша протянул горсть земляники, - на-ка!..

Поллитровая банка у него полная. Ваня словно проснулся.

- А мы придем сюда снова?..

- Следующий раз мы с тобой за утками пойдем, в другое место, вот охоту откроют... еще интереснее будет...

Снова они идут по прелой лесной дороге, уводящей в рожь.

- Что ж ты букет-то маме не собрал, ведь столько цветов на поляне было?!. - с укоризной произносит дядя Леша.

- Я букет ржи ей соберу с васильками, - виновато отвечает Ваня.

- Ну, тоже неплохо!..

Мама встречает дома мужчин, улыбаясь, и принимает дары.

- Все лучше, чем водку жрать, - говорит она дяде Леше.

- Всему свое время, - отвечает тот весело.

Они по очереди колотят в миске вилкой, и за ужином на столе стоит в этой самой миске большая шапка розовой пены, с которой пьют чай. Кажется, что этой пены можно съесть хоть полведра.

Эту прогулку Ваня вспоминает потом каждый день. Кое-что из нее он устанавливает и неподалеку от дома, особенно за речкой Воняловкой, где за огородами есть песчаный бугор с кустиками за ним, а на лугах обнаруживаются цветы, которых он раньше не замечал, и вообще... тут здорово.

Однако вольная жизнь кончается. В черной вельветовой курточке с белым подворотничком, чистый и подстриженный Ваня идет с мамой в школу. Он давно ждал этот день и вот... свершилось. Около школы нарядная толпа детей и родителей. Скоро все находят свои классы и, стоя группами, слушают пожилую толстую тетю в очках. Мама, однако, торопится на работу и шепчется с учительницей, показывая на Ваню. Учительница кивает головой, и мама теперь шепчет на ухо Ване, чтобы слушался.

Звенит звонок, и все устремляются в здание, поднимаются по деревянной лестнице на второй этаж. Учительница открывает дверь класса и начинает рассаживать детей попарно по партам. Иногда она делает перестановки, внимательно глядя на детей. Ваню она сажает на первую парту впритирку со своим столом, а рядом помещает крупную девочку с громадными черными глазами. Должно быть ей приятно иметь перед собой большеглазую пару, но Ваня скоро познает детские насмешки на этот счет. Да и мама, как-то посетив школу, вечером со смехом говорила дяде Леше: сидят на первой парте две совы!.. Как будто не знает, что Ваня очень обижается, когда ему говорят про его глазищи. Он долго пытался уменьшить их, ходил щурясь, но ничего из этого не вышло. А теперь еще и соседка по парте с глазищами. Ваня невзлюбил ее за это и, когда она обращалась к нему, он отвечал резко и неохотно. Как-то нужно было смотреть вдвоем в одну книжку и тут еще выяснилось, что соседка тоже близорукая, и они должны были сблизиться лицами. У Вани взмокла спина, когда он ощутил, что она дышит ему в щеку.

Школа его разочаровала, потому что учить буквы и цифры ему не требовалось. Он их давно знал. Сидеть и слушать было скучно. Учительница была злая, хотя и корчила из себя добренькую. Правда, на Ваню она не кричала, не за что было. Наоборот, она то и дело ставила его в пример, резким голосом распекая то одного, то другого. Скоро за Ваней закрепилась кличка «подлиза», что было неприятно, так как он вовсе не подлизывался к Валентине Владимировне, а скорее избегал ее.

В погожий воскресный день дядя Леша взял Ваню на охоту за утками. До определенного места на речке они шли по полям и лесной дороге. Ване казалось, что он сейчас взлетит от знакомой радости, которая его распирала от всего, что он видел и слышал. В воздухе летала паутина, поблескивая нитями. Поля желтели жнивьем, а налитая рожь была собрана в пучки и копны. На лесной дороге пахло прелью, а по краям ее стояли высокие цветы. Закуковала кукушка. Сколько лет проживем еще?.. Дядя Леша насчитал 17. Мало. Шли долго, но вот... дядя Леша наказал Ване сесть в копну и подождать, пока он спустится к речке. А там заросли крапивы. В копне сидеть очень хорошо. Ваня разглядывает колосья с длинными щетинками, достает семена, из которых, по словам дяди Леши, делают муку, а потом хлеб. Он жует зерна, но они невкусные. С речки доносятся выстрелы, и Ваня вскакивает. Скоро появляется довольный дядя Леша с красивой уткой в руках. Это селезень кряквы, и Ваня с восхищением изучает окраску оперения добычи. Ничего подобного ему видеть пока не доводилось. Какие необыкновенные цвета, и к тому же они меняются при повороте убитой птицы.

Дядя Леша рассказывает, как он подкрался к речке, осторожно раздвигая крапиву и таволгу, и в омутке увидел этого селезня, но селезень его тоже увидел и успел взлететь. Дядя Леша стре-

лял навскидку, дуплетом и попал. Главное, искать не пришлось. Селезень упал в осоку у самой кромки воды.

Они заходят в деревню неподалеку и пьют колодезную воду. Мужики щупают селезня - знатная добыча. Дядя Леша горд, так как обычно он приносит с охоты ноги, т.е. ничего... Надо завести собаку, - все время повторяет он. Ване эта идея очень по душе.

На обратном пути они часто присаживаются и отдыхают. Ваня устал, но виду не подает. Дядя Леша рассказывает ему о травах и птицах. Все это очень интересно. Здесь другой мир, и покидать его не хочется, но на горизонте появилась темная туча.

~ 15 ~

Те, которых нет с нами, подобны мертвым. Подобно мертвым, они - бледные тени, мы забываем их черты, как черты умерших. Но, подобно мертвым, отсутствующие посещают нас и расстилают около нас свой саван.

(Андре Моруа)

Утопают в бездне времен судьбы человеческие. Миллионы прошли краткий путь жизни и бесследно растворились во Вселенной, мечтая о счастье и вечности. Никто не хотел покидать этот мир, даже предполагая, что существует иной мир, где его душа найдет пристанище. Сильные мира сего старались оставить по себе память в веках. До сих пор стоят в Египте поражающие воображение пирамиды. Другие величественные гробницы несут в будущее знание о тех, кто был в них помещен. Пока о человеке помнят, он весь не умер. Душа его в заветной лире прах пережила. Тут уж А.С. Пушкин не ошибался, в отличие от представления о Сальери - «отравителе Моцарта». Впрочем не будь Пушкина, Сальери был бы известен лишь горстке музыкантов. Дурная слава так же входит в историю, как и добрая. Герострат это знал, когда поджигал храм Дианы в Эфесе около 356 г. до нашей эры. Теперь его имя красуется в «Словарях» наравне с Гераклитом, Геродотом и др.

Поток времени доносит до нас творения людей далекого прошлого. Всевозможные сооружения и их руины, трактаты на глиняных плитках, на камне, на свитках папируса, на бумаге, архитектура, живопись и скульптура несут в себе то понимание действительности, которое когда-то существовало. Пропуская через себя ощущения мира, люди уподоблялись Богу, когда творили. Недаром фараоны верили в свою божественную миссию на Земле, хотя творили чужими руками, но вряд ли кто из простых египтян сомневался в их высшем предопределении. Свои божественные воплощения - аватар - имела Индия. Индусы верили в то, что божественный дух может вселиться в человека, и этот человек становится богочеловеком, назначение которого учить людей добру и любви, особенно тех, кто познал и сотворил зло. «Ведь ради грешников Христос на Землю приходил» (Оскар Уайльд).

Верить или не верить - вот вопрос. Десятки или сотни тысяч страниц исписаны и «за» и «против», но ясности так и нет. И ее не должно быть. Время покрывает вуалью искажений все, что было. Следовательно, верить можно только искажениям, но тем или другим?..

Идея богочеловека, как и божественной троицы, существовала задолго до Христа, поэтому нет ничего удивительного, что доморощенного философа из Назарета, выросшего на лоне роскошной природы среди благожелательных в своем довольстве людей, стали почитать богочеловеком. Как указал Эрнест Ренан, не будь Голгофы, об Иисусе быстро бы забыли как об одном из множества сектантов, проповедовавшем безвестным рыбакам на Генисаретском озере, которые любили его слушать, будучи довольны своей жизнью на лоне природы. Ренан, естественно, считал Иисуса обыкновенным человеком, но который жил «только для небесного Отца и той божественной миссии, для которой он считал себя предназначенным». Он не был царем, потомком Давида и пр. Все это ему потом приписали, стараясь возвеличить, словно он и без того не был велик тем, что восстал против мерзостей Ветхого Завета, т.е. против канонов своего народа. Лео Таксиль показал весьма выразительно сущность этого «священного писания» в книге «Забавная библия». Но Иисус задолго до того осознал всю низость этого «завета» и создал новый, заплатив своей жизнью за его

грядущий расцвет. Расплатой стала и фальсификация его жизни и учения, начиная с полуграмотных евангелистов и кончая церковниками разных мастей, подчинившими его имя своей корысти.

Французский историк Робер Амбелен, проанализировав множество документальных свидетельств, пришел к выводам, что Иисус имел близнеца Фому, а также и других братьев. Отцом же их был вовсе не старый импотент Иосиф, а воинственный мятежник Иуда Галилеянин, боровшийся с римским владычеством еврейского государства. Как показывает Робер Амбелен, эти представления были известны еще в 13-ом веке, а может быть и раньше. Во всяком случае благодаря им тамплиеры - рыцари Ордена Храма, первоначально глубоко преданные идее Христа, отвергли это учение, признав его ложным. Робер Амбелен предполагает, что на тамплиерскую ересь оказал влияние и император «Священной Римской империи» Фридрих II Гогенштауфен, живший в 1194-1250 годах. Это был образованнейший человек, написавший памфлет «Три лжеца» о том, что Моисей, Христос и Магомет принесли миру больше горя, чем счастья.

Существует гипотеза (М. Байджент, Р. Лей, Г. Линкольн), что Мария Магдалина была супругой Иисуса, которая бежала вместе с детьми Иисуса после Голгофы на юг Франции. Потомство Иисуса в настоящее время насчитывает более 20 фамилий, не подлежащих широкой огласке, поскольку несут в себе исконное царское звание, обнародование чего в настоящее время бессмысленно. Однако это самое звание, для реализации которого требуется трон, у авторов основано лишь на туманных догадках и предположении, что Сионская Община знает больше.

Все эти романтические версии весьма занятны, но чужды православному миру, верному представлениям Нового Завета, хотя в плане материального обеспечения и устава «христова церковь» ничем не отличается от иудейской, ветхозаветной. Иисус никакой церкви не создавал, а учил молиться, затворясь у себя в комнате и открыв свое сердце Богу. За это он и был распят. Церковники не потерпели, чтобы кто-то ронял их властный престиж и вредил доходам. Когда Лев Толстой напомнил людям о словах Иисуса, церковь отлучила его от себя - человека, бесконечно преданного идее Бога. Как и во времена Иисуса, в церкви господствуют фарисеи и книжники. Истинные верующие находят к Богу свои пути. Им не требуется внимать глупым рассуждениям брюхатого попа и целовать его грязную руку.

* * *

В 6 часов включается местный радиоузел, и в каждом кубрике звучит бодренькая музыка. «С добрым утром, товарищи, сегодня у нас такое-то число», - провозглашает знакомый голос. Начинается всеобщее шевеление. Кто-то не спешит подниматься, но тут в дверях появляется надзиратель: все встали?!. Заметив спящего, он подскакивает к нему и трясет койку, после чего записывает с бирки фамилию. «Еще раз застукаю, под петуха пойдешь», - обещает он (т.е. в шизо).

В умывальной из пробитых труб вечно течет в длинный жестяный желоб вода. Около входа в барак высокие растения душистого табака еще не закрыли на день свои длинные белые цветки, благоухающие ночью. До завтрака целый час томления. Хмурые люди, как тени бродят туда-сюда. Иван изучает запретку. Еще ночью он убедился, сколь рискованно ее пересечь. На каждом столбе забора фонарь, а с вышек еще бьют прожектора. Иногда доносится звук железа, скользящего по железу. Это за забором, по внешней запретке прогуливаются по проволоке овчарки. Изредка кто-то из них взбрехнет от нечего делать и по ее басу чувствуется, что лучше с этой собачкой дела не иметь.

Народ направляется в столовую: кто-то едва тащится, кто-то поспешает. В столовой обычный шум людного помещения. Нет только характерного столовского запаха. Лагерная еда не пахнет. А все же приятно ощущать во рту любую кашу. И лучше не спешить, а явиться к концу раздачи. Тогда раздающий оглядывает ожидающих. Вроде бы вся бригада прошла, давайте еще по черпачку.

После утренней каши и кружки горячей воды ощущение бодрое. Организм еще не накалился от горестных мыслей. Бригады ширпотреба собираются у ворот смежной рабочей территории. Нарядчик выкрикивает фамилию; зэк подходит к проходу, где его быстро обыскивает надзиратель, и он идет дальше.

Ивана определили в бригаду, сколачивающую стенки для ящиков. В длинном сарае ему отводят место, и скоро он уже подбирает полоски шпона и приколачивает планки. Работа не пыльная и однообразная. Она не мешает думать. Норма, однако, немалая. Кругом одни старики и

инвалиды. Они с руганью и воплями бросаются на привозимый шпон и стараются ухватить как можно больше. Из широких полосок щитки делаются быстрее. В первый день Иван норму не вытягивает. Звеньевой с мясистой красной физиономией говорит, что на первый раз прощается, а потом - на карандаш и нарядчику, пусть он решает.

После ужина Иван идет в школу. Здесь очень чисто, горят сильные лампы. С удивлением Иван рассматривает молодых учительниц, столь не гармонирующих с учениками, воображение которых занято отнюдь не темой урока. Впрочем кое-кто похоже действительно приходит учиться. Иван находит, что школа хорошо отвлекает от мрачных мыслей. Учителя ведут себя так, словно они в обычной школе, а не в окружении преступников. На многих из них просто приятно смотреть и слушать их объяснения. От них пахнет свободой.

В зоне хорошая библиотека, и Иван уже наметил, что нужно прочитать. В нешкольные дни он уединяется на футбольном поле и старается читать. Футболисты не появляются, но у деревянного настила со штангой иногда собираются дюжие молодцы и, наращивая на ней вес, по очереди подходят. Остается все меньше могущих и, наконец, на 95 кг остается последний крепыш с толстой, как у дородной бабы, задницей и в очках. Когда никого нет, Иван вешает 60 кг, кое-как выжимает их, но 65 может лишь толкнуть. На свободе 65 жал, а толкал 72. Сдал, стало быть, ну ладно, все равно свой вес пока выжимается, а для хорошего толчка нужно научиться делать толковый подсед, а не бояться грохнуться вместе со штангой.

На скамье среди березок он снова открывает книгу, но постоянно отвлекается и смотрит на осенние краски и беленый забор, продолжающийся вверх колючей проволокой. В запретке вскопанная земля. Пока тепло на улице, нет нужды находиться в бараке. Когда темнеет, Иван часто ложится между чахлых сосенок, сохранившихся между дорогой и футбольным полем каким-то чудом. Он смотрит на мерцание звезд. Глаза заполняются горячими слезами, сквозь которые звезды начинают лучиться. «Господи, если ты есть, сделай так, чтобы это кончилось», - шепчет Иван с надеждой, что Бог все-таки есть, и он именно там, в темном искрящемся небе. Но там тихо, и лишь с дороги доносится шарканье по асфальту гуляющих зэков и обрывки разговоров. Становится холодно. В кубрике тепло, шнырь[1] натопил печку. Люди сидят кучками и о чем-то толкуют. Многие спят; во сне время идет быстрее. До отбоя можно почитать.

Появляется дядя Коля со своим кентом немым Славой. Они пьют чай, временами объясняясь на пальцах. Каждый зэк имеет полтумбочки, в которой он хранит свои запасы, остатки передачи. Многие кентуются, т.е. сообща вдвоем или втроем используют передачи, а также и то, что удается добыть самим, чаще всего в местном ларьке, где находятся счета зэков с их заработком.

У Ивана пока ничего нет и, так как кипяток в бачке кончился, он ставит кружку с водой в печку на угли. Сразу рядом возникает невзрачная фигура, заглядывающая в печку. Стоящий у стены мужик советует Ивану: «Ты осторожней, а то ведь сейчас шакалы накапают, что чифирь варишь, потом не отбрешешься». Иван уже знает давно, что все происходящее можно извратить и, что самое странное, верят чаще всего именно извращенному, а не так как было. Вода, однако, закипела, и он несет кружку перед собой: пусть смотрят, кому интересно... Он доедает огрызок пайки, оставленный на вечерний «чай».

Хорошо тем, кто лег и тут же заснул. Иван так не способен. Уже много раз дядя Коля внизу поднимал ноги и поддавал пружинное днище верхней койки, чтобы Иван не крутился. «Я-то думал, ты будешь спать, как убитый», - зло выговаривал дядя Коля по утрам.

Среди многоголосого храпа и стенаний наступало темное забытье, потом проносились какие-то видения и приходили красочные сны нелепого содержания. Скажем, выходит Иван на тротуар вдоль дороги, а перед ним полчища клопов, текущих широкой полосой из канавы к бараку. Он пятится и в ужасе просыпается.

Но однажды он увидел себя в высоком сводчатом помещении со стенами из шероховатого камня. Пол был устлан плитами камня. Похоже, это был какой-то храм, но коридорообразный. В помещении был полусумрак, но вдалеке светился огонек. Иван стоял, подняв руку, опираясь на прохладную щербатую стену, и смотрел на огонек, пытаясь понять, что это может быть... словно лампада, что зажигала бабушка на пасху перед иконой. И тут раздался голос. Он был подобен грому, но совершенно четкий, а главное, он доносился сразу отовсюду. Иван ощущал себя в середине этого голоса. Впрочем, звучал он недолго. Было сказано примерно пять слов, но слова словно

[1] Дневальный

ехали, они звучали даже когда Иван проснулся, словно захлебнувшись ощущением. Он повторил про себя услышанное. Однако утром он не мог припомнить слова, хотя все остальное стояло перед глазами. Смысл слов все же запечатлелся. Это были слова ободрения, дескать, не надо сходить с ума, все благополучно завершится. Этот сон представлялся Ивану особенным, значительным... Уж не сам ли Господь снизошел до его молитв среди сосенок?!. Но это же невероятно!.. А все же... Почему же он не сказал что-либо определенное?...

* * *

Мама легла в больницу, а дядя Леша ходит такой довольный и даже пьет водку с дядей Игорем, с которым вместе работает. Закусывают они арбузом, и Ване тоже достается. Когда они начинают громко разговаривать, стало быть окосели, Ваня идет гулять. Он уже досконально изучил ближайшие окрестности даже за речкой Воняловкой, которая после дождей разливается, по ней несется всякий хлам. У старого бревенчатого моста, за которым стоит странный двухэтажный дом в деревьях, особенно интересно. Ваня подговаривает других детей сходить к мосту, и они с увлечением вылавливают в мутной воде гандоны, завязанные узлом, промывают их и надувают как воздушные шары. Кто-то из просвещенных сообщает о назначении сих предметов. Он де слышал от братана. Ему не верят. Ваня уже вырастет в Ивана, когда однажды прибегут домой его сестренки и радостно сообщат, что они на Воняловке гандоны надували. Детские традиции тоже живучи. Мама будет плеваться и чертыхаться, а Иван с пониманием гоготнет, припомнив, однако, за собой это маленькое удовольствие.

За садиком тянется забор, отгораживающий ясли. Там обычно никого нет, и тоже можно походить, залезть в старое бомбоубежище, заросшее лопухами. Далее, за глубокой канавой молокозавод, тоже за забором. Но что для мальчишек эти заборы?.. А сколько интересного на помойках и свалках. Там можно обрести целое сокровище.

Неподалеку от дома, сразу за дорогой, до войны собирались построить еще один большой дом, но не успели. Теперь стоят тумбы фундамента, среди которых приятно побродить. Далее небольшой грязный пруд и пустырь. Рядом с брошенным фундаментом двухэтажные сараи и двор с копошащимися курами. В ближних сараях живет семейство гусей, и дети любят дразнить гусака. Тот пригибает шею к земле и со змеиным шипением устремляется за обидчиком. Погоня длится недолго, но острое ощущение производит. Как-то Иван споткнулся, собираясь удирать, и грохнулся на землю как раз перед устремившимся на него гусаком. Несколько дней потом он разглядывал синяк на ноге.

За сараями тянутся огороды, разделенные разномастными заборами, чаще всего из колючей проволоки. Производство колючей проволоки в стране хорошо налажено, хватает на все. Дядя Леша получил самый маленький огород у самой дороги. Но за Воняловкой ему дали на болотистом пустыре большую гряду. Всем нужна своя картошка, не мешают и другие овощи. Ведь все дорого, денег у людей нет. Послевоенная разруха продолжается. Товарищ Сталин обещает наладить жизнь в ближайшем будущем.

Мама появляется из больницы не одна. Развернув сверток, она показывает Ване малюсенького человечка с морщинистой красной физиономией. Ваня потрясен.

- Где ты его взяла?..

- Это не он, а она, твоя сестра!..

- В капусте нашли, на огороде, - смеется дядя Леша, подхватывая сверток.

- Ну ты, с перегаром своим!.. - взвивается мама, выхватывая сверток, который начинает вопить.

Вечером приносят деревянную кроватку-качалку. В комнате 14 квадратных метров становится совсем тесно. По ночам сестренка надсадно плачет, и мать качает ее целыми часами. Она родилась недоношенная, и у нее постоянно что-то не в порядке. Мать перестала улыбаться и почти не разговаривает. Лишь к Новому Году сестренка поправляется. Она только теперь должна была родиться. Врач убирает в сумку свои слуховые трубки и треплет Ваню по затылку. «Будет жить твоя сестренка». Ваня заглядывает в качалку. Сестренка, широко раскрыв глаза, смотрит на него и вдруг морщится и плачет. Мама отталкивает Ваню от кроватки: «Иди гуляй, ты на нее плохо влияешь». Ваня ощущает обиду. Совсем он не собирался плохо влиять.

Дядя Леша приносит елку, которую водружают на стол. Потом он достает коробку с украшениями, принесенными от своей сестры, которая к ним не ходит, так как не любит маму. Ваня с чувством большой ответственности вешает хрупкие украшения на ветви, попутно разглядывая их. Но вот... красивый шар падает на пол, минуя стол. Ваня виновато оглядывается на маму. Хорошо, что она занята качанием Таньки, а то бы подзатыльника не миновать. Дядя Леша разорился, как он говорит, и вешает мандарины и конфеты. Ваня не понимает, зачем мандаринам висеть и сохнуть, когда их можно съесть.

В канун Нового Года товарищ Сталин поздравляет советский народ, и уже окосевший дядя Леша поднимает стопку с водкой: «За товарища Сталина»... Утром Ваня находит около подушки бумажный пакет, а в нем два мандарина, разные конфеты и печенье.

- Ого, - говорит дядя Леша, подняв брови, - да к тебе дед Мороз ночью приходил, а мы и не слышали...

Ваня подозревает, что никакого деда Мороза не было, потому что мандарины и конфеты такие же, как на елке висят. Но все равно приятно...

* * *

Все ужасы можно пережить, пока ты просто покоряешься судьбе, но попробуй размышлять о них, и они убьют тебя.

(Эрих Мария Ремарк)

Когда пронзительный осенний ветер поднимает вихри разноцветных листьев и мчит их, пока не влепит во что-то, стоящее на пути, прячутся звери в чащобы. Какая-то угроза затаилась где-то и дышит оттуда чем-то непонятным. Страшится все живое и хочет спрятаться куда-то, но угроза дышит везде и нет от нее избавления. Скрипят старые деревья, отживающие свой век. Повалилась могучая ель, выворотив громадный пласт земли с корнями. Невнятные стоны несутся откуда-то. А ветер воет в вышине, и рождается тоска. Забыты радости, словно и не было их никогда. Грызет душу раскаяние. Мечутся мысли, словно лиственные вихри, и воет душа вслед за ветром. Волком бы забиться в крепь. Но не сбежишь от себя. Противоречия рвут на части. Будущее перестает стоять на дороге с поднятым фонарем, а прошлое встает в ярких, ранее не видимых красках. Самые несчастные дни прошлого становятся ничем перед мрачным настоящим. Стоит ли идти дальше?.. Ведь карта бита, а на нее было поставлено все. Сам себя видишь тенью. И эта тень тащит на своих хилых плечах какой-то тяжкий груз неизвестно куда и зачем. Она словно призрак, ей ничего не надо. По пыльной дороге удаляется толпа. Сесть в прелость мхов у гнилого пня, что-то он скажет. Ах, все то же. «Отговорила роща золотая». Был свет, были устремления, желания, страсти, теперь пусто. Фауст отдал всю свою жизнь познанию и пришел к познанию тщеты, которую не может отвести даже Природа-мать:

«И если у самой природы
Нет средства мне вернуть покой,
То нет моей хандре исхода
И нет надежды никакой».

Значит, склянка с ядом. Нет, еще есть шанс - продать душу сатане. Можно позавидовать Фаусту, так как этот господин не к каждому является. Хотя, судя по телепередачам, многих обласкал. Что нужно, чтобы он пришел?.. Бодлер его так просил, а он, собака, и хвостом не пошевелил...

Опустились сумерки, и швыряет ветер под ноги охапки листьев. А в душе свой вихрь. Мечутся ошметки воспоминаний в диком хороводе. Корчится тело, нет ему положения, словно уже в аду, на тлеющих головнях. Но все кончается.

Спасительная пустота приходит. Все ушло. Нет ни чувств, ни мыслей. Духовный вакуум. Когда-нибудь придет прозрение, что это означает приближение к Богу, который и есть вакуум - Ничто, которое во всем, и между электронами в атоме, и в бесконечности вселенной. Все пронизывает недостижимый Разум-Ничто, но поможет он лишь духу с ним сближающимся своими вибрациями. Человек рожден свободным и сам выбирает свой путь, устремляя свой дух к свету или во тьму, или шатаясь туда и обратно под грузом впитанных из окружения качеств.

* * *

Как пишут в газетах безвестные борзописцы, советский народ с энтузиазмом встречает очередной съезд КПСС. В основном это касается то части советского народа, которая огорожена колючей проволокой. Какой прок от съезда на воле?.. А вот в лагерях его ждут с нетерпением. Сколько надежд, что съезд сделает амнистию, как это уже бывало раньше. Теперь же, когда только и долдонят, что через 20 лет мы будем жить при коммунизме, да еще и нового человека создадим, кажется, сам Бог велел разгрузить лагеря. Скептики, правда, посмеиваются: дескать. Как же... ждите.., а кто коммунизм-то строить будет?..

Вглядываются зэки в газеты в библиотеке, вслушиваются в радиопередачи. Вот уже кончается съезд, а про амнистию ни гу-гу. Пестреет кругом рожа Н.С. Хрущева, что вдоль, что поперек. Да разве может быть во главе государства человек с такой рожей?!. Кукурузник паскудный.

Верхний сосед по койке у Ивана - старый, сморщенный еврей. Забираться наверх ему трудновато, но что делать?.. приходится. Иногда он рассказывает, как работал в каких-то контрольных органах и ездил с проверкой по колхозам.

- Приходишь, значит, в телятник, а там телята голодные, как волки, рукав пиджака норовят зажевать... А у коров мослы торчат, как на карикатуре... Идут они, бедолаги, и заносит их из стороны в сторону... Ну, председатель поставит, подмажет и, глядишь, удои, мясозаготовки... все как надо...

Присмотревшись к Ивану, сосед как-то заметил: «Кушать-то тебе нечего, давай-ка я тебе в магазинный счет запишу пару червонцев. На один ты себе купишь то, что тебе надо, на другой мне». Он работает в бухгалтерии, и счета в его ведении. Предложение перепугало Ивана, а вдруг обнаружится приписка, ведь ясно будет, что она с его ведома. И он категорически отказался.

- Как знаешь, - сказал сосед, - только ничего тут страшного нет, все делается чисто...

- То-то ты тут и сопишь, небось тоже за чистые дела, - зло думал Иван, размышляя, что даже тут эта порода находит как выгоду поиметь.

Евреев в бригаде много. Все старые сидят за хищение, иногда за взятку, а молодые - за изнасилование. В соседнем, большом кубрике собирается целый кагал. Однако сосед Ивана туда не ходит. Староста тоже предпочитает одиночество, как и неимоверной толщины Арон Беркович, отягощенный, кроме громадного брюха, еще и килой. Беднягу откопали, когда он уже вышел на пенсию с миллионом прибытку. Дали ему 10 лет, и теперь Арон Беркович часто плачет, сидя, как тумба, на койке. Поплакав, он с аппетитом кушает, благо, у всех евреев тумбочки ломятся от передач. Пока еще в зоне общий режим, и родственники аккуратно навещают своих каждый месяц, да еще и посылки шлют.

Как всегда, евреи не любят русских и прочих иноверцев, которые в долгу не остаются, впрочем не стараясь выразить свою неприязнь. Скорее наоборот, русские относятся к евреям со снисходительной любезностью, как это повелось на Руси исстари. Антисемитизм создают старые евреи, тогда как молодые национальной политикой не интересуются. Как-то сосед по работе - Вадик - показал Ивану, как быстро сколачивать щитки.

- Ты возишься с каждым, подгоняя шпон, чтобы без дырок было, а зачем?.. - сказал он, - бросил пучок, как легло, так и ладно, приколачивай. Сдавать будешь. Так сверху несколько нормальных щитков положи и сойдет. А так никогда норму не сделаешь...

Они разговорились, и Вадик предложил Ивану зайти вечером в третий кубрик и посмотреть книги. За год сидения Вадику навозили целую библиотечку. Он сводил Ивана в каптерку и показал большой чемодан, полный книг. Мельком глянув на бирку на койке Вадика, Иван отметил про себя, что статья у Вадика 117 - изнасилование, 9 лет срок. Много еще книжек Вадику читать, статья-то звонковая, без надежды на условно-досрочное освобождение или амнистию.

По ночам спится плохо, так и не наладится после Крестов нормальный режим. Зато как приятно вздремнуть после обеда минут 20-30 на лавочке под березками между бараками, поплотней завернувшись в телогрейку. Шелест опадающей листвы навевает особое умиротворение и благость, отвлеченную от всего в этом паскудном мире.

На соседней лавочке старик вполголоса рассказывает другому старику, как он мочил мусора.

- Был у нас один шоферюга на воронке, маленький такой, ничтожный; сидит себе в кабине, а как видит, что мусорня не справляется с каким-нибудь подвыпившим, так выползает, гад, с кастетом и сзади лупит подпитого по челдону. У того, конечно, глаза квадратятся, и силушка в землю уходит. Мусора его подхватывают и в воронок. Как-то он и меня огрел, аж глаз опал... Но я его подпас как-то в темном проходе и так вытянул арматуриной по затылку, что сразу за всех расквитался. Живучий, падла, оказался, но говорить после этого не может, мычит только и ходит на костылях. Ментура на ушах стояла с полгода, хватала всех подряд, кто у нее там на крючке был, да бесполезно, я-то в домушниках ходил, с мокрухой не связывался...

- Да-а, много сволочей, - вздыхает собеседник, - и всех мочить надо, а они как клопы плодятся...

Старики потупились в землю, замолчали сокрушенно.

Неохватную ненависть рождает в душах тюрьма. Приступы такой ненависти походят на внутренний взрыв человека, который способен уничтожить все вокруг себя. Архимеду нужна была точка опоры, чтобы перевернуть Землю, а испытывающий приступ ненависти готов расколоть своим костылем земной шар на куски, как арбуз, и пусть бы они разлетелись, к чертовой матери, во все стороны. Такие приступы напоминают эпилептические и, вероятно, сродни им, хотя бы в том, что ослепляющая ненависть рождает такую же физическую силу, как и эпилептический припадок. Помрачение рассудка действует так, словно размахивая палкой, без которой он ходить не может, старик способен уложить дюжину молодцов, против которой взыграло все его нутро. Поверженный, он с неослабевающим напором старается бить, лягать, кусать, издавая звериный рев. Пока же не впал в ярость, то кажется вполне добрым стариканом, и советом, и делом пособит. На свободу выходит, так еще и на танцы потащится, забыв, что 15 лет ухнули, а с ними и молодость откатилась. Юные «прости-господи», что побойчее, пастички свои разевают: папаша, куда прешь, сидел бы дома на печке!.. Ну, как не ответить: ах ты, шалава недопеханная!..

Сразу по прибытии в зону Иван написал письмо матери, сообщил, что находится в лагере под Ленинградом. Он долго думал, как бы написать насчет свидания, и остановился на формулировке «если есть время и желание, приезжай, свидания по воскресеньям». Прошла неделя, потом другая. На свидания вызывают по радио. Пришел дядя Коля с кучей пакетов в руках: «не приехали?..» Но в третье воскресенье Иван услышал свою фамилию и помчался к вахте. Здесь, за высоким дощатым забором стоят ряды скамеек. Родственники, сдав передачу для осмотра, проходят с вахты, а зэки из зоны, назвав фамилию надзирателю у калитки; встречаются за забором.

Иван шагнул за калитку и сейчас же услышал звонкий клич матери. Она стояла довольно далеко от калитки и махала рукой. А рядом стояла бабушка. Со слезами обнялись.

- А мы еще прошлое воскресенье собирались, да бабушка прихворнула, - тарахтела мать, - а сейчас такая очередь, думала, не дождемся... Искать не пришлось, пол-электрички сюда направились...

Бабушка совсем сгорбилась и стала какой-то серой. Жалуется, что огород едва выкопали с дедом, хорошо, мать помогла.

Они прерывают друг друга, что-то бессвязное вспоминают, расспрашивают, как тут живется, дают советы. Оказывается, они всю дорогу проговорили с женщиной, которая ездит сюда уже третий год. Лагерные порядки она уже знает так, словно сама тут находится.

- Дед разобрал твой сарай на дрова, - сообщает бабушка уже известное и добавляет новое, - обокрали твой сарай, дружки, наверное...

Иван поражен: «А в полу тайник вскрыли?..»

- Вскрыли, какие-то радиолампы кругом валялись, - подтверждает бабушка.

- Значит, точно, дружки, милиция тайник не нашла. Там, правда, ничего, кроме ненужных радиодеталей из мастерской телеграфа и не было, но раз они были разбросаны, значит это Гундос сотворил.

- Ладно, сочтемся, придет время...

- Спрашивал про тебя Лыткин, - говорит мать, - может что-то нужно, книги какие-нибудь?..

- Книги нужно, - воодушевляется Иван, переживая злобу на Гундоса, - я ему обязательно напишу.

- Бабушка, ты увидишь в окно соседку Нинку Попову, позови ее и дай мой адрес, пусть она его передаст, она знает кому...

- Да она уже спрашивала о тебе!.. - вспоминает бабушка, и сердце Ивана заливает теплая волна. Нинка не стала бы спрашивать о нем из собственного любопытства. Значит, это Таня просила ее узнать. Значит, она не вычеркнула его совсем из своей жизни.

Час свидания проходит незаметно. Пора прощаться.

- Хорошо, что вы приехали, - бормочет Иван, стараясь держаться, - мне теперь легче будет... Скоро я буду что-то зарабатывать и высылать вам...

- Да ладно, наберем денег приехать, ты лучше в ларьке покупай, что можно, кормят-то вас тут не ахти...

Они уходят, оглядываясь и спотыкаясь на ровном асфальте.

* * *

Ваня пристрастился к чтению, но читать нечего. Весной дядя Леша отвел его к своей сестре тете Нине, чтобы он покопался у нее на чердаке. Тетя Нина, о которой Ваня много слышал, оказалась степенной, приятной женщиной. О таких говорят - «культурная». В самом деле, тетя Нина - врач, дома у нее пианино, мебель и ковры. Живет она с тетей Клавой, которая делает всю домашнюю работу. Живут они в доме барачного типа, но с отдельными входами в квартиру. Ваню напоили чаем с печеньем, потом, наконец, дядя Леша вспомнил, зачем они пришли. Тетя Нина вывела Ваню в сени и показала на лестницу, ведущую на чердак. Скоро Ваня обомлел от обилия книг, которые были сложены стопами, обвитыми паутиной и присыпанными мусором. В тусклом свете оконца, выходящего на крышу, он лихорадочно листал книги и отобрал приличную кучу, надеясь на помощь дядя Леши.

Чего тут только не было: толстенный журнал времен первой мировой войны, путешествия Ливингстона в Центральной Африке и Седова в Ледовитый океан, книга по географии, «Батый» Яна, отдельные тома А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, красочный календарь. Все изрядно потрепанное, но кое-что в крепком переплете и хорошо сохранившееся.

Тетя Нина пригласила приходить еще. Теперь Ваня забывал даже про гулянье. Он изучал, какие бывают облака, как живут в Австралии и Африке, что происходило на фронтах. Он впервые увидел портрет царя Николая II и подумал, что у него хорошее лицо, почему о нем плохо говорят?..

Однажды произошло событие, давшее Ване пищу для размышлений. Бывает же такое: Монтекки и Капулетти мирятся. Был какой-то праздник, и мама с дядей Лешей с бутылкой водки отправились в соседнюю комнату к Пузне в гости. Они уже договорились на кухне, что будут теперь жить в мире и дружбе. Скоро и Ваня просочился следом: что же там происходит!.. Все уже под хмельком, смеялись и шутили. Ваня принес Вале книжку Толстого про зайцев.

После примирения мама спросила дядю Лешу: «Заметил, что у них все тарелки с надписью «общепит»?.. Наворовала Пузня в деповской столовой, там и утробу себе отрастила!..»

- Ну, что ж, - заметил дядя Леша, - не украдешь, не проживешь, время такое.

Помирились, а сами говорят плохо, думал Ваня, значит снова будут лаяться. И точно, примирение длилось недолго. Уже через неделю с кухни доносилась перебранка. Валя принесла книжку про зайцев, сказала: неинтересно... Дядя Леша, встретив в коридоре дядю Сережу, заговорил: «Опять наши бабы с чего-то повздорили». Дядя Сережа пробурчал что-то и прошел мимо.

На болотистом пустыре за Воняловкой Ваня помогал дяде Леше разбрасывать по гряде известь, чтобы почву улучшить, а то кислая. По соседству в жухлой осоке кто-то бурчал.

- Это лягушки весенние песни поют, - сказал дядя Леша.

Ваня тут же забыл про известь и подкрался к луже. Звуки стихли, потом из-под ног у него выскочила лягушка, прыгнула в воду. И Ваня замер, глядя, сколь грациозно она поплыла под водой, отбрасывая задние ноги. Довольно долго он старался найти бурчащую лягушку, а когда увидел около кустика осоки торчащую лягушачью голову, то был очень доволен, хотя и не понял, чем это она бурчит.

- Ну, все, пошли, - позвал дядя Леша, - уже все лягушки тебя знают...

Теперь Ваня нередко гулял с ребятами постарше, но однажды они осмеяли его. Они долго били кошку палками. Кошка сначала пыталась убежать, но потом она уже едва двигалась, а мальчишки изо всех сил лупили ее. У кого-то даже толстая палка переломилась о кошку, которая изо-

гнулась дугой, и морда ее была страдальческая. Ваня несколько раз робко пытался остановить бойню, испытывая ощущение, что это удары не по кошке, а по нему.

- Да ты чего!.. - орал то один, то другой.

Наконец Ваня заплакал, а кошку бросили в пруд. Вот тут-то он и испытал впервые публичное осмеяние. Те, кто только что зверски расправились от нечего делать с пробегавшей кошкой, теперь весело оскалились на него: «Нет, вы посмотрите, кошечку пожалел!..»

Он долго помнил, как кошка не хотела умирать, и какое наслаждение испытывали эти болваны, убивая ее. Почему в такую солнечную погоду, когда кругом благодать, в сердцах совсем еще юных людей шевелится ненависть, которую надо на что-то направить?.. На свою роль как зрителя Ваня смотрел критически. Почему он не закричал во весь голос, чтобы прекратили, а только лепетал: не надо... ну зачем... А если бы он закричал, что бы было?.. Может быть они оставили бы кошку и набросились на него?.. Как они потешались над ним, сделав свое гнусное дело!.. А стоит ли из-за какой-то кошки портить отношения?.. Спустя недолгое время этот вопрос начал всплывать в Ваниных размышлениях. Он, как ржавчина, разъедал душевное отношение к случившемуся. Наблюдая кругом одно вранье, злобу и низость всех сортов и оттенков, Ваня начал испытывать страх перед жизнью. Какие-то неосознанные начала боролись в нем. Как просто и легко жить, выражая свои чувства, говоря то, что думаешь, не делая никому плохого, но, оказывается, так нельзя. Надо обманывать, чтобы над тобой не смеялись и не получить лишний подзатыльник. То, что чувствуешь, лучше не рассказывать, потому что потом обидно дразнят, значит тот, кому что-то было доверено, пересказал это еще кому-либо или даже многим. Иногда за ужином Ваня пытается выразить свои сомнения, путается и не договаривает; мысль ускользает в бесконечность.

- Дурью маешься, - заявляет мама, - со временем все поймешь, надо жить как все, смотри и учись, а то так дурачком и останешься...

- Ну, это ты зря, - возражает дядя Леша и замолкает, потом добавляет, - а может она и права. Впечатлительный ты, Ваня, тяжело тебе будет... Видел бы ты то, что я видел, не смог бы жить. Это тебе не кошку убить. Помню, в блокадном Питере, если вдруг появлялась откуда-то кошка, тощая как тень, так люди за ней бросались как ястребы, чтобы изловить и съесть. Только вот сил не было за кошками бегать. Проще было у трупа ногу отрезать, на суп...

- Ну, хватит, завел тут свою песенку, - резко обрывает его мама.

Чужое невероятное прошлое ложилось в сознании со своим мутным настоящим, создавая горький компот. Какая-то мерзость висела в душе. Что-то было во всем не так, но что именно, понять было невозможно. Жить как все... Но ведь все живут по-разному. Вот тетя Нина... разве она живет как все?.. Но ведь он и не знает, как она живет. Мысли обрываются. Во сне Ваня падает куда-то вниз, кувыркаясь, и в ужасе просыпается. Мерно скрипит кровать неподалеку. Все в порядке, просто сон худой.

~ 17 ~

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи,
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.
(Сергей Есенин)

Всем мореплавателям ведомо чувство, когда после долгого однообразия, нарушаемого лишь борьбой с дикой стихией, на горизонте показываются туманные очертания земли. Восторг охватывает людей, предвкушающих схождение на берег, где нет ничего из виденного прежде. Может быть ждет там засада, и жизни угрожает опасность. Но вполне возможно и другое: прибывших встретят как посланников неведомых миров, несущих некие блага, или даже как богов, способных на невероятные свершения, ведь само появление корабля это - чудо. Так бывало в далеком прошлом. А может быть никто не выйдет к кораблю, и лишь звери, заметив необычное, разбегутся и спрячутся, ибо известно им, что все новое таит опасность.

Человек, впервые ступающий на новую землю, также знает о возможной опасности, но он знает и о возможных благах, которые может здесь найти. Глаз ловит гармонию незнакомых сочетаний форм и цветов, которая бальзамической струей течет в душу и наполняет ее радостной ис-

томой. Хрустальное зеркало родника манит приложиться, и жгуче холодная вода не только освежит, но еще и внесет внутрь неощутимое нутро этой земли.

Потом, конечно. Появятся и другие помыслы, главным образом потребительские: а что тут можно поиметь?.. А как использовать эту землю?.. Первое ощущение, когда земля как будто сама, с помощью неизвестных излучений, наполняет прибывшего радостью, затушевывается и исчезает. Немного времени пройдет. И окажется, что новая земля не такая ласковая, как показалось вначале. В ответ на домогательство земля становится неприветливой, а то и ядовитой. Она терпит издевательство над собой, как терпит мать, когда дитя таскает ее за волосы, но по временам она вдруг дергается и делает своему истязателю шлепок, то ли в форме стихийного бедствия, то ли эпидемии болезни или какого-то социального недуга, вроде войны, революции, утраты ценностей путем подмены их пустозвонством.

Красота, влившаяся в начале, приелась. Она не спасет мир, как мечтал Ф.М. Достоевский, потому что изначальная красота заключается в божественной природе, которой остается все меньше, ибо землю пытаются поработить. Тщетные потуги. Все поработители в свое время лягут в землю и растворятся в ней. Как сказал Эрнест Хемингуэй, «землю нельзя обратить в рабство, она переживет всех тиранов». Земля останется с людьми, внимающими ей, а прочим надо поспешить на «новые земли» вселенной. Может быть там они найдут то, чего недоставало на Земле, - ощущение вечной гармонии и погружение в нее вместо потребности довлеть над нею, взращенной на Земле.

* * *

В рабочей зоне ширпотреба рядом с сараем, в котором сколачивают стенки для ящиков, стоит основательный дом - столярная мастерская. И однажды Иван обратился к ее руководителю с просьбой взять его, так как он - столяр. Роман Яковлевич сверкнул на него золотыми зубами: добро!.. Но работать пришлось больше на улице, на заготовке досок нужной длины. Напарником Ивана был грузный мужик со стеклянным глазом, который всегда смотрел вверх и придавал лицу жуткое выражение. Сергей Иванович прошел войну и говорил, что таким, как он, убить человека, как два пальца обмочить. Сидел он, однако, не за убийство, а за изнасилование своей падчерицы, когда ей было 12 лет. Прошло уже 4 года, и падчерица с матерью приезжают к нему на свидания. В бригаде он - культорг, т.е. командует разными непроизводственными делами, например, собирает всех на политсеминар, который раз в месяц или реже проводит начальник отряда - капитан с презрительно оттопыренными губами и нездоровым цветом лица, словно он не с воли приходит, а из Крестов прибыл или всегда с перепою, отчего и газету пересказывает, запинаясь на каждом слове. Культорг ведает также выдачей писем и сахара, которого положено 5 г в день. Раз в месяц Сергей Иванович выдает каждому кулечек сахарного песку, который можно растянуть на неделю.

Когда на улице становится совсем холодно, пильщики досок ходят курить и греться в сушилку, где сухорукий Юра непрерывно топит здоровенную печку сушильного шкафа. Иван завидует такой работе, сиди себе целый день у печки.

Много людей собирается в сушилке и каких только разговоров тут не происходит. Но заглядывает бригадир: опять тут у вас клуб!.. Бригадир - личность легендарная. Зарубил он свою жену, разделил на части и спустил в мешке в прорубь. Но вскрылось. Дали вышку, а потом заменили 15 годами. Теперь он бегает по ширпотребу, подгоняет бездельников, но больше сидит в конторе, где у него сочная баба - устроитель контрактов. Живет бригадир, не тужит, правда, мужик не вредный, никого не закладывает.

Тягучие, как резина, дни сменяют один другой. Отупение переходит в отчаяние, а потом в глубокую апатию. В школу идти не хочется, читать не получается. Остается только лежать, как живой труп.

Как-то в кубрике появился шустрый мужичок в добротном френче из шинельного сукна и в хромовых сапогах, в каких раньше ходили воры в законе. Он разыскивал своего земляка, как оказалось, Ивана. Это был Миша Шматов, один из убийц инкассатора еще в 46-ом году. Он сердечно приветствовал Ивана. Машина с ветеранами заключения только что прибыла из больницы Газа, где им назначили диетическое питание. Земляки посчитали, сколько лет было Ивану, когда Миша сел, получив 25 лет. Вышки тогда не было. В лагере Миша еще кого-то «замочил», и ему добавили еще 25. В 48-ом году он участвовал в мятеже Белова. Поднялись тогда «тяжеловесы» одной зоны близ Ухты, терять-то нечего, - рассказывал он. Разоружили охрану, освободили соседние зоны.

30000 набралось народу. Двинулись на Воркуту, там 200000 ждало. Но не добрались. Бросили на них танки, авиацию, зажали в одном ущелье. Приказ был - живых не оставлять. Но все же около 800 человек осталось. Сам Миша с простреленной рукой прикрылся трупом. Он показал руку со шрамом от сквозного прострела почти подмышкой. Потом добавили еще 25 лет и на урановые рудники отправили на Новую Землю. Там все равно больше полгода никто не живет. Но Миша, как хороший сапожник, работал наверху, в шахту не спускался. Получил язву желудка, две третьих которого вырезали, а с тем и комиссовали. Снова на материк отправили.

- Главное, не киснуть, - говорил Миша, поблескивая фиксами, - все переживается...

Позднее он нашел заочницу в своем городе, которая приезжала к нему на личное свидание. Тогда все проще было. Теперь у заочницы двое его детей. Выяснилось, что жила она совсем близко от дома Ивана. Возможно, что он ее видел много раз, но не знал, что она заочная жена Миши Шматова.

Иван вспомнил, что дядя Леша рассказывал, как еще в те далекие времена Миша с приятелями приставал к нему с товарищем. А шедшие сзади морячки потом укоряли их, что они не вступили в драку. Морячки готовы были помочь.

- А-а, - досадливо махнул рукой Миша, - счастье их, что не связались... прирезали бы на месте вместе с морячками, а нет, так пристрелили бы, ничего не стоило. Наганы мы еще из Берлина привезли...

Иван вспомнил слова Сергея Ивановича «как два пальца обмочить».

Миша рассказал, как однажды поутру к нему домой пришел Зарубин из угрозыска. Пришлось достать наган из-под подушки и щелкнуть предохранителем.

- Миша, я пошел, - сказал Зарубин и вышел. А Миша прыгнул в окно на пожарную лестницу и был таков.

Иван сообщил, что Зарубин теперь начальник угрозыска, что чрезвычайно удивило Мишу: «Это такой дурак-то?!»

- А все они дураки, ловят лишь по наколке или по собственной дурости, - заметил Иван, так как был уверен, что весь их угрозыск - сплошная шушера. Ведь его самого нашли случайно. А сколько в городе было краж и ограблений, сколько трупов находили!.. Никогда никого не ловили, если только убийство не происходило средь бела дня, среди знакомых людей, то есть и искать не надо было. Милиция существует для того лишь, чтобы у пьяных карманы обирать.

Миша пригласил Ивана приходить к нему в сапожницкую. Но через несколько дней там что-то произошло. Иван пошел в сапожницкую и встретил Мишу в сопровождении двух надзирателей. Они «не узнали» друг друга. На спине Миши торчал клин френча. Как потом выяснилось, его пырнули ножом, но он успел увернуться, и нож прошел вскользь, проткнув доброе сукно. Миша, однако, не рассказал, что произошло. Решив, что он темнит, Иван решил не ходить в сапожницкую. Да и о чем им еще беседовать?.. Вся эта лагерная романтика осточертела. Звериная она. Живут люди лишь для того, чтобы утробу набить и пройтись в хромачах, виляя задницей, показывая, какие они независимые. А что в этой независимости?!. Пыль.

Иван читает А. Мюссе и штудирует философский словарь из чемодана Вадика. Он начинает сознавать, что настоящая жизнь связана с глубиной мысли, а не с пошлым бытом, нарочитой показухой. Временами он пытается сочинять стихи, иногда даже записывает их, так как все, что сочинил в Крестах, нацело забыто. Прочитав написанное через некоторое время, он видит, что стихи плохие, что он явно подражает любимому Есенину. Ну, и ладно, ведь он не поэт, а только убивает время.

Я жду минуты вдохновенья,
Терзаясь, изнывая,
Чтобы в своем безумном пеньи
Опустошить душу, рыдая.

Пусть слезы льются друг за другом,
Земля немедля их впитает.
Но жизни чувственная вьюга
Никак меня не покидает.

И тяжким грузом мне на шею

Ложится дней суровых рать,
Я не уверен, что сумею
Сей груз на шее удержать.

И потому в словах печальных
Хочу я горечь всю излить
И чувства дней моих начальных
В душе незримо повторить.

~

Словно призрак, твой образ витает
В моих мыслях, и душу терзает
Воспоминанье минувших дней
И радости и горести моей.

Наяву словно, вижу тот взгляд,
Что смущал меня годы назад,
Золотой завиток волос
И немного курносый нос.

Много вод уж с тех пор утекло.
Из души уплывает тепло,
Чувства вянут, как будто цветы,
В час последней своей красоты.

Но тебя мне забыть невозможно
В этой жизни, туманной и сложной.
Ты, как светоч прекрасный была,
Как источник любви и тепла.

К сожалению, в мире беспечном,
Ничего нет, что было бы вечным.
Разбежались и наши пути,
Невозможно друг друга найти.

И теперь между нами лежит
Пропасть - бездна, по дну где бежит
Поток, словно дикий зверь,
Открывший из клетки дверь.

Я знаю, ты грустишь обо мне,
И при лунном холодном огне,
Когда где-то и с кем-то гуляешь,
Ты нередко меня вспоминаешь.

Мчатся, вдаль уплывая, года,
Словно речки живая вода,
И мечты, облакам лишь под стать,
Перестали меня посещать.

Лишь твой призрак в тумане вьется,
Ветер плачет и в окна бьется.
Грезы в жизни остались одни,
Да на память минувшие дни.

Тускло лампочка что-то мигает,
Ветки в окна мотив выбивают.
Жизнь туманная, жизнь никчемная!!
Пролетай же скорей, неуемная.

* * *

Ваня рад, как только можно; дядя Вася с водокачки принес за пазухой щенка, о котором они давно договорились с дядей Лешей. Дядя Вася заядлый охотник и рыболов. Живет он на берегу реки, рядом с водокачкой, на которой следит за насосами. На реке у него целая куча переметов, и он всегда с рыбой. Вот и теперь он принес целую кучу больших рыбин, и дядя Леша побежал за водкой. Дядя Вася тем временем, добродушно улыбаясь, инструктирует Ваню, как ухаживать за щенком, как его приучать потом к охоте. Ваня недоумевает, почему у щенка нет хвоста, лишь какой-то обрубок. Дядя Вася подтверждает, что хвост щенку обрубил топором за ненадобностью. В чем заключается ненадобность, Ване непонятно, но собак с обрубленными хвостами он видел. Наверное, это зачем-то нужно, тем более, что дядя Вася поясняет, что щенку это совсем не больно. Он даже не заметил, что остался без хвоста.

Щенок сразу признал Ваню, а когда попил молока из блюдечка, то блаженно заснул на коленях у мальчика. Маленькие всегда понимают друг друга, как нечто родственное, хотя и принадлежат к разным мирам. Положенный на кушетку между мамой и Ваней, щенок немедля полез на Ванины ноги. Мама даже обиделась: «Вот ты его и корми».

Мужчины пьют водку и закусывают сочной жареной рыбой. Ваня слушает рассказы дядя Васи про глухарей, лосей, медведей. Он замечает. Что и дядя Леша против обыкновения больше слушает, чем говорит, и явно завидует дяде Васе, который большую часть времени проводит в лесах со своими двумя собаками лайками. Он добывает пушнину, иногда завалит лося, которого втихаря вывозит в ближайшую деревню, где у него везде есть друзья. Лосей убивать запрещено, но у дяди Васи большая семья, платят гроши, поэтому он всю жизнь бьет лосей и пудами ловит рыбу. И интересно, и кормно. А что законы?!. Так пусть поймают... Лес ничей, и в лесу он, как дома. Волков нынче три шкуры сдал, лицензию на отстрел лося получил, так что, если попадется, то, пожалуйста, есть разрешение, под которое можно десяток угрохать. Он приглашает дядю Лешу приехать за лосятиной, да за рыбой.

Прощаясь, дядя Вася говорит Ване: «Не изнежи собаку-то, хорошая собака не уважает нежности».

Соседи из первой комнаты, которых почти не видно, получили квартиру, а их комнату выхлопотал дядя Леша. Комната большая, светлая. Из нее открывается вид на прямую улицу почти до вокзала, вдоль которой стоят стандартные деревянные двухэтажные дома и сараи возле них.

Откуда-то привезли старенький шкаф и такой же комод. Ване отвели свой угол, в который поставили большой фанерный ящик из-под папирос, куда он сложил книги и разные симпатичные железки с помойки, которые мама упорно стремилась выбросить, не понимая их эстетической ценности. Теперь она не будет на них натыкаться и кричать, что опять хламу наносил. А сколько было шума, когда Ваня хотел под кушеткой засушить отрубленную голову петуха, которую он подобрал у сараев. Голова, правда, не сохла, а начала вонять, и мама, принюхиваясь. Словно ищейка, безошибочно определила укромное местечко. Вытащив палкой голову петуха, она остолбенела, и Ваня успел вовремя смыться, а домой пришел вместе с дядей Лешей, встретив его с работы. Затрещина все же досталась, но Ваня нырнул под прикрытием дядя Леши под кровать и переждал там грозу. К ужину, похоже, можно было вылезать, тем более, что дядя Леша, уразумев, в чем дело, заключил, что ничего страшного... вот если бы это была голова человека!..

Он объяснил, что голову петуха нужно было сначала обработать, т.е. выскоблить все мясо и мозги, потом хорошо посыпать солью, в глазницы вставить бусины, а гребень и уздечку отрезать и сделать бумажные и покрасить их. Одним словом, чтобы получилась натуральная голова, надо много потрудиться, просто так можно засушить лишь бабочку или стрекозу, да и то их нужно расправить и закрепить так.

Хорошо иметь свой угол и ящик в нем, как стол. Можно расстелить географическую карту и спокойно ее изучать, не отгибаясь каждый раз, как кто-то проходит мимо. Темновато, правда, но крупные буквы видно. Можно вытаскивать из ящика ценные вещи и, полюбовавшись ими, пытаться определить, что это за штуковина. Вот, к примеру, красивая полоска с ножками и отходящей вверх деталью из желтой меди. А вот пластмассовая крышка от какого-то прибора с застекленным оконцем. В ней хранятся, чтобы не помялись, красивые перышки от рыжей курицы. Интересный сучок, похожий на винт, как это так рос, как будто закручиваясь в ствол дерева?!. Книги составляют целый ряд, но мало их. Столько еще нужно из того, что лежит в книжном магазине, и к тете Нине нужно бы сходить на чердак. Глядя в ящик, можно повспоминать и помечтать о том, что бы еще сюда положить.

Дядя Леша, закурив папиросу, присаживается неподалеку к окну. «Ты у нас, как Скупой рыцарь», - произносит он, выпуская облако дыма. «Ну почему скупой?» - возражает пасынок, и дядя Леша хохочет: «Ты, значит, рыцарь, но не скупой?!.» Он поясняет, что у Пушкина есть маленькая трагедия, в которой главный герой - Скупой рыцарь, любимое занятие которого - смотреть на свои сокровища в сундуках; у Вани в ящике сокровища немного другие, но тут важен принцип - любование тем, что есть. И откуда дядя Леша все знает, вроде и книжки никогда не читает?.. Быть похожим на Скупого рыцаря Ване не нравится. Вот если бы у него были сокровища - 1000 рублей, ну, пусть 500, тогда бы он купил все нужные книжки. Так ящика бы не хватило!..

В комнату провели телефон, и Ваня узнал. Что дядя Леша - начальник, потому что, когда телефон звонил, дядя Леша снимал трубку и строгим голосом отвечал: «Говорит начальник подстанции Шевчук!»

- Дядя Леша, что такое подстанция, которой вы начальник?.. - спросил Ваня , полагая, что это нечто в земле, под станцией, где поезда.

- Это все трансформаторные будки, что есть в городе, знаешь, такие каменные домики с железными дверями, на которых нарисованы череп и кости, а внутри все время гудит... - был ответ.

Такой домик был на соседнем перекрестке. От него тянулось множество проводов. Дядя Леша объясняет, что там стоят большие трансформаторы, которые высокое напряжение тока преобразуют в обычное, которое все имеют у себя в домах. Это напряжение не убьет, если замкнуть собой провода, например, сунуть палец в патрон для лампочки, но тряханет. Ваня уже имеет такой опыт. Как-то над дверью кочегарки он увидел трубку с медным колечком. Он добрался туда по широкому бетонному пристенку и хотел вытащить колечко. Тут-то его и шарахнуло, да еще как!.. на бетоне-то. Каким-то чудом он удержался на пристенке и не свалился к дверям кочегарки. Казалось, мозги закипели, и он долго сидел на пристенке, приходя в себя.

Жестоким опытом подчас дается знание.

~ 18 ~

Мудрых знать обязан мудрый, их совет одноголос:
«Нужно быть мужчине твердым и поменьше сеять слез;
Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес.
В жизни каждый переносит то, что сам себе принес».
(Шота Руставели)

Всю свою жизнь человек чему-нибудь учится. В колыбели он постигает существование внешнего мира, благодаря повторяемости впечатлений. Он научается различать живое и неживое и узнавать уже прочувствованное. Потом ребенок учится ходить, говорить, реагировать на ситуации. Многому его учат близкие ему люди в соответствии с нормами общественной прослойки, к которой они относятся. Но еще больше он учится сам путем подражания. Дети, выросшие в необычной ситуации, обучаются иным навыкам. Ребенок в семье японских нидзя подрастает в колыбели, ударяющейся о стенку и время от времени совершающей пируэты в воздухе. Он быстро принимает это как должное и перестает пугаться. Ребенок, подрастающий в семье волков, учится двигаться на четвереньках и понимать звуки своих приемных родителей.

Маленький чукча с торбой сухого мха между ног спотыкается об оленьи шкуры, учась ходить. А его сверстник в Туркмении, не отягощенный одеждами, падает на ковер. Они слышат различные языки и усваивают несхожие представления. Если судьба когда-либо сведет их, они смогут полноценно понимать друг друга лишь с помощью более распространенного языка, который они должны освоить.

Подрастают отроки и, наряду со стандартным обучением, учатся навыкам своих предков и современников. Кто-то обучается уходу за скотиной и выращиванию овощей, кто-то изучает устройство механизмов, кому-то приходится корпеть над вязанием кружев или рыболовной сети, другой постигает умение работать столярными или слесарными инструментами. Юноши учатся курить. Пить водку, мыслить. Сочинять стихи, играть на каком-либо музыкальном инструменте, ботать по фене, лазать в чужой карман, писать картины, водить машину. Приходит опыт в каком-то деле. Появляется знание, что делать опасно, с кем приятнее общаться, куда обращаться при какой-либо надобности, зачем нужно то-то и то-то.

Приходит пора обучения любви, а затем и выращивания детей вместе с их обучением жизни. Но и самообучение никогда не прекращается. Человек учится на своих ошибках и по книгам, на опыте других и у природы. На каждом этапе жизни перед ним встают все новые проблемы. Избрав жизненный путь, каждый учится своему делу и, освоив его, совершенствуется, т.е. учится дальше. Он не может учиться всему, но способен охватить многие сферы. У каждого свои способности к обучению. То, что один хватает на лету, другому может стоить тяжких усилий. Жизненные обстоятельства порой складываются неблагоприятно для обучения тому, к чему человек испытывает особую склонность. В результате он учится не тому, в чем мог бы преуспеть больше всего. Нередко человек и не знает, чему ему следует учиться. Никто не помог ему в определении его природных склонностей тогда, когда еще было не поздно. И он прошел по жизни, ограничив свое обучение случайностями и бытовыми нуждами. Он не учился умирать и поэтому боялся смерти, хотя мог быть вполне самодоволен.

Осмысленный жизненный путь означает соответствие человеческого духа и его деятельности. В обычном обществе этому не учат, поскольку тут попахивает метафизикой, от которой многие государственные системы отворачиваются, общественные деятели старательно ее критикуют или замалчивают. Понятие «дух» не имеет сколько-либо вразумительного истолкования, поэтому те, кто его используют, делают это по-своему, а другие предпочитают его не применять или рассматривать как художественную метафору. От того, что дух либо извращают, либо не замечают, сущность не меняется. Живой человек отличается от свежего мертвеца лишь духом.

Дух стоит над рассудком и определяет личность. Недаром говорят о высоте или силе духа. Он направляет всю активность человека, в том числе и познавательную. Однако, чем человек заполнит свой разум, и какого рода деятельностью он будет добывать хлеб свой насущный, зависит от его окружения, особенно в начале пути, когда он находится в полной зависимости от близких. Вот тут-то и может произойти необратимое расхождение духа и предназначения данного человека. Если человеку предопределено было стать скрипачом, но в детстве этого никто не подозревал, он уже не станет виртуозом никогда. Однако соответствующая высота духа все же может привести его к творческой активности на другом поприще и частичному согласованию божественного начала и человеческого воплощения. Жизнь приблизится к полноте, при которой ее физическое завершение означает лишь переход на другой уровень существования. Человек научается не видеть своего конца, потому что этот конец теряется в бесконечности, превосходящей уровень его понимания.

* * *

Тяжелые доски давят своим однообразием. Мерзнут руки в мокрых рукавицах. Серое небо словно на земле лежит, и в нем ковыляют еще более серые фигуры в ватниках. Скудная еда дает мало энергии, и люди привыкают двигаться замедленно, засунув руки в рукава ватника. Землистого цвета лица по большей части ничего не выражают. Белесые губы сжаты, чтобы не выходило внутреннее тепло.

Когда сушильный шкаф заполнен досками, Иван работает в помещении столярки. Теперь он пилит на циркульной пиле сухие доски, а затем пропускает их через строгальный станок. В цехе тепло, ровно гудят моторы, и под их гул хорошо думать. Вечером может быть будет письмо. Он

уже знает, что обе его подружки Тани не испытывают к нему отвращения, чего он так боялся, хотя то, что его посадили, было для них полной неожиданностью. Получать от них письма очень радостно, но какие-то эти письма детские. А впрочем они ведь дети и есть, хотя посещают танцы и присматриваются там к мальчикам.

«На танцы хожу очень редко. В то воскресенье была, и то потому, что мы справляли одной девчонке день рождения, а потом отправились в сад. Обратно я шла с одним своим одноклассником. Дурак, он живет на окраине, и не лень ему было идти 2 км в центр. Ну ничего, прогулка перед сном полезна для здоровья. А один мой поклонник утонул. Был пьяный на рыбалке, ну и рыбка его изловила на обед. Как видишь, все получилось наоборот. Ну и царствие ему небесное! Одним ослом меньше стало».

Иван вспоминает свои прогулки с двумя Танями, и смешанные чувства одолевают его. С одной стороны, вроде бы было так приятно, и время проходило незаметно. А с другой стороны, теперь он это отчетливо понимает, это было пустое времяпрепровождение. С ними не о чем было говорить, кроме как о всякой чепухе. Миленькие, глупенькие, они выросли в сравнительно обывательской обстановке. У них не возникла потребность мучительно думать, а может быть эта потребность и не могла у них возникнуть. Генка вырос в очень хорошей семье, но, сколь помнится, всегда он размышлял. Про Женьку что уж тут говорить. Инвалид с 5 лет, много месяцев проведший в больницах. Несчастье приучило его мыслить и этой способностью он отличался от всех прочих отроков двора. Он много читал и знал всякое такое, о чем другие понятия не имели. Иван любил беседовать с ним. Они часто спорили о «высоких материях», и Женькина рассудительность чаще всего одерживала верх. Накануне того рокового дня, когда за Иваном приехали, они почти до утра беседовали в сарае, где Иван спал летом. Их обоих захватила тема: как жить, и они рассматривали ее с разных позиций, подбирая аргументы против представлений друг друга. Надо же было так случиться, что уже вечером Женька узнал печальный итог ночной беседы. Через полгода их общение возобновилось в письмах. Говорить о своих чувствах и ощущениях как-то неприятно. Другое дело, писать о них. Когда пишешь, то не связан с близостью того, к кому обращаешься, и получается более искренно. Знаешь ведь человека, которому пишешь, и соответственно фразы строятся, иногда даже не так, как думается. Что-то само выскальзывает, не желает лечь на бумагу, а что-то появляется, о чем-то и не думалось вначале.

Здравствуй, Женя! От скуки решил написать тебе. Вообще я давно собирался написать тебе, но все время такое состояние, что ничего не хочется делать, тем более писать письма, потому что это целая проблема, написать письмо. В голове целый хаос мыслей и очень трудно сосредоточиться на чем-нибудь одном. Я пишу тебе просто потому, что мне хочется делиться с тобой своими мыслями и думами, ведь ты как никто другой знал и понимал меня. Сейчас я живу одними воспоминаниями и мечтами, реальная действительность кажется мне просто сомнамбулическим сном и мысль, что мне сидеть 5 лет просто не укладывается в моей голове. Словно длинный ряд вех, исчезающих за горизонтом, кажется мне мой срок. Ты во всем был прав, Женя, я просто не хотел сознательно тебя понять. И всегда люди понимают свои ошибки слишком поздно. Сейчас я стал другим, таким каким я был без всего этого пошлого и грязного. Что привело меня сюда. Но мне нужно выдержать этот срок, не шлепнуться тут и не наделать других глупостей, что может унести мою душу к праотцам. Итак, я жду твоего ответа и кончаю свое письмо, потому что не совсем уверен, что оно попадет в твои руки, ты должен учесть, что письма здесь проверяют, и не писать мне всякую ерунду. Я думаю, что если мы изредка напишем друг другу письмишко, то это нам не повредит. Пиши.

С приветом Иван.

Конечно, Женька был второстепенным приятелем, так как всегда лез со своими назиданиями и необыкновенной язвительностью. Но зато он знал многое такое, что другие пацаны не знали, и это почему-то трогало Ивана. Женька, например, рассказывал, какой замечательный художник Гоген или сколь великолепен Кафка. Однако было в нем что-то отталкивающее, то ли ощущение собственного превосходства, то ли желание постоянно навязывать что-либо, полагая, что он знает, кому что нужно.

Ответ не заставил себя долго ждать. В сущности, не так уж много времени прошло с их последней встречи - немного больше полугода. На воле это почти незаметно. Но в тюрьме первые полгода самые напряженные. К тому же раньше им не приходилось переписываться, а это совсем иной способ общения по сравнению с разговорным.

Здравствуй, Ванек!

Долго ждал я твоего письма, и все меньше и меньше оставалось уверенности в том. Что получу его. Тем более приятно было получить его сегодня. Даже собрался сразу сесть и написать, чего со мной почти никогда не бывает. Для тебя, разумеется, не будет никакого «вреда», если ты будешь писать мне, как только явится желание, но у тебя не должно возникать ни малейших иллюзий, что ответы будут приходить регулярно. Время! Чего мне сейчас не хватает, так это времени. Сплю не более шести часов (в будни), хочу догнать до пяти - и все равно не хватает. С сентября работаю в «нашей» школе лаборантом-физиком да плюс учеба в университете, к тому хочется иногда почитать, сходить в кино, прогуляться, сыграть в шахматы - и на все нужно время. Вот то, что я хотел сообщить о себе вкратце. А что касается «хаоса мыслей, чувств и переживаний», то тут я тебе, пожалуй, ничем помочь не могу. Да ты и не страшись этого состояния. Естественное состояние для человека, разумеется, если он может и имеет потребность мыслить, все ясно и понятно бывает только кретинам.

Меня чаще раздражают приливы меланхолии, несущие духовную пустоту, а, быть может, порожденные именно ею. Этого я еще не сумел понять. Подобное со мной случилось на вступительных экзаменах. Жара, боли в ноге, переутомление физическое и психологическое до того меня измотали, что на первом экзамене - математика письменная - со мной случилось что-то страшное и непонятное. Это было похоже на оцепенение, - духовное. Трудно передать словами это состояние, но избавь меня, боже, от подобного в будущем!

Если иногда в моих письмах будут проскальзывать менторские нотки, бьющие тебя по нервам, то вспомни, что этим я любил заниматься и раньше, и до сих пор удивляюсь, как ты терпел мои жалкие попытки «перевоспитать тебя» и ни разу не дал по физиономии. И знаешь, Ванек, порой мне не хватает тебя. Сейчас я, когда пишу это письмо, еще более полно ощутил свое одиночество. В городе остался только Генка Шапошников (остальные в армии), но с ним мы видимся редко. И каждый раз, когда встречаемся, я отдыхаю душой. Приятно провести час-другой с таким человеком. Ходим по городу, болтаем или молчим, что с ним в равной степени приятно. Да! Открыли кинотеатр, поименовали его «Восток». Выхожу теперь из дома за пять минут до начала сеанса и успеваю, разумеется, если народу немного, купить билет и выкурить папироску. Экономия времени колоссальная! Хожу я теперь до клуба, когда не очень скользко, за пятнадцать минут. Тоже прогресс. Хожу с палкой, между прочим палка экстравагантная, так надежнее, и за все время, с тех пор как выпал снег, упал всего четыре или пять раз. Здорово? Пиши, что читаешь, чем занимаешься, если это не представляет секрета. Я сейчас в основном читаю поэзию. Пушкин, Брюсов, Блок, Есенин, Щипачев, Исаакян, Евтушенко - вот почти полный перечень того. Что прочел я за это время, из прозы увлек меня только Паустовский. Почитай его, если будет возможность. Чудесно пишет о полях, о лугах, о зеленых лесах. Кроме того, сейчас возьмусь перечитывать всю серию «Жизнь замечательных людей».

Да, Ванек, пока не забыл, хочу попросить тебя, если есть возможность, то доставай для меня марки. Между прочим я, кажется, стал ярым филателистом. Всем, кто пишет мне, я каждый раз напоминаю о марках, не стесняясь. На этом буду кончать. Надо будет написать еще одно письмо. Пришел с работы, на столе лежат сразу два письма! Да, кстати, приписка «(лично)» вовсе не обязательна.

Ну, salud,
Джи.

Да, Вань, приезжал недавно симфонический оркестр под управлением Мравинского. Исполняли такие чудные вещи: «Венгерский танец», «Первую венгерскую рапсодию» и еще массу подобных вещей. Я два вечера отдыхал душой! Это был для меня предновогодний подарок, равного которому я никогда не имел.

После отбоя Иван долго ходит взад-вперед в умывальнике в кальсонах и выкуривает одну цыгарку за другой. Если появятся менты, то можно сказать, что вышел попить. Капает вода, поскрипывают половые решетки, обшарпанные стены, сизый чад плавает вокруг тусклой лампочки. Мысли далеко. Кажется, только вчера спорили с Женькой, с Генкой и вот... все далеко позади, а утром снова карусель с разводом, сырыми досками под тусклым небом за тремя рядами колючей проволоки.

Иван удовлетворен, что Женька совсем не упоминает о его криминальной жизни и не осуждает его дополнительно к народному суду. А, наоборот, смотрит на дело вполне душевно, с явным желанием как-то помочь. Ему хочется знать, какова жизнь за колючей проволокой, и Иван с большой охотой засел писать ответ, уже не сомневаясь, что это нужно или даже необходимо.

Здравствуй, Жека!

Письмо твое получил. Мне было очень приятно, что ты ждал от меня письма. Долго я колебался, стоит ли мне писать кому-либо. И даже когда я опустил то письмо, то был момент. Когда я пожалел об этом. Почему? Я и сам не знаю почему. Просто мне кажется, что я пишу всякую чушь. Свои переживания, чувства, зачем это нужно? Чтобы кто-то знал, что мне здесь очень тяжело, просто невыносимо, будь все проклято. Вот уже почти четыре месяца я в лагере. Тебе, вероятно. Интересно, как я тут живу. Работаю я в столярке. Зарабатываю больше, чем на воле, учусь в восьмом классе ШРМ. Здесь есть библиотека, в неделю показывают два кино. Можно заниматься спортом. В общем. Выражаясь словами тех, кто прошел все эти лагеря, здесь «пионерский лагерь». Ты не можешь себе представить, что значит сидеть здесь и знать, что впереди еще четыре с половиной года. Помню, я приехал сюда из Крестов. Увядшие цветы, опадающие листья, трава поблекшая и серая, все это так действовало на меня, наполняя душу тоской и отчаянием. Мое воображение рисовало ужасные картины, и ночами снились кошмарные сны. Жизнь потеряла свою прелесть и краски, наполнилась этим вечным тоскливым ожиданием чего-то. Собственно, почему я пишу в прошлом времени, разве что-то изменилось. Сейчас на меня иногда нападает меланхолия, которая раздражает тебя, но радует меня. Ибо в такие моменты я немного даю себе разрядку от того страшного напряжения, в котором все время пребываю. Иногда лежишь на койке и ловишь себя на мысли, что ни о чем не думаешь, можешь представить себе, в голове нет никаких мыслей, пусто. Я считаю. Что апатия ко всему полезна для меня, иначе жить невозможно, я не хочу свихнуться. Достаточно я уже истрепал себе нервы. Сейчас я болен, у меня грипп, я освобожден от всего. Всю ночь я бредил в жару. Сейчас по радио звучит индийская мелодия, сколько печали в ней. Боже мой, как она сжимает сердце. Как хочется, взяв ружье, отправиться в лес. Чувствовать, как ноги слегка погружаются в рыхлую почву, и по телогрейке шуршат, проскальзывая, ветки, вдыхать аромат прели и сырости и слышать ветер в ветвях. Как часто, всецело уходя в мир воспоминаний, я вижу словно наяву поля за Лисичками, по которым я так любил ходить. Вижу чибисов, они кувыркаются в воздухе и их плачущие крики стоят у меня в ушах. Нет, Женя, ты не знаешь, что значит быть здесь. «Нужно потерять свободу, чтобы понять, чего она стоит. Мы потеряли ее и теперь плачем кровавыми слезами». А как я не перевариваю людей, с которыми мне постоянно приходится сталкиваться. Здесь есть люди, преступления которых поражают чудовищным цинизмом. Нельзя, конечно, мерить всех одной меркой, но большинство - это безнравственные, серые люди, и в душе я зову их «серые дьяволы». Может быть я несколько высокомерен при таком суждении, так как я не отношусь к категории людей с чистой, невинной душой. Но представляешь, Женя, как неприятно слышать после какой-нибудь чудесной музыки мат. Какое отвращение ко всему я питаю все это время, временами оно сменяется злобой, глухой и бессильной, и в такие моменты я боюсь, что со мной произойдет апоплексический припадок, что ухудшит мое положение. Тебе, вероятно, надоело читать мою исповедь. Я мог бы написать еще очень много, но к черту все это. Если бы мы были вместе, могли бы говорить, это было бы более понятно. Мне тоже не хватает тебя, Женя, так хочется порой поговорить с тобой, тут ведь нет людей такого сорта. Ради бога, не подумай, что я желаю тебе попасть сюда. Между прочим, я не знал, что ты учишься в университете, так как мать на свидании сказала мне, что ты работаешь в школе, и я подумал, что ты учишься заочно. Вот и я попал в техникум.

В отношении марок, Женя, должен тебя огорчить, конверты тут все с печатными марками. При случае, конечно, я сделаю все возможное, чтобы овладеть ею.

Пока кончаю. Надоело писать и болит голова. Пиши, Жека, больше, о всех мелочах, здесь все интересно. Ну, бывай. Иван.

Кончается день. Отзвучала унылая музыка отбоя. Белея кальсонами из-под ватника, ковыляют сгорбленные фигуры в туалет, покачиваясь в луче прожектора. Снова звучит ночная какофония. Улетает куда-то душа, чтобы в таинственном далеке набрать сил еще на один день.

* * *

Однажды, возвращаясь из школы, Ваня увидел на другой стороне улицы свою бабушку. Она медленно шла параллельно с ним, смотрела на него и улыбалась. Он так давно не видел ее, что почти забыл, как она выглядит. Но теперь, увидев ее, он сразу ее вспомнил, тем более, что бабушка совсем не изменилась. Он не знал, что ему делать. Мама запретила вспоминать о бабушке.

Он медленно шел, поглядывая на бабушку, которая не сводила с него глаз, догадываясь, что внук в затруднении. Наконец, в удобном месте она стала переходить дорогу. Ваня остановился, поджидая ее.

- Здравствуй, Ванюшка. - голос бабушки дрогнул.

- Здравствуй, бабушка, - отозвался как эхо Ваня, глядя в землю.

- Я уже давно хожу тебя встречать, да все никак не получается. Ты вырос, вот только все такой же худой. У тебя теперь сестра есть, а скоро еще кто-то появится.

Ваня удивленно вскинулся на бабушку.

- Как кто-то появится, откуда ты знаешь?..

- Да люди говорят...

- А они-то откуда знают?..

Бабушка не отвечает, только не мигая смотрит на него.

- Пиджачок-то у тебя какой дрянной, а скоро и такой не купят...

Она лезет в кошелку.

- Я тут тебе конфет принесла, да пряник. Съешь, пока идешь...

Бабушка рассказывает, что с тех пор как они уехали, она живет одна. Дед уехал в другой городок, нашел там кого-то. Она выращивает огород, сдает комнату жиличке, сама живет на кухне.

- Ты теперь далеко от дома уходишь, зашел бы как-нибудь...

- Матка не велела...

- А ты так, чтобы никто не видел...

- Ладно, - говорит Ваня, с беспокойством поглядывая по сторонам. Они уже так давно стоят. Увидит еще кто-нибудь. А у матери теперь ремень висит на гвоздике, широченный такой, дядя Леша на нем бритвы точит. Очень болезненный ремень.

- Ну, беги, - понимает бабушка, и он бросается бежать.

В школу ходить не хочется. Ваня отправляется мимо школы за рынок на дальние дороги. Подолгу он сидит на крылечке дома рядом со школой. Дом этот уединенный, окруженный заборами. У него островерхая крыша, резные наличники и два высоких крыльца с крышами на столбах. Здесь так приятно посидеть на вымытом крылечке. Вот только толстая тетя в очках из школы проходит иногда мимо. Как-то она останавливается и строго спрашивает, почему Ваня тут сидит. Он не знает что ответить. Тетя приказывает ему идти с ней, и он понуро тащится за ней в школу через черный ход. В кабинете завуча она выясняет, кто он такой и в каком классе учится.

- Так ты, значит, прогульщик!.. - гремит тетя, которая оказывается завучем младших классов. Ваня роняет слезы. Вот влип, так влип. У завуча на крылечке школу пережидал. Он уже ощущает, как широченный ремень пляшет по его спине, пока мама не утомится. На переменке в кабинете появляется Валентина Владимировна. Завуч громогласно спрашивает, почему у нее ученики прогуливают занятия. Учительница робеет и отвечает, что Ваня вообще-то хороший ученик, если бы не чистописание, отличником бы был.

Следует команда вызвать в школу мать и сделать ей внушение. Ваня с ужасом думает, что если уж ей сделают внушение, то ему совсем несдобровать. И точно. Через пару дней, когда мать приходит из школы, она сначала угрюмо молчит, потом хватает ремень, зажимает Ванину голову коленями и лупцует его, пока не выдыхается. Ваня изворачивается и кричит.

На следующий день ему больно сидеть за жесткой партой. Он пукает.

- Кто-то картошки объелся, - говорит Валентина Владимировна, глядя на Ваню. Он пукает еще раз. В гробовой тишине кто-то хихикает. Ошеломленная учительница несколько секунд молит, потом взрывается.

- Вон из класса, без матери не приходи!..

Ваня выскакивает за дверь и мчится по пустому коридору к выходу. Скоро он, однако, задумывается, что же теперь будет. Воображение рисует ему самые неприятные картины. Он дожи-

дается конца занятий и заходит в опустевший класс, где учительница собирает на столе свои бумаги.

- Валентина Владимировна. Извините меня, я больше не буду, - тянет он стандартную формулу.

Учительница опять молчит некоторое время, потом угрожающе произносит:

- Если ты еще раз позволишь себе какую-нибудь выходку, то я припомню тебе сразу все... иди!..

Ну вот... обошлось, а то и так еще задница и спина болят, а тут снова порка. Это какую же спину надо иметь! Но дома тихо, только дядя Леша клюет пьяным носом.

- Ешь вот... я картошку тебе поджарил...

- А где мама с Танькой?..

- Поехали за еще одной сестричкой тебе...

Ваня вспоминает бабушкины слова, и новость его совершенно не радует. От одной-то писку много, а уж от двух бежать из дома придется.

Однако вторая сестричка оказалась весьма спокойной. А Ваня ощутил ослабление внимания матери на себя, что было кстати. Теперь она редко смотрела его тетради и даже не замечала заметок учительницы, написанных для нее. Лишь изредка случались неприятности. Раз в месяц мать готовила жаркое, и это считался праздничный день. Но Ваня терпеть не мог тушенное мясо с картошкой. Обычно он ковырялся в тарелке и делал вид, что ест, но в тарелке не убывало. Мать возмущалась и кричала, что пока не съест, в школу не пойдет.

Уроки были во вторую смену, т.е. с двух часов дня. Ваня поглядывал на ходики. Ага, уроки начались... закончился первый... Мать ходила надутая, то колыбель покачает, то постирает что-то в ванной. Жаркое давно остыло и покрылось жиром, от вида которого у Вани бегали мурашки по спине. Наконец, часа в четыре мать сдавалась. Она отвешивала нерадивому сынку увесистый подзатыльник и убирала тарелку с драгоценным блюдом дяде Леше на ужин: «Будешь всю жизнь хлюпиком!..»

Ваня приходил на последний урок и на вопрос Валентины Владимировны так и отвечал, что кушал жаркое до четырех часов, так как не елось, а мама не пускала в школу.

- От тебя, Маккавеев, ошалеть можно, - говорила, вздыхая, учительница. Ваня, однако, не понимал, с чего тут шалеть; если он мясо туда, а оно обратно, значит не нужно оно ему, что бы не говорили взрослые.

Зимой, как раз после уроков, по улице рысью проходили обозы. Это мужики из окрестных деревень возвращались домой с рынка. Красиво изогнутые розвальни легко скользили по накатанной дороге. Мужики полулежали, не двигаясь, на душистом сене в тулупах, подняв воротники, и глядя только вперед. Можно было догнать последние сани и встать на полоз. Приятно было ехать и ехать, поглядывая лишь, чтобы возница все же не обернулся, а то ведь и кнутом получишь...

Как-то Ваня не спрыгнул против своего дома. Лошади несли так хорошо, что он решил прокатиться дальше. Вот проплыли огороды, за которыми старое кладбище; вот знакомый мост через Воняловку, и сани понеслись по забытой уже улице. Завиднелся бабушкин дом со светящимися окнами. Ваня спрыгнул с полоза и растянулся на дороге.

Он долго стучал в знакомую дверь. Наконец, какой-то заспанный голос начал выяснять, кто он такой. Оказалось, что у бабушки теперь другой вход, со двора. Он обогнул дом и забарабанил в другую дверь. Теперь открыли сразу.

- Господи. Я так и подумала. Что это ты, когда слушала стук к соседям и их вопли... ведь забыла сказать тогда, что дверь-то теперь другая...

Бабушка суетилась от счастья. В кухне было жарко натоплено и какая-то дебелая тетя стояла в дверях комнаты.

- Тоня, это внучек мой, господи, пресвятая дева богородица... замерз, наверное...

- Да нет, я на санях доехал, быстро так...

Они пили чай, и Ваня рассматривал знакомые предметы. Кухня стала совсем маленькая, особенно когда тетя Тоня встанет. Потом бабушка провожала Ваню почти до дома и еще долго смотрела ему вслед. Он приготовил объяснение насчет задержки: дескать было внеурочное чтение книги. Но мать не спросила, где он был, наверное потому, что на кушетке храпел дядя Леша, стало быть пьяный. Она качала ногой колыбель и, как обычно, зашивала какие-то дырки, сказав Ване,

чтобы ел холодную кашу с молоком, некогда ей керогаз зажигать. Чтобы не подавать виду, что он сыт, Ваня съел две ложки пшенной каши и уткнулся в книгу.

- А собаку кто кормить будет?.. - раздается голос матери, - завели, а пожрать дать некому, свою утробу набить бы...

Ване стыдно. Как же это он забыл про Пирата. Он идет на кухню, где стоит котелок с собачьим хлебовом. На улице похолодало, но издалека видно, что Пират сидит около своей будки в огороде и смотрит. Не несут ли еду. Пока Ваня возится с калиткой, Пират громыхает цепью и повизгивает. Потом он прыгает мальчику на грудь и пытается лизнуть его в лицо. Ему скучно сидеть на цепи целыми днями, да еще на пустой желудок. Ваня выливает хлебово в собачью миску и, пока Пират громко чавкает, он теребит собачий загривок. Потом отбрасывает куском доски собачью кучу (ишь, наворотил сколько!) и закрывает калитку огорода.

Теперь можно снова уйти в мир книги. Единственное, что его привлекает в школе, это библиотека. Он запоем читает детскую литературу и постоянно выясняет, что бы еще почитать. В книгах все так непохоже на то, что его окружает, и ему доставляет удовольствие представлять себя в книжных описаниях.

~ 19 ~

Всякая боль труслива, она отступает перед могучим зовом жизни, чья власть над нашей плотью сильнее, чем над духом - все обольщенья смерти.

(Стефан Цвейг)

В народе говорят: жизнь полосатая, т.е. периоды благоденствия чередуются с периодами сплошных неудач и проколов. Волны жизни то вскидывают человека на гребень счастья, то низвергают его вниз, где ощущение бедствия захватывает его целиком. На подъеме время сокращается, горизонты распахнуты, внизу же время растягивается, горизонты исчезают, остается лишь вертикаль смерти. Можно ее принять или не принять. Никто, кроме Бога не знает, что будет выбрано. Бог не принуждает; человек обладает бесконечной свободой в этом выборе. Ни в чем больше он так не свободен. И потому он и сам не знает, даже решившись уже, останется ли он в жизни, даже если «могучий зов жизни» заглох. Ведь не думал великий психолог Цвейг что в 1942 г. «обольщение смерти» восторжествует над его могучим духом, которым он проник в столь многочисленные судьбы великих духов, впитав их в себя. Бежав от нацизма в Аргентину, Цвейг не смог перебороть «обольщение смерти» и покинул этот мир вместе с женой, чье мужество достойно преклонения. И стоит ли размышлять, как и почему они определили свой конец, хотя многие тысячи людей оказывались в подобной ситуации и продолжали жить, как получалось. Многие нацисты после их поражения нашли приют в той же Аргентине и мирно старели, проживая награбленное, ходили в церковь, подавали милостыню и отечески гладили детские головки.

Замечательный путешественник, ученый и писатель Ян Потоцкий, автор романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», был увлечен жизнью, пока, согласно его предсмертной записке, жизнь не наскучила ему. И тогда он отлил из серебра пулю, велел освятить ее капеллану и в постели застрелился. У него не было мотивов типа отчаяния или обреченности. Он, видимо, просто понял, что былые силы и энтузиазм ушли, что впереди лишь пустое прозябание, не стоящее жизни. Не то ли же самое было с Эрнестом Хемингуэем? Какое-то время смерть Хемингуэя выдавалась за несчастный случай при чистке ружья. Такой слух мог пустить только человек, который никогда не чистил ружье и скорее всего вообще не держал его в руках, но, главное, не подумал о том, что о самоубийстве говорит роман «острова в океане», который Хемингуэй дописывал, уже зная, чем он кончится.

Мало ли подобных примеров среди интеллектуалов?!. Равно как и таких, когда человек не кончал с собой, но создал для своего конца соответствующие условия. Хулио Хуренито у И.Эренбурга не должен был своими руками сочинить свой конец, поэтому, купив новые сапоги, он идет в ночной парк, откуда вскоре и доносится выстрел, лишивший Хулио Хуренито жизни, а его труп - сапог. Добровольная смерть - всегда загадка, наверное оттого, что, прежде всего, загадка - жизнь.

Пример, хоть и литературный, но вполне жизненный. И если люди, которым дано знание глубин человеческого существа, уходят по своему желанию, значит есть в этом непостижимая объективность.

Дух, приближенный к природе, не боится смерти, так как он-то знает, что бессмертен. Совершенно неважно, каким образом сформировался этот дух: постепенно путем познания, возвышающего его, как у высокообразованных людей, или просто существующий одной жизнью с природой, как у разных аборигенов, едва затронутых тем, что называют цивилизацией. Молодому чукче или нганасану даже 18 лет отроду не стоит сверхчеловеческих усилий сунуть в рот ствол карабина и нажать пальцем ноги спуск или одеть на шею петлю при, казалось бы, весьма незначительном поводе, который, однако. Пришелся на впадину между волнами жизни. Крикнул бы кто-то в критический момент: «Погоди, в твою сеть рыбы навалило!..» и пришлось бы ему отвлечься, хотя... кто знает... как надолго.

Обрыв жизни происходит тогда, когда не остается надежды на лучшее будущее в тоске настоящего. Все морализаторские теории, осуждающие самоубийство, не стоят выеденного яйца, потому что их авторы не понимают сути дела. Они говорят о слабой воле, о христианском каноне, о различных долгах и прочее. Им не приходит в голову, что человек может быть мертвым еще не умерев, что он отведал все, что ему причиталось, раньше времени, и не видит смысла продолжать одно и то же, а на другое он не способен. Сколько людей, дожив до глубокой старости, утрачивают рассудок, впадают в маразм и доживают свой век бессознательно. Смерть не приходит к ним, но и сознательная жизнь их покинула. А ведь были среди них даже выдающиеся ученые, чьи имена не умирают столетиями. Так стоит ли осуждать тех, которые не желают впасть в биологическое прозябание, чтобы не терзался дух словно одежда пугала на огороде...

Если же для человека не все потеряно, не достигнет он задуманного земного конца своего. Разное можно думать - в чем причина, но слишком ничтожен ум человеческий, чтобы точно ее знать. Однако останется жить стрелявшийся, вешавшийся, травившийся, топившийся. Заглянув в царство теней, он много еще свершит доброго в земной жизни, и потому, вероятно, не примет его Аид раньше времени, ибо известны там судьбы живущих.

* * *

Как-то, сидя в школе, Иван ощутил острую боль в желудке. Согнувшись почти под прямым углом, он отправился в санчасть - маленький каменный домик на отшибе, за футбольным полем. Фельдшер, называемый в лагерях лепила, полез в стеклянный шкаф, едва глянув на Ивана, когда тот еще и рот не открыл.

-Да гастрит, что я, не вижу.., давно сидишь?..

Узнав, что недавно, лепила поясняет, что значит уже были предпосылки ранее, а впрочем и этого времени достаточно.

- Сейчас мы тебя выпрямим за 5 минут...

Он налил большую ложку новокаина.

- Ты не расстраивайся, у нас тут у каждого второго гастрит... Может развиться до язвы, тогда диетпитание получишь, а может и затихнуть...

Действительно, быстро полегчало. В барак Иван пришел уже выпрямившийся. Спросил у дяди Коли, нет ли у него гастрита. Узнав, что дядя Коля здоров, как бык, досиживая 15-й год, выразил удивление.

- А ты чифирь пей, тоже будешь здоров, - раздвинул дядя Коля щербатый рот, - у вас в столярке это так удобно, никакой мент не застукает...

В столярке, действительно, варят на плитке чифирь под клеянкой без дна. Ива не раз видел, как приходит надзиратель, обходит все углы, ко всему присматривается, но ему не приходит в голову поднять клеянку, густо заляпанную столярным клеем. Витек и Пашка постоянно угощают Ивана, но тот, раз попробовав, отказывается - горечь жуткая, а проку никакого. Да и дорого. Пачка чаю на зоне стоит 1 рубль, а это на одну заварку. Деньги в зоне иметь нельзя, найдут и сразу в шизо без разговоров. Но народ тут не простой. И деньги крутятся, и свои маклаки есть, что торгу-

ют чаем, водкой и планом* . Иван боится пока всего. Когда мать на свидании предложила несколько рублей, он отказался. Единственное, что он имеет противозаконное, это - поллезвия бритвы. На спине ватника между лопаток он сделал надрез и засунул туда эти поллезвия, утащив лезвие из парикмахерской. Лишь при очень основательном шмоне** менты могут найти половинку бритвы, но таких шмонов не бывает, ментам ведь тоже надо поскорее. Иван знает, что в самую скверную минуту у него есть чем вскрыть вены. Это утешает, хотя конец в таком случае наступает не сразу. Но вешаться ему не хочется, вульгарный способ. Как-то он провел в сушилке эксперимент в присутствии сухорукого Юры, с которым они обсуждали, что должен ощущать вешающийся человек. Встав на табурет, Иван закрепил веревку с петлей на торчащем конце бруса, одел петлю и оттолкнул табурет. В тот же миг он вынужден был ухватиться за веревку и подтянуться на ней, пока Юра подставил табурет.

- Ну, каково?.. - спросил насмешливо Юра.

- Это быстро... сразу..., - отвечал Иван, еще переживая вспышку в мозгу, когда петля схлестнулась.

- Следующий раз веревку сзади пусти, а не спереди... не успеешь схватиться за нее...

На шее у Ивана остался фиолетовый обруч, а в сознании закрепилось ощущение, что способ мерзостный. Он не хотел себе признаться, что умирать ему вовсе не хочется, и все его размышления о смерти не более чем фальшь. Ведь, если действительно хочешь умереть, то нет ничего проще, как прыгнуть в запретку и полезть на забор. Звучит предупредительный выстрел, а следом очередь, и баста... приехали. Однако этот способ тоже не казался ему эстетичным. Для использования поллезвия самый черный день упорно не наступал. «И жить не хочется, и страшно умереть». Старикам-то каково будет узнать, что внук свел счеты с жизнью. Даже похоронить его будет невозможно. Труп его отдадут в какое-нибудь медицинское учреждение, где молодые специалисты будут его кромсать, получая практику.

Недавно в кубрике пожилой мужик не встал на подъеме, даже когда его потряс надзиратель. Оказалось, помер. Пришли с носилками и унесли труп в санчасть. Потом в кубрике долго спорили - отдают родственникам трупы или нет. Откуда-то пришел дядя Миша, новый сосед Ивана по койкам, и авторитетно заявил, что трупы не отдают. Он несколько лет провел в тюремной больнице и точно знает это. Больше всего он работал в психическом отделении и иногда кое-что рассказывал.

- Шизик какой-нибудь ходит обосрамши и хоть бы что... Ведем его с другим санитаром в душ и шваброй отмываем. А начнет дергаться, сейчас в рубашку и салазки делаем, т.е. руки за спиной к пяткам подтягиваем...

- Это татаро-монголы так хребты ломали русским, - вспоминает Иван исторические романы.

- А нам-то что до татар и монголов, нам порядок был нужен, а если у кого-то хребет не выдерживает, так это его дело... может и к лучшему... один черт, ничего не соображает...

Дядя Коля с нижней койки ушел на свободу. 15 лет осталось за колючей проволокой. «А незаметно как-то» - сказал он. Его место занял степенный плотный мужик Костя из соседнего кубрика: у вас тут потише... Он повесил свою бирку: статья 102, замочил кого-то, стало быть, 15 лет, сидит уже 4 года. Костя ответственный за кабинет капитана - начальника отряда, или «ротного», как его называют зэки. Поэтому он имеет ключ от кабинета и является главным осведомителем капитана о том, что происходит в отряде.

Как-то Иван здорово простудился, голова была тяжелая, даже покачивало. После завтрака он прилег и почувствовал себя совсем плохо. Он не пошел на развод и целый день пролежал под ватником, ощущая жар, не думая о последствиях.

Вечером перед ним остановилась голова Кости: иди со мной...

Костя открыл кабинет капитана, подошел к письменному столу и, взяв с него карточку, потряс перед носом Ивана.

- Отказник, значит?!. - спокойно сказал он, - на работу не вышел и медицинской справки нет...

- Костя, ты же видел, что заболел я совсем, даже до санчасти не дойти было!..

---

* Марихуана

** Обыск

Иван сразу выздоровел от страха, что теперь постановление в дело обеспечено, да еще и самое тяжкое - за отказ от работы. Костя смотрел на него, словно любуясь выражением испуга и смятения.

- Ну, ладно, радуйся, что сегодня «ротный» не появлялся, как соседа, выручу тебя, вложу твою карточку в общую картотеку, а наперед имей в виду, если рассчитываешь на условно-досрочное, что с одним даже отказом будешь звонить, как миленький... Если заболел, то до санчасти хоть на карачках ползи, чтобы справку получить... Пора уже знать порядки!..

Ивану, действительно, крупно повезло в том, что «ротный» в этот день не приехал. Этот бы не церемонился. А Костя испытывал некоторое удовольствие от того, что помог тихоне, как он считал, не схлопотать постановление. Уже перед отбоем его голова снова поравнялась с лежащим Иваном:

- Завтра, если будет худо, с утра иди в санчасть...

На следующий день Иван получил освобождение от работы на два дня и несколько таблеток. Сквозь болезненный фон он испытывал удовольствие от спокойного лежания в пустом кубрике, где только шнырь походил с метлой и куда-то исчез. Впадая по временам в забытье, он видел какое-то мельтешение странных снов, похожих на обрывки, которые свалили в одну кучу. Потом приходили на обед обитатели, кубрик заполнялся голосами. Бесконечно чужие друг другу люди общались, создавая видимость общества, до которого дошла природа в своем непонятном устремлении к чему-то.

Как хороша тишина после видения общественной жизни!

Жизнь, как таковая, не терпит однообразия. Даже в лагерях время от времени случаются потрясения, которые входят в историю МВД.

В одной из соседних зон произошло громкое ЧП. Одному солдату охраннику пришла телеграмма о смерти матери, но начальство не отпустило его на похороны, дескать, работать некому. Говорят, что солдат шизанулся от переживания, а может быть просто прозрел. Как бы то ни было, но, стоя на центральной вышке над спецчастью, он вдруг начал поливать из пулемета по ментам. По зэкам не стрелял. Рассказывали, как грузные офицеры, отожравшиеся на лагерных «избытках», резво прыгали в канавы и ползли там на брюхе в грязи за пределы видимости с вышки. Скольких солдат положил, точно никто не знал. Перед другими вышками у него было преимущество в виде пулемета, поэтому он быстро расчистил ближайшую охрану зоны. Расстреляв все заряды, он поджег спецчасть и пустил себе пулю в висок. Однако, когда до него добрались, то оказалось, что он жив, и его срочно отвезли спасать, чтобы спасенного торжественно расстрелять. Хотя солдат создал все условия для побега, никто не сбежал. Зону быстро оцепили, а вскоре то ли полностью, то ли частично расформировали. Немало зэков прибыло в иванову зону, в том числе Пашка с Витей. Увидел Иван и своего земляка Юрка, севшего двумя годами раньше за грабеж.

Юрок мало изменился. Он все так же натягивал кепи, теперь домик, на глаза, говорил очень тихо и мало. Дружбы с Иваном у них не получилось, хотя иногда они встречались и даже гуляли по «проспекту», вспоминая свой городок и общих знакомых. На свободе они почти не общались, так как вращались в разных кругах, хотя и одного типа - хулиганско-воровских. Юрок рассказывал, как они «отмазали» Хлопушу из дела, который только недавно освободился и ему грозила «катушка» - лет 12. Иван вспоминал, что с Хлопушей они как-то «сделали» одного пьяного мужика незадолго до посадки. Так получилось, что они «пасли добычу» каждый сам по себе и, наконец, состыковались. А у мужика и денег-то было - кот наплакал. Брали мужика на окраине городка «ласково», а он вдруг заорал как бешеный. Грабители бросились наутек, понимая, что глушить мужика поздно. Иван выбежал на поселковую улицу, параллельную бабкиной, со сплошными заборами. Сзади уже доносились крики. Он бросился в какой-то не огороженный двор, из которого через открытую калитку можно было выскочить в огород и спрятаться за сараем. У калитки в огород рвался на цепи большой кобель. Но раздумывать было некогда. Иван промчался мимо кобеля, что-то ему говоря и протянув приветливо руку. Кобель приветствие не принял, а тяпнул его за пальцы, но, видимо, что-то на него произвело впечатление, так как он ободрал только два пальца, тогда как мог отхватить пол-ладони. За сараем Иван завалился в сухие лопухи у стены. Шум быстро затих, даже кобель перестал гамить. Иван лежал и прикладывал снег к кровоточащим пальцам. Потом он прошел по огороду и махнул через забор на бабкину улицу.

Теперь, вспоминая все это, он знал, что попади он тогда, и была бы у него, как у Юрка, 145 статья (грабеж), часть 2 (групповуха) и сроку 7 лет звонком (не подлежит условно-досрочному

освобождению). С Хлопушей они больше не «работали», отчасти потому что грабеж представлялся Ивану делом довольно грязным, связанным с травмами, и вообще не эстетичным. Куда приятнее брать магазин или хотя бы ларек. Вспоминая тогдашние мысли, Иван приходил в отчаяние. Как он был доволен после какого-нибудь дела! Какие мечты одолевали его, когда он на нарах в своем сарае читал «Западная марка продолжает падать». Могучее влияние оказала на него эта книга. Он даже завидовал главному герою Эгону Каму, но на крутые дела пока не решался, хотя Женявый был не против попробовать, скажем, сберкассу. Надо только продумать и учесть все тонкости.

Да... вовремя он попал в тюрьму. Не случись это сейчас, все равно произошло бы рано или поздно, только по более тяжелой статье. А ведь ему, действительно, не нужно было все это. Временами он словно в другом мире жил и иначе чувствовал. Но он возвращался в тот родной мир, в котором вырос. Приходили отборные дружки, разве он мог не встраиваться в то общее мироощущение, которое сложилось на задворках. Но почему ему нужно было все это?.. Добро бы ничего другого за душой не имелось, как у многих приятелей и знакомых! Но ведь столько увлечений было: книги, рисование, музыка, природа! Все хотелось постичь, во всем преуспеть, всему научиться. Вот только усердия не хватало. Хотелось все схватить сразу, а оно не получалось, и возникало разочарование. Но, по крайней мере, книги читать или по лесам шататься не нужно особого усердия, и еще два года назад этому уделялось много времени и чувства были совсем другие, на всякую шкодливость вовсе не тянуло. А стоило только встретиться с дружками, как все чувства сразу перестраивались и мысли были только о том, где бы что-то такое вытворить, и чем дальше, тем больше. Ладно, хватит на дружков пенять, - обрывал Иван зло самокопание, вспоминая расхожие мнения о нем, что. Дескать, сам-то он парень неплохой, но дружки у него - сброд всякий. Сам бы не тянулся, так и не было бы сброда. Еще неизвестно, кто был большим сбродом. Последние два-три года перед посадкой криминальные мысли крутились не только в обществе себе подобных, но и в одиночестве, чего не бывало прежде. Душа втягивалась в воровские грезы, которые постепенно вытесняли все остальное, чего уж тут перед собой темнить.

Вернувшись в барак с прогулки по «проспекту», Иван находит на кровати письмо. Новый адрес, без фамилии. Да ведь это Шапошник!.. Вот уж кто с 4-го класса был для Ивана другом, а потом как-то разошлись.

Здравствуй, Иван!

Я бы не писал сейчас этих строк, если бы не встретил сегодня, причем совершенно случайно, Е.Л. Поговорили о том о сем; он, как бы между прочим, заметил, вернее, спросил меня, что не желаю ли я написать тебе письмо, ибо он чрезвычайно занят. Я согласился, и он дал мне твой адрес. Согласился я, конечно, не из чувства сострадания к его заваленной делами персоне, а из желания наладить связь с тобой, пусть на худой конец посредством письменных отношений.

Откровенно признаться, в первый момент я немного усомнился в своей способности написать что-либо. Ведь, как мне помнится, за последнее время у меня с тобой не было ничего общего, да и встречались мы с тобой редко, от случая к случаю.

Когда-то мы были с тобой друзьями, но потом, в силу каких-то обстоятельств жизненные дороги разошлись, и оборвалась та нить, связывавшая нас, которая называется общностью интересов, желаний, стремлений, увлечений и т.д. И вот сейчас, проследя мысленным взором ушедшие в вечность годы детства, все взвесив, я решил, что хорошо бы и давно пора восстановить дружбу былых дней, заменить оборвавшуюся нить материалом попрочнее.

В запасе у нас еще значительный кусок жизни. Хотелось бы поскитаться по свету, путешествовать, преодолевая препятствия любого характера, бороться со стихией, короче, жить интересно, захватывающе...

У Ивана выступают слезы. Боже, какой все-таки Шапошник замечательный. Он читает рассказ Шапошника о его жизни, удивляется, что тот сетует на здоровье (экзема какая-то), из-за чего пришлось уйти с тепловоза и перейти в ту столярку, где начинал свой рабочий путь Иван. Да-а, - думает Иван, - там ему должно быть кисло, уж очень он не сочетается с тамошней братией, многие из которых досрочно освобожденные без права прописки в Питере, 101-ый км.

Размышлений хватает до глубокой ночи. То и дело Иван слезает со своей верхотуры и идет в умывальник курить. Ночью здесь никого. Можно мерно ходить по замызганному полу взад-вперед и думать.

* * *

Взрослые обычно, беседуя друг с другом, не замечают, что дети, вертящиеся тут же, прислушиваются к их разговору. Если ребенок очень уж внимательно вслушивается, то взрослые полагают, что он, хоть и слышит слова, не понимает их смысла. Глубину этого заблуждения трудно измерить. Если бы Ваню порасспросил какой-нибудь психолог (скажем, Жан Пиаже), то он был бы немало изумлен способностью мальчика из одних слов улавливать смысл других и получать цельное представление о том, что обсуждает мама с кем-либо из пришедших поговорить («А что!.. Все накормлены, пол намыт, белье замочено, можно и потрепаться»).

Пришла тетя Катя, что живет этажом выше. Они сидят на кушетке, сложив руки на груди, и обсуждают свои проблемы, то вдруг загораясь и со смехом громко тараторя, то опускаясь голосом и серьезнея. Ваня мельком взглядывает на тетю Катю. Она такая вся закругленная, и ноги у нее толстые, в красных прыщиках. Титьки у нее торчат, как мешки с мукой в запасах мамы, если их приделать к груди. Тетя Катя то и дело хохочет, и на ушах у нее дергаются сережки с красными камушками. Мама говорит ей про какую-то чистку.

- Ой. Я недавно чистку делала у одной бабки. Так хорошо она все сделала, да быстро!.. - воодушевляется тетя Катя, - хочешь, адрес ее дам?!.

Ваня обдумывает, что может означать «чистка»: что-то чистят, это понятно, но что?.. Он слышит слова «кровь», «больно», «внизу» (с наложением руки) и, связав их, приходит к безошибочному заключению. Да что там! Он уже знал это и раньше, только слово «чистка» не произносилось.

Мама тогда лежала в кровати, а дядя Леша выстругивал палочки. Потом он драил их шкуркой. Из слов, которыми перебрасывались мама и дядя Леша, было ясно, что назревает что-то особенное и связанное с гладкими палочками. Но вот... Ваню выпроводили гулять, хотя шел дождик и было холодно. Мысль «что они там делают?» не давала покоя. Погуляв, Ваня подергал дверь в комнату. Заперто. Внезапно все слышанное и виденное соединилось, и он понял, что происходит в комнате: палочками дядя Леша достает у мамы малюсенького ребенка, который, как говорил дядя Леша, еще и на человека-то не похож, а скорее на согнутый палец. Потому и палочки должны быть гладкими; ведь, всадишь «там» занозу, как ее вытащить.

Когда уже совсем надоело «гулять» в подъезде на окне и в очередной раз Ваня подергал дверь, она оказалась открытой. Мама лежала, отвернувшись к стене. Дядя Леша сидел за столом, курил: «Как тебе не холодно гулять в такую погоду?.. Попей вот горячего чая...»

Внимание Вани привлек появившийся маленький пакетик из газеты, подвешенный между рамами. «Вот он где, мальчик-с пальчик!..» Пакетик долго оставался между рам. Должно быть, дядя Леша забывал его вбросить, а может быть «мальчика-с-пальчика» нельзя просто выбрасывать, а нужно зарыть в землю?!. Как-то Ваня хотел даже достать его и развернуть. Но духу не набралось. Он представил себе кровавый кусочек не поймешь чего, и его охватила жуть: это могло бы стать человеком... Ему было почему-то грустно.

Дедушку Ваня почти забыл и вдруг... придя домой со школы увидел его за пиршественным столом. Заметив внука, дед вскочил и бросился к нему.

- Господи, как я соскучился по тебе!..

Он шлепал Ваню по щекам мокрыми губами и причитал. От него крепко пахло водкой. Ваня сделал робкую попытку освободиться от дедовых объятий.

- Да он одичал!.. - воскликнул дед, - А все такой же тощий!..

Наконец он отпустил Ваню, сел и тут же разлил остатки водки в бутылке.

- За здоровье внука... Ей богу, мать, я тебя так не любил, как его!..

Сунув в рот ломтик колбасы, дед уставился на Ваню, тоже жующего колбасу (поди, дедушка принес!)

- Чего бы тебе такое подарить?.. - дед погладил Ваню по спине.

- Книжку..., я знаю, какую, - без запинки ответил Ваня.

- Кни-и-жку, - протянул дед, - это чепуха, я говорю о хорошем подарке, а книжку и так купим...

- Тогда велосипед, - Ваня ужаснулся своему нахальству. Велосипед стоил очень дорого. Мало кто из мальчишек его имел. У них во дворе ни у кого не было велосипеда.

- Да ты ведь еще не дорос до велосипеда, - усомнился дед, но дядя Леша пояснил, что есть детские двухколесные велосипеды. В «Культтоварах» продаются.

- Ну, тогда вопрос решен, - заявил дед и достал из сумки следующую бутылку.

Не сомневаясь, что после попойки дед все забудет, Ваня отправился во двор.

- Точить ножи, ножницы!.. - громко кричал дядька, иногда появляющийся во дворе. Интересно смотреть, как он качает ногой педаль своего агрегата и подставляет ножик к быстро крутящемуся каменному кругу. Искры летят непрерывным потоком. Несут, вот только мало, все точат сами, и дядька недоволен: такой дом большой, а точить нечего!.. Он достает папироску, фукает в нее и сует в рот, шаря в карманах в поисках спичек.

- Дяденька, а можно я покручу педаль?.. - спрашивает Ваня, заметив толстую тетку из соседнего подъезда, которая, пыхтя, как паровоз, несет ножницы: ой, ни хрена не режут!..

- Ну, давай, - кивает Ване дядька, и тот начинает что есть силы давить на педаль.

- Да ты не жми вниз, а вперед ногой двигай, - резко говорит дядька, - не пыжись, легко так двигай. Лишнее усердие всегда делу вредит...

Дело пошло. Икры полетели, но дядька не доволен.

- Дай-ка я сам, а то ты мне станок разворотишь, и хозяйка ждет...

Ваня становится сбоку (он успел взмокнуть) и смотрит, как дядька, двигая ногой, пускает вдвое больший пучок искр. Потом из мелочи, что дала ему тетка, дядька отбирает 20 копеек и протягивает Ване.

- На-ка вот, потрудился, мороженое купишь!..

Ваня смущен, но монету берет. «Спасибо». А дядька снова орет на весь двор: «Точить ножи, ножницы, топоры!..»

Мать постелила Ване на полу. На кушетке, не успев раздеться, храпел дедушка.

Как это ни удивительно, но на следующий день дед вспомнил о своем намерении, и уже через какой то час Ваня вел из магазина велосипед, спотыкаясь о неровности, так как не мог отвести глаз от своего приобретения.

- Ну, давай, учись ездить, а мы тут обмоем покупку, чтобы дольше держалась...

Он свернул в продуктовый магазин.

Собралась дворовая компания, поддерживаемый четырьмя парами рук, Ваня крутил педали и с замиранием сердца клонился то в одну, то в другую сторону. Однако страховка была надежная. Наконец он понял, что чем меньше боишься, тем лучше получается. Страховщиков осталось двое, и они заверяли, что почти не держат его.

Валька Сибиряк умел ездить на велосипеде, и Ваня с завистью смотрел, как он кружит по двору, разгоняя кур. Валька определил, что машина очень хорошая, с легким ходом, послушная. Потом он уже один поддерживал Ваню, и к концу дня Ваня ездил самостоятельно, натыкаясь на поленницы дров.

Дедушка вышел посмотреть на успехи внука и весело хохотал вместе с ребятами, глядя, как Ваня вылезает из-под забора.

- Да тебе стадиона не хватит, чтобы развернуться... ну, ничего... привыкнешь... я, вон, к паровозу привык!..

В самом деле, через несколько дней Ваня ощущал велосипед, как продолжение самого себя. Дедушка уехал. Больше трех дней кряду пить водку ему теперь было вредно. Ваня сожалел, что не может показать деду свое умение. Случались, конечно, неприятные падения. За речкой, на огородах он попал колесом в земляную щель и упал на забор из колючей проволоки. Две рваные полосы на спине долго струились кровью, несмотря на прикладываемые листья подорожника. Хорошо, что он без рубашки, думал Ваня. Что было бы, если бы он перепачкал кровью рубашку. А так, глядишь, мамаша и не заметит. Двое приятелей, мечтающих покататься на педике, без устали подносили пострадавшему листья подорожника. Кожа разъехалась, и ссадины выглядели ужасно, но для Вани было еще ужаснее представить, что мать все таки увидит рану. Она уже грозилась убрать велосипед в сарай. Мысль о том, что он лишится велосипеда, была невыносима. Ему доставляло такое удовольствие гонять, что есть сил, по двору, по саду, а то и по дороге, что было строжайше запрещено. Но машины тут ездят так редко, что никакой опасности нет.

С велосипедом было связано и поднятие авторитета. Даже мальчишки постарше смотрели на Ваню с уважением, а когда просили покататься, в их голосах слышалось подобострастие. Ваня

старался казаться великодушным, и только если катальщик исчезал за углом и долго не появлялся, он сердился и говорил:

- Больше не получишь...

Наконец кровь перестала течь, ссадины покрылись сукровицей. Но руку было больно поднимать. Домой ехали по очереди приятели и они же поднимали велосипед на третий этаж. В комнату Ваня вошел боком и сразу взял свою рубашку, висевшую на гвоздике у дверей. Правда, он чуть не взвыл, одевая ее, но сдержался. Дело было сделано. Мать молча что-то делала на столе и едва взглянула на него.

Несколько дней велосипед оставался, к изумлению матери, в коридоре. Обнаружилось все в бане. Дядя Леша приступил к Ване, чтобы как следует намылить ему голову.

- Что это у тебя... ничего себе!.., - он нагнулся над плечом, - да ты ведь заражение крови мог получить!..

- Вытекла зараженная, - ответил мрачно Ваня и, помолчав, добавил, - вы маме-то не говорите, а то она велосипед в сарай уберет.

- Ладно, - согласился дядя Леша, осторожно шкрябая голову Вани, - но ведь помазать чем-то надо...

- Само заживет, - убежденно заявил пасынок.

Вечером, когда он снимал рубашку, чтобы нырнуть под одеяло, мать вдруг зашла со стороны разорванного плеча.

- Ну-ка, ну-ка! Повернись... ты что же это молчишь?..

Ваня взглянул на дядю Лешу. Тот внимательно читал газету.

Больше мать ничего не говорила. Она намазала плечо белой мазью и обернула тряпицей, связав ее концы. На следующий день велосипеда в коридоре не оказалось. Предатель дядя Леша, думал Ваня с горечью. Он с неприязнью вспоминал другие дядилешины огрехи, которые он помнил издавна. «Только бы глотку залить», - использовал он слова матери в своих мыслях. В нем поднималась злоба, которую нельзя ничем удовлетворить и она сидит внутри, как нарыв. Он мечтал о том, что дядя Леша попал по пьяни под машину, как недавно произошло с каким-то мужиком. Уж он совсем не жалел бы дядю Лешу.

Через несколько дней матери надоело слушать причитания Вани и она бросила ему ключ от сарая. Скоро петухи во дворе тревожно вытянули шеи: опять появилось это мчащееся чудовище. Ваня восстановил свой пошатнувшийся было авторитет среди дворовых сверстников. Он давал прокатиться тем, кто сочувствовал ему при временном лишении велосипеда, и весьма резко отказывал позволившим себе насмешки. «Па-адумаешь, велосипед!», - протянул уязвленный Валька Сибиряк и заехал ногой по спицам. «Сломаешь, платить будешь», - решительно заявил Ваня, сожалея, что не может дать Вальке по морде. Он сел на велосипед и уехал со двора на речку. Противоречивые чувства владели им. С одной стороны, приятно ощущать себя в центре внимания дворовой компании. Но, что делать, если кто-то более сильный помыкает тобой и ничего нельзя сделать. Лучше всего в таком случае исчезнуть. На речке и одному хорошо. Можно постоять на мосту и посмотреть в мутные переливающиеся струи. А можно сходить по сырому берегу дальше, ведя велосипед. Там, в бочажках с кристально чистой водой плавают любопытные насекомые, а иногда появляются странные существа - тритоны - с гребнем на спине. Здесь не бывает людей, одни огороды с картошкой. Лишь на той стороне речки стоит одинокий старый домик, окруженный тополями, который сторожит злая собака. Заметив человека, она добегает до речки, злобно гавкая.

Однажды, набравшись духа, он поехал на прежнее местожительство близ станции. Туда было довольно далеко, и с тех пор как они переехали, Ваня ни разу не был близ старого трущобного дома. Но на велосипеде он доедет быстро по задворкам, напрямик. К тому же мать справила новые брюки, и так приятно будет увидеть Свету на велосипеде в чистых штанах. Однако, пока он доехал до знакомого дома, штанина несколько раз попадала под цепь на звездочку. Приходилось, изогнувшись, прокручивать педаль рукой, приподняв заднее колесо. На штанине появились заметные дырки, испортившие всю радость от ожидаемой встречи. Но Света прямо-таки возликовала, увидев его близ дома.

- У тебя велосипед!.. Дай прокатиться!..

Оказывается, она уже научилась где-то ездить на велосипеде и лихо укатила, оставив Ваню разглядывать злополучную штанину. Вернувшись и узнав о Ванином несчастье, Света подвела

Ваню к канаве, помыла штанину, пригладив ее так, что дырки стали почти незаметны, и аккуратно закатала штанину до колена.

- Ты приедешь еще? - Света держалась за руль велосипеда и смотрела, как и раньше смотрела, прямо и радостно, подняв брови.

- Конечно, приеду, только не знаю, когда...

- Приезжай скорее, я буду ждать тебя!..

Света мало изменилась внешне, но стала не такая как прежде. Накручивая педали, Ваня силился понять, почему она теперь показалась ему совсем чужой, неинтересной. Наверное это оттого, что у нее щеки выросли и стали круглые, как яблоки. Да и трещит она как погремушка, прямо оглушила. Больше не поеду туда, - решил Ваня, - а то штанов не напастись.

Через неделю он все-таки отправился к старому дому. Несколько раз прокатил перед окнами, но Светы не было.

- И где это ее черти носят?!. - подумал Ваня словами матери, - приедешь, а она шляется по задворкам...

~ 20 ~

Меланхоликом становишься, когда размышляешь о жизни, а циником - когда видишь, что делает из нее большинство людей. (Эрих Мария Ремарк)

Случаются в жизни моменты, которые как будто ничем особенным не примечательны, будучи банальными в общем строе жизни. Но западают они в память, как великое откровение. Словно распахнулась в тот миг душа, и влилось в нее ощущение с особой силой, чего не происходит при обычном восприятии. Словно неведомый луч откуда-то коснулся кусочка земли, на котором ты стоишь, и все вокруг представилось ярким и завораживающим. Так висящая в темном углу картина преображается, когда ее достигает луч солнца. К солнцу, однако, привыкаешь, когда оно светит долго. Оно даже начинает надоедать своим однообразием, особенно, когда жарит неимоверно. Зато какую волну приятности оно несет, появляясь после многих пасмурных дней. Тогда-то в его свете и происходит чаще всего проникающее ощущение, запечатлевающееся на всю оставшуюся жизнь. Это ощущение может быть связано с каким-то банальным сюжетом. Просто для него была готова основа, а уж что подвернулось для запечатления - дело случая. Поэтому в памяти отыскиваются такие вещи, что совсем непонятно, зачем они запомнились, тогда как некоторые как будто важные события стерлись начисто. Когда кто-то о них напоминает, то остается лишь удивляться, что это забыто. Стало быть, не было внешнего стимула, способствовавшего запоминанию. И не было внутреннего стремления сохранить это для своего будущего.

Мы многое хотим забыть из своего прошлого и лишь немногое вспомнить более ярко, чем оно сохранилось. Но память не бездонный сосуд, из которого можно черпать все былое с той содержательностью, которая в нем происходила. Она не подчинена нашей воле. Что-то или кто-то извне определяет содержимое нашей памяти, по крайней мере, отчасти. Иначе зачем нам помнить то, что даже в воспоминаниях отравляет жизнь. Добро б это были только грехи, которые необходимо искупить покаянием. Но память выплескивает в наше настоящее и то, что от нас не зависело, хотя принесло страдания. И вот... оно снова и снова возникает в памяти, опаляя душу. А сколько нужно каяться, чтобы изжить грех, совершенный когда-то, и забыть его?.. Одна из древнейших книг - «Мокшадхарма» - утверждает, что раскаяние не устраняет плода дурного поступка. Значит оно бесполезно. И каждый грех ложится бременем до конца дней. Чтобы он не был тягостным, его нужно переоценить и рассматривать не как грех, а как опыт, печальный опыт. Печаль - чувство светлое. Она проплывет в душе охватывающим облаком, словно «Элегия» Сергея Рахманинова, и поглотит мрачность греховного ощущения. Душа снова раскроется навстречу неведомым импульсам, несущим благость. Но это - только передышка. Как солнце закрывает порой проплывающее облако, так спадает на душу какая-либо тень, и тогда из собственных глубин встают мрачные воспоминания и висят, словно грязные лохмотья, в которые когда-то сам превратил лучезарное бытие.

* * *

После Нового Года ввели усиленный режим, т.е. свидание теперь было раз в три месяца, посылка одна в месяц и в ларьке можно отовариваться только на 7 рублей в месяц. Многие это новшество не ощутили, так как не были избалованы своими родственниками. Но питерцы, особенно «богоизбранный народ», быстро оценили происшедшее. Раньше некоторые ходили в столовую лишь за пайкой хлеба, а кашу или силос не ели. Имелся свой харч, более приемлемый. При усиленном режиме столовую стали посещать все, даже бугор* иногда прибегал.

- Ну, что у нас сегодня за деликатес?.. Сечка... ну ее... к матери, - и убегал.

Благой вечер был, когда культорг назначал чистить картошку. На это уходил весь вечер, так как вычистить надо было целый ящик. Но зато чистильщики первым делом ставили варить здоровенную кастрюлю для себя и потом ели настоящую вареную картошку, а не какое-то водянистое пюре, для которого они трудились.

Попадая в тюрьму, а потом в лагерь, большинство людей, особенно молодых, подолгу испытывают голод. Поэтому среди старых лагерников существует особое отношение к еде, едва ли не культ. Никто не выражается словами «пожрем», «пошамаем», «похаваем», даже «полопаем», весьма принятыми на свободе в определенных кругах, но говорят «покушаем», причем с мягкой интонацией, свидетельствующей об уважительном отношении к поглощению пищи. Правда, такое отношение распространяется только на еду, находящуюся в тумбочках. Говоря о столовской трапезе, выражаются просто «пообедаем», «поужинаем», но даже в этом случае не используют приведенных выше слов.

Уважительное отношение к еде проявляется не только в словах, но и на деле. Сидя на нижних полках, кенты медленно намазывают хлеб маслом или вареньем, привезенным родственниками, с видимым наслаждением суют куски в рот и не торопясь пережевывают, словно следуя рекомендации врачей-терапевтов тщательно пережевывать пищу. Обычно этот процесс происходит в благоговейном молчании. Лишь проглотив жуемое, кент может произнести короткую реплику по делам текущим, пока не забылось.

Можно сказать, что поглощение пищи (подчеркнем еще раз - из тумбочки, а не в столовой!) представляет своего рода ритуал, вполне аналогичный утренней и вечерней молитвам в бытность, когда молитвы имели значение в жизни человека. Духовное содержание молитвенного ритуала теперь добавляется к сугубо биологическому процессу, вероятно так же, как во времена давние поглощалась жертвенная пища. Молодые люди то ли усваивают уважительное отношение к еде у старых зэков, то ли у них это отношение вырабатывается независимо, т.е. основываясь на собственном переживании ощущения голода. Кто познал эти ощущения, тот долго будет смахивать крошки с листа бумаги, заменяющего скатерть, в ладонь и отправлять их в рот, а также доедать все, руководствуясь хохляцкой поговоркой «нехай утроба лопнет, чем добру пропадать».

К праздникам готовился концерт художественной самодеятельности. Руководитель струнного оркестра Елькин из соседнего кубрика как-то раз забежал в кубрик Ивана и увидел, как тот бренчит на безхозной гитаре.

- А ты почему к нам в оркестр не ходишь?..

- Да я и не знаю, что он существует, и потом... я же не играю, а только аккомпанирую некоторые мелодии...

- Вот и будешь у нас аккомпанировать, - с жаром сказал Елькин, - мы все тебе покажем...

Ивану понравился оркестр. В нем было несколько спецов игры на мандолине, гитаре, балалайке. Разучивали, конечно, «Славянку». Дело двигалось быстро. Эта музыка, кажется, завораживала всех и вызывала в душе лучшие чувства. Иван за несколько вечеров освоил свою последовательность аккордов и теперь вслушивался в звучание оркестра, которое становилось все слаженнее. Другие вещи, даже «Цыганочку», они играли не с таким воодушевлением.

Длинный тощий Сеня с протезной ногой репетировал песню «Чайка» в сопровождении оркестра. На репетиции он приходил ширнувшись* и, картинно покачиваясь на протезе, неплохо пел, но Елькин был недоволен, пока не сообразил, что припев надо исполнять троим. Он уговорил Ивана войти в подпевалы и теперь был удовлетворен.

Раньше Ивану казалось странным петь во весь голос, но как-то Юра сухорукий пригласил его в свой кубрик, где в углу собирается несколько молодых людей, которые хором поют красивые

---

* Бригадир

* Уколовшись

песни, подглядывая в толстую тетрадь Юры. Тюремные песни здесь не пели. Звучало: ой ты, рожь, золотая рожь, ты о чем поешь?...

Шуршали страницы тетради, которую постепенно все спевщики переписывали, и снова: я люблю под окнами стоять, я могу как книги их читать...

Передохнули пару минут, и Юра командует: «Лирическую». Зашуршали страницы, вздохнули, поехали:

Все стало вокруг голубым и зеленым.
В ручьях забурлила, запела вода.
Вся жизнь потекла по весенним законам,
Теперь от любви не уйти никуда,
не уйти никуда

Странным образом никто не стеснялся, и всем было как-то приятно. Равнялись на красивый баритон Юры и получалось вполне прилично. Старики приходили слушать и сидели в расслаблении поодаль; потом благодарили. Многим требовалось духовное заполнение хотя бы время от времени. Сам зачинщик спевки Юра говорил, что на свободе ему никогда не пришла бы в голову мысль часа два сидеть и на полном серьезе песни петь. А здесь он нашел, что это хороший способ убивать время и для души приятно. Не засади он вилку какому-то прохвосту в зад в ресторане, он и не знал бы, что такие хорошие песни существуют.

Старые лагерные песни звучали редко, вернее слушать их нужно было в других бараках, что не приветствовалось тамошними жителями. Однако Сеня, когда имел хороший кайф, устраивался с гитарой на подоконнике в умывальнике и давал сольный концерт с перекурами. Репертуар у него был богатый и голос отменный. Послушать его набивалась целая умывалка и коридор около нее.

Иные песни это - целая судьба, вложенная в простые слова. Сочиняли их не гении поэзии. Однообразная унылая мелодия углубляет смысл незамысловатых строф. Чья-то судьба отдается резонансом в душах тех, кому дано испытание временем в лагерях. Должно быть, никто никогда не узнает автора «Колымского танго», да и какое это имеет значение: Иванов или Петров, хотя выражена в ней чья-то конкретная судьба.

На Колыме, где тундра и тайга кругом,
Среди замерзших топей и болот
Тебя я встретил с твоей подругой,
Сидевших у костра вдвоем.

Шел крупный снег и падал на ресницы вам,
Вы северным сияньем увлеклись.
Я подошел и руку подал,
Вы, встрепенувшись, поднялись.

И я увидел блеск прекрасных глаз твоих,
И сердце отдал, предложив дружить.
Дала ты слово быть моею,
Навеки верность сохранить.

Кончился в песне ее срок. Наверное, колоски собирала на поле после жатвы. За то и сидела. А он остался, наверное, по 58-ой.

А годы шли, тоской себя замучил я
И встречи ждал с тобой, любовь моя.
И вот... по актировке, врачей путевке,
Я покидаю лагеря.

Огни Ростова поезд захватил,

Вагон к перрону тихо подходил.
Тебя, слепую, совсем седую
Наш сын к вагону подводил.

Так здравствуй, поседевшая любовь моя!
Пусть падает и кружится снежок
На берег Дона, на ветви клена,
На твой заплаканный платок!

Сеня делал мастерский перебор струн и орлом смотрел на задумавшуюся публику.

- Сигарета есть у кого-нибудь? - спрашивал он.

Кто-то протягивал ему сигарету. Сеня не любил махорку. Затянувшись, он перебирал струны, самонастраиваясь. Потом клал сигарету рядом с собой и выдавал следующую песню. Мягко звучал рефрен.

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня.
Я вернусь раньше времени,
Дорогая, поверь!
Как бы ни был мой приговор строг,
Я вернусь на любимый порог
И тоскуя по ласкам твоим,
Тихо в дверь постучу.

Прикурив окурок, Сеня оглядывал присутствующих и, заметив пожилого мужика, протягивал ему гитару:

- Ну-ка, Савелий, продолжи!..

Мужик отмахивался, но Сеня настаивал, очевидно зная, что Савелия послушать можно. Савелий довольно долго бренчал, наконец, делал глубокий вздох и сиплым голосом пел.

Кто же познакомил, детка, нас?
Кто же нам принес с тобой разлуку?
Кто на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку?

Город познакомил нас с тобой.
Лагерь нам принес с тобой разлуку.
Суд на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку.

Иван вспоминал, что эту песню он не раз слышал в своем городке. Следующая вещь тоже была для него знакома.

А за окном хорошая погода,
В окошко светит месяц золотой,
А мне сидеть еще четыре года,
Душа болит, так хочется домой.
....
Привет из дальних лагерей,
От всех товарищей-друзей!
Прошу, пришли мне черных сухарей!

Савелий разошелся, вспомнил юность на Воркуте, барак в болоте.

Уголь воркутинских шахт
Жарким огнем горит.

Каждый кусок угля
Кровью зэка обмыт.

Снова взял гитару Сеня, укрепившись протезной ногой в деревянную решетку на полу:

Отец мой - Ленин, а мать - Надежда Крупская,
А дядька мой Калинин Михаил.
Мы жили весело в Москве на Красной площади
И Гуталинчик к нам в гости заходил.
....

Блатные песни многие не желали слушать и расходились, но молодежь жадно внимала. На правах Сениного подпевалы Иван временами ходил к Сене с толстой тетрадью и под диктовку записывал одну или две вещи, пока Сене не надоедало диктовать.

Иногда Иван заходил к духовикам, познакомившись на картошке с трубачом, тоже Иваном. Это был здоровенный малый, загремевший в тюрьму из армии, где он пристукнул своего старшину, да ненароком насовсем. Гнусный был старшина. Как-то уже после отбоя увидел он в кубрике окурок, поднял всех; окурок положили на растянутую простыню и побежали с этой простыней два километра; там выкопали могилу, как полагается, 2 м глубиной, и похоронили окурок. А Ивана старшина почему-то сразу невзлюбил и заставлял то и дело сортиры мыть, да дрова на кухню носить. Вот и заработал поленом по черепушке. Полено выдержало, а череп раскололся. Правда, постояли за Ивана, написали коллективное письмо о зверствах старшины. Поэтому трибунал ограничился 8 годами.

Духовики имели постоянную каморку за сценой в столовой, в которой стояло пианино. Иван иногда садился за пианино и совершенно не владея инструментом, извлекал тем не менее мелодии, подбирал хорошо памятные вещи. Иван-трубач даже просил его иногда побренчать, когда никого больше не было.

- А чего не учишься. - спрашивал он, - вот я за три года трубой овладел...

Он действительно играл красиво и легко даже очень сложные вещи и к тому же по нотам. С его грудной клеткой ничего не стоило делать длинные пассажи на одном выдохе.

Иван отвечал, что учился на скрипке, на кларнете, но не доучился, так как поздно начал. А до того учился на балалайке, домбре, гитаре. Потом только понял, что нужна скрипка, а к ней нужна школа или хотя бы наставник.

- Так пусть привезут твои родичи скрипку, - не унимался большой Иван.

А в самом деле, почему бы и нет, - задумался Иван, в конце концов, Елькин поможет.

Музыкой занимались многие. В их кубрике жил здоровенный Володя, который выписал баян с самоучителем и целыми вечерами где-нибудь тренировался. В одном из соседних кубриков маленький Евгений жить не мог без шестиструнной гитары, которую он освоил под руководством Иосифа, когда-то бывшим гитаристом в оркестре Бадхена. Иосиф и Ивана старался склонить к испанскому строю, но он жил в другом бараке и появлялся редко, а у Ивана не хватало душевных сил начинать с нуля. Было просто приятно посидеть и послушать испанские танцы, которые не без изящества исполнял Женька, бывший некогда шофером и задавивший разинувшую рот старуху.

Хорошо, когда вечер проходит в обстановке духовного общения. Отодвигается мрак собственной души, чтобы сделать попытку воспарения, соединившись с другой душой. Происходящее отходит в воспоминания, которые льются грустной мелодией, уходящей в ночь.

* * *

Опять началась эта проклятая школа. Ваня был бы рад, если бы она сгорела. В их классе появились новые лица, в основном, девчонки. Их перевели из другой школы на Обитае. Среди них одна смуглая девочка по имени Майка. Ваня в изумлении разглядывает ее. До чего же она похожа на ту Майку, которая давно уехала куда-то. Он даже спросил ее, не жила ли она раньше на улице Работниц. Майка сказала, что она всегда жила в своем доме на Обитае. Она презрительно окинула его взглядом, догадываясь, что он ее с кем-то путает. «Подумаешь... цаца», - оценил ее взгляд Ваня про себя. Переключение симпатии не состоялось. К тому же Лиля Блумберг уже весьма основательно завладела его тайным вниманием. Она такая чистенькая, стройненькая, да еще и отлични-

ца. Правда, мать ее - училка в соседнем классе. Иногда Ваня смотрел на нее с особым чувством, но когда их взгляды встречались, он не мог выдержать лучи из глаз Лили.

Пока на улице было тепло, Ваня частенько прогуливал школу. Он ходил даже на Обитай, хотя это считалось далеко. Там-то однажды в темноте он и наткнулся на дороге на дядю Лешу. К счастью, дядя Леша был в изрядном подпитии и своего пасынка не узнал, хотя прошел рядом и даже, кажется, взглянул на Ваню. До самого появления дома Ваня сомневался: заметил его дядя Леша или нет. Но вернувшись будто бы из школы он убедился, что дядя Леша дрыхнет на его кушетке, а мать ничего не сказала. Она бы ему показала прогулки по Обитаю в учебное время, если бы дядя Леша его узнал. Стало быть, обошлось. Но что там делал дядя Леша?..

Прогуливая школу, Ваня не испытывал такое же чувство, как при гулянии после школы. Где-то в глубине таился страх оттого, что он поступает не так как должно, и уж если мать узнает, то порка будет капитальная. Но ему даже нравилось ощущать близость наказания, которого удается избежать. Позднее это ощущение развилось в стремление противоречить себе, приближаться как можно ближе к запретному и наслаждаться тем, что удалось пройти над бездной по узкой досочке.

Пока запреты были мамины и подтверждались ремнем в ее руках, вызывавшим и страх, и озлобленность, особенно, когда запреты были неубедительны по своей сути. Почему, например, нельзя ходить к бабушке, если она любит внука, а Ваня любит бабушку. А если один запрет ничем не оправдан, то и другие такие же. Значит их можно нарушать с чистой совестью, к которой иногда призывает мать. Нужно только делать это тайно, чтобы не схлопотать лишний раз ремня.

Как-то Валентина Владимировна заболела, и кто-то из родителей подал идею навестить ее. Ваню выбрали в группу навещающих. Он сказал об этом матери, и та была очень довольна. В назначенный день она подала сыну кулек с шоколадными конфетами.

- Вот... отдашь Валентине Владимировне...

Вопрос о том, нужно ли что-то нести, в классе обсуждался, и Лиля Блумберг сказала, что она может принести цветы, которые у нее как раз есть. На том и порешили. И вот теперь... какие-то конфеты. Ваня попытался объяснить ситуацию, но услышал только:

- Попробуй, сожри сам, шкуру спущу1..

Насчет шкуры сомнений не было.

Комнатенка у Валентины Владимировны была маленькая, заставленная самодельной мебелью. Учительница лежала на топчане, укрытая поверх одеяла пальто. Приход учеников был для нее полной неожиданностью, и она дергалась на подушке, рассаживая всех явившихся. Лиля четким голосом сказала. Что они желают ей выздоровления и поставила на тумбочку красивый букет в банке. Учительница была совсем не такая, как в классе. Каждого она о чем-либо спросила, потом сказала, что устала, и все дружно вскочили. Тут-то Ваня, потупясь, положил на край постели кулек с конфетами.

- Мама велела передать...

Валентина Владимировна заглянула в кулек и обрадовалась.

- О, а я-то думала, чем бы вас угостить!..

Она распределила конфеты и наказала Ване передать маме сердечную благодарность. Но дома вышла неприятность. Мать обнаружила в кармане сына конфетный фантик.

- Ах, сердечную благодарность!.. - зловеще произнесла она и бросилась за ремнем, - сожрал-таки!..

Пока Ваня пытался объяснить, что учительница сама скормила им конфеты по две штуки, ремень уже гулял по его спине и надо было срочно пробиваться под стол с громадной круглой ногой посередине, вокруг которой можно вертеться, так что часть ударов приходится на нее.

Вопиющая несправедливость казалась Ване хуже ремня. Он даже не стал доказывать, как было дело. «Сожрал, так сожрал». Жаль, что он в самом деле не сожрал все, хоть не зря бы порка была. Чувства его накалялись при мысли, что все получается в жизни не так, как надо. И ничего сделать нельзя. Хоть бы заболеть и лежать спокойно в постели, тогда мать будет ухаживать за ним, как за сестренками. Он размышлял о прочитанных книжках «Витя Малеев в школе и дома», «Васек Трубачев и его товарищи», про Валентинку (как книга называется-то?) У них все было не так как у него. Их не лупцевали, как сидоровых коз. А вот Валентинка совсем чужая была, но взяли ее в дом, и стала она совсем своей и ей было хорошо. Даже мамой стала она называть приютившую ее хозяйку. Эх, сбежать бы отсюда куда-нибудь подальше, - думал Ваня перед тем как

уснуть. В его сознании перемешивались мальчишки из повестей Василенко и Марка Твена, дети подземелья Короленко, дети горчичного рая и разные другие дети, у которых были свои судьбы и свои заботы, в основном, горестные. Почему-то именно несчастливое детство запечатлевалось сильнее. Может быть потому, что несмотря на плохую жизнь, малолетние книжные герои не унывали и радовались любым житейским удачам, например, удалось спереть булку и поесть.

Он мечтал встретить какого-нибудь взрослого друга, пусть даже негра, с которым можно было бы отправиться путешествовать. А то... что это за жизнь!.. Ходи каждый день в школу!.. Прогуливать можно только изредка, а когда холодно, надо куда-то укрыться. Иногда он проникал на черную лестницу в клубе через дырку в двери. Знали его и в кочегарке неподалеку от школы, где он подолгу грелся у котла. Грязные мужики относились к нему дружески. Он смотрел как они пьют синий денатурат и, крякнув, заедают селедкой с хлебом. Они напоминали ему дедушку. В углу толстая грязная тетка сшивала на машинке ватные лохмотья для оборачивания труб, чтобы они не лопались на морозе. Тетка то и дело матерно ругалась, потому что шилось плохо. «Ты меня не слушай, а то научишься раньше времени, - обращалась она к Ване, - вот, видишь, опять иголка сломалась, в четырежды мать ети».

Ваня интересовался, почему четырежды, и тетка отвечала, что из школы он сбегает, потому и не знает. Лучше не возражать тетке, а то выгонит на холод. Мужики уже загудели, заглушая моторы, по поводу мировых проблем. «Опять назюзюкались, кобели проклятые!» - вздыхала вполголоса тетка, поднимая голову. Со стен сами собой отваливались пласты многолетней пыли и красиво взрывались облаком на цементном полу. «Шел бы ты, пацан, домой, уже пора, на кой ляд тебе тут любоваться всем этим!» - говорила тетка.

Как-то придя домой, он не нашел ничего поесть. Мать сидела, уткнувшись в кроватку маленькой больной сестренки. Послонявшись по комнате, Ваня отправился на двор. Встретив там Ваську, он помялся и сказал:

- Вынеси пожрать, если есть чего...

- А что, тебя не кормят? - осведомился Васька.

- Не-ка...

Васька сходил домой и принес кусок хлеба с котлетой.

- Мать спросила, кому понес, так я сказал, что тебя не кормят, вот... она и котлету подкинула...

Ваня мигом уничтожил завтрак, определив, что котлета классная, он уже забыл, когда ел котлету.

- Так, хреново тебе живется, - посочувствовал Васька.

- Хреново, - согласился Ваня.

Идея казаться бедненьким ему очень понравилась и теперь он ее всячески раздувал и говорил дружкам, что он в своем доме как чужой. Когда утром мать гладила ему курточку перед школой, он думал, что она зря это делает. Получается, что она за ним ухаживает. Вот откуда-то с окраины городка ходят побираются два брата; один такой же как Ваня, другой постарше; оба огненно рыжие и с лицами сплошь в веснушках. За ними мать явно не ухаживает и они такие драные, что смотреть жалко. На боку у каждого висит противогазная сумка. Они обходят квартиры и просят хлеба. Мать ворчит, что куски они собирают, чтобы свинью откармливать, но Ваня представляет, как, насобирав кусков, рыжие братья возвращаются домой и жуют эти куски, запивая водой. На следующий день они медленно бредут в другие дома. В школу они не ходят. Хорошо быть нищим, вот только просить по квартирам как-то неловко, другое дело у приятелей, что вполне обычно. Часто бывает, что кто-то выходит с куском пирога, и сразу обнаруживаются голодные: «Дай кусить!»

Во дворе распространился слух. Что Ваня несчастный мальчик обиженный судьбой. Нашлось немало даже старших ребят, готовых ему как-то помогать. Нередко ему выносили что-то поесть, и он неизменно доказывал наличие отменного аппетита. Ребята из 7-го класса - тимуровцы - взяли его под опеку, тем более, что его вскоре должны были принять в пионеры. Мать купила пионерский галстук.

В торжественный день она отутюжила брюки и начистила ботинки. В зале школы выстроилась линейка 7-го класса. Из пионерской комнаты с трескучим барабаном и оглушительным горном вынесли знамя. Четверо новичков перед строем семиклассников произносили по очереди

наизусть торжественное обещание. Ваня стоял в четверке последним и так разволновался, что в одном месте забыл текст и споткнулся:

- Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

Яник из строя семиклассников прошептал, что дальше, и Ваня продолжил, чувствуя жар в ушах. Потом Яник повязывал ему галстук и укоризненно шептал: «Что ж это ты, а мы-то на тебя надеялись!» У Вани дрожали губы, и он силился не заплакать. Опять все получилось не так как надо. Потом, однако, было весело, и о его промашке никто не вспоминал. Валентина Владимировна с улыбкой поздравила его и сказала, что теперь он большой и должен готовить дома уроки и не прогуливать. «Откуда она знает, что я прогуливал? - изумился про себя Ваня, - я ведь говорил, что болел...»

Дома дядя Леша сидел на кушетке, опершись на колени. Он повернул голову к двери, и Ваня заметил, что глаза у него, как у зайца, смотрят по сторонам. Значит «врезал» изрядно, а, судя по позе, имел тяжелый разговор с матерью. Завидев на шее Вани красный галстук, дядя Леша картинно поднял брови и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и повалился на кушетку. Мать махнула рукой на дядю Лешу и с необыкновенной мягкостью велела Ване садиться за стол и кушать.

- Ну, что там было? - спросила она сына, глядя на его плотно набитый жареной картошкой рот, - торжественное обещание-то не забыл?..

- Немного забыл, но вспомнил, - признался Ваня, - жарко очень было, натопили, чтобы акробаты не простудились в трусиках-то...

- Спать тебе на полу опять придется, его ведь теперь не добудишься. - мать кивнула на кушетку...

- Да ладно, какая мне разница... я вот только почитаю немного, а ты мне рубль обещала на книжку, когда в пионеры примут!..

- Завтра получишь свой рубль...

Ваня доволен. Так приятно, имея в кармане рубль, придти в книжный магазин, который похож на сарай. Черный, как уголь, дядька, подозрительно следит за редкими посетителями.

- Здэсь нэ изба-читальня, мальчик! - не раз уже слышал Ваня, - покажи дэньги!..

Теперь Ваня покажет ему рубль. К тому же мать обещала ему выписать газету «Пионерская правда», в которой он любит разгадывать шарады и заполнять кроссворды. Но, главное, - он теперь пионер, а то уже столько мальчиков и девочек в их классе приняли, а его все обходили, хотя у него нет троек. Ну, пусть он иногда прогуливал, так что из того. Другие не прогуливают, а двоечники.

На перемене Ваня идет на первый этаж школы, где учатся старшеклассники. Он находит 7-в класс и заглядывает в него, высматривая своих старших друзей. В классе стоит шум, кто-то промчался по партам. У двери прошла крупная девица, а следом вывернулся парень с Мурманской улицы. Он оттянул расстегнутую ширинку и тут же шлепнул пальцем правой руки по кольцу пальцев левой, подмигнув стоящему у стола молодцу. Ваня уже знает, что этот жест означает стремление парня к девке. Кто-то завизжал, в дальнем углу завозились. Но тут подбегает Яник...

- Ты чего тут?..

- Да я так... посмотреть, как у вас здесь...

Яник говорит, что у них класс самый хулиганистый, потому что много ребят с улицы Мурманской. Пусть лучше Ваня идет к себе, а встретятся они после школы, в садике. Подходит степенный Жора. Он солидно протягивает Ване свою большую ладонь. Жора гимнаст-разрядник и то, что он по-свойски обращается с Ваней, наполняет того гордостью. До конца уроков он переживает моменты встречи со старшими друзьями.

~ 21 ~

Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.
(Сергей Есенин)

И разве помнит кто-нибудь о зиме ярким летним днем, когда все вокруг словно кричит, поет и шепчет во славу великому наполняющему свету. Выдь из серых асфальтов города, и незримый дух пронзит сердце. Каждая клеточка тела откликнется на песни трав и воспоет вместе с ними. Какой-то ничтожный сорняк вдруг окажется преисполненным значимости и готов умилить каждого, кто снизойдет до внимания к нему. Прошуршит крыльями стрекоза с округлыми глазищами. Прозудит в полете жук и вдруг сядет на руку, сложив крылья, переливаясь зелень., как изумруд. Бронзовка покажет маленькое чудо - себя, и снова поднимет свои надкрылки, чтобы следовать неисповедимым путем. Зонтик желтых пуговиц пижмы качнется от толчка, и ощетинится жгучими волосками крапива.

В луговом мареве переливается разноцветье. Отрываются от цветов пестрые бабочки и колеблют пряные ароматы своим нежным порханием. Пронесется над травами вздох, и замолкнут на секунду кузнечики в ожидании вести. Всколыхнутся волной травы. Что-то им волнующее сказано... Ослепительно белые барашки в бесконечности синевы посылают братский привет земному благоуханию. Отзываются им лучистые ромашки и васильки. Захлебываются от восторга цикады. Растворяются в небе черные молнии стрижей, и только их крики висят в пахучем шевелении тепла.

Среди округлых листьев, лежащих на воде, белые звезды водяных лилий изнемогают от нежности. Выплывает из камышей мама-утка с беспечными пуховичками, и дрожит водяное зеркало, трепещут в нем облачка. Где-то гремят громы и ливни хлещут луга и деревья. Но здесь божественный покой. Искрятся в воздухе летящие пушинки, и солнечные стрелы пронзают кроны деревьев, замирая, упав на воду. Неслышимо дышат растения и невидимо подрастают, восторженно благоухая. Всколыхнется воздух и замрет в томной бесконечности. Нет больших желаний, как быть сейчас.

Гимн земному бытию исполняет всякая травка и тварь любая, что ползает, бегает, летает. Звучит всепроникающая божественная симфония, напитывая дух парящей легкостью. Слабеет земное притяжение от кипящей радости, и сладкие шелесты несут куда-то в мерцаниях и сияниях. Нет больше отдельностей. Кружит в вихре цветозапахозвучаний. Нет больше в мире зла, и с самого себя отваливаются струпья когдатошних грехов. Господи... дай это навсегда. Не говори, что это временно, как освежение от серого существования. Зачем мне возвращаться в прежнее, в дом свой. Если ты допустил меня к подножию своему, не отринь. Для чего продолжать питаться черствым хлебом, когда ты дал мне амброзию. Тесны стали врата дома моего после широты сада твоего.

* * *

Кутается толпа зэков в ватники на разводе на работу, пока нарядила не прокричит фамилию, владелец которой откликается и проходит через проходную в рабочую зону. Его карточка ложится в пачку «на работе». Пройдя в рабочую зону, каждый устремляется на свое рабочее место, где теплее; кое-как топится печка. В столярке хорошо, здесь отопление. К тому же тут мало людей, и они не спешат. В ширпотребе они - элита, специалисты, работающие по выгодным спецзаказам. Сейчас у них идет большая партия сложных почтовых столов-бюро с дубовой и буковой фанеровкой.

Приходя в столярку, Иван обычно долго стоит в полутемном углу, опершись спиной о верстак. В ушах у него звучит какая-нибудь мелодия, и он ею упивается. Одно время привязалась песня Пахмутовой «Вот и стали мы на год взрослей...» Иван слышит музыкальное звучание словно наяву и думает, что ел он уже в прошлом году, т.е. стал на год взрослей. «Мы гоняли вчера голубей, завтра спутники пустим в полет». Хорошо, когда дети исполняют красивую мелодию.

- Ну, что, двинулись?! - один глаз Сергея Ивановича смотрит на Ивана, другой, как всегда, куда-то в сторону.

Они отправляются на двор пилить доски. Если очень холодно, они работают на строгальном станке или на циркульной пиле в помещении. У них самая «черная работа» в столярке. Время от времени они идут курить в сушилку. От тепла клонит ко сну. В печке потрескивают дрова. Пахнет смолой, вытекающей из досок. Говорить с Сергеем Ивановичем не о чем, он очень скучный человек и неприятен Ивану, который почему-то особенно не любит 117 статью - насильников, да еще малолетних. У них в столярке еще один такой, с вечной резиновой улыбкой, лучший краснодеревщик, изнасиловавший 6-летнюю дочь своего брата. Получил он 15 лет, но родственники

на суде заявили, что пусть не надеется, что проживет больше, чем сидит. А он и не расстраивается, ходит себе и улыбается. Роман Яковлевич его очень ценит как спеца. Интересно, думают ли когда-нибудь насильники малолетних о своем преступлении. И не только они, но и разные другие с мерзкими делами. Иван считает, что разные там убийства, разбой, кражи не относятся к мерзким деяниям. Даже бугор, разрубивший свою жену на куски, не кажется ему чудовищем. Видно, была жена такая. Сколько таких жен на свете, что и не жалко зарубить или утопить. Он вспоминает, как мальчишками они как-то проследили за одной дамочкой из их дома, увидев ее однажды с каким-то мужиком в другой части города. Дамочка была смачная и похоже, что муж не устраивал ее. Какой-то он был интеллигентный, не мужиковатый. И дочка их - Лялька - была не похожа на других девчонок, какая-то чистюля. Мама, впрочем, тоже не относилась к быдлу, преподавала что-то в техникуме. Тем более было любопытно застукать ее с другим мужиком. Целая бригада малолетней шпаны следовала за парочкой, которая вскоре свернула за угол дома и исчезла в подъезде. Потом на первом этаже зажегся свет и бригада повисла на подоконнике. Те не откладывали дело в долгий ящик, и юные соглядатаи, отталкивая друг друга, разинув рты, глядели, какая Лялькина маманя сдобная. Не удивительно, что хахель прямо-таки бросился на нее, и пошла работа. Мальчишки за окном вытянулись на пол-окна и замерли в трансе. Однако все быстро кончилось. Мужик сполз с Лялькиной матери отдыхать. Иван постучал в окно, и болтающаяся на подоконнике шантрапа бросилась бежать. Свет в окне погас. Кто-то предположил, что без штанов мужик вряд ли за ними погонится, так что незачем и удирать, сломя голову. Неизвестно, получила ли эта история огласку. Между собой мальчишки живо обсуждали все виденное, спрашивали даже у Володи Колымы насчет быстрого темпа движений мужика.

- Голодный, должно-ть, был, - заключил Колыма, а потом добавил, - вы скажите этой сучке, чтобы она вам стольник гнала, а нет, так вы ее мужику все выложите...

Но зарабатывать стольник никто не захотел.

Подобных историй Иван знал немало, поэтому считал, что убийцы своих жен особого греха на душе не имеют. Погорячились просто, узнав об измене. Ведь главное тут - бабы. Не зря в народе говорят: «сучка не захочет, кобель не вскочит».В сушилке, когда соберется побольше мужиков, стоит только затронуть вопрос об изменах женщин, как поднимается ропот возмущения «этими тварями», и одна за другой сыплются истории, подтверждающие низменную женскую природу. Никому не приходит в голову, что женщины, которых тут клянут почем зря, принадлежали к той же категории общества, к которой относятся и их теперешние хулители, некогда прилагавшие немало усилий, чтобы добиться благосклонности. Это как на Востоке. Сначала поют про «перси» и «бутоны», а потом мужики в чайхане лясы точат, а бабы на полях хлопок собирают. Есть все-таки в России азиатщина, хотя и хочется многим считаться европейцами.

Бывает, что по вечерам в умывальной, куда ходят курить, разгорается дискуссия по тем или иным проблемам. Схлестываются двое, а уж к ним подключаются все желающие. И вот... гремит спор: был ли Петр I благодетелем России или ее злым гением, какова истинная роль Сталина в победе над фашистской Германией, куда идет общество и пр. Споры случаются весьма интересные, когда их ведут те, кто провели много времени по тюрьмам и прочитали там сотни книжек. В спор встревают и те, кто книжки не читает, но много повидал в жизни. Не спорят только об одном: все, что говорится по радио и о чем пишется в газетах - вранье. Оно было всегда. Правители задуривают народ и тем, кто им помогает, устраивают привилегии. Какая-нибудь доярка гневно осуждает по радио происки мирового империализма на Кубе. Поосуждала по подсунутой бумажке и глядишь... в новый дом переехала или премию получила за производственные показатели, внезапно подросшие. Пример всем прочим.

- Охота вам баланду травить, - прошамкает старичок с палками в обеих руках, бросая окурок в ведро и ковыляя к выходу. Уж он-то знает преимущества советской жизни. Где бы еще ходили к нему домой тимуровцы дрова поколоть, в магазин сходить и прочее. Хорошим тимуровичкам он еще и в штанишки лазил. Смущались сначала, а потом привыкали; иным даже нравилось, а те, кто не понял вкуса, больше не появлялись, но все помалкивали. И вот... попалась одна зараза, заложила. Дали несчастному инвалиду два года за растление малолетних.

В лагере не принято осуждать кого-либо за его прошлые деяния. Его уже осудили, потому-то он и здесь. Все здесь равнобесправны, но все же между собой зэки испытывают разные чувства, не выражая их. Дела многих известны лишь потому, что сам сотворивший их кому-то рассказал -

за что попал. За длинные годы трудно не высказать то, чему обязан этими годами. В минуту нахлынувшего откровения или раскаяния человек делится с ближним самым гнусным повествованием из своей жизни. Он рад, что нашел того, кто слушает и вникает в его историю, да еще порой и посочувствует: «Ну, ничего, бывает, и на родной сестре триппер поймаешь». У большинства людей, а может быть и у всех, рано или поздно проявляется склонность к исповеди. Наверное, потому и существовала в былые времена процедура исповеди духовному лицу, что человеку это требуется по природе его. Церковь учла эту его потребность, заодно укрепляя свой авторитет. Но церкви не стало, а потребность людей осталась и им приходится подыскивать себе исповедника по обстоятельствам. Иван тоже ощущает временами желание раскрыться перед кем-то, однако, нужного человека он не видит. Есть, конечно. Более или менее симпатичные ребята, начитавшиеся умных книг и рассудительные, но все же это не то. Требуется еще что-то, духовная отзывчивость, что ли?!. Глубокое проникновение в душу страждущего?!. Да возможно ли одному человеку до конца понять другого, если он и сам-то себя плохо понимает?!.

Иван написал уже несколько писем недавним друзьям по свободе, в которых изливал свои чувства и просил ответить ему на вопросы о жизни. Ответы были различные. Оказывается, ребята, с которыми он проводил немало времени, внутренне были ему мало знакомы. Обостренным, как у затравленного волка, чутьем Иван ощущал убогость внутреннего мира недавних спутников в лесных прогулках. Ему не приходило в голову писать самым последним дружкам - посетителям сарая, так как глубинных общих тем у них не было. Просто поразительно, какие бывают пустые отношения между людьми, называемые приятельскими. А других-то в последнее время и не было. Те, другие, остались где-то позади. Вот был друг Генка, а потом словно отодвинулся в сторону. Иван вспоминает его неторопливую манеру двигаться и рассуждать. Дней десять назад он написал Генке письмо, и пора бы уже быть ответу.

Вечером Сергей Иванович, как всегда, приносит пачку писем и, сверкая стеклянным глазом, громко выкрикивает счастливчиков дня. Среди них и Иван. Он смотрит на обратный адрес... Генка... Значит сегодня праздник души вместе с долгими раздумьями потом.

Здравствуй, Ваня!

Прочитав твое письмо, которое я с нетерпением ждал, под влиянием нахлынувших на меня мыслей и чувств я вынужден был глубоко задуматься.

Может быть, я и не прав, но мне кажется, что твое положение можно в какой-то степени сравнить с положением человека, который, пробираясь по чуть заметной тропинке, извилистой змейкой стелящейся кромкой узкого карниза над глубоким ущельем, вдруг оступился и сорвался в пропасть, где, на дне ущелья, грозно ревет и беснуется в безудержном гневе горный поток, теснимый немыми громадами скал. И еще не успев опомниться от падения, как все его тело вздрагивает, словно от соприкосновения с оголенными токоведущими проводами и в то же мгновение, шипящий, будто тысяча змей, бурный поток хватает его в свои ледяные объятия и увлекает в бешено несущуюся пучину, где жертву неумолимой стихии уже ждут ненасытные пасти бесчисленных водоворотов. Земля, небо, вода, - все смешалось, сплелось в непрерывный клубок, того и смотри, что разъяренный, будто свирепый зверь, горный поток бросит с размаху свою жертву о выступ скалы, и останки бездыханного тела снова и снова закружатся в вечной пляске струй.

Растерявшийся, в полуобморочном состоянии, человек инстинктивно борется за жизнь. Он ошеломлен, оглушен этой неожиданной, резкой сменой сред существования, и поэтому вполне естественная и оправдана его растерянность. Он смят, но не до смерти, он жив, и жив благодаря силе, выносливости, тренированности организма, закаленного в испытаниях.

Постепенно сознание начинает возвращаться. И первой его мыслью было: «Где я?.. Да это преисподняя, ад кромешный!» В поле его зрения, сквозь мелкую сетку мириадов брызг и водяной пыли постоянно попадают бесконечные, мелькающие и убегающие назад неприступные, тускло поблескивающие неровными гранями стены скал, да небольшой кусок лазурного неба над головой. «Конец», - проносится в мозгу его, и панический, животный страх, сковывающий мышцы тела, начинает зарождаться в душе. После короткой, но жестокой борьбы, усилием воли человек подавляет в себе меланхолию, страх смерти - это непременное наследие обезьяноподобных предков. Середины быть не может. Жизнь или Смерть. Но умирать без борьбы удел жалких безвольных трусов. Нет, он не трус. Он презирает смерть и будет бороться до последнего удара сердца.

И снова его внимание поглотила отчаянная борьба. Кажется, вечность прошла в непрерывной, неравной схватке. Силы начинают покидать его и только безграничная, безумная до фанатичности любовь к жизни удерживает его в этом мире.

Неожиданно невыразимая тоска по жизни охватывает все его существо, которую невозможно заглушить ничем, ибо он силен и молод. Нелегко умереть, когда в жилах бурлит молодая кровь, когда здоров, как бык, когда впереди столько неизведанного, непознанного, невиданного, когда ты не вкусил всех благ, которые даровала человеку природа и современная цивилизация. Только сумасшедший или малодушный, легкомысленный юнец по глупости может сознательно оборвать жизнь в расцвете сил...

Очередной водоворот оборвал поток его мыслей и вернул к действительности. С трудом вынырнув, он как никогда ясно осознал, что роковой час близок. И несмотря, казалось бы, на обреченность своего положения, все-таки маленькая искорка надежды тлела в его душе, поддерживая упорство и неукротимость духа. Но всему есть предел, кроме вселенной, есть предел и человеческим возможностям.

Ну, что же, он сделал все, что было в его силах в борьбе за жизнь. И если нет другого выхода, он умрет, умрет с честью. Ценой титанических усилий удерживаясь на воде, он уже ощущал на себе властное, холодное дыхание той, чей курносый лик витал в его полуобморочном сознании. Прощальным взглядом, полным беспредельной тоски и скорби, окинул он уходящий в небытие мир: угрюмые утесы, беспристрастные, словно абесса средневекового монастыря, к разыгравшейся трагедии, потускневшее небо, синевато белые вершины гор, озаренные лучами заходящего солнца, стремительный поток, скрывающийся за выступом горы, и... вдруг... словно ослепительная молния пронзила его мозг. Огонь вспыхнул в угасающем взгляде: там, на излучине, где поток шарахается в сторону, словно пугливая лань, увидевшая тигра, он увидел то, ради чего на протяжении стольких часов жестокой, изнурительной схватки боролся. В результате горного обвала образовался сравнительно пологий склон, а в каком-нибудь полуметре от воды нависло дерево с обломанной кроной, корнями зацепившееся в расщелине между глыбами. Это было спасение.

Жизнь, Жизнь, Жизнь, - набатом выстукивала в висках кровь. Неожиданно он ощутил в себе прилив свежих сил, а в душе такое невыразимое ликование и восторг, которые знакомы и понятны лишь людям, побывавшим в подобных переплетах. Самопроизвольно вспомнились стихи любимого поэта:

«Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал,
И милых жен лобзанья не достоин».

Собрав воедино все, что могла дать каждая клеточка его истощенного до предела тела, он весь подобрался для решающего броска. Улучив удобный момент, он вскинул вверх руки и ухватился ослабевшими, непослушными пальцами за толстый сук, особенно близко подступавший к воде. Лицо его исказилось гримасой нечеловеческого напряжения, когда он, сделав над собой огромное усилие, рывком подтянулся, тяжело перекинул левую ногу и, усевшись на ствол верхом, судорожно вцепился в торчащие ветви.

Человек тяжело и прерывисто дышал, сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди. Побагровевшее было от напряжения лицо, сделалось мертвенно бледным, кружилась голова, тошнота подступала к горлу. Глубокий вздох облегчения потряс его поникшее, мокрое тело. Немного отдохнув и чувствуя, что впадает в забытье, человек мотнул отяжелевшей, словно налитой свинцом, головой и медленно поднялся на подгибающиеся, дрожащие ноги, сначала на четвереньки, и потом во весь рост, лицом к берегу. Покачиваясь, он сделал нетвердый шаг по стволу, и тут силы покинули его. Как подкошенный, рухнув ничком на упругие, жесткие корни спасительного дерева, человек мгновенно погрузился в непробудный сон смертельно уставшего человека.

Но я, кажется, излишне расфантазировался. Я думаю, ты не осудишь меня за это, может быть, неуместное лирическое отступление.

Да, необходимо со всей ответственностью признать, что положение твое далеко не завидное. Ты права, утверждая, что лишение свободы тяжелая вещь и страшная. Но не настолько

тяжелая и страшная, чтобы приходить в отчаяние. Не следует ожесточать душу тяжкими размышлениями о прошлом, кляня себя бессчетное количество раз за совершенные проступки, этим ты только усугубляешь свое положение. Что было и прошло, того уж не вернешь ничем. Теперь нужно смотреть вперед, в будущее, которое будет зависеть целиком от тебя самого.

Жизнь полна неожиданностей. И никто не огражден, не изолирован от них. Каждый может оступиться, сделать неверный шаг, ибо мы все далеко не идеальны в своем развитии. Но каждый по-разному переносит и переживает испытания и страдания, выпавшие на его долю по воле судьбы. Вот почему так важно повседневно и неустанно готовить себя к ним; закалять свой организм, как физически, так и духовно, чтобы не дать себя застигнуть врасплох. На твою долю выпало тяжелое испытание временем; ты изолирован, оторван от свободного мира. Но если подходить к делу с критической точки зрения и глубже вникнуть в суть его, то можно с уверенностью сказать: вполне вероятно, что данные испытания не последние в твоей жизни, причем совершенно не важно, какого характера будут последующие, и в чем они будут выражаться.

«Вся жизнь - страдание. И умение жить состоит в том, чтобы свести его до минимума», - так сказал один из героев Джека Лондона. И хорошо сказал.

Я не исключаю того, что ты можешь возразить мне, мол, легко тебе рассуждать на свободе, сытому голодного не понять. Верно, трудно понять, но можно. И я думаю, что только тот человек, оказавшись в положении подобном твоему, может впасть в меланхолию и поддаться апатии, который чувствует себя безгранично одиноким, отверженным, лишенным дружеской поддержки и помощи. Но не значит ли тогда, что и ты в душе чувствовал себя именно таким человеком. А если это так, то следовательно те, кого ты считаешь настоящими друзьями, ничего общего с ними не имеют. Они были для тебя просто товарищами, случайными спутниками на дороге жизни.

Я не знаю, какие контрдоводы ты можешь мне представить, но у меня есть неопровержимый факт. В своем письме ты утверждаешь, что я и ты были настоящими друзьями. Но я иного мнения на этот счет: как никогда я сейчас понял, что дружба наша была от начала до конца фиктивной, ибо если бы она была настоящей, я убежден, что ты не прозябал бы сейчас на этом проклятом, жалком клочке земли, окруженном тремя рядами колючей проволоки. Нет, дружба есть нечто больше, чем просто товарищество. Товарища можно забыть, но друга, верного и преданного - никогда. Может быть, слова мои покажутся тебе банальными и шаблонными, но, по-моему, это истина. Я уверен, что ты правильно поймешь меня.

Я искренне рад, что несмотря на крутой поворот судьбы, ввергнувшей тебя в полосу тяжелых испытаний, ты не пал духом. Хотя, может, первый, неожиданный порыв ее и ошеломил тебя, вызвав в душе ряд противоречивых мыслей и чувств, чем на первое время лишил тебя душевного равновесия, но в результате этой трудной душевной борьбы победил трезвый голос рассудка. Твое стремление к покою вполне оправдано и понятно. Ибо после того, что ты пережил, после непрерывного нервного напряжения, бессонных ночей, вполне естественно, что нервная система крайне истощилась и уже рефлекторно, т.е. бессознательно, непроизвольно, требует отдыха для себя. А чтобы впредь душевные терзания не повторялись, советую тебе относиться к тому, что тебя окружает, скептически, не позволяя овладевать собой пессимистическим настроениям, всегда сознавая, что положение твое временно и преходяще.

Хорошим доказательством того, что ты не пал духом, является то, что ты продолжаешь повышать свой общеобразовательный уровень, но этого мало, необходимо максимально расширить круг интересов: больше читать, заниматься спортом, интересоваться музыкой, искусством и любой из наук, которая тебя интересует, - словом, стараться заполнить свой день до предела, тогда не останется времени для тягостных размышлений. А главное, на что нужно обратить особое внимание - это состояние здоровья, которое подорвать сравнительно легко, а вот вернуть нарушенную жизнедеятельность организма к норме - задача сложная, а порой и не разрешимая. Поэтому необходимо использовать все имеющиеся средства для закаливания и всемерного укрепления организма. Необходимость этого мероприятия продиктована самой жизнью. Никто не знает, что произойдет в следующее мгновение, в какие условия мы будем поставлены, какие препятствия нам придется преодолеть, из каких сложных ситуаций придется выпутываться.

В этом отношении очень серьезные опасения внушает состояние твоего зрения. Как я помню, оно и раньше было не совсем нормальным. Я на твоем бы месте плюнул на всех и вся,

пренебрег бы мнением любого и каждого, и стал носить очки. Это помогло бы тебе, если не улучшить, то хотя бы сохранить то, что есть. Над этим тебе нужно трезво и серьезно пораскинуть мозгами. В связи с этим, придется посоветоваться с врачом и найти и использовать доступные средства для улучшения зрения.

Далее, тебе необходимо основательно ознакомиться со всеми положениями, инструкциями, указами, приказами, порядками и прочими атрибутами юриспруденции и неустанно изыскивать пути и использовать все возможности для сокращения времени твоего пребывания в заключении. И потом, стараться быть более корректным в обращении с лагерным начальством. Ибо, как гласит русская поговорка, «плетью обуха не перешибешь». И если получишь протекцию с их стороны и хорошо зарекомендуешь себя, то сокращение срока тебе будет обеспечено. Иного выхода я не вижу.

Я рад, что в тебе не остыл пыл романтика, не иссякла жажда приключений, без которых жизнь бледна, скучна и неинтересна, рад, что нашел в тебе единомышленника, это являет собой надежную гарантию в деле укрепления наших дружеских отношений.

Сами собой напрашиваются на язык пушкинские стихи:

Неправда ли? Среди младых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.

Как ты думаешь, не дурно было бы после твоего освобождения поехать в Ленинград или в другой порт, поступить на торговое судно и бороздить моря и океаны? Просто дух захватывает, сколько бы можно увидеть и услышать нового. Побывать бы в странах Европы, Азии, Америки, Африки. Это была бы превосходная встряска от приевшейся, будничной жизни. Кроме того, это плавание было бы бесподобно интересно и полезно во всех отношениях. А после завершения его можно было бы отправиться на Кавказ, в Крым. Сибирь, Дальний Восток, - словом, куда душе угодно, увлекательно провести время и отдохнуть в полном смысле этого слова.

На этом кончаю.

Всего доброго!

Г.Ш.

Иван много раз читает письмо и думает над ним в умывальнике, в столярке, в столовой. Как хорошо, что находятся люди, думающие о тебе и столь отчетливо представляющие себе твое положение. Все-таки есть в этом мире подлинно ценные отношения между людьми, хотя в обыденной обстановке они как-то неприметны, будничны. И лишь в кризисной ситуации оказывается, что духовные связи не блестят и не гремят, а протягиваются незримыми пучками, дающими нуждающемуся силы.

По дороге в туалет бьет в глаза прожектор и как будто просвечивает насквозь. В постели кажется, что внутри натягиваются какие-то струны. Еще немного и они полопаются с нелепым дзинь. Провал в сон, и какая-то чехарда видений: горит угол кубрика, а Арон Беркович спит там и хоть бы что, но... переключение... Иван в какой-то темной кирпичной норе среди развалин, от которых на холм тянется дорожка, на которой стоит Таня-старшая и машет ему рукой. Она залита солнцем, и небо над ней такое голубое, что и не бывает такого. Никого кругом нет. Иван делает два шага из своей норы к Тане, но нет... какая-то невидимая сила держит его. Он стоит на битом кирпиче и смотрит, как она медленно уходит за холм и молча, улыбаясь, машет и машет, призывая его. Огненно-белое облачко выплывает из-за холма, на котором уже никого нет. Иван возвращается в темное подземелье руин.

* * *

В школе готовятся к какому-то важному собранию, на котором шеренга юных пионеров читает стихи. Ваня удостоен чести стоять в этой шеренге. После уроков остаются репетировать. Ване не нравится его стихотворение:

Мой папа воззванье за мир подписал,
Не будет войны, мне мой папа сказал...

Он ощущает какое-то несоответствие между стихотворением и тем, что его окружает. Какой папа?.. Это дядя Леша, что ли?.. Он мне не папа!.. Все же Ваня решает спросить у дяди Леши, знает ли он про такое воззвание. Надо только выбрать вечер, когда он будет трезвый.

Вопрос ошеломил дядю Лешу, но он ответил, что подписал бы такое воззвание, если бы ему предложили, ведь он знает, что такое война.

В торжественный день юных пионеров повезли в автобусе в какой-то большой дом. Все были чистенькие, в белых рубашках, с наглаженными красными галстуками. Ваня всю дорогу боялся, как бы ему не споткнуться на словах «мой папа», как было не раз на репетициях. В какой-то прихожей их выстроили в шеренгу две учительницы. Они стояли и томительно ждали, пока кто-то там не махнет рукой. Наконец, знак был подан. Валентина Владимировна зашипела: «Пошли, пошли!..» Они прошли, поднимая ноги и махая руками в стороны, на сцену. Ваня чуть не захлебнулся, увидев огромный зал, полный людей, смотрящих на них. Вот отговорила свое Лиля Блумберг. Она совсем не боится, и голос у нее, как всегда, звонкий и чистый. Ваня немного успокоился. Дошла очередь до Вальки Филипповой. Следующий он - Ваня. Он сжался. Валька замолчала, и Ваня прокричал в каком-то отчаянии: «Мой папа...» и замолчал, ощущая, что делает не то. Помедлив, он начал снова и выговорил свои четыре строчки как на репетиции. Дальше говорили другие, и Светка туже забуксовала. Потом зал дружно хлопал, и в шеренге каждый поднял прямую ладонь ко лбу - «Всегда готов!»

Ваня виновато посмотрел на Валентину Владимировну. «Ничего, - сказала она, - переволновался...»

После уроков теперь Валентина Владимировна читала книжку про Павлика Морозова. Такой он был честный, настоящий пионер. Когда его убили вместе с братиком на болоте, где они клюкву собирали, Майка вытирала слезы, пока они выстраивались в шеренгу, чтобы идти на вешалку.

- Ты чего хнычешь?.. - грубовато спросил Ваня, стоящий сзади.

- Так ведь убили такого мальчика свои же родственники, как ты не понимаешь...

- Так ведь он их без хлеба оставил, - заметил Ваня.

Валентина Владимировна, расставляющая детей, услышала и подошла к Ване.

- Вот ты какой, оказывается, кулаков-богатеев защищаешь, а еще пионер!..

Ваня смутился, забормотал, что он кулаков не защищает. На следующий день его пригласили на большой перемене в пионерскую комнату. Пионервожатая Валентина Петровна, которая, хотя и тетя, но всегда носила пионерский галстук до пупа, отличалась строгостью. Она никогда не улыбалась, и все ее боялись, потому что она всегда делала замечания жестким тонким голосом. В комнате был и Яник, что совсем убило Ваню.

- Так, значит, ты считаешь, что Павлика Морозова правильно убили?.. - Валентина Петровна даже задрожала от возмущения.

Ваня так вовсе не считал. По правде, ему было все равно. Чем-то Павлик Морозов ему не нравился, но чем именно, он не мог сказать, так как не привык анализировать книжных героев. Нравится, так нравится, нет, так нет. Но ясно. Что убивать Павлика Морозова не надо было. Надо было дать хорошую порку, и ладно.

Он стоял перед Валентиной Петровной, излучавшей негодование, и не знал, что сказать.

- Ну, отвечай, - потребовала пионервожатая.

- Я думаю, что Павлика зря убили, - пролепетал Ваня.

- А как ты считаешь, он правильно поступил, указав, где хранится зерно? - настаивала Валентина Петровна.

Ваня молчал и думал, что теперь его выгонят из пионеров и уж мать ему задаст.

- Я не знаю, - прошептал он.

- Что-о!.. - голос Валентины Петровны достиг предельной высоты, - да ты понимаешь, что говоришь?!.

Ваня почувствовал, что дело совсем плохо, но тут Валентину Петровну из дверей позвали в учительскую.

Она устремила пронизывающий взгляд на понурившегося Ваню.

- Иди, и если что-нибудь подобное еще случится, не быть тебе пионером!..

Она зацокала каблучками к двери, а к Ване подошел Яник, все время стоявший неподалеку.

- Мы больше не друзья, - услышал Ваня.

Он растерянно взглянул на Яника. Тот прямо и решительно смотрел ему в глаза. Ваня бросился из пионерской комнаты. Значит, и Жора не друг, и другие тоже, ведь они сначала между собой друзья, а уж потом его, Ванины, старшие друзья. Наверное, и Котька, младший Жорин брат, не захочет с ним теперь водиться. А ведь он был у них на новогодней елке. Он зашел тогда к Котьке, а мать его и Жоры сказала, что завтра у них будет елка. Ваня спросил, можно ли и ему придти, и тетя Наташа сказала улыбаясь: «Конечно, приходи, скажи только своей маме, что к нам пошел».Котька был очень-очень доволен, хотя знал, что у Вани елку устраивать не будут. Все было так хорошо. Одна лишь промашка вышла. Все приготовили какой-нибудь стишок, который надо было произнести, стоя у елки. Но Ваня ничего не выучил, так как не знал об этом условии, а кроме «Мой папа воззванье за мир подписал» ничего не держалось в голове. Его простили и, как всем, вручили новогодний пакет с пряниками и конфетами. Так все хорошо было. Он думал, что всегда будет дружить с Котькой и Жорой, потому что они никогда не бывают злыми. А теперь Яник им расскажет, что Ваня защищал кулаков, убивших Павлика Морозова. Ване страшно оттого, что ему приписывают то, о чем он вовсе не думает, и ничего нельзя доказать.

Из школы он шел подавленный, а тут еще рыжий Кувай пристал ни с того ни с сего. Они сцепились, упали, покатились, стараясь ударить друг друга. Потом вскочили, и Кувай вдруг заорал истерически на всю улицу, поливая Ваню матом. Физиономия его налилась кровью и вместе с густыми веснушками стала совсем медной. Он походил на припадочного и ревел, как бык. Ваня испугался. Он пятился, отбрыкиваясь ногами от наступающего в исступлении Кувая, и размазывал кровь под носом. Какой-то проходящий дядька обхватил Кувая и приказал Ване уходить. Кувай дергался в сильных руках и кричал, что убьет эту падлу. Ваня подобрал свой портфель и ушел.

Драки в городке были делом обычным. Если просто работали кулаками, то это и не представлялось существенным. Только когда в дело шли булыжники, колья от забора или другой подручный материал, тогда прохожие кричали, свистели, звали милицию. На пасху выдался такой чудный день. Вовсю светило солнце, и можно было ходить по улице без пальтишка. Мать испекла куличи, сделала пасху, форму для которой вырезал из досок дядя Леша, покрасила луковой шелухой яйца. Светлое воскресение Христово отмечали везде, несмотря на официальную пропаганду против церковных праздников. Но отмечали означает только одно - пили водку. Сияющим весенним днем по улице ходили пьяные компании с песнями, какой-то мужик в праздничном костюме, матерясь и спотыкаясь, целенаправленно шел куда-то с ножом в руке. На пустырном углу, через который сквозь грязь тянулась дорожка, Ваня отскочил в лужу, потому что мимо спешил всклокоченный детина с кирпичом в руке. Позднее Ваня взахлеб рассказывал ребятам во дворе свои впечатления от прогулки по городку. Они сводились к эпизодам типа «мужика с кирпичом».

Дома дядя Леша тоже отметил праздник, закусил пасхой и теперь покуривал, размышляя, куда бы податься. С матерью скучно, она почти не пьет, поговорить не с кем. Ваня сообщает, что весь город пьяный. Дядя Леша глубокомысленно резюмирует: «Что ж, великий праздник!..»

- А у вашего брата всегда праздник, лишь бы морду залить, - замечает мать.

- Ты хоть бы новенькое что-то придумала, а то повторяешь все одно и то же, как попугай...

Дядя Леша натягивает праздничный пиджак и уходит искать общение.

Ваня размышляет о том, что дядя Леша, пожалуй, прав. Мать действительно уже много лет использует одни и те же слова, а могла бы ругаться на ту же тему, но другими словами. Вот... сегодня тетя Катя вытаскивала своего мужика из лужи и орала: «Только бы в жопу нализаться!» А мать так не умеет, хотя слово жопа у нее самое обычное. Сестренкам все время грозит по жопе дать. Как-то при тете Нине сказала мать слово жопа, так тетя Нина даже закашлялась, как будто ей не в то горло что-то попало.

- Как можно, при детях?!. Это же вульгарно!..

- А-а, эти дети и не то слышат, - мать махнула рукой. И она, конечно, права. Подумаешь, жопа!

Тетя Нина потом полгода не заходила.

Однажды во время урока в класс тихо вошла заместительница директора и что-то пошептала Валентине Владимировне. Та посмотрела на Ваню.

- Маккавеев, иди с Людмилой Александровной!..

Он шел по пустому коридору за пышной серьезной дамой, которую все уважали за ее ровный мягкий голос, и терялся в догадках, за что это его дернули. Они вошли в кабинет, где сидел какой-то мужчина в очках и внимательно смотрел на Ваню.

- Это твой папа. Вы тут побеседуйте, а я пойду по своим делам...

Ваня был готов к чему угодно, но только не к этому.

- Ну, здравствуй, Ваня!.. - выговорил отец.

- Здрасте, - робко пробормотал сын, глядя под стол.

- Ты меня, конечно, не помнишь, совсем маленький был, когда мы с твоей матерью расстались...

- Не помню...

- Так уж случилось, война была... ну, да ладно, подрастешь, сам все поймешь... Как ты сейчас поживаешь? Расскажи!..

- Хорошо поживаю, чего рассказывать-то... Все обычно... как у всех...

- Учишься ты, как будто неплохо, хотя мог бы лучше... что-то мешает тебе?..

- Ничего мне не мешает...

- Книжки читаешь?..

- Читаю...

- Тебе неприятно говорить со мной?..

- Не знаю...

- А как отчим к тебе относится?..

- Никак... он сам по себе, а я сам по себе...

- Ты его называешь папой?

- Нет... никогда не называл...

- А как они с мамой живут?..

- По-разному...

- Пьет отчим?..

- Попивает...

Потом отец рассказал, что у него тоже другая семья, есть дочь, работает он бухгалтером, живет под Ленинградом. Все в общем-то хорошо, вот только хотелось бы иногда видеть Ваню, знать, как ему живется, может быть, как-то помочь.

Зазвонил звонок на перемену, в коридоре раздался привычный многоголосый гвалт и беготня. Потом снова зазвонил звонок и все стихло, а они все сидели друг против друга. Отец пытался растопить отчуждение сына, но это ему не удалось.

- Я, наверное, утомил тебя?..

- Немного есть...

- Ну, хорошо... я надеюсь, ты не будешь против, если через какое-то время я снова попытаюсь встретиться с тобой?..

- Не знаю...

В коридоре Ваня с облегчением вздохнул. И что ему вздумалось приехать?! Живем столько лет, не зная друг друга, ну, и пусть будет так, как есть. Нет у него отца, ну и черт с ним. Мало ли таких!.. Конечно, было бы лучше, если бы этот его отец был с ними с самого начала. Ваня вспоминал его прямой, внимательный взгляд и тихий голос. Он, наверное, и водку-то не пьет.

Какая-то двойственность ощущений охватила Ваню. Зачем он приехал, думай тут теперь всякое лишнее.

~ 22 ~

Надежда! - может быть, под бременем годов,
Под снегом опыта и зимнего сомненья,
Таятся семена погибнувших цветов
И, может быть, еще свершится прозябенье!
(М.Ю. Лермонтов)

Надежда. Сколько таинственной силы таит это чувство, рождающееся порой из ничего. Оно наполняет духовной энергией, когда требуется ее расход, и сберегает эту энергию, когда необходимо ее сохранение. В творческих порывах надежда усиливает вдохновение, вместе с ним позволяя ощутить будущее совершенство, добиться признания. В минуты отчаяния надежда ослабляет напряжение, влекущее разрушение. Может быть, случится то, что изменит существующее положение, ставшее невозможным.

Страх смерти породил надежду на бессмертие души. Для многих она стала реальностью, хотя нет тому убедительных подтверждений. Все, что выдается за такие подтверждения, сомнительно, поскольку основывается на привычных представлениях **этого** мира, а не какого-то иного. Но, быть может, **наш** мир имеет некое идеальное отражение в сверхпространственном, сверхвременном бытии?!. Или сам является отражением этого бытия?!. Некоторые философы не сомневаются в действительности такого бытия, до которого они почти добираются силой своей мысли. Русский философ Н.О. Лосский создал учение, названное им «идеал-реализм», являющееся ветвью, может быть наиболее жизненной, целого древа учений, именуемых интуитивизмом. Согласно этому учению, именно сверхпространственные, сверхвременные отношения являются первичными, а **наш** привычный мир всего лишь их отражение, а не наоборот, как считали многие философы.

Разумеется, нам трудно себе представить: что такое вне времени, вне пространства, так как все наше существование связано с временем и пространством. Все, что мы воспринимаем, находится во времени и пространстве. Но все ли?.. Любое общее понятие не является ни временным, ни пространственным. Взять хотя бы понятие «человек». Оно - одно, если мы мыслим его именно как понятие, абстракцию. Но абстрактный человек не существует в пространстве и времени. Он существует лишь в сознании людей, как сочетание признаков, которыми наделен каждый человек. Однако мы мыслим обычно конкретностями, и человек у нас должен быть определенной персоной. В действительности любая персона относится прежде всего к понятию человек, а уж затем конкретизирована по бесчисленному множеству признаков. Как заметил великий философ Гегель: « Сама материя есть абстракция, которая как таковая не может быть воспринята нами. Можно поэтому сказать, что не существует вообще материи, ибо она существует всегда как нечто определенное, конкретное». Отсюда и формулировка Ленина: «Материя - это объективная реальность, данная нам в ощущениях» является ложной. Кроме того, что нет материи как таковой, в ощущениях нам дается субъективная реальность, в которой лишь присутствует в той или иной мере объективная реальность, которая к тому же шире материальных воплощений, называемых Ильичом материей. Другими словами, материя как таковая существует вне пространства и времени, в которых она проявляется в различных отношениях.

Математика являет нам громадное количество соотношений, находящихся над пространством и временем, хотя и проявляющихся и в том и в другом. Как показал Лосский, даже просто любое число не существует само по себе, а непременно в чем-либо выражено. Например, число 5 может означать и 5 яблок, и 5 ударов колокола, и 5 пальцев на руке. Число 5 в данном случае представляет численное отношение, идею, которая проявляется в материальном мире, т.е. времени и пространстве, но не существует в этом мире в «голом виде». По существу, вся наука занимается установлением отношений в пространстве и времени, которые, однако, существуют вне этих категорий. Следовательно, наука исследует лишь то, что отражается в пространстве и времени, а то, что не отражается, для нее закрыто. Никто не знает, что находится за запертой дверью. Однако по стечению некоторых обстоятельств можно об этом догадываться. Можно питать надежду, что со временем миру откроются истины, которые с неизбежностью изменят его к лучшему. Ведь не зря существует понятие о царстве божьем, о котором поведали миру великие провидцы, питавшие самые высокие надежды.

Царствие божие и сверхвременное, сверхпространственное бытие не означают ли одно и то же, мыслимое с несколько разных позиций. А если так, то и бессмертная душа, покинув тело, не улетает к звездам, а устремляется в сверхвременное, сверхпространственное измерение, которое, собственно, ничем не меряется. Недаром исстари говорят: «душа отправилась в иной мир» или «отдал Богу душу». Кто бы мог сказать, откуда пошли эти выражения?.. Ведь должна была иметься какая-то основа для них. Глубокие философские и религиозные идеи сходятся где-то в тумане бесконечного, влекомые надеждами людей, потративших всю свою жизнь в поисках истины.

Но не только высокие умы с обостренной интеллектуальной интуицией улавливают бытие за пределами чувственного мира, для которого человек создан. Разные народы, никогда не контактировавшие, сложили мифы, поражающие сходством логических построений, несмотря на различия конкретных сюжетных линий и наименований. Клод Леви-Стросс, открывший это явление у аборигенов Южной Америки, пришел к выводу об однотипности мышления у разных народов и об одинаковом устройстве их языков, отражающих мышление в общении. Отсюда, как он полагал, происходит сходство и в мифотворчестве. Однако само мифотворчество, как «небывальщина», порождается еще чем-то, скорее всего, той самой интуицией, которая подводила великие умы к сверхвременному, сверхпространственному бытию. Ведь с точки зрения слишком здравомыслящих людей, это бытие - тоже миф. Теперь, правда, установлено, что любые мифы имеют какую-то реально земную компоненту. В таком случае и миф о сверхземном бытии этой компоненты не лишен, что и естественно, поскольку он рожден на основе реально земного. Но в нем воплощены надежды человеческого разума на приобщение к Высшему разуму еще в земной жизни.

* * *

Сминает души лагерный смрад. Сквозь минуты забвения бесконечно текут часы томительной черноты. Уже нет взрывов отчаяния. Липкие дни, долго цепляясь за настоящее, проваливаются наконец в яму прошлого. Неистребимый внутренний плач шевелится в черепной коробке, и горячие слезы падают прямо на сердце. Размягченное, оно вдруг раскрывается навстречу чужому с великим состраданием.

В столовой, где происходят разные мероприятия, состоялся показательный суд по условно-досрочному освобождению. Какого-то незнакомого парня, сидевшего за попытку изнасилования уже 3,5 года, начальство представило на суд. Парень заикался от волнения, говорил, что осознал свою вину, что он намерен жить честным трудом и никогда больше не даст повода для привлечения его к ответственности. Толстый майор - начальник отряда сказал, что парень этот хорошо работал все время заключения, не имел ни одного взыскания, и он вполне может за него поручиться.

Судья пошептался с народными заседателями и объявил, что парень условно досрочно освобождается. Притихший зал разразился рукоплесканиями. У Ивана выступили слезы. До чего же хорошо, что исстрадавшийся человек уходит на свободу. Еще несколько человек были освобождены, и каждый приговор, произнесенный будничным голосом судьи, звучал как дивная песнь.

Голова у Ивана словно раскалилась. На улице он снял даже шапку. Да ведь и в самом деле тепло. С крыш текут ручьи. Воробьи орут, как ошалелые. Им наплевать, что тут зона. Зэки расходятся из столовой, каждый по-своему переживая факт освобождения таких же как они горемык. Когда-то и до них дойдет очередь. Да дойдет ли?..

Свято место пусто не бывает. Вместо нескольких освобожденных из Крестов прибыли несколько «воронков» пополнения. А уже на следующий день новые лица появляются в зоне ширпотреба. В столярку приходит крепкий, подвижный молодой человек по специальности столяр-краснодеревщик. Хотя впереди у него 6 лет, он чувствует себя превосходно и, весело напевая, принимается циклевать столы с дубовой фанеровкой. Столами заставлен весь цех. Почтовое управление платит за них большие деньги, и Роман Яковлевич следит, чтобы работа была чистой. Иван уже погасил свой иск благодаря этим столам и теперь посылает большую часть денег матери, указывая, что половину надо передать бабушке.

Иван ни с кем не кентовался, но как-то у него оказался новый напарник - Вася, с широкой, как стол. Грудной клеткой, который к тому же занял освободившееся рядом с Иваном место. Несмотря на свои габариты, Вася страдал легкими и был в общем слабоват, почему и перевели его в ширпотреб из строительной бригады.

- Хрен редьки не слаще, - сказал Вася, когда Роман определил его, этакого бугая, пилить с Иваном доски.

Как-то вечером они переговаривались, лежа на своих койках.

- А не попить ли чайку?!. - приподнялся Вася.

Он сходил за горячей водой, начал копаться в тумбочке, извлекая свертки, видно передачу недавно получил.

- Чего лежишь-то... давай, - вскинулся Вася вверх, нарезая ломтики сала.

Иван слез с койки. Теперь они стали кентами, т.е. питались совместно и решали, что и сколько купить в магазине на 7 рублей каждому. Кентовались они недолго. Когда Иван получил передачу, то на следующий день не пошел в столовую есть силос, а открыл банку рыбных консервов и половину ее съел, оставив вторую половину Васе. Однако Вася расценил такой поступок как каприз: дескать, чего это силос не есть, чем он хуже супа из камбалы. Иван сказал, что если есть возможность не пользовать дерьмо, то надо так и делать и нечего ждать какой-то черный день, когда все они черные.

Передачу доели, но после этого Иван с удивлением заметил Васю в другом углу кубрика с кружкой в руках. Ничего не говоря, Вася сменил кента, хотя они по-прежнему пилили доски и нередко угощали друг друга махрой.

Среди серой будничности с как будто придавленной душой случаются встречи, которые долго потом переживаются, словно пережевываются сознанием.

В сушилке Иван беседует с Георгием. Они недавно познакомились, и Иван в восторге от этого щуплого, нервно подвижного паренька, то и дело кутающегося в грязный шарф и читающего на досуге Гегеля.

- Философия, милый друг, это единственное, ради чего стоит жить, ты постигаешь мир силой мысли и лучше всего это делать в тюрьме, где ничто не отвлекает...

Вдохновенный Георгий красив. У него блестят глаза на слегка вытянутом лице, сбираются и разбегаются морщины на высоком лбу. Иван не решается нарушить его порыв дурацким вопросом, не специально ли изучать философию он сюда прибыл. Но он и в самом деле как будто все знает, о чем ни спросишь. Такого собеседника нельзя обидеть. Иван сообщает Георгию, что заказал матери привезти Маркса-Энгельса.

- Ну, - слегка задумывается Георгий, - раннего Маркса читать интересно. Это когда он был гегельянцем. А потом он защитил докторскую диссертацию, ее тоже можно почитать, о различиях философии Демокрита и Эпикура она, ну а потом он занялся политикой, экономикой, дров наломал, Гегеля предал, словом, скурвился, ведь жид он...

- Да ну, - изумился Иван.

- Увы, друг мой, но теория-то его об общественной собственности, вообще говоря, неплоха, только ее нигде не применили...

- Ну, как же наш «ротный» на каждом политзанятии долдонит, что у нас марксизм-ленинизм процветает, - пытается поспорить Иван.

- Ленинизм, а не марксизм, друг мой, мимо марксизма мы промахнулись, точнее, Владимир Ильич указал своим пальчиком не в ту сторону...

- И что же, никто этого не понял?..

- Некоторые поняли, да только хлюпики были, интеллигенты, а Владимир Ильич по трупикам готов был шагать и глотку хорошо драл, агитируя головорезов. Ты думаешь народ какие-то революции делает. Это потом придумают, а когда нужно действовать, головорезов приглашают. Их ведь везде много... Плати только...

В сушилку вваливаются посетители, и Георгий кивает.

- Потом договорим, а то, - он стучит костяшками пальцев по доске и мотает на шею шарф.

Иван сожалеет, что плохо знает историю и философию, и решает заняться этими предметами. Ведь есть же люди, его сверстники, которые начитались книг, но выводы делают свои и какие толковые выводы, не зря Георгий утверждает, что вся история написана между строк, а в самом тексте сплошное вранье. Одни врут направо, другие - налево. Хорошо еще, когда врут красиво, с завитками. Сложат кучу дерьма, а на торт с розами похоже.

Воскресенья на зоне всегда ждут с нетерпением. Не надо подниматься на работу, на обед может быть что-нибудь вкусное, картофельное пюре, например, или гороховая жижа, похожая на «детскую неожиданность». Вечером по воскресеньям кино, перед которым, как полагается, киножурнал. У киномеханика есть свой киножурнал, который он составил из вырезанных кусочков, получаемых напрокат. Публика обожает этот журнал. В нем сплошные «сеансы». Женщины в легких одеждах, а то и в купальниках на пляже, балерины в пачках, пикантные позы девиц, от которых у иных сидящих в зале текут сопли и сперма. Все сожалеют, что журнал короткий, и кто-то кричит киномеханику, чтобы повторил после кина.

Фильмы бывают разные, иногда весьма впечатляющие. Иван долго вспоминал фильм «Лесная песня» по Лесе Украинке, а потом его просто поразил фильм «Люди и звери». Всякие комедии и идеологические истории он считал дешевкой. Смеяться ему не хотелось, а всякие коммунистические деятели ему были глубоко мерзостны. Он вспоминал. Что даже в детстве в фильмах ему нравились белогвардейцы, а не красноармейцы. Теперь-то он знал в чем дело. Как бы ни старались режиссеры изобразить белогвардейцев злыднями, они вынуждены были показывать благородных, образованных людей. И форма обращения «Ваше благородие» была совершенно естественна. Красноармейцы тут явно проигрывали, а особенно разные там комиссары. Это различие и уловил Иван еще в давние годы, и оно определило его симпатии в пользу более возвышенного. Теперь он, конечно, знал, что швали везде хватает.

В положенное время в воскресенье приехали на свидание мать с бабушкой. Они привезли скрипку, завернутую в тряпочку вместе со смычком, и целую стопку книг.

- Ой, еле дотащились, - сетовала мать после объятий, - Лыткин притащил для тебя целую вязанку книг, да я еще Маркса купила, как просил, - целый кирпич!.. И скрипку пришлось купить, старую-то украли из сарая...

- Как там дед, - спрашивает Иван у бабушки, - я тут ему подарок приготовил, это у нас один парень делает на досуге...

Иван вытаскивает из кармана длинный красивый мундштук для сигарет, сделанный Пашкой специально для деда, который провожал Ивана в тюрьму и называл дежурного мусора «этот господин». Пашка даже ничего не взял за мундштук, сказав: «Хороший у тебя дед, пусть курит».

Дед, оказывается, плох, худо ходит, намедни насыпал в чай вместо сахара соль и уставился в недоумении на бабушку. Но говорит, что не помрет, пока внука не увидит.

- Так что ты тут не шкодничай, пораньше выпустят, - бабушка прижимает угол платка ко рту.

Иван хотел попросить денег на всякий случай, а теперь неудобно, но бабушка сама спрашивает, нужны ли деньги. Они у нее уже в носовом платке, который она потихоньку вкладывает в руку Ивана.

- Мы твои переводы-то получаем, да и не надо бы, что, жить не на что?!.

- А мне-то здесь все равно только семь рублей можно оприходовать в месяц, остальное лежит мертвым грузом...

Иван передает матери письмо для Армяна, который не так давно ему написал. Хоть и не особый друг Армян, а все-таки по лесам немало вместе побродили.

- Только ты не пиши, что отдала письмо, а то цензор усечет, что передавал что-то через волю, и мне влепят взыскание...

- Ладно, ладно, - отзывается мать и вспоминает, что сестра Таня хотела бы повидаться, да вот... пустят ли ее?

- Ну, в личном деле она не значится, но, наверное, пустят, девчонка подозрений не вызовет...

Опять они прощаются у вахты. Опять бабушка оглядывается и спотыкается на ровном месте. Иван идет получать передачу, а также книги и скрипку. Как они дотащили все это?! Хотя гложет тоска, как всегда после свидания, он рассматривает книги. Лыткин предоставил ему хорошую возможность самообразовываться. Тут и книга об Эйнштейне, книги о свете, об искусстве и даже том стихов Блока. Потом он берется за скрипку, ощущая какой-то страх перед ней.

Он устанавливает подставку, натягивает и канифолит смычок, осторожно подтягивает струны. Наконец решается провести по струнам смычком. Несколько бездельников наблюдают за его действиями, стоя вокруг, и ему не хочется обескуражить их. Но скрипка безжалостно визжит, словно кошка, которой наступили на хвост. Вторая попытка звучит немного лучше, но недалеко приподнимается рябой Николай и говорит, что от такой музыки радуется лишь глухонемой. Действительно, немой лежит, опершись на спину кровати, смотрит на Ивана и улыбается.

- Ну-ка, дай мне, - взрывается татарин Ахмет.

Он берет скрипку, подтягивает струны и, взмахнув смычком, начинает пилить сразу на всех струнах, чуть двигая пальцами. Раздается дикая какофония, в которой, однако, проступает какая-то мелодия восточного типа.

- Ахметка, да тебе бы в тиятр!.. - кричит рябой Николай, а немой совсем сомлел от радости.

- Не умею настраивать, пойду к Сладкову, - решает Иван, - он спец на мандолине, а мандолина как скрипка настраивается...

Он идет в другой барак. Сладков быстро настраивает ему скрипку, и Иван отправляется к большому Ивану. Тот, как обычно, выводит рулады на трубе, сидя в музыкальной каптерке. Завидев Ивана со скрипкой, он воодушевляется, но быстро разочаровывается. Хотя у Ивана что-то стало получаться, это далеко не то, что можно слушать.

- Ничего, сроку у тебя еще много, научишься, - замечает большой Иван, - тут главное - терпение... Ты приходи сюда, я тебе может быть помогу как-то, надо ведь по нотам, а что так... на слух...

Иван испросил разрешение у школьного администратора заниматься на скрипке в школе, когда нет занятий. Школьный шнырь открывает ему один из классов. Так приятно оказаться одному!.. Некоторое время Иван. Не двигаясь, сидит и смотрит сквозь стены. Потом берет в руки скрипку. С каждым разом звук получается ровнее, и он пытается подбирать мелодии или пилит что-то свое, как получается.

Когда по радио слышится скрипка, Иван внимательно вслушивается в звучание, стараясь представить себе технику исполнителя. Но как же далеко ему хотя бы до одной сотой того, что он слышит. Его охватывает отчаяние от собственной немощи при том огромном желании, которое им владеет уже несколько лет. Как жаль, что в детстве он принимался учиться то на одном инструменте, то на другом. В результате все оказалось заброшенным, так как было не тем, что нужно. Когда же прояснилось, что есть то, не было уже настойчивого желания учиться. Надо было заниматься уличными делами, последствия которых он теперь и вкушает.

* * *

Ваня достиг того возраста, когда любознательные мальчишки уясняют себе, что делают мужчина и женщина в их тайном общении. Познание в данном случае не составляло проблемы. Мальчишки постарше охотно рассказывали всевозможные сальные истории, по большей части выдуманные. Широко использовался иллюстративный жанр. На стенах домов, на заборах, в школьном туалете красовались корявые рисунки половых органов, врозь и в слиянии. Последнее получалось обычно плохо. Стенные живописцы не обладали достаточным мастерством. Однако, как символы, годилось и плохое исполнение. Для ясности часто делали разъяснительные подписи. Слова эти, конечно. Все знали. Они звучали с утра до вечера на улице, на стройках, в цехах, во многих домах. Если в очереди в магазине кто-то требовал не ругаться матом, на него оборачивалась вся очередь. Интересно ведь. Как выглядит человек, который не признает великий русский язык. У детей признаком хорошего тона в общении между собой было использование ругательств. Отношения превосходства кого-то над кем-то складывались прежде всего путем «посылания». В этой тактике мало что изменилось с тех пор, и поэтому можно быть уверенным в том, что любой русский человек, так же как и просто называющий себя русским, знает, куда обычно посылают во всем разнообразии словесной и смысловой фактуры.

Ване почему-то страшно было ругаться матом, да и товарищи его этого явно избегали. Это на Мурманской улице мальчишки матерились почем зря, собираясь в темных подъездах своих двухэтажных деревянных домов с вонючим лестничным туалетом, пролетным со второго этажа до обширной ямы под домом сзади. Эти ямы чистили зимой черпаками ассенизаторы или, как их называли в народе, «золотари». «Золото» загружали в большие ящики на санях. Усталые лошади тащили сани с благоухающими, увешанными сосульками ящиками, из которых сочились струйки жидкого дерьма. На облучках сидели пожилые мужики, равнодушно глядящие на мальчишек, которые бежали сбоку и кричали: «Говночисты!.. Говночисты!..» «Золото вывозили на поля за город и там оно шуршало бесчисленными бумажками, пока поля не распахивали. Потом оно удобряло картошку или капусту. Его частицы снова поступали в желудок граждан, и в концентрированном виде «золото»» вновь оказывалось на полях. Часть, однако, выходила из этого круговорота и оказывалась в речке Воняловке, где заканчивались трубы канализации домов с водопроводом.

Не потому ли в деревянных домах по улице Мурманской росли мальчишки, для которых мат был естественной частью их незамысловатой речи?.. Они следовали судьбе своих отцов, большее или меньшее число лет проведших в лагерях. Но, кроме того, они постоянно вдыхали не-

вероятное зловоние, окружавшее их жилище. Наверное, они перестали его замечать. Ване было интересно, пахнет ли у них в комнатах, но из его приятелей в этих домах никто не жил.

Многое в тошнотворной атмосфере заштатного городка Ваня воспринимал со страхом и неприязнью, ощущая какое-то клубящееся зло, неприметное глазу. Но секс, как запретный плод, привлекал его своей таинственностью. К тому же Пират вырос в здоровенного пса и, когда Ваня гулял с ним, он непременно заскакивал на любую самую задрипанную сучку и, не обращая внимания на негодующего Ваню, делал свое дело. Как-то Ваня пытался стащить его за ошейник, но пес оскалил зубы и злобно зарычал. Потом он «склеился» с этой сучкой, и они стояли зад в зад, виновато глядя по сторонам. Ваня плюнул на свою собаку и ушел. А ведь умный пес и верный. Как-то незнакомый большой мальчишка хотел побить Ваню за то, что он не так посмотрел на этого оболтуса. Уже не раз ему приходилось получать в ухо оттого, что смотрит на других мальчишек как-то по-особенному. «Чего пялишься?!.», «Чего вылупился?!.», а потом - тресть, так что шапка отлетит, видит, что сильнее. А смотрит Ваня, как обычно смотрит, и почему они думают, что он имеет что-то против них. Да нет ему до них никакого дела, просто посмотрел.

И на этот раз незнакомец уже взял Ваню за грудки: «Давно рыло не чистили?» Тут-то и появился Пират. Он мгновенно понял, что к чему, и, злобно рыча, оскалил на обидчика хозяина зубы. «Ну ты чего!.. Нельзя!», - мальчишка отшатнулся от Вани, который не преминул заметить, что сейчас он скажет «можно» и Пират спустит ему штаны. «Да ладно уж, я пошутил», - голос у мальчишки стал совсем другой, и он заторопился своим путем.

- Молодец! Так и надо всяких гадов! - Ваня потеребил могучий загривок Пирата, который поднял морду и посмотрел зелеными глазами в Ванины глаза, издав какой-то утробный звук, дескать, понял. Но тут он завидел вдали какого-то кабыздоха и помчался к нему. «Не дай бог, сучка, - подумал Ваня, - далось ему это сучье племя!..»

В конце зимы, когда снег уже мокрый и грязный, по окраинам городка бегают большие стаи собак. Идет собачья свадьба. За любой самой занюханной сучкой поспевают штук 20-30 разномастных кобелей. Дерутся они редко. Не до того. У всех на уме одно и то же. Может быть через некоторое время «дама» задержится и отогнет в сторону хвост, вытянув нос по ветру. Тут уж надо не теряться. Если произошло склещение, стая располагается вокруг, это довольно надолго, можно и полежать.

Ваня гуляет во время занятий по Обитаю и изумляется количеству собак. Он знает, что в стаю лучше не попадать, но как-то свора выкатывается из-за угла забора и семенит мимо. Внезапно он ощущает на ноге, как раз над валенком, собачьи зубы. Однако Ваня наготове. Зубы только приложились, а он уже отпрыгнул и врезал другой ногой такой удачный крюк снизу, что пес взвизгнул и перевернулся. Хорошо еще, что ублюдок какой-то, а не «телок» по пояс, безучастно проследовавший рядом.

Ваня следит за стаей издалека: скоро ли будет дело, так и будут бегать без толку?!. Но вот... около сельского продуктового магазина стая притормозилась и «телку» досталась честь, которую он с блеском оправдал. Склещение произошло у самой двери магазина, и выходящие бабы весело обсуждали собачий случай, пока одна из них не схватила пустой ящик и не запустила им в беспомощных собак. Ящик, видимо, больно пришелся по заду кобелю. Он завизжал и дернулся так, что вырвал свой елдак, огромный и ярко-красный. Бабы замерли на месте и тут же заверещали: вот бы мне такой, а то что... не то не се!.. Псина принялся лизать свой орган, сев на хвост и растопырив ноги. Бабы не уходили, явно наслаждаясь видением. «Вона, малому тоже интересно!» Ваня зашел от бабьих глаз за угол магазина. Он даже сам себе не признавался, что ему интересно, а тут кто-то со стороны его обличает. Хорошо еще, его тут никто не знает.

Раньше случалось, что ночью он просыпался от каких-то звуков. Голая мама обегала стол, а за ней голый поспешал дядя Леша. Ваня не успевал подумать, чего это они гольем скачут, как снова засыпал. Теперь он понимал, что за скрип доносится с их кровати. Иногда он даже прислушивался: начали или нет еще. По утрам они тоже скрипели. Потом дядя Леша вставал. Из кальсон у него свисал поникший орган. Мама сердито говорила из постели: «Закрой скворечник!», а Ваня начинал думать, при чем тут скворечник?..

У него обнаружился вкус к умозрительным обобщениям. Так всегда бывает, когда точных сведений не хватает, но то, что известно, хочется соединить в систему знания. На помойке за глыбами фундамента недостроенного дома Ваня просвещал своих дружков, развивая новейшую теорию на тему откуда берутся дети. У кого-то из дружков появился не то братик, не то сестричка, а

откуда неясно. Ваня объяснил, что когда мужчина вставляет женщине свой орган, то красненькая головка, называемая залупой, выскакивает и остается в женщине. На место утраченной залупы сразу же вставляется одно яйцо из мошонки. В животе у женщины залупа превращается в ребеночка, который растет там, а потом вылезает.

Слушатели отнеслись к докладу Вани критически.

-Так ведь два яйца всего, а вон у Сеньки шесть детей!..

Ваня не смутился. Он заявил. Что яйца сами делаются. Вон курица сколько яиц нанесет. Оппонентам крыть было нечем.

В довершение дискуссии Ваня выразил убеждение, что мужчина должен иметь две женщины: с одной спать, другую любить.

- А как это - любить одну, а спать с другой. Мой папа говорит, что любит маму, а спит с ней, - сказал Сережа.

Ваня не нашел, что ответить. Он вспомнил, что Сережин папа и в самом деле всегда очень нежно ведет свою жену под руку. Он - зубной врач, играет на пианино, не пьет, не курит, не матерится, собирает старинные монеты и птичьи яйца. Это словно человек из другого мира. Но в своем убеждении Ваня был тверд.

- Не знаю, почему так, но так!..

- Болтун!.. - сказал Сережа, презрительно глядя на Ваню.

- Ты можешь не верить, но зачем же ты обзываешь меня! - вскипел Ваня и, недолго думая, заехал Сереже в ухо.

Сережа был интеллигентным мальчиком и ему не пристало драться с каким-то охломоном. Он всхлипнул и пошел прочь. Остальные тоже подались в сторону дома. Ваня ощутил угрызения совести и пытался доказать самому себе: а чего он сам-то?!.

Мать сообразила, что сынок подрос и со «скворечниками» надо поаккуратнее. Спустя некоторое время после того как погашен свет в комнате, она нередко тихонько проходила мимо Ваниной кушетки: спит или нет?

Как-то он просто лежал и что-то воображал себе. Мать прошла рядом, и Ваня внезапно ощутил могучий пинок в оттопыренный зад. «Прикидывается тут, что спит!..» - услышал он злобный шепот матери. Он сунул голову под подушку, чтобы не издать звука. Горячие слезы жгли веки. За что?.. Да пусть они там сгорят синим огнем в постели, ему-то что.

Проходят незримо годы и в пепельной мгле ушедшего растворяются обиды, исчезает многое, причинившее боль, но неожиданный плотный пинок матери длится и длится.

~ 23 ~

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!
(А.С. Пушкин)

Когда истомится дух в будничной суете, значит требуется ему смена окружения. Значит нужно собрать необходимое и отправиться в край далекий, дикий, где дремлют первозданные элементы бытия. Угрюмые скалы какого-нибудь фьорда хранят память о минувших тысячелетиях. Много они накопили и неохотно отдают. Тяжела их энергия, но целительна. Укроют они от свирепого ветра, а в какой-либо расщелине покажут дивный цветок. И возрадуется сердце. Иной мир откроется ему. Морщины камня уже не покажутся гнетом времени, ведь они родили улыбку.

Прорвется сквозь серую облачную рвань луч солнца, и кажется, что это высшие силы, Верховный Разум дают поддержку. Засветятся лишайники на камнях, блеснут какие-то крохотные зерна в самом камне, вскрикнет пичуга на выступе. Все, живое и неживое, посылает истомленному духу свой привет. Невидимые токи пронизывают его, токи ауры камня.

Не всякое место принимает гостя с любовью. Нужно почувствовать, есть ли прилив бодрости и беспричинной радости в данном месте. Или, наоборот, оно отталкивает, предупреждая, что здесь не те вибрации невидимых токов, что гармоничны с вашими вибрациями. Одни скалы вызовут настороженность, тревогу. Не стоит испытывать дух на них. На других, может быть соседних,

скалах придет ощущение легкости. Здесь вас принимают, вы свой, вам обеспечена поддержка и непременно найдется уступ для ноги и зацепка для руки. Вы испытаете легкость на подъеме, словно какая-то сила увлекает тело все выше, ослабив земное тяготение.

Когда будет достигнут предел, найдется и удобный спуск, но прежде стоит оглянуться. Если и не удастся заметить что-то необычное зримое, то все равно перспектива вольется в душу сладостным фимиамом. То - один из ваших лучей бытия. Он прикоснулся к вам, счищая струпья, нажитые где-то. Вечерний свет озарит их шрамы. Пусть будет в памяти, как эти морщины на камне тысячелетий, по которым нет-нет да и текут слезы.

Разное думается, когда за последним уступом открывается вершина. Если не успел дух возвыситься, то приходит мысль о жестокой пустоте. Нужно осмотреться и придет медленное наполнение. Пустоты нет. Есть космическое величие, перед которым бледнеют все дела там, внизу. Призрачные дали вливаются в душу как возможные пути. Много их, зовущих, мерцающих в мареве неопределенности. Льется космическая голубизна, и струи ее смешиваются в теле с токами камня.

Ядром великих сил должно ощутить себя и тогда можно возвращаться в привычный мир, храня дар Высшего Разума. Но не просто этот дар нести. Заметит его какое-нибудь низкопробие и непременно постарается как-то подгадить. Это еще М.Ю. Лермонтов подметил. Самодовольные старцы у него, прожившие замурзанную жизнь-штамп, поучают:

«Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден!
Как презирают все его!»

Не стоит сетовать на них. Пусть презрение каждого с ним и остается. Если же оно прилипает к вам, ступайте снова в первобытные кущи и проникайте в их нутро. Там отвалится грязь, которой вас забросали. Мудрым человеком сказано: собаки лают, а караван идет.

* * *

После бесконечной зимы весна на зоне воспринимается с болезненной остротой. Солнце равно светит праведникам и ворам. Каждый день отмечается что-то новое в природе. Под стенкой барака зазеленел одуванчик. По грязи на футбольном поле забегали скворцы. Почки деревьев набухли и вдруг лопнули. На следующий день деревья погрузились в зеленоватую дымку. По сияющей голубизне ползут огненно белые облачка с сиреневым низом. Из земли лезут тоненькие зеленые струйки, быстро превращающиеся в травы.

После работы Иван бродит по окраинам зоны, куда почти никто не ходит. Он наслаждается тем, что разглядывает маленькие чудеса земли: появившиеся травы, каких-то букашек, лишайники на коре деревьев. Солдат с автоматом на вышке силится понять, что он там ищет. Лишь бы в запретку не полез!..

Иван, разумеется, не забывает про запретку. Теперь-то как никогда хочется бежать, но совершенно ясно, что через запретку и забор это невозможно. А с той стороны ведь еще «друзья человека» бегают специально натасканные на ватники и серые хэбэ. Ладно, пусть себе этот там, на вышке своей бестолковкой крутит. Он ведь тоже натаскан на то же, что и «друзья человека».

Из Крестов прибыл новый этап. В сортире рядом с Иваном присаживается словоохотливый шустрый новичок, сразу выделяющийся новым ватником.

- Давно сидишь?..
- Да год уже...
- А я вот еще только 5 месяцев...
- А всего-то много?..
- Червонец...
- О, что-то тяжелое...
- Убийство...
- Кого замочил-то?..
- Да ребенка с женой укокошили...

- За что же это вы его?..

- А у нас уже был один, зачем нам второй?.. Как ни старались избавиться, ничего не получалось, цепкий был. Ну, а родился, тут я его кирпичом по головке и приговорил, чего ему мучиться-то?.. Да застукали соседи. Мне червонец, а жене - восемь.

- Хорошо отделались!..

- Да, повезло, могли и 15 сунуть!..

Хорошо сидеть в сортире, когда в задницу не вдувает колючий снег и дерьмо еще не начало бродить и киснуть, издавая невероятную вонь, но рядом с таким сидеть неохота.

Через несколько дней ЧП. Должны были показывать кино, как обычно в выходной, но когда народ собрался, на сцену вышел надзиратель и объявил, что кина не будет, потому что дорогу не подмели. Можно расходиться по баракам. В столовой поднялся недовольный шум.

Надзиратель, слывущий самодуром, отчеканил, что кто не покинет зал в течение двух минут будет записан и пусть пеняет на себя.

- Дружинники, засеките время, - крикнул он в направлении двери.

Ползала встало и ушло. Иван ощутил подсос. Осталось все же мало и в основном тяжеловесы. Им нечего бояться постановления, все равно сидеть до звонка. Он помедлил и, заметив, что кто-то неподалеку направился к двери, поднялся тоже. Он знал, что никто его не осудит, но все же ощущал себя предающим общий интерес. В дверях, однако, дорогу перекрыли. Иван поднял голову. Знакомый убийца своего новорожденного ребенка уже нацепил красную повязку и наводил порядок.

- Вышло время, надо было раньше думать, как фамилия?..

Глаза у него голубые и такие чистые, как у агнца.

- Да ладно, ухожу ведь, - сказал Иван.

- Фамилия?.. - повторили голубые глаза.

- Петров...

Рукав убрался с дороги, приблизившись к блокнотику. Иван прошел сквозь строй других «повязочников», в душе презирая их как последних подонков. Убийца своего ребенка - блюститель порядка. Какая гнусь! Собственные грехи кажутся чепухой по сравнению с деяниями других. От этого, правда, не легче. Нет, лучше не думать обо всем этом, только каша в голове получается. Что-то нужно делать, и тогда мозг отвлекается от грязной канители.

С наступлением тепла Иван уходит после работы на стадион заниматься на скрипке, читать и никого не видеть, сидя спиной к дороге на шаткой скамье. Сосняк срубили еще зимой. На его месте строят новый барак.

Занятия музыкой оказывают благотворное действие. Совершенно неважно, что исполнение Ивана нельзя назвать музыкой. Сам он подмечает малейшие успехи и, когда удается подобрать кусочек знакомой мелодии, он весьма доволен. Вот скоро ему пришлют из «Книги - почтой» школу игры на скрипке, о которой ему уже сообщили. Тогда он возьмется за дело всерьез, будет учиться по нотам.

Попиликав, Иван открывает толстый том Маркса-Энгельса «Из ранних произведений» и пытается вникать в каждую строчку. Георгий одобрил эту книгу, сказав, что **это** можно читать. Правда, читается туго, очень уж особый язык и содержание не связывается ни с чем житейским. Прочитав несколько страниц, Иван откладывает классиков. Ничего не осталось в памяти. Он начинает сначала. Это как мерзостное лекарство. Не лезет, но надо проглотить. Наконец, он решает, что на сегодня хватит и берет Бальзака, «Блеск и нищета куртизанок».

Он придумывает себе новое занятие - писать воспоминания и размышления. Быстро убеждается, что мысли вяжутся с трудом. Ручка надолго повисает в воздухе. Написанное совсем не отражает то, что проносится в его воспаленном сознании.

В школе недавно писали сочинение о литературных героях. Иван пустился в рассуждения о тщедушии человека. Учительница потом зачитывала некоторые его фразы, пожимая плечами и спрашивая, что он хотел сказать. Ивану было неприятно, что она цитирует его фразы, да еще с наигранным недоумением.

- Ну, что такое, например «почти человеческие отношения»? - она вскидывала брови и оглядывала класс.

Все молчали, и только вездесущий Финкельштейн весело ответил из угла:

- Так ведь мы здесь - волки!..

- Ну, не вечно же вы здесь будете!..

- Тогда и разговор будет другой!.. - заглянул в будущее Финкельштейн, - бытие определяет сознание, кажется так говорили корифеи.

Тогда Иван и решил, что будет писать для себя свои соображения и не поверять их кому-то.

Как-то во время обеденного перерыва Иван зашел в кубрик. Был необыкновенно теплый, солнечный день, и в кубрике никого не было. Пахло свежевымытым полом. В распахнутые окна вливался напоенный распускающейся листвой воздух. Внезапно Иван ощутил прилив сладостной истомы. Казалось, хлынул поток света, согревая воспаленные нервы. Участилось дыхание, и неведомые волны пробегали по всему телу. Иван застыл посреди кубрика, не дойдя до своей койки. Ему казалось, что весь мир вливается в него, и он становится невесомым. За минуту или немного больше он пережил верх блаженства, и, будь он Фаустом, то непременно крикнул бы: «Мгновенье, остановись!» Откуда-то со стороны вполз шорох. Это в кубрик вошел шнырь и сел на свою койку у двери. В голове у него здорово сквозит, а на лице вечная блаженная улыбка. Теперь она направлена к Ивану.

- Чисто...

- Да, да, ты молодец, хорошо помыл...

Может быть, он тоже испытывает необыкновенное ощущение, только что пережитое Иваном, только постоянно. За что же он сидит?.. На бирке - статья 102. Убийство! Это шнырь-то?!.

- Кого шлепнул-то, Николай?..

- Жену задушил, - отвечает блаженный шнырь, не теряя вечной улыбки.

* * *

Временами на Ваню находит желание приготовить уроки и на вопрос Валентины Владимировны встать и дать ясный ответ громким голосом, как это делает Лиля Блумберг. Стоит ему, однако, что-то выучить, и он усиленно тянет руку, желая ответить, учительница лишь бегло глянет на него и вызовет кого-то другого. Хочется быть хорошим, но нет никакой возможности. Как-то распекла Валентина Владимировна Желнова, который ничего не знал и стоял, пилькая глазами. Получив двойку, он успокоенно сел. Ваня поднял руку, и когда Валентина Владимировна спросила, что он хочет, он встал и сказал:

- А Желнов вчера вечером по улице слонялся!..

- Конечно, некогда было уроки готовить, - произнесла учительница и уткнулась в классный журнал.

Ваня торжествующе взглянул на Желнова. Тот беззвучно сделал губами: «Ябеда». У Вани испортилось настроение. Он подумал, что и в самом деле, зачем он это сделал?.. Тем более, что он и сам слонялся по улице, почему и знает про Желнова. Правда, он приготовил уроки и, хотя не блестяще, ответил на вопрос. Не умеет он как Лиля говорить. Нет, никак ему не стать хорошим. Ну и ладно. Он делает катыш из бумаги и, улучив момент, бросает его в голову Таракана. Однако, у Валентины Владимировны как будто на затылке глаза. Она тут же отворачивается от доски, на которой пишет мелом, и командует:

- Маккавеев, к печке!..

Печка стоит в переднем углу и является местом позорного стояния перед классом. Ваня провел тут уже немало времени и никакого позора не испытывает. Он разглядывает от печки Таракана. Этот маленький плотный мальчик отличается удивительной тупостью и пахнет от него всегда чем-то особым. Потом только становится ясно, что от Таракана пахнет дымом, потому что он живет в деревне около городка, в доме с чадящей печкой.

Звенит звонок на большую перемену.

- Будешь стоять всю перемену, - говорит учительница, выходя из класса.

Большая часть детей посыпалась из класса в коридор. Кое-кто слоняется между рядов парт. Таракан сидит на месте и откусывает кусок хлеба, который тут же сует под парту, словно опасаясь, что кто-то его отберет. Ваня кричит ему от печки, чтоб не подавился. Потом в порыве восторга он бросается за печку и падает. Нижняя широкая часть печки приближена к стене и Ваня застревает в узком проеме. Он дергается и тут видит, что на дверную ручку полуоткрытой двери легла рука

Валентины Владимировны. Учительница медленно входит и, сложив руки на животе, наблюдает, как взъерошенный Ваня вылезает из-за печки.

- Тебя что, мыши туда затащили, - спрашивает она холодно и, помедлив, объявляет: «Вон из класса, без матери не приходи!»

- Я больше не буду, - ноет Ваня.

С добрую минуту учительница пронзительно смотрит на лоботряса.

- Ну, ладно, последний раз я тебе поверю, а потом все припомню...

Ваня опять старается быть хорошим. Тетя Нина, которая теперь иногда заходит к ним, обещала купить ему толстую книжку, если он закончит учебный год без троек. Мать сказала, что он только и занят, что книжками, да шлянием по улице, а уроки делает только, когда ремень берешь. Тетя Нина рассудила, что из-под ремня знаний не будет, а книжки читать полезно.

Потом мать ворчала, что ей легко говорить, своих-то детей нет. Дядя Леша, однако, был на стороне своей сестры:

- Если бы у нее были дети, они получили бы хорошее воспитание без ремня...

Дядя Леша держал на коленях Томку, а Танька висла на нем сзади.

Мать поджала губы. Она хотела что-то сказать, но промолчала. Дядя Леша всегда говорил о тете Нине только хорошее. Она была известна в городке как хороший врач-терапевт. Даже бабушка бывала у нее на приеме и отзывалась о ней очень хорошо:

- Не то, что ее братец-пропойца!..

Бабушку Ваня навещал редко, и она всегда укоряла его за это.

- Напечешь калиток, а его нет!.. - даже возмущалась она.

Ваня сожалел, что пропустил калитки, которые он так любил, особенно, когда они прямо из духовки. Он открывал дверку печки и смотрел, как горят дрова.

- Маленький ты тоже, бывало, все в огонь смотрел, - говорит бабушка, накладывая в тарелку что-нибудь такое, что она давно приберегала для внука.

Иногда Ваня приходил с каким-нибудь приятелем, и бабушка потчевала обоих. Но перед уходом внука она звала его из кухни в комнату и, давая кулек с конфетами, шептала: «Съешь сам!..» Однажды бабушка рассердилась, сказав, что она видела, как Ваня делил конфеты с Вовкой Шувалом за сараем близ дома. Бабушка сказала, что у нее нет денег, чтобы кормить конфетами всех его приятелей. Но Ваня возмутился, заявив, что за сараями они остановились посикать, и так он и было, а Шувалу он дал всего пару конфет. Ему было неприятно, что бабушка шпионила за ним, но что происходило за сараями, она видеть не могла, так как прежде чем посикать, они, конечно, осмотрелись.

В классе вывесили красивую фотогазету ко дню Советской Армии. В углу фотогазеты были указаны исполнители. На первом месте, конечно, Лиля Блумберг. Ваня был уязвлен тем, что его не пригласили делать фотогазету, тем более, что у него имелись подходящие картинки. Спросив у бабушки кусок обоев, он сделал свою фотогазету и повесил ее в углу кухни. Надписи получились не столь красивые, как у Лили, но Ваня был доволен тем, что он один все это сделал, а в классе над фотогазетой трудилось человек пять. Жаль только, что его детище мало кто может видеть. Шувал оценил Ванину фотогазету очень высоко и даже приходил в Ванин класс, чтобы сравнить ее с классной фотогазетой. Он согласился с самокритикой Вани, что на классной фотогазете лучше написано и бумага там белая, но зато на Ваниной более интересные картинки. Бабушка с гордостью показывала фотогазету заходившим к ней старухам и тете Тоне, которая навещала ее по старой памяти.

Внезапно все словно обезумели. Умер Сталин. В школе заплаканная Валентина Владимировна сказала, что сегодня они учиться не будут. Как обычно, класс построился на вешалку. Навзрыд плакала Майка, словно опять убили Павлика Морозова. У Лили Блумберг были красные глаза. Только Таракан улыбался.

- Ты чего, Таракан не плачешь? - спросил Ваня.

- А я что, я ничего, - отвечал Таракан, - а сам-то, небось, тоже не плачешь...

В очереди на вешалке стояли впритык. Высокая Томка Дубкова уперлась в Ванин зад острым лобком. «Глиста костлявая, - думал Ваня, - у нее даже оттуда кость торчит...»

Вместо дома он отправился к бабушке. У бани он заметил зубного врача по фамилии Берлин, который жил в их подъезде на четвертом этаже. Берлин стоял с каким-то мужиком в шляпе и о чем-то радостно говорил, сверкая золотыми зубами. «Не плачут, даже радуются», - заключил

Ваня. Он осматривал всех прохожих, стараясь определить их отношение к происшедшему. Попадались зареванные лица, кто-то прикладывал на ходу платочек к глазам, но в основном встречались безучастные лица. Вспомнив глаза Лили Блумберг, Ваня хотел тоже поплакать, но не получилось. Бабушка с изумлением открыла дверь:

- Ты что это так рано?.. Поди, сбежал?..

- Бабушка, Сталин помер!..

Бабушка помолчала, пожевала ртом и уже в сенях сказала:

- И хер-то с ним, прости меня, Господи, грешную...

Ваня весьма удивился такому отношению бабушки.

- А все плачут!..

- Не сидел у них никто, вот и плачут, а у моей сестры Капы муж Василий ни за что ни про что десять лет отваландал. Ну, ладно, расскажи что-нибудь хорошее... Я пока картошечки с колбасой поджарю...

Она достает откуда-то с полки сверточек с колбасой, и скоро кухня наполняется запахом жареного лука.

Ване, однако, не дает покоя смерть Сталина.

- Бабушка, а говорят, он войну выиграл?!.

Бабушка шурует ножом в шипящей сковородке и молчит. Потом говорит:

- Мы люди темные, нам что скажут, мы тому и верим... А я думаю, что такие как твой отец войну выиграли...

Ваня все-таки не верит бабушке и решает спросить у Жоры, который, в отличие от Яника, продолжает с ним дружить. Правда, видятся они редко. Жора почти взрослый, и у него постоянно тренировки. Он собирается выступать в юношеской олимпиаде области.

~ 24 ~

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней;
Тому уж нет очарований,
Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
(А.С. Пушкин)

Вся прошлая жизнь вспоминается как набор запечатленных картин. Словно пачка фотографий или коробка слайдов хранятся они где-то в подсознании. Но время от времени что-то выскакивает в память само собой, по ассоциации с чем-то переживаемым. Другое всплывает при воспоминаниях. Оно может быть приятным или отвратительным, многие годы согревающим или гнетущим, как геморрой. Целые годы уходят в прошлое сплошным серым комом обыденщины. Их словно и не было, они не оставили ни малейшего следа. Потом вдруг происходит что-то необычное, и врубается память. Пройдут многие годы, а оно сидит в каком-то тайнике, и при малейшем намеке оно является в столь ярком виде, как будто произошло вчера. Чем больше таких скрытых картин, тем богаче было прошлое.

Наверное, каждому человеку дано определенное насыщение памяти независимо от того, сколь богата событиями была его жизнь. Ведь и самые незначительные моменты могут по странности бытия запечатлеться столь же глубоко, как и драматические события, имеющие значение вех жизни. Что уж говорить о жизни, насыщенной сильными впечатлениями, за которыми многие люди стремятся за моря синеющие, за горы, мерцающие в мареве. Одни проживут серенькую жизнь в довольстве семейным очагом и растительным существованием. Их память хранит анкетные данные, события, в основном, без эмоциональной окраски. Другие заполнят свою жизнь такой массой впечатлений, врезанных в память, что временами им тягостно от этого груза, даже когда он связан только с положительными эмоциями.

Когда насыщение впечатлениями не достигает уровня, данного человеку Провидением, то он и в глубокой старости не хочет умирать. Это нежелание связано именно с тем, что он еще не

дожил до насыщения души, хотя годы ушли. Наоборот, человек может быть молод, но уже достиг и перешел предел своей душевной насыщаемости. Смерть ему не страшна, хотя и необязательно желанна. Всегда можно сделать что-то еще, хотя бы и в повторе. И всегда будет что-то новое, даже на тропе, пройденной тысячу раз. И все же наступают моменты, когда груз воспоминаний давит словно непосильный мешок с мукой на плечах. Мешок с мукой, однако, легко сбросить, а груз воспоминаний прилип намертво. Если человек всю жизнь путешествовал, накопил огромное количество впечатлений, которые, казалось бы, должны согревать его старость, то вместо согрева он нередко имеет ощущение камня на шее. Человек, отдавший жизнь науке, может вдруг обнаружить, что все постигнутое им ничтожно, и храм науки вовсе не храм, а постоялый двор, где собрались разного рода проезжие, да задержались из-за непогоды. Потом разные борзописцы истолковывают, почему известный ученый решил, не дожидаясь срока, погрузиться в прохладные воды Реки Забвения.

Когда груз позитивных воспоминаний оказывает болезненное давление, то стоит ли говорить, что испытывает человек под гнетом негативных. Терзания его могут быть безмерными. Раскаяние длится бесконечно, но, в лучшем случае, приводит к отупению.

Согласно легенде, Растиньяк явился умирающему в одиночестве Бальзаку.

- Зачем ты сделал меня таким?.. - был его вопрос.

* * *

Поэтические настроения продолжают посещать Ивана, особенно после чтения поэзии. Както общался с Вадимом, и тот продиктовал ему стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы». Иван то и дело доставал лист со стихотворением и перечитывал его, пока не выучил. Потом он воспроизводил в памяти звучные, словно маршевые строфы.

Мимо ристалищ, капищ.
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо шумных базаров,
Мира и горя мимо,
Мимо Мекки и Рима,
Синим солнцем палимы,
Бредут по земле пилигримы.

На вопрос - кто такой Бродский - Вадим ответил, что какой-то поэтишко из нынешних. Иван удивился, что существуют нынешние поэты, да еще и пишущие такие могучие стихи. Иначе он не мог назвать «Пилигримы» с их громадной обобщающей силой и музыкальностью.

Так значит не будет прока
От веры в себя и в Бога,
так значит остались только
Иллюзии и дорога.
Быть на земле закатам,
Быть на земле рассветам,
Удобрить ее солдатам,
Одобрить ее поэтам.

Через несколько лет Иван узнает, кто такой Бродский, и оценит его поэзию очень высоко. Но пока это было единственное и уже достаточное произведение позднее ошельмованного поэта, покинувшего страну, а потом признанного великим.

Иван не претендует на звание поэта, но нередко ощущает потребность писать стихи. Ему кажется, что он способен сочинить, если уж не первоклассное стихотворение, то, по крайней мере, нечто примечательное. Он находит, что стихи сочиняются даже с легкостью, если настроиться на определенный лад, а именно, на отражение своего состояния. Но читать эти стихи кому-либо не хочется.

Через дали дальние
Я вперед гляжу
И себя, печального,
Там не нахожу.

Видно, дали мрачные
Мне уж не пройти.
Встанет смерть прозрачная
На моем пути.

Встанет неотступная
На моей дороге,
Плоть моя преступная
Там протянет ноги.

Но я не жалею
Участи своей.
Много еще будет
На земле людей.

Вдаль несется мой утлый челнок
По течению жизни бурливой.
От насмешек судьбы шаловливой
Я измучился весь, изнемог.

Нет уж сил направлять путь движенья,
Словно дряхлый старик я сижу,
Безучастно куда-то гляжу,
Не тревожим душевым волненьем.

Мыслей нет в голове опустелой.
На душе сыро, серо и мрачно.
Я, как будто росток невзрачный
Среди шумных стихий оголтелых.

Кормчий нужен мне с твердой рукою,
Чтоб направить движения путь,
И чтоб жизни единственной суть
Я увидел как цель пред собою.

Кто ж им будет? Быть может ты?
Образ давнишний, милый,
В душу вольешь снова силы
Увядшей, былой красоты.

Нет. Ты ушла от меня навсегда.
И вперед одиноко мне мчаться,
И в страданьях уныло качаться
Отведенные мне года.

Но немного осталось уж мне
Тех мучений, что снес я немало,
На пути скоро встретятся скалы

В заката багровом огне.

И судьба своей властной рукою,
Рассчитаться решив со мной,
Одичалой, безумной волной
О скалу меня шарахнет головою.

Длинной вереницей
Пронесутся дни,
Жизнь тоской наполнив,
Улетят они.

Но всегда на сердце
Будет словно камень
Горечь горше перца
Жгучей боли пламень.

После очередного свидания Иван вспоминает спотыкающуюся на выходе бабку и решает написать ей письмо в стихах. Довольно долго он думает, как это сделать, чтобы бабке было легко читать и понимать, ведь она малообразованная. Наконец, после долгих примерок он быстро сочиняет письмо и с волнением ждет реакции бабушки.

Дождик моросит ли,
Ветер завывает,
Бабушка-старушка
Внука вспоминает.

Ветер за окошком
Стонет, завывает,
Бабушка платочком
Слезы утирает.

Ну, а внук далеко
Срок свой отбывает
И в тоске глубокой
Бабку вспоминает.

Вспоминает домик
Старенький осевший,
Словно серый старый гриб
Перезревший.

А за домом огород
И березка стройная,
Словно девушка, что ждет
Парня беспокойного.

Иногда к березке
Ветер прилетает,
Шепчет ей о чем-то,
Нежно обнимает.

Робкая березка
Ветками качает
И на ласки ветра
Нет, не отвечает.

Шелестит тревожно
В трепетном волненьи,
Гнется осторожно,
Будто с опасеньем.

Шелестит листвою
Ветру озорному
«Передай привет
Парню молодому.

Тому, что мальчишкой
Бегал подо мною
С кораблями, с книжками
Озорной порою.

Полюбил природу:
Лес, поля, болота.
Наслажденьем стала
Для него охота.

Но глупа же молодежь,
Ну, до сожалений,
Совершил парнишка
Массу преступлений.

Поздно спохватился
С ужасом глядя,
Как выносит приговор
Для него судья.

Сжалось сердце больно,
Звон в ушах стоит,
И слеза невольно
По щеке бежит.

Улетай же, ветер,
Улетай скорее,
Ведь на целом свете
Нет тебя сильнее».

Ветер улетает
Озорной, могучий,
По пути гоняет
Облака и тучи.

Шелестит листвою,
Травы нагинает,
Мчится над водою,
Волны погоняет.

В жалкую обитель
Ветер прилетает,
Где народ-строитель

Срок свой отбывает.

Все они несчастные
И хоть солнце светит
Мгла стоит ненастная
В душах мрачных этих.

Все хотят на волю,
Мнится всем свобода,
Что смягчает их долю
Волею народа.

О березки слове
Ветер вспоминает,
Парню горемыке
Щеки он ласкает.

Ну, а тому слышится
Будто на заре
Шелестит березка
В предрассветной мгле.

И качает, робкая,
Тонкими ветвями
Вместе с задремавшими
Стайкой воробьями.

Сон это ли, явь ли?
Черт его поймет.
Только вот бабуся
За водой идет.

Бряцает ведрами,
Ей ведь нелегко.
Скоро ль внук вернется?
Где ж он? Далеко.

Слушает внук песню
О родимом крае,
Ту, что прилетевший
Ветер напевает.

И всплывают грезы
Посреди ночей,
И туманят слезы
Блеск его очей.

Видит он березку
Через даль всю эту,
В кухне видит деда,
Держит тот газету.

Все как будто вымерло,
В доме тишина.
Прислонясь, бабуся

Смотрит из окна.

Хлопнула калитка,
Почтальон идет
И в руках от внука
Письмецо несет.

Долго будет бабушка
То письмо читать,
На лицо ей ляжет
Горькая печать.

Но не надо плакать,
Посмотри-ка вдаль,
Скоро внук вернется,
Прогони печаль.

Весело березка
Будет шелестеть,
И петух погромче
Будет песню петь.

Молодые воробьи
На чужого поглядят
И с опаской чиркнув
Поскорее улетят.

Но ничто не сгладит
Уж твои морщины,
И не потемнеют
В волосах седины.

Грустно и обидно,
Бабушка, до слез,
Счастье ведь не видно,
Что тебе я нес.

Знаю, уж простила
Ты меня давно,
И устала слушать
Ветра вой в окно.

Только мне не легче
И смотрю я в даль,
А из глаз струится
Тихая печаль.

Я домой вернуся,
Постучусь я в дверь.
Милая бабуся,
Ты уж мне поверь.

Бабушка оценила послание внука. Она сшила тетрадные листки и долгое время читала их каждый день. Иван хотел написать подобное письмо и матери, но не получилось. Что-то сидело

внутри такое, не позволявшее найти слова. Иван решил сделать для матери резную шкатулку. С наступлением тепла многие занимались резьбой по дереву. Для этого затачивали треугольником стальную полоску и отыскивали в обрезках досок осину, которая легко режется. Резак, естественно, прятали от надзора. Поэтому резали обычно на улице, поглядывая по сторонам. Занятие это весьма увлекательное, время течет незаметно. Иногда Иван даже пропускал занятия в школе, стараясь сделать шкатулку с резными цветами к очередному свиданию.

Наступили последние школьные дни, и пышная англичанка, от приближения которой у многих учеников дергались внутренности, а у некоторых и наружности, не аттестовала Ивана, оставив его на осень. Она предложила однорукому Виктору, который всегда ходил к ней поговорить по-английски, помочь Ивану с языком. Виктор работал в хозобслуге и постоянно видел из окна барака Ивана на стадионной скамейке. Они договорились, что он ему задаст читать, как они будут общаться.

В ширпотребе появилась новая женщина-кладовщица, весьма привлекательного экстерьера. Она спокойно разгуливала по ширпотребу, виляя задом в юбке в обтяжку. Сотни глаз пожирали ее и бежали искать потаенный угол, чтобы сонанировать «по свежатинке». Ивану она тоже нравилась. Как-то он стоял у безлюдного заднего хода в столярку и кладовщица проходила мимо. Она, конечно, отметила ощупывающий взгляд Ивана и, поравнявшись с ним, нежно протянула: «Ну, что-о? Пойдем, поможешь мне пару ящиков переставить...» Иван пошел за ней в маленькую кладовку, переставил несколько ящиков с гвоздями из одного угла в другой и ждал, что будет дальше. Она, видимо, тоже ждала что-то, но Иван не знал, что именно.

- Ну, ладно, спасибо, - сказала она холодно, когда нерабочая пауза затянулась.

С новым напарником Осипом Иван сидел в сушилке, когда ворвался бугор. Увидев Осипа, бугор захохотал и, давясь, сказал, что новой кладовщице он сообщил, будто бы у Осипа член как у Петра I - 12 спичек.

- Будь готов!.. - прокричал бугор, исчезая.

И точно, скоро появилась кладовщица и поманила Осипа: надо мешок перетащить. Иван закрутил новую цыгарку. Можно не спешить. Вот только он маху дал. Но Осип появился через минуту.

- Ты чего так быстро?..

- А что ты думаешь, я рисковать буду, откуда я знаю, что у нее на уме!..

- Обижаете бедную женщину, - сказал сухорукий Юра, работая в печке кочергой, - она к вам со всей готовностью, а вы на попятный...

- Да не было готовности-то, - заметил Иван.

- Так что она, вам штаны должна снять?!.

Кладовщица работала здесь недолго, но постепенно выяснилось, что были ребята поразворотливее, чем в столярке. Даже однорукий вахтер ширпотреба, оказывается, не терялся. То-то Иван примечал кладовщицу несколько раз в окошко вахты. Теперь она работала в бухгалтерии. Барак с бухгалтерией и прочей канцелярией самый дальний. Обычно женщины, работающие в этом бараке, собирались на главной вахте и гуртом шли через зону. Гуртом они ходили и в сортир, у задней стенки которого частенько дежурил розовощекий весельчак, прибывший с дальняка еще с Мишей Шматовым. Он получал спецпитание, хотя морда у него трещала по швам.

-Я их всех перебрал, - хвастливо заявлял он в умывальнике, сияя как надраенный самовар. В стенке служебного сортира он проделал дырочки и, упершись взглядом в голую задницу прекрасного пола, тут же онанировал, не обращая внимания на выделения. Солдат на вышке, должно быть, посмеивался, а может быть тоже присоединялся, дабы время скорее шло.

Как отражал чаяния простых советских людей Иосиф Бродский в одной из своих поэм: «Между прочим все мы дрочим». Но о педерастах на зоне сведений не было, скорее всего потому, что зона эта, по определению Миши Шматова, представляла собой «пионерский лагерь». Здесь не было воров в законе, не играли в карты, не мародерствовали, даже драки бывали очень редко и завершались без увечий. Водку, правда, пили регулярно, курили план и кое-кто ширялся, чаще всего гутой - перегнанными желудочными каплями. Совсем недавно Иван был одним из подпевал Сеньки с протезной ногой. На концерте художественной самодеятельности они пели «Чайку». А вскоре Сенька сгинул - укололся грязным шприцем и получил заражение крови. Иван вспоминал, с каким пафосом Сенька пел: «В распутный мир дорога всем открыта, она манит нас тысячью огней». Он переступал единственной ногой, совершая какой-то странный танец вокруг протеза и орлиным

взглядом окидывая слушателей. Сенька всю жизнь был карманником (щипачом) и сидел уже не первый раз. Ширялся тоже много лет и говорил, что не может жить без этого, хотя вены давно провалились. По вечерам можно было его встретить в озабоченности, перебрасывающего протезную ногу из одного барака в другой. Он ходил по многочисленным кентам, искал ширево. У тех, кто работал на стройках в городе, были связи с вольняшками, которые поставляли желудочные капли, благо это труда не составляло. В любой аптеке эти капли можно было купить в любом количестве, и никому из аптекарей не приходило в голову, на что они используются. Тюрьма и в фармакологии знала свой толк, десятилетиями накапливая опыт, который никогда не пропадал, случайно или со знанием дела возникнув, а, наоборот, развивался. Отчаявшиеся люди ставили иногда на себе чудовищные эксперименты. Широкеши, например, при отсутствии снадобья, в состоянии абстиненции гнали в вены воду и даже воздух. Им было безразлично: умрут они через пять минут или лет. Будущее для них не существовало.

«А может быть, так и лучше», - думал Иван. Но для того, чтобы достичь состояния полного безразличия к жизни, нужно потратить много лет бессмысленного существования, убить молодость за колючей проволокой. Ведь вместе с молодостью сгинут возвышенные устремления и мечты, если они были. Вот если бы дать Сеньке почитать письмо Генки... любопытно, что Сенька мог сказать о нем. Скорее всего, его хватило бы лишь на несколько строк, больше не полезло бы. Генка по своему складу всегда был мыслитель и его отзывчивость для Ивана теперь особенно уместна. Она помогает отвлечься от мрачных размышлений об окружающем и погрузиться в абстрактные романтические рассуждения.

Здравствуй, Иван!

Как быстро летит время. Кажется совсем недавно я беседовал с тобой относительно твоего поступления в техникум. И вот прошел год. Для одного это был год напряженной душевной борьбы, противоречивых мыслей и чувств, для другого - повседневного однообразного, монотонного труда, отупляющего мозг и ожесточающего душу. И мысленно проанализировав его мы вынуждены прискорбно констатировать результаты далеко не блестящие. Кто виноват - мы; утверждать обратное, значило бы заключить сделку с совестью. Не кажется ли тебе, что не имея твердого плана в жизни, мы покорно плывем по течению. Кто же мы - мы игрушка судьбы. Если этот вывод противоречив с действительностью, я бы хотел знать в чем? И почему? Ну, а если и была у нас какая-то ближайшая цель, то мы оказались просто несостоятельными достигнуть ее из-за своей пассивности, лени и слабости. Да, именно слабости, и не столько физической, как духовной. Слабые же жертва сильных и таинственной и коварной судьбы. Ибо будучи чрезвычайно плохо приспособленными к условиям существования, они не способны добиться чего-либо в жизни. Слабость давит на них тяжелым бременем, заглушая силу рассудка, и заставляет инстинктивно избегать обострений, столкновений, борьбы. Человек же, лишенный способности бороться - живой труп. Ибо только в борьбе он находит истинное удовлетворение и наслаждение, постигает всю прелесть жизни с ее ошеломляющим многообразием, бесконечными противоречиями и парадоксами.

Мы с тобой переживаем возраст, когда организм находится в стадии завершения формирования. Так, пока он еще пластичен и податлив, необходимо выковать из него максимально приближенное к образу, созданному нашим воображением, по крупице собранного из всего виденного, прочитанного, услышанного. Сейчас или никогда. Ибо пройдет немного времени и будет поздно. Человек дитя природы и в объективном порядке живет и развивается в строгом соответствии с вечным неизменным законом ее.

Сейчас мне припомнились слова одного умного человека: «Работа строит орган, а испытания характер». Работа и испытания - вот те краеугольные камни, на которые нам нужно опереться в стремлении к заветной цели.

Слов нет, чтобы выразить то, насколько важно быть всегда хозяином положения, иметь неиссякаемый источник уверенности в себе, ежесекундно сознавая свою силу и способность побеждать.

Человек со слабыми нервами никогда не сможет стать вершителем своей судьбы, ибо не обладая хладнокровием, в критический момент он теряет голову.

«Только опытом дается мудрость, и только хладнокровие делает ум проницательным, а руку твердой», - так гласит народная мудрость. Поэтому необходимо неустанно и повседневно

работать над собой, как можно больше действовать, действовать и действовать, решительно подавляя в себе всякую пассивность, сомнения и неуверенность.

Обстановка, в которой ты живешь, угнетающе действует на твою психику. Но в этом нет ничего удивительного, неестественного, ведь ты находишься не в доме отдыха. И печально то, что нервы твои начинают сдавать. Это говорит о том, что излишне дал неограниченную свободу «истинным» чувствам. (Я имею в виду чувства отрицательного характера). Вполне понятно, что отравление души ядом тоски, мрачных раздумий и меланхолического настроения не могло отразиться разрушающе на твоей нервной системе. А систематическое, чрезмерное утомление мозга постоянным и однообразным предметом мышления привело к патологическому его состоянию, к переутомлению. Что в свою очередь может повлечь за собой неизменные в этих случаях ослабление воли, трезвости рассудка, нарушение душевного равновесия и жизнеспособности всего организма в целом. Такое пренебрежительное отношение к своему здоровью чревато пагубными последствиями.

И хоть о состоянии своего здоровья ты почти ничего не пишешь, все-таки я с определенностью могу сказать, что твое внутреннее , душевное состояние далеко не на высоком уровне. Об этом хотя бы красноречиво свидетельствует такой факт, что именно стихи, исполненные беспредельной тоски и скорби в условиях мрачного бытия, написанные в минуты, когда поэт наиболее остро ощущал и сознавал бесполезность, бессмысленность своего безрадостного существования в мире невежества, бесправия и несправедливости, в тебе вызвали бурную реакцию, ибо ты нашел в них отражение своих мыслей и чувств. Но не нужно забывать, что мы живем в иное время, и, по-моему, ты совершенно напрасно терзаешь себя бессмысленным душевным напряжением и самобичеванием. С этим желательно покончить. Необходимо учиться подавлять в себе то, что мешает жить, и не давать овладевать собой назойливым мыслям и чувствам, стараться как можно чаще переключать внимание на новый предмет мышления. С этой целью я советую тебе, во-первых, заняться каким-нибудь серьезным делом: изучением иностранного языка, интересующей тебя научной литературы; во-вторых - если ты замкнут в себе, то необходимо изменить образ жизни, ибо замкнутость и одиночество являются исключительно благоприятной атмосферой для мучительных раздумий в духе пессимизма и меланхолии, которые, как я уже указывал выше, оказывают чрезвычайно вредное влияние на нервную систему, способствуют возникновению в мозгу застойных очагов возбуждения; в-третьих - тебе необходимо добиться нормального, глубокого сна. Стихи сочинять нужно днем!

Ты ничего не пишешь о состоянии зрения. А я бы очень хотел знать, что ты предпринял или решил предпринять в интересах его сохранения и восстановления.

Моим «умозаключениям», изложенным в предыдущем письме, можешь не придавать серьезного значения, ибо я сам до конца не убежден в их достоверности. Но в отношении логики я с тобой не согласен.

Довольно часто бывает так, что сталкиваясь с новым, неизвестным до сих пор родом деятельности или предметом изучения, у нас, в силу первого впечатления, складывается ложное представление о чрезвычайной сложности и запутанности их. Но стоит нам глубже вникнуть в суть вещей, как многое становится ясным и понятным. И мне кажется, что совсем не обязательно быть философом, чтобы разобраться в «лабиринтах» человеческой логики. Ибо логика, как и всякая другая наука, зиждется на известных и определенных законах, имеющих строгую последовательность и взаимосвязь. Следовательно, чтобы разбираться в логике, необходимо изучить ее законы и научиться применять их в процессе своего мышления.

Пусть не оскорбит тебя назидательный, менторский тон моего письма. Он был продиктован мне чисто благородными побуждениями. Я старался открыто, прямо, искренне изложить то, что имел в мыслях и чувствах.

А сухость отзыва о лермонтовских стихах совсем не объясняет моей неприязни, нелюбви или, хуже того, непонимания творчества великого поэта. Я восхищаюсь и преклоняюсь перед его гением. И поэтому, косвенно касаясь стихов его, я преследовал совсем иную цель, которая мотивировалась причинами чисто субъективного характера. Да и как можно не восхищаться подобными шедеврами сокровищницы русской литературы, поражающими исключительной строгостью и легкостью рифмы, стройностью и звучностью стиха, непринужденно льющегося из самых сокровенных тайников души поэта, ясностью мыслей и глубиной чувств, тем захватывающим вдохновением, с каким они написаны.

Теперь о твоем стихотворении. Скажу коротко: в отношении содержания незаконченность, неопределенность выражений, а форма - неплохая. Впрочем, на абсолютную правдоподобность моего отзыва не претендую, ибо далеко не литературовед или там литературный критик.

У меня пока существенных изменений не произошло.

Правда, состояние кожи рук заметно улучшилось, что в некоторой степени внушает небезосновательную тревогу относительно возможного призыва в армию, хотя за последнее время в военкомат не вызывали, если не считать единственного раза, когда мне предложили поступать в военное училище, на что я, понятно, ответил категорическим отказом.

От Генкиного письма Иван переживал целую гамму чувств от неприязни к психологическим шаблонам, которыми Генка невольно пользуется, до глубокой признательности за «благородные побуждения». Как бы то ни было, своим письмом Генка заставлял бурлить серое вещество, чтобы оно не покрылось сухой коркой вместо коры больших полушарий.

* * *

Еще один учебный год позади. Валентина Владимировна раздает табели с оценками. Ване она говорит, что он мог бы быть отличником, но не хочет. Троек, однако, нет, а значит можно намекнуть тете Нине про обещанную книжку. Правда, ходит она к ним очень уж редко. Ваня напоминает дяде Леше и уже на следующий день дядя Леша выкладывает ему 10 руб. на книжку от тети Нины.

Ваня в шоке. Он не ожидал так много. И как это дядя Леша не пропил эти деньги. Наверное потому, что он побаивается своей сестры и уважает ее. На следующий день Ваня томится у книжного магазина до открытия. Появившийся черный дядька улыбается ему, как знакомому.

- О. У тэбя, наверно, руп появился!..

- Не руп, а десять, - гордо возражает Ваня и показывает бумажку.

- Пра-ашу, молодой чэловэк, - черный распахивает дверь магазина.

После долгого тщательного отбора, подсчетов, Ваня уходит со стопкой тонких книжек. Дома мать изучает покупку и, наконец, взрывается:

- На что такие деньги угробил!..

Она решительно собирает книжки, заворачивает их в газету и уходит. Ваня, подавленный, ждет. Наконец она появляется и подает ему одну толстую книжку.

- А это не видел, что-ли?..

«80 тысяч километров под водой», Жюль Верн.

- Дык, она дороже 10 руб., - недоумевает Ваня.

- Дык, дык, - передразнивает мать, - читай, может поумнеешь!..

Ваня догадывается, что мать добавила из своих денег. Он, однако, не испытывает никакой признательности. Среди тех книжек, что мать отнесла обратно в магазин, были любимые им Мамин-Сибиряк и Короленко, а что такое Жюль Верн, еще надо посмотреть.

Однажды во всех подъездах появилось объявление о грядущем воскреснике во дворе. Приглашались все желающие видеть двор и сад чистыми и красивыми. Уже с самого утра двор заполнился народом с лопатами, граблями, метлами. Вскопали большую круглую клумбу, подстригли кусты, убрали мусор. Всех охватил какой-то благой порыв, какой случается в русском народе, когда брошен клич потрудиться на общее дело. Даже мальчишки подключились и хватались то за одно, то за другое и старались казаться солидными. Спрашивая у управдома, что еще делать. Полдня двор заполняли громкие голоса и шутки. Дядя Леша сажал молоденькие деревца, не переставая балагурить направо и налево. Ваня поддерживал деревца, чтобы стояли ровно. Он ощущал всю важность своего дела, но когда кто-то сказал дяде Леше, глядя на Ваню, что сын у него глазастый какой, девки будут бегать сзади одна за другой, настроение у него испортилось. Во-первых, «глазастый», во-вторых, «сын дяди Леши», а тот и молчит, улыбаясь, как будто так и есть. К счастью, по общей заторможенности решили, что на сегодня хватит, и мужики разошлись по домам, чтобы с чувством исполненного долга выпить «маленькую».

Все посаженные деревца дружно принялись, а клумба все лето радовала взоры пестроцветьем. Если находился какой-нибудь пришлый, позарившийся на цветочки, где-нибудь обяза-

тельно хлопало окно и раздавался негодующий крик на всю округу, отбивавший охоту у любителя дармовых букетов.

Ваня открыл для себя Фенимора Купера и теперь понял, что ему надо быть следопытом. Конечно, для этого нужно жить в лесу и по следам узнавать, что где творится. Пока же он ходит по закоулкам сада, присматривается ко всяким мелочам, на которые раньше не обращал внимания, и сам старается быть незаметным. Иногда он отправляется с приятелями на реку или в лес и старается увидеть что-нибудь особенное, просвещая приятелей. Потыкав палочкой коровью лепешку, он с энтузиазмом объявляет, что вчера здесь была одна корова, должно быть удрала из стада, так как других лепешек нет. Если на безлюдье вдруг на глаза попадает человеческая фигура, мальчишки прячутся и наблюдают за ней. Незнакомых людей надо остерегаться, обычно от них ничего хорошего ожидать нельзя. Вот мужик тащит из лесу вязанку жердей, а за поясом у него топор, похожий на индейский томагавк.

По вечерам на мосту через Воняловку одноглазый пастух дядя Яша в длинном сером балахоне играет на дудке. Он пригнал стадо коров в поселок и теперь зовет своей дудкой хозяек, чтобы встречали своих кормилиц. Мелодия короткая и унылая. Дядя Яша повторяет ее раз за разом, прикрывая единственный глаз. Он дает подержать свою дудку Ване, и тот с каким-то трепетом рассматривает короткую трубочку из ивы с несколькими дырочками, от которой расширяется намотанная из бересты труба. Ему нравится односложная мелодия дяди Яши, от которой веет луговым простором и сочной травой, а еще какой-то тоской, которая всегда видна в коровьих глазах. Им словно надоело быть коровами, а в другое не переделаться.

- Любят коровы музыку? - спрашивает Ваня дядю Яшу.

- Еще как, без нее и жизнь для них не жизнь, разбредутся по кустам и потеряются...

Пастух сует дудку в рот и, забыв про мальчика, начинает свою бесконечную мелодию из нескольких слогов.

Уже несколько раз Ваня с удивлением видел во дворе своего дома проходящую Лилю Блумберг. Она зачем-то ходила к Сашке Сидорову, которого звали просто Сидор. Это был развитый мальчик из смежного класса. Во дворе он появлялся редко. У него была очень красивая мама, которая считала, что сын ее не должен общаться с разной шпаной.

Однажды Ваня и Лиля шли навстречу друг другу.

- Здорово!.. - грубовато приветствовал Ваня одноклассницу, к которой втайне питал некоторые чувства.

- Здравствуй!.. - широко улыбнулась Лиля.

- А что ты у Сидора делаешь?..

- Ничего особенного, обсуждаем прочитанные книги, слушаем музыку... А почему тебя это интересует?..

- Да так, между прочим, - смутился Ваня.

- Ну ладно, раз между прочим, - Лиля сделала ударение на последних словах, по-прежнему улыбаясь.

Она уже пошла дальше, но остановилась и спросила:

- Если хочешь, я спрошу у Саши, можно ли и тебе приходить?..

- Спроси, только я скоро в пионерский лагерь уеду...

- Так ведь вернешься!..

- Хм, наверное!.. - Ваня не привык заглядывать в будущее, поэтому оказался в замешательстве.

Лиля и в самом деле спросила Сидора насчет Ваниных посещений. Вскоре Сидор встретился Ване около дома и предложил идти к нему прямо сейчас.

- Как, без Лили?!. - изумился Ваня.

- А что Лиля, без нее разве нельзя поговорить?..

В комнате Сидора было очень приятно. На стенах висели картины. Стоял большой радиоприемник. Огромное зеркало. Кругом белоснежные скатерти.

Ваня сел в резное кресло, удивляясь, до чего удобно в нем. Сидор доставал книги, показывал Ване иллюстрации и без умолку говорил. Он знал художников и композиторов, обсуждал их творения, чем весьма удивил Ваню, который никогда ничего не обсуждал, а принимал как есть, понравилось так хорошо, не понравилось, так и ладно. Оказывается, художники что-то хотели сказать, а композиторы выражали в музыке какие-то идеи.

Сидор был доволен, что Ваня внимательно его слушает и поддакивает. Он сказал, что Ваня всегда может приходить, пока мама на работе. Ване тоже пришлось по душе их общение. У Сидора был даже свой большой глобус, от которого Ваня обомлел.

На следующий день Ваня стучит в дверь квартиры Сидора. Он спрашивает у него название большой реки в Северной Америке из четырех букв и крупной пустыни из шести букв. Они крутят глобус и в конце концов все находят.

- Сидор, ты плакал, когда Сталин помер?.. - неожиданно спрашивает Ваня.

У Сидора округлились глаза, потом искривились губы.

- Еще чего!.. Такие люди не умирают, а подыхают!..

- А Лиля Блумберг плакала...

- Ей нужно, вот и плакала...

Ваня в недоумении уставился на своего нового приятеля.

- Как это, нужно?.. Почему?..

Сидор смотрит на него испытующе.

- Я бы тебе сказал, да ведь проболтаешься?!.

Ваня краснеет от досады.

- Да как ты мог подумать?!.

Сидор опять молчит, потом решительно подводит Ваню к кадке с фикусом.

- Ешь землю, что не проболтаешься!..

- Много?..

- Что много?..

- Земли есть...

Сидор слегка задумывается, но быстро заключает, что полгорсти хватит. Ваня набирает полгорстки и, зажмурившись, отправляет землю в рот. Он жует невкусную землю, глядя на торжествующего Сидора, которому явно нравится процедура. Потом Ваня приоткрывает рот и пытается спросить. Глотать или можно выплюнуть? Но тут земля попадает в горло и, страшно закашлявшись, Ваня изрыгивает пережеванную землю обратно в кадку. Сидор ведет его в ванную промыть рот.

Приблизив свое лицо к лицу Вани и округлив глаза Сидор вполголоса сообщает Ване:

- Ведь она немка!.. Ты никогда не задумывался, почему у нее такая фамилия?.. В переводе с немецкого это означает голубая гора.

Ваня потрясен. Лиля, и немка!..

- А чего же ты с ней дружишь?..

- Так она хорошая немка, наша!.. Знаешь, ведь были немцы антифашисты, то есть против Гитлера... Ее отец был из таких немцев.

- А где он теперь-то?..

Сидор пожимает плечами.

- Может быть исчез там же, где мой отец... По милости великого кормчего, отца всех народов!... - выкрикивает Сидор и испуганно смотрит на Ваню.

- Ты землю ел!.. - напоминает он.

- Ел, - подтверждает Ваня.

Сидор протягивает ему руку и они обмениваются мужским рукопожатием, глядя друг другу в глаза.

~ 25 ~

Люди, пожалуй, не имеют твердых очертаний: они меняются в зависимости от того, кто их окружает.
(Лион Фейхтвангер)

Часто говорят: жизнь так сложна!.. А живут по давно заведенным стандартам обывательского бытия, в котором и сложности стандартны. Даже в юности мечты не летят далеко, а вертятся около обыденного или какой-нибудь чепухи. Добыть бы денег побольше, купить модную шмотку и пройтись в ней по улице, пусть завидуют. В богатой семье ребенок ковыряет вилкой ананас и киснет от тоски, которую никто не понимает. Нищие дети смотрят на конфетку как на высшую цен-

ность жизни. Случись кому-то из них найти птичье гнездо, сбросят его на землю вместе с беспомощными птенцами. Не возникнет ощущение, что сами они такие же птенцы, и что им до отчаявшихся родителей, кружащих рядом. Многие специалисты утверждают, что все дети родятся с «божьей искрой». Это, дескать, потом она пропадает под влиянием среды, в которой ребенок вынужден существовать. В таком случае «божья искра», вероятно, нередко пропадает, когда ребенок еще не вылез из пеленок. Позднее, когда такой ребенок еще учится ходить, из него сыплются искры, совсем непохожие на божьи, и, скорее всего, он ими был начинен еще в материнской утробе. Ведь мир давно находится под копытом. Кому-то и искра соответствующая достается, высекаемая копытом из земной тверди. Среда раздувает из нее тлеющий огонек со смрадным дымком.

Проходит детство с мечтами что-то заиметь, кого-то надуть, съесть что-нибудь вкусненькое, а то и приобрести то, что плохо лежит и никто не видит. «Да он маленький еще, изменится!» - скажет кто-то.

Проходят бесследные годы. В юности пылают надежды найти спутника жизни, время подошло. На пошлых танцульках, для которых затрачиваются большие усилия, чтобы казаться в наиболее выгодном виде, происходит приглядка. В массе оно виднее, и мысль у всех одна. Вот... кто-то кажется подходящим, и взгляды встретились. Дальше больше, и любовь потекла мутной речкой, колотясь о камни. Вкусили постельного чада, и нависла пустота. Подумали разочарованно. Смирились. Да будет так, раз уж пошло. Стерпится-слюбится. А нет, так алименты и новый поиск. Опять танцульки, надежды, и мечты стали солиднее. Одна молодая женщина мечтала зад отрастить, как у своей сослуживицы. И сидеть удобнее. И бедра покачиваются при ходьбе. Другая, уже не очень молодая, мать двоих детей, вздыхала: «Мужичка бы мне под старость!» Проходит время и желанные зад и мужичок на месте. Полная реализация счастья. Сложнее должно быть мужичкам, которые по молодости в минуты откровения заявляли: вот перестанет машинка работать и застрелюсь тут же, а зачем жить тогда?..

Часто бывает, что блистали в молодости хорошо организованной плотью. Торчали ножки от самого основания, смущая старых импотентов. Поглядывали свысока на «всяких там». Но вот... ушли года («как люди в черном списке»), пропал минувший блеск, обвисли былые достоинства. Ради куска хлеба приходится мыть сортиры, по мелочи воровать казенное - детеныша ведь надо кормить. Мужичок переметнулся под другой бочок и подсчитывает дебит-кредит алименты. Глядишь, новая жена получает большие алименты, чем он сам платит. Ну, не счастье ли?!.

Иных уныние постигает в семейных коллизиях. И вот... пошло на пользу постоянное питание. Хороший «органон» 20 лет свободно «отравляется алкоголем», а потом начинает сдавать. И вот... понесли на кладбище. Пусть земля ему будет пухом. Остаются былые товарищи и, оглядываясь, видят, что все было предопределено, да только заметно это post factum. А пока впереди расстилалось неведомое будущее, смотреть в него не было нужды. Это пусть коммунисты смотрят в светлое будущее. Но и коммунисты не смотрели. Была отвлеченная идея, украденная у церкви, ну и ладно. Будущее - это хорошо, но жить надо сейчас, а то и до будущего не дотянешь. Не думается о том, что **сейчас** уже ушло так далеко, что и вспомнить нечего. Все шелуха какая-то осыпается и нет ничего другого. Но это - жизнь, как у всех, зачем высокие материи?.. Не зря говорят мужички: мне бы щец покислей, да бабу потесней. Находят искомое. Но грядет время, и почему-то исчезает былое очарование: «придешь домой, там ты сидишь». С таким лаконизмом выразить суть дела мог только замечательный психолог - В. Высоцкий.

Не было духовного единения, а только сексуальное тяготение. Подобно тому, как вонючие жучки в крупе и крошках находят друг друга по вони с тем, чтобы произвести вонючее потомство, так и подавляющее большинство людей.

В деревне природа вокруг и коровьи лепешки уместны. Естество скрадывает все чужеродное, приносное. Жизнь течет журчащей песней жаворонка и даже подзаборные лопухи сообщают ей тихую и гордую торжественность. Не то в городе, где культура, образование, трамваи, презервативы, а главное, - сплошные маскарады.

Сеет над городом нудный осенний дождик. Зажигаются тусклые фонари в предвечерней серости. Мокрые ошметки листьев бросаются под ноги прохожих, спешащих по своим делам. Поблескивают лужицы призрачным светом. Хлопает на какой-то крыше полуоторванный кровельный лист. Зябко мясистым ляжкам, высунутым до отказа из-под юбок юных дев, но надо терпеть. Мелькают они в неверном свете под цокот каблучков, привлекая взоры старых, еще не раскобелившихся джентльменов и молодых искателей, критически оценивающих и все остальное. Лениво

шествующие блюстители порядка в пестряди тоже поглядывают: надо бы прихватить к ночи сочные ножки в участок.

Какое-то героическое мурло с мотком веревки в руке на рекламном щите предлагает курить «Мальборо», а другое, запрокинувшись, глотает какую-то жижу.

Из люка на тротуаре доносится внутреннее дыхание города - смрад высокого качества. Громко ржут студенты и деловито матерятся мастеровые. Бабы с задницами, словно церковные купола, плывут группами безмятежно, толкуя меж собой: девочки!.. -тэ... -тэ... -тэ... -тэ! Другие, мышевидного облика, занятые своими мыслями. Проскальзывают, как тени. Бомж ковыряется в помойном баке, отыскивая свой ужин. Пахнуло свежевыпеченным хлебом - это на соседнем заводе открыли бункер с накопившимся за день ядовитым газом: в атмосфере растворится!..

В забегаловке под тентом звучит гнусавый мотивчик. Забалделые трудящиеся говорят все сразу. В заплеванном скверике сомкнулись отрешенно влюбленные, которых обходят громадные породистые кобели, выведенные на прогулку независимыми матронами - кинофилами. В подземном переходе ревут под гитару молодчики с торбой для подаяния у ног. Юные поклонницы непризнанных талантов истекают соплями в экстазе и готовы идти хоть в подвал, хоть на чердак, задарма. В магазине, как сказал бы поэт: «сыры не засижены», - и поперхнулся бы. Однако, водочка дешева, пей, граждане, пока из ушей не польет; in vino veritas. Родней будет святорусская грязь, торчащая из-под пахучего «Проктора энд Гэмбла», плывущая из блоковских переулков и трущоб Достоевского. Проплывет мимо «Незнакомка» с проникающим в кошелек взглядом и сядет у окна, призадумавшись, без спутников, одна, дыша перегаром.

О, счастье городской жизни! Не надо пахать и сеять, грести навоз, пилить дрова. Отвалял дурочку 7 часов и... гуляй душа!.. под серым дождичком со смрадом.

А утром раскаркаются вороны, суля новый день, как вчера. Сядут они на каменные головы Петра, Николая, Ильича и пр., выдадут порцию гуано на державные носы и уши и, вытягивая шеи, возопят: на-а-ше время! И пусть чирикают воробьи, шмыгают синицы, а то еще и кто-то из благородных промелькнет, какое это имеет значение?!. «Наше время!» Кружится серость, мелькая чернотой, повсюду: на-а-ше вр-р-ремя! Наш господин правит бал. А вы, пр-рочие твар-ри, пойте хор-ром: ср-редь шумного жизни бала, стоял я р-разинув... (р-рот)... Ха-а, ха-а, ха-а...

* * *

Хотя по большей части Иван был покорным и словно размякшим, иногда в нем просыпалась злоба, если кто-то его болезненно задевал. Однажды немой, стоящий в проходе между коек, явно не пожелал подвинуться, чтобы дать Ивану свободно пройти. В мозгу Ивана вспыхнуло. Он резко отодвинул немого. Но тот оказался весьма устойчивым. Они сцепились. Немой, хотя и тощий как сушеная вобла, обладал немалой силой. После нескольких кулачных перебросок драчуны перешли к борьбе вольным стилем. Они раздвинули сдвоенные кровати и перевернули тумбочку старосты. Последнее их отрезвило. Из тумбочки посыпались куриные яйца, образовав на полу гоголь-моголь, присыпанный печеньем, еще чем-то. Всю эту сцену наблюдал один только шнырь, у которого хотя и «свистело в голове», но, по общему признанию, он был славный малый. Шнырь безучастно сидел у дверей на своей койке, улыбаясь.

Запал иссяк. Оба смотрели на разбитые яйца, которых давно не видели. Немой указал пальцами на яйца и потыкал в грудь Ивана. Под глазом у него краснел подтек.

- Давай, порядок наводи, дурак! - заорал Иван, - а то в шизо пойдем!..

Он сделал на пальцах решетку и махнул рукой в сторону вахты.

Немой понял и принялся сдвигать на место кровати, а Иван поставил тумбочку и собрал какие-то свертки, обмазанные битыми яйцами. Тут-то и появился староста. Иван объяснил, что они с немым боролись и влеклись, но они рассчитаются с первой же передачи.

- Ладно, - сказал староста хмуро, - следующий раз бороться на стадион ходите...

Иван достал лист бумаги и подсел к немому с карандашом. «Сделай вид, что мы друзья», - быстро написал он. Немой кисло положил ему на плечи руку. «Отдашь ему с передачи за 1,5 десятка яиц, а я за остальное», - продолжал писать Иван. Немой кивнул. Староста считал убытки. Было похоже, что он не напишет докладную, хотя он, конечно, понял, что здесь произошло.

Раздосадованный Иван пошел искать общения, вспоминая, кого он давно не видел. В коридоре встречается Борис, который шел к Ивану с той же целью. Хотя Борис - чистейший еврей,

Ивану он нравится своей спокойной рассудительностью. Еще ему нравятся глаза Бориса. Они маленькие, круглые и черные. Кажется, что Борис смотрит прямо из своей середины. На воле он был зубным техником и сидит, конечно, по 117 статье. Он поведал Ивану всю историю. Никакого насилия не было. Он любил десятиклассницу, а она любила его, ну и сблизились. Но потом мамаша его возлюбленной нашла направление на аборт и подала заявление об изнасиловании. И хотя дочь отрицала на суде факт изнасилования, ему дали 7 лет. Сейчас она его ждет, пишет ему нежные письма.

Борис вздыхал и молча смотрел долгим взглядом из своей черной глубины. Он совсем отощал и кто-то однажды посоветовал Ивану передать его жидку, чтобы дрочил поменьше, а то скоро совсем в тень превратится.

Они гуляли по центральной дороге, называемой проспектом, стараясь говорить о чем-то потустороннем. Иван пересказывал некоторые сюжеты из книги Васильева о тайнах человеческой психики. Эту книгу дал ему Вадим, и она произвела на Ивана потрясающее впечатление. Оказывается, Борис многое знало телепатии и сам в некоторой степени обладал этой способностью и даже ясновидением.

- Большинство людей я словно насквозь вижу, и это безрадостно...

- Я отношусь к этому большинству?..

- Ты как кристалл светишься, не можешь скрывать свой внутренний мир, если врешь, так это у тебя на лбу написано, так что невыгодно тебе врать, - отвечал Борис и, взглянув на Ивана, добавил: «Два года».

- Что два года?..

- Ты же хочешь спросить, сколько тебе еще сидеть...

Иван удивленно посмотрел в черные глаза-гнезда. Он и в самом деле хотел спросить об этом. Однако Борис ошибся.

- Спецчасть сказала, что представить на условно-досрочное меня могут через 3 года 4 месяца, да пока все это тянется... итого еще 2,5 года в лучшем случае...

- Раньше уйдешь, - спокойно заявил Борис, - из другого места... Вот только какая-то неприятность у тебя скоро будет...

На следующий день Ивана вызвали по радио в спецчасть, к цензору.

- Что за письмо вы передали с матерью на свидании?.. - щеголеватый офицер сел перед Иваном на стол и пыхнул сигаретой.

У Ивана мгновенно вспотела спина. Он не знал, что сказать.

- Ну?!.

- Другу, это я для скорости, там ничего такого не было... - залепетал Иван.

- Какого такого? - жестко вопросил офицер.

- Ну, противозаконного... я написал только о том, как живу, что очень переживаю...

Иван вдруг заплакал. Так глупо влипнуть, ведь предупреждал мать.

Офицер помял сигарету в пепельнице.

- Ну, ладно, на первый раз обошлось... но если подловлю еще раз, получите сполна... забирайте ваше письмо...

Иван ушел на стадион. Было стыдно, что он расплакался, словно вчера сел. Со злостью он читал письмо матери. Ага... вот... «Письмо твое Женьке передала». Дура безмозглая!.. А Борис говорит: «раньше уйдешь». Если так будет повторяться, так придется до звонка тут припухать. Иван вспомнил про обещанную Борисом неприятность. А ведь, в самом деле, он ясновидец. Но это была не та неприятность, которую каким-то образом ощущал Борис.

Вся зона захвачена событием. Одна смачная бабенка из бухгалтерии отдалась щеголеватому офицеру из надзора, а кто-то их застукал и сообщил ее мужу, который разъярился и хватил ее топором. Говорят, руку, которой она прикрылась, сильно поранил, и голове все-таки изрядно досталось. Бабенку все помнят, уж очень заметная пышечка, глаз не отвести. Про офицера расспрашивали: это толстогубый такой, гоголем ходил?..

В сушилке столярки разгорается дискуссия о взаимоотношениях женщины и мужчины. Слово «любовь» здесь не слышно. Может быть кто-то и держит его про себя, но вслух не произносит, так как не вплетается оно в ткань дискуссии в преимущественно темных тонах.

- Женщина это исчадие ада с сопливой дыркой, - заявляет один.

- Но дырка-то, хоть и сопливая, притягивает тебя; ты бы и с головой рад туда забраться!.. - парирует другой.

- Ну, прямо таки, - с презрением отмахивается первый, это в пионерах всегда готов, а потом остываешь, особенно когда трипака подхватишь...

- Иной раз и правда, с головой въехать можно; пихаешь, как в открытый космос, уж так разработано, словно только что полк гренадеров там побывал, - здоровенный мужик захватывает нос двумя пальцами и гулко высмаркивается между своих ног.

- Сопли-то на улицу бы вынес, - сурово говорит сухорукий Юра, - тут тебе не открытый космос...

Здоровяк виновато растирает извергнутое сапожищем, а публика дружно ржет.

- И чем баба берет?!. - вздыхает дядя Вася, - посмотришь, так одно дерьмо, с какой стороны не зайди, а ведь захочет и будет из тебя веревки вить...

- Пока ты из этой веревки петлю ей не наденешь! - раздается из угла с явным намеком на то, что дядя Вася свою жену повесил за измену и надеялся, что сойдет за самоповешение, да нашли следы на теле. Обошлось в 15 лет, и вот уже 8 из них дядя Вася размышляет о том, был ли он прав.

- А наши начальнички-то каковы?!. Любят сладкое... Интересно, мусора-то привлекут?..

- А что ему, будь ты на его месте, отказался бы что ли? И привлекать его не за что; сама на стол легла и ноги на плечи ему подняла... Переведут его в другую зону, да и все... Это супружнику червонец светит; глядишь, через полгодика тут будет перекуривать... Нечего топором махать, манда не лужа, хватает и для мужа...

- О своей-то тоже так думал?..

- У меня «своих» было, как собак нерезаных, не успевал всех обслуживать и никаких обязательств; бывали, правда, отсюда и неприятности; как-то прихожу к Клавке, давно не видел; а жила она в подвальной комнате, окно, значит, почти вровень с землей; заглядываю в открытую форточку, а там какой-то амбал за столом сидит и на меня глядит; берет он, значит, со стола старинную бронзовую чернильницу, да шасть в окно; нет, чтобы, сволочь, стекло разбил, так точно в форточку и прямо в морду, пока я хайло разинул; вон, на лбу метка так и осталась; Клавка этого фраера потом грубияном называла...

Публика довольна рассказом и готова выслушать следующее сообщение из житейских будней, но дверь распахивается и зычный бугор появляется на пороге: не засиделись еще?!. Страна трудовых подвигов ждет!.. Все медленно поднимаются и, как умирающие на ходу, отправляются на свои рабочие места.

На очередное свидание с матерью и бабушкой приехала сестра Танька. Иван не видел ее уже год и очень удивился тому, что она стала почти девушкой. Он даже был в затруднении - целоваться ли им. Но после бабушки и матери Танька тоже потянулась, и он ткнул ее губами куда-то в ухо.

- Не хотели пускать Таньку, - сказала мать, - так она заплакала... Дежурный офицер как раз подошел, сказал: пусть идет...

- Дай ему бог здоровья, - добавила бабушка.

Иван погладил сестру по рукаву платья.

- Совсем ты большая стала...

- А почему ты такой серый?.. - спросила Танька с полными слез глазами.

- Да ты посмотри вокруг, они все серые, - ответила мать за Ивана, - тюрьма ведь это, не пионерский лагерь!..

- Ну что ты ее расстраиваешь?.. И здесь люди живут... Вон дядя Коля подо мной спал, тот 15 лет недавно закончил...

- Как под тобой спал?.. - воззрилась на Ивана Танька.

Пришлось объяснять ей, как здесь все устроено.

- А иные старички и не хотят уходить отсюда, так как некуда ехать... Дома нет, сил нет, освободится и что будет делать?..

Иван выговорил матери за письмо, где она сообщала, что передала Армяну письмо. Мать держала в руках резную шкатулку и слезы ее капали на ярко-красную розу на крышке, получившуюся особенно хорошо.

- Не знаю, как я забыла про цензуру... - прошептала она.

- Ладно, шкатулку-то всю размочишь...

Потом они, теперь трое, с красными глазами уходили на вахту, оборачиваясь. Другие матери, жены, бабушки, сестры, реже мужики проходили словно сомнамбулы по проходу на вахту и среди множества лиц все оглядывались только на одно, не видя больше никого.

После свидания странное двойственное ощущение: и радостно, что еще раз довелось встретиться, и тоска жгучая, что ушли родные за забор, а ты еще долго-долго будешь находиться в этой загородке. Немного отвлекает передача: кулечки, пакетики, во все нужно заглянуть, отобрать что-то на праздничный чай-кипяток. Потом можно полежать на лавочке под березками, а когда станет тошно, походить по проспекту. Ходьба успокаивает бешеную пляску мыслей.

* * *

Ваня приехал в пионерский лагерь. Здесь все было так хорошо. На территории старинный барский дом, изрядно пообколупанный. В нем столовая и жилье начальства и хозобслуги. Пионеры живут в двух деревянных, тоже старых домах. Кругом огромные деревья, спортплощадка с разными снарядами. Рядом большой парк и река, но туда можно только с вожатой. А в парк можно пролезть в дырку в заборе. Тут как в настоящем лесу, местами такие заросли, что и не пробраться. В первый день Ваня даже заблудился в парке и пришлось спрашивать проходящего по дорожке дядьку, как пройти в лагерь. Недалеко от дырки Ваня увидел вожатых и, обогнув какие-то развалины, перелез через старую стену на территорию.

Каждый день, если погода хорошая, отряды отправляются на экскурсии и, конечно, купаться на реку. Плохо лишь, что все быстро кончается и надо идти на территорию стоять там на линейке, утром на поднятии флага, а вечером - на спуске. Да еще какой-то дурацкий тихий час днем, когда надо лежать в постели. Правда, и тут находится занятие. Кто-нибудь рассказывает скабрезные анекдоты, и все веселятся. Но все же приятнее бродить по колени в воде небольшой речки - притока и искать раков. Ваня их раньше никогда не видел и теперь самому поймать рака не удается.

В выходные приезжает мать с дядей Лешей. Она расспрашивает о жизни здесь. Спрашивает, не хочет ли он еще одну смену провести в лагере. Ваня отвечает, что здесь очень хорошо, а еще одну смену он не хочет. Дома лучше.

По вечерам часто выходит завхоз - пожилой мужчина - с мандолиной. Он садится на лавочку и играет разные знакомые и незнакомые песни. Потом звучит горн - на построение. Валентина Петровна пронзительным голосом говорит с трибуны о том, как прошел день, кто нарушал дисциплину, что будет завтра. Ваня боится ее с тех пор, как в школе она отчитывала его за Павлика Морозова. Здесь она ходит строевым шагом, всегда с большим красным галстуком и примечает все, что происходит. Дядя Леша, глянув на нее издали, сказал, что она похожа на милиционера, на что мама отозвалась: так им и нужен милиционер, вон... полюбуйся...

Какие-то мальчишки из старшей группы сражались около кухни поленьями. Но тут в дверях показалась могучая повариха: «Это что тут такое?!.» Побросав дрова, молодцы разбежались.

С Семеном Борисовичем - физруком - ходили в двухдневный поход с ночной рыбалкой. Построили шалаш из веток, где Ваня и проспал утреннюю зорьку, промаявшись ночью на сырых ветках. Семен Борисович учил мальчишек делать свирель из тростника. Сам он приобрел это умение на войне. По очереди он давал удочки и объяснял, как действовать, когда поплавок дергается, т.е. рыба клюет. Улов, однако, получился весьма скромный, с десяток мелких окушков и ершей. Ване не повезло, хотя ему очень хотелось поймать рыбину.

Наконец, смена кончилась. Остались позади впечатления от запаха бузины и дудок, из которых с силой выдували косточки черемухи девочкам по ногам.

Дома Ваня с облегчением вздохнул. Постоянное публичное бытие ему надоело, хотя в нем были замечательные эпизоды.

Он сразу навестил Сидора. Тот был очень рад встрече. Сказал, что прочитал «Молодую гвардию» и, судя по всему, надо готовиться к войне. Империализм не дремлет. Нельзя, чтобы получилось, как в прошлый раз: Гитлер напал, а ничего не готово. Они, конечно, еще не успеют вырасти, но могут организовать подпольную группу. Сидор показал Ване детекторный приемник,

который они будут слушать, чтобы потом писать листовки. Пока приемник не работал, но это потому, что нет батарей. В состав группы Сидор включает Ваню и Валерку из 7-го подъезда, ну, и Лилю, конечно, только пока ей не надо ничего говорить.

- А с кем война будет?.. - спросил Ваня.

Сидор уставился на него круглыми глазами.

- Ты что, с луны свалился, ничего не знаешь... с американцами, конечно!..

Ване стало стыдно за свою неосведомленность и, чтобы как-то загладить свой промах, он сказал, что надо выкопать землянку в лесу. На случай, если придется бежать из города.

Сидор мгновенно оценил идею, и они начали придумывать проект землянки. Решено было не откладывать дело в долгий ящик Обстановка накаляется. Они пошли к Валерке, который жил в отдельной квартире (папа у него был начальник училища). Валерка был крепкий мальчик, вскормленный на молоке собственной коровы, за которой ходила его тетя. Он решил проблему с лопатой, сказав, что возьмет ее у себя в сарае.

На следующий день юные борцы за свою Родину пересекли колхозные поля и углубились в лес, запоминая дорогу. Место искали недолго. В густых зарослях крапивы и лабазника под кустами ольхи и черемухи, неподалеку от ручья, где можно брать воду, им показалось так скрытно, что лучшего места и не придумаешь. Земля оказалась жесткой, но они терпеливо долбили ее лопатой по очереди. Сидор с Ваней быстро уставали, но Валерка показал, что не зря молочко пьет каждый день. При этом он совершенно не сетовал, что работает вдвое больше Сидора и Вани, которые отдувались у медленно растущей ямы, похожей на могилу. На первый раз ограничились глубиной 0,5 м. На следующий день у всех болели мышцы. Решили сделать перерыв.

После очередного трудового дня яма стала по шею. В нее уже надо было спускаться по жерди. Они с гордостью смотрели на свое детище, как вдруг послышались приближающиеся голоса. Будущие подпольщики скользнули в заросли и затаились неподалеку. Раздалось шлепанье и коровье мычание. Прямо по их тайному убежищу прошествовало стадо коров.

- Смотри-ко, ямку кто-то выкопал!.. - послышался голос одного из пастухов.

- Кого-то похоронить хотят должно-ть, - отвечал второй голос.

Звуки затихли, удаляясь.

- Все пропало, - сказал бледный Сидор, - теперь это место раскрыто и под подозрением...

- Да подождем немного, может забудут, - рассудил Валерка.

- Подождем, - согласился Сидор, и они уныло побрели домой, оттирая от штанов пятна глины.

Потом пошли дожди, и когда будущие герои подполья явились в свою предполагаемую резиденцию, то были глубоко разочарованы. Ямка, как выразился пастух, была заполнена водой. Они не учли, что копают в глине, в месте, откуда нет оттока воды. Однако, было понятно, что, если воду и вычерпать, она наберется снова при первом же дожде. Это был крах боевой группы, готовой лечь костьми в борьбе с мировым империализмом. А тут еще и каникулы кончились.

В своих симпатиях-антипатиях дети обычно следуют своим родителям, вкладывая в сложившиеся отношения свою долю приязни или ненависти. Ваня еще помнит попытку примирения матери и дяди Леши с семейством Пузни. Он тогда тоже подружился было с Валькой - дочкой Пузни. Мир, однако, быстро кончился, и опять началась холодная война между женщинами, переходящая в горячую, когда они изо всех сил крыли друг друга взаимным пожеланием - сдохнуть поскорее.

Однажды, когда Пузня в одиночестве копошилась на своем кухонном столе, Ваня не придумал ничего иного, как зайти на секунду в смежный с кухней туалет, дать там крепкого ветра и спокойно выйти; в конце концов, все, как полагается. Но Пузня подняла такой крик, словно выхлоп был произведен прямо ей в нос. Ваня немедленно смылся, так как неизвестно, что скажет мамаша. Он помнил происшествие со своим любимым тритоном, жившим в большой банке. Как этот тритон оказался в закрытой кастрюле с супом у Пузни, навсегда останется тайной. Ваня не сомневался, что кто-то его туда подсунул, но кто?.. Наверное, дядя Леша. Однако, кто бы это ни был, скандал был грандиозный. В самом деле, обнаружить у себя в супе этакое маленькое чудовище - потомка древнейших эпох. Такое не приходило в голову даже Клиффорду Саймаку. Но Ванина спина хорошо помнит финал этой экстравагантной истории, в которой даже больше своей спины ему было жалко тритона. Единственное, чем он себя утешал, так это то, что тритона выплеснули вместе с супом в унитаз. Следовательно, он должен был оказаться в Воняловке, до которой со-

всем близко, и к тому же неподалеку от того места, где Ваня выловил его в бочажке. Он даже ходил на то место, смотрел в бочажок и пытался узнать своего питомца, но появляющиеся тритоны были явно чужими. Заводить новых питомцев не имело смысла. Мать и слышать не желала о какой-то банке с тварями даже на окне кухни, а уж про комнату и говорить нечего.

Конечно, тут Пузня во всем виновата. И Ваня испытывал удовольствие от какой-либо гадости в адрес Пузни. Однако через несколько дней после своей выходки Ваня ощутил возмездие. Пьяный дядя Сережа - муж Пузни - наткнулся на Ваню как раз в узком месте - около туалета. Открыв дверь туалета, дядя Сережа пытался затолкать Ваню в туалет, но так как пьян он был изрядно, а мальчишка был юркий, ему никак это не удавалось.

- Ну, чаво, чаво! - бормотал Ваня, ускользая от рук качающегося дяди Сережи. Наконец он поднырнул сбоку, и дядя Сережа не успел загородить ему путь ногой. Ваня выскочил на лестницу. Он мог бы сообщить об этом матери и тогда уж мать показала бы им, где раки зимуют. Но он не стал говорить ей ничего.

У мальчишек, когда их много во дворе, неизменно происходит обмен полезными сведениями, знакомство с занимательными редкими предметами; то это подковообразный или еще какой-либо магнит, то лупа, через которую можно не только рассматривать всякие мелочи, но и зажигать бумагу, то кусок воска, из которого можно лепить фигурки или сделать свечку. Мальчишки делятся своим добром друг с другом или обмениваются в обоюдных интересах. В хозяйстве все пригодится. Даже чтобы смастерить парашют нужна калька, нитки, клей, гайка для грузика. Приятно смотреть, как выброшенный в окно верхнего этажа в подъезде парашют плавно опускается на землю. Иногда его относит ветром и нужно не вывалиться из окна, глядя, куда он приземлится.

Приятно смотреть, как горит самодельная свечка из воска, который дал Стас. А как интересно запускать пропеллер из жести с катушки из-под ниток, вращаемой на штыре с помощью веревочки, которую нужно резко дернуть. Лежащий на катушке на двух гвоздиках пропеллер то круто пойдет вверх, то полетит почти горизонтально, серея в воздухе, пока не закувыркается в беспорядочном падении.

~ 26 ~

Старик, ты смотришь на меня,
Как будто хищный коршун я...
Да, путь кровавый преступленья
И я прошел, как коршун злой...
(Джордж Гордон Байрон)

Давно известно в народе, что если постоять, обняв дуб или березу, почувствуешь прилив бодрости, а рядом с осиной непременно наступит упадок сил. Точно так же и с людьми. Встреча с одним наполнит душу свежестью и теплом, а с другим - мраком и холодом. С кем-то хочется постоянно быть рядом, даже не разговаривая, все равно приятно. А с приближением другого, ничего плохого тебе не сделавшего, что-то внутри опускается и желание лишь одно - поскорее бы разминуться. Но сознание принуждает терпеть нежеланное общение. Причины этого могут быть различные: от опасения неприятных последствий до обыкновенной вежливости.

Люди живут, не подозревая, что их отношения прежде всего складываются независимо от их желаний. Словно электрические заряды они испытывают потребность сблизиться или разойтись. Но электрические заряды сближаются, имея разный знак, и отталкиваются, если знак один и тот же. Люди тоже различаются по знаку: у одних потоки ауры движутся по часовой стрелке, у других - наоборот. Аура имеет не электромагнитную природу, а представляет собой сгусток пси-энергии вокруг любого тела, в том числе неживого. Об этой энергии было известно еще в начале писанной истории, но потом о ней постарались забыть. Верили лишь тому, что можно увидеть, услышать, пощупать, причем как только возникло соответствующее желание. Захотел, например, убедиться в действии электромагнитной энергии. Нет ничего проще!.. Сунул палец в гнездо предохранительной пробки и сей же момент убеждение придет с такой силой, что повторять не захочется.

С пси-энергией иначе. Люди, хотя и живут благодаря необходимому количеству этой энергии, окружающей и пронизывающей тело каждого из них, но полагают, что жизнь поддерживает

кусок хлеба, даже без масла. Не видно, не слышно, не пощупаешь. Теперь, правда. Люди поумнели, радиацию ведь тоже не видно, не слышно, не пощупаешь, а эффект она дает впечатляющий.

В последние десятилетия наука получила данные, которые иначе как с помощью пси-энергии не объяснишь. Но ученые - народ столь же верующий, как святые отцы, только, конечно. В свои догмы. Перестройка же веры, как показывает история, всегда сопровождается кровопусканием. В науке существуют более либеральные отношения. Нарушителей основ теперь даже в тюрьму не сажают, как лет 30 назад. Их, правда, могут выгнать с работы, как не соответствующих высокому званию ученого. Чаще и это не происходит. Просто не замечают, что выдвинуты новые теории или представления о чем-либо. Что за пси-энергия?.. Где доказательства, что она существует?.. Да ведь это идеалистический бред, которым материалистическую науку не проймешь... Наука не нуждается в выдумках фантастов... Тем не менее в строгих научных опытах выяснилось, что человек под гипнозом способен общаться благодаря пси-энергии даже с растением. Должно быть понятно, что такое общение происходит без слов. Оно не отличается в принципе от общения и человека с человеком. Именно такое общение вызывает приязнь или неприязнь еще до того, как человек открывает рот. И приятная речь может не избавить от ощущения неприязни, поскольку враждебны пси-энергии общающихся субъектов. Наоборот, весьма неприятные слова воспринимаются легко, если их выдает собеседник с соответствующей аурой. В отличие от электромагнитного поля ауры притягиваются, имея одно направление движения («одинаковый заряд»). Двое с такими аурами чувствуют тем больший комфорт друг с другом, чем выше напряженность их аур. Им не нужно лишних слов, чтобы понимать друг друга.

* * *

Летние дожди обмывают зону, а жаркое солнце сушит асфальт «проспекта». Между бараками густые березки создают приятную тень и старики сидят там на лавочке, обсуждая свои проблемы. Иван тоже любит тут посидеть, слушая шелест листьев. Всегда ему казалось, что в этом шелесте есть что-то такое, что нужно понять, как будто кто-то говорит, но на незнакомом языке. Под березками удобно заниматься резьбой дощечек. Видно всех появляющихся ментов. Можно не спеша спрятать резачок.

Теперь нужно было вырезать шкатулку для бабушки. Дощечки осины уже были заготовлены. Иван осторожно проводил их одну за другой на фуговальном станке, делая все тоньше. Он нередко работал на этом станке и, как ему казалось, хорошо его чувствовал. Крутится бешено вал с ножами, и мелкие дощечки нужно держать крепко, но в то же время быть готовым, что дощечку может вышибить. Так бывало, и тогда надо в тот же миг вскинуть руки. В этот раз опять попалась свилеватая дощечка и ее вышибло. Иван мгновенно дернул руки. Ощутив легкий толчок по пальцам. Он взглянул на руки и обомлел. Концы пальцев висели на коже и в белом мясе виднелись кости.

Не размышляя, он бросился через задний ход в жилую зону, где находилась санчасть. На вахте его попытался задержать дежурный. Иван выставил руки. Из пальцев бежали ручьи крови. Дверь санчасти Иван пытался открыть неповрежденным мизинцем. Она оказалась закрыта. Иван дважды обежал вокруг маленького каменного домика санчасти, когда вдруг дверь распахнулась и выскочил лепила.

- Давай скорей!..

Он провел Ивана в светлую каморку с больничной койкой, на которую Иван и завалился. Руки его фельдшер положил в кювету, разглядывая их.

- Татьяна, два шприца!.. - крикнул он в дверь, Анна Ивановна, вызывайте машину в больницу ехать.

Пришла молодая женщина с двумя шприцами. Фельдшер начал расстегивать брюки Ивана, отчего тот возмущенно задергался.

- Ишь, стеснительный какой!.. А столбняк не желаешь получить?.. - лепила особенно не церемонился.

- Нужно!.. - улыбнулась медсестра, - здесь противостолбнячное и обезболивающее...

Она всадила по шприцу в ягодицы, и фельдшер сказал, разглядывая пальцы:

- Надо отрезать, что они тут болтаются!.. Татьяна, ножницы!..

Иван вскочил с полуснятыми штанами.

- Нет... нет!.. Не дам отрезать!..

Фельдшер удивленно на него посмотрел.

- Так в больнице все равно отрежут, концы пальцев на лоскутках кожи висят!.. Они, собственно, уже отрезаны!..

- Прирастут, - убежденно сказал Иван, - мне на скрипке надо играть...

- а... так это ты на стадионе со скрипкой сидишь... Боюсь, что теперь тебе надо другой инструмент осваивать!.. Впрочем, как знаешь... Отправлю тебя как есть, а там врачи тебя не очень-то слушать будут... Позовут дюжих санитаров, никуда не денешься!..

Бинтов фельдшер не жалеет, и скоро руки Ивана похожи на колотушки.

- Что там с машиной?.. - лепила уходит.

Где-то недалеко раздаются голоса.

- Не больно?.. - спрашивает Татьяна.

- Нет, но мне бы в барак сходить надо, взять кое-что с собой, - Иван ощущает теперь жизненно важную потребность.

Татьяна уходит за фельдшером, и тот, внимательно посмотрев на Ивана, дает ему 10 минут. В сортире ощущается трагизм ситуации, так как не забинтованы только мизинцы. Превозмогая боль, кое как удается извлечь то, что нужно. Потом Иван бешено курит, стрельнув сигарету.

В маленьком воронке-козлике болтает нещадно, но Иван прилепляется к решетчатой дверце мизинцами и смотрит на придорожные кусты и лески. Конвойный отставил автомат: этот не сбежит...

- Ты чего так пялишься?.. - спрашивает солдат.

- Год не видел ничего...

- А в рабочей зоне?..

- Я все время в ширпотребе...

- А-а...

Солдат прикуривает сигарету и сует Ивану через решетку в рот.

В приемной больницы Газа повязки распутывают. Солидный пожилой врач осматривает пальцы.

- Ну что?.. Чикнем скальпелем и не заметишь!..

- Нет... нет... прирастут!..

Врач медленно выпрямляется и смотрит в глаза Ивану. Тот готов кусаться за свои пальцы.

- Ну, хорошо... Только на перевязку приходи за час-полтора, проси у сестры тазик и сиди отмачивай бинты, потихоньку разматывая... будет больно...

Потом он густо мажет пальцы вонючей мазью Вишневского и туго прижимает отрезанные концы.

В больнице Ивану нравится. Если бы не решетки, так и не скажешь, что это тюремная больница. И кормят хорошо. В каше даже масло есть, и она густая. Можно лежать целый день и книжки читать. Вот только с перевязкой трудно. В тазике с теплой водой пальцы начинают ужасно ныть. Бинт отмокает плохо. Приходится его отдирать, чтобы успеть ко времени. Потом врач густо мажет пальцы все той же мазью и словно вдавливает их концы.

- На хорошем прижиме может и прирастет, - говорит он каждый раз.

- Конечно, - соглашается Иван, у которого от боли поднимается желудок.

Он глотает какие-то таблетки и уходит. Скоро боль стихает, и если не задевать пальцами обо что-либо, то и вовсе хорошо. Он уже освоил сортирную практику, держание ложки, кружки, книжки, может даже писать карандашом. Иногда он лежит и представляет, как прирастают пальцы. Маленькие мясинки из среза вдвигаются в отрезанную часть и, раздвигая тамошние мясинки, закрепляются там. Концы пальцев уже не отваливаются, когда опускаешь руки пальцами вниз.

Теперь можно как следует осмотреться вокруг себя. В палате почти всегда тихо. Шуметь некому. У стены медленно умирает еще молодой мужик от рака желудка. Есть он почти не может. Ему осталось жить недели две и он сидит на койке и ждет, когда они иссякнут. По утрам он обычно говорит: «Резаный, ешь мою кашу». Ивану неудобно съедать его кашу и как-то он отказался. Но кашу унесли и она пропала. Другим тоже не до каши. Один лежит, не вставая, с забинтованной головой, у другого на боку огромная мокнущая язва. Еще какие-то лежачие, лишь изредка поднимающиеся и почти не разговаривающие. Только старичок у двери бодренький, часто гуляющий по

огромному фойе, по которому взад-вперед ходят больные со всего отделения, белея кальсонами изпод серых халатов.

По соседству с Иваном лежит бывший фельдшер Володя, вносящий оживление в тихую жизнь палаты. Он принадлежит к тому типу людей, которые никогда не теряют жизнелюбия и в любой обстановке находят максимум для себя полезного и умеют создать вокруг себя атмосферу легкости и непринужденности. Когда Володя рассказывает, как он принес на свадьбу своего друга несколько бутылок водки, в которые он шприцем накачал пургену, и что было потом, то всем очень весело. Даже умирающий от рака смеется при красочном описании разбегавшихся по укромным местам свадебных гостей и бедной невесте, обделавшей свое белое одеяние.

Иван смотрит, как Володя, давясь, подолгу заглатывает кишку-зонд, пока не польется желчь, а потом спрашивает у него, можно ли заглотить кишку так, чтобы она из задницы высунулась. Бывший фельдшер охотно разъясняет, что наука пока не в состоянии ответить на этот вопрос, но если Иван экспериментально покажет это, его наверняка освободят, да еще и премию дадут, скорее всего нобелевскую. А вообще-то хорошо было бы, если бы Иван попросил у дежурной сестры таких-то таблеток и отдал ему. Иван сделал робкую попытку, но сестра подозрительно его оглядела и спросила: «Кто послал?..»

- Ну, ничего, к сменщице сходишь... - без особого огорчения объявил Володя, но Иван отказался от дальнейших действий в этом направлении.

Рядом с умирающим от рака лежит пожилой сутулый актер с громадной головой. В первый же день Володя весело сказал Ивану, что это скорее актриса, чем актер. Неизвестно. С чем он лежал, но по большей части он находился в палате тяжелых, не встающих с постели. Актер помогал им оправляться в утку или судно. Иногда он появлялся уже поздно ночью и словно гнилая тень двигался к своей койке. В туалете, где Иван нередко сидел на подоконнике и курил, актер как-то затеял разговор с ним. Иван с любопытством поддержал беседу. Актер воодушевленно рассказывал вкрадчивым голосом о своих ролях в театре. Потом спросил Ивана, не трудно ли ему с забинтованными руками доставать свой орган, а то он с удовольствием помог бы. Иван ответил, что он уже наловчился, здорового мизинца хватает. Актер пристроился поближе, смотрел масляно близорукими глазами и гладил рукав халата Ивана, пока тому не надоело: «Вы, между прочим, не по адресу попали, меня педерастия не интересует!..»

- У каждого свой вкус, - улыбаясь отвечал актер, - ты не спеши с выводами, подумай, может захочется попробовать... ведь что нам остается здесь делать?.. Я тебя как-то видел в бане, ты мне так понравился... грамм двести!..

Любопытство Ивана было полностью удовлетворено. Услышав невероятную для себя речь, он ощутил прилив гадливости к этому похотливому старику и соскочил с подоконника.

- Швабру, вон, засуньте себе в задницу рукоятью и шуруйте, пока дым не повалит!..

Он вышел в холл и заметил, что Володя выжидательно пасется на другой стороне. Через пару дней уже ночью актер вышел из палаты, а вскоре следом отправился сосед Ивана справа, с которым они были в одной зоне. Потом они как-то встретились близ столовой, и бывший сосед по койкам сказал, что с актером они однажды имели дело, неплохо получилось. А сейчас он книгу пишет о лагерной жизни и переправляет куски ее на волю. Жена приезжает, еврейка, правда, но зато дело знает, а сидеть еще 12 лет, так что связи надо держать.

Иван получил пищу для размышлений: может ли внутренне мерзостный человек написать хорошую книгу. А может быть именно такой человек только и способен правдиво изобразить то, что другим приходится додумывать, воображать, что вполне резонно связано с искажениями. Но, с другой стороны, а нужно ли вообще изображать, пусть правдиво, разную мерзость, так ли уж это интересно?! Будут ли люди лучше от того. что кто-то покажет им, какие они убогие и отвратительные. Да они и смотреть на это не будут.

Говорят, что в Древнем Риме отучали от пьянства, показывая пьяных рабов, сколь они мерзостны. Неизвестно, действовал ли этот прием в Древнем Риме, но исторического эффекта он не дал. А в наше время пьяный дурак часто будит зависть: что же это?.. Он пьяный, а я нет.

Уже через неделю врач, осматривая пальцы Ивана, удивился:

- Да на тебе, как на собаке, молодец... Скажи спасибо доктору Вишневскому за его мазь...

- Всю жизнь буду помнить доктора Вишневского, - Иван ощущает бесконечную благодарность неведомому доктору Вишневскому, который из обыкновенного дегтя создал средство, приращивающее отрезанное мясо.

На прогулку ходят в маленький приятный скверик под стенами больницы. Здесь можно ходить между кустов, словно на воле, высокая стена с колючкой довольно далеко и за рядом деревьев ее совсем не видно. После прогулки приятно полежать, когда Володя гуляет или выпрашивает у сестры таблетки и не лезет с разговором. С книгой приходит дремота, потом ночью не спится. Распаляется воображение. Картины встают столь ярко, что чувства, которые они вызывают, действуют на работу организма: то дыхание перехватывает, то сердце бьется, как у загнанной лошади. Как-то представлял Иван, как едет на лыжах уже в сумерках из лесу и вдруг... волки. Вот они стелются тенями, уже настигая. Иван бросается на стог сена и подтягивается на ветке, прижимающей сено, моля Бога, чтобы она не оторвалась. Клацают зубы возле самой ноги. От пронзительного ужаса Иван садится на кровати. Господи!.. Ведь он не спит.

Через две недели Ивана выписали: «Долечишься на зоне». Однако на зоне освобождения не дали. Коль выписали из больницы, так работать надо. Роман Яковлевич после рассказов о том, как искали в стружках пальцы Ивана, думает, куда бы его поставить. Выписать-то выписали, а ничего он делать не может.

На долбежном станке пальцы особенно не нужны, двигай себе рычаги ладонями да закрепляй колесом-винтом деревяшку для сверления. Но вибрация станка причиняет боль. Приходится то и дело отдыхать. Роман Яковлевич, хотя и молчит, но глаза у него зло поблескивают, когда он видит, как мало готовых болванок.

- Глотни чифиря, может лучше будет, - советует Пашка. Они с Виктором работают в этом же помещении и под клеянкой без дна у них частенько готовится чифирь. Иван находит, что после чифиря и в самом деле лучше.

Наконец, ему снимают в санчасти повязки и он тренирует отвыкшие гнуться пальцы. Приросшие концы он может протыкать иголкой, не ощущая боли. Нервы еще не проросли, но это дело времени. Главное, что пальцы остались целыми, неважно, что один утолщенный, а другой - со скосом, зато остальные совершенно нормальные, только ногти стали расти жесткие, словно металлические. Борис говорит, что он прирастил концы пальцев своей уверенностью, что так будет.

Иван не помнит, что писал последний раз Шапошнику, и с любопытством читает его ответ, размышляет над мировоззрением приятеля и его перипетиях.

Здравствуй, Ваня!

Прочитав твое письмо, я ощутил на себе свежее дыхание хорошего настроения и бодрости духа. Очень рад, что, наконец, в тебе победило интеллектуальное начало трезвого взгляда на вещи.

Уже один тот факт, заключающийся в твоем желании общения с прекрасным полом, говорит о том, что вновь обрел интерес к жизни. К великому сожалению, в этом отношении я тебе помочь не в состоянии, ибо в данное время, если можно так выразиться, «нахожусь в положении вне игры». На естественный вопрос почему, я могу сказать только, что не люблю исповедоваться в своих слабостях и недостатках.

Я с детства замкнут и необщителен, на что есть причины как субъективные, так и объективные, а углубляться в их суть сейчас не хочу.

Только не прими меня за воплощение бюрократизма, не терпящего критики в свой адрес. Я всегда стараюсь беспристрастно оценивать все замечания на мой счет, ибо проявлять слепую злобу в таких случаях, значит уподобляться существу низшего порядка.

Во мне много недостатков. Бремя которых я не собираюсь терпеть на себе всю жизнь. А изжитие их является проблемой времени и ближайшего будущего.

Работаю я на прежнем месте. Переход на транспорт пока не представляется возможным. Собираюсь поступать на подготовительные курсы. Занятия начнутся со 2-го октября. В отношении вуза - вопрос остается открытым.

В лесу бываю редко, отчасти по болезни, отчасти по причине скверной погоды, которая в последнее время значительно улучшилась. Иногда езжу на рыбалку, которая зачастую бывает безуспешной. По-видимому, слишком много стало приверженцев рыбной ловли.

В свободное время хожу в кино, навещаю приятелей, которых в городе осталось очень немного. Теперь придется усиленно заниматься, ведь прошло довольно много времени - 3 года с момента окончания школы, а нужно многое вспомнить, разобраться и понять заново. Так что время будет заполнено до предела.

Начал знакомство с французской литературой. Читаю публицистику и очерки Мопассана, что в дальнейшем позволит мне заострить свое внимание на подлинных шедеврах лучших писателей Франции: Флобера, Золя, Бальзака, Гюго. Параллельно с этим интересуюсь творчеством великого практика, драматурга и поэта Шекспира, мудростью которого я покорен. Советских авторов сейчас почти не читаю. По вечерам люблю слушать музыку легкого жанра: эстрадную, джазовую. В отношении последней предпочитаю иностранные джаз-оркестры: чехословацкий, немецкий, лондонский.

Вот, кажется, и все, чем заполнен мой день. И если бы меня спросили, удовлетворен ли я своим существованием - ответ был бы отрицательным. В чем же дело? А дело в том, что я глубоко страдаю от скуки, однообразия и одиночества. Да, как ни странно, я одинок. И кругом достаточно людей, чтобы почувствовать это. И сейчас, как никогда, я осознал истинность высказывания Мопассана о том, что прелесть жизни заключается в переменах, в разнообразии.

Корень зла такого положения вещей я усматриваю в моем дурацком образе жизни, которого я сознательно или стихийно до последнего времени придерживался. Конечно, мой меланхолический вой о неустроенности действительности несостоятелен и не заслуживает внимания. Хочу только добавить, что это не бесшабашное брожение заблудшей души. Я знаю чего хочу, ибо в какой-то степени изучил себя. Но мне всегда не хватало активности. В процессе всей предшествующей жизни я был всего лишь пассивным наблюдателем, совершенно не подозревая. К каким пагубным последствиям это может привести. И в свое время не нашлось рядом человека, который пролил бы свет на роковую ошибку, совершенную по недоразумению наивной глупости.

Я с благодарностью вспоминаю 2 года ЖУ, где сама обстановка заставила меня о многом задуматься впервые. Многое тогда я увидел и понял. А главное, я осознал цену бескорыстной дружбы и силу товарищества себе подобных. Вот когда был удовлетворен, ибо начинал чувствовать себя человеком в подлинном смысле этого слова. Жизнь в коллективе помогла мне познать себя, увидеть себя со стороны. И теперь я не представляю себе жизни без преданных и верных друзей. Все шло превосходно. Но вот настал день, когда я ввиду обострившейся болезни вынужден был покинуть своих товарищей по учебе, а теперь уже по профессии, и уехать под кров родительского очага. И здесь я снова окунулся в мир спокойной жизни, сам принцип которой я органически не перевариваю. В этих условиях все те положительные черты характера, приобретенные мною в трудной душевной борьбе, были сведены на нет, и я вновь оказался у разбитого корыта.

Сейчас состояние рук нормальное, но я не испытываю чувства радости, поскольку болезнь перекочевала на другие участки тела, и я все больше убеждаюсь в необходимости смены климата. Откровенно говоря, я предпочел бы 4 года армии, чем иго этой строптивой болезни. Да, кстати, чуть не забыл сообщить тебе, что призывной комиссией я зачислен в запас II категории. Это решение дает мне отсрочку на год, до следующей комиссии.

В своем письме ты задаешь вопросы, требующие конкретных, исчерпывающих, убедительных ответов, дать которые я боюсь ввиду незрелости моего мировоззрения. Потому,

«...что не созреешь ни умом ни сердцем,
покуда школы жизни не пройдешь.
Мы лишь в трудах приобретаем опыт.
А время совершенствует его».

Скажу только, что моя ближайшая цель - получить высшее образование, а все остальное будет зависеть от моих интеллектуальных способностей и наклонностей.

Недавно я, как увлекательнейший роман, читал описание жизни, путешествий, общественной деятельности великого норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена. Оно оставило во мне неизгладимый след, воодушевило и окрылило меня и мою давнюю мечту, с новой силой воспламенило во мне жажду путешествий. Жизнь должна быть такой, чтобы

«... не пожалел бы в старости бессильной,
что мир широкий смолоду не видел».

В заключение хочу сказать тебе, что ты рано опустил руки, сдался без борьбы. Если не находишь сочувствия и поддержки на месте в отношении предоставления мед. Помощи по терапии зрения, строчи в высшие инстанции. Я верю, правда восторжествует.

Далее разреши выразить тебе соболезнование по поводу серьезной производственной травмы, полученной тобою по рассеянности. На будущее будь осмотрительней и внимательней в подобных делах.

* * *

В школу 1 сентября Ваня отправился на этот раз с интересом. Как там однокашники?! Учебник «Неживая природа» он уже изрядно изучил, так как это его интересовало. Лиля Блумберг была, как всегда, чистенькая и сияющая.

- Ты что это не здороваешься? - спросила она Ваню.

- Я - обормот, - отвечал он тем, как называла его мать.

- Да-а!.. - обрадовалась Лиля, - теперь буду знать...

Появились новенькие, держащиеся неуверенно. От Таракана по-прежнему пахло дымом.

- Таракан, ты что это растолстел так?! Жрешь, наверное, как лошадь?!

Таракан медленно улыбается.

- Так получилось...

В уборной Сапожник показывает, как он может с полу писнуть в форточку. Потом он делает струю вверх и шутя подставляет рот, но что-то у него не срабатывает, и тугая струя попадает в рот. Сапожник плюется. Присутствующие хохочут до изнеможения.

Валентина Владимировна в нарядном платье долго рассаживает детей. Теперь она хорошо их знает и поэтому подбирает пары за парту так, чтобы с соседа было трудно списывать (если он сам не знает) или не нужно (если оба ученика успевающие). Потом она еще несколько дней делает перестановки и вдруг отсаживает от Вани маленькую Маринку, а на ее место садит Лилю Блумберг. У Вани засосало под ложечкой, да еще и перед диктантом, на который явилась завуч. Диктант Ване не страшен, но от нового соседства его прямо таки корежит. Он растерянно смотрит в тетрадку Лили, за что получает замечание завуча. Да он не списывает, на таком расстоянии он не видит, что там написано. Лиля косит на него глазом и улыбается. На переменке она спрашивает:

- Ты и вправду списывал?..

- Нет, я просто так посмотрел, - отвечает Ваня и краснеет, но спохватывается, что она сочтет его за вруна и смотрит ей в глаза. Внутри у него словно ворочается что-то.

- А ты доволен, что Валентина Владимировна посадила меня к тебе... Я ее сама попросила...

От этих слов Ваня опешил, но набрался духа и выговорил:

- Я очень рад...

Он не выдержал такого признания и помчался к двери, чтобы скрыть свое смятение. Значит, она хорошо о нем думает!.. Ему хотелось взлететь. Он ворвался обратно в класс, промчался мимо учительского стола, прыгнул на подоконник, сделал какой-то немыслимый курбет и грохнулся на пол, сильно зашибив локоть.

Теперь они шептались на уроках, когда учительница отворачивалась к доске. Если она долго не отворачивалась, то писали короткие записки и незаметно двигали друг к другу. Как-то их локти соприкоснулись и ни один не отодвинулся. После этого Ваня специально расставлял локти и доставал Лилин локоть. Ее глаза бросались в его сторону, и губы чуть вздрагивали, но локоть оставался на месте. Ване казалось, что из ее локтя изливается какая-то сладостная струя, от которой он млел так, что не слышал, как Валентина Владимировна вызывает его отвечать на вопрос по уроку. Лиля, приложив руки ко рту, совсем тихо шептала ему вопрос. С некоторой паузой он давал правильный ответ. Теперь он всегда готовил уроки, так как Лиля сказала, что ей будет за него стыдно, если он не будет этого делать.

Однажды Ваня сделал вид, что забыл дома учебник, по которому нужно было читать. Лиля пододвинула свой, и они сидели, соприкасаясь коленями. С тех пор он постоянно забывал учебники, и они сидели, словно голубки, прижавшись бедрами и склонившись над одной книжкой. Валентина Владимировна поглядывала на них, подозревая, что забывчивость Вани неестественная. Чтобы пронаблюдать за этой парочкой, она пересадила ее на средний ряд, к тому месту, где она обычно стояла, опираясь на их парту.

Некоторое время близость учительницы действовала на юных влюбленных разъединяюще. Когда Ваня подталкивал локоть Лили, приглашая сблизиться, она показывала глазами на Валентину Владимировну, возвышающуюся над ними. Но как только учительница отдалялась, локти и ноги, жаждущие соприкосновения, немедленно сближались, и Ваня ловил косой взгляд из-под опущенных век. Потом они научились маскировать свои касания перед носом Валентины Владимировны, уткнувшись в одну книжку, так как свою Ваня опять забыл. Под прикрытием левой руки правой он поглаживал пальцы Лили. Свою ногу он умудрялся даже закидывать на Лилину, ощущая округлость ее бедра. Когда приходило время писать, Лиля шептала, что она хочет хорошо написать, надо раздвинуться. Она все же была отличница. К тому же оказалось, что она хорошо рисует. Ваня был очарован ее рисунком березы, очень похоже передающем черные полоски и крапины на белом стволе.

Утром Лиля обычно встречала Ваню в классе со своей подругой близ дверей:

- Маккавейчик пришел!.. - и ласково улыбалась.

- Привет, - говорил небрежно «Маккавейчик», чтобы подруга не заподозрила что-нибудь за ним. Его, однако, беспокоило, что подруга может заподозрить Лилю, которая держала себя столь открыто, что ему было неприятно. В своей жизни он уже забыл, было ли то время, когда он мог открыто выражать свои чувства, не подвергаясь насмешкам или критике, опровержению того, что ему представлялось. Он не знал, что Лиле нечего было скрывать, так как ее никто не осмеивал, ее мироощущение никогда не ставилось под сомнение. «Уж очень она прямая, словно не замечает, что все на нас смотрят», - мрачно думал Ваня, усаживаясь за парту. Лиля подходила, спрашивала, сделал ли он уроки, почему у него галстук мятый, почему он такой надутый... Ваня что-то буркал и вздыхал с облегчением при звуке звонка.

На уроке пододвигалась записка.

- Ты на меня сердитый?..

Из под опущенных век косой взгляд ждал ответа.

У Вани щипало сердце. «Сейчас возьму и напишу «Я тебя люблю». Но нет... не пишется. Вместо ответа он подвигался к ней, замерев на секунду под пристальным взглядом говорящей учительницы. Просунув кисть правой руки под левую руку, он нежно охватывал милый локоть. Все было ясно. Взгляд смещался на учительницу, пухлые губки вздрагивали в знак согласия.

Той близости, что сложилась между ними, было достаточно им обоим. Иногда, правда, Лиля считала, что Ваня перебарщивает, и сопротивлялась. Ему же казалось, что он и не делает недозволенного. Ему это и не нужно было в соответствии с его теорией, ведь он любил эту девочку. Поэтому даже забрасывая свою ногу на ее ногу, да еще и придвигая ее вверх, так что Лиле приходилось сидеть, раздвинув колени, а он ощущал близость женского интима, он совсем не желал большего. То, что позволялось, он расценивал как высочайшее доверие и он не собирался его попрать, но было важно, что об этом никто не знал.

Со своими сверстниками Ваня иногда вспоминал о Лиле, как о хорошей девочке (чего он никогда не говорил о других девочках), но делал это так, словно она совершенно посторонний для него человек. Ему не приходило в голову проводить Лилю после школы домой, хотя им было по пути. Он не назначал ей свиданий, так как они были еще малы для этого. Но несколько раз он приходил к ее дому и даже заходил в подъезд, где, как обычно, пахло кошками и стояла выброшенная рухлядь. Она была где-то рядом, всего в нескольких метрах напрямик. За стенами. Он это явственно ощущал, и этого было достаточно. Если бы она вдруг появилась, он оказался бы в затруднении.

Когда через много лет он будет вспоминать этот отрезок жизни, то окажется, что кроме Лили Блумберг в нем ничего больше не было.

~ 27 ~

Чем небосвод прозрачней и ясней,
Тем тучи кажутся на нем черней.
(Уильям Шекспир)

За дальними далями в таежной глубине, где на много километров окрест не живут люди, тянутся безлесные пространства. Под яркой синевой вдоль речек словно пестрый ситец раскину-

лись луга, окаймленные, будто бы зеленой ватой, густыми зарослями кустарников. Колышет слабый ветерок море трав. Волнуются в нем ярко-синие штрихи, желтые, белые. Сиреневые пятнышки поодаль, сгущающиеся в сплошной цвет, словно поработал там кистью Клод Моне, и цвет ожил, зашевелился. Выскочит откуда-то красная струйка цветков вискарии, а рядом мелькнет фиолетовая искорка фиалки. Всполыхнет целая заросль лиловых султанов Иван-чая, а под кустами вдруг распахнутся навстречу бордовые пионы и желто-оранжевыми солнышками засветят крестовники. Громадные дудки покачивают свои белые зонтики, на которых копошатся жуки с какими-то иероглифами на спине. Цветохор кажется неиссякаемым. Трудяги шмели не торопясь гудят над обилием оттенков. Словно оторвавшиеся лепестки порхают разноцветные бабочки. Журчат журчалки, повисая в воздухе то здесь, то там.

Gloria! - звучит все вместе взятое.

Кажется, что проплывала над этим местом в начале времен чаша с благодатью и пролилось сюда немного, чтобы во веки веков исходили здесь из земли бальзамические клубы, вселяющие в живое и неживое ощущение полноты бытия, от которого внутреннее рвется наружу и сливается с ним. Вот только какие-то развалины сереют, нарушая природную гармонию. У речки таится в глубине травы проржавевшая колючая проволока. Какой-то рыжий чан приткнулся к пеньку.

Речка говорит и говорит. На течении без устали кланяются камыши, а у берега по громадным листьям нардосмии бегают трясогузки, похожие на Дюймовочек. Проносятся касатки с громким криком: что-то сообщают кому-то.

Уплывают белые облачка и к вечеру, когда истомилась душа от неземного восторга, появляется фиолетовая дымка. Вот уже она в муть превратилась, и ветер захлопал болтающимися досками на еще не упавших развалинах. Исчезло разноцветье, словно и не было его. Подернулась туманом луговая ширь.

И когда поднимется луна и будет заглядывать в дыры небесной рвани, зашевелятся неведомые тени. Чем выше поднимается луна и тоскливее воет ветер в вышине, тем явственнее прорисовываются в клочьях несущегося тумана толпы рваных ватников. Они поднимают в отчаянии рукава к луне и ветер им отвечает.

Много лет назад здесь был лагерь лесоповала. Благодать лугов развилась на месте спиленного зэками леса и это остатки их бараков догнивают среди травяного роскошества. Из этого чана получали они свою баланду. На рухнувшей теперь вышке стоял часовой. Слезами и кровью напитана земля. На той стороне речки ров с костями. Подмыла речка неведомую братскую могилу. Торчат из суглинистой тощи мослы, а средь валунов на берегу оскалились черепа.

Всю ночь пустые рукава тянутся к луне и стонет земля, и воет небо. Всеми они давно забыты, но здесь им суждено ждать второго пришествия. Их бесплотные души изнывают при луне и стоны, наполнившие эту землю, взлетают и носятся по округе. Господи!.. Упокой души грешных и безгрешных. Сама Земля взывает к тебе, ужели не слышишь?!.

* * *

На обед теперь постоянно давали силос: на первое - пожиже, на второе - погуще. Попытки объяснить происхождение этого силоса остались безуспешными. Многие старики не могли есть это блюдо и в бригадном котле изрядно оставалось для желающих. Молодежь не брезговала и силосом, так как хотелось есть, хоть что-то. Иван, правда, уже не раз убеждался, что можно набить брюхо до отказа кашей сечкой, но ощущение голода не исчезает. С равным успехом можно набить желудок опилками.

В соседнем бараке нашелся молодец, заявивший, что он один съел бы бригадный котел пшенной каши. Поспорили. В один прекрасный вечер котел с кашей (приблизительно с небольшое ведро) принесли в барак и вся бригада, облизываясь, расселась вокруг молодца. Он довольно свободно съел полкотла, потом начал медлить. Глаза у него посоловели, а затем начали закатываться. Уже было недалеко до дна, когда каша из него начала выдавливаться обратно в котел и он судорожно задышал. Бригадир приказал отобрать у него котел. Молодец хотел воспротивиться, но упал на живот и каша из него хлынула потоком. Бригада вместо ужина заливалась хохотом.

Плохо, когда в тумбочке пусто. Почему-то бывают дни, когда особенно хочется есть, тогда как в другие дни сносно, разве что увидишь у кого-то в руке кусок хлеба, да еще и с маслом, тогда дернется в желудке. А ведь после ужина всего-то два часа прошло.

Молодые нередко страдают от голода и смотрят волчьими глазами. Однако про воровство еды из тумбочек не слышно. Кому-то может быть совесть не позволяет, но чаще - страх, ведь покалечат, если поймают; на свободе надо воровать, а не здесь. В тумбочку может заглядывать и копаться в ней только надзиратель при шмоне. Обычно мусора ходят по двое и по трое, чтобы друг за другом приглядывать, тоже ведь могут на что-то соблазниться. Иногда в тумбочке все перевернуто, матрац откинут, подушка измята. Пока люди на работе, мусора ищут запретное, как будто для них тут все припрятано. Вот кончится рабочий день, и многие займутся резьбой по дереву. Не нашли мусора резачки, а если бы и нашли, то бог его знает, чей он.

Случается, что и в каптерке вещички проверят. Тут находят иногда едва ли не склад чая, таблеток и даже бутылок. Ловкий шофер-вольняшка провез, приехав за продукцией, а заодно и бизнес делает. Отдаст ему барыга едва ли не двойную стоимость товара. Всем жить надо, и на свободе, и в зоне. Кому-то дело прибыльное, кому-то желанное, но надо платить, все под топором ходим.

Иван каждый день испытывает подушечки пальцев на скрипке. Много дней нажимать на струну было невозможно, со смычком было проще: он держал его почти в ладони. Все это время он усиленно занимался английским и ходил к однорукому Виктору поговорить. Тот был доволен успехами своего подопечного и подолгу терпеливо вдалбливал ему премудрости языка. Иван уяснил из книг, что все образованные люди непременно знали хотя бы один иностранный язык. Это вдохновило и его, и чем больше становился словарный запас, пополнение которого у него постоянно лежало в кармане, тем больше он уделял этому внимание. Но вот он почувствовал, что может кое-как нажимать на струны и начал осваивать школу игры на скрипке Григоряна, присланную магазином «Книга-почтой». Иван-большой помогал ему с усвоением нот, воспроизводя их на трубе. Наконец, по нотам зазвучали гениальный бетховенский «Сурок», моцартовская «Колыбельная». Оба Ивана радовались. Это было грубое прикосновение к великому, но оно указывало путь и даже такое, оно возвышало. Многие ли из этих серых фигур, что бродят вокруг, могли вспыхнуть радостью от простенького «Сурка». Иван-большой листал «Школу» Григоряна и играл на трубе мелкие, но столь красочные вещицы Шумана, Чайковского, Рахманинова и др.

- Когда ты все это освоишь, ты будешь играть; очень содержательная «Школа»...

Опять не повезло на работе. Иван обрезал широкой стамеской нагель на стенке стола без крышки. Рука со стамеской соскочила под сильным нажимом. Словно ножом, Иван ударил себя в ногу. Инстинктивное торможение руки ослабило удар. Но Иван охнул. Стамеска вошла в мясо на сантиметр или полтора. На бедре красовался порез в 2 см длиной с разъехавшимся в стороны мясом, из которого хлестала кровь.

Пашка с Виктором, попивающие чифирь, соскочили с верстака.

-Т-твою мать!..

Пашка сунулся в ящичек с аптечкой, достал бинт, йод, вату.

- А лучше в чифирь макни клок ваты и приложи... - посоветовал он.

Иван так и сделал, поглотив крупным тампоном остатки чифиря. Потом он сделал толстую перевязку.

- Сходи в санчасть, там тебе скобки поставят... - сказал Виктор.

- Да ну его... Роман сетовать будет... что это он то и дело калечится... еще выгонит из бригады... опять ящики колотить...

Иван не пошел в санчасть и полмесяца хромал с палкой, иногда делая перевязку грязными тряпками с листьями подорожника. А в воскресенье снимал повязку и подставлял рану солнечным лучам.

Летом зэки оживают, напитываясь солнцем. В выходные вдоль колючки лежат ряды загорающих, словно где-нибудь на черноморском побережье. Солнце лечит авитаминозы, и с кожи исчезают прыщи и фурункулы. Солнце согревает души, и вместо сплошных потухших глаз в зимнее время, летом все чаще видны глаза блестящие. Нередко раздается смех, похожий на карканье. По вечерам центральный проспект оживлен почти как Невский. Народ гуляет от ворот в зону до ворот ширпотреба. Говорят тих, но от шарканья сотен грубых подошв в воздухе стоит шелестящий шум. «А в небе, ко всему приученный, бессмысленно кривится диск». Блок пронзил Ивана своей глубинной тональностью. «Он был космист», - сказал Вадим, когда они с Иваном однажды целый вечер говорили о поэзии Блока. Оказалось, что Вадим хорошо знает творчество Блока и ему доставило удовольствие говорить о Блоке внимательному слушателю. Потом Иван долго ворочался в

постели и слышалось ему: «Бегу. Пусти, проклятый, прочь, не мучь ты, не испытывай, уйду я в поле, в снег и в ночь, забьюсь под куст ракитовый!»

* * *

Зимние каникулы Ваня проводил в основном на горке за Воняловкой. Здесь был хороший спуск, и детвора без устали мчалась на лыжах вниз, а потом лезла вверх, чтобы снова мчаться вниз. Кое-где были сделаны из веток трамплины, а в разных местах можно было прыгать с уступов. Некоторые трассы были даже страшноватые. Требовалось собраться с духом, чтобы, промчавшись с горки, вылететь с уступа и, приземлившись, удержаться на ногах. На это отваживались далеко не все, так как и на ровных спусках обычно кувыркались и все были в снегу по маковку. Приезжали на горку даже деревенские, из деревни неподалеку. Завязывались драки. Как-то Ваня сцепился с Гаврилой, которого он едва знал. Гаврила посмеялся над тем, как Ваня кубарем свалился с уступа, испугавшись в последний момент оттолкнуться и прыгнуть. «Ах ты сволочь!..» - сняв лыжи, Ваня двинулся к Гавриле, который тоже снял лыжи. Они обменялись несколькими мордотычинами, после чего Гаврила свирепо пообещал встретить еще Ваню и ушел, подобрав свои лыжи. Присутствующие дружно решили, что Ваня дал больше, чем получил, хотя губа была разбита и саднила на морозе.

Уже весной Ваня пожалел об этой драке, приблизившись к похоронной процессии. Хоронили Гаврилу. Сначала он исчез, и ходили разные слухи что где-то кто-то его видел. Он убежал, дескать, из дома и скрывается. Но весной, когда рабочие стали чистить на окраине колхоза какой-то колодец, в нем нашли замерзшего Гаврилу. Он бежал напрямки через поле на другой конец деревни, упал в запорошенный снегом колодец и не мог выбраться. Его достали, зацепив багром за глазницу. Иван с ужасом смотрел на изуродованное лицо Гаврилы в гробу. Может быть, если бы они не подрались тогда, Гаврила бы не попал в колодец?!. Но эти размышления были позднее.

Пока тянулись каникулы, Ваня редко вспоминал Лилю. Он думал о ней лишь перед сном, совсем недолго, так как после насыщенного морозным воздухом дня и интересной книжки вечером, сон приходил как только голова качалась подушки. Но вот... первый учебный день, и серые глаза Лили пронзили его как только он переступил порог класса. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

- Ты почернел, как Таракан, - сказала Лиля.

- А ты побелела, как цаца, - оскорбился Ваня такому сравнению.

- Глупый ты какой!..

Ваня хотел ей ответить, что сама дура, но удержался, чувствуя, что это, пожалуй, слишком.

Когда уселись, Лиля демонстративно отодвинула свой локоть подальше от Вани, как только он начал пододвигать свой локоть. Однако, к третьему уроку отношения пришли в норму, так как Ваня явно приуныл, и глазищи его стали совсем круглыми. Лиля написала записку: я не сержусь, но ты не называй меня больше цацей. Уловив косой взгляд из-под век, Ваня кивнул и написал тоже записку: я вспоминал тебя на каникулах. Пусть это и не очень правда, но все же иногда-то было. У Лили дрогнули губы. Можно было придвигаться.

Снова Ваня ощущал радость прикосновения к обожаемому. Один раз они одновременно выходили из школы и так и пошли вместе до перекрестка, где их пути расходились. Ваня внимательно смотрел, не встречается ли кто знакомый, а то ведь подумает: вот... с девчонкой идет. А Лиле было хоть бы что. Позднее Ваня поглядывал, чтобы им снова в дверях не столкнуться на выходе. Зато на уроках, казалось, ничто не может помешать им ощущать близость друг друга.

Неожиданно произошла катастрофа. Как-то они, как частенько бывало, смотрели в одну книжку и нога Вани покоилась на ноге Лили. Валентина Владимировна стояла, опершись на их парту, объясняя читаемое. Вдруг она спросила, глядя вниз:

- Как это вы сидите?..

Ваня мгновенно сдернул ногу и встал, как ни в чем ни бывало, загораживая Лилю.

- Они влюбляются, - раздался сзади громкий шепот с хихиканьем. У Вани загорелись уши. Валентина Владимировна положила на парту свой учебник.

- Вот... сядьте нормально...

Ваня бросил косой взгляд на Лилю. Она была красная.

На переменке Ваня услышал, как в дальнем углу Лидка Майорова рассказывает целой группе, как давно уже наблюдает под партой за сплетением ног Вани и Лили. И ведь сидит через три парты, а рассмотрела.

- А тебе-то что?.. Завидно небось?.. - спросила Лидку Валька Филиппова, Лилина подружка.

- Как это что?!. - возмутилась Лидка, не зная, что бы еще добавить. Умом ее Всевышний обидел, зато задатки склочной бабы уже отчетливо прорезались.

Лиля ушла из класса и появилась только со звонком. Глаза ее не лучились. Она села на самый краешек парты.

В классе, посвященном в такую жгучую тайну, произошло резкое размежевание большей части девчонок, для которых проблема любовных отношений более актуальна, чем для мальчишек. Хорошие ученицы, даже те, кто не были подругами Лили, так или иначе выражали свою симпатию. Зато плохие и разного рода средненькие девочки злобно шушукались и с неодобрением оглядывались на Лилю. Ваня давно заметил, что девочки, которые хорошо учатся, даже внешне отличаются от тех, кому учеба никак не дается. Успевающие девочки имеют светлые лица и всегда опрятные. Они не похожи на базарных торговок и прочего злобного бабья, которое столь заметно благодаря своей крикливости. Двоечницы же имеют смурной вид и даже улыбаются криво. Всегда они какие-то мятые и серые, как мыши. Их манера тараторить и визжать сразу выдает: кто из них вырастет. Ваня вспоминал, как хвасталась мама, какая она была в школе непоседа. Об успехах она, правда, ничего не говорила, зато рассказывала, как желудем залепила в лоб учителю. Не потому ли она так не похожа на Лилину маму, которая и говорит совсем не так, как она. Как и тетя Нина, она не умеет кричать, а Ванина мама не умеет не кричать. Даже когда она говорит шепотом, кажется, что она орет, и всегда чем-то недовольна. А как она громоподобно пукает перед сном, лежа с дядей Лешей в постели, и радостно смеется. Дядя Леша говорит: «Ничего себе» и не смеется. Хихикают сестренки: мама пукнула!..

Ваня представляет, что бы сказала Лилина мама или тетя Нина, если бы им рассказать про такое. Но он знает, что нельзя про это и многое другое рассказывать. Это их семейные тайны. Иногда ему хочется, чтобы тайны были другими, но тогда и все должно быть другое, а оно такое, какое есть.

Из угла класса, где Лидка Майорова что-то оживленно рассказывает, доносится слово «лупоглазый». Ваня знает, что так его называют, когда хотят обидеть. Он решительно идет в угол и подступает к Лидке.

- Ты чего обзываешься, счас как втырю!.. - он замахивается на Лидку кулаком. Она загораживается руками и громко тараторит:

- Ты не очень-то тут командуй, вот скажу Генке, так он тебе рыло надраит!..

Ваня плюет ей на форменный передник и уходит на свое место. Вдогонку ему несется верещание:

- Получишь... получишь... харя пучеглазая!..

Они живут в одном доме, и Ваня хорошо знает ее старшего брата Генку, которому лет 16 и ему, как он выражается, «вся милиция знакома». Угроза вполне реальная, хотя Генка может быть и не захочет кого-то бить за свою подлючую сестру.

Лиля попросила Валентину Владимировну посадить ее с Валькой Филипповой, а соседкой Вани стала Алька Симонова, которая живет в одном с ним подъезде, только этажом выше. Когда-то в детстве она сикала рядом с ним в дровах, а теперь села на самый краешек, должно быть опасаясь, что Ваня «полезет на нее». Но он смотрел на нее с брезгливостью, не без оснований полагая, что у нее «в мозгах свистит».

Светлое чувство к Лиле, которое не грех было назвать любовью, выветрилось быстро. Ваня озлобился на всех и на Лилю особенно. Несколько раз он говорил ей всякие неприятности, но она лишь смотрела ему в глаза и молчала.

С Сидором он теперь почти не общался, зато сблизился с Валеркой, с которым они еще осенью ходили на опушку леса в долину ручья. Где-то тут они копали землянку, но теперь все так изменилось, что невозможно было найти яму, в которую они вложили столько усилий. Зимой они часто катались вместе на лыжах, а в конце зимы в полюбившейся долине ручья образовались мощные надувы снега. Ваня с Валеркой выкопали в снегу глубокую нору, называя ее снежанкой. Как-то Валерка подарил Ване саблю, которую он сделал сам из прута арматуры, расплющив прут

на куске рельса, который зачем-то лежал у них на кухне. Сабля получилась отменная. Ваня рассекал ею глыбы снега, отваливая куски с диким наслаждением. Он, конечно, не подозревал, что некогда сходным образом развлекался юный Карл XII - шведский король. Только у монарха была настоящая сабля и отваливал он «с товарищами» головы овцам, которых слуги едва успевали заводить в залу замка, где происходило действо. Однако нет никаких данных о том, что Карла XII пороли, зажав его голову между колен. Даже под Полтавой он успел смыться, и Петру I не удалось его выпороть.

Ване осточертело все на свете и стало ясно, что надо бежать из дома. Он уговорил Валерку составить ему компанию.

- У нас же есть, где жить - в снежанке!..

Откладывать дело в долгий ящик не стали. Нетерпение было столь велико, что некогда было думать о деталях. Как-то, пока матери не было дома, Ваня достал свое драное одеяло, положил в него полбуханки хлеба, луковицу, свечку, спички, 2-й том здоровенной книги Павла Далецкого «На сопках Маньчжурии» (не успел дочитать). Завязав углы одеяла, он обвязался веревкой, на которой скользило металлическое кольцо для того, чтобы вставлять саблю.

- Ну, бывайте здоровы, - сказал он сестренкам, которые пытались выяснить, куда он собирается, - пошел я жить в лес, надоели вы мне все...

Скоро он, стоя на лыжах в условленном месте, громко свистел, пока в окне у Валерки не мелькнуло. Через пару минут он уже появился.

- Ну что, поехали, я сбежал...

- Поехали...

Прекрасно ощущать конец ига. В полях дул уже по-весеннему теплый ветер. Приближалась темная стена леса, но она дальше, за долиной ручья. Натертые свечкой лыжи скользили хорошо, вот только узел мешал. Везли его по очереди. Пока доехали, хорошо согрелись. В снежном обрыве серела дыра-снежанка. Они собрали дрова и попытались разжечь костер. Ничего не получалось. Сырые ветки не желали загораться. Поели хлеба с луком. Посидели в норе. Стало темнеть и вместе с тем холодать. В норе было ничуть не теплее, чем на улице. Скоро они застучали зубами.

- Рановато мы сбежали, надо было тепла дождаться, - вздохнул Валерка.

- Да, пожалуй, - согласился Ваня, худое пальтишко которого грело только в движении.

Помолчали. Наконец Валерка предложил сейчас вернуться, а когда станет тепло, снова сбежать.

- «На сопках Маньчжурии» к тому времени дочитаешь, не надо будет такую тяжесть переть, - добавил он.

Ситуация была пиковая. Ване ничего другого не оставалось, как согласиться. Они встали на лыжи и медленно поехали в обратный путь. Ваня прикидывал, как все обернется дома. Сестренки-то сказали мамаше, что он ушел жить в лес.

Мать, казалось, не обратила внимания на его появление, хотя казалась растерянной. Прошел целый час, а она все еще занималась разными делами. Было похоже, что она решила оставить блудного сына в покое, и Ванино напряжение уже начало спадать, но вдруг мать, словно спохватилась и, схватив ремень, как тигрица набросилась на сына. Ваня добросовестно орал, сестрицы залезли под кровать, чтобы и им ненароком не перепало. От азарта ремень выскочил у матери из руки и улетел под стол, но она считала, что порка еще не кончена. Приподнявшись на цыпочки, она вытянула со шкафа шомпол, которым дядя Леша чистил ружье, и Ваня испытал новые ощущения. Шомпол оказался делом серьезным, что там ремень, к нему уже давно спина привыкла. Орешь так, для виду, что больно. А вот шомпол... это да!.. В отчаянии Ваня уцепился за ноги матери:

- Ой, мамочка, я больше не буду!..

Он извивался на полу, но тут сеанс кончился и, как раненый зверь уходит в укрытие, он перебрался под стол. Сабля, которая так и болталась на боку, была изогнута, как бумеранг. Сестрицы выглядывали из-под кровати, оценивая обстановку. Тут появился дядя Леша, и они бросились к нему из-под кровати, как из пушки. Скоро они сидели на кушетке в едином клубке. Заметив Ваню под столом, дядя Леша участливо спросил:

- А что там Ваня... после получки?..

- Мама учила Ваню жить в лесу, - пояснила младшая, припоминая возгласы матери, - и так ему и надо; он зазбил твой стакан и сказал мне, что это я зазбила...

~ 28 ~

Несчастье - своего рода талисман, усиливающий прирожденные свойства; у одних людей оно развивает недоверчивость и злобу, а у людей прекрасной души приумножает доброту.
(Оноре де Бальзак)

Жизнь общества подобна движению реки, а отдельного человека можно уподобить рыбе, волею Провидения обитающей в реке. Нет для нее ничего другого, как в радости и горести испытывать перипетии воды в поисках более подходящего места. Недаром о жизни часто говорят, что она течет или даже бурлит. Много разных нюансов в реке.

Для людей, сидящих в купальниках на берегу, река обычно представляется однородной движущейся массой воды. В нее, как говаривал Гераклит Эфесский еще за 500 лет до нашей эры, нельзя войти дважды. На спокойных участках реки массу воды можно даже назвать ленивой. Кажется, что она движется как одно целое и каждая частица следует тем же путем, что и любая другая. Стоит, однако, сесть в лодку и включиться в течение, как очень быстро представление о монотонной толще воды исчезнет. Глазам предстанут отдельные водные струи, различающиеся скоростью движения, что хорошо заметно по пузырькам воздуха и всевозможному мусору, который безучастно несет вода. Есть поверхностные и глубинные струи. Последние иногда выходят жутковатым кипением на поверхность, только что сверкавшую гладью. Попадет лодка в это кипение, и ее равномерный ход нарушается. Задрожит она, приостановится и даже завиляет носовой частью, вызывая настороженность. Словно вынырнул какой-то демон со змеиным шипением и хочет навредить.

А иногда наоборот. Закрутилась струя штопором и пошла куда-то вглубь, создав на поверхности воронку-водоворот. Не дай Бог, если это мощный водоворот. Затянет в чужеродную стихию и что там будет, непредсказуемо. Уж, верно, ничего хорошего.

А то еще... Плывем и радуемся смене окружения, но вдруг... впереди грохот. Пороги!.. Любителям острых ощущений предстоит мирный шанс испытать себя и судьбу. То ли удастся пролавировать между торчащих валунов с пенными шапками, то ли поколотит об эти валуны лодку, а то и перевернет ее и тогда поколотит о валуны боками и нужно поработать, чтобы остаться в привычном мире, а не пойти на корм водной живности ниже по течению.

Не всякий стремится преодолевать пороги. Если есть возможность, уж лучше обогнуть их и не щекотать свою нервную систему.

Но вот прекрасный омут. Полный застой. И в водном зеркале отражаются кучерявые облачка, величаво плывущие в высях небесных. Тишина и покой. Не гребешь, так и не едешь. А по краю омута даже начинаешь дрейфовать против общего течения в реке. В разных местностях специальные термины обозначают это явление, например, кружало, улово и т.д. но независимо от названия любит хищная щука такие места. Говорят, что в омутах даже чертей встречали. Да и для водяного тут самое подходящее место. А уж русалки того и гляди появятся, раздвинув белоснежные лилии-кувшинки.

Потянуло течение быстрее и быстрее. Показалось дно, на котором то камни мелькают, то какие-то непонятные предметы, затонувшие давным-давно. Бурунчики не дают рассмотреть. Что там поблескивает. Да и некогда разглядывать, камень впереди торчит на перекате. Хорошо, когда его видно издали. Хуже, если он скрыт под самой поверхностью и нет над ним оповещающей струйки. Удар, как из-за угла, и считай убытки.

Течет река сквозь тысячелетия и постоянно перестраивается. Были мели в одном месте, а потом появились в другом. Текла она прямо в светлый просвет на горизонте, а потом вдруг вильнула в сторону и на месте прежнего русла образовалось болото, испускающее вонючейший газ из недопереваренной органики. А в новом русле все новое: и мели, и пороги, и перекаты. А также тихие заводи и омуты, в которые перебирается и нечисть сказочная и всамделишные старые щуки. У них отличная ориентация на изменения среды обитания и превосходная выживаемость. Даже когда вся прочая рыба уплывает вниз по течению, поблескивая на солнце перламутровым брюшком, щуки в омутах не горюют. Более матерые индивиды заглатывают менее матерых, а заодно и собственное потомство сожрут, коль подвернется. Был бы омут. А для пожившей щуки пища найдет-

ся. Судьба ее хранила; не попала никому на зуб ни икринка ее, ни сама она, пока резвилась щуренком. Зато взматерев, она не пропустит свое. Пусть в море акулы, ей и тут не плохо, особенно, когда мелочи разной много.

Каждому Природа отвела свое место в реке жизни, и рожденный карасем не станет щукой. Но человеку Природа дала шанс превзойти себя. Использовал он этот шанс или нет, его дело. А все же из реки ему не выскочить, хотя бы он и видел над собой воздушный океан, залитый солнцем, хотя бы ощущал близость иных пространств и времен, где бы хотелось быть. Лишь когда кончится его время, полетит его дух над водой, сыпля проклятья оставшимся врагам или сразу оставив речные мысли в предвкушении неизвестного. Злобным упырем будет скользить по земле гнилая тень первого. Охватит второго неземное сияние в неисповедимой дали и воздастся ему печалью или восторгом, о котором не дано знать никому.

* * *

Жизнь не терпит однообразия. Даже в лагере люди создают для себя маленькие новшества: перебираются на другую койку или в другой кубрик, меняются друг с другом вещами, что-то покупают или продают, переходят в другую бригаду, тогда многое сразу изменяется. Иван спит теперь у окна, где после отбоя можно еще долго читать, если читается. Далеко не всегда можно, открыв книгу. Погрузиться в нее. Часто состояние столь депрессивное, что чтение не воспринимается. Иногда же, наоборот, читаемое входит в сознание столь сильным потоком, что кажется, будто присутствуешь в читаемом и переживаешь те чувства, которые следуют из текста. Сколько страху нагнал лось в есенинском «Яре», ударивший мальчика копытом. Такой страх Иван переживал только в детстве, читая «Маленького Пипа» Диккенса, когда перед Пипом возник беглый каторжник с кандалами в руках. И потом вместе с Пипом Ваня носил каторжнику на кладбище еду и добыл для него напильник. Теперь же он остался лежать с окровавленной головой на болоте перед горкой клюквы, собранной им в кузовок.

Временами он испытывал странное ощущение погружения в прошлое. Какой-нибудь эпизод как будто засасывал его в себя и он отдавался ему, стараясь пребыть в нем как можно полнее, и не выныривать в жгучую реальность. В стремлении уходить от этой реальности он выработал даже психологический прием, применять который можно было при любых обстоятельствах: в толпе на разводе в ожидании своей выкрикнутой фамилии, во время пилки досок или направляясь в столовую. Лучше всего уход из реальности получался во время монотонной работы на строгальном станке, когда автоматические движения сливались с гудением станка, а в сознании тем временем проходили картины далекого прошлого. Но наибольшая отдача прошлому происходила на койке, когда тело полностью расслаблялось и внешний мир переставал существовать для него. Тогда сознание словно проваливалось в память и где-то вдруг останавливалось. Иван видел себя на развалинах землянки на опушке леса за ручьем. Кто-то спасался здесь от бомбежек и артобстрелов во время войны и теперь здесь была просто прямоугольная яма с возвышенными краями, прерывающимися с одной узкой стороны - здесь был вход. Около него выросли юные березки, осенью сверкающие на солнце желтыми листьями. Когда-то люди здесь вздрагивали, прислушивались к взрывам в городке, а теперь необыкновенный покой царил вокруг. Жухлая трава на лугу слегка переливалась под напором легкого ветерка. Если прислушаться, то неподалеку возникало журчание ручья, около которого плети хмеля густо оплели стволы черемух. Летом тут полно крапивы в рост, но осенью почернелая крапива не страшна и можно подойти к ручью, в котором лежит полусгнившая колода. Огибая ее, вода и журчит. Желтые, оранжевые и красные листочки медленно плывут, но попадая в струю, огибающую колоду, кружатся в пенистом журчании, проскакивают его и, успокаиваясь, проносятся дальше в туннель из склоненных над ручьем ольх и черемух с зеленоватыми стволами. Сквозь кристальную воду видны камушки, среди которых можно найти примечательные, то с необыкновенными выступами, то с дырочкой или с зеленовато-голубыми жилками.

Донесется откуда-то голос ворона: кру-у, кру-у. Снова лишь шорохи и шелесты, за которыми глубинные тайны, лишь угадываемые и ощущаемые столь смутно, словно и нет их вовсе. Но они есть. Зачем крукнул ворон?.. Он знает что-то свое. Почему эта неуклюжая птица внушает почтение к себе? Ведь многие ее не любят, и сколько разных баек сложено про ворона. Ему, впрочем, наплевать на все, что люди говорят и думают о нем. Он живет своей жизнью и все тут.

Приятно вылезти из серой гущи стволов у ручья и посидеть на развалинах землянки. Отчего так приятно здесь? Кажется, что воздух какой-то особенно свежий и даже сладковатый, хотя над лугом плывут серые лохмотья облаков. Среди жесткой травы мягкие тройчатые листья. Да ведь это земляника! Но ягоды кто-то давно съел. Снова крукнул ворон и показался над соседним лесом. Странно, он летит прямо сюда и опять подал голос. Не хочет ли он что-то сказать. Ведь говорят же, что ворон - вещая птица. Слышны воздушные всплески от его крыльев. Он проносится прямо над Иваном и, свесив к нему голову, говорит: кру-у, кру-у... Жаль, что невозможно понять голос птицы. Наверняка сказано что-то важное, оттого и настроение испортилось.

Сыро что-то стало и неуютно. Ветерок похолодал, и облачка превратились в зловещие тучи, из которых вот-вот хлынет промозглый дождь. Куда пойти?.. Домой, где тепло и можно почитать книгу, или дальше, в лес, где пахнет прелыми листьями и может быть встретится что-то еще невиданное.

Столярка получила новый выгодный заказ - производство футляров для духовых музыкальных инструментов. Роман Яковлевич потирал руки и обдумывал технологические операции. Появились новые материалы, в том числе рулоны дерматина для обтяжки футляров. Столяры получили возможность еще и халтурить - делать небольшие чемоданы. Иван соорудил футляр для своей скрипки. Формы такого футляра не было, и он сделал днища прямыми. Другого такого футляра не существовало на целом свете. Поэтому, когда через несколько лет на трамвайной остановке в Питере к Ивану, возвращавшемуся из музыкальной школы в студенческое общежитие, подошел человек и, уставясь на футляр, заикаясь спросил:

- Откуда у вас этот футляр?.. Я помню его по зоне в Саперной...

Иван вгляделся в лицо вопрошавшего и почти вскрикнул:

- Иосиф!.. А меня ты не помнишь?..

- Боже мой, это все-таки ты, Иван, я давно иду за тобой, увидев этот футляр...

Он опять уставился на футляр. Наступила пауза. В душе Ивана бушевал такой вихрь, что он не находил слов, а только смотрел на Иосифа.

- Если тебе неприятно. Я пойду...

Иосиф стал больше заикаться, иногда ему трудно было выговорить несколько слов кряду.

- О чем ты говоришь, Иосиф!.. - у Ивана выступили слезы.

- Я встречал некоторых с зоны, они не желают знаться, они не хотят вспоминать то, что было...

Они долго стояли на остановке и договорились о встрече, но Иосиф не пришел. Наверное, его тоже жгли воспоминания и лишь когда он внезапно увидел на свободе этот невероятный футляр, душа музыканта не вытерпела, он подошел.

До этого эпизода было еще далеко. Пока Иван ходил по вечерам на стадион или в каморку к Ивану-большому, когда на улице лил дождь. Часто приходилось перебарывать себя, заниматься не хотелось, одолевала хандра. Иногда в ее приступе он ходил по «проспекту» под дождем, когда никто не желал мокнуть. Капельки воды тихонько стучали по «домику» и фуфайке и приносили умиротворение. Но потом струящиеся за шиворот струйки вынуждали идти в барак. Иван проходил в сушилку, где пахло человеческой прелью, и вешал промокшие фуфайку и «домик» поближе к печке, чтобы до завтра высохли. После такого променада чувствовалось значительно лучше, как будто дождь смыл какой-то нагар. Можно было сходить к кому-либо в гости поговорить или послушать Женьку-гитариста.

Как-то главный «повязочник» ширпотреба сказал Ивану, что в школе в классе для писания писем и прочей бумажной деятельности постоянно сидит после работы виолончелист-профессионал. Он даже сходил с Иваном в школу и показал в дверную щель этого виолончелиста. Пожилой человек благородного облика выслушал просьбу Ивана о помощи на скрипке. Он был весьма озадачен, но решил попробовать. Для начала он проверил слух Ивана с помощью отстукивания ладонью по крышке стола набора пауз, что Иван должен был воспроизвести. Результат удовлетворил Михаила Ивановича, и вот они уединились в пустом классе. «Сурок» так тронул виолончелиста, что у него слезы выступили.

- Господи, смолоду не слышал эту божественную мелодию... дайте мне, немного не так надо...

Скрипка в руках Михаила Ивановича с его грузной фигурой показалась игрушкой. Он поставил ее на колени, сделал глубокий вздох и издал несколько звуков, нащупывая точные тоны. С

полчаса он упражнялся, так что Иван осмелился и спросил, кто из них учится. Однако тут же устыдился, так как на лице Михаила Ивановича исчезло выражение присутствия где-то в иных сферах.

- Да, да, извините!..

Они быстро сблизились и Михаил Иванович поведал Ивану свою историю. Играл он когда-то на радио, в войну был летчиком-истребителем на Ленинградском фронте, мастер спорта по альпинизму и инженер-высотник. Последняя специальность его и сгубила.

Он возглавлял один проект. Кто-то растратил деньги - 42 000 рублей, а его посадили за хищение на 7 лет. Теперь он пишет все время жалобы, но никакого толку. Жена его бросила. Его инструмент - замечательная виолончель работы Страдивари - находится в кабинете ректора ЛГУ Александрова. Это все, что у него осталось.

Подумаешь, 42 000 и 7 лет. - думал Иван, вспоминая Арона Берковича, у которого миллион и 10 лет. Он давно уже пришел к выводу, что характер преступления и определенный судом срок связаны между собой слабо. Все зависит от судьи, которому ничего не стоит дать 5 лет вместо 3-х или 1 год вместо 5-и. Мужик угнал 11 легковых машин, а получил всего 4 года. Разве это согласуется со сроком Ивана за 3 велосипеда и ларек.

Начался учебный год. Англичанка приятно изумлена достижениями Ивана в языке, поставив это в заслугу однорукому Виктору, который сказал, что они занимались основательно. В школе появилась новенькая учительница по литературе с волосами типа «Колдуньи» - Марины Влади. Она очень эмоционально объясняла темы и ученики пожирали ее глазами. Иван представлял себе, как он в нее влюбился, а она в него и что из этого могло бы получиться. Например, она принесла бы ему шмат сала, а он, конечно, возмутился бы. Потом его внезапно освободили и они встретились за забором. Что это была бы за встреча, разве можно это описать?!.

* * *

Недаром говорят, что от любви до ненависти всего лишь один шаг. Лиля Блумберг , еще недавно озарявшая Ванино сердце божественным светом, теперь стала совершенно непереносимой. Это из-за нее Ваня подвергался насмешкам общества. О его школьной трагедии знали даже во дворе. Сидор, наверное, наболтал. Хоть он учится в параллельном классе, но всегда все знает, а тут еще и ревность сыграла роль. Ведь Лиля предпочла Ваню Сидору и тот, естественно, не мог это забыть

Исправить положение можно было лишь всячески выражая Лиле свое презрение. И Ваня старался делать это не только в присутствии учеников (пусть мол видят, что он ее на дух не выносит), но, и с глазу на глаз, когда такое случалось. Уже ближе к весне он слонялся после уроков по школе и заглянул в свой класс. Там стояла у парты Лиля, одна, должно быть дожидаясь свою маму. Ваня зашел в класс, наговорил ей гадостей и в довершение хлопнул ее по спине портфелем. Лиля и теперь молчала, лишь смотрела на него и не отвернулась от портфеля. Затем он ее оставил, заглянул в другой класс, вышел в пустой зал, бесцельно поглазел в окна, прошел в другой коридор. Оглянувшись, он вдруг увидел как по пустому коридору к нему решительно приближается Лилина мама. Как нашкодивший кот, он ускорил свое движение к концу коридора, где было спасение от надвигающегося возмездия - туалет для мальчиков. Ровная поступь сзади настигала. Наконец он нырнул в туалет и прошел на платформу с журчащими дырками. Однако дверь тут же отворилась. Тем же ровным шагом с непроницаемым взглядом Лилина мама подошла к Ване и отвесила ему звонкую пощечину.

- Ну чего?!. - заныл юный прохиндей под суровым взглядом оскорбленной женственности.

Ни слова не говоря, Лилина мама вышла из туалета. Щека Вани горела не столько от увесистой ладони, сколько от того, что несла в себе эта ладонь, выразив ему глубочайшее омерзение, которое он заслужил. Хорошо, что никто не видел - думал Ваня, - а то бы потом совсем засмеяли. А самое неприятное, что Лидка Майорова живет рядом с Генкой Шапошниковым, с которым он подружился и они часто ходят из школы вместе. Генка очень рассудительный мальчик. От него Ваня узнал, что сопли происходят из мозга и, чем больше человек думает, тем больше у него отмирает мозгов, превращаясь в сопли. Ваня теперь старается ду-

мать поменьше, а то из носу все время течет. Генка, правда, совсем не упоминал о Лиле, но эта тараторка Лидка, конечно, ему все уши прожужжала о Ваниной любви.

Эх, скорее бы вырасти и стать моряком. Ваня вспоминал прочитанное и в его мыслях гремели штормы, а на далеких островах он пил кокосовые орехи и смотрел на акул за бортом.

Дружной весной разлился приток Воняловки выплеснувшись на дороги. Деревья у дома Власихи стояли в воде. Бабушка, как всегда, его ждала. Но он бросил портфель и побежал смотреть речку. На бабушкиной улице люди ходили редко, можно было забраться в огород к соседям, где был хороший омуток. На берегу валялась широкая толстая доска. Да ведь это почти плот!.. Кряхтя, Ваня столкнул доску в омуток и, вооружившись колом, встал на доску. Она заколебалась под ним, но податливо отъехала от берега. Посередине омутка колебания усилились и внезапно доска предательски перевернулась. От ледяной воды захватило дух. Бултыхнувшись в воде Ваня встал на ноги, ощутив мягкость дна. Глубина оказалась как раз по горло. Как ошалелый Ваня вскарабкался на берег и помчался в дом. Увидев текущие с внука ручьи, бабушка закричала:

- Что это с тобой?..

- В речку упал...

Бабушка что-то бормотала, выжимая Ванины одежды и вешая их над плитой. Потом она заставила его пить чай с липовым цветом и малиной. То ли благодаря этому чаю, то ли еще по какой причине, но Ваня не заболел и вспоминал этот случай не иначе, как с удовольствием - ведь это было настоящее приключение, он мог бы утонуть. Так он и рассказывал эту историю приятелям.

В один прекрасный день появился дедушка с чемоданчиком. Он был весьма унылый. С дядей Лешей они выпили всего одну бутылку водки. Достав из кармана коробочку, дедушка протянул ее Ване.

- Ну-ка, погляди, что твоему деду выдали!..

Ваня открыл коробочку и замер. Орден Ленина. Вот это да!.. Дядя Леша пояснил, что Ленин в кружочке сделан из платины, а все остальное вокруг - золото.

- Лучше бы сотню лишнюю дали, - сказал дедушка горестно вздыхая. - Что это?.. - он махнул рукой на орден, - положишь на комод и будет лежать...

Он прижал к себе внука и всхлипнул.

- Так я и не успел прокатить тебя на паровозе!.. А теперь, брат, все!.. Отъездил... Ну, ладно, пойду к бабке, авось не выгонит...

Через несколько дней дедушка пришел и было решено в ближайшее воскресенье идти к бабушке на примирение. Ваня не преминул сбегать к бабушке раньше и выяснить, как там она все это воспринимает. Бабушка казалась довольной.

- А-а, Ванюшка пришел, а я вот теперь, видишь, не одна... Нагулялся наш дедушка, да и турнули , как зарабатывать не стал, с пенсией-то кому нужен?!.

- Ну, ладно, - морщился дедушка, - договорились ведь не обсуждать... А на работу меня слесарем в депо берут...

Ваня сообщил бабушке, что дома готовятся к воскресенью. Все придут к ней, даже сестренки, которых она никогда не видела. Только пусть она не говорит, что он к ней раньше приходил, а то мать может осерчать и не захочет мириться.

В воскресенье по поселковой дороге двигался семейный караван. Девчонки радовались речке у дороги и матери приходилось шикать на них, чтобы не сбежали к воде, где грязь. С отворота в боковую улицу Ваня увидел, что бабушка стоит на крыльце, встречая их. На ней какое-то темное платье (из сундука, наверное) и шерстяной платок на плечах. Скоро двор оглашается громкими возгласами и курицы у сарая вытягивают шеи - что происходит?.. Мать с бабушкой вытирают глаза, потом бабушка нагибается и вглядывается в лица девчонок, обнимая их, целует, а Ваню встречает без особых страстей, что он сразу подмечает.

В доме все сразу громко что-то говорят, не слушая друг друга, мать разворачивает какие-то пакеты, бабушка кричит: “ неси взад!”. Дядя Леша добавляет на стол бутылок, позвякивая стеклом. В своем парадном песочном костюме он даже элегантен. Расселись. Бабушка печется о детях. Скоро все жуют и пьют. Потом Ваня уводит девчонок на речку. Они смотрят на безлюдную деревенскую улицу полную свежей зелени. Тишина, покой. Зато в доме, куда они

возвращаются, подзамерзнув под вечер, стоит табачный чад и громкие пьяные голоса решают мировые проблемы.

Дети устраиваются в кухне, пьют чай. Потом Ваня поет своим сестренкам песни. Заметного восторга они не испытывают, да, ведь, малы еще, что с них взять.

Примирение прошло успешно. Теперь Ваня мог являться к бабушке легально. Заодно, улучив момент, он взял с матери обещание, что по окончанию учебного года без троек, она купит ему футбольный мяч. Намерение бежать из дома заметно сгладилось, так как порки давно не было, хотя школу он иногда прогуливает, отправляясь на речку в 2 км от дома. На реке очень интересно. На берегу попадаются различные окаменелости. Крутой высокий берег занят большими вязами, между которыми кое-где вырублены в известняке ступеньки, ведущие к роднику. Вода из каменной норы отчаянно холодная и от нее саднят трещины на губах. Над склоном стоит ряд старинных домов, между которых выделяется маленькая серая часовня, закрытая на замок. Один дом имеет каменный низ со сводчатыми нишами окон и тяжелой, окованной двери, должно быть в подвал. Таких домов больше нигде нет; должно быть он построен еще до революции, как и часовня. Как наверное приятно жить в таком доме и из окна смотреть на реку. Близ реки раскинулась обширная дубовая роща с прямыми аллеями. Около рощи старинный кирпичный дом. Когда-то он принадлежал помещику, который и насадил дубовую рощу. Теперь роща-то растет, а дом полуразвалился, хотя на окнах видны занавесочки и перед домом болтается на веревке сохнущее белье. Пока совсем не рухнут стены или крыша, люди будут здесь жить и плодиться.

Через Обитай и вонючие болота, которые пересекает дорога Ваня возвращается к школе, спрашивая у прохожих время. Уроки закончились, можно идти домой.

~ 29 ~

И жизнь - как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.
(М.Ю.Лермонтов)

Многие стороны человеческой жизни разъяснили или пытались разъяснить психологи, а раньше их философы. Были созданы и опровергнуты впоследствии крупные теории, объясняющие почему человек такой, какой он есть, а не другой. Но, ни одна теория не затрагивает проблему - почему люди желают уйти от реальности используя алкоголь, наркотики, различные практики самогипноза. Ведь кажется, что человек создан для того, чтобы вкушать тот мир, в котором он находится. К тому же, в этом мире действительно так много прекрасного. Но, нет!.. Человек стремится уйти от этого мира или, по крайней мере, исказить его в собственном видении как только можно. Это началось не вчера, чтобы можно было думать, что такова теперешняя жизнь. У любых туземных народов непременно существует свое зелье, позволяющее забыться или уйти в «иные миры». Надо полагать, что способы приготовления зелья выработаны в далекой древности, т.е. и тогда человек хотел уйти из этой реальности. Он изобретал порошки для вдувания в ноздри или для курения, всевозможные жидкости для приема внутрь через рот, а позднее с помощью шприца в мышцу или прямо в кровеносный сосуд. Странно, что неизвестно средство для воздействия через задний проход.

В некоторых случаях не требуется никакой обработки природного продукта. Гриб мухомор, например, годится без какого-либо приготовления, сорвал, съел и забалдел. Сушеный, он сохраняет свои свойства. Действующее начало мухомора выводится с мочой. Поэтому в старой литературе существуют описания, что когда в корякских и камчатских селениях замечали человека, одурманенного мухомором, то за ним устремлялись с котелком и поджидали его желания помочиться. Немедленно подставляли котелок, пили мочу и тоже балдели. Можно себе представить, сколь велико было желание «получить кайф», если преодолевалось, вероятно, неприятное ощущение от сего напитка. Неизвестно, пользуются ли современные коряки и камчадалы этим “ перегонным “ способом, но, мухомор продолжает оставаться в чести. У чукчей некогда был даже культ мухомора и на петроглифах выбитых около 4000 лет назад нередко изображен человек с грибом на голове. Шаманы использовали мухомор для “ общения “ с миром иным.

Там, где мухомор не встречается, шаманы и колдуны использовали иные средства. Об этом красочно поведал Карлос Кастанеда, повествуя о средствах вхождения в иные миры у индейцев племени яки. У южноамериканских индейцев, австралийских аборигенов и негров Африки существуют свои средства для искривления сознания и постижения высших сфер, как это обычно называется. В этом смысле наркотические вещества отличаются от алкоголя, который только возбуждает на первых порах, а затем отправляет в небытие. Можно пить водку, пока не упадешь под стол, но, никогда не увидишь при этом необыкновенных картин, какие можно пережить после курения марихуаны или опиума.

Еще в начале 19-го столетия Томас де Квинси написал “ Исповедь англичанина, употребляющего опиум”. В самых восторженных выражениях он писал об упоении зельем. Надо заметить, что опиум он начал употреблять по необходимости, а именно, стремясь избавиться от изнуряющей боли. Многие становятся наркоманами вследствие подобной необходимости. Привыкающий организм требует все больших и больших доз, чтобы достичь упоения, которое у Квинси описано весьма слабо, что и понятно. Блаженство описывать труднее, чем муки. Оно уносит в неведомое, чего уж тут писать!.. Зато муки жестко приземляют и каждый их нюанс колотится в сознании, которое хочется разгрузить перенесением их на бумагу. Зигмунд Фрейд смог бы лучше объяснить этот феномен своей теорией катарсиса, в которой он обошелся без «скрытого секса», что безусловно обеднило ее среди прочих теорий этого несравненного психолога. «Пытки опиумом» Квинси написал более чувствительно, чем упоение им.

Суть его исповеди сводилась к тому, что и после 18 лет употребления и злоупотребления зельем, когда организм изрядно разрушен, можно бросить эту привычку. Чаще, однако, привыкшие к наркотикам не успевают бросить свое пристрастие, переселяясь в иные миры навсегда, а бренное тело бросающие на съедение червям.

В настоящее время, когда изобретены разнообразные сильнодействующие наркотики и достать их совсем не сложно, имея деньги, старые способы забалдения тоже не забыты. Романтически настроенные молодые люди наводят справки сколько нужно съесть мухомора, чтобы «сорвать кайф» и что можно употреблять в данной местности еще, кроме мухомора. Они, дескать слышали о каком-то растении из семейства зонтичных. В самом деле, есть такое растение из зонтичных и даже не одно. Цикутой, называемой также вехом, по преданию был отравлен Сократ. По приговору суда он должен был выпить чашу с соком этого растения. На каком-то этапе он должно быть забалдел. Известны случаи отравления детей корневищем цикуты, которое с голодухи может показаться съедобным.

Не все ядовитые растения действуют в малых дозах как наркотики. В сущности и мухомор не является наркотическим средством. Ядовитость обычно создается наличием в растении алкалоидов, отдельные из которых оказывают одурманивающее воздействие, нередко с галлюцинациями. Но именно это и требуется. Человек настолько утомлен реальностью, что он рад уйти куда угодно, только бы не видеть обрыдлое окружение, которое создано больным обществом.

Можно, конечно, говорить о человеческой слабости, но, это дела не меняет. Не каждый способен вырастить себе крылья, когда ему с самого начала внушают мерзостные установки в полной уверенности, что так и должно быть. Прозревший видит себя по уши в дерьме и нет сил и возможностей вылезти. Тогда и приходит желание исказить реальность, а еще лучше уйти на время в иные миры, ведь смерть страшна.

* * *

Опять зажелтела листва на березках у барака, а на клумбах, окруженных рядом поставленных на угол кирпичей, словно сгустки крови доцветает наперстянка. Под самыми окнами еще густо зеленеет душистый табак, белые граммофончики цветков которого летом раскрывались к ночи и начинали пахнуть. Протянули на юг угольники журавлей, совсем как в песне : пронесутся они мимо скорбных растений, мимо древних церквей и больших городов... Или у Петра Лещенко:

Ну и пусть, ну и что же,
Какое мне дело,
Что багряный закат за окном догорит
Журавли улетели, журавли улетели
Только я с перебитым крылом позабыт...

Всего год прошел на этой зоне, а сколько впечатлений!.. Однако общий настрой все тот же - жгучая тоска до отчаяния. Опять надо на сыром ветру пилить тяжелые доски, а вечером идти в школу. В свободные от школы дни Иван занимается скрипкой с Михаилом Ивановичем. Бывает, что иззябнув за день, он ложится после ужина полежать и решает не ходить на занятия музыкой. Но, появляется Михаил Иванович.

- Что же это Вы не идете, я жду, жду!..
- Да я что-то плохо себя чувствую...
- Заболели?.. - Михаил Иванович пытливо всматривается в Ивана лежащего под телогрейкой.
- Да нет, не заболел, просто худо...
- Ну, ну, нельзя так, вставайте сейчас же, я Вас жду в школе...

Михаил Иванович уходит и Иван, проклиная все на свете, достает с полки над вешалкой футляр со скрипкой и тащится в школу.

- Ну вот и отлично!.. - встречает его Михаил Иванович, берет скрипку, настраивает и, глубоко выдохнув, что-нибудь исполняет. У него дело продвигается лучше, чем у Ивана, хотя Михаил Иванович и отмечает какой-то прогресс. Часа два они работают, прерываясь, чтобы поговорить и отдохнуть. Иван догадывается, что Михаилу Ивановичу он нужен так же, как ему нужен Георгий или Вадим. Общение с приятными для души людьми незаметно съедает время, а за эту незаметность в лагере готовы отдать все, что имеют. Да и после хорошего общения некоторое время сохраняется ощущение тихой печали, а не трудно переносимой тоски, когда не можешь ни лежать, ни сидеть. В состоянии тихой печали рождаются строфы.

Листья опадают,
Землю укрывая.
Птицы улетают
Из родного края.
Стали дни короче
Ночи холоднее.
На полях унылых
Озимь зеленеет.

Отсырело поле,
Грязно на дороге,
Волею-неволей
Еле тащишь ноги.
И как будто демон,
Ветер налетает,
Тучи нагоняя
Воет и рыдает.

Скоро уж метели
Землю заметут,
По утрам на елях
Щуры запоют.
Полетят снежинки,
В воздухе вертая,
Словно, как пушинки,
Землю укрывая.

Так прощай же, осень,
Время золотое.
Грусть слегка сжимает
Сердце, беспокоя.

Можно помечтать о связи с учительницей литературы. Она так славно читает Лермонтова, причем именно то, что давно выучил Иван. Дать бы ей что-нибудь свое, в порядке домашнелагерного сочинения на тему о чем мы грезим лирической порой.

Лунный блик холодный

Землю освещает
И тоской предгробной
Душу наполняет.

На землю ложатся
От деревьев тени
Словно шевелятся
Призраки видений.

Ветер в выси плачет
Грустно и тоскливо,
А вдали маячат
Ветлы сиротливо.

И в зловещем свете
Бледном, словно смерть,
Подымает ветер
Бойкое круть-верть.

На поляне пляшут
Призраки друг с другом,
Ветки дерев машут,
Подзадорить вьюгу.

Где-то волки воют
Душу изливая
И к луне холодной
Рыло задирая.

А луна при этом
Хаосе земном
Поливает светом
Словно серебром.

Сердце вырывается
Словно от погони,
Мысли кувыркаются
В реве какофоний.

Слились в тоске ночи
Чувства и метель,
Тянет что-то очень
В мерзлую постель.

И подобно волку
Хочется завыть.
Что без счастья толку
На земле сей жить?!

Пусть метели плачут,
Им ведь все равно.
Ветер наудачу
Пусть стучит в окно.

На лесном кладбище

В мертвой тишине
Будет, словно нищий,
Крест стоять на мне.

Волки след проложат
С ветром в унисон,
Но не потревожат
Мой спокойный сон.

Половинка бритвы все еще кроется на спине ватника. Иногда Иван нащупывает ее, но, теперь он знает наверняка, что использовать ее не будет. Пусть, однако, полежит еще на спине.

Однажды к немалому изумлению Ивана в кубрике появился его старый приятель Брянец.

- А я еще на свободе знал, что ты тут...

Брянец пришел с 1,5 годами по 206-ой, подрались малость. Он был все такой же слегка флегматичный. Кресты не оставили на нем никакого следа.

- А, подумаешь, 1,5 года, - беспечно рассуждал он.

Новичкам жить было негде и они поставили огромную военную палатку с двумя печками. Брянец занял нижнее место в самом дальнем углу. Новая бригада трудилась в Питере на стройке, куда ее каждый день возили в “ воронках “. Как-то Брянец появился сразу после ужина.

- Пойдем ко мне, подкурим, я там пару башей плана купил...

В палатке был как будто совсем другой народ. Здесь было много молодых и средних лет мужиков, тогда как в кубрике Ивана преобладали пожилые люди. Брянец позвал еще каких-то двоих. Он достал из-под тюфяка газетный пакетик и нежно развернул его. Два кусочка слипшейся серой пыли не внушали ни какой симпатии.

- Это пыльца индийской конопли, - пояснил востроглазый Валера, видя, что Иван разглядывает баши впервые.

- Когда конопля цветет, приходит хозяин, раздевается догола, мажется каким-нибудь маслом и бегает по полю. Потом соскабливает с себя пыльцу и сушит баши. Вот и все, можно курить, - разъясняет он далее.

Брянец уже усвоил методику. Он крошит план, смешивает с махоркой и сворачивает толстую козью ножку.

- Затягивайся и сразу передавай козу, а дым задерживай, - поучает он Ивана, не забывая поглядывать в переднюю часть палатки.

- Мусора часто заходят...

Они сосредоточенно глотают дым и ждут кайф. Однако ничего не происходит.

- А, фуфло, - говорит Валера, - один нюхательный табак, торгаши паскудные его всегда добавляют...

Потом выясняется, что что-то есть. Валера начинает то и дело хохотать. Рыжий амбал Толик и Брянец хотят есть. Толик уходит и приносит шмат сала. Пьют чай с салом. Иван не ощущает ничего, кроме некоторой дымки в глазах. Но, когда он отправляется к себе, то ноги как будто слегка подпрыгивают. Забравшись в постель он вспоминает, что забыл сходить в туалет и тут-то он вдруг осознает действие плана. Сознание как будто колеблется. Стоило подумать, что надо пойти в туалет и он совершенно отчетливо слезает со второго яруса вниз, но тут же выясняется, что он и пальцем не шевельнул. Он понимает, что галлюцинирует и надо что-то себе представить. Ну, конечно же, он дома. Господи, он идет по двору, ощущая мягкость травы. За забором из реек огород, а у самого забора стройная береза. Он видит на ее стволе черные черточки и пятнышки. Береза шелестит и даже пахнет, а раньше он и не знал, что у нее есть запах. А дальше вишня с черным стволом и шарообразной кроной. Все так отчетливо, как никогда не было. Однако, припирает. Он слышал, что план еще и хорошее мочегонное. Разорвав видение, так и не добравшись до крыльца дома, он все-таки слезает и спешит в вонючий особняк на отшибе. Какие-то летучие тени сопровождают его. Не растерялось бы, пока тут бегаешь в сортир, - бьется мысль.

Улегшись, он запускает сознание в женскую баню. Гремят тазы и голые женщины ходят мимо, намыливают головы и все остальное. Он ошалел от множества болтающихся грудей, круглых животов и здоровенных задниц. Но вот... кое-где есть на что посмотреть, а, если потрогать?.. Видимо не положено. Прикасание все портит, видение исчезает. Ну их... Пойду в лес. И тут же - прелый запах; ветка елки больно бьет по лицу; папоротники по пояс; лежит гнилой ствол дерева; какая-то

крупная птица проскочила, сказала “ кик “, как дятел, но резко и в другой тональности; а вот кисличка, во рту от нее приятно. Лес кончился, впереди какие-то коричневые клубы. Они шипят и свистят, свиваются. Надо уйти от них. Иван бросается прочь и вдруг полетел. Земля исчезла, что-то непонятное вдруг, но как будто живое, прячущееся. Зашелестел сиреневый огонек, распахнулось вдали мерцающее марево и упало в какую-то глубь, а дальше жуткая чернота, но она не пускает, она твердая и гладкая, как стекло. Скользят руки, уходит сознание.

Утром Иван вспоминает все, что видел и размышляет, как это могло быть. Ведь он как будто присутствовал там, где хотел находиться и только в конце его куда-то занесло не туда. И что это за странная черная стена, которая не пустила его. Может быть за ней “ тот свет “. Так что ему, он там бывал еще в детстве, хотя почти ничего не помнит. Вроде бы тогда не было стены.

Еще один школьный год остался позади. Пятерок в табеле всего две, но и троек нет. Матери пришлось раскошеливаться на футбольный мяч, а вскоре и на стекло, выбитое этим мячом в одном из окон. Затраты Ваня искупал своей спиной, по которой гулял шомпол. Шувал, изучивший спину Вани после экзекуции, нашел, что ничего страшного на ней нет, только красные полосы.

Тетя Нина принесла в подарок Ване сразу три книги: «Дети капитана Гранта», «Кортик» и «Хижина дяди Тома». Дядя Леша был горд щедростью своей сестры, хотя заметил, что мальчонка растет свиненком, и как мать его не лупит, лучше не делается, а наоборот, звереет с каждым днем. Ване было неприятно, что отчим так говорит о нем. Пожалуй, тетя Нина решит, что зря подарила такие хорошие книги ему и унесет их домой. Но, тетя Нина опять сказала, что поркой человека не сделаешь, а лишь изуродуешь.

В доме подросла немалая группа детей, становящихся отроками. Были и чуть помладше, но, относящиеся именно к этой возрастной группе, потому что много было во дворе шибздиков с одной стороны, а с другой - целая орава старших ребят, которые построили в саду из досок будку и собирались в ней. Старшие иногда присоединялись к средним погонять мяч или даже поиграть в зубарики. Для этой игры требуется напильник. Существует определенная последовательность способов держания напильника или манипуляций с ним. После резкого движения напильник должен воткнуться в землю. Если это не получалось, напильник переходит к другому игроку. Кто быстрее закончит серию, т.е. кон, тот выходит из игры и ждет последнего, т.е. проигравшего. Для него в землю загоняют тем же самым напильником спичку, которую нужно вытащить зубами. Иногда спичка глубоко уходит в землю и бедняге проигравшему приходится рыть зубами ямку вокруг спички и уж затем вытаскивать ее. Победители сидят вокруг и радуются, глядя как их товарищ добросовестно грызет землю, выплевывая куски ее.

Блаженная пора после 4-го класса. Нет еще забот о прекрасном поле, а если есть, так это жить не мешает. Энергии хоть отбавляй, а потому - постоянные игры с беготней и воплями. То это лапта, когда собрались команды, то в чижика, то в войну, то в прятки, но особое удовлетворение приносит футбол, хотя, чтобы сыграть по-настоящему надо идти на луг за Воняловку, а у дома мяч то и дело притягивают окна, а во дворе петухи забывают про куриц и те не несут яйца. Хозяйки не раз собирались группой и дружно орали на «этих хулиганов», а также ходили жаловаться Ваниной матери, полагая, что именно владелец футбольного шара является зачинщиком всего дворового беспокойства. Они ошибались незначительно, но все же нередко зачинщиком был Сидор, которому надоело сидеть дома и читать книжки. Сидор стал посещать дворовую компанию и сразу обнаружил способности заводилы. Именно он частенько предлагал Ване тащить мяч и немного размяться. Если пацанов вышло во двор мало, Сидор навязывал какую-нибудь другую игру. Он не любил сидеть где-то и говорить ни о чем. Когда Ваня подавал идею отправиться в другую часть городка - просто посмотреть, что там есть, Сидор с жаром подхватывал мысль. На дальние прогулки отваживались немногие - мама заругает. Но бывало, что отправлялись даже вчетвером. Приходили к реке и шли вдоль нее по улице сельского облика. Сидор непременно что-нибудь комментировал или рассказывал, нагоняя на присутствующих дух геройства. Однажды проходили мимо глубокой впадины через которую был проложен мост, под которым клокотала вода. Опьяненный сидоровским героизмом, Ваня, не задумываясь прыгнул на склон, чтобы слазать под мост. Он слегка съехал по склону, когда Валерка, заорал с моста: “ Стой, не двигайся!..”. Ваня сел, догадываясь, что дальше обрыв. Сидор с Валеркой связали брючные ремни и бросили конец Ване. Скоро они все стояли на мосту и Ваня с неприязнью смотрел, что он не доехал до обрыва с полметра. Дальше можно было метров 7-8 свободно парить и, наконец, приземлиться на валуны, вокруг которых кипит ручей.

Недавно в доме появился Юрка Шибал, которого прозвали Шишкой, так как у него была круглая голова. Мальчик он был крупный и сильный, к тому же как многие дети без отцов неприкаянный и бешеный. Фантазии у него было мало и его с самого начала почему-то все недолюбливали, особенно дети интеллигентного воспитания. Сидор иногда морщился, слушая разговор Шишки. К компании постоянно приходил Женя Лыткин, у которого одна нога была в протезе и он, конечно, не мог бегать, прыгать или забираться на крыши сараев. Зимой мать возила его в школу на саночках. Он учился с Сидором в одном классе и Сидор относился к нему по-дружески. Лыткин много времени проводил в больницах, где ему вытягивали ногу по мере того как он подрастал, а нога не росла. Там он прочитал множество книг, привык рассуждать и, случалось, озадачивал дворовую компанию, особенно, в отсутствие Сидора, какими-нибудь замысловатыми историями. Умел он и зло пошутить, хотя старался сдерживать подобные порывы из боязни получить «банку».

С утра Ваня отправлялся на ответственное задание по дому. Весной мать купила поросеночка, который некоторое время бегал по комнате наперегонки с сестренками, а потом дядя Леша соорудил в сарае загон и поросеночек стал там жить поживать, да сальцо наживать. Ваня каждый день был обязан собрать здоровенную корзину листьев мать-и-мачехи или мокреца на корм поросенку, а в три дня раз ходил на лесопилку, за опилками на подстилку. После этого он был свободен и предавался играм со всем пылом. Иногда он посещал бабушку с дедушкой. Дед научил его пользоваться столярными инструментами и он выстругивал неуклюжие модели парусников, которые запускал в омуток притока Воняловки недалеко от дома. Паруса надувались и какое-нибудь подобие фрегата ходко двигалось фордевинд к соседнему берегу. Когда спокойное плавание фрегата надоедало, Ваня закладывал ему в трюм баночку из-под вазелина, начиненную порохом из запасов отчима. К дырочке подводилась ниточка смоченная керосином, конец которой Ваня поджигал и пускал фрегат в плавание. На середине речки фрегат взрывался. Рушились мачты с черными пиратскими парусами, взлетала рубка. Ваня вылавливал потерпевший крушение фрегат и нес его домой чинить. Он изучал весьма сложную мореходную терминологию и мечтал о плаваниях в далеких морях, стоя на берегу Воняловки.

Летом на воле можно и подкормиться, да еще и витаминами. В саду дети щиплют листья барбариса, посматривая, чтобы снизу они не были облеплены оранжевой тлей. Листья кисленькие и утоляют жажду. Когда цветет акация, ее желтые цветки тоже идут в рот. Они сладковатые. Слепням их попытки ужалить обходятся дорого. Мгновенный шлепок и слепень готов. У него отрывается брюшко, и там, внутри, обнаруживается желтоватый шарик - настоящее лакомство. У крупных красивых слепней, называемых офицерами, он особенно крупный, как капелька меду.
Прогулка в лес, через поля сопряжена с подкормкой овощами, особенно капустой и турнепсом. Поле морковки около деревенских домов и там можно схлопотать по шее. Свекла не вкусная. Зато вдали от домов спокойно срезаешь кочан капусты, если листья уже свернулись, и хрупаешь. Ближе к осени кочаны такие, что одного на троих хватает, а турнепсины и половину не сгрызть. Раньше тут хлеба росли, а теперь все овощами занято, в основном картошкой, но ее надо печь, а это долго. Только кое-где желтеет овес, иногда с горохом, на силос, наверное. На этом поле приходится задержаться - надрать гороху. Говорят, что в полях дежурит объездчик верхом на лошади и с ружьем. Кому-то он даже влупил заряд соли в задницу. Так что нужно посматривать. Но он только около капусты ездит, зачем картошку или турнепс сторожить!
На опушке леса есть большие черемухи. Можно полчаса болтаться на дереве, когда ягоды созреют; знай только косточки выплевывай. Потом рот двигается с натугой. А там. Глядишь, малинник. Ничего, что в нем крапива по уши, зато как вкусно! Только бы червячка с ягодой не съесть!

Кое-где растет щавель. Из него даже щи варят, хотя он и так хорош. Жаль вот только, что конский щавель совсем не вкусный, а у него такие крупные листья!

Если со ствола дудки содрать кожицу, то остальное можно жевать. Потом, правда, дудки деревенеют и уже не съедобные. Крупная осока - тоже неплохо. Нужно ее выдрать так, чтобы корни остались в земле, а белые основания листьев, сочные и чуть-чуть сладковатые. Головки клевера, хоть белого, хоть красного, тоже вполне съедобны, хотя много их не съесть, так как безвкусные.

Все это знает каждый мальчишка. Но известное не достаточно, поэтому апробируют неизвестное: приглянувшиеся листочки, ягодки, семена. Даже еловая кора под верхней, чешуйчатой коркой признана съедобной. Опыты не всегда кончаются благополучно. Случается кому-то рас-

строить желудок самым злосчастным образом. Пострадавший обычно сообщает: вот это не жрите, я три дня дристал с него...

Да, надежнее в чей-то огород слазать. Хозяева, однако, знают о мальчишеской (да и не только мальчишеской) слабости по чужим огородам шастать. Поэтому сооружаются могучие изгороди и заборы с кружевами из колючей проволоки. Бедолаги то штаны порвут, то клочок рубахи оставят на заборе, проклиная колючую проволоку и не догадываясь, что сейчас лезут внутрь огороженного пространства, а придет время и кое-кто окажется наглухо запертым в подобном пространстве и ничего не будет так желать, как оказаться снаружи.

Странные вещи иногда происходят. Вот гонят стадо телок на бойню, а они запрыгивают друг на друга сзади словно бычки. Ваня внимательно присматривается под животом: ну как же, это неразвитое вымя, а у бычка волосатый хохолок на животе, из которого хабулда вылезает, когда надо. А это все телки, но почему они изображают из себя бычков, непонятно. Может быть время пришло, стало хотеться, а бычка нету, так они друг другу помогают вроде бы его почувствовать, хотя бы только копытами по спине?! А иначе как понимать их поведение?.. Всему должно быть объяснение, и как приятно его находить. Ваня делится своими соображениями с Валеркой, и тот вдруг ошеломляет приятеля сообщением, что и у людей так бывает: у мужиков - педики, у баб - лесбиянки. Теперь становятся понятными некоторые слышанные выражения. Но полной ясности нет, и Валерка проявляет удивительную осведомленность в этих вопросах и терпеливо разъясняет Ване что к чему. Старший брат иногда берет Валерку в компанию больших ребят, которые собираются курить в своей будке в саду. Они там обсуждают все житейские вопросы и делятся своими познаниями, добытыми в разных местах. И все так интересно! Это тебе не школа. От которой окачуриться можно. Сколько времени зря тратится!

~ 30 ~

Когда в тоске немых страданий
Нет упований
И жизнь пуста
Целение - душе печальной -
Звук музыкальный
И красота!
(Альфред де Мюссе)

Великая сила таится в музыкальном звучании. Под звуки марша полки солдат ходили когда-то в бой и музыка заставляла их забыть страх. В свое время звезды рок- и поп-музыки приводили в экстаз целые толпы молодежи. Многие из тех, кто пережили те времена и приблизились к старости или уже вошли в нее помнят, конечно, и Элвиса Пресли, и Битлз, и кое-кого еще, но, теперь уже ясно, что особой красоты в этой музыке не было. Правда, нужно отдать должное, и Элвис, и ливерпульская четверка были все-таки певцами, а не только крикунами. Когда «король рок-н-ролла» исполнял блюз о нищем чикагском мальчике, то чувствовался и красивый мощный баритон и мастерское им владение. И когда теперь называют каких-то новых прославленных уже звезд и вот... они заорали, завыли - самое время переключить телепрограмму. Однако этот вой весьма популярен и нужно слышать как ему вторят кошачьи рулады юных поклонниц и свист в два пальца поклонников. Быть может к старости они тоже охладеют к этому жанру, особенно, если одних одолеют алименты. а другие будут озабочены, как прокормить малолетнее потомство. Впрочем, у каждого человека с его возрастом влечения претерпевают свою эволюцию. Мой сосед, произведя четвертого ребенка с выходом на пенсию, до сих пор упивается поп-музыкой, потом бежит на кухню сушить сухарики, чтобы отбить у своей детворы аппетит, пока мамаша постучит на машинке, да потом подметет дорогу и где-нибудь вымоет пол.

Поп-музыка пуста и производит соответствующее действие на душу человека, т.е. заполняет ее пустотой. Может быть, временами это и неплохо - сделать нечто вроде проветривания своей души. Но, опять же, возрастной анализ говорит, что такое проветривание бессмысленно. Оно не способствует разгрузке от тяжелых впечатлений. Такое действо способно оказать только классическая музыка. Скажут, что не всякий ее понимает. Но музыку и незачем понимать, ее надо слушать и она сама проникает туда, куда нужно. А слушать может каждый. Надо лишь попробовать. Например, в

мрачном настроении поставить на проигрыватель пластинку с записью частей «Большой мессы» И.С. Баха. Конечно, это может быть и другая музыка, хорошей музыки - море.

О воздействии музыки писали многие писатели. Л.Н.Толстой в «Крейцеровой сонате» дал свое ощущение музыки. «Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение, мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я собственно не чувствую, что я понимаю то, чего я не понимаю, что могу то, чего я не могу.

Она, музыка, сразу непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое; но зачем я это делаю - я не знаю. Ведь тот, кто писал, - ведь он знал, почему он находился в таком состоянии. А я не знаю. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует».

Наверное, по-разному можно осмысливать этот отрывок. Но его драматическая напряженность говорит прежде всего о неспособности Л.Н. Толстого проникаться музыкой. В самом деле, музыка, в отличие от любых других искусств, неспособна передавать зло в любом его обличье. Даже если композитор задумает изобразить дьявола музыкальными средствами, то это невозможно точно так же, как невозможно написать одноцветную картину. Музыка это - космическое действо, а в Космосе нет зла и добра. Поэтому она не может «страшно действовать», даже если это контрапунктная музыка, т.е. не основанная на законах гармонии. «Страшное, ужасное действие» создает не музыка, а собственные ощущения человека, таящиеся где-то в его глубине. И то, что они вылезают в момент слушания музыки говорит о том, что человек вслушивается в себя, а не в музыку. Воспринимаемая музыка загоняет всю душевную черноту подальше, вглубь, заставляет душу воспарить, причем мгновенно. Только что вы пребывали в настроении далеко не радужном и вдруг... зазвучала первая часть «Stabat Mater» Перголези, или «Адажио» Альбиони, или «Реквием» Моцарта, или «Ноктюрн» Чайковского и его же ария Ленского, дуэт Лизы и Полины, или «Мелодия Орфея» Глюка, или «Элегия» Рахманинова (да разве можно перечислить шедевры, созданные за столетия !). Ваше состояние перестраивается немедленно. Оно резонирует с космическими вибрациями, которые для вас приготовили творцы прошлого. Из сжатого комочка под давлением мнимых или действительных горестей вы ощущаете расширение своей сущности. Неведомые силы снимают покровы гнета, открывая безмерные глубины, в которых дух обретает свободу.

* * *

Прошло очередное свидание. В холодное время года свидания проходят в небольшом зале головного барака с вахтой. Здесь довольно тесно, но люди не обращают внимания ни на что. Они видят лишь того, к кому приехали. Лишь некоторые зэки постреливают глазами по женщинам. Кто-то прильнул должно быть к своей жене, одной руки не видно, у нее на коленях большой платок с головы.

Как-то добродушный здоровяк Витя в классе рассказывал о своем свидании с сестрой: «Сидит она такая вкусненькая, я ей и говорю, дай-ко, сестренка, я тебя помацаю, а то забыл уж ощущение женского тела, а она мне - мацай, только до пояса...»

Иван спрашивает у матери несколько рублей. Конечно, приготовлено, в носовом платке. Иван сует платок в ботинок, мало ли, надзор проверит при выходе в зону.

Жесткий голос оповещает, что пора расставаться, на улице еще большая очередь, всем хочется увидеть своих, передать передачу.

На дороге поджидает Брянец.

- Ну, что, есть?..

- Есть!..

- Давай!..

Иван разворачивает платок. Пять рублей одной бумажкой.

- Не будет сдачи, так бери на все, я после ужина приду...

Брянец уходит. За товаром ходят по одному и только доверенные лица. В передаче Иван видит новые книги и пачку нот. Он смотрит ноты и чертыхается. Такие вещи ему не осилить и через 10 лет: Шостакович, Стравинский, Сарасате.

Надо учителя порадовать. Он отрезает кусок сала, кусок масла, берет банку консервов и пачку печенья, заворачивает все в газету и несет в барак Михаилу Ивановичу. Учителя, однако, нет. Иван оставляет пакет под его подушкой. Вернувшись, он рассматривает книги и тут появляется учитель с газетным свертком.

- Что это такое вы придумали?!.

- Ну, это я в благодарность за вашу помощь, - смущенно отвечает Иван.

- Вы можете выразить мне благодарность словами, но зачем салом-маслом!

Ивану ничего не остается делать как извиниться, поражаясь тому, что в лагере человек, которому ничего никто не приносит, отказывается от продуктов, которые он вполне заработал. Он показывает учителю ноты. Обстановка разряжается. Учитель хмыкает и высказывает те же соображения, что у Ивана уже возникали. Однако учитель просит ноты с собой «помузицировать в уме».

После ужина Иван отправляется в палатку Брянца. Подтягиваются кенты. Скоро компания сидит, упиваясь ароматным дымом. Сделали два баша на здоровенную козью ножку. Выкурив, Иван уходит к себе - теперь надо одному лежать и представлять себе что-нибудь...

Опять он блуждает по лесу, выходит на поляну. Кругом трава по шею и вот... она... огромная рыжая бабочка. Точно... Он уже видел ее когда-то очень давно. Тогда она его так поразила своей необычностью, что он замер. А бабочка не торопясь, взмахивала большими крыльями, словно брызгая диковинными вспышками. Потом он видел Таню. Она была все в том же сером пиджачке. Грудь у нее подросла и теперь выпячивалась заманчивыми шарами.

- Жаль, что тебя нет здесь, - сказала она потупляя глаза, - мы бы за черемухой сходили...

Иван хочет возразить, что он есть, ну, как же... Но, появляется мысль, а может быть его и вправду нет.

Откуда-то доносится грохот. Иван медленно вплывает в окружающую действительность, наполненную матом Толика Трефила. Опять он нажрался в столярке политуры и, забираясь в свою постель, рухнул со второго яруса на тумбочку. Сволочь!.. Такой кайф оборвал!..

Ивану снится скрипка, которая висит в воздухе и играет сама по себе. Но, боже... какая музыка!.. Он никогда ее не слышал. А какой звук!.. Жаль только, что мало, куда-то унесло. Не знак ли это какой свыше, что он должен научиться игре на скрипке?..

Но, какая может быть игра на скрипке после тяжелых сырых досок. Опять приходит вечером учитель.

- Ну, что же вы опять лежите?.. Немедленно вставайте, иначе никогда не освоите инструмент...

В классе он ставит скрипку на колени, настраивает.

- Так, что у нас?.. «Веселый крестьянин» Шумана, отлично!..

Он изображает, как это должно звучать и передает скрипку Ивану. Когда Иван в полном миноре, как он выражается, они не играют этюды и упражнения, а сразу берутся за пьески.

- Звук, звук, - повторяет учитель, - мягче, не пилу держите...

Иван пытается воспроизводить все, что он видит у своего учителя, как он свободно водит смычком и с какой силой нажимает, как меняет пальцы на грифе.

- Пошел звук, хорошо, переход мягче...

Звучит что-то похожее на Шумана.

Во время отдыха учитель рассказывает о жизни Шумана.

- Все великие люди много страдали...

Иван возражает.

- Зато они были великими...

- Большинство из них стали великими, когда умерли. Тогда только общество рассмотрело, что они великие. А при жизни многие из них были нищими изгоями. Почему нет могилы Моцарта? Потому что его закопали в общей яме для бедных и никто не знает, где находится эта яма.

Они пытаются играть «Турецкий марш». Это идет туго. Беглости пальцев крупно не хватает. Переключаются на «Песню Сольвейг» по переписанным нотам. До поры, до времени вещь звучит терпимо. Кажется, что самая распевность начальных строф такова, что не может не звучать. Но дальше начинаются пассажи и тут все звучание превращается в дерганье.

- Ничего, это придет, - заверяет учитель.

Кажется не столь уж продуктивен вечер, но он доволен и теперь Ивану уже неприятно вспоминать как учитель приходил поднимать его с койки.

После занятий приятно выпить кружку горячей воды с сухарем. В тени верхних коек повсюду сидят кентующиеся и пьют вечерний «чай», обсуждая текущие дела. Иван пошел в палатку к Брянцу. Тот навеселе. Накануне он приглашал Ивана на «полкружки», но Иван отказался от водки.

- А с планом шабаш, старичка накрыли... У него между прочим, в каптерке целый чемодан чаю нашли... Какая-то падла капнула...

В соседнем углу шумно завозились, донеслись смачные удары и бешеная ругань. Дерущихся растащили. Брянец вышел из закутка посмотреть, что происходит.

- А, вечно эти, как выпьют 100 грамм, так шуму наделают на целую поллитру...

Иван сожалеет, что пришел сюда после общения с учителем. Слишком далеко одно от другого, хотя, казалось бы, в одной загородке находится.

* * *

Как и год назад, Ваня едет на одну смену в тот же пионерский лагерь. Интересно рассматривать что-то через год. Кажется, что все то же самое и в то же время что-то изменилось. Старый дом совсем облупился. Повалился забор, отделяющий территорию лагеря от лесопарка и теперь туда можно беспрепятственно ходить. Волк хвастается, что он “ обработал “ в лесопарке Светку - дочку Семена Борисовича. Ваня ему не верит. Светка - девочка интеллигентная и вряд ли она пошла бы в лесопарк с таким оглоедом, как Волк.

Как-то Ваня сталкивается с завхозом и спрашивает, почему он не выходит вечером с мандолиной, как в прошлом году. Завхоз явно польщен и обещает сегодня же поиграть. После ужина Ваня посматривает на лавочку близ облупленного дома. Наконец из дома выходит завхоз с мандолиной и оглядывается. Ваня спешит устроится рядом.

- Что тебе сыграть?.. - завхоз готов на все.

- Полюшко-поле, - отвечает Ваня, не так давно столь сильно прочувствовавший эту мелодию, что она часто звучит у него внутри.

Завхоз очень недурно исполняет заказ, а потом играет одну песню за другой, забыв про слушателей, которых собралось человек двадцать.

В смене много ребят с улицы Мурманской. Как-то во время купания один из них переплыл на ту сторону реки и исчез. Все вожатые были в шоке, но тут пришел Игорь из старшей группы и попросил отпустить его на поиск беглеца. Он сказал, что мать того попросила его присматривать за ее Севушкой. Убитая происшедшим Валентина Петровна разрешила Игорю попытаться найти сумасброда. Игорь переплыл реку и исчез в кустах. Вечером он привел беглого. Они долго говорили с начальством и у Игоря после этого были красные глаза. Сева согласился не сбегать больше.

Ваня познакомился с Севой еще весной. Однажды в магазине низенький крепыш лез за хлебом без очереди. Ваня его одернул. Крепыш, повернувшись к нему, взял его одной рукой за рубашку и привлек к себе: «Ты что, падло вонючее, по роже захотел?..» Почувствовав, сколь крепка рука, а изо рта крепыша сильно пахнет табаком, Ваня почувствовал неуверенность и даже страх, но оттолкнул руку: «Ну ладно, чего цепляешься!..» Бабы в очереди заволновались, высказывая нелестные реплики в адрес крепыша, который не стал спорить, а повернулся и ушел со злорадной ухмылкой.

Около магазина он поджидал Ваню и снова взял его за грудки, дыша ему в лицо табачным перегаром.

- Ну что, дать тебе пилюлю?..

- Не надо, - сказал Ваня.

- Ну, ладно, - крепыш вдруг мило улыбнулся, - давай петуха... - он протянул руку. - Сева...

Он был чуть постарше Вани, но его лицо было рыхлым и серым. Про такое лицо обычно говорят «морда».

Однажды раньше времени протрубил горн на линейку. Все сразу обратили внимание, что в линии больших портретов членов правительства образовалась дырка. Один портрет убрали. Пока выстраивались сообща вспоминали, что тут был плешивый в пенсне. Валентина Петровна с трибуны произнесла металлическим голосом, что член правительства Берия оказался врагом, шпионом нескольких разведок империалистов, прокравшимся аж в правительство. Но теперь он раскрыт и обезврежен. Мы можем спокойно продолжать отдыхать на благо Родины и помнить, что

враги могут оказаться повсюду. Недисциплинированных детей они могут вовлечь в свои сети, поэтому наша задача - хранить заветы бессмертных Ленина и Сталина и соблюдать лагерный режим. Она посмотрела в сторону Севы и все стали себе представлять как на той стороне реки враги расставляют сеть и Сева в нее попадается. А может его уже завербовали и он уже шпионит!

В воскресенье на дорожке от входа показалась группа приехавших родителей. Ваня стоял на крыльце среди старших мальчиков с Мурманской.

- Ва-а-ня!.. - услышал он голос матери и увидел как она машет рукой.

- Приехала, сука, - зло выговорил он, чтобы слышали ребята с Мурманской. Они не обратили внимания на его непочтительность.

- Ну как ты тут?.. О, загорел-то как!..

Они сели на скамью. Дядя Леша щелкнул портсигаром и закурил. Мать была довольная чем-то и так часто смеялась, что Ваня удивился про себя и подумал : словно и не лупцевала шомполом.

- Что и до вас дошло про Берию?.. - спросил дядя Леша, глядя на череду портретов с дыркой вместо одного из них.

- Да, линейка была внеурочная, враг говорят и всякое такое, - с жаром отвечал Ваня, обсасывая шоколадку, - а мы скоро в поход пойдем на два дня...

Он был рад, когда мать с дядей Лешей ушли. И зачем приехали?.. Можно подумать, что он им нужен.

Долгожданный поход начался. Сначала шли с развернутым знаменем под барабанный бой. Барабанщик, утомившись, дал побарабанить Ване, который успел научиться этому искусству. У реки устроили большой привал с купанием. Ваня до сих пор не научился плавать, но, близ территории река была мелкая до середины и можно было, кое-как побарахтавшись, встать на дно. На новом месте оказалось иначе. Пробарахтавшись несколько метров, Ваня встал, чтобы подышать, и ушел под воду с головой. Он оттолкнулся от дна, хватанул воздуха и отчаянно заработал руками. Залитые водой глаза не позволяли видеть, что он продвинулся еще дальше от берега. Несколько раз он отталкивался от дна и пытался удержаться на воде. наконец, сознание поплыло и он, вероятно. погрузился бы последний раз, но, под ногами вдруг ощутил чью-то спину так, что голова осталась над водой и еще кто-то поддерживал сбоку. Потом его подтащили ближе к берегу. Он стоял по пояс в воде и приходил в себя. Кругом брызгались, кричали и визжали, словно и не тонул он минуту назад. Кто же его вытаскивал?..

Позднее выяснилось, что Миша, живущий в том же поселке, что и бабушка, заметил, что Ваня захлебывается и глаза у него уже закатываются, хотя никаких звуков он не подает, а только прыгает от дна. Миша сказал двоим мальчикам подержать Ваню, пока он нырнет под него, чтобы Ваня подышал. Потом они все вместе отвезли его на мелководье. Оказывается, что эта история не осталась незамеченной в общем шуме и девчонки из соседнего дома в их городке называли Ваню «утопленником».

Выяснив у Волка, что главный его спаситель был Миша, Ваня подошел к нему и сердечно поблагодарил.

- Да ты у меня уже пятый!.. - воскликнул Миша, должно быть сам удивляющийся тому, что ему то и дело приходится вытаскивать утопающих.

Начальство про этот случай так и не узнало. Оставшееся время похода Ваня постоянно находился рядом с Мишей, который ему рассказывал обо всех тонувших и им спасенных. Ваня снова выражал ему признательность.

Позднее они иногда встречались в своем городке на дороге к дому бабушки. Общих разговоров у них не было, но Ваня был неизменно приветлив. Однако через несколько лет, когда их пути пересекались на той же дороге, Ваня, уже ставший Иваном, перестал узнавать своего спасителя.

Летом откуда-то появились цыгане. За Воняловкой на лугах они ставили свои шатры. Темными августовскими вечерами далеко был виден огонь костра вокруг которого метались тени. Доносились протяжные песни. Утром цыганки расходились на промысел. С подвязанным на груди ребенком цыганки появлялись в домах, прося милостыню и предлагали погадать.

- Палажи рупь, - говорила черноокая красавица, закутанная в пестрые ситцы, протягивая руку вверх ладонью, - все, как есть скажу, что было и будет на твоем веку, чего остерегаться тебе нужно, чтобы не впасть в нужду...

На гаданье мало кто прельщался, знали, что вранье все, но куски давали. С незапамятных времен в природе русского человека есть качество - давать милостыню даже из последнего.

Цыганки были очень ловкие и между делом успевали проверить карманы в одежде, обычно висевшей у входных дверей. Разного рода кусков и объедков они собирали достаточно для прокорма двух-трех лошадей, с которыми путешествовал табор. Близ дома нередко появлялись лохматые мужики цыганы. Особенно один - огромный и с одним глазом - занимал юных бездельников, которые обзывали его из кустов в саду, используя сочные образцы русского лексикона. Цыган бросался на забор, одним махом перескакивал через него и мчался за сорванцами, размахивая кнутом. Бегал он очень резво, но все же настичь кого-то ему не удавалось. Однажды он только наткнулся на Лыткина с протезной ногой и уже хотел было огреть его кнутом, но Лыткин отчаянно завопил:
- Дяденька, это не я!..

Цыган рассмотрел неестественно прямую ногу Лыткина и опустил кнут.
- Шавелла черножопая!.. - раздался из дальнего угла сада звонкий крик и цыган бросился туда. На его глазах пара сорванцов, как обезьяны, вскарабкались на большой тополь, с которого перемахнули на крыши высоких сараев и были таковы. Позднее, в подъезде дворовая орава слушала эмоциональный Ванин рассказ о приключении с одноглазым цыганом. Потешались над Лыткиным, спрашивая, нет ли у него чего в штанах.
- Посмотрел бы я на вас на моем месте, когда тебе вот-вот кнутом хряснет такая страхолюдина, - парировал Лыткин.

Как человек приходит с работы домой и, расслабляясь, отдыхает, так возвращался домой и Ваня, устав от беготни, шкодливости и специфичного уличного угара, который он временами ощущал как нечто постылое и чуждое. Он углублялся в книгу и воображал себя в ней.

~ 31 ~

Обратись лицом к седьмому небу,
По луне гадая о судьбе.
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.
(Сергей Есенин)

Наплывает с моря на остров утренний туман. Кажется его стена сейчас скроет лес, подступающий к береговым уступам. Ведь съела белесая толща морские дали, что сверкали вчера бликами!.. Но лес не пускает туман. Висит он над береговыми скалами, делая их призрачными, и бросает в лес клубы. Плывут они извиваясь между деревьями и постепенно растворяются. Сумрачный лес не шелохнется. Невидимой силой уничтожает он туманных пришельцев. Многие часы длится борьба и лес изнемогает от влаги, но туману не удается проникнуть далее окраины. Поднялось солнце и вся туманная громада тревожно зашевелилась и начала таять. Брызнули искрами бесчисленные капельки на листьях и испарились. Во влажной теплоте запорхали птицы, до того притихшие под гипнозом серых клубов. Запестрели солнечные пятна на ветвях. Прорвались отдельные лучи до сырой травы и обласкали ее.

О, благостный момент!.. Стоит пережить серые будни, чтобы вкусить с остротой радость бытия, когда вся природа трепещет в ликовании. Погрузись в него, в него, человече, и стряхнется с тебя грызущее прошлое, и забудутся угрозы будущего. Останется только данный момент, насыщенный восторгом. Не нужно будет думать о высоких и низких материях, о потерях и обретениях, о друзьях и врагах. Вообще истребится мысль, зачем она, когда сердце включено во всеобщий экстаз. Подольше бы держалось это ощущение!.. Но, в благости время быстротечно. Наверное, так и должно быть, чтобы не было привыкания. Ведь, если человек привыкнет к благости, он перестанет ее ощущать и тогда жизнь его лишится могучей поддержки незримых сил. Из самосущности природы льются эти силы, но нужно, чтобы открыта была душа, ведь только в открытое окно вливается свежий воздух. Его вдыхая, мы ощущаем прилив бодрости. Так и с природной благостью. Если закутываемся мы в жесткий покров своего эго, то не проникнут в душу светлые начала.

И все-таки надежда не пропадает навеки. В любой черноте, если в нее всматриваться нет-нет, да и появляется нечто светящееся. Зажмурьте глаза и увидите. выплывут из мрака светлые пятнышки и, если на них сосредоточиться, то их станет больше и больше. Одновременно появится ощущение радости, такое же как при восходе солнца, разгоняющего мрак и туман.

* * *

Прошел очередной суд по условно досрочному освобождению. На него был представлен Пашка. Он сидел за убийство при самозащите. Трое на него поперли с финками, когда он шел с девушкой. Пашка выхватил кол, поддерживающий деревце, и понес молодцов с финками. Один из них так и не очухался. Советский суд гуманный : Пашке дали только 5 лет, учитывая оборотность ситуации, либо они его, либо он их. К тому же статья за убийство при самообороне идет по двум третям. Большую часть срока Пашка отбыл в другой зоне. Там у него были постановления и на суд он не попал. Но спецчасть сгорела, а с нею и все дела. Теперь Пашка был чистым. На новой зоне он не схватил ни одного постановления. Но суд не освободил Пашку. Слишком уголовная у него была рожа с выдвинутым вперед челюстями, как у питекантропа. Ивану однажды снился сон как Пашка надвигается на него, когда он лежит на верхней койке и с яростью вырывает клочья матраса. Изо рта у него вырываются булькающие звуки. От ужаса Иван проснулся.

Потом он узнал, что Пашка вовсе не злобный тип, как можно подумать, глядя на его физиономию. Единственный его недостаток состоит в желании погладить в бане кого-либо из молодых по голому заду. Ивану тоже приходилось огрызаться, на что Пашка добродушно отвечал : «Да, это я так, из любви к искусству».

Теперь он сидел, не снимая ватник на койке, и мрачно глядел перед собой. Значит, еще больше года, т.е. по звонку, 3,5 года мало за убитого мерзавца.

Летят белые мухи. В безветрии на колючей проволоке образуется ажурная пуховая опушка. Вышка на углу кажется избушкой на курьих ножках. Время как будто замерло. Целый день шнырь топит печку и вечером в дощатом бараке тепло. После ужина можно полежать на койке запрокинув голову, чтобы не было мыслей. Таня больше не пишет, значит встретила кого-то. Зачем ей зэк, который освободится бог весть когда.

К Новому году пришло несколько поздравлений и среди них открытка, озадачившая Ивана. Он не сразу понял, что она от отца, но, прочитав, мучительно размышлял, как поступить. Ведь они чужие друг другу и о чем Иван может писать незнакомому человеку?.. Кроме душевной боли у него сейчас ничего нет. Много раз он брал в руки и теребил стандартную открытку.

Здравствуй Ваня!

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом, желаю тебе крепкого здоровья, скорого окончания строительства, и мой совет, если это возможно остаться там работать по желанию и главное учиться. Я очень мало знаю о тебе, а главное о твоих настроениях и мечтах. Мы совсем не знаем друг друга и у тебя может быть неправильное отношение ко мне, как внушила тебе Вера Павловна. Возможно ты и никогда не хотел иметь связь со мной. Если бы ты был ближе ко мне, то не был бы там где сейчас. Подумай серьезно, я о тебе хотел бы думать только хорошее. Пиши.

Наверное, отец рассчитывал получить ответ... Ведь сказано - -«пиши».

И Иван написал все, что думает. Он написал, что бабушка раньше об отце постоянно сожалела, т.е. он ей был симпатичен, во всяком случае больше, чем дядя Леша, который так и не стал для Ивана отцом, хотя и не причастен к тому, что Иван оказался здесь. Конечно, жизнь сложилась не так, как нужно, но, кто знает... что для этого было нужно?.. Сейчас Иван все время думает о прошлом и анализирует все события и их причины. Но нет как будто ничего такого, что отличало бы особенно его жизнь от жизни многих людей, в том числе его знакомых много лет и приятелей, у которых были отцы и все условия нормальной жизни. Но что это такое “ нормальная жизнь “? Это свинское прозябание в сытом, вонючем тепле, когда люди не ощущают потребности чего-то необыкновенного. Он, Иван, такой “ нормальности “ не желал, но, к сожалению, пошел от нее неверным путем и теперь это хорошо понял. Он и раньше это понимал, но не видел другого пути бегства от «нормальности», вернее был не готов к чему-то другому, например, уйти жить в лес. А «воровская романтика» всегда была рядом, вокруг, все ею дышало и в ней были опасности, можно было пройтись по лезвию бритвы и потом ощутить удовлетворение от успеха.

Иван долго сочинял это письмо, пытаясь дать психологическое обоснование всего, что произошло с ним, над чем он думал последние месяцы без передышки. Получился весьма сумбурный опус внушительного объема с претензией на философию. Иван остался доволен своим произведением, полагая, что письмо будет внимательно прочитано.

Уже некоторое время он ожидал, когда будет машина в больницу, решив выписать очки. Ноты было невозможно читать, не уткнувшись в них носом и Михаил Иванович сказал, что нужны очки. Санчасть выписала направление. Машину дали накануне Нового Года. На обследование выехало человек пятнадцать. В приемном покое с ними не спешили и это было кстати. Перед ними расположилась солидная группа женщин-зэчек. Голодные мужики с удовольствием болтали с ними. Конвой безучастно стоял у дверей.

Девица лет 18 зашла в закуток, расстегнула пальто и, откинув полы назад, медленно продефилировала навстречу мужикам. Сеанс оценили высоко, но тут появилась сердитая врачиха, которая заметила конвою, что женщины уже приглашают мужчин, а они тут в носу ковыряют. Она погнала женщин куда-то вбок.

В палате постоянно горел синий свет. По фойе разгуливали оперированные. В горле у них была круглая штучка с дырочкой. Чтобы что-то сказать, такой больной затыкал дырочку пальцем. Про Ивана как будто забыли и целую неделю никуда не вызывали. В канун Нового Года он лежал на койке и писал в записной книжке.

«Еще год прошел. Осталось три с половиной, выдержу ли?

Сейчас молодежь спешит на бал-маскарад, танцевать и веселиться. Как хотелось бы мне попасть сейчас туда и если не танцевать, то просто слушать музыку, видеть улыбающихся людей, смотреть как они танцуют, разговаривают и над всем этим звучат нежные звуки танго. А мне суждено встретить Новый год в больнице. Как все это опостылело, черт возьми.

А как сейчас хорошо бы сходить на лыжах в лес. В лесу тишина такая, что от нее в ушах стоит звон, ее не нарушают даже редкий стук дятла и попискивание синички-гаички. А какой трепет вызывает неожиданный взлет тетеревов или рябчиков. На снегу следы. Мышки, хорьки, белки, горностаи, зайцы все кто не видим летом сейчас оставляют следы, по которым видно что он делал, куда бежал. Выстрел гулко разносится по лесу. Падают снежинки с веток. Мерзнут ноги и руки. Костер из сена. И снова однообразное шуршание лыж цепочки следов и тишина.

Дома наверно вспоминают меня и больно сжимаются сердца у моих милых стариков и матери. Они даже не знают, что я в больнице. А что то делают сейчас Света и обе Тани. Наверно на бале. Пожелаю же им всем весело провести Новый год. Пожелаю Свете найти хорошего человека, который понимал бы ее и был верен ей. Пусть они все будут счастливы как можно дольше. Все равно жизнь рано или поздно бросит на них страдания, так она делает со всеми. Я слишком слаб конечно, чтобы философствовать на эту тему. Жизнь противоречива до ужаса, так что не стоит думать об этом. Хочется плакать и нет слез».

Сразу после праздника, для зэков даже в больнице никак не проявившегося, Ивана, наконец, вызвали на прием и врач с раздражением спросил, что он хочет. Потом ему закапали в глаза атропин. Читать стало невозможно и время потянулось тоскливо. На прогулки он не ходил, так как смотреть на снег расширенными зрачками было неприятно, текли слезы. Оказалось, что у него астигматизм и подобрать линзы так и не удалось. Остановились на том, что Ивану казалось лучше, так как врачу надоело с ним возиться.

Рецепт получен, остается вложить его в конверт и ждать свидания, когда привезут очки. Позднее Иван узнает, что в поселке распространился слух, что он ослеп в тюрьме. Народ всегда домыслит что-нибудь непотребное и ложное, стоит только услышать что-то краем уха.

Однако 10 дней больницы, когда ничего не болит, это настоящий отпуск в лагере, где, конечно, ничто не изменилось. Лишь маленькие радости приносят встречи с теми немногими, с которыми возникла какая-то близость. Георгия, оказывается, избили. По своей философской запарке он намотал на свою шею чужой шарф. Вадим получил новую партию книг. Обещает дать почитать Фейхтвангера и Цвейга. Борис все так же смотрит своими черными колодцами и никакие эмоции не отражаются на его исхудалом лице. Брянец полез куда-то под тумбочку и вытащил пакетик с двумя башами плана.

- Тебя дожидался!..

Это было кстати. Ивану очень понравилось уходить из бытия в мир реальных грез или куда-то еще, чему нет названия. Жаль только, что приходится возвращаться.

* * *

- Теперь вы уже не маленькие, - объясняла новая училка, - у вас будут новые предметы, каждый из которых будет вести особый преподаватель.

На первых порах было даже интересно. Рассматривали учителей и потом, на переменке делились впечатлениями. Всем очень понравилась Алла Викторовна - учительница английского языка. Она всегда улыбалась и была очень женственная. Откуда-то стало известно, что Алла Викторовна недавно увела мужа Валентины Владимировны. Мальчишки, как один, считали, что и правильно. Алла Викторовна такая приятная и задница у нее в порядке, не то, что у этой сушеной воблы, на которую они любовались 4 года. К тому же Алла Викторовна не сердится за не выученный урок, сама подсказывает. Что делать, если английские слова совсем не запоминаются. Одно лишь слово - птица с неопределенным артиклем - все сразу запомнили и, спрашивая друг у друга - как будет птица? - скабрезно хихикали и тянули: э бет... гы, гы, гы...

Историю древнего мира преподавала статная женщина с необыкновенной мимикой. Слушать ее было интересно. Иногда с ней бывали припадки и тогда прибегал физкультурник Николай Аркадьевич - ее муж - и уносил Марию Дмитриевну в медкабинет. Все ее жалели. Припадки у нее были довольно тихие, в отличие от припадков Крюка, который остался на второй год и теперь время от времени падал и колотился головой об пол, изо рта у него выступала пена. Обычно на него садились самые здоровые мальчики и держали, чтобы он не покалечился, пока не прибегала медсестра. Обалдевшего Крюка уводили в медкабинет. Его не жалели, так как он был грубый и неприятный по своей природе, с мясистой физиономией, заляпанной веснушками. Однако он был очень ловкий и сильный. Как-то, убегая от Вани, он захлопнул за собой створку двери и Ваня так в нее врезался, что отлетел назад и лежал, зажмурившись. Крюк хлопотал над ним: ну вставай, я же не хотел...

Кто-то из стоявших кругом предположил, что вот... сейчас он встанет и натрескает тебе. Ваня, еще корчась на полу, подумал, что идея неплохая. Но натрескать Крюку непросто, тут неизвестно, кто кому натрескает. Все же он встал и приступил к Крюку: ну что, гад ползучий!..

Он пытался взять Крюка за грудки, но тот легко отводил его руки вниз, горячо оправдываясь. Несколько минут Ваня ходил за ним, кроя его обидными словами и не решаясь дать в морду. Вдруг Крюк заревел как бык, сам схватил Ваню за грудки и затрясся. Ваня с трудом отодрал его от себя, но Крюк ревел, брызгая пеной и, уже теряя координацию, тянулся к Ване. Подскочил толстый Гоша Гладилин - главный держатель Крюка - и обхватил его, положил на пол и сел на грудь.

- Не можешь так не берись, - сказал Гоша Ване, - беги за врачихой...

Уроков было много и они требовали внимания и усидчивости. Но Ваня уже привык полагаться на свою память и сообразительность и заниматься решительно не хотел. Потому и память не помогала, что в нее мало что попадало. На уроках он обычно сидел и мечтал. Видимо это было заметно, потому что учителя не раз окликали его и спрашивали, о чем они только что говорили. Ваня не мог ответить и получал замечания, которые его, впрочем, мало трогали.

В классе появились новички - два брата Усовы из деревни в 4 км от городка. Они сразу отличались от жителей городка своим говором и робостью. Младший Усов вообще напоминал маленького деревенского мужичка и был по мнению однокашников, тупой, как пень. Когда он силился отвечать на вопросы учителей, весь класс прислушивался и хихикал. Ползучий провинциализм уже глубоко внедрился в души юных отроков, для которых все отличающееся от среднего кажется забавным и внутренне неприемлемым.

Однажды Ваня, которого нечаянно толкнул младший Усов, дал тому оплеуху. Маленький мужичок заплакал. Подошел старший Усов и объявил Ване, что в следующий раз он получит сдачи от него - старшего Усова. С деревенской рассудительностью старший Усов сказал, что они никого не трогают и хотят, чтобы их тоже не задевали. Присутствующий при объяснении Сапожник решительно взял сторону Вани, заметив, что братья ведь могут и не добраться до своей деревни. Старший Усов ответствовал лишь: “ Посмотрим там “, и отошел.

- Давай отметелим их после школы, - предложил Ване Сапожник.

- Ладно, пусть уж живут!..

В сущности, Ваня ничего не имел против братьев. Он даже вспоминал, что однажды проходил с дядей Лешей по этой деревне с охоты и ему было любопытно, как живут деревенские жители. Наверное немного похоже на то, как жила бабушка, т.е. надо копать большой огород, заготавливать на зиму дрова, ходить за водой к колодцу. Зато сразу за огородом в деревне начинается лес,

по которому так приятно ходить. По деревне ходят коровы и всюду лежат их лепешки. Какой-то особый дух царит над деревней. Этого нет в городе. И ласточки в деревне живут другие, которые так и называются - деревенские, тогда как в городе обитают городские ласточки.

Однако мысли о жизни в деревне легко вытеснились непосредственным окружением, непохожим на деревенское. Дворовая жизнь все больше увлекала Ваню. Хотелось каких-то действий, связанных с бесшабашностью, удалью. Он уже не был дохлый, как прежде, хотя и здоровяком его нельзя было назвать. Однако он уже усвоил, что необязательно иметь большую силу, главное - нужно обладать безудержным напором. Вот, Витя Гребеш... фигура у него такая же как у Вани, т.е. так себе. Но, напор у Гребеша отчаянный. Когда он встречается с Юрой Матвеем, который значительно здоровее Гребеша, то, не задумываясь бросается на него. Они, правда, не столь дерутся, сколько возятся, лишь иногда награждая друг друга тумаками. Неизвестно, с чего пошла их ненависть друг к другу, но сила ее достойна традиций городка. Как-то Ваня был свидетелем случайной встречи Гребеша с Матвеем около книжного магазина. Ему стало жутко от их схватки, но, он восхитился отвагой Гребеша. Это был для него урок социальной игры. Правда, для усвоения такого урока, как и любого другого, необходимо иметь задатки, а их-то и не доставало. Когда Мамин хотел дать Ване взбучку, затащив его с улицы в переулок, Ваня не нашел иного способа, как осатанело надвинуться на Мамина и заорать, что было сил : «Что, падла, жить надоело!». Мамин ошалел, в глазах у него метнулся страх, когда он взглянул на улицу. Он двинул Ваню об стену и ушел по переулку, пообещав Ване встретить его у дома.

Однако когда они встретились через некоторое время у дома, Мамин уже забыл о своей угрозе и мирно заговорил о том, что их соседа вчера вечером кто-то пырнул ножом и неизвестно, выживет ли он, долго лежал, все обходили, пока из под него ручей крови не потек. Ваня вспоминал лохматого. Грязного соседа Мамина, всегда слегка пошатывающегося, но никого не задевавшего и даже как будто никого не замечавшего. За что же его пырнули?..

Новогодняя елка в школе, как всегда, была торжественной. Дети в белоснежных рубашках с отутюженными пламенеющими галстуками не носились, как обычно, а чинно ходили, стараясь не помять и не запачкать парадную одежду, в которой как-то непривычно. Учителя по очереди поздравляли детей с Новым годом и несли какую-то чепуху. Художественная самодеятельность была скучной, если не считать. Что Валька Трифонова забыла половину своего стихотворения и набирала воздух, как рыба на берегу, но вспомнить не могла. Мальчишки не выдержали и негодующе взревели, отчего Валька совсем потерялась и красная, словно галстук, бросилась к дверям. Степенная завуч строгой походкой прошлась к гуще крикунов: не надо так громко возмущаться, с каждым может случиться!..

Но братья Гришины опять показали класс. Старший учится толи в 7-ом, то ли в 8-ом даже классе и здоровый, как бык. Двое младших забираются на него, словно на каменную статую, и всячески изгибаются или повисают в неестественных позах. Им долго хлопают.

По вечерам юнцы собираются в одном из подъездов своего дома и, вдыхая кошачий аромат, делятся житейскими впечатлениями, новыми анекдотами и придумывают какую-нибудь забаву. Одно время развлекались тем, что из выбранной тыквы сделали рожу, внутрь вставляли свечку, на палке тыкву поднимали к окну на первом этаже и стучали по подоконнику. Разумеется, тыкву приобрел и обработал Валерка, но сам он предпочитал смотреть на реакцию выглядывавших в окно издалека. Забаву быстро пришлось прекратить, так как поползли слухи, что у какой-то бабки был сердечный приступ.

Живучи в народе древние поверья и даже обычаи. Никто уже и не знает, что означал тот или другой ритуал, но помнят, что так делали в связи с какими-либо праздниками, а значит это было нужно. Кто-то сообщает, что в старину на Рождество колядовали, т.е. ходили ряжеными по домам, плясали. И хозяева должны были угощать ряженых. Идею подхватили, и дома каждый искал какие-то ненужные тряпки, рисовал маску и придумывал что-то оригинальное, сообразуясь с имеющимся материалом. Когда на следующий вечер бригада ряженых собралась в Валеркином подъезде, то кое-кого с трудом признали. Сам Валерка появился с шикарной бородой из пакли, из которой были сделаны и патлы, торчащие из-под старой фетровой шляпы отца. Вывернутая мехом наружу куртка, подпоясанная драной веревкой, придавала ему диковатый облик. Боря Град изукрасил физиономию сажей, а на шапку одел кастрюлю. Пестрели бумажные маски с клыками, вытаращенными глазами, рогами. Пестрый женский халат соседствовал с какой-то несусветной рваньЮ, из под которой торчал черный хвост с кисточкой из обрывка кабеля.

Веселье было безудержное. Нахохотавшись, решили идти в соседний дом. В первую квартиру их не пустили, несколько раз спросив: кто там?., на что они не смогли ответить, не подготовившись к такому вопросу. В следующей квартире толстая баба, открывшая дверь, тут же захлопнула ее с воплем. Зато далее их впустили в коридор и пожилая чета с недоумением уставилась на них и несколько минут смотрела на приплясывания со вскрикиваниями. Потом хозяин отошел в комнату и, вернувшись, протянул живописному Валерке пять рублей: «Спасибо, что помните русское», - сказал он, и глаза его увлажнились.

- Это что, пятеру отвалил мужик?.. -изумился уже на лестнице Боря Град, - ничего себе!..

В одном месте их угостили пирогом, в другом послали, куда обычно посылают. Обогащенные впечатлениями, мальчишки еще долго вспоминали разные подробности в Валеркином подъезде, очень серьезно расценив пожилого человека с подтяжками, отвалившего им пятеру. Повторный вояж в следующий вечер в своем доме хороших результатов не принес. Здесь их признавали за потенциальных бандитов, которые немного подрастут и сменят тех, что орудуют сейчас. В городке действительно постоянно что-то происходило: то магазин ограбят, то убьют кого-то или изобьют до уродства. По вечерам по улицам слонялись полупьяные компании и задирали прохожих. Во главе компании обычно был отсидевший блатяга, ушедший в лагеря подростком и повзрослевший за колючей проволокой, но в умственном отношении застрявший на том уровне, которого достиг до тюрьмы. Теперь, окруженный подростками с уголовными наклонностями, блатяга чувствовал себя героем, которому все на свете трын-трава. Случалось, правда, что и на блатягу находилась управа. Как-то побила компания с блатягой студента техникума из соседней общаги. Тот сбегал в общагу, и скоро целая гвардия студентов разогнала компанию, а самого блатягу затащили за дом к сараям, где в безлюдной темноте так «обласкали» поленьями, что бедняга тут же штиблеты отбросил. Милиция даже и не искала тех, кто его убил: правильно сделали; милиции хлопот меньше, всех бы блатных так. Были в компаниях с блатными и мальчишки-шестерки, но большинство их пока держались своих дворов и с опаской относились к кодлам, где есть мужики-паханы, а от больших пацанов ничего хорошего ждать не приходится, они уже вполне освоили дикие нравы задворок. Многие дворовые мальчишки подтянутся с течением времени в уголовный мир, а пока им и своих забот хватает, в том числе между собой.

Напряженные отношения постоянно возникают у Вани с Шишкой, который стремится обычно показать какой он сильный. В самом деле, ось вагонетки Шишка довольно легко выжимает, а Ваня не может ее закинуть на грудь. Однако побороть Ваню Шишке удается редко, а когда дело доходит до мордобоя, оба тушуются. Шишка наступает, берет Ваню за грудки, а тот отдирает от себя его руки и кричит : “ Ну, ладно!”. Иногда они обмениваются мордотычинами и Шишка непременно входит в истереж, дико орет и машет кулаками как ветряная мельница. Ваня боится истеричных сверстников. Они кажутся ему ненормальными и тут он не ошибается. Все они были зачаты алкашами и их психика в основе надорвана. После драки с Шишкой Ваня ходит, украшенный фингалом, а то и двумя, тем не менее Шишка его опасается.

Они не задумываются над тем, что ими движет, а это - обыкновенное стремление стать дворовым лидером в своей возрастной группе. Шишке в этом отношении не везет. Хоть и говорят : сила есть, ума не надо, на самом деле, одной силы мало. Для лидерства нужна скорее общая развитость, чем избыток физической силы. Человек должен быть интересным для других. Поэтому Ваня тут имеет большие шансы, тем более, что Сидор перестал появляться во дворе. Он повздорил почти со всеми и гордость не позволяет ему иметь второстепенные роли.

Футбол сменяется играми в казаки-разбойники или в войну. При этом обширный двор и сад используются в полной мере. Забираются на деревья и крыши сараев. Выполняются весьма рискованные трюки, например, прыжки с одних крыш на другие, отстоящие хотя и всего-то метра на два, но зато на высоте метров восемь. К тому же опора при толчке ненадежная. Лишь немногие отваживаются на такой прыжок, тем более, что он и не требуется. Шишка прыгает шутя, словно обезьяна. Ваня всегда испытывает страх и всегда перебарывает его. После хождения ряжеными Шишка придумал новый трюк. С крыши двухэтажных сараев, взяв хороший разгон, нужно перелететь через проход вдоль сараев, забор из высоких реек и плюхнуться в глубокий снег в огороде. Затея жестокая, так как даже просто подойти к краю крыши и посикать вниз не так-то просто. Да и забраться на эту крышу по системе все более возвышающихся крыш охотников мало. Естественно, что прыгали только Шишка с Ваней. Они долго готовили толчковое место, так как крыша была трухлявая, а оседлать забор не входило в их планы. Свидетели этого грандиозного полета переми-

нались с ноги на ногу и подзуживали насчет забора, прикидывая насколько заборный кол может войти в задницу с такой высоты. Никто не решался прыгать первым.
- Давай вместе, - предложил Шишка.
- Давай, - согласился Ваня.

Шишка шмякнул о крышу шапку. Они разбежались и полетели. Дыхание захватило. Со стороны это должно быть смотрелось не хуже, чем каскадерский трюк. Приземляясь Ваня повалился на бок и не ощутил ничего болезненного, если не считать снег за шиворотом. Шишка тоже выполз целехонький и довольный.
- А давай еще разик!..
- Давай...

Они проделали путь наверх и снова пролетели через забор в огород, заставив прохожих на дороге разинуть рты. Ваня опять повалился при приземлении на бок и встал, весьма гордый с сознанием того, что тут и делать нечего - прыгать с этой крыши. Шишка, однако продолжал сидеть в снегу и морщился от боли. Кое-как он поковылял домой и позднее выяснилось, что у него образовалась трещина в кости.

Владельцы некоторых сараев устраивали скандалы по поводу того, что эти сорванцы дырявят крыши. Старик Клейн просто исходил слюной, понося этих бандитов, из-за которых на спину его коровы летом текло. Ваня был у него в числе отъявленных. На весь двор Клейн орал про плачущую веревку и шел жаловаться Ваниной матери.

Веревка тут не плакала, но шомпол был наготове. Правда, спина у Вани закалилась и в один прекрасный вечер шомпол сломался о его спину. Он сам до того изумился этому обстоятельству, что перестал орать, глядя на расщепленный кусок шомпола на полу. Мать смутилась лишь на секунду. Ее ярость и силы еще не иссякли и она схватила ремень, продолжая экзекуцию.

Вскоре дядя Леша собрался на охоту и решил почистить ружье. Теперь пришел его черед изумляться, когда он вытащил половинку шомпола. Дочки наперебой рассказали ему, что это мама сломала шомпол об Ваню. Дядя Леша долго ворчал, переживая, что теперь нечем чистить ружье из-за гаденыша. Но, когда у него была получка, он неизменно покупал всем по плитке соевого шоколада. Правда, дочкам он шоколад вручал в руки, а Ванину плитку клал ему на его ящик с хламом. Пока Ваня не научился воровать настоящий шоколад, он все думал, что вкуснее соевого шоколада нет ничего на свете.

В магазине «Культтовары» Ваня высмотрел коробку с заготовками модели самолета. Бабушка дала деньги и вскоре работа закипела. Руководствуясь чертежом и пояснениями, Ваня склеил части самолета, потом смонтировал их. Самолет смотрелся отлично, вот только запускать его нужно было вдвоем с веревкой с разбегу, но в последнее время Иван не приводил к бабушке приятелей, рассудив, что ей приходится кормить двоих. Пришлось запускать самолет своими силами. Он разбежался по своей пустынной улице и толкнул весьма громоздкую модель немного вверх. Самолет весьма плавно пролетел несколько метров, но затем вдруг пошел в пике и хрястнулся о землю. Крылья надломились и держались только на кальке. После ремонта история повторилась и стало ясно, что летное дело - не судьба, надо продолжать морское, на Воняловке. Но строить модели по книге «Юный кораблестроитель» невозможно из-за отсутствия материалов. Да и не лежит душа сидеть за столом и делать сложные мелочи. Такая модель, конечно, красивая, но ее место на каком-нибудь стенде, а не в натуральном плавании. Другое дело - сделать корабль попроще и наслаждаться его плаванием в омуте Воняловки задавая ему курс соответствующей постановкой парусов и руля. Бакштаг и даже галфвинд нередко получаются, но, бейдевиндом ни один парусник не ходит. Большое искусство требуется, чтобы направить результат своего труда под встречным углом к ветру.

~ 32 ~

Необходимо, чтобы люди научились сомневаться, прежде чем начнут обнаруживать терпимость, и чтобы они признали погрешимость своих собственных мнений, прежде чем станут уважать мнения своих противников.

(Генри Бокль)

Кажется еще не так давно среди туземцев полуденных стран существовал обычай пожирания врагов. Известна печальная судьба великого мореплавателя Джемса Кука, объедки которого поместились в небольшой корзине, которую жрец доставил на корабль Кука. Одному богу известно, сколько вообще было съедено людей, не столь знаменитых как Джемс Кук. Хотя каннибализм характерен для тропических и субтропических широт, факты подобного рода известны и из высоких широт. П.Фройхен, например, описал трагедию эскимосской семьи, оказавшейся без пищи в иглу в течение длительной пурги. По мере умирания четверых детей их съедали. Потом жена уже доедала мужа, когда ее нашел другой эскимос. Через несколько лет эта эскимоска в разговоре с П,Фройхеном сказала, что она не вспоминает то жуткое время и сейчас у нее новый муж и опять четверо детей. Так уж случилось, что ничего другого не оставалось. Возможно, что этот случай исключительный, так как в отличие от тропических туземцев, северяне, если и охотились друг на друга, то не ради мяса своих жертв. Впрочем, тема эта столь не популярна, что даже установленные факты не получают огласки и постепенно умирают для истории, словно их и не было. В блокадном Ленинграде были случаи каннибализма, как свидетельствуют очевидцы, но где об этом написано?.. Разве могло подобное происходить в городе героически выдержавшим осаду под руководством КПСС?!.

Известно, что бежавшие из дальних лагерей заключенные нередко брали с собой одного зэка на прокорм, пока доберутся до обитаемых мест. Случаи каннибализма с убийством отмечаются в России и накануне третьего тысячелетия нашей эры, в период «торжества демократии», который через некоторое время, скорее всего, назовут иначе. Конечно, в наше время каннибализм является артефактом, может быть даже не говорящим о вырождении цивилизации, как мы ее понимаем. Развитие этой самой цивилизации немало обязано рабству, которое можно поставить ступенькой выше каннибализма. В древней Греции, а позднее в Риме, рабство принималось как необходимость в жизни демократического государства. В различных формах оно просуществовало на законных основаниях до второй половины прошлого века. Наиболее древняя форма рабства определялась по национальному признаку (вспомним американских негров). Развитие общественных отношений привело к уничтожению института узаконенного рабства. Но его предпосылка - национальная неприязнь - сохранилась. Чтобы не говорилось в США о равноправии американских негров или пуэрториканцев, или мексиканцев в народном сознании к ним существует большая или меньшая неприязнь. Это ощущение имеет биологическое основание - каждая биологическая единица (в данном случае народ) существует на определенном участке Земли и, если он распространяется на другие участки, то его там встречают с дубиной. Занятие народом новых территорий всегда было связано с захватническими войнами. На завоеванных пространствах всегда развивалась национальная неприязнь, которая характерна также для соседствующих народов, в точности воспроизводя отношения родственных видов животных и растений, когда они оказываются поблизости друг от друга. Нет для волка более ненавистного существа, чем собака. И не повышается ли температура тела у грузина, когда он говорит об армянах?..

Библия повествует, что когда Моисей привел, наконец, евреев в землю обетованную, то для начала им пришлось уничтожить жившие там до них народы. Саваоф, по всей видимости, не считал это большим грехом, но, когда евреи не пожелали выполнять его заветы, он лишил их завоеванного отечества и разбросал по Земле, превратив в изгоев. Их переброски, впрочем, ограничились странами с умеренным климатом, где каннибализм уже давно уступил место животноводству. Однако для местных народов их появление с известной еще по Библии плодовитостью радости не доставляло. Богоизбранность все же не прошла даром сохранившись в качестве определенного менталитета, позволяющего приспосабливаться к широкому спектру социальных условий. Постоянное давление лишь способствовало дальнейшему совершенствованию их приспособительных свойств. Они, в частности, придумали способ обогащения ничего не производя. Развив ростовщичество, они создали особую финансовую сферу - банки. По словам Бальзака (в романе «Утраченные иллюзии»), банк - это грозная держава, выдуманная иудеями в двенадцатом веке и ныне господствующая над тронами и народами. Правда, по другой версии, банки, как институт ростовщичества, создали тамплиеры (рыцари Святого храма), также ничего не производившие, но, по крайней мере, охранявшие торговые караваны от грабителей, которых было достаточно во все века. Среди представителей рыцарского сословия, само собой разумеется, евреями и не пахло. Это были благородные джентльмены, хотя бы и без штанов.

Европейские мыслители нередко задумывались над судьбой евреев. Даже Морис Метерлинк, то ли до, то ли после «Синей Бороды» мягко касался «еврейского вопроса»: «Благоразумно думать и действовать так, как если бы все, что случается с человеком, было необходимым. Еще недавно, - называя лишь одну из задач, которую инстинкт нашей планеты призван разрешить, - еще недавно к европейским мыслителям намеривались, кажется, обратиться с вопросом, считать ли несчастием или счастием, если энергичная, упрямая и могущественная раса, которую однако мы, арийцы, вследствие предрассудков, слишком слепо воспринятых, считаем низшей по духу и сердцу, - словом, если раса еврейская исчезнет или же сделается преобладающей?»

Немцы зачастую смотрели на евреев с неприязнью. Ф.Ницше считал, что евреи «поочередно вывернули наизнанку, превратив в **противоречие их естественной ценности** и неисцелимо извратив религию, культ, мораль, историю, психологию... их воздействие внесло в человечество такую фальшь, что и сегодня христианин может быть настроен антииудейски, не понимая того, что сам он - **конечный вывод иудаизма**». Р.Вагнер, отвлекаясь от сочинительства огромных, тяжелых, как танки, опер, счел необходимым написать книжку, в которой утверждал никчемность евреев (за исключением Ф.Мендельсона) в музыке. Скорее всего маэстро изменил бы свою точку зрения, проживи он еще несколько десятилетий, но, возможно, что он руководствовался при написании своего опуса не объективными соображениями, а просто ползучим немецким антисемитизмом, который, впрочем не мешал существованию в Германии евреев вплоть до торжества нацизма, когда быть евреем стало опасно.

В основе многих социальных конфликтов, как показывает история, лежали религиозные разногласия, т.е. определенные внушенные массам идеи. По своей сути эти идеи даже не имели особого значения для жизнеобеспечения, но, ведь "Сначала было слово". И спустя много времен слово оставалось руководством к действию. Различия в словах распаляли не только разные народы. В рамках одной нации эти различия порождали смертельную ненависть. Последователи Христа забывали о его заповедях и принимались уничтожать друг друга.

Когда религиозное сознание в обществе утратило свою силу (по крайней мере, в христианском мире), то, тем не менее, что-то от него сохранилось. Уже давно не постреливали друг друга католики и протестанты, но к иудеям относились нелюбезно. Если в западной литературе встречается еврей, то обрисован он, как правило, серой краской и дела его неправедны. Даже такой благодумный писатель, как Уильям Теккерей не приходил в восторг от появления иудея в поле своего повествования.

В русской классической литературе мы встречаем зачастую весьма неприязненное отношение к евреям, впрочем, отражавшее официальную политику. До «великого октября» евреям не разрешался въезд в большие города «без солидного дела». Евреи у Ф.М.Достоевского - фигуры весьма несимпатичные, хотя в специально посвященной «еврейскому вопросу» статье (1877) он писал: «...одно-то я уже знаю наверное и буду спорить со всеми, именно: что нет в нашем простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозной какой-нибудь ненависти к еврею...». Не знал, однако, почтенный классик русского простонародья. Ненависти к еврею в нем может быть нет (по трезвости ума), но уж неприязнь, брезгливость определенно существует и со времен Достоевского эти русские чувства не ослабевали, а, наоборот, усиливались. При этом любой русский человек в состоянии объяснить это отношение к еврею, используя такие слова как делячество, ушлость, продажность, пронырливость и, что уж совсем по-русски, - хитрожо...ость.

Общее складывается из многого частного. Характеристика нации в глазах философов или простолюдинов образуется так же - из суммы наблюдений за отдельными личностями. Такой подход невозможно отрицать. А как же иначе?.. Тем не менее безусловной ошибкой является приложение общего контура к частным явлениям. Несоответствие при этом может быть весьма заметным, что и естественно, ведь любое множество содержит различающиеся элементы, особенно по столь многим свойствам, которые характеризуют человека. Кто стал бы возражать против блестящей характеристики русского народа, данной Н.А.Бердяевым?.. А между тем в русском народе весьма обычны типы настолько несхожие, что среднее их совершенно невозможно. Бердяев был подлинно русским человеком и поэтому мог видеть глубинно, понимать интегрально. Ведь кому еще в голову могло придти, что в русской душе отражается русский пейзаж?.. и не только отражается, но формирует ее. И эта широта пространственная сохраняется в душах русских, покинувших родину и передается по наследству, так что она заметна и у тех русских, которые родились за пределами России и никогда ее не видели, но что-то их тянет на землю предков. А тянет ли негров, родив-

шихся в Америке, на свою прародину? Вопрос остающийся без ответа. Отражаются ли в их душах африканские саванны и джунгли с их беспощадными законами? Но что бы в них не отражалось, помимо Африки черные люди остается везде чужими и знакомство с ними поближе (например, в вузах) только усиливает это впечатление. Однако в случае с неграми, как и с представителями монголоидной расы, обитающими в странах «белых», их чужеродность хорошо заметна внешне. Другое дело с евреями, среди которых существует некоторое разнообразие типов, одни из которых легко опознаются, как евреи, внешне, а другие ничем не отличаются от русских. Чем отличался великий идеолог казарменного социализма Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) от «всенародного старосты» Михаила Ивановича Калинина? Зато на Лазаря Моисеевича Кагановича Лев Давидович совсем не походил, несмотря на одинаковую национальную принадлежность.

В советское время, особенно после сталинских репрессий, ударивших и по евреям, и сталинской национальной политики, важным элементом которой было переселение народов, в результате чего еврейская АО вместо Одесской области оказалась у «черта на куличках», многие евреи стали писаться в паспорте русскими, поменяли дискредитирующие фамилии. Мойши стали Мишами, а Абрамы - Борями. При всем стремлении к сохранению чистоты нации смешанные браки евреев стали обычным делом. Кем является гибрид еврея и армянки? Русским, конечно. Негласное введение «5-ой статьи» усилило ассимиляцию «богоизбранных», хотя и нельзя сказать, что действие этой статьи существенно сказалось на общественном положении евреев, сохранивших национальное лицо.

Когда Саваоф смилостивился и вернул через посредство ООН потомкам Моисея и Иакова их землю, даже потеснив слегка арабов, далеко не все евреи, жившие в прочих землях, устремились на свою прародину. За многие столетия связь с землей утратила свое тяготение, жаркий климат стал невыносим, да и дела житейские в Европе или Америке, были не так уж плохи, чтобы, бросив все, устремиться туда, где пирог уже поделен. Вопрос,поставленный М. Метерлинком, разрешился: евреи возобладали в развитых странах если не количественно, то качественно. Их роль как делопроизводителей приобрела всемирный размах и даже в иррациональном плане сынам израилевым отводится ведущая роль. Так, знаменитый ясновидец и диагност Эдгар Кейси, по свидетельству его биографа Томаса Сюгру, получил рекомендацию от неисповедимого источника доверить свои дела для их блага еврею, что он и сделал, не сомневаясь в необходимости следовать провиденческим указаниям. В свое время Голда Мейер четко выразила идею о том, что в борьбе за выживание еврейский народ достиг высшего совершенства в любом творчестве. С этим можно вполне согласиться, добавив при этом, что и у других народов успехи не меньшие. Фридрих Ницше оказался неправ в исторической перспективе, также как и в том, что христиане являются выводом иудаизма. Может быть это справедливо по отношению к католикам, но вряд ли применимо к православию, к русским. В этом существует какая-то тайна. Однако русский, даже атеист, всегда ощущает в глубине себя что-то от православия и всегда отличит еврея, относящегося к колену, внешне подобному русским или гибрида с еврейскими генами. Точно также еврей, совершенно неотличимый от русского, распознает своих в общей человеческой массе и прильнет к ним, испытывая тайную неприязнь к иноплеменцам. В русском простонародье даже и русские интеллектуалы нередко принимаются за евреев, что, впрочем, не влияет на отношения, так как те и другие принадлежат разным слоям общества. Интеллектуалы более сближаются по духовным запросам, чем по национальному признаку, хотя тут много всевозможных вариантов. Когда же судьбы сталкиваются, глубинные импульсы показывают кто есть кто и определяют внутреннюю расположенность или нерасположенность, недоверие, обусловленное жизненной практикой поколений. Однако нерасположенность русского к еврею легко устраняется при соответствующих качествах личностей. Контакт может произойти как на почве прохиндейства, так и на добропорядочной основе.

* * *

В морозные дни сушилка, в которой трудится сухорукий Юра, не пустует. В ней постоянно находится с десяток человек, рассаживающихся где только можно. Махорочный чад висит в воздухе вырываясь клубами в коридор, когда открывается дверь. Обычно серые люди сидят тихо. Медленно ползет время. Вошел кто-то с громким возгласом, но тут же притих, словно оказался в морге. Бывает, однако, что волею случая собираются люди думающие и легко зажигающиеся от брошенной кем-то реплики.

- Накурено у вас тут, не продохнуть! - вздыхает робкий рыжеватый Майхель и выходит из сушилки.
- Жидяра вонючий, не нравится, - бурчит ему вдогонку пожилой мужик с серым как ватник лицом, - поди, когда воровал не думал, что в сушилке греться придется...
- Этот не воровал, у него взятка, - поправляет Юра.
- А-а, один черт... Вся эта братия ворует, да взятки друг другу дает...
- А тебе-то что, у тебя что ли воруют?.. Это наш брат, бенть, по карманам да по квартирам шарит, а они ничейное, государственное тянут!..

Крупный мужик сидит у самой топки, сняв шапку. Он поднимает голову, словно усыпанную мукой от лезущей седины. У него красивый, поставленный голос.
- Вы лучше посмотрите, как евреи здесь живут. Они не скандалят, никого не обижают, а кучкуются и друг друга поддерживают, не то, что мы, друг другу готовы глаза выколоть...
- Жиды - это культура, - говорит кто-то из дальнего угла, - у них не только деньги на уме...

Седой вскидывается.
- Вы неверно под одну гребенку всех стрижете. Есть евреи, а есть жиды. Это разные вещи. Культура - это евреи, а не жиды. Еврей - это национальность, а жид - это прозвище всякого еврейского дерьма. У нас в институте евреев много было и в основном это были приятные люди, с хорошим образованием. Жидов тоже хватало, ведь, где евреи, там и жиды - это чаще полукровки разные. Вот эти любят разные гадости вытворять да так, что и не всегда догадаешься... Слухи о тебе распустят самые нелепые, разных оглоедов на тебя натравят, а сами будут тебе улыбаться разлюбезнейше... тьфу!..

- Не совсем так, - встревает Георгий, - в старой литературе термин «жиды» употреблялся по отношению к евреям вообще, как к нации, так же как у евреев было презрительное наименование русских «кацапы»...

- Ну, может быть, может быть, - соглашается седой, - я просто хотел сказать, что породистые евреи в основном люди приятные и образованные. Где вы видели настоящего еврея с метлой в руках? Только тут, в лагере. А на свободе у них у каждого диплом в кармане и законы они знают; если уж вляпались, то наймут хорошего адвоката и получат по минимуму. Вы, наверное, не заметили, что судьи и прокуроры - всегда русские, а адвокаты - всегда евреи. Тут и политика, а главное - заработок, но, чтобы получить его на законном основании, нужно знать законы.

Дядя Вася, зарубивший топором своего соседа по дому, говорит, что его адвокат - еврей отмазал ему 4 года. Прокурор просил 12 лет, а суд дал 8, так как речь адвоката была убеждающей, что тот сам бросился под топор.

Каждый теперь вспоминает о евреях в его жизни, следуя разделению их на жидов и не жидов, как разъяснил седой, хотя, как настаивает Георгий из своего угла, условное это деление. Правда, поправляется он, по большинству случаев так оно и есть.

- Так по большинству случаев и определяются явления с философской точки зрения, - седой смотрит на Георгия с чувством превосходства, дескать, какой-то доморощенный философ пытается возражать ему, бывшему доценту, всю жизнь общавшемуся с евреями, да жидами, за что и сел, разбив одному из них о голову графин с водой.

Иван вспоминает двоих своих адвокатов, которых он не нанимал. Зато они так и выступали в его защиту, особенно второй, о котором говорили, что он и Гитлера сумел бы защитить, если бы тот, конечно, отстегнул ему достойный гонорар. А с Ивана ему должны были удержать 25 руб., как общественному защитнику. И точно - оба евреи.

- Денежку любят, недаром большинство евреев в торговле прозябает. И знать много не требуется, зато жульничать можно направо и налево, - толстяк с бабьим голосом добавляет, что всю жизнь с евреями в торговле, - вот и проворовался через них; как же не воровать, когда такие бабки светят и все законно, чисто...

- Так как же здесь-то оказался, если чисто? - спрашивает Георгий, - да еще на 15 лет, ничего себе!..

- Тут дело круговое, - объясняет толстяк, - не один ведь работаешь. У тебя все чисто, а подельник вляпался и думал, что открутится, если заложит кого-то, а не получилось, всех упрятали...

- А как же тебя взяли в еврейский круг, ты ведь не еврей?..

- Да давно работал, ну и сработался, - толстяк виновато улыбается и добавляет. - Я не антисемит, хотя некоторых евреев ненавижу, за лишний рубль мать родную продадут...

- Вот, вот, - подтверждает седой, - это точно, национальное, но главное жидовское, удержу не знают, воруют напропалую... все мало кажется!..

Георгий поднимает голову: «И ученые евреи тоже?»

Седой смотрит на него с презрением:

- А что ученые, не евреи что ли?.. Деньги недоступны, так идеи крадут, приоритеты, да мало ли способов украсть то, что никому вроде бы и не нужно, а еврею годится... Так ведь уметь все надо и понимать что к чему, из чего купюры можно делать. Есть, конечно, евреи ученые бессеребреники, да мало таких... Если за деньгой не гонятся, то уже честолюбие такое, что самого господа бога готовы за пояс заткнуть. Какую-нибудь идейку выскажут, которую еще лет 200 назад кто-то выдвинул, и носятся с ней как с открытием века... И в руководители лезут, чтобы свой бред насаждать и от подчиненных слушать, какие они умные...

- Да ведь и денежка идет побольше, - подхватывает толстяк, - и жирок нарастает; бывало, приезжаешь на какое-то производство договориться о деле, а тебя встречает со всех сторон обросший жирком молодой жидок за огромным столом в кабинете, в котором можно в футбол играть, а за другим столом этакая красотуля-секретарша точеные ножки выставила, аж до самого основания, как на пляже...

Обсуждение в сушилке перекинулось на сексуальные проблемы евреев, не случайно же вся молодежь сидит за изнасилование и за попытку, когда не удалось побороть жертву, сильная оказалась. Публика приходит к общему заключению, что перепихнуться эта братия всегда готова с кем угодно. Седой, однако, и тут встревает с опровержением. Дескать, в этом отношении евреи мало отличаются от всех других. Русских, сидящих за изнасилование ничуть не меньше, чем евреев. Просто русских вообще больше и Уголовный кодекс среди них представлен во всем его разнообразии, тогда как евреи не дерутся, по квартирам и магазинам не шастают, никого не убивают, а что на передок слабы, так это - общечеловеческая проблема. Кто-то вспоминает, что евреи блюдут чистоту нации; браки у них только между собой.

- Одно другому не мешает, - усмехается седой со знанием дела.В сушилку входит Миша Шульман. Это весьма пожилой чернявый еврей. Седой обращается к нему.

- Вот ты Миша настоящий еврей, скажи, у тебя были русские бабы?..

Миша смотрит на седого с недоумением, но, понимая, что попал в определенную струю разговора, отвечает, что, разумеется, были. Побочные дети тоже есть, сколько, он не знает, но, по крайней мере двое, а может быть четверо, ему не сообщали.

- А как же ваши правила о чистоте нации?..

- Да кто теперь соблюдает все эти правила? Только тот, кто в синагогу ходит. Но ведь можно и жену еврейку иметь и на стороне побаловаться, - доверительно улыбается Миша, - некоторые русские бабы сами напрашиваются...

Сидевший на корточках в углу Степан встает разминая ноги. Он известен как молчун, но, когда вдруг заговаривает, то все вокруг прислушиваются. Его зычный голос внушает убедительность в том, что он говорит.

- По женской части жиды не знают удержу. Иной старичок найдет русскую молодицу и давай ее драть до посинения. Настряпает ей кучу жидят, а там и загнется. Народец-то хлипкий. А бабе что?.. Многим ведь без разницы, кто их дерет, лишь бы поглубже, да подольше...

Седой соглашается, что среди русских баб немало таких, что не только под еврея, но и под негра лезут, а уж про зверей и говорить не приходится. Зверями или чурками в русском народе называют кавказцев и среднеазиатов. Миша уверяет, что еврейские женщины ничего не имеют против того, чтобы перепихнуться с русскими, но чурок они избегают, поскольку предпочитают приятных в общении мужчин, а чурки есть чурки, даже образованные. Все они хамло.

- Лучше евреи, чем чурки, - резюмирует сухорукий Юра и одевает рукавицы, - дай-ко подкину дровишек...

Седой, однако, снова поправляет, что чурки на своей земле приятнейшие люди. Их нельзя смешивать с теми, кто покидает свой край, чтобы паразитировать в России, или с теми, которые в курортных местах где-нибудь на черноморском побережье купоны стригут с приезжающих.

Из топки с оранжевыми головнями пышет жаром. Отклонившийся седой прикрывается рукой.

- Ох, правду говорят чурки, что лучше маленький Ташкент, чем большой Колыма...

Пора идти на мороз, а так не хочется. На улице Осип, посмеиваясь, заключает, что уж очень этот седой евреев защищает, поди и сам еврей, есть в нем что-то такое. Иван, однако, поддержива-

ет идею, что евреи есть разные, как и в любом народе есть хорошие люди и дерьмо. Взять хотя бы Елькина. Хороший мужик.
- Это здесь они все хорошие, в лагере, а какие были на воле ты ведь не знаешь, - парирует Осип.

Спорить на морозе не хочется, лишнее тепло уходит. Но мысли остаются. Иван вспоминает, как плакал Арон Беркович, сидя как тумба на своей койке; как не заложил их с немым за драку староста; да ведь и Михаил Иванович - учитель, скорее всего еврей, ну и что же, разве он может иметь что-то против него.

Шир-шир, шир-шир - ходит двуручная (или, как ее еще называют, двухцилиндровая) пила. Летят мерзлые опилки. Осип - такой беззлобный мужик. Как это он свою жену угрохал?!. Впереди у него еще 13 лет, а он такой всегда бодрый, словно месяц остался.
- Как думаешь, Осип, наш Роман еврей или жид? - спрашивает вдруг Иван.
- А то и другое и что-нибудь еще, - ответствует Осип. Однако всегда подобострастно улыбается Роману, когда говорит с ним, - думает про себя Иван об Осипе.

В холодных сумерках кончается рабочий день. Не заходя в барак Иван идет с Осипом в столовую. На ужин перловка, значит добавки не будет. Перловка считается хорошей кашей и каждый съедает свою порцию.

В школе Иван опять думает о евреях. Вот Филькенштейн, между прочим, хоть и трепач изрядный, а в повязочниках не состоит. Среди учительниц нет ни одной еврейки. Нет евреев в администрации, среди надзирателей и в охране. Зато в охране много чурок и прибалтов. Они ведь не любят русских и не будут церемониться, случись что. Те, кто проектировал лагеря, конечно, учитывали национальную неприязнь.

Некоторые уроки многие школьники пропускают. Что хорошего, например, на черчении, которое ведет скучный пожилой учитель. Зато на химию являются все. Красивая блондинка с прической и классной фигурой делает химию весьма привлекательной. Когда она пишет на доске формулы, на задних рядах кое-кто встает , чтобы лишний раз рассмотреть изящные ножки. Авось ночью приснятся!..

Иван поджидает литературу. Маленькая колдунья опять проникновенно читает стихи и спрашивает, кто что думает о них.

За все, за все тебя благодарю я,
За тайные мучения страстей
За горечь слез, отраву поцелуя
За месть врагов и клевету друзей.
За жар души растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был.
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

- Маккавеев, как вы думаете, кого благодарит Лермонтов?..
- Судьбу...
- Так, а почему?.. Разве его судьба была столь уж блистательной?..
- Конечно! Он знал, что наделен сверхъестественными способностями, а ведь это судьба. Недаром же он сравнивал себя с Байроном: Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник... И потом, разве мог бы простой поэт столько сочинить за свои 27 лет да еще с такой глубиной, словно ему было за 50...

Колдунья довольна ответом и начинает декламировать: «Я Вам пишу, случайно, право...» Возбужденный Иван вполголоса вторит ей. Она доходит до строчки: «Что помню Вас, но, боже правый, Вы это знаете давно...» Она замолкает и смотрит на Ивана. «И Вам, конечно, все равно», - продолжает Иван.
- Замечательно...

После отбоя Иван ходит в умывальной взад-вперед все еще переживая счастливый миг, когда он сомкнулся в резонансе возвышенного с другой душой. Ведь нет ничего более прекрасного в отношениях людей как вот так совместно воспарить душами. Если бы на зоне оказался скрипач, с которым можно было бы играть дуэтом, какая бы это была прекрасная отдушина в этой промозглой серости.

Грохает дверь, в умывальную заглядывает надзиратель: «Почему не спите?..»
- Да я только воды попить...

Сминает солдафонский облик поэтический настрой, напоминая, что ты осужденный уголовник и находишься в лагере, а не в литературном салоне. Но как же прав Лермонтов: «За каждый сладкий миг и светлое мгновенье слезами и тоской заплатишь ты судьбе».

Стало быть это закон: получил миг радости великой, а теперь взвой от лютой тоски.

* * *

Иногда Ваню занимают общественные проблемы. Он, в частности, размышляет, почему большинство людей вокруг не любят евреев?.. Ведь евреи ничем не отличаются от русских. Их даже невозможно определить, как скажем, грузина. А впрочем грузина тоже трудно определить, глядя на кавказца. Может он и не грузин вовсе, а армянин или азербайджанец. Интересно, сами-то кавказцы различают друг друга или нет.

Однако евреев каким-то образом отличают и говорят о них чаще всего с пренебрежением. Отношение взрослых передается детям.

Впервые Ваня уловил неприязнь к евреям еще у А.П. Чехова, большое дореволюционное издание которого с чердака тети Нины, он с упоением читал. Дядя Леша, когда напивался и вспоминал блокадный Ленинград, то непременно негодующе кричал, что эти сволочи - евреи и там жили припеваючи. Они сидели во всех продуктовых распределителях и многие из них обогащались, меняя продукты на ценные вещи в немыслимых соотношениях. За стакан пшена они забирали золотые часы. Своего начальника дядя Леша называл не иначе, как «эта жидовская сволочь - Рынин», хотя когда говорил с ним по телефону , то даже сгибался перед аппаратом: Я Вас слушаю Николай Александрович...да...да...все будет сделано Николай Александрович...

- Там, где прошел хохол, еврею делать нечего, - хвастливо заявлял дядя Леша маме, выдавая желаемое за действительное.

В их доме жило несколько евреев, все, разумеется, врачи. Одна супружеская чета имела отдельную квартиру, что было привилегией немногих. Когда погода не позволяла носиться по двору с клюшками, дворовая компания собиралась обычно в каком-нибудь подъезде и точила лясы. Если приходил Лыткин, то он рассказывал смешные анекдоты, которых наслушался в больницах. Но, если за это брался Шишка, то как не махал он руками и не строил рожи, его анекдоты были плоские, хотя сальные. Шишка сам и хохотал над ними, но другим было неинтересно.

Ваня предлагал “устроить козу” евреям. Бросали жребий, кому испражниться перед еврейской дверью. Часто выяснялось, что тот, на кого пал жребий только что сходил в уборную. Искали собачью кучу и на большой щепке приносили ее под дверь. Как-то Ваня привязал к ручке двери грязнущую веревку. Вечером в комнату постучали и вошла пышная еврейка (как у Чехова - всегда думал Ваня, видя ее). С покрасневшими трясущимися щеками она, волнуясь, объяснила, что их сын хулиганит перед их дверью и сегодня ей было невозможно попасть домой.

Пока Ваня соображал, что же там было невозможного, дядя Леша встал, взял ремень и, резко развернув пасынка, огрел его пониже спины...раз, другой. Еврейка выскочила из комнаты, но, тут вскочила изумленная мать.

- Ты что это руки поднимаешь!.. - заорала она на дядю Лешу и выхватила у него ремень, - нажрался, так и сиди себе, а то всем жидам готов жопу лизать!..

- Так ты сама его все время лупишь, - глаза дяди Леши вылезли из орбит.

- Это мой сын, вот и луплю, а тебе он никто, - отчеканила мать жестко, - раньше надо было воспитывать, теперь поздно!..

Дядя Леша вобрал глаза и молча закурил. Ваня лихорадочно обдумывал необычайные события: дядя Леша впервые решил его выпороть, да еще и в защиту жидов, которых он ненавидел, а мать впервые вступилась за него, как тигрица, хотя он и был виноват. Чудеса!.. Интересно, будут они сегодня кроватью скрипеть или нет.

Заскрипели под утро и Ваня тоже заскрипел пружинами кушетки, переворачиваясь на другой бок. Детство кончалось. Из тщедушного мальчика с большими глазами подрастал по общему определению взрослого населения дома будущий бандит, по которому уже теперь тюрьма плачет. Сам Ваня так не считал, а кто там что думает, это его дело. В конце концов, никого он не убил, не ограбил, ничего не украл, хотя мог бы при желании. Залезание в чужой огород не в счет. Это так!.. Поели, отвалили, не весь же огород утащили... Да и во дворе его часто нет. И что они лают!.. Так и хочется назло что-нибудь сделать, пусть слюнями брызжут.

Однажды рано утром в дверь постучали. Мать встала, вышла из комнаты, но через минуту вернулась и кивнула Ване на дверь: «Выйди, к тебе!» Изумленный Ваня увидел за дверью незнакомую женщину, которая несколько секунд смотрела на него, потом всхлипнула и обняла его: «Господи, какой большой стал!» Она объяснила ему, что приходится ему родственницей, когда-то его нянчила. А сейчас добирается домой в Петрозаводск из заключения: ковырнула одной девке, да неудачно, посадили.

Спросонья Ваня совсем обалдел: какая-то занюханная тетка, чего-то ковырнула, а тут целоваться лезет. Он молчал, не зная, что сказать, кроме «не помню». Тетка, правда, быстро сообразила, что она тут совсем ни к чему, даже в комнату не пригласили, да и родственничек стоит как аршин проглотил, лишь глазищами ворочает. Она поспешно распрощалась и еще раз всхлипнула.Лишь много позднее Ваня понял, что она настрадалась в лагерях, все перевспоминала и хотела увидеться с прошлым. Но так не бывает, еще древние греки это понимали.

За завтраком он спросил мать, кто эта тетка? Но мать поджала губы и сказала: а-а!, махнув рукой. Потом лишь бабушка сокрушалась, что тетка не зашла к ней и, как это?.., даже чаем не напоили! Ну родичи!.. Стыдуха!..

Ваня пытается оправдаться, что он бы напоил, дык, ведь, не его чай. Бабушка еще минут десять бурчала что-то негодующее. Внук сидел подавленный: ведь он тоже тетку разочаровал, а что он должен был делать, мало ли всяких теток на свете, поди, знай, что они родня.

Он ушел во двор и на дедовом верстаке принялся выстругивать новую шхуну. Теперь он хорошо владел различными инструментами, но частенько то молотком хрястнет по пальцу, то ножовкой пильнет. Руки всегда в болячках, а тут еще и бородавки завелись; растут себе одна за другой и ничего сделать нельзя, чем только не мазал. Болячки заживают быстро; нужно только сразу посикать на порез. Пожжет, зато быстро заживает. Старый русский способ, а то придумали зачем-то йод.

Хорошо на бабушкином дворе; никто не орет, скворец заливается на скворечнике, даже думать не надо. Само все вкатывается через глаза и уши и выкатывается. Слабый ветерок, пахнущий землей, коснулся лица и нет его. На лавочке так уютно, не зря дед любит на ней сидеть отдыхать после каждого дела. Ваня следует привычке деда и, прищурившись на солнце, смотрит на поющего скворца. Тот весь растопырился, перья на голове дыбом и голосит изо всех сил. Дед утверждает, что этот скворец живет здесь уже давно и знает деда в лицо, так как когда дед выходит на крыльцо, скворец обязательно громко свистнет. Может быть дед и привирает слегка; все привирают, о чем бы ни говорили, только одни меньше, другие - больше. Просто никто не знает, правда ли то, что он говорит, потому что это может быть и правдой и неправдой, хотя кажется, что правда. А как это проверить?..

Почтальон оставляет обычно газету на крыльце. Ваня смастерил из тонких досочек почтовый ящик, покрасил его синей краской и приколотил над ступеньками крыльца. Теперь, когда он видел торчащую из ящика газету, то испытывал удовлетворение от своей полезности.

Однажды ящика не оказалось на месте. Изумленный Ваня увидел его за забором в соседском огороде. Он немедленно слазал и достал ящик, задняя стенка которого оказалась надломленной. Дверь, всегда несколько болтавшаяся на крючке, теперь была словно приварена к косяку. Ваня забарабанил ногой. Послышалось дедово шарканье и его испуганный голос: «Ваня, ты что ль?» Что-то сильно лязгнуло, и дверь отворилась. Ваня увидел мощный засов.

- Ломились к нам ночью, да не смогли оторвать наш вшивый крючок!.. Твой ящик отодрали и в огород бросили... - дед сокрушенно качал головой. - Вот, с утра сходил в мастерскую, засов взял, да приделал на болтах...

Ваня был шокирован, представляя, как какие-то грабители все-таки сорвали дверь и вошли в кухню.

- По темечку тюкнули бы, чтобы тихо все было, - проговорила бабушка, - и соседи не услышали бы... А потом выяснилось бы, что и брать-то нечего...

- Подростки должно быть, - заключил дед, - голова не работает, силы много, девать некуда, вот и творят дела непотребные...

- Так что же вы не кричали в форточку, - Ваня пытается проникнуть во все детали происшедшего.

- Да мы и не проснулись, - отвечает бабушка, - сонных бы и упекли...

- Негодяи, ох, негодяи! - заходится дед.

Ваня смятенно думает о том, что действительно могли бы взять воры. Ведь нет ничего такого, что можно было унести и продать. Наверное, надеялись найти накопленные деньги, так ведь с чего они могут быть накоплены? Дед даже газету выписывает ту, что подешевле, поскольку пишут везде одно и то же, а деньги берут разные. Ваня представляет себе рожи людей, как в журнале «Крокодил». Только такие рожи и могут забираться в чужие дома, чтобы что-нибудь украсть. Они ему глубоко противны. Он не может представить себя на их месте.

~ 33 ~

Только слабые натуры покоряются и забывают, сильные же мятутся и вызывают на неравный бой всесильную судьбу.
(Стефан Цвейг)

Захлебнется пламенным мерцанием закат и угаснет. Выплывет из-за черного утеса громадная красноватая луна и повиснет над мраком. Но, почему она такая большая и кровавая? Война где-то вспыхнула?.. А может быть горит где-то нечто бесценное?.. Или чума косит где-то селения как в бытность?.. Что бы то ни было, но, отражаются от зловещего диска волны страха и ужаса и через глаза проникают в душу. В самом мраке видятся колышущиеся черные массы, от которых тянет ледяной прохладой. Они сливаются и вновь разделяются. От них отделяются мелкие куски и начинают расти. Тянутся откуда-то щупальца и что-то захватывают. В неведомом шевелении нет-нет да мелькнет красноватый или зеленоватый отблеск.

Лунный диск отъехал от утеса, который пропал в небесной черноте. Отдалилась и сама луна, став оранжевой. Зашевелились на ней тени и послышался вой. Волки всех мастей видят на луне своих родичей и тоскуют по ним. Поэтический вой ложится на бумагу и мчится в спирали времени, вздрагивая в чьих-то внутренних вселенных. В полнолуние наступает резонанс. По всеобщему закону поднимаются разные глаза к лунному диску и распахивается навстречу ему сердце, когда он ясный, словно вымытый и тени на нем неподвижны. Но, когда является красная громада, с как будто переливающимися тенями, страх пронизывает робкие души, а сильные ощущают ущербность. Уходит доброта из сердец, остается первозданная дикая настороженность, мгновенно переходящая в злобу, чтобы защищать себя с удвоенной силой от любого покушения из тьмы.

В обществе, как и в дикой природе, существует своя тьма, т.е. неясные клубящиеся отношения членов общества, которые они создают сами. Отсюда и выражение “темнит”. В детстве человек часто искренний и ему живется легко. Но, раньше или позднее подрастающий человек осознает, что с целью собственного благополучия необходимо темнить, как это делают мама с папой и все вокруг. Они еще и подучат свое чадо: будешь простофилей - не выживешь, надо ловчить.

Из поколения в поколение сквозь тысячелетия люди ловчат, пуская клубы тьмы. Ловчили и темнили фараоны и рабы фараонов, феодалы и вассалы, церковники и прихожане, императоры и солдаты, аристократы и челядь, философы, ученые, рабочие и колхозники. В клубах тьмы плавает история. Хватают творцы какой-нибудь клубок и создают на его основе высоко художественное произведение. Так, Жанна д”Арк в образе пастушки, поднявшей народ Франции на праведную борьбу с захватчиками - англичанами, возбудила великих музыкантов Верди и Чайковского на создание опер. Тьма скрывает, что Жанна была отнюдь не пастушка, а дочь королевы от ее любовника, воспитанная в крестьянской семье для сокрытия греха. Так повествует Робер Амбелен, видевший так называемую книгу Пуатье, что по современным представлениям означает досье Жанны, хранившееся в тайне в библиотеке Ватикана. Разумеется, Жанну, как лицо королевской крови, никто не сжигал (эта участь досталась неведомой подставной гражданочке, возведенной на костер в колпаке). Жанна же вышла замуж после процесса, непонятно, правда, зачем, поскольку выполнять «супружеские обязанности» бедняжка не могла, что установила еще специальная комиссия во время следствия, с изумлением разглядывавшая детородный орган «пастушки».

И вот теперь любители оперы могут упиваться ариями «Жанны» и «Орлеанской девы» вопреки просветленной Амбеленом тьме, которую, однако, тщательно стараются сохранить. Книга Пуатье, случайно оказавшаяся в руках историка, исчезла в катакомбах Ватикана.

Для нас это - как будто ничего не значащий казус в истории человечества. Однако подобными казусами кишит и отечественная история и даже жгучие повторения ничему не учат. Один вещал с броневика, другой - с танка (техника усовершенствовалась). Всяк голосит о благоденствии России, окутывая ее новыми клубами тьмы и зла, в которых «сеятель ее и хранитель» уже не стонет, а мирно агонизирует.

Согласно христианским воззрениям, внезапно погибающие люди, как и не прошедшие отпущение грехов приговоренные к расстрелу или другому способу отнятия жизни уходят в мир иной с неочищенной душой. Они становятся упырями и тем самым засоряют космос, частью которого является ощущаемый нами мир. Великое действо существовало ранее в явлении покаяния. Духовник, коему дано было принимать покаяние и отпускать грехи, являлся своего рода фильтром, пройдя который, души очищались. И если уж суждено было душе расстаться с телом вольно или невольно, она уходила очищенной, оставляя грех в зримом мире. Космос не засорялся злом, но оставаясь в людском мире, будучи отделенным от своих носителей, зло накапливалось на Земле, получало новые воплощения.

Можно верить или не верить этой теории, как и любой другой. Но если слегка вдуматься, то становится совершенно ясно, что в данном случае теория соответствует практике, а значит она правильна, хотя и непонятно, в каком виде зло плавает над Землей, называемой поэтами грешной. Наверное, оно похоже на радиацию по своему воздействию и, охватывая человеческие души, вытравливает из них добрые начала, заложенные при рождении.

* * *

Человек способен себя во многом ограничить и не страдать от этого. Его жизнь может проходить в очень небольшом пространстве многие годы и ему не требуются дикие дали и ветер странствий. Но это добровольное ограничение. Оно воспринимается нормально. Совсем другое дело, когда подобное ограничение вынуждено, как в лагере. Тут, правда, не просто пространственное ограничение, но, еще и во всех остальных проявлениях жизни, начиная с ограничения в еде, когда вместо полноценной пищи человек получает нечто для набития желудка совершенно несоответствующее потребностям организма. Белки, в частности, отсутствуют нацело. А, если вспомнить, что белки это - основа жизни, то возникает вопрос: не специально ли придуман лагерный рацион, чтобы из людей лишенных свободы сделать еще и дегенератов?..

Не потому ли многие снова и снова попадают в тюрьму, едва побывая на свободе после отсидки. А какие типы людей формируются в лагере!.. С ними может соперничать только неандерталец. Жизнь на голых инстинктах. Но разного рода теоретики полагают, что это - система исправления человека. Отсюда и лагерь официально называется исправительно-трудовая колония (ИТК) номер такой-то. Трудно придумать что-нибудь более вводящее в заблуждение, которое надо признать сознательным. Его цель - обман людей. Дескать, все вы знаете, что в тюрьмах сидят преступники. Им созданы условия для исправления честным трудом. Благодаря гению Фридриха Энгельса, известно, что труд сделал человека из обезьяны. Обман вскрывается просто - никто из миллионов людей, совершивших преступления и прошедших лагеря, не исправился, а, если и не попадался больше, то просто потому, что был более осторожен или изменил образ жизни, затаив глубокую злобу на все общество. «Честный труд» в лагере означает современную форму рабства, которой человеку лучше подчиниться, иначе будет еще хуже. Этот труд совершенно не мешает превращаться обратно в обезьяну, что иным идет во благо - думать не надо.

Иван пишет время от времени свой дневник и пытается философствовать. Это получается довольно плохо. Не хватает знаний, нет логической канвы. Перо повисает в воздухе. Мысли пляшут и не хотят организовываться в какую-либо последовательность. Зато злобы у него с избытком. Он смотрит на окружающих его собригадников с величайшим омерзением, но знает, что это лучше не показывать. В самом деле, что может измениться, если он будет выражать свои чувства?.. Набьют морду, вот и все. Он записывает свои ощущения в дневник и сочиняет стихи.

Толпа, тебя кляну я день и ночь,
Люди, вас ненавижу, презираю.
О, если б мог, бежал бы прочь,
Подальше от людского края.

И где-нибудь в глуши дремучей
Я б свой нашел приют, покой,
И стал бы радостно-певучий
Природы голос вековой.

А вы грызитесь и деритесь,
Таков уж жалкий ваш удел
С судьбой своею примиритесь
И радуйтесь, кто в жизни преуспел.

Иван пытается представить себе будущее, когда тюрьма останется позади. Что он будет ощущать?.. Сначала, конечно, будет безмерная радость от ощущения свободы, а потом?.. Ведь нет в этом мире настоящей свободы!.. И эти годы лягут тяжким, неизбывным грузом, который будет давить даже в минуты просветления.

Время пройдет и от сна
Все оживет, зацветет
Только моя лишь весна
Больше ко мне не придет.

Снова я буду глядеть
С той же немою тоской
На лепестковую цветь
Свежей красы молодой.

Ляжет вечерняя тень,
Первая вспыхнет звезда,
В тусклость провалится день.
И тогда
Снова колючий плетень
Снова барачная сень.
Нет! Не уйдут никогда.

Вспоминая свое письмо отцу, Иван размышляет, каков будет ответ. Наконец, пухлый конверт у него в руках.

Здравствуй Ваня, здравствуй сынок.

Письмо твое получил чему был очень рад, но напрасно ты усматриваешь какую-то хитрость в том, что я тебе написал небольшую открытку, и имею к тебе какой-то скрытый умысел.

Да, я знаю твой адрес после того как виделся с твоими дедушкой и бабушкой, но тебе непонятно то, как мне не хотелось с ними видеться.

Тебе ничего возможно неизвестно какое они имели ко мне отношение в те трудные военные годы когда мы сблизились с твоей матерью, и как твоя мать вела себя по отношению ко мне. Я не буду об этом тебе писать и портить твое отношение к своим деду и бабушке и матери. Много лет прошло, а с годами и горькое понемногу забывается, но совсем не исчезает.

Я никогда тебя не забывал и редкий день за все годы когда бы я тебя не вспоминал, но это все только в душе, ибо никому это неинтересно знать.

Моя жизнь легкой не была с юных лет. Нас у отца было шестеро, отец мой Алексей Яковлевич был хороший человек, работяга, но после 1-ой империалистической войны был плохо здоров, часто болел и вообще жизнь тех лет была намного тяжелее чем теперь.

Когда ты Ваня был маленьким ты бывал с матерью в Реброве и мой папа с мамой няньчились с тобой и любили тебя. Мама моя приезжала в Волхов на ул.Урицкого, навещала тебя, тогда тебе было 3-4, но у матери твоей были тогда гости и они с бабушкой не очень были довольны при-

ездом моей матери. Мама моя, а твоя бабушка женщина была неглупая, хорошо понимала все и не стала их беспокоить своим посещением.

Ты Ваня пишешь, что не знаешь меня, не представляешь какой я есть, но ведь мы с тобой встречались не один раз. Я был у тебя в школе, нам создали условия и мы с тобой беседовали полный час. Затем мы с тобой встречались у вокзала в скверике, у поезда.

Последний раз мы виделись когда ты собирался ехать с матерью на юг. Мы с тобой сидели в скверике у вокзала. Но ты всегда был неразговорчив и недоверчив. Ты мне всегда приукрашивал свою жизнь, но люди мне кое-что о тебе говорили и хотя не все, возможно и не всегда это была правда, но я был немного в курсе о тебе.

По телефону мы с тобой тоже разговаривали, и в последний раз когда ты только что вышел после отбывания 15 суток и когда я тебя спросил «как, мол, там» то ты мне ответил, что неплохо. Меня этот ответ насторожил и несколько обеспокоил, но как я мог повлиять на тебя, если мы связи с тобой не имели.

Я бывал в вашем городке, но пойти к тебе домой я не мог, встретиться на улице не так просто если это не назначено. Я один раз зашел на строй-двор, но мне сказали, что ты там не работаешь, а искать в депо не было времени.

Когда я платил алименты, я на почтовом переводе часто писал тебе, чтоб ты написал о себе, но никогда ничего не получал и я был так убежден, что ты настроен против меня, не хочешь знать меня и даже возможно презираешь. Ну как я мог навязывать свою дружбу или связь не зная твоих отношений ко мне?

Вот почему я написал только поздравительную открытку.

Мне очень жаль, что наша связь с тобой устанавливается в столь неблагоприятной обстановке, а может быть это послужило толчком, ибо находясь на свободе ты возможно и не вспомнил бы, что у тебя есть отец, а я не написал бы на ул. Володарского. Вот и разбирайся, что лучше, а что хуже. И все же находиться в изоляции очень плохо. Но уж коль это случилось, то я как отец и твой друг советую тебе сын мой, будь выдержан, трудолюбив и добивайся, чтобы выбраться оттуда досрочно и с хорошей характеристикой. Очень хорошо, что ты учишься и, пока там отбываешь срок, приложи все усилия к тому, чтобы закончить десятилетку.

Без образования в наше время жить и работать очень трудно, почти невозможно, а у тебя жизнь впереди.

Писать тебе когда ты был еще малолетним я не стал т.к. это могло быть неправильно понято как тобой, так и матерью и мог получиться разлад в семье, а сейчас ты взрослый и как я понял из твоего письма, парень не глупый и разбираешься что к чему.

Верно и то, что в письме всего и не напишешь, да возможно и не напишешь, да возможно и не нужно, но вот твое настроение, что все люди плохие, это Ваня не правильно.

Я тебя очень понимаю, окружение в каком ты находишься, все это слишком влияет на психику человека. Там человека лишают своего «я», бьют по самолюбию и все такое, но самое главное выдержать все это, не потерять себя и не терять веру в хороших людей.

В трудностях познается человек, если он крепок, если он человек в полном смысле этого слова, он выдержит все. А если “хлюпик”, идет на поводу по наклонной, это не человек.

Ты Ваня находишься в трудных условиях, но есть места много раз хуже.

В ноябре я встречался с хорошим знакомым, который отбыл срок 8 лет в лагерях Карелии на лесозаготовках. Вот там каторга. А тут близ Ленинграда жить еще можно и стремись, чтоб не попасть под влияние плохих людей и чтобы это было первым и последним твоим сроком.

Мои деды, отец и сам я в тюрьме не бывали и очень прискорбно, что ты оказался там, но сейчас главное поскорее освободиться и освободиться я с хорошим отзывом. Вот к этому я тебя и призываю.

Мне не понятно, почему ты себя считаешь столяркой, а не столяром? Работа есть работа и кем это не столь важно, главное как ты работаешь, и как тебя ценят. Человек трудом славен, человек своими поступками красив. А если поведешь себя хорошо то и там это заметят и воздадут должное.

Ваня, а что у тебя с глазами и какие очки прописали? Как твое здоровье?

Ты написал на конверте Павлу Михайловичу как своему деду, а я Павел Алексеевич, твой дед был Алексей Яковлевич. Умер он, т.е. мой папа в 1955 году 10/I, а мама, твоя бабушка умерла 2/II-1958 года.

Мне 46 лет, 1916 г. рождения 12/VII ,будет 47, так что до пенсии еще далеко, хотя стаж трудовой уже 31 год, как видишь гулять и учиться не пришлось, работаю с 15-ти лет.

Семья моя три человека, жена Нина Федоровна и дочь Татьяна, ей сейчас 15 лет, учится в 8 классе.

Комната у нас 16,5 метров, тесновато, но люди есть живут еще в худших условиях, поэтому я на судьбу не обижаюсь. Верно, иногда досадно становится, что есть такие, которые приехали из деревни, пожили два-три года в общежитии и получают даже отдельные квартиры, а живущие всю жизнь в Ленинграде остаются жить в худших условиях. Как видишь, не только в условиях тюрьмы или лагеря нет справедливости, здесь на свободе тоже всего есть, но это не значит, что все плохо, и все плохие. Если так смотреть на жизнь, то и лучше на свет не рождаться. А жизнь наша и так коротка, поэтому не стоит ее укорачивать. Спокойнее следует реагировать на всякие неприятности и по возможности избегать их.

Ты Ваня хочешь иметь мою фотокарточку, но у меня за последние годы не было случая сфотографироваться в хорошей фотографии, а есть фотокарточка 3-4-х летней давности. Если это устроит, то в следующем письме вышлю. Верно, мой возраст такой, когда особых изменений не происходит, если не считать прибавления морщин на лице да седин в волосах.

Ну вот пока и все, что я мог написать.

Пиши, жду.

Ваня, вот я тебя встретив, возможно и не узнаю, т.к. с последней встречи прошло лет, лет..., тогда ты был еще подросток и выглядел неважно, а теперь взрослый человек. Надя Сергеева (она мне приходится племянницей) говорила, что Ваня симпатичный молодой человек и отзывалась о тебе хорошо, только вот товарищи у тебя были плохие, они и помогли тебе попасть туда, где ты сейчас .

У Нади папа умер летом, 10/VI ты его вероятно знал.

Ваня, если у тебя есть фото, то пришли.

Ну будь здоров дорогой. Я возможно и лишнее что написал, ну да ничего, я тебе не надоел, ведь это первое письмишко.

До свидания, твой отец.

Иван не пошел в школу, а завалился на койку думать над письмом, которое произвело на него двусмысленное впечатление. С одной стороны отец как будто хочет ему помочь, а с другой - пользуется для этого какими-то шаблонными фразами. «Человек трудом славен», прямо как на плакате на соседнем бараке. Тут любят про «честный труд» говорить за полцены. А что значит «поведешь себя хорошо»? за что должны воздать должное. Тот повязочник, что ребенка своего угробил, хорошо себя ведет, коль повязку одел. Поди лишние передачи получает и еще что-нибудь, то есть должное воздает администрация. Она ценит стукачей и прочих подонков.

«На переводах что-то писал». Но неужели так трудно догадаться, что никаких переводов Иван никогда не видел. Правда, если бы и видел, то наверное не стал бы отвечать. Зачем?.. А встречи он помнит, вот телефонный разговор забыл, да и какой мог быть разговор, если мамаша неподалеку сидит; она ведь снимала трубку, поди, догадалась, кто звонит, хотя ничего не спросила. Номер телефона где-то узнал. Того не знал, что Ваня по телефону никогда не говорил, не с кем было, хотя у Валерки был телефон. Но проще дойти было и потолковать, глядя на приятеля.

«Подумаешь, не сидел никто». Не велика заслуга. Иван чувствовал, как растет раздражение от этого письма. Но, ведь человек этот из другого мира, - размышлял он, ощущая новую волну раздражения от того, что отец явно не понял его послание. На его рассуждения нет никакой реакции. Хорошо бы подкурить плана, да посмотреть, что придет в голову в этой ситуации. Но плана нет и денег тоже. Собачья жизнь! Мозги стали горячими и Иван отправился на прогулку. Шел пушистый густой снег, мелькающий в лучах прожекторов таинственными блестками. Вышки почти не было видно. Чистый воздух вливался в легкие благостной струей. Засыпанные сверху снегом, по «проспекту» гуляли зэки, наслаждаясь сыплющимися хлопьями. Холодная чистота греет души согрешивших и искупивших свой грех терзаниями души.

Сухорукий Юра, топивший печь в сушилке, освободился с окончанием своего срока. Иван попросил Романа Яковлевича поставить его на это место, хотя здесь зарплата значительно ниже, чем

в столярке. Со стариком сменщиком он легко договорился, что тот будет работать только днем, а Иван только ночью. Теперь он уходил в зону ширпотреба после школы, а возвращался в барак утром. Сосед по кубрику приносил ему в литровой банке обед - первое и второе блюда вместе. Какая разница - думал Иван - один черт хлебово для свиней, хотя при наличии аппетита поглощается с удовольствием. В самом деле щи из кисло-перекисло-тухло-квашенной капусты, в которые раздавальщик от души ввалил черпака три сечки, а то и пшенки или «лошадиного риса» - перловки, - еда не из худших и с хлебом идет за милую душу.

Днем спать долго не приходилось, нужно было идти на поверку находящихся в жилой зоне. Контроль за наличием ведется в лагере постоянно. Пропасть никто не может. Если это произойдет, поднимутся большие силы на поиск. Это на свободе всяк волен утопиться в пруду или повеситься в заброшенной церкви, спохватятся не скоро, если есть кому спохватиться, а в лагере наличие человека проверяется каждый день.

После поверки можно заниматься своими делами в тишине, пока не окончится рабочий день и в кубрик не ворвутся его обитатели. Тут, однако, надвигается ужин, а потом школа или урок с Михаилом Ивановичем.

Вечером Иван приходит в сушилку. Рыжий старик с рыхлым лицом понуро сидит на лавочке. Вскоре он уходит. Иван колет дрова, загружает печку и смотрит в огонь. Иногда проходит много времени прежде чем Иван спохватывается, что надо дело делать. Но какое блаженство - быть в одиночестве!..

Он пилит на скрипке, потом читает «Фауста» и Марска-Энгельса, немного на английском. В двери поддувает, но у печки тепло. Пахнет смолистыми досками. Ночью в небе перемигиваются звезды и Иван , стоя у дверей вглядывается в ночь. Лучи прожектора ограничивают кусок темноты, из которого нет выхода. Сидя на шатком столе, Иван думает. Иногда ему кажется, что он возносится над всем и видит сверху этот кусок темноты, очерченный лучами прожекторов с вышек, серые прямоугольники бараков. Убогостью дышит этот мир. Жаль, что не приходит к нему Мефистофель. Он бы не стал торговаться насчет своей души. Уж зато хохмы они с Мефистофелем
отвалили бы такой, что все МВД на ушах бы стояло. Но Мефистофеля нет и нет.

К утру Иван ложится на доски над печкой. Как только утром за дверью бухают сапоги надзирателя, он просыпается.

- Все в порядке?.. - спрашивает надзиратель в дверях.

- В порядке, - отвечает Иван, открывая печку.

На разводе сразу появляется Роман Яковлевич и, открыв сушильный шкаф, трогает доски. Обычно он начинает брюзжать.

- Спишь тут, наверное, как сурок, доски не сохнут!..

Иван начинает говорить про сырые дрова и плохую тягу. Сверкнув глазами и золотом зубов, Роман Яковлевич уходит в свою коморку в столярке. Иван пытается раскочегарить печку, однако, аргументы, изложенные им, вполне реальны. На сырых дровах с плохой тягой целый шкаф досок за ночь не высушишь. Можно подумать, что старик, которому и полено-то не расколоть, сушит лучше. Опасность, однако, в том, что Роман может выгнать с этого места и тогда... прощай часы блаженного одиночества. Властная фигура - этот Роман. Такие везде пробиваются к власти и хоть кем-то да командуют. Говорят, он был большим начальником, но, как водится у этих золотозубых, проворовался. Получил срок, но, успешно сбежал. Сменил фамилию, опять вышел в начальники, появился в том же главке, где его кто-то узнал. Капнули и что же... Роман Яковлевич Деревяный оказался все тем же Цукерманом. Ему, естественно, добавили за побег. И вот... он уже 12 лет начальствует над столярами-зэками. При этом он дает им заработать, добывая каким-то образом выгодные заказы. Самому ему, наверное, тоже немало перепадает, хотя он ничего не делает, сидит лишь у себя в коморке или ходит всех подгоняет. Все его боятся. Даже бугор, который командует всем ширпотребом, столярки не касается, предпочитая не иметь дела с Романом.

В кубрике опять появились новые физиономии. Старый плюгавый еврей Райхельт с рыжими клочьями на подбородке прибыл с этапом. Почему-то сразу стало известно, что семерик он получил за взятку - золотой портсигар. Иван Разин переведен из другой бригады. Его мясистое серое лицо с толстыми отвисшими губами внушало отвращение. Он сразу подошел к Ивану.

- Я тебя знаю, ты играешь на скрипке в школе, а я в другом классе портрет писал... теперь закончил, хочешь посмотреть?..

Творческий человек вызывает симпатию, какая бы рожа у него не была. Они идут в школу и долго разглядывают большой портрет молодой женщины, писанный по фотографии. Разин рассказывает, что поступил нынче в народный университет на заочное отделение по живописи. Теперь ему присылают задания, а он отсылает рисунки и акварели. В ширпотреб он перешел, чтобы времени больше было.

- Это жена твоя?.. - спрашивает Иван.

- Какая там жена, машет рукой Разин, - по заказу одному мудаку из прежней бригады... А ты не рисуешь случайно?..

Иван отвечает, что в детстве пытался, но особенно не усердствовал. Он вспомнил свои акварели с воющими на луну волками, которые он делал под впечатлением рассказов Сетона-Томсона.

- Если хочешь я дам тебе набор акварельных красок, простой конечно. У меня их накопилось уйма...

В первую же ночь Иван садится писать акварель. Неожиданно это увлекает его. Как-то он не понимал, что ему это нужно, хотя в тетради, куда он выписывает разные цитаты и стихи, он постоянно делает рисунки ручкой.

Разин весьма похвально отзывается об опытах Ивана, хотя и с критикой. Он поясняет тонкости акварельной техники и вообще изображения. Потом он вдается в воспоминания как он писал с натуры своих обнаженных любовниц.

- Приятное дело, знаешь, и совсем не хочется... Как то сижу пишу двоих сразу, вдруг в дверь стучат. Мои девчонки засунули меня вместе с этюдником за ширму, халатики накинули и пошли открывать. Слышу, мужские голоса. Входят два пузана с портфелями. Положили на стол по красненькой, сняли пальто и сели. Я в щелку смотрю. Мои красотки защебетали, халатики скинули и прошвыриваются перед пузанами. Потом на колени к ним сели. Пузаны двумя пальчиками за грудку потрогают, по бочку погладят, сидят балдеют и глазами вращают. Минут десять так позабавлялись, тут девочки говорят - хорош, лимит вышел. Пузаны оделись и распрощались радостно так, до следующего раза... Тут уж я и про живопись забыл, сразу на кровать, а потом в лабаз за водкой...

- Чего ж ты на воле то не учился, - спрашивает Иван.

- Да некогда было, сам понимаешь, а сам то чего не учился музыке...

Иван молчит.

- Вот видишь, - торжественно заявляет Разин, - не попади мы сюда, так и не начали бы учиться...

Получается, что так и есть. В сушилке Иван долго переживает эту мысль. В ночи висит полная луна и ему хочется выть на нее как тем волкам, которых он когда-то рисовал. Надо бы повторить этот сюжет. Можно даже в масле. Разин разрешил, когда нужно, брать коробку с тюбиками и кистями.

Но почему уже тогда, когда вроде бы и не было причин выть на луну, ему все же хотелось и одинокие волки были его идеалом в жизни. Особенно ему запомнился Виннипегский волк Сетона-Томпсона. Впрочем тут все ясно, стоит лишь немного подумать. Этот волк долго жил на цепи у трактира, где он собственно и вырос. Люди его всячески унижали и издевались над ним и только маленький Джим - сын трактирщика - его любил и нередко ругал тяжелым матом пьяных мужиков, обнимая волка за шею. Потом мальчик заболел и умер, а волк исчез, растворившись в окрестных лесах. Рассказ заканчивается уверением кладбищенского сторожа, что в день святого Бонифация с того места, где находится могила маленького Джима, доносится жуткий волчий вой. Это Виннипегский волк - гроза всех местных шавок - тоскует по мальчику научившему дикого зверя любви среди моря ненависти.

Иван хорошо помнит, что когда читал этот рассказ, он ощущал нечто знакомое и в маленьком Джиме и в волке. Все они выросли в уродливом обществе и сами стали ущербными, напитавшись смрадом разложившихся душ. Но почему общество такое?.. Разве оно не могло бы быть другим?.. Чтобы все люди были одухотворенными, возвышенными. Тогда бы и отношения между ними были другие. Тогда дети вырастали бы в иной обстановке и приобретали бы иные качества. И общество постоянно улучшалось бы, а оно явно ухудшается.

* * *

Ваня закаляет силу воли и каждое утро, вставая с постели, сует ноги в кирзовые сапоги и в трусиках, невзирая на погоду, трижды обегает вокруг дома. Как-то какой-то мужик во дворе весело рассказывал другому, как утром глянул в окно, а там «этот вот» в трусах и в сапожищах шпарит под дождем: хуп-хуп-хуп; давно такой потехи не видел...

«Пусть потешаются, не босиком же бежать по грязи и стеклам», - думает Ваня, вдруг увидевший себя чужими глазами со стороны. Оказывается, со стороны его действия воспринимаются совсем не так, как он сам думал о них, а впрочем он и не думал, как это выглядит, достаточно было быть уверенным, что это нужно, хотя и днем беготни много. Домашних забот тоже хватает: то за хлебом, то за керосином, то сестренок нужно из бани забирать, чтобы мать сама спокойно помылась, и везде нужно стоять в очереди, что-то ждать. Вечером мать зудит, чтобы уроки делал, но вроде бы ничего не задавали. К тому же Ванька Длинный дал почитать отличную книгу «Джура», придется отложить библиотечную «Школу» Гайдара (это последнее, что осталось недочитанным у Аркадия Гайдара), да и кроссворд надо заполнить. Дел невпроворот. А уроки можно посмотреть каждый следующий на предыдущем, свежее даже будет. Какие тут уроки, если сестренки под столом за штаны дергают: Ванька, поиграй с нами!.. До чего надоели, и пинка не дашь, жалуются дяде Леше, и тот хмурится, а потом, по пьяни, что-нибудь вдруг выдаст вроде того, что уши будет драть, если Ваня еще раз обидит сестренок. Скорее бы вырасти и уехать подальше от всех их.

Едва сходит снег в более прогреваемых солнцем закутках начинается игра в чику. Для нее нужно запастись пятаками и иметь биту - увесистую металлическую круглую пластинку. Сначала об стенку бросают мелочь, которая отскакивает от стены. Теперь требуется сноровка. Нужно так ударить о стену битой, чтобы она легла рядом с пятаком другого игрока. Если удается расставить пальцы от биты до пятака, то удар считается удачным и теперь нужно ударом биты перевернуть пятак. В случае успеха пятак выигран, если же пятак не перевернулся, то он остается за прежним хозяином.

Многие мальчишки в городке проводят за игрой в чику все свое свободное время. Ходят легенды о больших выиграшах. Однако в ванином дворе мальчишки денег, как правило, не имеют. Их больше привлекает фехтование на палках. Сами они называют это занятие - сражаться. Как и полагается, они изготавливают свои «шпаги», соразмеряя их длину, вес, обхват рукоятки со своими физическими данными. Некоторые изготавливают из фанеры щиты. Ване нравится Валеркин щит, но, сам он предпочитает обходиться без лишней тяжести.

Бывает, что по полдня мальчишки сражаются то один на один, то группа на группу. Надо сказать, они достигают в этом деле немало искусства и некоторым соперникам приходится подолгу «вершить поединок», пока кто-то из них, наконец, будет «заколот». Тычки палкой бывают болезненные, поэтому самые азартные сражальщики поддевают на грудь что-то защитное. Валерка соорудил даже кольчугу, из проволоки, которой все долго восторгались. В этом деле нужна не сила, а ловкость и хорошая реакция, а также тонкая наблюдательность за противником. Маленький юркий Генка Круглик довольно легко «закалывает» Шишку, который обычно начинает доказывать, что это получилось случайно. Ваня не любит сражаться с Шишкой, потому что обычно побеждает его и Шишка злится, орет и норовит спровоцировать драку, воинственно размахивая своей «шпагой» и называя Ваню совой или сычом.

- А ты - Шишка, - отвечает невозмутимо Ваня, зная как не любит Шишка свое прозвище.

Шишка замирает в ярости, кажется, сейчас он разнесет весь свет. Но, сделав гримасу, Шишка оглядывает ребят и злобно обещает Ване подстеречь его в темном углу.

- Смотри не наткнись в этом углу на что-нибудь, - парирует Ваня.

- Там посмотрим, - бросает Шишка уходя.

Некоторое время назад он так всем надоел, что Стась сказал ему, что они сделают ему «темную», если он будет выламываться. Когда Шишка надвинулся на Стася, выступил Валерка и серьезно заявил: «Правильно говорит!». Шишка спасовал и, грозно сказав : «Ну, ладно!», ушел. Потом с ним долго никто не разговаривал и, если он подходил к компании, все отворачивались и начинали насвистывать. Наконец, Шишка не выдержал и через месяц полного дворового бойкота както подошел к собравшимся на куче бревен и заныл:

- Ну что вы, ребята, зачем так, ведь я же свой!..

Все молчали глядя на его растерянную физиономию. Наконец Валерка решил проблему, сказав: «Ладно» и протянул Шишке руку. Все остальные воздержались, а Ваня подумал, что зря Ва-

лерка пошел на примирение. Но Шишка, довольный, занял место на бревнах и включился в разговор. Пригревало. Мирно паслись курицы.

Из бараков за детским садом пришел Ванька Длинный. Он на полголовы выше всех и притом такой тощий, что кажется: вот-вот сломается. Ванька Длинный - любитель книжек, и на этой почве они с Ваней сдружились. В книжном магазине они частенько изучают полки и просят посмотреть то одно, то другое, пока продавщице не надоедает подавать им книги: все равно ведь не купите, треплете только товар... Магазин теперь новый, большой, и так много видно на стеклянных витринах, Ванька и на полках все видит. Сам он книг никогда не покупает, так как денег у него не бывает. Но когда у Вани появляется рубль, а то и три (бабушка втихаря от деда дала на конфеты), они с Длинным долго листают книги, заставляя продавщицу делать резкие движения и бормотать что-то явно недоброе. Книг хороших много, вот только денег маловато; надо либо подкопить на что-то уж очень нужное, либо купить что-то менее, но тоже нужное, зато сейчас. Обычно они не рассчитывают на будущее; лучше сейчас, чем потом.

На правах книжного приятеля Вани Длинный появляется во дворе и уже стал своим, хотя обычно пацаны кучкуются в своих дворах и в чужие дворы ходят редко, так как не очень-то их там приветствуют. У Длинного есть достоинство: он не только много читает, но и артистически рассказывает книжные эпизоды. Его длинная, тощая фигура при этом изгибается самым фантастическим образом, а длинные, как плети, руки совершают такие взлеты и падения, что все, им рассказываемое, воспринимается, словно в театре. К тому же его рассказы чаще всего насыщены юмором. Вот он рассказывает, как Витя Серя где-то добыл какой-то взрывной сигнал, вроде морской SOS, привязал его к забору и дернул за веревочку. Взрыв был не сильный, но световая вспышка ослепила Серю, и когда он побежал, то налетел на какого-то мужика и сбил его с ног.

Разных взрывов было немало. Кругом в лесах находились взрывчатые штуки, которые приносили в городок и где-нибудь подкладывали в костерок. На опушке леса в кустах лежала неразорвавшаяся бомба. Она проржавела, и розовое содержимое частично вывалилось, но взрыватели были как будто новые. Бомбу обходили стороной, хотя Ваня как-то стал над ней на колени и попытался рассмотреть, что там под взрывателями. Пока изучал конструкцию, он не дышал, чтобы воздух не шевелился. Сколько было несчастных случаев: кому-то пальцы оторвало, кому-то глаз выбило, а кто-то полдома разворотил и самого по кускам собирали. А ежели такая бомбища (добрый метр) ухнет! Голова, наверное, на Луну улетит. Но все же интересно!

В нескольких местах останки самолетов находили, но каждый раз непонятно, чей он. Ржавые каски были обычным делом. Как-то осенью на огородах в каске картошку варили, а потом рассмотрели сбоку вмятину, то ли от пули, то ли от осколка. Немецкими плоскими штыками народ дорожит. Еще бы! Не только порося, но и медведя можно проткнуть, а уж про человека и говорить нечего. Однако урки предпочитают легкие финки с красивыми наборными ручками. Многие пацаны сами точат финки и собирают разную пластмассу на рукояти, особенно ценятся цветные зубные щетки. Иные финки изготовлены с такой тщательностью, словно ими собирались карандаши точить и не вгонять кому-то в утробу. Ведь после такого использования финку положено выбрасывать.

Весной мальчишки развлекаются тем, что устраивают взрывчики карбида. Для этого берется пустая консервная банка, в дне которой проделывается дырочка. В земле делается ямка по банке, в которую наливается вода и кладется кусочек вонючего карбида. Это покрывается банкой, которая уплотняется в землю каблуком. Карбид шипит в банке и выделяет газ ацетилен. Через полминуты к дырочке нужно осторожно поднести горящую спичку. Происходит взрывчик, и банка взлетает в воздух. Тут нужно опасаться, чтобы эта банка не вклеилась в морду, а то мало не будет.

Некоторые делают поджоги из медной трубки. Конец которой сплющивают и заливают свинцом. Эту трубку прикручивают проволокой к деревянной ручке в форме пистолета. В трубке, перед свинцовой пятой, делают прорезь, против которой в дерево вколачивают и загибают гвоздик для держания конца спички с головкой.

Поджоги, как и финки, делают с любовью и некоторой изобретательностью. Это все-таки не холодное оружие, а огнестрельное. У Гребеша и Сери поджоги похожи на настоящие пистолеты, так как выкрашены черной краской. Целыми уроками они крошат в ствол спичечные головки, а на переменке бегут на улицу, вставляют запальную спичку и, отвернувшись, чиркают ее коробком. В качестве снаряда используется какой-нибудь гвоздь. Серя уверяет, что около своего дома застрелил кошку.

Ване давно хочется иметь красивую финку, но поджогу он не желает, так как помнит еще с детства о разрыве поджоги-ружья у Вовки-соседа прямо перед носом. Да и у других поджоги частенько не стреляют, а взрываются, стоит только переложить спичечных головок.

Уже совсем тепло днем стало и грязь на дорогах высохла, создав скульптурный орнамент, когда Ваня умудрился потерять деньги, отправившись за хлебом. Он долго не решался идти домой, несколько раз пройдя тем же путем и не найдя деньги. Наконец он переступил порог комнаты, догадываясь о ближайшем будущем.

- Тебя за смертью только посылать, где хлеб! - заорала мать.

- Деньги потерял, - пробурчал сынок.

- Что!.. - лицо матери стало красным, словно он миллион потерял.

Ваня не успел опомниться, как оказался на полу, охаживаемый ремнем. Однако мамаша вкладывала очень много энергии в процесс и ремень выскочил у нее из руки и отлетел. Она бросилась за ним, но секунды Ване было достаточно, чтобы вскочить и броситься вон из дома.

Во дворе он сказал пацанам, что сбежал, так как мать все время дерется, по делу и так. Что он виноват что ли в потере рубля на хлеб.

- Мы тебя прокормим, - решила компания, а Шишка после некоторого размышления решил бежать вместе с Ваней. Он сходил домой, пообедал, принес хлеба с жареной картошкой и они ушли от дома. Сходили на окраину городка за лесозавод, куда редко ходили. Проблема была, где ночевать.

- Заодно похудеем немного, - сказал Ваня, предвкушая их перипетии, - а то зажрались..

- А мне-то чего худеть, - возразил Шишка, - у меня нет лишнего...

- А что же у тебя лицо такое? - Ваня хотел сказать рожа, но подумал, что Шишка обидится и употребил совсем чуждое для него слово “лицо”.

- Оно у меня просто широкое, а не жирное, вот...потрогай, - Шишка подставил ему щеку, - видишь, где скула...

- Верно, - согласился Ваня, - а у меня пузо растет...

- Да ну! - Шишка оглядел его в профиль, - не видно пока...

- Это в одежде не видно, а когда разденусь, видно...

Они решили ночевать в громадной куче сена на окраине гаража, рядом с кладбищем. Поздно вечером они пересекли кладбище и перелезли через высокий забор, прямо к этой куче. Никто их не мог видеть. Они выкопали в сене глубокую нору, забрались в нее и забили сеном вход. Легли спина в спину. Сначала было тепло, но после полуночи холод проник в нору и беглецы застучали зубами. Часа через два Шишка начал сомневаться в правильности своего решения.

- И чего это я побежал за тобой, не знаю, спал бы сейчас спокойно дома.

Ване не хотелось, чтобы Шишка уходил. Он пытался убедить его, что сегодня они как-нибудь перебьются, а завтра найдут более теплое место. Но Шишка начал рассуждать, что, наверное, мать волнуется, куда он делся. Наконец, он твердо решил идти домой.

- Тогда я к бабушке пойду, - уныло решил Ваня, которому страшно было оставаться одному в сене рядом с кладбищем.

Они вылезли из сена. Сияла луна. На заборе поблескивал иней.

Ваня долго стучал, пока за дверью не послышался осторожный оклик деда. Наконец убедившись, что это внук, дед открыл дверь. Скоро Ваня пил горячий чай и давал объяснения бабушке с дедом.

- Я всегда говорила, что доведет она парня, - убежденно заявила бабушка.

- Ладно, ложись рядом со мной на сундук, - сказал дедушка.

Утром раздался громкий стук в дверь. Ваня понял, что это пришла мать и вскоре он услышал ее голос в сенях.

- Одевайся, пошли, - мирно сказала она Ване.

- Да вы хоть чаю попейте, - предложила бабушка.

- Дома попьет, - сказала мать.

Дед сидел в кальсонах и молча курил.

На улице Ваня быстрым шагом опередил мать, а за мостом свернул не в ту сторону и скоро был на кладбище.

- Как же, так он и побежал домой...- думал он злобно, сожалея, что не попил чаю.

Он слазал в гараж, осмотрел место неудачного ночлега, потом перелез через забор обратно на кладбище. Здесь он бывал нередко и странным образом ему здесь нравилось. Он разглядывал надписи на крестах и тумбочках и многие знал наизусть, т.е. кто когда родился и когда помер. Вот могила двоих детей, сгоревших прошлой осенью при пожаре двухэтажного дома на улице Работниц. Они забились под кровать и там задохнулись. На их могиле еще нет креста, просто куча земли.

Побродив по кладбищу, Ваня идет в свой двор, поглядывая, чтобы не встретиться с мамашей. Ага, вот появился Армян. Скоро он выносит Ване поесть.

Уроки у Вани во второй половине дня. Пожалуй, он сходит в школу, хотя одежда на нем домашняя. Жаль, что нет у него свежего номера «Пионерской правды». Уже целый год он участвует в Клубе смекалистых ребят, т.е. разгадывает ребусы и шарады, заполняет кроссворды и все свои решения отсылает в редакцию газеты. Иногда ему помогает классная руководительница Мария Федоровна. Она берет газету и идет в учительскую выяснять, какая река из семи букв течет в Южной Америке или название города из восьми букв в Австралии.

На уроках в этот день Ваня сидел совсем тихо. Он то дремал, то думал, что будет делать дальше. Уже в конце дня в дверь постучали. Учительница подошла к двери, коротко переговорила с кем-то за дверью и сказала Ване выйти в коридор. У двери в коридоре стояла заплаканная мать. Увидев сына, она опять приложила платок к глазам и всхлипнула.

- Ну что же ты?!. Почему ушел?..

Ване стало жалко мать, но он угрюмо молчал.

- Приходи после школы... Придешь?.. - мать опять всхлипнула.

- Ладно, - пробормотал Ваня, - если не будешь бить меня. Я ведь и вправду рубль потерял, а не присвоил...

- Да черт с ним, с рублем, - сказала мать, - ну, погорячилась я, прости...

Ваня почувствовал, что произошел какой-то перелом. Чтобы мать просила у него прощения, такого еще не бывало.

- Так я буду ждать, - выдохнула мать.

- Сказал же, приду, - Ваня тоже всхлипнул и пошел по коридору в сторону туалета.

Никакой торжественной встречи его дома не было. Казалось, мать едва заметила, что он появился. Позднее пришел дядя Леша «под газом», посмотрел осовело на Ваню и ничего не сказал. Жизнь потекла дальше давно установившимся порядком.

Во дворе Ваня узнал, что Шишка всем говорил будто бы той ночью, которую они проводили, зарывшись в сено, под утро Ваня ушел к бабушке и ему (Шишке) ничего другого не оставалось как идти домой. Подлость всегда поражает, особенно, когда она неожиданна, как чаще всего и бывает. Когда Шишка появился и Ваня попытался вывести его на чистую воду, ничего не получилось.

- Нет, ты первый ушел! - внаглую орал Шишка.

- Ублюдок ты паскудный после этого, - решительно заявил Ваня.

Шишка схватил его за грудки, но Ваня ударил его головой в подбородок. После этого закипел кулачный бой и скоро Шишка удачно заехал Ване в глаз, отчего тот скрючился. Скоро под глазом у Вани чернел огромный фингал.

Он перестал маячить во дворе, не ходил в школу, а отправлялся на реку или даже дальше, где обнаружил карьер, в котором брали известняк. За рекой возвышался древний курган, в котором береговые ласточки наделали множество нор. Сверху было далеко видно и Ваня сидел на макушке кургана часа два разглядывая окрестности и размышляя о них. Он пристрастился к рыбалке и время от времени вытаскивал маленького окуня или ерша. На крыше сараев Ваня сшил себе полевую сумку из старого портфеля, которой очень гордился, особенно, когда она пропахла рыбой. Одиночество нисколько его не угнетало, наоборот, он ощущал какую-то полноту бытия, которой не было в дворовых общественных занятиях.

В конце учебного года в дверь комнаты постучал почтальон. Мать вышла, но тут же вернулась:

- Иди, там тебе пакет «лично», - сказала она Ване.

Ваня никогда никакой почты не получал, да еще и пакет. Его изумлению не было предела. Однорукий почтальон Миша, как его все звали, потряс пакетом: «Давай, пляши».

Иван пару раз крутанулся, присел с выбросом ноги и сказал: «Хватит». Он лихорадочно вскрыл пакет. Книга «Серая скала». На обратной стороне обложки красивым почерком было написано : Ване Маккавееву, одному из победителей конкурса Клуба смекалистых ребят.

- Вот, - сказал он гордо матери, - а ты не хотела денег на конверты давать!..

- Так сколько тебе денег надо! - возмутилась мать, - то на книжку, то на какие-то карандаши, то еще на что-либо...

Она долго смотрела на подпись в книге теплым взглядом. В очередном номере газеты «Пионерская правда» перечислялись победители конкурса. Ваня нашел там и свою фамилию. Он был единственный из городка. В школе это стало известно и Валентина Петровна встретив его в коридоре остановилась и сказала, что они гордятся им.

- Можешь ведь быть хорошим пионером, - добавила она.

Ваня не уловил связь между «хорошим пионером» и Клубом смекалистых ребят, подумав лишь, что хорошие пионеры не получали книг, как победители конкурса.

~ 34 ~

Настоящее одиночество, без всяких иллюзий - наступает перед безумием или самоубийством.
(Эрих Мария Ремарк)

Кажется Рене Декарт сказал: кто жил один, тот жил. Великий смысл кроется в этих словах. В одиночестве человек смотрит и слушает более обостренно. Он знает, что надеяться нужно только на себя. Это ощущение хорошо знакомо охотникам-одиночкам, которым подолгу приходится жить в тайге. Но дело не только в этом. В одиночестве человек находится наедине с своей душой. Хочет он того или нет, но его общение с собственной душой приобретает характер диалога с кем-то другим. Писательская фантазия может изобразить этого «другого» в виде черта, как это делали Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых», А.П. Чехов в «Черном монахе» или Томас Манн в «Докторе Фаустусе». Писатели опирались при этом на народные домыслы о том, что, когда человек сходит с ума, ему является сам сатана. Этот же субъект может весьма поспособствовать человеку в земной жизни в проявлении его талантов, если тот согласится отдать ему свою душу, когда окончит земной путь. Известно, что Паганини, по свидетельству современников, был дружен с чертом и кое-кто даже видел рогатого во время завораживающей игры маэстро. Этот слух был столь популярен, что стал совершенно очевидным и церковь более полувека запрещала предавать тело Паганини земле, хотя души при нем уже не было и в чьих она была руках, церкви не дано было знать. Свидетельств, что Паганини продавал свою душу черту не имеется, зато известна его титаническая работа со скрипкой с малых лет. Произведения Паганини с блеском исполняют многие современные скрипачи. Может быть черт помогал и Леониду Когану, а теперь обеспечивает триумф Владимира Спивакова?..

Черт соответствует злу, а в природе нет зла. Оно существует только в человеке. Это он разграничил добро и зло и приписал первое Богу, а второе - черту, сатане, т.е. в своем высокомерии человек поставил себя как судию, решающего, что есть богово, а что чертово. Церковь объявила себя «невестой христовой» и провозгласила себя наместницей Бога на Земле, т.е. уполномочила себя решать, что хорошо, а что плохо. Однако за всю свою историю церковь сделала столько зла для людей, что связь ее с Богом весьма сомнительна. Церковники всегда показывали себя только как люди и притом весьма недалекие. Несколько исключений из правила только подтверждают этот вывод. Но исключения касаются старцев, живших в одиночестве. Может быть не каждый человек способен в одиночестве на глубокое погружение в глубины бытия, но соприкоснуться с этими глубинами дано каждому. И никто при этом не скажет, что зрит черта. Отнюдь, он ощущает себя наедине с Богом. Неважно верующий он или нет. Любой нормальный человек - верующий, только Бога может понимать по-своему, не так, как учат церковники. Если, например, Бога понимать, как не так давно понимали вакуум (абсолютную пустоту), то выражение «наедине с Богом» обретает вполне реальный смысл: сознание человека не сосредоточенное на какой-то конкретике как бы распыляется и соприкасается с вакуумом, за которым не нужно куда-то ходить. Вакуум всюду. Как известно все состоит из атомов, но, в каждом атоме имеется вакуум. Потому религия и утверждает,

что Бог всюду. Просто церковники не знают, что Бог - это вакуум. Им удобнее представлять его как нечто непознаваемое, непостижимое, а то еще и как старичка на тучке.

В настоящее время физика установила, что абсолютной пустоты не существует, так как в абсолютном вакууме спонтанно возникают элементарные частицы. В науке принято считать, что из ничего не может произойти что-то. Значит вакуум это не абсолютная пустота, а абсолютная заполненность чем-то еще непознанным. Надо заметить, что научные выводы удивительным образом соответствуют библейским текстам. Разумеется не следует ожидать буквального соответствия. Однако как бы ни было, материя (т.е. частицы), рождается из того, что считалось вакуумом. То, что это не пустота, а заполненность никакого значения не имеет. Существенно лишь одно - обладает ли вакуум сознанием?.. В это и упирается непостижимость Бога, так как если вакуум сознателен, то это тот уровень сознания, на который человек, по всей вероятности, никогда не поднимется. Другими словами, потолковать с Богом ему вряд ли когда удастся, а тем более пронюхать о его замыслах. Это ему не дано, но, главное, это ему не нужно.

В одиночестве человеку дается то, что может быть дадено. Он переживает совсем другое мироощущение, чем в обществе себе подобных. Его душа трепещет и раскрывается, словно бутон. Он воспринимает неведомые импульсы и готов к возвышенным свершениям. Зло, которое в нем кипело еще недавно в общении, растворяется и исчезает. Мир сияет радужными переливами. Четко работает мысль и решаются мучительные вопросы. А если доведется бросить взгляд вокруг, то сразу становится видна никчемность многих усилий, глупая тщета, жалкость того, к чему так рвутся люди, а, дорвавшись, наслаждаются как свиньи в грязи. Все достоинства, столь любезные обществу, оказываются ничтожными. И над всем этим висят черные клубы, как над Мордором Толкиена. Исследователи творчества Толкиена пишут, что он опирался в своих книгах на знание мифологии. Но, скорее всего, что значительно больше он писал с натуры, только используя мифологические символы. Надо полагать, что Толкиен жил в одиночестве.

Можно говорить об одиночестве духовном и физическом. Разница тут, конечно, немалая, но, все же и не столь большая, как часто уверяют. В любом случае человек постигает Бога и, если уж он нацело отравлен обществом, то черт ему товарищ и ему он вручает свою душу «не получив за это Маргариту», а тихо сойдя с ума или затянув петлю на шее. Ганс Фаллада справедливо считал, что каждый умирает в одиночку (так он и назвал свой замечательный роман), но, это лишь говорит о том, что и живет каждый в одиночку. А степень его довольства жизнью зависит от того, насколько он способен слиться с Богом-вакуумом, который питает его дух и разум.

* * *

Трещат в печке еловые дрова и из открытой топки вылетают горящие головешки. Иван следит за их полетом, будут разгораться или нет. Пожар, однако, устраивать не годиться, так как пропадет работа, связанная с одиночеством, которой он так дорожит, что приноровился воровать дрова в цехе жестянщиков. Лишь бы Роман не рычал по утрам, что доски в сушильном шкафу едва теплые. За воровство дров можно, конечно, получить отменную взбучку, да ночью кто видит..., а к утру все сожжено.

Так, печь заправлена часа на два, можно заняться делом. Теперь Иван трудится над «Полькой» Рахманинова и пока идет плохо, очень уж техничная вещь. Зато «Турецкий марш» Моцарта звучит весьма похоже и Михаил Иванович доволен больше, чем сам Иван.

- А что вы хотите? пока мелодия не будет пальцах, будете спотыкаться!..

Помузицировав, Иван пишет акварелью натюрморт с клеянкой, ножовкой и рубанком. Разин говорит, что отошлет его натюрморт со своими заданиями, если, конечно, натюрморт будет на должном уровне. Натюрморт с сапогами Разин одобрил, но, не захотел посылать, как свой.

- Там все-таки культурные люди, а я им буду твою вонючую кирзу подсовывать!.. Нашел, что рисовать!.. Фантазии у тебя маловато... Сидишь рядом со столяркой, вот и возьми инструменты, рубанок, еще что-нибудь...

Неслышно уходят мгновения в лист бумаги, на котором появляются предметы. Нежные касания мягкой кисточки шевелят душевные струны и на бумаге рождаются блики, тени. Когда акварель готова, в печи остались одни уголья. Перед чтением надо сначала дать разгореться сухим дровам, а уж потом сделать капитальную загрузку сырыми. Иван поглядывает на акварель. Все-таки есть разница между музицированием и рисованием. И там, и здесь велик элемент случайности, но, когда вдруг хорошо сыгралась вещь, она ушла, отзвучав, от нее осталось лишь воспоминание, которое уже завтра померкнет. А если случайно получился хороший рисунок, он остается. Может быть еще не скоро удастся сделать что-то хорошее, но, то, что сделано, то видно.

Хорошо, что в библиотеке есть восьмитомник Шекспира. Вообще-то там много что есть хорошего, вот только не достает времени все осилить. Читается так медленно, запоминается плохо. Что проку от «Фауста», который он мусолил так долго, наделал выписок, а наизусть выучить отдельные куски не удается, хотя отдельные строчки кажутся своими: «Дух пустоты, надеюсь, схвачен мной. Мне также одиночество знакомо». Что же там дальше?..

Когда я стал судить трезвей, число
Людей далеких вдвое возросло.
В отчаянье от их вражды, в унынье,
Я удалиться должен был в пустыню,
Где, чтобы одному не одичать,
Я душу черту должен был продать.

Иван сожалеет, что на его душу не находится покупатель. Во всяком случае он не видел таковового, стало быть его и не было.

Иван вспоминает время, когда ему казалось, что он сойдет с ума. Это похоже на колоссальную боль, от которой в любом положении тела невозможно находиться. Может быть беготня и бросание на стены дало бы облегчение, но ведь, в переполненной камере не разбегаешься. Остается только корчиться, а потом замирать в полусознании. Уже в лагере были приступы отчаяния. Однажды он порвал на груди надвое самую ценную нательную рубашку после того как долго лежал, глядя в потолок, словно напитываясь отчаянием. И вдруг это отчаяние словно прорвалось, как оргазм. Дыхание сперло. В голове стало жарко. Тогда он и рванул рубаху, словно она мешала ему дышать. Из груди вырвался какой-то глубинный стон и вместе с треском разрываемой материи пришла здравая мысль - зачем он это делает?..

- Нервишки у тебя шалят, - заметил сосед по койке, - на, сходи покури... - он протянул беломорину. Иван молча взял папиросу, слез со второго яруса, одел куртку и пошел курить. В голове долго держалась какая-то серость.

Теперь тоже бывают душевные спазмы, но не столь убийственные. Они быстро сменяются полнейшим безразличием. Но часы одиночества в сушилке действуют благотворно. Он стал собраннее и всем своим занятиям предается с пылом. Михаил Иванович даже осаживал его.

- Что это Вы гоните мелодию и смычком тыкаете как шпагой. Да разве можно так «Песню Сольвейг» играть!..

Иногда Ивану хочется зарычать на учителя. Какого черта он только и делает замечания, а когда изредка хвалит, то Иван знает, что это он просто так говорит, для разнообразия. Елькин предложил Ивану выступить на концерте художественной самодеятельности, но учитель запротестовал, дескать рано.

Мать прислала в конверте скрипичный аккорд и, натягивая струны, Иван тут же порвал одну. Он буквально взбесился, бросил скрипку в футляр и забегал по сушилке.

Разин одобрил акварель со столярными принадлежностями, но, взвыл от желтого фона.

- Так электрическое освещение было, - оправдывался Иван, но Разин забраковал натюрморт, заявив, что классный рисунок испорчен дурацким фоном.

Они пускаются в спор о значении фона вообще. Один заявляет, что бриллианты и в дерьме остаются самими собою. Другой возражает, что никакая б... не оденет бриллиантовое колье, вынув его из дерьма и не помыв. Да, в лагере есть хорошие люди, но фон-то каков?!. Кто же может их оценить, кроме самих лагерников. Что из того, что на вонючем болоте растут чудные цветы?!. Надо забраться в эту болотную вонь, чтобы увидеть их.

- К черту эту твою философию, - решает Разин, - в живописи фон может выпятить и высветить замысел, а может и съесть его и сделать тусклым...

Разин берет гитару и, оттопырив серые губы, некоторое время бренчит на ней. Потом он делает вдох, понуро взглядывает на Ивана и поет:

Темная ночь за окном,
В сердце тоска о былом,
Нет больше прежней весны.
Грезы остались и сны.

Кажется каким-то невероятием, что в этом драном человеке с пепельным лицом колеблются высокие чувства, поднимающие его над мерзким окружением и над собой. В его блеклых глазах читается пустота, словно душа его отбыла куда-то далеко, а здесь осталось только измученное тело и надтреснутый голос.

Зарею алой покрылся восток.
Мечта ушла. Я опять одинок.

Сделав перебор, Разин широко улыбается Ивану:

- Ничего, мы с тобой еще поработаем!..

Внезапно пришло письмо от Тани большой или, как ее привыкли называть приятели Ивана, Киски. Больше года она не писала, а теперь лишилась девственности неожиданным для себя образом и решила поделиться своей досадой с Иваном. Это произвело на него ошеломляющее впечатление. Он вдруг осознал, что вовсе не забыл Киску, хотя уже давно переписывается с Таней малой - ее подружкой и вполне доволен, хотя, по правде говоря, письма серенькие. Но он помнит, какая она была простенькая и милая, тогда как Киска всегда имела претензию на значительность и, конечно, девушка она была красивая. Оказывается, она спуталась с каким-то молодцем, много старше ее, еще при Иване, который видел, что не очень-то ей нужен, почему и решил дружить с Таней маленькой, которая поглядывала на него как курочка поглядывает на петуха. К тому же Киска заявила, что их прогулки втроем как раз и связаны с неравнодушием Тани маленькой к Ивану. Следовательно, для самой Киски их отношения были второстепенны. А теперь она излагает Ивану свою историю так, что цензор, наверное, зачитался. Несколько вечеров Иван обдумывает и переживает это письмо. Иногда ему представляется, что сердце его принадлежит Киске и, будь он дома, он бы разделал этого искусителя. Но, затем его одолевают сомнения и в своих чувствах, и в Кискиной искренности, которая похожа на искренность актрисы, исполняющей роль. Никто еще не знает, что Киска пройдет свой жизненный путь, опираясь то на одно мужское плечо, то на другое и своего четвертого мужа бедняжка встретит на венерическом отделении в больнице. Но это потом, а сейчас Иван мечется со своими прыгающими эмоциями по сушилке, пока не приносят новое письмо, которое требует иного отношения. Пишет отец.

Здравствуй Ваня.

Письмо твое получено мною давно, в начале февраля, а вот отписать трудно собраться, то нет времени, то из письма ничего не получается. Люблю письма получать, а вот писать не очень.

Несмотря на то, что я работаю по той же профессии что и твоя мать и уже четвертый десяток лет, в моих письмах ты можешь обнаружить немало погрешностей в грамматике т.к. учиться в школе мне довелось менее твоего и притом более 30 лет тому назад. Поэтому не будь очень строг. Тебя интересуют годы военные, как мы жили и т.д.

Ваня, это было очень тяжелое время, погибли миллионы человек, да что тебе об этом говорить, ты знаешь из рассказов своих родных, литературы и кино, но всего представить невозможно, не испытав на себе.

С июля 1941 по июль-август 1942 г. т.е. немного более года я был в партизанском отряде на Волховском фронте, ну как приходилось об этом не напишешь. Особенно трудно было осенью, зимой и весной, крыша - небо, стены - лес, перина - снег и болотистая земля. Но было нужно действовать раз враг к нам залез и мы делали все, что могли и что от нас требовали. Много погибло замечательных ребят, но я как-то остался цел, хотя и был вместе со всеми. Иногда мы встречаемся в Волхове с ребятами, с которыми вместе партизанили и вспоминаем то лихое время и погибших товарищей, но жизнь идет и хотя прошло уже более 20 лет как мы кончили партизанские походы, но из памяти видимо никогда не изгладятся и не исчезнут то время и события. Когда начинаешь вспоминать, то можно восстановить очень многое и с такими подробностями как будто это было вчера. С сентября 1942 г. по 1945 год XI - месяц я находился в составе Военно-Эксплуатационного отделения, это т.н. железнодорожники действующие, вернее обслужи-

вающие прифронтовые железные дороги. С марта месяца 1938 года по декабрь 1940 г. я служил в солдатах на Дальнем Востоке в Хабаровске, а в январе 1941 года поступил работать в Волхове в НГЧ, где работала и В.П. Маккавеева. Я был секретарем организации ВЛКСМ, было хорошее веселое время и молодежь была активная, жили дружно, весело и все вместе ходили в ж.д. клуб на танцы и на все мероприятия. Но вот 22/VI, война и все нарушено. Меня на фронт сразу не взяли, была броня или что другое я не знаю, но сколько я не ходил в военно-учетное бюро мне отвечали «когда будет надо позовем», и вот после выступления по радио 3/VIII-41г. Сталина, у нас вначале организовали истребительный батальон, а затем вскоре нас многих из истребительного батальона выделили и создали партизанский отряд. В Ленинграде нас вооружили, снабдили боеприпасами и забросили в тыл немцев за Любань.

По выходе из тыла от немцев на нашу территорию в Волхов в октябре 1941 г. я остановился у твоих дедушки с бабушкой по их приглашению, т.к. общежитие было занято военными (после службы в армии я жил в общежитии на ул. Коммунаров, где контора ЖГ) и так мы с твоей мамой оказались под одной крышей, а затем и совсем вместе, но недолго. Через две недели нас снова на задание в тыл к немцам послали и так несколько раз, а в мое отсутствие у твоей мамы появились новые знакомые, которых она не забыла даже и тогда, когда я возвратился из тыла от немцев. А возвращались мы, конечно, имея довольно неприглядный вид. Тощие как дистрофики, грязные и с тысячами вшей, которые ползали не только в белье, но и поверх одежды. В общем я об этом не хочу говорить, слишком все встает живо. Ну, так вот, сравнивая нас с тыловыми офицерами - работниками военпродукта, вполне естественно, что результат был не в пользу партизана. Ну, а дальше вывод делай сам, ты взрослый.

В письме описать все невозможно, да и не нужно, в моей жизни интересного слишком мало т.к. и вся-то наша жизнь есть борьба, как поется в песне. Но я не обижаюсь на трудности, которые пришлось перенести, т.к. неизбалован легкой жизнью и на все трудности смотрю просто, раз они есть, значит их нужно преодолеть. И тебе Ваня советую и как отец и как старший товарищ никогда не поддавайся упадническому настроению и тем более панике. Будь настойчив перед трудностями и честен. Тебе покажется неуместным слово честь, как же мол я могу считаться честным, если сижу в тюрьме за воровство.

Может быть я ошибаюсь, но все же не думаю, что ты испорченный человек. Я почему-то уверен, что ты просто по молодости лет и значит по глупости попал в эту историю и по выходе из лагеря исправишь свои ошибки, а чтобы это было быстрее возможно осуществить, там в лагере нужно быть образцом в труде и поведении. Это нелегко, но нужно.

Тебе впереди еще много будет трудностей и прежде всего потому, что потерять доверие людей и уважение во сто крат легче, чем завоевать их. Ты же еще будучи совсем юнцом, был не раз предупрежден в этих неблаговидных поступках и все же не извлек себе надлежащего урока, но теперь, после отсидки, когда ты уже взрослый, а судя по твоим письмам весьма неглупый, будешь держать себя по-иному. Прежде всего с воровством покончить раз и на всегда, на работе где бы ты не работал, нужно проявить себя трудолюбивым и вежливым в обращении со всеми, независимо от возраста и положения, а со старшими в особенности. Вежливость никогда и никому не вредила, а тебе это необходимо. Ты не думай, что мы не встречаемся и я о тебе ничего не знаю. Очень многое до меня о тебе доходит, хотя и не все. Но плохое всегда идет быстрее и дальше чем хорошее, а мне как отцу, хотя и не принимающему участия в твоем моральном воспитании все же это очень и очень неприятно.

Вот я правильно понимаю тебя и ты это подтвердил в письме, что если бы ты не сидел, то у нас с тобой этой переписки не существовало бы. Тебе отец не нужен, в особенности если бы ты был на свободе. Молодой, здоровый сам себе хозяин и на что мне отец, если он не богат и получить с него нечего. Правда или нет? А вот ты отцу всегда был нужен, и редкий день чтоб ты не был вспомянут (конечно это все в мыслях и только для себя), а когда поделиться об этом не с кем, то и совсем нелегко.

Родственники мои, знакомые и сослуживцы знают, что у меня есть сын и иногда спрашивают где ты и чем занимаешься. Вот и посуди сам легко ли мне ответить, а лгать я не привык и не могу.

Ты спрашиваешь, что сказала бы моя жена, зная о нашей переписке? Она знает это и, конечно, не в восторге, но и не возражает, а о том как она тебя называет, как ты говоришь какими эпитетами, так это ты должен понять - что заслужил, то и получай, но она тебя никак не

называет, т.к. она довольно порядочная женщина и незнакомому человеку ярлыков не привешивает.

Насчет литературы я ничего не обещаю, потому что я и старый твой заказ не выполнил, хотя и искал немало в магазинах и в «Доме книги». Ты Ваня сам наверное забыл, что просил купить книгу Ферсмана «Занимательная геология», это было давно, ты еще в школе учился и я помню, но не встречал, а купить просто что-нибудь, это еще труднее и вряд ли я это смогу. Ты через свою библиотеку попробуй действовать и если в библиотеке человек отзывчивый и деятельный, то и книги нужные сумеет получить.

Ну пока писать кончаю, желаю тебе хороших успехов в учебе и труде, держись так, чтобы освободиться досрочно.

Увлечение музыкой я от души одобряю, это не каждому дано и если у тебя что получается, то совершенствуй, это хороший отдых для себя, а когда будешь владеть в совершенстве, то как приятно послушать хорошее исполнение. Учись, всегда и везде пригодится для себя и для других.

Знания и умение не обременят, особенно если эти знания и умения служат для народа, а не против. Умение, которое служит против народа, ты знаешь, какое это умение и постарайся им не пользоваться, чтобы в дальнейшем не иметь неприятностей. Я, наверное, тебе надоел своими наставлениями, ну да если ты все правильно воспринимаешь, то вреда от этого не будет.

До свидания, с приветом, твой отец. Пиши.

Все это очень ново для Ивана. Но этот стиль «правильного» человека, который навязывает отец, ему давно надоел. Может быть кому-то он и полезен, но только не Ивану. Цену обществу он знает, давно размышляет на эту тему. Он решает не отвечать на это письмо и покончить с этой перепиской. У отца свои представления о жизни и пусть он с ними и остается, но, для Ивана это все скучно. Да и зачем травмировать жену отца. Так уж он и думал каждый день об Иване. Подпустил «красного словца». К черту. Лучше почитать вслух Шекспира, может печка сильнее разгорится. Он открывает толстый том и кричит над печкой :

Гниющий член должны отсечь мы смело,
Иль порча вскоре поразит все тело.

Скрипит пол за дверью. Входит надзиратель.

- С кем это ты тут говоришь, - он проходит и заглядывает за печку.
- С Ричардом вторым - королем Англии, - Иван трясет толстой книгой.

Надзиратель внимательно смотрит на него и идет к двери.

- Совсем свихнешься скоро здесь, у своей печки!..

То, что ответил ему Иван, слышал только Бог, который не заложил его гражданину начальнику.

* * *

Ване опять приходится собирать поросенку траву и носить опилки с лесопилки на подстилку. В доме многие держат поросят, которых осенью закалывает дядя Семен. Он приходит с огромным ножом, ласкает разжиревшее животное, почесывая ему под лапой, а потом сильно бьет ножом ему прямо в сердце. Затем он смолит и разделывает поросенка, а хозяева лишь помогают ему. Он специалист этого дела. Когда свинья разделена на куски, ему отваливают то, что причитается за работу. А дальше хозяева разбираются сами. В прошлом году дядя Леша долго скоблил кишки, потом набивал их специально приготовленным фаршем. Получалась отменная колбаса. Но сначала нажарили гору печенки. Потом солили сало, варили студень. Большие куски мяса повесили в сарае, чтобы не сожрали крысы.

Для всех, кто выращивает поросенка, осенью наступает день довольства и хлопот, но, зато всю зиму есть мясо. Мать обычно закупает еще мешок капусты и дядя Леша шинкует ее на шинковке. В сарае стоит полбочки капусты. Бочку надо обварить с вересом. Это тоже Ванина задача - принести из лесу охапку можжевельника. Капусту тоже многие солят. У всех есть и огороды с картошкой, а в подвале каждая семья имеет ящик для хранения картошки. Весной и осенью мальчишки, теперь уже подросшие, помогают копать огород, сажать картошку, а осенью выкапывать ее. Такова экономика обычной семьи, которую Ваня постиг, как и его приятели. Все живут по одной схеме, денег у всех не хватает. Но, иногда родители дают своим отпрыскам на кино или на мороженное. Лето подрастающее поколение проводит в пионерских лагерях.

Вот и нынче. Ваня отправился в новый пионерский лагерь, оставив мамаше заботу по обеспечению травой поросенка. Лагерь находится в здании школы на окраине другого городка и здесь не так интересно, как в прежнем лагере. К тому же здесь много питерских ребят уже почти взрослых. Во всяком случае Ваня проснулся после первой же ночи оттого, что рядом в стену ударился башмак наверное 40-го размера. Оказывается ночью прибыл из Питера задержавшийся долговязый подросток интеллигентного облика. Его-то башмаки и пересекали воздушное пространство комнаты, внушая опасение.

Питерские ребята вообще отличались от прочих своей развитостью. Один из них заявил, что может погрузить в свой член иголку. Ему не поверили. Чтобы не быть голословным, он продемонстрировал свое искусство немедленно, распорядившись, чтобы кто-то стоял у дверей на шухере. Он лег на кровать, достал свой интимный орган весьма изрядной величины и начал осторожно вводить иголку с простой ниткой. Вокруг стояла толпа, разинув рты. Наконец вся иголка исчезла и герой дня вытащил ее за нитку. Тут как раз донесся тревожный посвист от двери, в которой скоро появилась незаменимая старшая пионервожатая Валентина Петровна. Приметив Ваню, она сказала ему следовать за ней.

Еще ничего не натворивший, Ваня терялся в догадках в длинном коридоре, пока не оказался в кабинете вожатых. Валентина Петровна представила Ваню присутствующим и чеканным звонким голосом заявила, что они решили назначить его знаменосцем. От такой неожиданной чести Ваня даже вспотел. Это его-то знаменосцем!.. Но Валентина Петровна пояснила, что в смене очень мало знакомых ребят, которые почти все имеют плохую успеваемость. Ваня успевающий ученик, хотя поведение его... (Валентина Петровна погрозила ему пальцем). Но они ему доверяют и надеются, что он их не подведет. Ваня пробормотал, что постарается, но тут же резкий голос старшей пионервожатой пресек его.

- Что значит постараюсь!.. Что нужно отвечать пионеру?..

- Всегда готов, - промямлил Ваня, забыв сделать салют.

Валентина Петровна нахмурилась. Ее серые глаза прожигали Ваню:

- Иди в зал попрактикуйся с горнистом и барабанщиками.

После недолгой практики состоялась торжественная линейка. Вся лагерная смена выстроилась, как обычно, вокруг специальной площадки с трибуной, на которой стояло начальство. Ваня со знаменем, горнист и два барабанщика стояли у подъезда школы, поджидая сигнала. Им предстояло пройти метров 50 до площадки, затем обойти ее перед лицом своих товарищей и остановиться под трибуной. Какая-то толстая тетка что-то говорила с трибуны о счастливом детстве в нашей стране. Наконец, она пожелала хорошего отдыха и Валентина Петровна прокричала:

- К выносу знамени приготовься!.. Смирно!.. Знамя вынести!..

У Вани почему-то затряслись поджилки, хотя на тренировке все было хорошо. В голове колотилась мысль: не споткнуться бы... Дошли до нужного столба и горнист затрубил, а барабанщики принялись лупить в барабаны. Страх у Вани прошел. Он слегка наклонил древко, чтобы знамя проплывало прямо перед носами, и с достоинством зашагал вдоль шеренги.

Все остались очень довольны. Валентина Петровна поздравила всех с началом настоящей жизни, поскольку предыдущие дни были не в счет. Она сообщила правила проживания в лагере, программу смены и разные детали. Потом все напрягли внимание на знамя и Ваня двинулся в обратный ход, досадуя, что горнист дудит ему прямо в ухо.

Каждый день теперь, утром и вечером он вносил и выносил на линейку знамя, сопровождаемое трескучим горном и грохотом барабанов. Соседи по комнате сначала относились к нему настороженно, с чего это он - знаменосец, уж не доносчик ли. Но Волк, который и теперь оказался здесь, сказал, что Ваня свой в доску. Волку поверили, так как в нем то можно было не сомневаться. А то загонявший в член иголку предложил было сделать знаменосцу «темную», т.е., набросив ему что-нибудь на голову, избить. В конце концов все стабилизировалось. Как-то именно Ваня погорел после отбоя, когда во время боя подушками не услышал открываемую дверь и, выплевывая подушечные перья, как раз огрел бросившегося в постель противника, когда от двери раздался голос:

- Что здесь происходит? - в дверях стояла хмурая Валентина Петровна.

Смущенный Ваня побежал в свой угол. Ни слова не говоря, старшая пионервожатая ушла. Как только замер стук ее каблуков в коридоре, с разных кроватей донеслись смешки.

- Теперь тебе не знамя, а половую тряпку дадут носить, - предположил кто-то.

- Ну и ладно, я ведь не напрашивался, - ответил Ваня.

На всякий случай утром он спросил у Валентины Петровны, кто понесет знамя.
- Тебя никто не освобождал от этой обязанности, - был ответ, причем Валентина Петровна даже не вспомнила о вчерашнем происшествии.

В один из выходных приехали дядя Миша и тетя Таня - родители Генки Шапошника.

Ваня, хотя и продолжал дружить с Генкой, чувствовал, что какая-то собака между ними пробежала. Однако объяснялось все очень просто. Генка каким был, таким и остался, его совсем не тянуло на шкодничанье, на самоутверждение и прочую активность, развиваемую псевдоромантическими натурами, к которым безусловно отошел Ваня. Генка не осуждал Ваню, но, стал его сторониться как человека ему чуждого. Иногда они что-то обсуждали, по большей степени из прочитанного, или даже ходили на спортплощадку, где Ваня запрыгивал на турник, поднимал вверх ноги и повисал на подколенках; затем он раскачивался, опустив руки, потом резко подавался туловищем вверх и летел вниз, становясь на ноги. Генка на такой пируэт не решался, говоря, что это ему ни к чему. Зато он мог подтянуться на пять раз больше Вани.

Родители появились рано и сидели перед подъездом школы, ожидая, когда завершаться завтрак и линейка.
- Ого, да ты смотри-ка, Ванька-то знаменосец, молодец! - Дядя Миша толкал локтем тетю Таню.

Ваня отметил про себя восторженность дяди Миши, тем более, что он - военный. Это сейчас он в штатском, а дома он не снимает форму. Жаль, что мать не приедет, сказала, что далеко, денег нету.

Но вот... Валентина Петровна на трибуне проорала, стало быть пошли... У столба загремели горн и барабаны. Горнист теперь трубил немного вбок, так как Ваня сказал, что, если он будет ему дудеть в ухо, то Ваня проткнет ему брюхо острием знамени.

После линейки дядя Миша крикнул Ване, чтобы он подошел. Оказывается мать прислала кулек с конфетами и печеньем. В записке она писала, что дома все хорошо, поросенок ждет его возвращения, так как сидит без травы. Ваня жует печенье с конфетами и говорит с дядей Мишей. Он уважает этого толстого дядю с красной круглой физиономией за то, что тот охотник, у которого есть настоящий гончак и подсадные утки, которые прямо от сараев летают на Воняловку купаться. Дядя Миша всегда что-то рассказывает и обещает взять Ваню за зайцем, поскольку его Генка не желает убивать зайцев.

Купаться здесь ходят на озеро, довольно далеко, зато на пути находится чудный бор. Ваня собрал там несколько растений для гербария, аккуратно записывая названия: кашка, кошачьи лапки, тимьян. Он разглядывает эти растения и умиляется как славно в них все устроено, издали это незаметно - растет себе цветок и вроде ничего особенного.

С начала года он ведет список прочитанных книг и с удовольствием его пополняет, стараясь прочитать побольше. В походе ему не нравится. Через каждую деревню они идут с развернутым знаменем, трубящим горном и барабанным боем. У старух из рук вываливаются ведра при виде колонны пионеров. Иные даже крестятся. На лесной дороге Ваня кладет древко на плечо, но, толстая тетка из ГОРОНО выговаривает ему, что нехорошо нести знамя как кошелку на палке. Ваня возражает, что здесь на них никто не смотрит, а знамя тяжелое, у него руки устали. И правда, ему хочется посмотреть, что там сбоку, а тут тащи эту тяжесть, не нагнуться даже. Арсеха предлагает Ване свою готовность нести знамя. «Да, на! - раздраженно протягивает ему древко Ваня, - мне все равно в кустики надо, не со знаменем же!». Толстая тетка идет рядом молча. Против аргумента с кустиками сказать нечего. Ваня с радостью исчезает и появляется только у живописной речки, где на лугу с большими березами объявлен привал.

Арсеха говорит, что он готов и дальше нести знамя, но, Ваня решает, что хватит уж ему, знаменосец что ли?!. Они сидят под березой, к которой прислонено знамя, а внизу сложены на куртку горн и барабаны. Валентина Петровна кричит девочкам, желающим купаться, идти за ней немного дальше, за кусты. У девчонок растут титьки и они идут купаться отдельно, хотя на озере особенно скрыться некуда, везде пляж.

К Ване подходят рослые питерцы из его комнаты. Они отправляются в обход по кустам подглядывать, как девочки купаются и хотят, чтобы Ваня постучал в барабан, если толстая тетка поднимет кипешь.
- Ладно, - соглашается Ваня.

Он и сам бы к ним присоединился, да, что толку, с его зрением все равно ничего путного издали не рассмотришь. Да и не хочется ему с питерцами иметь что-то общее. На соревнованиях по

легкой атлетике трое питерцев обскакали его на 100-метровке. Это его-то, который и не знал до сих пор, кто бегает быстрее его. Генка потом его успокаивал:

- Ты посмотри насколько у них ноги длиннее твоих, да и яйца в шерсти!..

Генка всегда думал каким-то странным образом и на вопрос Вани - При чем тут яйца? - отвечал, что питерцы уже взрослые мужики и соки в них бродят другие. Было непонятно, что за соки у них, но, то, что длинные ноги дают в беге преимущество, пожалуй, верно, меньше перебросок надо.

Толстая тетка зашла по колени в речку и зовет мальчиков купаться. Ваня с Арсехой остаются сидеть под березой и жуют свои сухие пайки.

- Тебе нравится Светка? - спрашивает Арсеха.

- Смотреть можно, - отвечает Ваня.

Арсеха вздыхает и доверчиво сообщает, что давно любит Светку и не знает, что ему делать.

- Пройдет, - заверяет его Ваня.

- А я не хочу, чтобы проходило, мне так приятно думать о ней, - задумчиво откровенничает Арсеха и вдруг спрашивает - А ты Лильку Блумберг, правда, любил?..

Они учатся в одном классе, так что Арсеха знает про эту скандальную историю, Ваня подскакивает на месте:

- А тебе-то какое дело, любишь свою Светку и люби, а в мои дела не суйся!..

Арсеха обижен. Он ведь ничего плохого не сказал, а спросил, потому что интересно, как это у других происходит и не у кого больше спросить.

Ваня остывает и признает, что любил Лильку, но, теперь разлюбил, потому что она - стервозная. В чем это заключается он, правда, не уточнил.

Возвращаются с купания девочки, а следом появляются питерцы. Они весьма довольны своими наблюдениями. Ваня говорит Арсехе, что больше он в лагерь никогда не поедет. Скучно здесь, хотя и стараются сделать весело. Какая-то гнусная обязаловка, жизнь по звонку.

- Но ты ведь знаменосец, разве тебе это не приятно?!. - изумляется Арсеха.

- А-а... - Как это с ним происходило иногда, он впал в настроение отречения от всего. Ваня машет рукой, - чушь все это!..

~ 35 ~

Мелких волн курчавя гребни,
Ручеек бежит по щебню.
Что мурлычет. он ворчливо
День и ночь без перерыва?
Обвинение ль в измене
Пенят бешено каменья?
Отзвук ли времен счастливых
Слышен в этих переливах?
И о том, что память прячет,
Эхо, вспоминая, плачет.
(Вольфганг Гете)

Просачиваются года сквозь дни бытия. Уходят в прошлое минуты великого счастья, дни скорби и годы тщеты. Пропадают в дымке знакомые места и лица. Кажется, лишь недавно загоралось сердце при виде столь любезной улыбки, но, теперь случайная встреча на улице ставит перед вопросом: она или не она?.. На памятном пустыре стоит огромный дом, слушающий детский гам. Заросла лесом памятная земляничная поляна. Иссяк родник на крутом склоне и только сгнившие ступеньки подводят к месту, где люди брали воду от самой Земли. Новая жизнь скрыла все, что было. Самому себе представляешься реликтом - пришельцем из прошлого, о котором ничего неизвестно. Заросли старые дороги, не шумят леса со знакомыми просеками; от ручьев остались лишь болотины, из которых не напьешься, как бывало, кристальной воды. Стоят лишь развалины хра-

мов, как всегда стояли. Новые поколения галок галдят в них по вечерам, озабоченные теми же проблемами, что и их предки десятилетия, (да нет - столетия!) назад.

Было некогда маленькое кладбище на краю леса. Похоронили на нем друга много лет назад. А теперь!.. Тянутся и тянутся ряды могил. Невозможно найти могилу друга. Лежат другие, старые и молодые. Жили по-разному, пришли к одному. Быть может их души блуждают в соседнем лесу, где темные ели чередуются с могучими осинами и кленами, а среди трав и папоротников краснеют шляпки подосиновик. А может быть некоторые души уже вновь обрели плоть, но, не помнят о прошлом. Лишь какое-то смутное ощущение посещает порой, особенно, когда оказываешься в незнакомом месте, где-то далеко.

Никогда не доводилось бывать в этих краях, но... странное беспокойство одолевает: был я здесь и все вокруг не просто знакомо, а близко до боли, как памятное с далекого детства место. Никто здесь теперь не живет, однако, под деревьями находятся догнивающие останки дома. Льется в грудь струя земной памяти, сжимает сердце обручем тоски, выдавливая слезы. От шершавых стволов деревьев исходят незримые токи, поднимающиеся с соками из земли. Не зря, наверное, вела судьба на это место. Прошло волной далекое эхо и, если удержать его, то многое еще вплывает деталей. Вот здесь была дорога, теперь от нее не осталось следа. Там стоял большой дом, около которого были посажены привезенные издалека деревца. Теперь они шелестят могучими кронами. А дальше до горизонта простирается пестрая луговая пустота. Хлеба колосились тут в бытность. В просвете у реки пахнуло святостью. Ну, конечно, же... тут стояла часовня. И в других местах бывших часовен сохранилось облако святости, которое то ли пахнет, то ли как-то иначе воспринимается, но, ощущается нутром как нечто просветленное. Потом кто-нибудь из местных скажет, что была здесь давно-давно часовня, от стариков известно.

Дышит Земля на каждом своем клочке воспоминаниями. Если затормозить суету мыслей и расслабить узел самости, то дано будет проникнуться в тайные облака воспоминаний Земли в данном месте. Проплывут тогда тени минувшего, шевельнется призрачное бытие, от которого мало зримого осталось. Удивительные прозрения могут выплыть из толщи времен. Совсем неважно, что никто не поверит в эти прозрения. Люди привыкли верить согласно тем схемам, которые были в них заложены в молодости, в основном, в школе. Мало тех, кому было дано ощущение, что школа это вред для развития духа. Закосневает дух в школьном материализме, превращая малолетнего отличника во взрослое быдло, подчиненное стандартам общества. Можно не сомневаться, что прозрения, как будет считаться, «высосанные из пальца», касаются здоровья людей, как в случае Эдгара Кейси, и многие другие случаи, которые научный мир не счел возможным расследовать и дать какое-то объяснение непонятному. Удобнее признать, что непонятного не существует, а есть какие-то выдумки, шарлатанство, желание популярности. Так что не следует сетовать на людское недоверие, если уж вздумалось поделиться каким-либо необыкновенным случаем из своей жизни. Достаточно верить самому себе, проанализировав тщательно случившееся. И пусть это противоречит так называемому здравому смыслу, поскольку именно «здравый смысл» - есть усредненное понимание бытия в материалистическом толковании: что вижу, про то пою.

И, если вы никогда здесь не были, тогда как дух упорно сигналит о знакомстве с этим местом, то верьте ему, даже тогда, когда проверить «сигнал» не представляется возможным. Еще бы, ведь здесь вы жили в прошлой или позапрошлой жизни и Земля прониклась вибрациями вашего духа и хранит их, как она хранит бесчисленное множество других вибраций, случившихся здесь за миллионы лет. Ваши нынешние вибрации всколыхнулись и пришли в унисон с хранимым Землею. Потому и возникло ощущение чего-то памятного. Экстрасенс с этим ощущением узнает многое из той жизни. Простой же человек ограничится ностальгическим переживанием.

* * *

Снова на зону пришла весна. Хлынули потоки талых вод. На футбольном поле не вытащить ноги их грязи. Озабоченные шутники не устают повторять, что щепочка на щепочку лезет. Скворцы бегают по запретке. Но что это?.. Через запретку против бани образовался размыв - целая канава. Иван издали изучал ее. Должно быть она пересекала и запретку за забором. К этой канаве можно незаметно подползти, когда начнет темнеть. Конечно, ползти по жидкой грязи неприятно, но, разве это довод. Главное, чтобы с той стороны забора не учуяли собаки. Прожектор глубину

канавы не просвечивает. Иван привел Юрка-земелю. Но, Юрок, лишь глянув на канаву, отказался от побега:
- Три года сижу, отсижу и еще четыре, - пробурчал он, - а тебе-то зачем нужно, почти половину отсидел?!.

Иван не мог объяснить, зачем ему это нужно. Ведь, кажется, уже смирился с мыслью отсидеть две трети, а там, Бог даст, условно освободят. Однако промоина так его смутила, что ждать еще полтора года показалось немыслимо. И все же он колебался. Старые доводы снова и снова вспыхивали в сознании. Когда начало темнеть, он сунул в карманы две пачки махорки, завернул в тряпочку спички, укрепил их на шее сзади и, дрожа, приблизился к размыву. Над забором вспыхнули лампочки. Иван глядел и не верил своим глазам: канава была засыпана. Когда же успели?..

Он испытал явное облегчение, сворачивая самокрутку. Искушение миновало. Однако тут же возникло злобное раздражение. Он пошел в сушилку и долго смотрел в огонь в печке. В конце концов все пройдет. Давно ли он был маленький. Годы прошли совсем незаметно. Многое помнится с такой отчетливостью, словно это происходило вчера, а ведь минуло много лет. Надо бы сходить к Георгию, поговорить о быстротечности времени. Делать ничего не хочется. К чему эти занятия музыкой, английским, литературой. Прав, наверное, Пашка, когда говорит: зачем много знать, чтобы еще сильнее понимать эту пошлость жизни.

Иван заваливается на доски над печкой. Пахнет смолой, которая местами прилипает к одежде, вытекши из каверн досок. В полусне он ползет по канаве через запретку, вжимаясь в грязь. Вот над ним навис забор. На той стороне тихо. Собак не слышно. Впереди всего три метра, а дальше свобода. Но гулко звучит выстрел. Иван вскакивает на досках. Несколько досок, прислоненных к стене, грохнулись о пустое ведро для золы.

Видно не судьба была бежать. Ведь как натурально все воспринималось. Однако, похолодало. Дует со всех сторон. Только над печкой уютно. Под утро всегда томно и, когда нужно подбросить дров, тело ощущается словно ватное. Курить не хочется. Полное отупение.

Мутная серость сменяет сырой мрак и дышит неприязненной безысходностью. Серые дощатые строения, называемые цехами, уродуют лик Земли. Скоро заснуют вокруг серые фигуры - подобия божии, зарабатывая очередную миску баланды. Потекут в Космос отчаянные мысли, сатанинские идеи и молитвенные мольбы, злоба и ненависть, раскаяние и надежды. Здесь не зазвучит Бах или Гендель. Но все же, когда серая толпа потянется к столовой, кто-то приметит и провозгласит: глянь, скворцы прилетели!.. И правда, по обочине бегают вестники грядущего лета в поисках червячков. Не ощущают они различия между этой землей и там за забором.

В воскресенье на свидание приехала мать с Танькой, бабушка заболела. Недавно бабушка писала в письме, отвечая на соответствующий вопрос Ивана, что мать ей денег не дает, но купили на его Ивановы переводы велосипед. Это известие очень огорчило Ивана. Посылать деньги непосредственно бабушке он не мог, так как в свое время не вписал ее в личное дело. Поэтому он посылал матери, наказав отдавать половину бабушке. Он решил разобраться на свидании, но, как-то не кстати все было говорить о деньгах. Танька опять сокрушалась, что Иван смотрится совсем серым. Мать сказала, что все они тут одинаковые, словно выходцы с того света. Вон, погляди на Брянца!.. Всегда с красной рожей ходил, а теперь, что сталось?!.

Брянец сидел со своими неподалеку. Мать сказала, что они ехали вместе с его родителями. Те надеялись, что последний раз едут.
- Да, скоро уйдет домой, представили на условно досрочное, - подтвердил Иван, - так у него и весь-то срок немного отличается... пока протянется всякая канитель...
- А тебе еще не скоро?!. - вздохнула Танька полувопросительно.
- Когда-нибудь и мое время подойдет...

Иван вспомнил почему-то о размыве под забором, в который он с таким вожделением смотрел. А ведь, если бы воспользовался, то, кто знает, что бы было. Во всяком случае не сидел бы он сейчас на свидании.

Все больше молодежи в их городке уходит в тюрьмы. Мать вздыхает: что за время такое настало, проклятое. Иван отвечает, что время всегда было таким, просто она этого не замечала, так как сидела дома с девчонками. Разве она не знает, что их городок - средоточие уголовников, в частности, питерских, у которых «101-ый км». А это - повальное пьянство, драки, воровство, грабежи. Откуда они?.. И чего не коснись, на всем печать убожества и низости. Но, похоже, что это не только в их городке, а по свей стране.

Танька, расширив глаза, смотрела на Ивана, очевидно, удивляясь рассудительности брата.
- А что... не так разве? - обратился к ней Иван, - ты посмотри вокруг себя...
- Мир не перестроишь, - заявила мать, - живут люди, как могут, ведь много хороших людей...

Иван замолчал. Может быть и много хороших людей, да только цену миру определяют плохие. Это как ложка дегтя в бочке меда. Причем плохость может быть разной: одни просто быдло, а другие-то в правительстве сидят, думают за всех, куда стадо повернуть.

Час свидания пролетел. Мать кривится, глядя на Ивана. Старается не заплакать.
- Ну, ладно, сестренка, - Иван кладет руку на плечо Таньке.

Раньше он никогда не называл ее сестренкой. Он думает о том, что младшая сестра не приезжает к нему. Словно угадав его мысли, Танька говорит, что Томка хотела приехать, но после того как Танька рассказала ей о том, что видела тут, она решила не ездить, а ограничиться приветом. Дядя Леша тоже шлет привет.

Иван передает ответные приветы и они расходятся налево и направо. Потом они обсуждают с Брянцем узнанное. Вести из родного захолустья всегда волнуют, хотя ничего особенного там не происходит. Говорить не о чем и Иван отправляется к одному из укромных уголков около санчасти. Может быть там можно расположиться и пописать в одиночестве за разваливающимся столом. Мыслей, правда, не накопилось, но может быть что-то придет в процессе писания, а если и не явится ничего, то можно просто что-то вспоминать на бумаге. Оказывается, это совсем не то, что вспоминать просто так, мысленно. Тут оно скользит, не облекаясь в слова, и словно живое. На бумаге же надо придумывать как сказать, слова подбирать, и не вспоминается так ярко, как без слов.

Около санчасти пусто, но скамья сломана, а может быть доска сама отвалилась от пеньков и лежит рядом. Иван кладет ее на пеньки, садится за стол и, подперев голову. Смотрит в никуда. Исчезают мысли. Все стихает и пустеет. Течет незаметно срок, а он сидит на скамье и не замечает, пока не спохватывается, что ужасно холодно.

* * *

Лагерная смена подошла к концу. На последней линейке торжественно выдавали дарственные книги тем, кто не нарушал дисциплину и как-то проявил себя. Ваня ждал, когда прозвучит его фамилия, но не дождался. Валентина Петровна, нагнувшись с трибуны, сказал ему, чтобы в последний раз он шел со знаменем медленно. «Черта с два» - подумал обиженный Ваня. Он сделал несколько медленных шагов и пошел как обычно, а в конце даже быстрее. Ему казалось, что товарищи смотрят на него с насмешкой: дескать, целую смену таскал знамя, а подарок не получил. Разумеется, он совсем забыл как его застукала Валентина Петровна во время подушечного боя, как в походе он нес знамя на плече, словно половую тряпку на палке. Но, все же он мог бы сказать, что совсем не шкодил, ну, разве что иногда...

Последний вечер проходил бурно. Девочки и мальчики гуляли по длинному школьному коридору, с интересом поглядывая друг на друга. Временами группа мальчиков во главе с питерцами окружала тесным кольцом одну или двоих девочек и оттуда доносился визг. Буратино ходил гоголем сам по себе и норовил кого-нибудь из девочек поцеловать. Вот он облапил круглолицую Вальку и чмокнул ее прямо в губы. Валька с негодованием вырвалась и плюнула ему в лицо. Буратино выдавил из носоглотки изрядную порцию соплей и всадил Вальке в физиономию так, что она чуть не упала. Девочка, почти девушка, закрыла лицо в ужасе и побежала по коридору. Ваня заливался хохотом вместе со всеми кто наблюдал эту сцену. Начальство куда-то убыло, должно быть тоже отмечало расставание.

В поезде Ваня с Мишкой забрались на полку против Вальки, которая уже забыла про вчерашний инцидент, и Люськи. Потом Мишка предложил Вальке, с которой любезничал, перебраться к нему, а Ване к Люське. Вчерашний вечер показал Ване, что девочки ничего не имеют против общения даже и весьма пикантного. Сначала он старался не зацепить Люську, но, глядя как Мишка положил голову на Валькину попку, сказал, что ему неудобно, а вот им (он кивнул головой на соседнюю полку) удобно и положил свою голову на Люськины поджатые ноги.
- А почему ты меня раньше не замечал? - спросила Люська, не обращая внимания на Ванины происки.

Ваня соврал, что заметил ее давно, но не было повода подойти.
- А ты бы без повода, - сказала Люська.

Ваня почувствовал ее наливающееся тело. К тому же она была недурна собой, вот только рот открывала как скворечник, и забывала закрыть. Он переместил свою голову с Люськиных ног на ее попку, отметив про себя, что орган этот у нее весьма солидный и удобный. Люська сказала, что она живет у реки в старом помещичьем доме. Ваня обрадовался. Он сразу понял, что это за дом, так как нередко бывал в тех краях, прогуливая уроки.

В проходе показалась Валентина Петровна и посоветовала мальчикам лечь отдельно от девочек.

- А нам и так неплохо, - возразил Ваня.

- Мы просто разговариваем, - добавила Люська.

Старшая пионервожатая и, как говорят, старая дева, задержала на них строгий взгляд и проследовала дальше, не настаивая. «Им то что, - подумал Ваня, - они все из других школ, а вот мне еще придется иметь с ней дело».

- А почему тебе подарок не дали, ты ведь у нас знаменосец? - спросила Люська.

- Это ты у нее спроси, - кивнул Ваня вдогонку Валентине Петровне, - да и нужен мне их подарок, как собаке пятая нога...

- Ты это так говоришь, - сказала Люська, - а самому обидно, я ведь видела как ты зло шел с последним выносом знамени...

- Ну и ладно, видела так видела, - Ваня начал сердиться, но сказать было нечего.

- А ты чего кипятишься, я ведь за тебя переживала...

- Нашла о чем переживать, что я без них не могу книжку купить что ли?..

Люська решила сменить тему разговора. Она посмотрела на соседнюю полку, где Мишка с Валькой давно спали в обнимку.

- А ты будешь приезжать к моему дому?.. Мы бы по парку гуляли...

- Если хочешь, то буду, - решительно заявил Ваня, - я в ваши края пешком хожу..., на берегу реки окаменелости собираю... Ты чертов палец видела?...

- Зачем тебе окаменелости? - удивилась Люська.

- Как зачем? - Ваня никогда не задавался таким вопросом, - просто интересно, у меня дома полящика камней с отпечатками древних животных, например, есть такие трилобиты, у них ребра из камня торчат, а есть аммониты, они похожи на спираль, а еще встречаются каменные шарики, фосфориты называются...

- Откуда ты знаешь?..

- Книжки читаю специальные... У тебя ноги красивые, - Ваня провел рукой по пухлым Люськиным икрам.

Люська посмотрела на соседнюю полку.

Незаметно они заснули и лишь толчки разбудили их. Приехали. Ваня обнаружил, что его голова покоится на люськиных ногах, а соседи уже проснулись и слезают с полки.

- Так ты придешь? - спросила Люська.

- Угу, - буркнул Ваня, не спросив, когда приходить и как они встретятся.

Никто его не встречал и он не оглядываясь, побрел к дому.

Неожиданность сближения с Люськой, которая, оказывается была к этому готова, вызвала в душе Вани противоречивый вихрь. С одной стороны, он ощущал, что это несерьезно. Ведь он видел Люську много раз в лагере, но никаких эмоций при этом не испытывал. С другой стороны, приятно, что она-то его заметила и совершенно это не скрывает. К тому же она, хоть и глупая, как пробка, но такая свеженькая, с красивой фигурой.

Через несколько дней Ваня отправился к разваливающемуся помещичьему дому близ реки. Он зашел во двор, побродил около сараев. Женщина, развешивающая выстиранное белье, подозрительно взглянула на него:

- Тебе кого, мальчик?...

Ваня ответил, что он просто так ходит здесь.

- А просто так тут делать нечего, - в голосе женщины появились угрожающие нотки.

Ваня молча ушел, думая, что может быть это мать Люськи. Он послонялся поодаль, надеясь, что Люська вдруг появится, но этого не произошло и он ушел.

По приезде из лагеря Ваня узнал, что у них некоторое время жил мальчик Юрка с нижнего этажа, родители которого куда-то уезжали. Мать Юрки приятная, обходительная женщина не редко заходила к ваниной матери поболтать, поэтому когда встал вопрос - куда пристроить Юрку на

время отсутствия родителей, Ванина мать сама предложила оставить его у нее, тем более что Ваня в лагере. Все это было прекрасно, но вернувшийся Ваня не нашел 15 рублей, спрятанных в ящике тумбочки в записной книжке. В основном это были деньги, которые давала ему бабушка.

Ваня заявил о пропаже матери. Она, естественно, ничего не знала. Дядя Леша был вне подозрений, так как он никогда не лазал в тумбочку или ящик пасынка. Оставалось одно - Юрка. Встретив его в подъезде Ваня взял его за грудки:

- Ты что же, сволочь, деньги украл?!.

Юрка был хлипкий очкарик. Он буквально затрясся от страха и сказал, что никаких денег он и в глаза не видел.

- Не отдашь, худо будет!.. - пообещал Ваня, треснув очкарика по затылку.

Вечером в комнату ворвалась Юркина мать. Она шумно выразила свое недоумение и заявила, что не потерпит, чтобы ее сына считали воришкой.

- Это вот он - воришка и бандит, все так говорят!.. - Юркина мать ткнула пальцем в сторону Вани, - и врет он все, не было у него никаких денег, а если были, так это ты сама взяла!.. - Она злобно смотрела на Ванину мать, которой надоело слушать оскорбления.

- У тебя мой еще ничего не украл, а вот твой украл!.. И нечего тут выдумывать, кто что мог бы... давай, катись отсюда!..

Слегка «косой» дядя Леша молча наблюдал эту сцену, подняв брови. Когда Юркина мать выскочила, хлопнув дверью, дядя Леша спросил, сколько было денег. Услышав, что весь сыр-бор из-за 15 рублей, он заметил, что это всего лишь “маленькая” водки.

- И как она сразу и то, и другое, - возмущалась мать.

- Это не она, муж-то у нее кто?.. - энкэвэдэшник, вот он и прикинул возможные версии, а она только прокричала их...

Теперь при каждой встрече с Юркой Ваня давал ему пинок и требовал деньги. Скоро Юрка боялся выходить на улицу и стал заикаться. Как-то он сказал Ване сквозь слезы уже в который раз, что не брал деньги. Ваня почувствовал его правдивость и тогда тяжелое подозрение на мать легло в его душу. Оно и раньше сидело где-то в глубине. В самом деле, стал бы Юрка копаться в его вещах?!. А мать этим частенько занималась, это было проверено.

Время от времени он ходил к помещичьему дому и надеялся увидеть Люську, но безуспешно. Они увидели друг друга только через 3 года в клубе. Люська была с какой-то девушкой. Ваня уже вполне стал Иваном и ходил как и раньше в кирзовых сапогах и брезентовом плаще. Он старательно пускал из ноздрей табачный дым и всячески стремился показать хулиганский стиль. Они сразу узнали друг друга, но Ваня прошел мимо и, остановившись поодаль у окна, небрежно закурил, стараясь не подавиться дымом, что не раз бывало. Люська повернулась к нему и смотрела на него во все глаза, Ваня опускал глаза, снова их поднимал. Он может быть подошел бы к Люське, но взрослая девушка рядом с ней его пугала. К тому же видок у него, конечно, не джентльменский, а гопницкий.

Через несколько минут девушка что-то сказала Люське, которая продолжала пялиться на Ваню, и они пошли к выходу. Люська оглянулась. Ваня проводил ее равнодушным взглядом. Хотела бы, подошла бы сама, думал он, глядя на ее плотные икры и вспоминая, что когда-то его голова лежала на них. Он размышлял потом, как могло бы все обернуться, если бы он к ней подошел. Зачем там была эта лошадь?.. Не будь ее, он бы точно подошел... Ведь, явно Люська этого хотела...

Много раз проходил Ваня на реку мимо Люськиного дома и всегда смотрел во двор помещичьего дома. Но Люськи там не было.

Осенью в павильоне парка рядом с Люськиным домом открылась сельскохозяйственная выставка, которую Ваня посещал несколько раз, разглядывая всевозможные культуры, среди которых были и диковинки, например, чумиза. Уже нынче Ваня посадил в огороде по краям гряд разные семена. Но часть их была заглушена на стадии проростков, что-то выдрала бабушка, пропалывая гряды. Только кукуруза радовала глаз сочной зеленью и мягкими метелками свисающими наверху.

Видя огорчение внука, бабушка обещала ему в следующем году выделить грядку и пусть он садит на ней хоть черта в стуле. Поэтому Ваня кое-что отщипывал на выставке для будущего посева. Потом он проходил мимо Люськиного дома. Ее опять нигде не было.

Дядя Леша иногда ходил на охоту и однажды принес тетерева, которого по его словам выгнал Пират, а потом и нашел его уже застреленного, правда, хотел утащить и сожрать где-нибудь, но, дядя Леша заметил его намерения. В очередной раз Пират потерялся в лесу. Дома дядя Леша от-

крыл вьюшку печной трубы и посвистел в нее. Оказывается, так призывают заблудившихся собак. Ваня никак не мог взять в толк, как же Пират услышит слабый свист из печной трубы, который, наверное, даже на крыше уже не слышен. Тем не менее утром он помчался к собачьей будке. И что же... Пират радостно его приветствовал. С этих пор Ваня стал верить, что существуют необъяснимые явления. С его романтическим складом это было совсем не трудно. Он стал верить даже в суеверия типа черной кошки перебежавшей дорогу. Своей верой он заражал приятелей, которые сначала посмеивались, а затем вдруг проникались... а ведь и правда... и что-нибудь подобающее рассказывали из своего опыта. Только Лыткин скептически хмыкал и начинал долгое доказательство того, что народные приметы это сплошное вранье и выдумки темных людей. Его суровый рационализм дворовой публике не нравился. Многие подспудно ощущали, что нет в рассудочности глубины, всегда остается что-то недоказанное. И в самом деле, не зря же Кант назвал одну из своих книг «Критика чистого разума». Подростки, разумеется понятия не имеют о Канте и прочих философах, однако, нередко улавливают суть великих учений откуда-то ниоткуда и выражают это в нескольких словах, не утруждая себя написанием тысяч страниц.

~ 36 ~

Когда науки трудный путь пройдется,
Когда в борьбе и жизни дух окрепнет,
Когда спокойным оком,беспристрастно
Я в состоянье буду наблюдать
Людей поступки, тайные их мысли
Читать начну своим духовным взором,
Когда пойму вполне ту тайну жизни,
Которой смутно чую бытие -
Тогда возьму бесстрашною рукою
Перо и меч и изготовлюсь к бою.
(В.М. Гаршин)

Известно, что в 30 лет человек думает не так, как в 20, а в 40 иначе, чем в 30. В 50 лет у многих происходит кардинальное изменение мышления и переоценка всех прежних отношений. Эти изменения связаны с жизненным опытом, а также с ростом образования, когда оно имеет место, т.е. человек поступил в вуз, затем в аспирантуру. Но еще больше они связаны с развитием духа, опять же, если таковое происходило. Рост знаний может стимулировать развитие духа, а может оказаться и не связанным с ним. Это довольно-таки независимые сферы. Есть много бездуховных деятелей науки заслуженно высокого ранга в существующей иерархии ученых. Они действительно внесли крупный вклад в развитие науки, хотя в духовном отношении могут находиться на очень низком уровне. Это означает, что они способны на мерзкие поступки для укрепления собственного престижа. Им недоступны высоты человеческого духа, такие как музыка И.С. Баха или Р. Вагнера, живопись Рембрандта или Босха, труды Гегеля или О. Шпенглера. Но они могут прекрасно знать каких-нибудь козявок и строить гипотезы об их происхождении и развитии. Не зря издревле говорилось «каждому свое». Однако это «свое» человек должен постичь сам, без давления извне, иначе смысл мудрого изречения становится зловещим как на воротах Бухенвальда.

Обычно считается, что дух человека формируется вместе с его телесной оболочкой. Эта установка весьма сомнительна и скорее всего неверна. Дух человеку дается, а вместе с телом он только развивается. Именно поэтому один ребенок воспринимает гармонию музыки или цвета, а другой остается к ним безучастным. Если развитие тела зависит от генетических задатков, связывающих его с родителями, то дух дается со стороны и с родителями совершенно не связан. Поэтому дети, похожие внешне на родителей, внутренне могут не иметь с ними ничего общего, хотя обычно родительское влияние сказывается как воздействие внешней Среды. Дети его воспринимают, так как оно полезно для них в житейском отношении. Однако, когда в них проявляются какие-либо каче-

ства чуждые для родителей, это не должно казаться удивительным, поскольку представляет собственный дух ребенка. В таком случае обычно говорят «характер», что в общем правильно.

Развитие духа может находиться в противоречии с развитием тела, что характерно для впечатлительных детей, особенно имеющих чуждых по духу родителей. Но при гармоническом развитии дух способствует развитию тела, предотвращает заболевания, оберегает психику от лишних напряжений.

Происхождение духа хорошо увязывается с библейским происхождением человека: Бог создал человека из праха земного и вдохнул в него душу, чем и оживил. Наука до сих пор не знает, что такое душа или дух, полагая эти слова как художественные метафоры. Однако знания человеческие не ограничиваются наукой в современном понимании. Они включают в себя прозрения высокодуховных личностей, которые наука не способна постичь. Правда, наряду с настоящими прозрениями существует и много фальши и далеко не всегда простой человек может отделить правду от умышленной мистификации. Но это не так уж и важно. Главное - определить свой путь, а с ним и отношения с окружающим миром. Для этого нужно очень внимательно последить за своими ощущениями и вспомнить детство, когда на «свое собственное», т.е. дух, налагались различные покровы. Они могли весьма основательно воздействовать на дух, исказив его естественное развитие. Лишь природа своими вибрациями могла поддерживать дух, которому было предопределено быть высоким, но который находился в несоответственном социальном окружении. В постоянных противоречиях с социумом дух терпел ущербность. Он мог заболеть или отчасти перемениться не соответствуя потенциям своего развития, что также представляло дисгармонию. Ущербный дух производит полную ущербность человека даже если тело пышет здоровьем. С возрастом состояние духа все более определяет способность мышления человека и даже его внешность. Высокий дух постигает метафизику и живет в ней. Те, кто познают метафизику по книгам, принимаются за философию, а живут по канонам материального мира. Однако и познание метафизики по книгам требуется не всем. Согласно восточным учениям, такова карма человека, т.е. те духовные задатки, которые он получил еще при рождении, и в какой-то мере развил. Карма неистребима и неизменяема, хотя некоторые авторы и уверяют, что она поддается коррекции. Однако то, что выдается за коррекцию кармы, означает не более, чем внушенные психические дополнения к существующему комплексу человека. Они могут быть существенными, но это - не исправление кармы. Если человек рожден с потенциями низких вибраций, то никакая коррекция, никакое образование их не повысит. Соответственно, человек с высокими вибрациями может получить уличное воспитание, совершить преступления, «изваляться в грязи по уши», но он постоянно будет ощущать неестественность самовыражения и в конце концов глубоко раскается и будет нести покаяние всю свою жизнь.

* * *

В столярке произошло ЧП - Женька отрезал на циркулярке четыре пальца по самые основания. Пилил лист фанеры, придерживая его левой ладонью и вместе с ней и прошел по пиле. Да как же это он пол-ладони отмахнул, не почувствовал что ли? Никто не может сказать. Роман сокрушается: о чем вы, молодежь, думаете, когда на станках работаете?!. О свободе, конечно, о чем же еще думать.

Женька пришел уже с год приблизительно, с шестериком за избиение. Должно быть хорошо кого-то обработал. Сам питерец, и в ЗАГСе заявление лежало. Девица, однако, не отреклась, а каким-то образом довела дело до конца, стала его женой. Не так давно на личняк приезжала. Женька был счастлив. Детеныша, наверное, зачали лагерными сперматозоидами. Интересно, что получится. Парень он шустрый, бегунок. За год не износился и как будто особенно не унывал. Как это он на пилу наскочил? Фанеру, конечно, пилить неудобно, особенно целый лист, дрожит он и даже прыгает. Но пилу ведь видно над ним. Нет, непонятно. Дернул, видимо, вперед резко, вместе с рукой...

Только к полночи мысли о Женькиных пальцах уходят. Надо приниматься за дела. Чтение, однако. Не идет, не принимает мозг. Сизый чад от махорки висит, словно тут курила целая сушилка. Взяться за писанину, что ли?!. Иван описывает свои думы в толстой тетради, в которой, как он считает, «излагается содержание его головы».

«Прошло свидание и чувство опустошенности заполняет нутро, словно все другое ушло за ворота, а здесь остались только плоть и тупая, ноющая боль. Распустились листья, выросла тра-

ва, но листья еще мелкие, а трава не густая. Где-то люди гуляют и загорают, наслаждаются жарким солнцем и слабым ветром, а тут кажется, что солнце совсем высушивает душу, чтобы ее можно было положить в гербарий мертвых душ. Но нет же, нет!.. Пусть этот внутренний вопль протеста пройдет со мной оставшийся срок. Нужно пережить все, хотя бы назло тем, кто желает мне зла.

Кажется, что мыслей много, но они крутятся в таком вихре, что невозможно установить их последовательность. Да и что такое последовательность по отношению ко мне. Разве я был когда-нибудь в чем-нибудь последователен. Все я хотел брать сходу и всегда мне это не удавалось. Очарование сразу пропадало, оставалось только желание и совсем малюсенькое стремление».

Извечная проблема противоположного пола не обходит и Ивана. Но он критически вспоминает своих подруг. Все они не соответствуют его романтическому идеалу. Он устанавливает, что и идеал то у него не один. Их, по крайней мере, два, а может быть и больше. Но, если его влекут разные идеалы, то в нем самом их основания соединены. Отсюда получается, что причиной упадков является распря между разными частями души. Иван вдруг отчетливо представляет борьбу несовместимых начал в собственной душе и ужасается.

«Страшно!.. Очень страшно!.. Какой-то беспричинный страх, глупый и всеподавляющий нередко охватывает меня. Перед чем?.. Вероятно, перед бесконечностью. Но что я понимаю под бесконечностью?.. Мне кажется, что я ее отлично понимаю, вернее чувствую и не могу излить ее в словах, но я понимаю ее так, как писал Лермонтов:

Тому ль пускаться в бесконечность
Кого измучил краткий путь?..
Меня раздавит эта вечность
И трудно мне не отдохнуть...

Мысли скачут, как кузнечики, с одного предмета на другой. Достаточно было услышать хорошую песню по радио и снова все распылилось, осталось только грусть об утраченном. Человек - мечтатель и, если он - бесплодный мечтатель, это только гнетет его и уводит из реальной жизни в мир иллюзии. Он ждет от жизни чего-то большего и лучшего, но жизнь остается глуха к его мольбам, если он только хочет и не больше. Но мечты снова и снова уносит меня из этой страшной жизни. Они приходят везде и всюду: на работе, в школе, в кубрике и где бы я не был. Они приходят и помогают мне убивать время, которое тянется невыносимо безжалостно».

В тетрадь ложатся строчки о побеге. Иван уже не думает, что писать такие вещи опасно. Теперь уже ясно, что во время шмона надзор ничего не читает. Ментов интересуют лишь материальные предметы, а не записи. Поэтому толстая тетрадь с «содержанием головы Ивана» стоит на полочке среди прочих его тетрадей и книг. Пока только одну исписанную страницу какая-то сволочь вырвала, направляясь в сортир.

Человек нередко производит какое-то действо, не сознавая, что оно полезно для него. Ему кажется, что он делает это просто так, с тем, чтобы занять время. Иван часто берет тетрадь, исходя из этих соображений. Он забыл, что в самом начале поставил себе целью развивать мышление, анализируя прошлое и настоящее. Но он еще не догадывается, что делая записи он в значительной мере облегчает душу, перенося на бумагу гнетущие мысли. Такова особенность человеческой психики. Если бы он об этом знал, то начал бы думать: что или кто задал ему эту работу. Ведь он не сомневался в том, что никаких внешних побудителей к ней не было. Мы всегда считаем, что наши действия зависят только от нас самих. Их ничто не направляет. Но тут есть над чем призадуматься.

Второй год заключения подходит к концу. Жизнь эта познана до мельчайших нюансов. Знание должно облегчать участь и, действительно, теперь нередки ровные спокойные состояния, по крайней мере, краткосрочные. А сколько было мыслей о побеге. Со всей силой своего фантазирования Иван представлял всевозможные ситуации бегства, последующую жизнь. Вот именно... Иван задумывается. Ведь и раньше, на свободе к нему приходили мысли о том, что нужно изменить образ жизни. Что уж говорить о теперешнем образе жизни и желании изменить его. Иван пишет: *«Я хотел начать иную жизнь, жизнь бездомного скитальца и бродяги. Я хотел показать этим, что общество чуждо мне до невероятия. Я хотел одиночества и забвения. Первым я был бы обеспечен, но гарантия второго весьма сомнительна. В своем воображении я до мельчайших деталей рисовал свой побег, которому до сих пор не суждено было осуществиться. Основная причина - это, конечно, нежелание наносить этим еще один страшный удар своим старикам. И все-таки*

мне еще хотелось иногда пожить нормальной жизнью. Ведь я был бы лишен всего человеческого, так как свое дальнейшее существование после побега я представлял только в лесу, в сплошном уединении. Иногда мне мучительно хотелось этой жизни и тогда я думал, что боязнь быть пойманным будет способствовать этой жизни. Но природа не наградила меня необходимым для этого аскетизмом и это была бы слабая до провала сторона дела. Ибо я всегда был любвеобилен и предавался влечениям своего пыла. Оставалось надеяться, что жизнь, которую я должен принять, изменит меня в корне. Но может ли человек переродиться? Я вырос в обществе и впитал в себя все его качества. И теперь добровольно я решил, что это мне чуждо; весь мир, как сплошной поток зловонной грязи неуклонно стремится к своему финишу и мне хочется чего-то особенного, отличительного от всех. К тому же, потеряв теперь жизнетворительную нить, я хочу погрузиться в иную жизнь, еще более бессмысленную, как внушено нам в школе. Жизнь должна иметь смысл. Человек должен постоянно преследовать какую-то цель, направленную для достижения блага другими. Тогда узлы на пути этой цели будут соответственно отражать степень совершенства. Впрочем, это не моя мысль и я не настолько предан ей, чтобы поставить ее эпиграфом своего будущего, если оно будет протекать в обычной форме человеческих судеб, если побег останется лишь в мечтах в минуты крайнего упадка».

Отложив ручку, Иван сворачивает цигарку, с наслаждением втягивает в легкие махорочный дым и выходит на улицу. Белеет свежевыбеленный забор. Легкие сумерки белой ночи придают призрачные очертания удаленным формам.

«Не было ни малейших гарантий на успех побега и все-таки эта мысль не покидала меня. Я старался заглушить ее, но снова и снова представлял свое одинокое бесперспективное существование на положении беглого каторжника. Оно не казалось мне ужасным. Я знал, что страдания, которым я подвергнусь, возможно, во много раз превзойдут те, которым подвергаюсь я теперь, но эти страдания не пугали меня и казались мне легче переносимыми, чем тоска по свободе и отвращение к людям, с которыми приходится дышать одним воздухом. Я знал, что в этой трудной жизни меня будут поддерживать образы рассказов Джека Лондона и Сетона-Томпсона, что производили на меня неизгладимое впечатление. И если бы даже сейчас появилась возможность успешного побега, я не стал бы колебаться. Будь, что будет. Но рисковать теперь, когда минуло почти два года, бессмысленно и эта мысль постепенно начинает угасать в моем сознании, появляясь только в минуты отчаяния. В самом деле, риск огромный. В лучшем случае смерть, мгновенно получить пулю и умереть. Но, если быть перед судом, получить довесок и сидеть звонком, то это ужасно. Легче умереть. В случае успеха вечная одинокая жизнь, уподобление волку, постоянно преследуемому желающими убить его. Трудно что-либо представить себе о той жизни, прожив ею некоторое время. Может быть я сошел бы с ума через год; может быть был бы пойман, рискнув показаться в общественных местах, но, может быть я и стал бы тем, кем я хотел бы быть, т.е. каким-то подобием Маугли. Я презирал бы людей и их законы. Я был бы горд и независим и мой дух высоко вознесся бы над самим собой. Я стал бы лешим и зарождал бы суеверный страх у людей со слабыми нервами какими-нибудь выходками. И все-же я учился бы, стремился познать природу, читал бы книги по диалектике, философии, логике, психологии и по всему, что так мне интересно. Я изучил бы английский язык и даже продолжал бы учиться на скрипке. Геха помог бы мне достать все нужное. Я знаю, что эта жизнь не сделала бы меня хуже, чем я есть. Но кто бы мог это понять? Если бы меня поймали, то разве обратили бы судьи внимание на мои доводы? Они просто сочли бы меня за полусумасшедшего авантюриста. Да и смог бы я объяснить им что-либо? Я не думаю теперь о побеге, решив отбыть свой срок и тогда испытать свои возможности в преодолении трудностей "дикой" жизни. Я перестал верить самому себе и до такой степени проникся условностью, что все понятия, все убеждения расплылись в какой-то необъятный мутный ком; не стало ничего определенного и я запутался в своих мыслях, словно муха в паутине, перестал понимать что-либо в твердой оболочке. Потому невозможно понять себя, невозможно понять мир. И теперь я не пытаюсь проникать во что-либо до самого дна, ибо дна этого нет, не может быть».

Печка прогорела. В тлеющих углях пробегают темные сполохи, отстреливаются кусочки сгоревшего дерева. Лишь кое-где нет-нет да и взметнется язычок пламени и тут же пропадет. Как похожи догорающие дрова на работу лихорадочного мозга, который вот так же раскален и по его поверхности бегают черные тени и вспыхивают живительные просветления, чтобы тут же исчезнуть в ничто.

«Будущее - ночь, прошлое - сон, настоящее - сумерки в ненастную погоду. И я падший человек». Пронзительное признание, как гвоздь в душу, и замерло все перед концом. Одинокий дух погрузился в ничто, уйдя от гнездилища мрачных дум. Никто из живых не знает пути других живых. Разве что двое воспаряют в едином порыве. Но чтобы так получилось, должны быть эти двое половинками целого, которым были некогда. Так полагали древние. Может быть им только хотелось, чтобы было так. Но зачем желать того, чего давно нет? Все уходит в небытие.

Древние не хотели, чтобы небытие сожрало все бытие: что же тогда останется?.. То, что есть, уходит в небытие каждого отдельного человека, не обязательно исчезая с лица земли. Был человек хорошо знакомым, потом долго не виделись, а когда встретились, оказалось, что прежнего человека уже нет, он стал другим. А тот давний ушел в небытие. И сколько всего ушло в небытие для тебя только, а где-то для кого-то существует Но и умер человек, вроде бы ушел в небытие, однако, для близких его образ с ними и с ними только окажется в небытии, когда уже для всех он не будет чем-то. Букашка же, умирая, сразу становится ничем, поскольку и пока живет, немного значит.

Слагается из отдельных восприятий бытия общее бытие, то, что есть. И оно уходит в небытие, как те миллионы людей, зверей, растений, которые прожили когда-то и превратились в ничто. Остались от них, конечно, атомы, но это не они сами. Таким образом, сжирает небытие бытие и, по всей видимости. Сожрало бы уже целиком, но что-то восстанавливает бытие, продолжает его, не прерывая. Об этом люди думали и в седой древности, и в христианские времена, и когда уже отказались верить в богов и чертей, и все еще ничего не придумали, а если какие-то домыслы и кажутся правдивыми, то проверить их модно лишь в небытии, а туда живому доступа нет. Даже дух его, отделившись от тела, не рискует погрузиться в небытие, разве что чуть-чуть прикоснуться, да и отпрыгнуть скорее и остаться самим собой, пока время не рассеет и его, чтобы не было ничего из того, что было когда-то.

* * *

За Воняловкой на сыром пустыре построили овощехранилище и, немного не доделав, бросили. Мальчишки иногда приходят сюда полазать по внутренним решетчатым стенкам и чердаку. Когда компания большая, то возникает игра - фехтование на палках. Одна команда обороняет чердак, другая - штурмует его. Стучат друг о друга палки-шпаги, взрываются звонкие крики:

- Ты что, сволочь, в морду мне тычешь?..

- Это я ненароком!..

С некоторых пор в этом странном здании на отшибе кто-то явно поселился. Мальчишки смотрят на лежащие на чердаке двери с каким-то тряпьем. Здесь спали. Как-то входные двери оказываются закрытыми изнутри. Мальчишки с опаской обходят дом. В глубоких нишах окон темно. Но вот... в одном как будто что-то мелькнуло. В окно летит несколько камней. Зоркие глаза долго ощупывают дом, в котором явно кто-то скрывается. Ваня подкрадывается к самой стене и бросает в окно, вызвавшее подозрение, половину кирпича. Наблюдавшие поодаль компаньоны разражаются криками и бросаются бежать. Ваня догоняет их и спрашивает, что случилось. Оказывается, в соседнем окне показалась страшенная морда, залитая кровью, и погрозила им кулаком. Из дома, однако, никто не выскочил, вопреки ожиданиям мальчишек. Они, конечно, знали, что в их городке много разного рода бездомных людей, бывших заключенных, но, лишь спустя годы Ваня понял, что тогда в брошенном овощехранилище скрывались беглые. Сейчас, однако, никому не пришло в голову навести на этот дом милицию. Даже, если кто-то из мальчишек говорил что-то у себя дома, то никто из родителей не был озабочен более, чем запретить посещение овощехранилища своему ребенку.

Вскоре, однако, в овощехранилище по-прежнему издавали странные звуки ржавые петли болтающихся на ветру дверей. Таинственные обитатели этого убежища исчезли. По всей видимости их напугала перспектива милицейской облавы, поскольку их обнаружили вездесущие мальчишки.

По вечерам Ваня читал Фенимора Купера и грезил жизнью в лесах с индейцами. Он легко уговорил Валерку отправиться по реке в поход до самого озера, в которое река впадает. Туда 25 км и они решили, что будут путешествовать 3 дня. Славка из соседнего дома, последнее время сдружившийся с ними, тоже решил идти с ними. Первый день прошел чудесно. Они лазали по крутым склонам, спадающим к реке. Пили из родников, вытекающих из каменной толщи. От воды ломило зубы, саднило растрескавшиеся губы. Какие-то невиданные прежде растения качались перед ними. Наткнулись на дремавшего ужа, который поспешил скрыться. В одной деревеньке они долго рас-

сматривали кладбищенскую церковь над рекой. Она была распахнута и на полу был пласт голубиного помета с вкраплением человеческого. Голуби урчали под арочными сводами и перелетали с места на место.

У следующей деревни они обнаружили интересный облик земли. Поднятия здесь чередовались с узкими понижениями. На щебне росли только травы, да кое-где мхи темными мохнатыми пятнами.

Вдали виднелись церковные купола. Они добрались до следующего городка и с великим любопытством смотрели на красные стены бывших монастырей и величавые строения, которых в их городке не было. Потом они лазали по старинной крепости, сложенной из огромных валунов, представляли, что тут было столетия назад.

Уже поздно вечером они расположились за городком на берегу реки. Долго не могли разжечь костер, так как сухих дров не было. Наломав веток кустов они устроили постель, но скоро замерзли и всю ночь жались друг к другу, стуча зубами. Только под утро удалось задремать, но потом пригрело солнышко и они дрыхли до полудня. Затем выяснилось, что еды они взяли мало и решили не ходить до озера. На колхозном поле они надергали турнепсу, съели по кочану еще не свернувшейся капусты.

Хотя они не выполнили задуманное, все же были очень довольны обилием полученных впечатлений.

Дома не сиделось. Теперь весь двор увлекался стрельбой из лука. Ходили в лес за подобающей палкой из березы или можжевельника. В качестве тетивы использовали чаще прочные веревки, иногда сыромятные ремешки или даже толстые струны от контрабаса. Много времени шло на изготовление стрел, которые выстругивали из досок. Довольно скоро некоторые мальчишки стреляли из лука весьма метко. Особенно отличался Круглик. С 10 шагов он редко промахивался в консервную банку, хотя лук у него был слабый, так как Круглик и сам был маленький и хилый. Ваня всегда досадовал, что Круглик стрелял более метко.

Иногда играли в индейцев, стреляя из луков друг в друга по уговору не слишком натягивая лук. Все-же Славка как-то влепил Валерке стрелу в щеку и, как уверял Валерка, пробил щеку насквозь. Синяки на теле особенно не принимались во внимание: ну, подумаешь чуть-чуть сильнее натянул лук. После Валеркиной щеки, однако, перестали стрелять друг в друга, рассудив, что можно ведь и в глаз попасть ненароком.

Одним из любимых походов был поход на свалку в депо. Здесь можно было найти интересные железки, медяшки, мотки проволоки. Ваня часто зазывал приятелей на реку искать окаменелости. Мать уже отступилась от него со своими претензиями насчет несусветного хлама. Ваня заявил, что она ничего не смыслит в окаменелостях, вот пусть книжку почитает «В поход за полезными ископаемыми».

На пустырях по дороге к реке, за Обитаем часто паслись лошади. Как-то мальчишки увидели громадный орган болтающийся у жеребца, а неподалеку щиплющую траву кобылу. Ваня сообразил, что им не сблизиться, так как веревки не позволяют. Они привязаны так для приглядки друг к другу. Ваня правильно определил, что лошади уже насмотрелись друг на друга, пора и к делу переходить. Он выдернул один колышек и перенес его так, чтобы лошади могли сблизиться. Те не заставили долго ждать. Скоро жеребец уже приткнулся к кобыле, хрюкнул ей под хвост, потом вскочил на нее. Кобыла отвернула хвост и поленообразный орган жеребца вонзился точно куда следует. Из кобылы вылилось с полведра должно быть мочи, раздался шипящий звук, но жеребец работал на всю катушку. Юные соглядатаи от такого грандиозного действа попадали на землю и катались в судорогах. У всех присутствующих об этом случае сохранились яркие воспоминания.

- Это тебе не чертов палец!.. - восхищался Юрка Град, имея в виду, что направлялись они за чертовыми пальцами на берег реки.

Однажды отправились на рыбалку с ночевкой. Накануне разжились серой на платформе, куда ее невесть зачем выгрузили. Костер опять не получился, зато сырые ветки, украшенные синими огоньками горящей серы смотрелись красиво, пока в нос не бил кошмарный запах. Тепла, однако, от такого костра не было. Рыба упорно не давалась. Под утро Валерка со Славкой решили идти домой спать, но Ваня решил остаться. Он забрался на приколок, нацепил на крючок свежего червя и слегка трясясь от холода ждал, когда появится солнце. Вот над кручей соседнего берега посветлело, засполошилось. Потом словно брызнул первый луч. Вскричали птицы. Медленно выплыл огненный край. Небо пожелтело. Около поплавка кто-то шумно всплеснул. Глянув

в воду, Ваня с удивлением увидел красную рыбку, кружащую вокруг его лески. Он не мог сообразить, что это за рыбка может быть. А солнце поднималось, обливая благодатью мир. Почернели домики в его лучах на той стороне реки. Вспыхнули оранжевым стволы сосен. Пронеслись верещащие ласточки. Ваня забыл про поплавок. Он почувствовал, что присутствует на великом празднике и замер от невыразимого восторга. Так он и просидел на приколке в состоянии экстаза. Солнце поднялось уже высоко, когда он ощутил, что теперь обычно и начал клевать носом, благо пригрело. Красная рыбка исчезла. Он так никогда и не узнал, что это была за рыбка, так как никто никогда таких рыбок в их реке не ловил. Теперь он видел в воде обычных уклеек и ловить их ему не хотелось. Чтобы не заснуть и не свалиться с приколка в реку, он смотал удочку, отметив, что червяка-то съели, а он и не заметил.

То был великий миг, к которому он потом не раз вернется и мысленно, и в действительности, миг полного причастия к красоте земной жизни. Днем он хотел рассказать об этом Валерке со Славкой (дескать, зря ушли), но рассказ не получился. То, что он испытал, в слова не обращалось, хотя устойчиво держалось в ощущениях.

- Врешь ты все! - подозрительно оглядел его Славка, который был постарше их и пользовался правом на приоритетное суждение. Ваня ничего не ответил, вспомнив, что Славка был среди осмеивающих его, когда он вступился за кошку, которую они убивали палками. Потом он сообщит Валерке, что Славка ему не нравится и он не хочет с ним водиться, так как он все портит. Валерка сказал, что раз так, то и он будет избегать Славку, а с Ваней они уже давно дружат и зачем им расходиться.

А вскоре они подрались слегка и Мамин, бывший тут же, решил и со своей стороны поддать Ване. Дело оборачивалось плохо. Но тут Валерка вдруг закричал Мамину:

- А ты-то чего лезешь?!.

Ваня, только что получивший крепкую затрещину от Мамина и пытавшийся своротить его, упираясь головой Мамину в живот и держась за его ноги, почувствовал, что Валерка сверху схватил Мамина за грудки. Мамин был тяжел, но с двоими ему было не совладать. Еще нажав, Ваня отскочил, глядя на поверженного Мамина.

- Пошел отсюда! - решительно произнес Валерка и Мамин встал и пошел, глядя, однако, на Ваню и обещая ему рассчитаться.

- Двигай, двигай, - процедил Ваня, довольный, что Валерка не предал.

Во дворе показывается Генка Шапошник. В отличие от других ребят он гуляет мало и многочисленные дворовые забавы его не интересуют. Ваня с Валеркой иногда заходят к нему домой и зовут гулять. Генка идет, но через какой-нибудь час уходит домой.

Теперь Генка сообщает, что они ездили с отцом на соседнюю реку на рыбалку и поймали много рыбы, в том числе здоровенную щуку. Они с братом собираются снова туда же, теперь уже без отца. Было бы хорошо, если бы и Ваня с Валеркой поехали. Ваня не задумывается, он в восторге. Валерка не очень-то любит ходить в лес и на реку, но соглашается составить компанию.

На пригородном поезде они едут до той самой реки, на которой многие из их городка бывали в пионерском лагере. Правда, лагерь находится в другом месте, но какое это имеет значение. Та река много уже, чем река около их городка, но зато она более дикая. Леса спускаются к ней по крутым берегам. Правда иногда по ней сплошь плывут бревна и тогда надо искать место, которое бревна оплывают. Главное то, что это - своего рода путешествие с ночлегом у костра, а в этом кроется какое-то неизъяснимое очарование, несмотря на ночной холодок не дающий как следует поспать.

От станции с маленьким заплеванным вокзалом мальцы долго идут по проселочной дороге, тянущейся через чудесные боры. В одном месте сокращают путь через лес. Генка знает дорогу. Ваня испытывает подъем. Ему хочется чего-то необыкновенного. Он вспоминает, как читал о том, что один охотник свалился под упавшее дерево и ноги его при этом так подогнулись, что он не мог самостоятельно выбраться. Наверное он так бы и погиб, если бы на его счастье на него не наткнулся другой охотник - его приятель, который разрубил дерево и сдвинул его. В стороне Ваня видит огромную рухнувшую ель. Он подгибает колени и бросается под нависший над самой землей ствол между толстенных сучьев. Ствол упирается в грудь, а нижняя часть тела с подогнутыми ногами оказывается на уклоне. Хотел попробовать, как это получилось у того охотника и получилось вполне похоже. Вылезти, пожалуй, можно, но лучше позвать приятелей, пусть спасают. Скоро приятели прибегают на крик.

- Как это тебя угораздило? - недоумевает Валерка.

Они тащат Ваню взяв с двух сторон за подмышки.

- Тихо, ногу сломаете! - орет Ваня и пытается выпрямить ногу, упершуюся в сук. С весьма болезненным ощущением ему это удается и Валерка с Генкой выволакивают его из-под ели, не обращая внимания на треск рвущихся штанов.

- Вот так и погибнуть можно, как в капкане, - говорит Ваня и рассказывает приятелям историю с охотником.

На обочине дороги Генка нагибается над большой лужей и вглядывается в грязную воду. «Что там?» - заинтригованы приятели. Генка посвящает их в одну из многочисленных тайн природы. По этой дороге ездят на лошадях, а значит в воде может быть конский волос из хвоста или гривы. В воде волос оживает после некоторого времени и у него образуется заметная головка. Такой волос может войти в ногу и поселится в ней, вызывая боли. Чтобы его выгнать, надо искать бабку, которая заговором изгоняет волос, а медицина ничего не может сделать.

Волоса в луже они не находят, но делается жутко. Летом-то подцепить его легко, когда возвращаются из леса по сельской дороге босиком. Как это до сих пор обходилось?!. Везло просто. Еще много лет мысль об оживающем конском волосе и страх подцепить его где-нибудь в грязной луже будет жить в Ванином сознании. Из поколения в поколение переходят в народе всевозможные байки и, хоть много говорится об образовании и познании, одно другому не мешает. Для деревенского люда и в мелких городках России широко еще распространены средневековые представления, от которых не избавляют школьные знания, потому что они сами по себе и остаются, а к жизни не прилепляются: из народа идет знание о жизни вокруг.

Они проходят мимо брошенной деревни. Некоторые дома стоят с заколоченными досками окнами и с замками на дверях. Другие темнеют пустыми проемами окон и дверей, а у иных уже крыша обрушилась. Повсюду разросся бурьян и заросли крапивы скрывают подходы к дворовым постройкам. Лишь в одном огороде стоит опершись на лопату старуха и, приложив руку козырьком, рассматривает идущих.

- Здравствуй бабуся! - кричит Валерка.

- Здрасте, здрасте, куда это путь держите? - вопрошает бабка.

- Да рыбу ловить будем немного выше по реке...

- Господь с вами... не утоните...

Залитая предвечерним солнцем деревня звенит от птичьих голосов и поражает своим безлюдьем.

- Куда это люди подевались? - удивляется Валерка, - одна бабка на всю деревню...

- В город сбежали, - отвечает со знанием дела Генка, - плохо стало в деревне жить!..

- Вот бы здесь поселиться, вон в том доме у реки, - мечтает Ваня.

- А есть что ты здесь будешь? - спрашивает Генка.

- Но бабка-то чем-то кормится?!.

- Бабке немного надо, пару картошин с луком съела и сыта...

- Так и мне другого не надо, я то же самое ем... А здесь можно и рыбой запастись, грибы и ягоды собирать, охотиться...

- Скучно будет, - говорит Валерка.

Ваня, однако, сомневается, что стал бы скучать. Он начинает говорить об охотниках, подолгу живущих в тайге, об отшельниках, о которых он читал, о пристрастии к природе, которое не позволяет скучать. Его романтический порыв вовсе не убеждает приятелей, хотя и крыть как будто нечем. Генка, однако, замечает, что с природой хорошо иметь дело время от времени, а не постоянно, а, впрочем, это дело любительское. Деревня давно осталась позади и, когда дорога в очередной раз оказывается над самой рекой, приятели спускаются по откосу на берег. Они уже давно отметили, что бревна по реке плывут, хотя и не густо. Близ излучины, где течение относит бревна на середину реки, друзья находят ровную площадку, заросшую травой, складывают свое нехитрое имущество и лезут на склон вырезать удилища. Валерка решает разводить костер. Скоро заброшены донки и замерли на зеркальной глади поплавки. С громкими криками перелетают кулики-перевозчики. Шуршат крыльями стрекозы. Время от времени то у одного, то у другого поплавки дергаются - рыба клюет, но подсечь ее не удается. Наконец Вовка - генкин брат, вытаскивает пескаря с палец величиной. Все воодушевлены, хотя и мелочь , а рыба. Валерка, однако, решает, что пора чаю попить и ставит на костер котелок. К чаю и Генка с Ваней вылавливают по пескарю. По-

том звенит колокольчик донки и Ваня лихорадочно тащит что-то сильно сопротивляющееся. Он успевает сообщить, пока тянет лесу, о том, что рыба, кажись, здоровенная. Когда из воды показывается растопыренный ерш, не больше пескаря, все дружно хохочут и садятся пить чай.

Но вот... забренчал Генкин колокольчик и, поставив кружку с чаем так, что она тут же опрокинулась, Генка бросается к донке и скоро вытаскивает приличного окушка. Генка не из хвастливых, но весь его вид говорит о том, что «уметь надо». К ночи, однако, каждому удается выловить еще по рыбине и получается весьма приличная уха, которую едят уже в темноте, при свете костра.

Ночью все зябнут. Костер прогорел и едва теплится. Дров запасли мало, а искать их впотьмах не хочется. Лишь когда начинает светать, Генка самоотверженно отправляется за дровами. По реке несутся клочья тумана. Проснулись кулики и тревожно кричат. Но вот костер запылал, а скоро и вода закипела. На донки нацеплялись одни ерши. Небо затянуто облаками, которые постепенно сгущаются. Потом начинает моросить мелкий дождик. Клева нет. К полудню морось прекратилась, но одежда подмокла и холодила. Мальчишки смотали лески и побрели на станцию. Брошенная деревня теперь не смотрелась столь привлекательно как вчера. Старухи не было видно. Едва дошли до станции как хлынул основательный дождь и мальчишки радовались тому, что своевременно смотались. Они долго сидели в унылом зале ожидания с запахом казенных мест и обшарпанными стенами.

~ 37 ~

Весь фокус жизни заключается в том, что мы упраздняем свою сущность ради сохранения существования.
(В.Гете)

Когда в конце конце зимы начинает таять снег, появляется на нем много всевозможной грязи. Запорошенное, скрытое обнажается словно символ того, что ничто не исчезает бесследно, но рано или поздно появляется вновь при изменении внешних условий. Тысячелетия назад утонул в озере мамонт, пришедший на водопой и оступившийся с невидимого под болотной дерниной уступа. Замерзло позднее озеро, превратившись в ледяную толщу, которую занесло толстым слоем пыли в ледниковый период. Казалось, скрыт мамонт на все времена в глубинах земных. Но, нет... Кончилось ледниковое время, понеслись бесчисленные потоки талых вод и размыли уплотнившуюся толщу пыли. Если по воле случая обошли они ледяную толщу с мамонтом с краю, то стала эта толща холмом. Тянулись тысячелетия, в течение которых смещались русла рек.

Приблизилась постепенно река к холму со льдом внутри и начала его интенсивно подмывать. И вот... показался труп мамонта, пришедшего попить на озеро 30-40 тысяч лет назад. Прошлое явилось в настоящее, а иногда и в будущее, если труп попал в руки ученых, занял место в музее и охарактеризован в научных трудах. Пока не сгорел музей и не истлели научные труды, труп мамонта будет продолжать бросать лучи в будущее, сохраняясь в настоящем как сгусток прошлого. Немногим, однако, в общей толще человечества станет известен этот сгусток и еще меньше людей увидят в нем истинное прошлое. Будет это истинное совмещаться с неистинным, ибо всегда искажается то, что уже было тем, что последовало. Сами люди намеренно вносят немало ложного не только в настоящее, но и в прошлое и даже в будущее. Чтобы не было «еретических» мыслей, сжег Теофил в IV веке Александрийскую библиотеку - величайшее хранилище древних пергаментов. Очень он заботился о том, чтобы не было искушений в мыслях людей в результате знакомства с прошлыми знаниями. Подобным же радением славен Андрей Боголюбский, сжигавший древние книги и рукописи. Так хотелось святым отцам тоталитарного одуховления людей, что все прошлое было не в счет, с ним нужно было бороться и уничтожить. Эта линия была блестяще продолжена большевиками, а потом коммунистами, заимствовавшими у церкви не только идею о светлом будущем, но и способы избавления людей от знания прошлого. В этом плане достигнуты неплохие результаты. Теперь и без особых забот люди часто нацело забывают то, что было совсем недавно, если это не имеет определяющего значения на их настоящее. Тот, кто пережил Вторую мировую войну, неспособны ее забыть. Но для того, кто родился после этой войны, она означает не более, чем войны Александра Македонского (а черт знает, кто был этот Александр Македонский, не то грек, не то негр, а может быть еврей, с арабами, наверное, воевал). Каждый живет своей памятью

и дорожит только своей рубашкой. Даже Франциск Ассизский, как гласит предание, не сразу внял голосу нищего и лишь когда тот ушел, бросился вдогонку и отдал ему свою рубашку. К случаю припомнилась ему заповедь Христова и содеянное наполнило жизнь его новым смыслом. Велика сила слова, сказанного к случаю. На этом играли все политики, уродуя жизнь своей страны, под безумный вой ликующей толпы. Только спустя большое или малое время ликование сменялось отчаянием. На оседающем снегу действительности появилась вся грязь недавнего прошлого, серели кости принесенных в жертву и костер раздувал прах неизвестных.

* * *

Закончен 9-ый класс. Иван испытывает по этому поводу ощущение удовлетворения. Как никак было немало напряжения в усвоении школьных знаний. Он, однако, решительно настроен закончить и 10-ый класс и иметь среднее образование. Бог даст, он поступит в институт, когда освободится и станет заниматься исследовательской работой в какой-либо отрасли биологии. А пока он строит планы на летние месяцы, полагая что он так и будет продолжать работу в сушилке. Планы касаются чтения, музицирования и рисования. В своей толстой тетради он пишет: *«Нужно бороться с собой и перебарывать упадки и меланхолию. Что делать?!. Такова жизнь, что лучше не замечать ее и стараться уйти из нее куда угодно: в книги, в музыку, в живопись. Впереди еще очень много тяжелых минут и нужно, чтобы их было поменьше. Мысли о побеге больше почти не посещают меня. Мне стало все равно. А впрочем, я сам не понимаю себя, тем более, что настроения не периодически сменяются на противоположные и нет никакой твердой точки опоры. Я распылился во всем: в мечтах, в желаниях, в целях. И все же лишь одно стремление у меня постоянное, это стремление к нравственности. Тем более это стремление овладевает мной, когда с болью в душе ощущаешь всю дикость и пошлость грязного мирка, когда начинаешь чувствовать, что сам становишься частицей этой зловонной массы и принимаешь такой же цвет. Но я не хочу выть с ними в унисон. Нет!.. И если я иногда ловлю себя на том, что я только что был похож на этих кретинов, то мне становится отвратительно, обидно за самого себя. Мне хочется думать о чем-то более высшем, чем о потребности набить свое брюхо и пропитываться пошлым бытом ограниченных людей. Но нередко качества противоречат стремлениям и вся эта проклятая жизнь засасывает в себя, вызывая или душевный разлад, или пустоту и тогда только какой-нибудь толчок извне заставляет дух взметнуться ввысь, прочь от всего грубого и циничного. Обычно такие толчки вызываются музыкой, хорошей передачей о жизни высоконравственных людей, хорошим кино. Тогда появляется иная тоска, чем обычно. Тоска об утраченной чести, достоинстве и чистоте. Грустно в такие минуты, очень грустно. Иногда появляется желание уйти из жизни; ведь все равно все испоганено и изуродовано. Что же сдерживает?.. Наверное инстинктивное стремление жить, животный страх, если угодно.*

А за окном рассвет. Новый день встречает соловей где-то в кустах за забором. С Невы, с парохода донеслась песня нестройного девичьего хора. Всегда звуки с воли волнуют сердце. Кажется, что время проходит за забором, не касаясь этой огороженной территории. И как будто время - поток материальных частиц, движущихся в постоянном направлении, а ты, в состоянии вынужденного застоя, подвергаешься давлению этих частиц времени и они, словно песок в пустыне, лезут в глаза и в ноздри, мешают дышать, смотреть и жить. И в то время как ты задыхаешься под бременем неволи, предрассудков, своих собственных чувств, таких как раскаяние, жизнь спокойно течет и течет, словно песня, за забором, постепенно утихающая вдали».

Впечатления, как дрова в печке: сырые разгораются плохо и мают до конца, сухие сразу схватываются пламенем, и печка начинает гудеть, а железо раскаляется докрасна. Но в том и другом случаях результат - зола. Лучше не запускать впечатления глубоко, пусть мают, как сырые дрова, иначе раскаляется душа, а что в том хорошего, даст трещину, как эта печная крышка, так и будешь потом с трещиной всю оставшуюся жизнь, а может быть и хуже, уйдет через трещину способность думать и станешь идиотом, как дядя Миша рассказывал, бывший несколько лет санитаром в дурдоме. А, впрочем, сильно ли отличаются многие из тех, кто здесь, вокруг, а не в психушке. Вот сменщик дядя Вася, повесивший свою жену 8 лет назад: сидит он обычно сгорбившись; его мясистая физиономия с рыжеватыми клочьями растительности кажется только подобием человеческого лица, в ней не увидишь одухотворения; то ли вышел весь дух, то ли и не заходил; не похоже, чтобы он думал о чем-то, кроме как о полене дров в печку или о миске баланды; в разгово-

рах он мало что понимает, зато Ивану предрекает свихнуться от книг. Конечно, старик он, а старикам в лагере, пожалуй, труднее, чем молодым, а может быть, наоборот, легче: еды им надо меньше, дрочить не надо, работой не перегружают, все равно никакого толка, без работы заносит. Но ведь на свободе старики не качаются от ветра, значит все-таки в лагере им плохо. Поэтому они сидят иногда часами без движения и, надо думать, без мыслей, а может быть, как и у самого часто бывает, мыслей нет, а только воспоминания скользят сами по себе. И обидно, должно быть, старикам, что плохо к ним относятся. Это в песне только поется: молодым везде у нас дорога, старикам всегда у нас почет. А дорога-то, в основном, в зону и тем и другим, а уж какой в зоне почет. Многие старики и не преступники вовсе. Пару лет назад пошло ожесточение на «семейников», вот и влетели многие. Поколотит дома бабу, та бежит с заявлением в милицию и вот... 2-3 года обеспечено, а баба со слезами передачи возит. Какой преступник старик Полежаев? Едва ходит, а намедни сапоги одевал и пукнул. Хотел отшутиться, дескать, голубок выскочил. А сосед напустился на него: я тебе сейчас твою голубятню разворочу, будешь мне тут под нос своих голубков выпархивать...

Старик начал оправдываться, что само получилось, но сосед, даром что молодой, а рожа такая пропитая, что и за три года не разравнялась, еще с полчаса брюзжал. А что тут удивляться? С такого корма у всех в кишечнике бродило пучит. Ночью в кубрике, как в газовой камере. Михаил Иванович в классе тои дело воздух портит. Что делать? Не держится. Ему и неловко. Он вздыхает тяжело, руками перебирает, покашливает. Иван делает вид, что не замечает, и какой-нибудь вопрос задает для отвлечения.

Многие старики войну прошли, героями были с орденами, медалями, а теперь доживают свой век на гнилом силосе, да полуразложившейся камбале, полузрячие и едва корячащиеся. И каждый волен им сказать: ну что ты тут, старпер вонючий, под ногами путаешься!.. А живет молва, и в старой литературе можно найти, что в старину на Руси старость была уважаема. Где это теперь? Выродился русский народ. Конечно, иному старичку палец в рот не клади. Хоть и плохо на ногах стоит, а обложит с толком. Так ведь накопили злобы за свою жизнь. Больше и нечего было копить. Вся жизнь прошла в каких-то кувырках и в бессильном сопротивлении какой-то давящей силе, да в сплошном «не до-»: не доучился, не добрался, недополучил, не достиг, не догнал, а потом комом - недостаток. Это у Горького старичок «на дне» говорит, что много мяли, так и мягкий стал. Есть такие старички, но больше других. Тех, что не стали мягкими, а как раз наоборот. На днях в бане старикан упал в парной на ступеньку мордой, и вставные зубы выскочили, да в щель и провалились. Молодцы наверху зашлись от смеха. Старик, шамкая, обставил их первоклассным матом, а потом заплакал. Пашка с Иваном отворотили доску, достали зубы. «Что вы, падлы?!.» - сказал Пашка наверх. На него, конечно, никто не потянул, а, может, что-то ощутили там на миг. Этот старик когда-то насыпал Ивану махорки на закрутку. Немного поговорили. Тогда Иван подумал, что он похож на горьковского мятого старика.

Горький, конечно, знал русских людей больше других пишущих, потому он и Горький. Когда-то Иван даже сравнивал, кому в детстве больше доставалось, Горькому или ему. Того, правда, лупили розгами, а шомпола он не пробовал, а Иван не знал ощущения от розг. К тому же горького дед порол авансом, на будущее, а Иван всегда получал только с «заработанного», пожалуй, меньше, чем раз в неделю, хотя теперь трудно сопоставить, особенно, если учесть, что у Горького «наработок» было явно меньше.

Иван вспоминает здоровенный том в голубом переплете с тряпочными уголками. На титульном листе он написал «Хорошая книга», хотя кое-что ему показалось скучноватым, да ведь маленький был, иначе не стал бы книгу пачкать. Долго помнились Челкаш и Фома Гордеев, и сатинский «органон, отравленный алкоголем». Это, кажется, там же в «На дне» приведены строчки Беранже:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Если Горький и не дописал русского человека, то, наверное, не потому, что он не познал его до конца, в лагере особенно. Скорее, он считал, что не нужно описывать звериную злобу чело-

века, коль человек звучит гордо. Наверное, он прав, хотя гордость эта вокруг как-то не приметна. Ее каждый должен научиться ощущать в себе, тогда и злоба его иссякнет и самому легче жить станет. Свой «золотой сон» оградит от мерзости окружения, ведь во всем есть что-то невыразимо-щекочущее, нужно только присмотреться. Самое банальное вдруг предстает как откровение и в нем не может быть злобы. Это ощущение сродни религиозному, а может быть это оно и есть само, разлитое во всем, что постигается человеческими чувствами.

В выходной Иван приходит в ширпотреб, забирается на площадку на водонапорной башне и на картонке пишет маслом забор и свободу за ним. На свободе пестреют зеленью заросли кустарников, выдается изумрудный луг. Вышка, однако, не высокая, много с нее не увидишь. Вот забраться бы на трубу кочегарки как учитель. Он не зря был высотником. Когда возникла задача покрасить трубу метра 1,5 в диаметре и без каких-либо ступенек, учитель вызвался сделать эту работу. За день он поднялся до самого верха 30-метровой трубы с помощью двух веревок, охватывающих трубу, и зацепил там блочок. Иван восхищался тем, что пожилой человек совершенно не спортивного облика, только на трении веревок, которые он подвигал одну за другой вверх и поочередно опирался на них, залез на такую толстую и высоченную трубу. С блочком было уже проще, но все равно невыполнимо кем-либо другим. Целыми днями, взяв с собой обед, учитель висел на трубе и красил ее серебряной краской. В это время они встречались лишь по выходным и учитель рассказывал как приятно смотреть на свободу. Трубу он красил очень долго, потому что часами сидел на досочке в петле, глядя по сторонам и забывая про кисть.

Школа игры на скрипке Григоряна приближалась к концу, хотя звучание многих вещей оставляло желать лучшего, беглость пальцев не давалась. Пришлось привыкать к тому, что два пальца после прирастания отрезанных концов остались дефективными: один излишне утолщенный, другой - кривой. Однако учитель считал, что все идет как надо.

- Не гоните, - говорил он, слушая «Польку» Рахманинова в тыкательно-дергательном исполнении Ивана, - эту вещь необязательно играть быстро, в медленном, но ровном темпе она звучит даже красивее...

Он брал скрипку, ставил ее на колени и демонстрировал темп, ловко подвигая толстые пальцы друг под друга, так как на грифе скрипки им было тесно. Учитель жаловался, что от физической работы пальцы утратили чувствительность и гибкость. Вибрация получалась не такой, какой ей следует быть.

Иногда в класс заходили надзиратели, следящие за порядком. Они с недоумением смотрели и слушали, потом молча уходили. Нарушения лагерного режима тут не было.

На очередном суде освободили Брянца. Это было грустно. Хотя они и не были с Иваном душевными друзьями (так, по крайней мере, думал Иван), многое их объединяло. Скоро Брянец будет в их городке, встретит Таню и передаст от Ивана обычный тюремный подарок - красивую шкатулку из открыток под выгнутыми прозрачными пленками. Такая шкатулка на зоне стоит 6 пачек чаю. Брянец обещает завернуть ее в хорошую бумагу и обвязать ленточкой, а также наиподробнейше описать как происходила передача шкатулки, как выглядит Таня, о чем она его спросит.

Ночью в сушилке он рисует на холсте, т.е. на какой-то тряпке со швом, загрунтованной столярным клеем, воющих на луну в зимней ночи волков. Картина пишется на одном дыхании. Все сразу получается так, как нужно. Он давно был к ней готов и она словно шла из него так, что оставалось только поддевать краски и делать мазки. Это душа отражалась в творчестве. Когда происходит такое отражение, то совершенно неважно на каком уровне мастерства выполнен творческий акт (в живописи ли, в музыке, или в литературе, или в чем угодно). Вложенное духовное как будто отражается теперь обратно, во внешний мир. В метафизическом толковании так и происходит. В лихорадочном состоянии человек творит и творимое насыщает пси-энергией. Потом эта пси-энергия излучается пока существует то, во что она была вложена.

Она не покидает и творца и излучается из него, пока он способен что-либо излучать. Спустя многие годы некоторые люди будут ощущать от Ивана запах волчьей псины, ведь ею волк пахнет и в тоске, изливаемой на луну, и в ярости погони за добычей, и когда свора шавок зажала зверя задом в угол и деться ему некуда, но дешево он свою жизнь не отдаст, и шавки неистовствуют поодаль, а изрядные кобели, не теряя достоинства, удаляются, чтобы и не видеть это презренство. Даже женщина, выбравшая Ивана в свои партнеры (или кобели) скажет, что оброс он волчьей шерстью, на что Иван с горечью подумает, что и верно, волчица нужна, а не какое-то доморощен-

ное убожество, привыкшее к дешевой ласке и теплой вони, мечтающее создать свое подобие и оставить его после себя будущему обществу.

* * *

Подобно тому как невесть откуда появляются различные моды (на одежду, на развлечения, на еду и пр.), в школе возникают свои моды. На этот раз школа оказалась зараженной маялкой. Разумеется это касалось только будущих мужчин, которые пока пребывали в средних классах. Маялка - это аккуратно вырезанный кусочек овчины, к которому прикреплен грузик, чаще всего свинцовая плиточка. На уроках овчину любовно разглаживают и распушеривают. На переменах маялка идет в ход: ее подбрасывают ногой пока она не упадет на пол. Некоторые спецы, Сапожник, например, мают всю переменку. Маялка у них такая пушистая, что опускается плавно, как парашют, остается только поддать ей со смачным щелчком ногой и маялка снова взлетает.

Ване эта игра не нравилась. Уж очень она однообразная и неинтересная. У него не было ни одной своей маялки, хотя иногда он просил кого-нибудь дать ему «подрочиться». Все-же борьба была интересней. Выяснилось, что Ваня способен побороть очень многих крепких ребят. Курап просто изумлялся тому, что Ваня всегда клал его на лопатки, и говорил: «А все-таки я тебе дам» - имея в виду, что в драке он выйдет победителем. Ваня не возражал и не соглашался. Дело решил случай. Сдвигая как-то Курапа со своей парты, Ваня порвал ему штаны о торчащую шляпку гвоздя. Курап пощупал на заднем месте дырку в штанах и не слова не говоря врезал Ване в скулу. Испытывая страх перед Курапом, Ваня ударил его в челюсть. Курап озверел и бросился на Ваню. Они сцепились и неизвестно, чем бы это кончилось, но Генка решительно оторвал Курапа от Вани, заявив, что, если Курап не отпустит Ваню, то будет иметь дело с ним, с Генкой. Угроза эта была чисто символическая, потому что Курап мог свободно разделать Генку, однако, он отошел , а тут и звонок прозвенел.

Через годы Курап изменился только внешне, становясь все более массивным. Речь его выдаваемая шлепающими губами, отражала тот уровень духовного развития, который достигается где-то в 6 классе, а потом, как у деда Щукаря, развитие идет в сук и вопреки теории Фрейда не вступает ни с чем в разногласия. У Курапа сохранялась и детская еще привычка без лишних слов бить в морду. Потом кто-то подстерег его в темном переулке и двинул железкой по голове. Курап дошел до своей двери, упал и помер. Кто убил Курапа осталось одной из многочисленных загадок городка. Но пока до этого было еще далеко и Курап был одним из мастеров маялки и степенно рассуждал о достоинствах девочек. Все мальчишки поглядывали на зреющих одноклассниц, особенно перед физкультурой, когда девочки где-то переодевались в обтягивающие тело футболки и трусы. У многих девочек ноги были тонкие и футболку оттопыривали титьки-прыщики. Но у некоторых и ноги были «будь здоров» и в футболке бултыхались крупно. Алька Добровольская даже стеснялась ходить и сидела на парте перед физкультурой в конфузе. Занимавшие задние ряды второгодницы никаких неудобств не испытывали и доставляли удовольствие мальчикам своими формами, как у буфетчиц. Скрывающих свои красоты разглядывали в спортзале, где нужно было делать общую пробежку и мальчишки натыкались друг на друга, таращась на шеренгу девочек.

Ваня отметил, что у Лили Блумберг даже прыщики едва заметны, хотя фигура у ней очень стройная. Она сидела сначала со своей подругой , а потом вдруг перебралась к Альке Крайкину, который ей симпатизировал вполне открыто. Когда классная руководительница спросила, почему она сменила место, за нее ответил на весь класс со своего места Ваня: «поближе к своему еврею!..» Мария Федоровна сделала вид, что не слышала, но быстро сменила тему.

Некоторые мальчишки в туалете учились курить. Иногда в класс вбегал Юрка Матвей с шоблой из соседнего класса. Они раскладывали толстого Гошу на учительском столе, снимали ему штаны и ждали звонка. Из класса они выскакивали перед носом учительницы, в то время как Гоша, утирая слезы, натягивал штаны. Многие в классе, и Ваня среди них, злорадно наблюдал эту сцену, так как Гоша был неприятный тип, но, благодаря своей массе, очень сильный.

Однажды класс облетела новость: Жигуль зарезал хахеля своей мамаши. Жигуль был из второгодников, т.е. немного постарше прочих. Он был известен как отличный плясун и ходил даже в

клуб в специальную секцию, плясал в расписных рубахах на концертах художественной самодеятельности. Хотя он был мужиковатый и сильный, но обычно никого не задевал и известие всех поразило. В школу Жигуль не пришел. Потом выяснилось, что хахеля-портного он не зарезал, а только пырнул перочинным ножом за то, что тот устроил скандал.

Ваня представлял деревянный двухэтажный дом у бани, в котором жил Жигуль. Летом в этот дом трудно было зайти, так как пахло бродилом из туалета. Через несколько дней Жигуль появился. У него был серьезный вид и вытянутая шея. Никто его не расспрашивал о событии. Старый знакомый Вани Сева, который когда-то чуть не побил его, покуривая в туалете, рассуждал, что не убил, так ничего страшного , а то бы в колонию сослали, как у них в доме одного только что. Про Севу рассказывали, что в сарае во дворе дома, где он жил, он целовал детородное место Вальки Кабановой - длинной помятой девки, которую считали проституткой.

- Нашел тоже красавицу, - рассуждал про себя Ваня, осмысливая эту информацию и искоса глядя на соседний ряд, где сидела Валька, - уж он-то рядом с ней в сортире бы не сел!.. И он поглядывал за спину своей серенькой соседки, где сидела Жанна, с некоторых пор занявшая его воображение. Жанна заметила его взгляды и частенько показывала ему толстый красный язык.

Зимой, в сильные морозы в школу не ходили и Ваня отправлялся кататься на лыжах. У соседних сараев он вдруг увидел желтеньких птичек-овсянок, ковырявшихся в щепках. Овсянки близ домов раньше не появлялись, а теперь из-за холодов стали совсем не боязливые. Одна зашла в открытую дверь сарая. Ваня бросился и захлопнул дверь, решив отловить овсянку. Она, однако, выскочила внизу в дырку для куриц.

Вечером от фонарей на столбах вверх уходили столбы света. Странно. Пока не было сильных морозов, такого не происходило, что и понятно, ведь над лампочкой висит тарелка и свет отбрасывается вниз, для чего фонари и существуют. Почему же в сильный мороз свет идет вверх красивым столбом, как будто и нет никакой тарелки?..

Кроме Вани никто не гулял, а он отморозил уши и они распухли, потом с мочек начало течь. Жанна сзади рассмотрела его уши и звонко хохотала на перемене, говоря всем, что Ваня похож ушами на слона. Ваня решил, что она - дура, но, вскоре забыл о своем решении, так как Жанна очень мило с ним поговорила и пару раз подсказала ответ на учительские вопросы, и к тому же она такая красивая, что сердиться на нее не хочется, хотя язык у нее преотвратный.

После очередной схватки с Шишкой и приобретения солидного фингала под глазом Ваня опять скорректировал программу своего образования, вместо школы слоняясь по отдаленным районам городка. Зимой это не так интересно, но все же можно ходить по магазинам и смотреть, что продают и почем. Обычно Ваню сопровождал Вовка Пушкин, краснощекий мальчик, живший этажом выше. Нередко они доезжали на колбасе автобуса в заречную часть города и бродили там. Фингал под глазом Вани исчез, как и полагается, через неделю и можно было появляться в освещенных местах. В той части города были завлекательные магазины «Динамо» с разными спорттоварами, оружейным снаряжением, рыболовными снастями и «Культтовары», где было тоже немало интересного, в том числе музыкальные инструменты, которые Ваня с интересом разглядывал. Наконец, он понял, что ему безумно хочется научиться играть на мандолине, как завхоз еще в позапрошлогоднем лагере. Однако мандолина стоила дорого и таких денег никто ему не даст. А вот балалайка, пожалуй, доступна и почему бы не играть на балалайке. Ваня принялся выпрашивать у матери 35 рублей.

Иногда приятели ходили по дворам, катались с искусственных горок. Случалось, что в чужом дворе обнаруживался какой-нибудь охломон, с которым Ваня немедленно сцеплялся. Схватки обычно были короткими и ограничивались чьим-нибудь разбитым носом. Нагулявшись, Ваня с Пушкиным шли в «Чайную» и покупали по стакану чаю. Хлеб лежал на столах свободно и выбрав стол, где тарелка с хлебом была целая, они не торопясь выпивали чай и опустошали тарелку. Потом ждали на остановке автобус и, когда он трогался, садились на колбасу, держась концами пальцев за оконные выступы.

После нескольких напоминаний мать выдала деньги на балалайку, решив, что пусть лучше ее чадо сидит бренчит, чем слоняться где-то и приходить домой с фонарями под глазами. А теперь еще и порку не задашь, совсем удерет.

С балалайкой возвращались в автобусе, так как на колбасе было с ней неудобно. Колбаса теперь стала не та, что раньше. На старых фотографиях в книгах видно, что на колбасе прежних ав-

томобилей можно было хоть с баяном ехать. А теперь висишь кое-как и, дай бог, не свалиться на ухабах, когда автобус прыгает как мяч.

Папаша Пушкина, когда был трезвый, иногда играл на балалайке и Пушкин обещал Ване, что уговорит отца дать ему урок. В тот же вечер папаша выдался трезвый и с удовольствием осмотрел Ванино приобретение, настроил его и весьма энергично заиграл. Потом он объяснил Ване, что к чему. Через несколько дней Ваня лихо наяривал на балалайке то, что ему показал отец Пушкина и пытался наигрывать знакомые мелодии, но, это шло туго. Все же возникло стремление поиска в каком-то ином мире гармоничного выражения, от которого приходила радость сама по себе.

~ 38 ~

Владеть собой среди толпы смятенной
Тебе, клянущий за смятенье всех.
Верь сам себе наперекор вселенной
И маловерным отпусти их грех.
(Редьярд Киплинг)

Человек - существо общественное, но это не является его исключительной особенностью. Наука доказывает, что человек произошел от стадных обезьян и унаследовал от них общественный образ жизни. Подобный же образ жизни характеризует многих живых существ, которые на много порядков древнее Homo sapiens, имеющего возраст всего лишь 30000-40000 лет. По сравнению с насекомыми, которые существуют многие десятки миллионов лет это - сущий пустяк. А среди насекомых немало ведущих общественный образ жизни. Следовательно, такая форма существования, т.е. социальность не связана с разумом, который у насекомых отсутствует. Она (социальность) возникла может быть случайно, обнаружив при этом некоторые преимущества для каждого члена сообщества. Развитие социальности у насекомых сопровождалось разделением функций отдельных членов сообщества. Так у муравьев и пчел возникли рабочие особи, а также матки и неработающие самцы - трутни у пчел и воины у муравьев. Сообщество - муравейник или пчелиную семью можно рассматривать как социальную единицу с территориальными притязаниями, самоподдерживаемую и производящую подобные же единицы. В социальности насекомых главная роль принадлежит матке, т.е. все бытие такой социальной единицы вращается вокруг увеличения численности с дифференциацией особей, определяемой питанием личинок. В этих обществах нет правительств и парламентов, их доблестные армии действуют без генералов и даже капралов. Каждый выполняет свою задачу и всецело предан своему обществу. У них нет частной собственности, а знаниями об обнаруженном корме они спешат поделиться со всеми.

Если мы поднимемся по эволюционной лестнице, то найдем общественную форму жизни у птиц. По сравнению с насекомыми социальность у птиц более эгоистична. У каждой пары свое гнездо, которое нередко подстраивается материалом из соседского гнезда (пока хозяева не видят). Находка кем-то корма отнюдь не афишируется, но, и частнособственнических поползновений не выражается, если этот же корм нашли другие, может быть прилетев следом.

Главная функция птичьей социальности - защита от врагов. На птичьем базаре птицы могут заставить уйти даже белого медведя, не дав ему полакомиться яйцами. Ласточки-береговушки прогонят кошку, подбирающуюся к норам с их гнездами. Однако опять же у общественных птиц нет «руководящих органов» или отдельных особей-диктаторов, которые, впрочем, возможны только при пирамидальном строении общества и наличии силовых структур, направленных внутрь, а не наружу.

То же самое мы найдем у зверей, стоящих на эволюционной лестнице над птицами. Тут, конечно, общество более структурировано, т.е. существуют устойчивые семьи и гаремы. В семье или гареме естественно владычествует один, чаще всего самец. Однако во всем сообществе этот владыка не имеет главенства, как и любой другой «семейный командир». Опять же общественная жизнь животных обусловлена большей безопасностью каждой особи, нежели жизнь в одиночку.

Надо полагать, что и человек во время своего становления как биологического вида был подчинен общей стратегии природы. До сих пор есть народы, у которых отсутствует единоначалие и вообще «началие». Есть лишь совет старейшин, который не решает судьбы своих соотечественников, а только рекомендует те или иные действия, руководствуясь своим жизненным опытом. Мы

привыкли называть эти народы примитивными, а себя цивилизованными. Но примитивные народы, например, в Австралии, с давних пор имели представление о недоброкачественном потомстве при кровосмесительных браках, как они понимали их. Такие браки старейшины считали недопустимыми, заботясь о будущем потомстве. А в цивилизованных странах на это смотрели сквозь пальцы. Уродство замечательного французского художника А. Тулуза-Лотрека хороший тому пример из герцогской семьи.

Возвышение отдельных личностей в человеческом обществе, точнее общественных единицах, по всей видимости, не было связано с общественными нуждами, а явилось фактически паразитизмом на своих близких, подкрепленным силой. Точно так же и теперь формируются дома «дома» мафии. Когда говорят, что возникновение вождизма связано с усложнением структуры общества, увеличением численности, войнами и т.д., то можно ли этому верить, если все это мы видим у насекомых, не имеющих вождей. Когда идет поток бродячих муравьев или тучи саранчи застилают небо, то даже люди обращаются в бегство. Между тем, насекомых никто не ведет, их действия подчинены законам самоорганизации, которые лишь недавно начали осознаваться наукой. Человек же придумал себе организацию общества с непременными рангами всевозможного начальства, вплоть до богоподобных фараонов, помазанников господних - царей и императоров, всенародных избранников - президентов и т.п..

Жан Жак Руссо придумал правдоподобную теорию об общественном договоре, по которому государство заботиться о своих подданных, а поданные должны заполнять казну, которая идет на содержание государственного аппарата и армии, причем к первому относится еще одна армия для поддержания порядка. В 1866 г. замечательный философ-социолог Г. Бокль в «Истории цивилизации в Англии» писал: «Дабы все общество пользовалось защитой полиции, постановлено, что никто не может путешествовать без паспорта. И когда люди действительно путешествуют, то на каждом углу они встречаются с тем же духом вмешательства, который, под предлогом защиты их личности стесняет их свободу». Так Бокль характеризовал Францию периода развития феодализма. Но позволительно спросить, было ли иначе в других странах во все времена даже еще до возникновения таких стран как Россия, на месте которой существовали удельные княжества. Династические князья имели аналог полиции - дружину, которая была нужна отнюдь не народу, а князю, чтобы грабить народ для содержания дружины, разумеется не забывая и себя. Битвы с пришельцами выигрывала (если!) не дружина, а ополчение, т.е. народ, в психологию которого вросло со временем понимание, что князь есть князь и иначе быть не может. «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

Таким образом полиция нужна была не народу, а его правителям, которые тоже не требуются народу, но держатся за счет полиции, призванной блюсти установленный властителями порядок. Одурачиваемые в течение тысячелетий народы свыклись с тем, что над ними должен стоять «держиморда». Теперь уже вряд ли найдется много сторонников безвластия. Теоретики анархизма были правы, выдвинув лозунг «анархия - мать порядка», но, видимо, было поздно. Человеческое общество уже давно приобрело пирамидальную структуру и вся идеология, особенно церковная, была направлена на поддержание этой структуры. В конечном итоге мы можем видеть, хотя стараемся не замечать, что, чем цивилизованнее становится мир, тем больше в нем зла. Правители лишь сменяют друг друга, но, как писал тот же Бокль больше 100 лет назад: «Неразумно ожидать от будущих законодателей других благодеяний, кроме того, которое будет состоять в уничтожении работы их предшественников».

Русские люди в XX столетии ощущали это как никто другой в мире. Бокль с удивительной прозорливостью понимал в чем тут собака зарыта. Он писал: «...Россия страна воинственная не потому, что жители ее безнравственны, но потому, что они мало развиты. Недостаток заключается не в сердце, а в голове. Так как умственные способности русского народа мало развиты, то на него мало имеют влияния люди, занимающиеся умственным трудом, и потому в нем безусловно преобладает класс военный». Пусть кто-нибудь докажет, что ситуация изменилась после Бокля. Но, “класс военный” с некоторых пор нужен не для внешних устремлений, а для внутреннего порядка, задаваемого прорвавшимися к «трону». Впрочем, Русь и оформилась, пригласив банду варягов для враждующих княжеств. Теперь в подобных ситуациях внутри государства приглашают рэкетиров. И мы, разумеется, свысока смотрим на общественную жизнь каких-то муравьев, пчел, птиц и зверей, кичась, что разум человеческий создал тип общества, которому нет аналогов на Земле. Это действительно так, только нет повода для гордыни.

* * *

В самом углу жилой зоны, рядом с непростреливаемой запреткой, отделяющей зону ширпотреба от жилой зоны стоит дом с сапожной мастерской и еще каким-то входом с крылечка, который всегда закрыт. Против этого входа огорожен штакетником маленький палисад. Кто его огородил неизвестно. В палисаде стоит подобие стола на вкопанных столбах и такая же скамья. Рядом маленькая клумба, очерченная поставленными на ребро углом кирпичами. В углу палисада стоит разросшаяся в ширь береза, а рядом несколько кустов ив скрывают ограду. Снаружи к палисаду примыкает какой-то сарай. Отсюда не видны вышки. Колючая проволока запреток с двух сторон уже не режет глаза. Зато царящий на этом маленьком клочке земли дух запустения так приятен. Тот, кто создал этот уголок, видимо, имел отношение к закрытому входу, наверное, какой-нибудь лагерной каптерке. Теперь он либо освободился, либо отправился в лучший мир. Стол и скамья стали зыбкими. Штакетник подгнил. Однако в начале лета здесь хорошо. Сюда приходят лишь немногие. Садятся и пишут домой письма. Обычно, если столик занят, то другие посетители уходят, по-видимому, понимая, что в этом месте нужно быть одному.

Иван показал этот уголок учителю и тот сразу оценил его прелесть. Теперь они часто встречались здесь после ужина, а в выходные дни проводили здесь несколько часов кряду. Михаил Иванович писал свои ходатайства, а Иван ложился под березу и корпел над толстой тетрадью с «содержанием своей головы».

- Что это Вы все пишите?.. - спросил однажды учитель.

Иван пояснил, что записывает свои мысли и воспоминания.

- Так дайте мне почитать, - заинтересовался учитель.

Иван отвечал, что тетрадь его интимная и читать ее никто не должен. Она предназначена для самого Ивана через много лет, если ему доведется прожить их. Теперь он завершает свою тетрадь и на ближайшем свидании отправит ее домой в запечатанном виде. Некоторое время учитель настаивал, чтобы Иван позволил хотя бы полистать его труд, но затем отступился. При всем уважении к учителю, Иван просто не мог допустить этого, так как ему было стыдно обнажаться, словно девочке-подростку перед гинекологом.

«Кажется понять жизнь не сложно, но это только кажется кретинам, тем, кто не способен вникать в суть вещей и пытаться объяснить их. Нельзя сказать, чтобы мои убогие рассуждения имели определенное русло и стремились к определенному пункту - исходу. Во всяком мышлении, по-моему, не может быть конечных остановок, т.е. определенных веских доводов, если учитывать многогранность явлений, а не смотреть на них с одной позиции, огородившись от противоречий и отдавшись во власть условного, общепринятого.

Природа создала человека, дав ему великое отличие от животных - способность мыслить. Человек создал в процессе эволюции отчетливое представление о себе: опять же это представление излишне высокое. Люди идут по определенному пути, проложенному заранее их сознанием, чувствами. Люди познали стыд, это великое противоречие природы, но стыд настолько вселился в наше сознание, что стал неотъемлемой частицей нас. Вместе с тем, появилось чувство собственного достоинства индивидуально и чувство вообще достоинства, как человека. Все эти условные рамки вросли с течением времени в сознание и перестали быть ощущаемы. Человек вознесся духовно выше природы и забыл, что он создан природой и подчинен ее законам. Найдется ли человек, которого бы угнетало сознание своей существенной близости к природе. Его воображение рисует величие и в то же время он подвержен, казалось бы, таким унизительным законам природы как ходить оправляться. А разве не из того, что называют крайним стыдом, человек происходит. На это почему-то перестали обращать внимание, да и вряд ли когда обращали в силу необходимости. Странно, что любовь - самое возвышенное чувство - трактуется философией только в связи с ее половым влечением. И люди при своем мнительном апогее совершенства подвергаются животным инстинктам с тем же величавым спокойствием, с каким они жаждут подвига во благо великих целей цивилизации. Мне бы хотелось, чтобы любовь была и оставалась навсегда без всяких намеков на половые страсти, такой, какой она бывает впервые у человека, чистой и непритязательной; говоря языком извращения, бессмысленной точкой отправления в бесконечность. Хотелось бы, чтобы любовь не была субстратом возникновения жизни, чтобы источником жизни было нечто иное, а любовь на протяжении всей человеческой жизни остава-

лась бы чистым, возвышенным, насколько это позволяет природное дарование, чувством. Я счастлив, что любил ткой любовью. Это было давно, когда я был еще мальчиком, не был вконец извращен и не сознавал ничего. Это была чистейшая, исполненная целомудрия любовь и даже взаимная. Но потом я испугался чужих мнений по этому поводу и погасил свои чувства. Более того, я сумел вызвать ненависть в буквальном смысле к предмету своей любви. Это было детство. Кто-то назвал бы это игрой, но это не была игра. То был стыд любви, характерный для десятилетнего возраста, который способен в этом возрасте заглушить все. Если бы это оставалось у людей на всю жизнь, конечно, не в отношении высоких чувств, а, наоборот, низких, жизнь была бы гораздо красивее. Стыд создал бы новые формы бытия, изгнал бы многое заимствованное от животных. К сожалению, с продвижением человечества стыд отступает все дальше и дальше и у подавляющего большинства остается лишь та доза стыда, которая необходима для соблюдения человеческого престижа. Находятся умники, которые пренебрегают даже этой ничтожной долей стыда, а между тем стыд это ни что иное как одна из форм человеческого достоинства. Находясь в этой обстановке, я узнал о таких чудовищных проявлениях крайней извращенности, что это дало мне возможность судить о человеческих взаимоотношениях с позиции отвращения и, вместе с тем, скорби. Цивилизация действительно растлила мир, говоря словами Фейхтвангера, писавшего о жизни Жана Жака Руссо. Люди по уши погрязли в болоте формализма, извращения и цинизма. И это сопровождается программой построения коммунизма. При более глубоком осмыслении это кажется более чем наивным. 20 лет в масштабах эволюции мировоззрений - ничто, следовательно, коммунизм - не более как иллюзия, так как еще нынешнее поколение пройдет эти 20 лет, потрясая друг друга своими низменными склонностями».

Под березой думается и пишется значительно легче, чем на койке в бараке. Иван замечает это с полной определенностью и ему кажется, что это от самой березы исходит что-то, что помогает работе мысли. Он охватывает ствол руками и прижимается щекой к шершавой бересте, вспоминая Есенина: «как жену чужую, обнимал березку». Но почему, как жену чужую; куда приятнее обнимать березку, как березку. Славный поэт Есенин, но природного вранья у него много. Иногда сплошняком. Взять хотя бы «Выткался над озером алый цвет зари»: глухари не плачут, т.е. ничего похожего на плач в их токовой песне нет; иволга не стонет, а очень красиво исполняет коротенькую песню или вякает, как кошка, которой наступили на хвост, когда что-то ей не нравится; в дупло иволга ни за что не полезет, да и не прилетела она еще с юга, так же как свежих копен не может быть, когда токуют глухари, а зазноба околеет от холода, если посадить ее в старую копну, не лето, чай, снег еще кое-где не дотаял. Что и говорить, неудачный подбор образов, куда правдоподобнее «... подсмотрел я ребяческим оком, лижут в очередь кобели истекающую суку соком». А может быть красивая неправда лучше некрасивой правды, недаром Пушкин готов был «над вымыслом слезами обливаться»?!. Что бы он делал перед здешней правдой?..

* * *

Ваня посещает различные кружки: гимнастический, боксерский, а когда потеплело - морского моделирования в школьном сарае-мастерской. Особенно ему нравится гимнастика, где можно иметь дело с разными спортивными снарядами. На боксе он встретился с Сидором, с которым они давно уже враги. Руководитель поставил их в пару, поскольку оба «мухи». Договорились бить только по корпусу, но как-то Сидор, защищаясь, приподнял свою руку и Ванина перчатка сильно въехала в физиономию Сидора. Тот покачнулся.

- Ой, я нечаянно!.. - Ваня опустил руки в перчатках.

- Хорошо, хорошо, так и надо!.. - прокричал руководитель.

Сидор промолчал, но теперь бой шел по-настоящему. Сидор нападал с яростью, прыгая вокруг Вани, которому оставалось только закрываться и лишь раза два он ткнул перчаткой, но оба раза удачно, и в конечном итоге Ваня вышел победителем, поскольку, как заявил руководитель Сидору: надо поменьше лупить куда попало, а выжидать момент и дать раз, но хорошо.

Потом в соседней школе были соревнования. Ваня пришел, увидел большой зал, полный зрителей, и испугался. Ему казалось невозможным выступать при таком скоплении народу. Он наверняка проиграет, думая, что весь зал смотрит на него. Это была обыкновенная трусость и, хотя он нередко побеждал ее, будучи трусом по природе, но на этот раз не было стимула. Сидя среди незнакомых зрителей, Ваня видел, как вышел Сидор со Жменей. Конечно, Жменя выиграл, послав

Сидора в нокдаун. Наверное, Жменя три дня не ел, сгоняя вес, а Сидор, скорее всего, повесил гирю между ног при взвешивании. Ваня подумал, что если бы он пошел на регистрацию, то ему наверняка пришлось бы драться с Сидором и он может быть и выиграл бы, если бы не было зрительного зала.

Когда Николай Аркадьевич, ведущий гимнастику, спросил, как были дела на ринге, Ваня соврал, что его не допустили по весу.

Весной Ваня записался в кружок юных натуралистов. Однако быстро выяснилось, что юные натуралисты предназначались для работы на школьном участке, где первое занятие было посвящено чистке малинника от сухих ветвей. Ваня решил, что он лучше будет у бабушки в огороде работать, чем в учительском саду. Бабушка выделила, как и обещала, ему приличную грядку, и Ваня насадил всякой всячины из того, что удалось стибрить осенью на выставке достижений сельского хозяйства. Дома он сажал в горшки с цветами семечки яблок, апельсинов и лимонов. Два деревца уже подрастали.

Но больше теперь его увлекала геология. Дед, работающий теперь слесарем-инструментальщиком в депо, принес ему молоток-зубило на длинной рукояти- настоящий геологический молоток. Ваня ходил с ним на реку и в карьер, приглашая с собой кого-нибудь из дворовой компании. Правда, все уже было знакомо: фосфориты, горный хрусталь, черные шарики, как установил Ваня, из окиси меди, зеленая глина, бурно реагирующая с соляной кислотой.

Химические опыты он проводил на кухне, на картофельном ящике. Если случался маленький взрыв, от которого подпрыгивал дядя Леша, сидевший рядом, то Ваня говорил, что это он пошутил, хотя руку нестерпимо жгло, а в глаз что-то попало. В школе он добыл спиртовку и разные реактивы. Учительница по химии, которую он нередко озадачивал своими вопросами, наливала ему в бутылочки разных кислот и щелочей.

Еще в начале лета дядя Леша объявил, что в его отпуск в августе они поедут на Черное море, а то его льготный билет опять пропадает. Девочки останутся с тетей Ниной, так как они еще маленькие. Ваня был полон предвкушений.

Однажды мать сняла телефонную трубку, послушала и протянула ее Ване: тебя... Это было странно, так как ему никто никогда не звонил. Он услышал в трубке, что с ним говорит его отец и он хочет встретиться. Понимая, что Ваня не может говорить открыто, отец сказал, что будет его ждать в 6 часов в привокзальном скверике у памятника.

Мать не спросила, кто звонил. В скверике он начал осматриваться, носидевший на скамейке мужчина, увидев его, сразу встал и подошел. Ване показалось, что это совсем другой человек по сравнению с тем, кого он видел в школе, в кабинете завуча. Отец отметил, что Ваня вырос, но все такой же тощий, на что Ваня возразил, что он совсем не тощий, а сильнее многих более мясистых, чем он. Отец был удовлетворен, что на Черное море Ваню берут и дал ему 25 рублей на расходы. Он спросил, что Ваня читает и не надо ли ему каких-либо книг из Питера. Это было весьма кстати. Ваня с воодушевлением ответил, что ему позарез нужна книга Ферсмана «Занимательная минералогия». Отец обещал достать эту книгу и прислать ему. Он заметил также, что в разговоре Вани появились неприятные нотки, какое-то ухарство и люди отзываются о нем не очень-то лестно. Ваня знал, что какие-то родственники отца, кажется даже его брат, живут в одном с ним доме, так что отца есть кому информировать. Однако что о нем говорят, его мало трогало; даже наоборот, хорошо, что говорят плохое. В конце концов какое им всем дело до него и отцу тоже. Подумаешь... захотелось сынка повидать и еще нотации тут будет читать, да пошел он к черту...

Отец действительно пошел на поезд и задержав Ванину руку в своей широкой ладони, сказал, что он на него надеется.

Наконец-то дядя Леша пошел в отпуск и они отправились на Черное море, да еще и в купейном вагоне. Кроме них в купе оказалась молодая женщина, поразившая Ваню своей красотой и кротостью. Он то и дело поворачивал голову на верхней полке и поглядывал на нее. Она вскоре заметила его интерес и улыбалась ему.

За окном проплывали совершенно новые ландшафты. Когда началась Украина, Ваня с тихой радостью смотрел на белые хаты и сады около них. Поля подсолнухов его просто поразили. Вареная кукуруза ему не понравилась, зато черешня была то, что надо, к тому же стоила очень дешево. К поезду приносили много вкусных вещей и совсем недорогих.

Потом пошли горы, где поезд то и дело нырял в тоннели. Теперь на красивую попутчицу любоваться было некогда, надо было смотреть в окно. Он, конечно, видел на картинках горы, но в дей-

ствительности они оказались более впечатляющими. Для человека, выросшего на равнине, где небольшой холм кажется горой, Кавказ предстает, как нечто почти сверхъестественное. Уходящие вверх крутые склоны, узкие ущелья с кипящими в них речками, какие-то каменные нагромождения, а местами неприступные скалы: не успеваешь все рассмотреть, слишком быстро поезд едет и в тоннель ныряет, не сбавляя скорости, и тогда делается темно, звук от стука колес меняется. Надо же было горы просверлить, чтобы поезда ходили!
Иногда горы отодвигаются, и около них видны все те же беленые домики, сады и огороды с густой зеленью кукурузы и желтыми шапками подсолнухов. Какие-то кусты и деревья вовсе незнакомые. Иногда видны овцы или козы. Люди прикладывают руку ко лбу козырьком и провожают взглядом поезд. Но вот... опять потрясающее зрелище. Показалось море.

В Гагры приехали поздно вечером и остались на вокзале до утра, чтобы ехать на автобусе в Пицунду. Оказывается, еще одна семья ехала в другом вагоне с тем, чтобы соединиться с дядей Лешей и вместе арендовать жилище. Их мальчик Ване не понравился. Он оказался не только маленьким (года на два моложе Вани), но и сопливым. И уж если Ваню называли тощим, так этого надо было считать дистрофиком.

Кругом была чернота, но в ярком освещении вокруг вокзала красиво смотрелись подстриженные шарами и кубами кусты, как оказалось, лаврового листа. Пальмы неопровержимо говорили о том, что здесь юг. Ваня трогал их жесткие, как жесть, листья и гладил мохнатый ствол. Они казались ему искусственными, но дядя Леша заверил, что живые. Хором трещали сверчки. После долгого выслеживания удалось поймать какого-то усатого. Сверчок или нет? В руке молчит, только усами ворочает и норовит выскользнуть. Дядя Леша подтверждает, что это самый что ни на есть сверчок и надо его выпустить, пусть себе сверчит на здоровье. Все было необыкновенно с первых шагов. Олеандр и канны росли на клумбах, а не в горшках на окне. Влажная теплота охватывала тело. Спать совсем не хотелось и Ваня то и дело выходил на улицу и прохаживался вокруг, отмечая каждый раз что-то новое для себя.

Утром погрузились в автобус и не доезжая 2 км до Пицунды вылезли в маленьком поселке. Быстро нашли комнату в симпатичном беленом домике с верандой. Ване предстояло спать на раскладушке со своим новым знакомым. Наконец можно было уйти на море. Чудный сосновый лес тянулся вдоль морского берега. Ваня еще не знает, что когда он будет сидеть в лагерях, в этой роще Никита Хрущев построит себе дачу и роща будет огорожена стеной. Пока же он пересекает ее и замирает. На берег бросаются метровые волны. Как же купаться?.. Поодаль, однако, купаются. Ваня решительно идет в море и его тут же, как щенка, выкидывает на берег и обратно тянет. После нескольких попыток он ныряет в волну и, работая, что есть сил руками и ногами, выплывает за прибой. Там можно спокойно качаться на волнах. Уже на второй день Ваня освоился с морем, научился открывать глаза и плавать под водой, глядя как под ним проплывает медуза. После купания приятно влезть на гору, хотя гора весьма высокая и лезть приходится долго. Потом снова в море.

Постельный напарник совсем разочаровал Ваню. На раскладушке было тесно и в первую же ночь он проснулся на мокрой простыне. Напарник посикал во сне, как считал Ваня, в основном под него. Дядя Леша миролюбиво сказал, что все мы небезгрешны, явно на что-то намекая. Но Ваня намек не принял, так как в этом возрасте он уже не ссался.

Хозяйский мальчик армянин подружился с Ваней. Он всегда ходил босиком и ноги у него были широкие как у взрослого, да и сам он был плотный и сильный. Капрэл показал Ване дерево грецкий орех и пригласил его возить на арбе табак. Арбу тянут два буйвола, здоровенные как танки и совершенно беззлобные. Потом Ваню взяли в горы на арбе за папоротником-импрой. В горах Ваня сомлел от жары. Но зато, когда вернулись, то отправились с Капрэлом купать буйволов, а заодно и плавать на них. На следующий день они ездили в горы с тачкой за дровами. Ваня проникся такой симпатией к Капрэлу, что подарил ему перочинный нож, которым очень дорожил. Вся семья Капрэла занималась сушкой табака, для чего табачные листья накалывали на длинную иглу, а потом сдвигали на веревку. Длинный сарай был увешан табачными гирляндами. Ваня посидел с семейством и тоже сделал гирлянду. Днем он ходил один в горы и выяснил, что на склоне растут сплошные дубы, а пониже много ежевики, но она такая колючая! Голубые кузнечики казались чудом природы. Поскольку Серега последние ночи не мочил постель, Ваня взял его в горы. У дороги они рассматривали водяную мельницу, потом влезли на гору, а спускались, продираясь сквозь заросли дерева лаши. В ручье плавало много мальков и маленьких лягушек с хвостами. В другом

ручье Ваня ловил руками небольших рыбешек, но потом его поразила птица с желтым веерным хохлом. Позднее он узнал, что это удод. Вечером он записывал в маленькую записную книжку, что делал и что видел. На стене он устроил целую коллекцию насекомых, но мухи отъели у всех мягкие брюшки. Он собирал красивые камни и раковины, засушивал в тетради растения, пытался даже высушить медузу, но она расползлась как студень. Зато клешни краба не нужно было сушить, так как они высохли среди гальки.

Когда ходили в заброшенный сад в дальнем ущелье, Ваня нашел осиное гнездо, сбил его песком и через некоторое время пришел, отодвинул гнездо палкой и взял домой, где вечером выковыривал личинок. В заброшенном саду набрали целую корзину винограда. Здесь много красивых тунговых деревьев с крупными зелеными листьями и круглыми плодами. С виду плоды съедобные, а разрезаешь и внутри сочится как будто техническое масло; сразу видно, что есть их нельзя. А у шелковицы плоды немного похожи на малину или ежевику и довольно вкусные. На ее листьях выращивают шелковичных червей, которые делают шелк. Против ущелья берег моря был пустынный и мать с дядей Лешей расположились тут загорать пока Ваня лазал по скалам. Когда он пришел их навестить, то увидел, что они загорают голые. Мать стыдливо накинула какую-то тряпку на срамное место. Ваня понял, что он тут лишний и удалился обратно в ущелье.

В море он заплывал теперь так далеко, что берег был едва виден, а однажды он даже испугался, не видя берега. Как бы не уплыть совсем от берега - закралась мысль. До чего хорошо раскинув руки лежать на воде на спине. Он уже знал, что соленая вода более плотная, чем пресная, и лучше держит тело. Поэтому в ней так легко плавать и можно открывать глаза без неприятного ощущения.

Все приходит к концу. Последний вечер Ваня провел в горах, куда он ходил эти дни, прощаясь с полюбившимися местами. Он так хорошо себя здесь чувствовал. У него ни разу не было приступа злобного настроения, а, наоборот, постоянно ощущалось какое-то воодушевление и радость от общения с птицами, насекомыми, растениями. Он ощущал дух природы и взрослые дяди армяне относились к нему дружелюбно, давали прокатиться на ослике, показывали как на мельнице жернова делают муку, а когда он сидел на огромной яблоне, считая, что она ничейная, пришел дядя Сапот и закричал на него, но потом узнал и сказал: тебе можно, рви... Уезжать не хотелось, вот бы здесь остаться жить! Жарковато, правда, но, наверное можно привыкнуть. Интуитивно Ваня ощущал, что дома жизнь некрасивая, глупая, но, что делать, так уж все устроено. После прогулки в горы он уплыл в море. Темнело, но были видны огни и нужно было к ним вернуться.

Снова он без устали смотрел в окно вагона на непривычные пейзажи и думал, какая большая земля.

~ 39 ~

Действенная сила событий зависит исключительно от того, под каким углом зрения мы рассматриваем эти события.

(Морис Метерлинк)

Еще в глубокой древности люди отгораживались от внешнего мира крепостными стенами, непременными атрибутами которых были башни и ворота. Когда перестали строить крепости, то башни и ворота продолжали сооружать с хозяйственными целями, а также как символы в память о значительных событиях. Ждали, например, царицу с визитом и поставили на въезде в город башню - колокольню, а под ней ворота, через которые царица должна была проехать, если бы не передумала. Много существует историй с воротами и, если бы их собрать, получился бы внушительный том.

В каждой человеческой жизни, должно быть есть свои памятные ворота. То ли входить, то ли выходить приходилось через них, а может быть то и другое, то ли однажды, то ли в большой по-

вторности. Были ли эти ворота каменные или деревянные, вычурные или простецкие, под сводом стены или с собственной шапкой... пропускали ли они в город или во двор: монастыря ли, или жилого дома, а может в какую-то зону, где действуют особые законы и надо ходить с маятником, определяя правильность направления. Впрочем это могли быть ворота, которые стоят сами по себе. Было время, когда они что-то обозначали, например, вход на кладбище. Но, кладбище сравняли с землей, забор разобрали на дрова, а шикарные ворота остались стоять как памятник старины. Или по другой причине?..

Проходя через ворота человек всегда испытывает ощущение изменения пространства. Казалось бы, в этом и нет ничего странного, ведь ворота действительно разделяют два мира: общий, внешний и частный, внутренний, которые воспринимаются по-разному. Человек и сам изменяется по разную сторону ворот, хотя даже не замечает этого. Только проходя через тюремные ворота, он ощущает перестройку своей жизни в сторону мрака на входе и кипучей радости на выходе.

Есть ворота через которые давно не ходят. Висит на них пудовый замок и ключ потерян еще в прошлом веке. Заросли землей створы, наверху зашелестели деревца, истлело железо на полосах петель. Можно подойти к воротам с той и другой стороны, но нельзя пройти сквозь них, чтобы ощутить перемену пространства.

Человек не придумал ворота. Он заимствовал их у природы, ведь на заре своей туманной юности он пользовался именно природными воротами - проходами. Уже тогда с одной стороны ворот была безопасность, с другой - возможная опасность. Такие ворота и сейчас можно встретить, особенно в горах: кругом неприступные скалы и лишь узкий проход в ущелье, в котором обычно клокочет поток. Иногда причудливые останцы стоят друг против друга в виде ворот. От них нет стен и эти ворота легко обойти стороной, однако, то, что это именно ворота подтверждает сама природа. Через них течет река щебня, а с боков щебень, если и движется, то очень медленно и облика потока не создает. Биолокаторная рамка показывает, что через ворота проходит сгущение энергии.

* * *

Иван закончил свою толстую тетрадь, заклеил ее, чтобы нельзя было раскрыть и на свидании передал матери. Бабушка не приехала, так как деду стало совсем плохо. Иван не был уверен, что мать не вскроет тетрадь с его откровениями. Будущее покажет, что он не ошибся, а пока он думал, что тетрадь нужно переправить скорее. Ведь здесь всегда нужно быть готовым к любым неожиданностям. А впрочем, разве на свободе иначе?.. Просто мы привыкаем к тому, что долгое время жизнь идет без особых перемен, кажется, что и не может быть по другому. Но вдруг, в один прекрасный момент все изменяется. То, что еще вчера было столь упорядочено и незыблемо, сегодня кажется отодвинутым куда-то вдаль, где клубится тускнеющими воспоминаниями. Через некоторое время новое становится нормой жизни и снова как будто застывает в неподвижности. Как там у Маяковского?!.

Вчера океан был злой, как черт,
Сегодня смиренней голубицы на яйцах.
Какая разница! Все течет,
Все меняется...

Плохо, когда буря настигает неподготовленного к ней. Тогда только судорожное цепляние за все, что угодно кажется спасением. У Бориса Житкова описано как тонущий спасался держась за рожок плавучей мины, а, когда подошло спасательное судно и шарахнулось от него, он не мог взять в толк, что ему кричат с судна издалека. Ему было невдомек, что рожок у плавучей мины служит взрывателем, а не рукояткой поплавка для тонущих. Человек часто не знает, за какой взрыватель он уцепился в поисках спасения. Это видит другой, издали, хотя и тому может что-то померещиться.

Взгляд со стороны имеет ценность для понимания ситуации. Потому для Ивана столь желанны письма старых приятелей Генки и Женьки. Письма других скучны , так как нет у их авторов за душой ничего примечательного. В живом общении это было как-то незаметно, а в письмах сразу сказалось.

Теперь все они, выросшие в одном дворе, достигли того возраста, в котором внутренний мир каждого пытается вместить в себя внешний мир. У каждого это получается по-своему. Если один

человек искренне раскрывается перед другим, то и его понимание жизни обогащает другого и помогает ему, даже когда есть разногласия. Последние вынуждают думать о различии восприятий, о многогранности, казалось бы, очевидного. Выясняется, что есть вещи, о которых сам и не задумывается, но в письме приятеля они всплывали.

Много раз Иван перечитывает письмо Генки.

Привет из провинции!

Здравствуй Ваня!

Во-первых хочу сообщить тебе, что поиски мои нужной литературы не увенчались успехом. Сам понимаешь, что опрос здешних обывателей на подобную литературу невелик и поэтому здешние книжмаги не стремятся ее заводить. Но ты не отчаивайся я договорился с братом (Вовкой), который работает сейчас в Ленинграде о том, что он постарается приобрести то, что нужно. Я думаю, что все будет в порядке. В ответном письме ты должен подробно описать мне маршрут следования до твоего места заключения. Вероятно он в конце этого месяца (мая) или в первых числах июня сам привезет тебе книги. Я рад, что ты все-таки добился медицинского освидетельствования глаз и получил успокаивающий диагноз.

Теперь я хочу поделиться с тобой своим опытом о работе с книгой.

Читаешь бывало какую-нибудь ученую книжку, читаешь долго, напрягая мозг, стремясь понять прочитанное. Попадается много незнакомых слов, не все мысли автора понятны, несмотря ни на что продолжаешь упорно грызть науку. Наконец, когда совершенно перестаешь что-либо соображать, встаешь из-за стола. Тяжелая голова гудит и создается впечатление чего-то колоссального. Невольно приходит такая мысль: "Какая у тебя тяжелая голова, ты теперь намного поумнел, прочитав столь ценную книгу". Далее ощущаешь желание пощупать рукой выпуклости черепа, - это еще более усиливает мнимую величественность и ты представляешься себе ученым, гением и еще черт знает чем. Ну разве это не смешно, уже не говоря насколько это глупо и наивно. Печально, но факт.

Принесло ли пользу умственному развитию такое чтение? Напротив оно не только не полезно, но вредно, потому что в голове не остается ничего, кроме утомленных и истощенных работой нервных клеток. Наступает охранительная реакция организма: притупляется память, мышление и сообразительность замедляются, прочитанное воспринимается с трудом, ощущаешь (в подсознании) нежелание продолжать работу.

Охранительная реакция выражается в затормаживании физико-химических процессов происходящих в нервных клетках. Запас энергии мозга на исходе и он сигнализирует об этом. Мозг требует отдыха.

Если в это время пренебречь первыми симптомами наступившего утомления, и усилием воли заставить себя продолжать работу, то оно может перейти в переутомление. При этом нервные клетки мозга усиливают свою деятельность, но работают уже на износ, как двигатель потерявший смазку. Непременным следствием такой работы является раздражение.

В то же время появляется какой-то фанатизм к чтению и ты читаешь как одержимый - это уже психоз.

При систематическом переутомлении мозга, последствия не заставят себя ждать; во-первых ухудшается сон, в голове мелькают обрывки мыслей, натужно шумит кровь в висках, долго не можешь уснуть, утром поднимаешься с головной болью, совершенно разбитый и опустошенный. Вот тогда-то и начинается в душе твой мир пессимизма и апатии.

Во-вторых пропадает аппетит, в отношениях с людьми замкнут, раздражителен и мнительно-нервозен, ухудшается пищеварение. Более того я знаю случай, когда человек от переутомления потерял зрение. С этим нужно считаться и никогда не забывать об этом.

Только тогда чтение приносит пользу, когда не только понимаешь каждое слово, уясняешь себе каждую мысль автора, но и творчески подходишь к каждой высказанной мысли, т.е. берешь ее под сомнение, сравниваешь со своей оценкой данного явления, со своим мнением. Все это создает стимул удовлетворения, увлеченности и интереса к изучаемому предмету. При такой работе ощущаешь радостное чувство от полного понимания прочитанного. Как сказал Шекспир: " В чем нет услады в том и пользы нет".

Из письма твоего видно, что ты переживаешь очередной приступ апатии.

Души твоей роптанья мне понятны. Как орел заточенный в клетку, с тоской ты смотришь вдаль, где простор и свобода. Не можешь ты смириться с долею своей, потому что не умеешь

приспосабливаться. Может быть это и говорит о глубине души твоей - не знаю. Скажу одно: орел - птица, ты- человек; он без рассудка, ты мыслишь; срок заточения его неограничен, ты же знаешь свой предел.

Так стоит ли впадать в уныние и тоску, уж так ли много для нее причин.

Поскольку в жизни рядом со злом уживается добро, а жизнь - постоянно преодолеваемое противоречие, то не будет ли пословица «Нет худа без добра» являть собой частичку истины. Ведь кто знает, в какие еще обстоятельства поставит тебя жизнь и не окажет ли тогда тебе неоценимую услугу этот опыт, который ты получил в этом злополучном месте. Никто не может предугадать дальнейший ход событий в жизни отдельного человека. Жизнь полна неожиданностей. Может быть потому она и интересна.

Порой человеку приходится мобилизовать все свои душевные и физические силы, чтобы выйти победителем из опасной ситуации.

Жизнь - это непрекращающаяся борьба: с одной стороны инстинктивная борьба организма со всевозможными бациллами, с другой - сознательная, человеческая. Надо ли говорить, насколько важно человеку всегда быть готовым ко всему, поддерживать на высоком уровне такие качества как бодрость духа, физическое здоровье, трезвость рассудка, хладнокровность и т.д. Но качества эти не рождаются вместе с человеком, их воспитывают сознательным преодолением всевозможных препятствий.

Как легко быть философом на бумаге и как трудно, бесконечно трудно быть им в жизни - эти слова написаны кровью сердца, потому что кому как не мне ежечасно, ежеминутно приходится бороться с ложными началами, чертами и привычками моего нежизнеспособного характера - плода дурного воспитания и от части врожденной неполноценности.

Суждено ли мне родиться заново, зависит от меня.

Не знаю, может быть со временем, мечты мои, взгляды и суждения изменятся, но теперь мне кажется, удовлетворен и счастлив я буду находясь в пути, ибо долгое пребывание на одном месте в силу своего однообразия, суеты и скуки будет давить и угнетать меня.

В моих письмах не трудно заметить доминирующую мысль о необходимости совершенствоваться. В этом я вижу одно из высших не только призваний, но и назначений человека в жизни. Всякий застой, успокоенность - это разложение и гниение, обывательщина, пробуждающие животные начала в человеке.

Меня интересуют несколько вопросов, разрешение которых дало бы мне более ясное представление о жизни заключенных и условиях твоей жизни.

1. Каков возрастной состав заключенных и возраст большинства их?
2. Чем занимаются эти люди в свободное от работы время?
3. Что представляет собой их моральный и нравственный уровень?
4. Как видят они свою будущую жизнь?
5. Испытывают ли они раскаяние, уныние, тоску или настроены оптимистично? Примерное соотношение тех и других.
6. Как они относятся друг к другу?
7. По каким законам существует это “общество”? Есть ли у него свои обычаи?
8. Проводится ли среди вас политическая работа и какими средствами (радио, газеты, журналы, лекции, беседы, кинофильмы).
9. Есть ли материальная заинтересованность к труду?
10. Каковы взаимоотношения администрации, прочего персонала с заключенными?
11. Проводятся ли мероприятия развлекательного характера, скрашивающие досуг?
12. Каковы бытовые условия (пища, жилище, благоустройство территории, озеленение и т.д.).
13. Велика ли территория, тип жилых зданий и рабочих помещений.
14. Проводится ли по утрам зарядка (в порядке принуждения или добровольно)?
15. Существуют ли условия для занятий спортом? Есть ли
16. Поощряется ли администрацией стремление заключенных к спорту или она безразлична к этому?
17. Были ли попытки к бегству и как администрация реагировала на это?
18. Каков порядок режима?
19. На какие сроки осуждены заключенные (наибольший и наименьший).
20. Есть ли разница в поведении тех и других?

21. Проявляют ли заключенные интерес к литературе? Примерное соотношение тех и других.
22. Только ли художественной литературой интересуются заключенные?
23. Каково примерное образование заключенных?
24. Часто ли к вам присылают пополнение?
25. Только ли из Ленинградской области направляют любителей острых ощущений к вам, или есть из других областей?
26. Как реагируют новички, ознакомившись с бытом и порядками заключенных?
27. Можно ли заметить какие-либо перемены в их поведении по истечении некоторого времени? Что можно прочесть на их лицах?
28. Что является основной темой разговоров заключенных и на какие темы они говорят?
29. Работают заключенные только на территории лагеря или выезжают куда-либо?
30. Как твое здоровье и физическое самочувствие?

На некоторые вопросы сразу не ответишь, они требуют наблюдательности и широкого общения с заключенными. Скорого ответа на все вопросы я от тебя не требую, действуй по возможности, но так, чтобы не вызвать ни тени подозрения.

«Вы жалуетесь на однообразие событий жизни, - говорил Гюстав Флобер, - это жалоба реалиста и к тому же много ли знаете об этих событиях». И он возможно прав.

У меня пока изменений не произошло. Сейчас я на положении безработного. Хотел устроиться в депо по своей специальности, но получил категорический отказ, который мотивировался переполненным штатом. Придется поискать работу в другом месте. Желательно, чтобы ты поторопился с ответом о маршруте до твоего места заключения.

На этом до свидания.

Письмо с ответами на вопросы получилось пухлым, но, разумеется ответить кратко на все было просто невозможно. «Чтобы рассказать все, что тебя интересует, надо написать книгу», - написал Иван другу, подумав при этом, что, если излагать так как есть, то книгу эту в печать не пропустят. К тому же опыт Ивана ограничен пока одной ближней зоной, а что делается на дальняках, он знает только понаслышке. Правда, впереди еще немало времени и неизвестно, что оно сулит.

Пошел третий год заключения. Как всегда лето дарило зэкам оздоровление вопреки режимным постановлениям. Как-то Ивана подняли после ночного дежурства фотографироваться. Никто не знал, для чего. Потом опять разбудили. Теперь надо было узнать свою фотографию и расписаться в какой-то бумаге. С фотографии смотрела на Ивана одутловатая, неприятная физиономия. «Ну и харя!..» - подумал Иван, глядя на свое изображение, - для чего же это все делается? Скоро это прояснилось. По местному радио был зачитан длинный перечень фамилий, которые не должны были сегодня выходить на работу, а приготовиться к этапу. Иван услышал свою фамилию. Это означало перелом жизни. В зоне распространилось возбуждение. На этап уходило больше 100 человек. Иван сидел под березками у барака и курил самокрутку, размышляя: хорошо это или плохо. Скорее всего, что плохо, ведь такую кайфовую работу он теперь вряд ли получит. Знатоки поговаривали, что этап наверняка дальний.

Надо сходить попрощаться с Михаилом Ивановичем, кто знает, может не доведется больше встретиться. Старый виолончелист расстроен, но настаивает на том, что Иван должен продолжать занятия на скрипке. Может быть на новом месте найдется музыкант, который ему поможет. Они расходятся, чтобы долго помнить друг о друге.

Роман Яковлевич столкнувшись с Иваном в коридоре барака сокрушенно сказал: «А тебя-то за что?!. Ну будь здоров, не поминай лихом...»

Иван посмотрел ему в глаза, но в их блеклой черноте давно уже ничего не отражалось изнутри. А ведь Роман Яковлевич был причастен к этому делу. Бугор, конечно, спрашивал у него, кого ему не жалко отправить. Из столярки уходил один Иван. Другие, как специалисты, оставались.

Собрать вещи недолго. Они, можно сказать, всегда собраны. Теперь у Ивана ладный чемоданчик собственного изготовления с книгами и рисунками. Жаль, что не успел доделать копию Шишкина из журнала «Огонек», где очень хорошо видны краски. Так и осталась она за печкой. Иван повертел библиотечную книгу “Учение Дарвина” Н.А. Тимирязева и сунул ее в чемоданчик. Обойдутся без Дарвина...

По зоне шмыгали туда-сюда убывающие, завершали делишки. Ближе к обеду был дан сигнал по радио собраться у ворот с вещами. Народ матерился, что увозят от обеда, а куда привезут там обеда тоже не дадут, не рассчитывали. За воротами цепь воронков. Кто-то уверенно заявляет, что

повезут в Кресты. Начинают выкрикивать фамилии. Между ворот набирается группа на воронок и открываются первые ворота. Кругом цепь автоматчиков с овчарками. Воронок заполняется и отъезжает. Скоро колонна катит по шоссе в сторону Ленинграда. Теперь все ясно, везут в Кресты. А это значит что дальше будет дальняк, а вот где!.. Дальняки есть по всей России. Теперь, правда, ощущение уже не то, что впервые. Иван чувствует себя ветераном и смотрит в будущее без страха: дальняк, так дальняк.

В Крестах прибывшие из зоны как дома. Давненько тут не были, а все то же самое. Здесь они именуются теперь транзитом. Идет транзит, тюрьма гудит. И в самом деле, для мусоров транзит излишне хлопотлив. Народ тут пуганый, горлом не возьмешь. Карцера мало кто боится. Начинается перекличка по окнам. Постоянно кто-то выясняет или просит при случае кому-то передать то-то, например, что жить тому-то осталось совсем немного.

Еще в собачнике какой-то мужик останавливается перед Иваном.

- Это что у тебя, скрипка что ли?.. Так сыграй...

Иван достает скрипку и играет «Польку» Рахманинова. Однако не успевает он сделать и начало как в дверь стучит надзиратель:

- А ну, прекратить!..

Мужик, однако, доволен. Он узнал Рахманинова. Теперь доволен Иван тем, что в его исполнении вещи узнаваемы, а ведь “Полька” это штучка не из простых.

Целую неделю транзит парится в камерах и чертыхается. Какого черта тут держат!.. Кто-то возражает: а чего тебе, лежи, жирок нагуливай, а то привезут на лесоповал так там все с себя спустишь. Теперь этого отрабатывают: подумаешь, лесоповал... не пугай маленьких, ничего страшного там нет, хочешь работай, хочешь дурака валяй... Бывалые вспоминают былые времена и рассказы тянутся бесконечно. Все сходится на том, что на дальняках лучше, чем на ближних командировках. Иван вспоминает множество рассказов о лагерях и не знает, что думать. Однако Миша Шматов даже подженился на дальняке. Все зависит от хозяина - начальника лагеря.

Иван сознает, что теперь он не ощущает постоянного голода, как в первое время пребывания в Крестах. Организм приспособился к тому, что дают на 22 рубля в месяц. Но глубокие рытвины на чугунных ступенях лестниц по-прежнему заставляют содрогнуться сколько же людей прошаркало по ним, чтобы выбить такие ямы в жестком металле!..

Днем Иван постоянно читал то одно, то другое. Он старался осмысливать прочитанное, но то и дело ловил себя на том, что думает совсем о другом. Теперь уже первые месяцы в этих стенах ушли далеко, однако, иногда ощущение было такое, словно прошедшие два года провалились куда-то как один миг и те первые месяцы возвращались кошмарным видением. Мучило отсутствие музыки. Временами Иван доставал ноты и вспоминал то, что разучивал с Михаилом Ивановичем, пытался читать то, что еще было недоступно. Иногда он вступал в споры с сокамерниками, поражаясь убогости их знаний, вере в самые фантастические вещи. Он понял как рождаются мифы. Кто-то рассказывал, что у них пастух изнасиловал козу и той родился гибрид. Рассказчик подробно описал как этот гибрид выглядит: с козьей бородкой, с одним копытом и рожками, но лицо человеческое и ходит, как полагается. Жил он в лесу, на глаза людям старался не показываться.

Молодой парень в углу с жаром подтвердил, что и у них в деревне был такой козлочеловек, но его родила баба, отдавшаяся козлу. Пожилой мужик с интеллигентной физиономией с усмешкой заявил, что их описания в точности соответствуют представлению о дьяволе, видимо, его-то они и встречали. Ему возражали, что дьявол это - выдумка, такая же как бог, а козлочеловека видела вся деревня. Он, наверное, и сейчас там живет. В конце концов каждый оставался при своем мнении. Иван вспоминал, что и в их городке пастух изнасиловал козу и той так понравилось, что она ходила за ним и блеяла, еще хотела. Но пастух в следующий раз предпочел шестилетнюю девочку и попался. Говорят, что на суде ему и козу припомнили, ведь есть статья за скотоложество, хотя кому какое дело, если человеку доставляет удовольствие иметь дело с животными. Ведь даже царица Екатерина II предпочитала жеребцов. В Эрмитаже, говорят, специальный станок и теперь хранится. Баба-то была, будь здоров. Самые здоровенные гренадеры не удовлетворяли царскую лоханку. А может выдумки все это?.. как и про педерастию Чайковского.

Так уж устроен мир: прекрасное соседствует с уродливым, а то и совмещается с ним в одном и том же. Какие есть красивые девушки, пока они рот не раскрывают, а как заговорят, так и полезло дерьмо, окутывая внешнюю красоту вонью, все убивающей. Вот тебе и козлонимфа, хотя и раскрасится, как кукла, и надушится приятными духами. Такая и без козла козлочеловека родит.

Выходя на прогулку, транзитчики примечают, что ментов кругом больше, чем обычно. Стремничают, как бы чего не вышло. Гулять в утюге после лагерного «проспекта» скучно. Чувствуешь себя, как навозный жук в спичечном коробке. Когда-то Иван то и дело ловил разных жуков и сажал их в спичечные коробки. Они долго там скреблись, потом умирали и Иван укладывал их на вату в большую коробку из-под конфет. Красивая коллекция была. Он вспоминает и ящик со стеклом, под которым красовались птичьи яйца. Долго он возился, изготовляя этот ящик, чтобы было, как у Сережкиного отца. По его примеру Иван и монеты собирал, старинные и иностранные. Откуда только бралось, но много накопилось, Валерка здорово помогал. Потом увлекся изготовлением чучел птиц. Это большая работа, сначала плохо ладилось, но научился и полку свою украсил несколькими чучелами. Где все теперь? На помойке, наверное, вместе с ящиком окаменелостей и интересных камней. Для матери это всегда был хлам, и с каким должно быть удовольствием она все выбросила; многие годы собирательства и труда.

Наконец распахнулась кормушка и последовала команда: к этапу приготовиться!.. Опять колонна воронков, железнодорожные пути, оцепление автоматчиков, но теперь посадка в телятники. Все сомнения развеялись - впереди дальняк. В вагоне два ряда дощатых нар. На окошках, естественно, решетки из прутьев в палец толщиной. Заполненный вагон закрывается и народ занимает места. Долго нет никакого движения, но вот... вагон дернулся - прицепили паровоз. Еще через полчаса колеса начали постукивать. Поехали. Иван подвешивается к окну. Через полчаса разъезд и станет ясно, поедут ли мимо его городка или свернут на другую ветку. Знакомые названия станций. Сердце начинает биться учащенно. Поезд едет прямо, значит через пару часов, если где-нибудь поезд не тормознут, он увидит родные места.

* * *

Прибытие Вани с Черного моря отметил весь двор, поскольку он вынес громадное блюдо винограду, собранного в заброшенном саду. Сам он на виноград даже смотреть не мог, так как от неумеренного его употребления у него самым злостным образом расстроился желудок. Еще бы... покупать виноград не нужно было. Взял камень, да и сбил кисть с любого дерева вдоль улицы, так как все они обвиты виноградными лозами.

Мальчишки были довольны угощением и, улепетывая виноград, слушали рассказы Вани про море и горы. Потом началось обычное шатанье по двору и пустые забавы. У Валерки появилась половина бинокля и Ваня часто смотрел в него, разглядывая гнезда ласточек под крышей дома и панорамы заборов, огородов, лугов за Воняловкой. Он быстро забыл романтические настроения навеянные в одиночестве на юге. Слоняясь по двору, он придумывал какие-нибудь каверзы. Приехавшего к ним в городок из Мурманска маленького очкастого Алика однажды спровоцировал смотреть в трубочку из кочегарки через дырочку в дощатой стенке, а сам с улицы помочился в эту дырочку. Алику залило все лицо. Присутствующие одобрительно ржали, когда Алик вышел из кочегарки и начал протирать очки. Но через минуту он горько заплакал и Ваня, как всегда в подобных случаях, ощутил жгучее раскаяние. Он не боялся, что Алик пожалуется и ему будет взбучка. Ему действительно было неприятно, что он вот так, ни за что, ни про что, обидел хорошего мальчика, который ничего не может с ним сделать. Ваня бросился к Валерке: дай бинокль!.. Потом он начал, запинаясь, говорить Алику, что он не хотел, но так получилось. Вот... пусть Алик посмотрит в бинокль, ведь ему никогда не достается. Через пару минут Алик успокоился с удовольствием разглядывая приблизившиеся предметы. С этих пор Ваня был с Аликом очень почтителен. Этот мальчик чем-то напоминал ему его самого когда-то.

Отношения с дядей Лешей наладились и, когда он как-то снаряжал патроны, Ваня попросился с ним на охоту. Дядя Леша не только сразу согласился, но разрешил еще пару приятелей прихватить. Они отправились в сторону, куда Ваня редко ходил, так как нужно было долго еще идти по улицам. Пират был очень доволен. Он носился взад-вперед и норовил лизнуть мальчишек в лицо. В лесу пахло хвоей и мхами. Пират теперь рыскал впереди, как полагается охотничьей собаке. За ним шел дядя Леша с ружьем наготове, а сзади тянулись мальчишки, разговаривая шепотом. Когда кто-то наступал на сухой сучок, Ваня с негодованием оглядывался: тише ты, всю дичь распугаешь!.. В один прекрасный момент сбоку затрещали птичьи крылья. Дядя Леша мгновенно вскинул ружье и выстрелил не целясь. Кто-то тяжелый рухнул, ломая сучки. Откуда-то со стороны туда промчался Пират, за ним помчался дядя Леша и все остальные. Пират уже нашел тетерку и по-

тащил ее в зубах куда-то дальше. «Пират!..» - заорал дядя Леша. Пес повернулся и принес добычу, глядя виновато, дескать, черт попутал. Тетерка была увесистая. Все ее по очереди подержали. Довольный дядя Леша погрозил пальцем Пирату: ишь, опять сожрать хотел где-нибудь такую курицу. Пират снова виновато отвел глаза и облизнулся.

Потом на дереве невысоко увидели останки птицы. Ваня слазал и достал пучок перьев, среди которых были небесно-голубые. Дядя Леша сказал, что это ястреб растерзал сойку. На бугорке грелась гадюка. Дядя Леша разнес ее выстрелом. На обратном пути дядя Леша, как и обещал, дал Ване выстрелить из ружья в ствол дерева. От отдачи Ваня качнулся. На стволе дерева забелело пятно. Приятели стрелять отказались, глядя как Ваня потирает плечо.

Во дворе было много разговоров об охоте. Каждый что-то вспомнил, о чем не было упомянуто, добавив собственные впечатления. Стась сказал, что Ваня чуть не упал после выстрела, что Ваню, конечно, возмутило. Он заявил, что и не собирался падать, а от отдачи надо отводить плечо, тогда она меньше ощущается. Потом начали высмеивать Пирата, как он хотел было уволочь тетерку и слопать ее где-нибудь под кустиком. Ваня защищал свою собаку, заявив, что Пират осознал вину, а это самое главное. И вообще, если они так плохо говорят о Пирате, то в следующий раз Ваня не возьмет их на охоту. А Пирату было больно нюхать, так как этот подлый Казбек опять ему нос прокусил. Мальчишки притихли, зная, что у Пирата с Казбеком вражда нешуточная и когда они дерутся, то к ним страшно приблизиться. Как у людей, есть у собак какие-то свои причины для глубокой ненависти, но даже для хозяина они остаются тайной. Может быть встретились когда-то собаки в плохом настроении или хотя бы кто-то из них, не в духе будучи, обнюхал метку другого на углу сарая и уже тогда решил задать оставившему метку трепку, пусть только встретится.

Как бы то ни было, Пират и пегий сеттер Казбек, живущий неподалеку в сарае, терпеть не могли друг друга. Даже издали завидев друг друга, они мчались навстречу один другому и немедленно свивались в злобно рычащий клубок. Весовая категория у обоих была одинаковая; ярости обоим было не занимать, и схватка происходила с большим напором. Однако Казбек все же был аристократическим кобелем и соображал лучше, чем Пират, родословная которого была делом чрезвычайно темным. Пират не был способен придумать какой-либо прием. Для него важно было только покусать врага побольше, да потрепать за болтающееся ухо, если подвернулось. Но Казбек придерживался определенной тактики. Он прекрасно сознавал, что пасть Пирата - штука болезненная и ее необходимо нейтрализовать. Казбек выбирал момент, хватал Пирата за нос и держал. При этом оба пса напряженно переступали, исходя глухим рычанием. Не было никакой возможности приблизиться и растащить их. Только когда появлялся сам Турутин - хозяин Казбека, драка заканчивалась. Выставив огромное брюхо, Турутин брал палку и безжалостно колотил собак, причем, как отметил про себя Ваня, больше доставалось Пирату. Конечно... Не зря же он какой-то там энкэвэдэшный начальник, что ему чужая беспородная собака!.. Он запирал Казбека в сарай, а Пират отправлялся в свой огород, в будку зализывать нос.

Проходя мимо сарая с Казбеком, Ваня всегда двигал ногой в дверь - пусть он там побеснуется! Может, сдохнет от ярости! У Пирата давно уже сложились свои социальные симпатии. Както около его будки Ваня увидел лежащего пьяного. Это оказался дядя Родя из деревни в 2 км за Воняловкой. Самое странное то, что Пират не обращал на него никакого внимания. Однажды дядя Родя проходил мимо полупьяный и рассказал Ване, что был случай - не мог идти дальше и привалился к будке Пирата. Вроде бы Пират его слегка тяпнул, но потом признал за своего и с тех пор дядя Родя частенько ночевал у собачьей будки под надежной охраной, поскольку до дома далековато, не дотянуть.

Зато мужиков в мазутной одежде Пират терпеть не мог и, поскольку обычно он не был на привязи, так как изорвал все цепи, то выскакивал с яростью из огорода и бросался с диким лаем на грязного мужика. Не раз ему крепко доставалось то палкой, то камнем, но это только усиливало его неприязнь. Ване не раз приходилось оттаскивать разъяренного Пирата, тужась изо всех сил, так как у собаки сил было едва ли меньше.

Пацаны сидят, как обычно, на дровах и балагурят. Пират лежит внизу, но ему скучно, он зевает с привизгиванием, потом поднимается и убегает. Чем заняться?

Слазали в огород к бабке Веселихе. У нее там созрела смородина красная и черная и крыжовник. Все же у дома надоело. Ваня уговорил Шувала отправиться в соседний городок смотреть старинную крепость. Чтобы не шлепать 10 км, они подождали проезжающую грузовую машину, догнали ее и забрались в кузов. Там катались пустые железные бочки и это было некстати. Всю доро-

гу приходилось отталкивать бочки, которые при недосмотре весьма ощутимо прижимали мальцов к борту кузова. Против крепости они оставили этот малоудачный транспорт. Часа три они лазали по крепости, изумляясь толщине ее стен и неприступности башен. Маленькая беленая церковь была хорошо закрыта, но и снаружи имела приятный облик. Должно быть в ней молились, чтобы защитников не одолел враг.

Громадные ворота под башней внушали трепет. Перед ними была каменная насыпь, а во дворе крепости сразу за воротами росла густая трава и было торжественно тихо. Столетия пронеслись с тех пор, как по этой траве бегали люди с топорами и допотопными ружьями. Ваня рассказывал, что где-то здесь похоронен знаменитый князь в золотом гробу. Хорошо бы найти этот гроб и отломать от него кусочек. Они обшарили все уголки, но нигде не было даже намека на скрытый грот, где мог бы лежать гроб. А тут и есть захотелось. Пошли в шоферскую «Чайную» и съели тарелку дармового хлеба. Взялись было за вторую, но толстая тетка прогнала их, начав орать на всю «Чайную» про нахлебников. В «Чайной» стоял ровный гул питейного заведения.

Тут и расположились ждать попутный транспорт. Скоро подъехали два грузовика, один на прицепе у другого. По традиции шофера пошли пить чай. Только через полчаса они вернулись дружески поддерживая друг друга и с трудом ворочая языками. Однако быстро завелись и тронулись. Ваня с Шувалом скоро заняли свои места у заднего борта и были довольны, что на этот раз нет бочек, можно смотреть по сторонам. Скоро закралась тревога. Их машина, шедшая на прицепе, моталась от одного края дороги к другому. Уже проехали несколько километров по дороге напоминающей увеличенную стиральную доску. Шувал перебрался к боковому борту, повернулся к Ване и хотел что-то сказать, но не успел. Машина на полном ходу врезалась в столб. Ваня, сидевший в углу кузова, взлетел, пролетел кузов и, влепившись в кабину, рухнул на дно кузова, успев удивиться, что небо стало черно-фиолетовым. Еще раз тряхнуло и машина завалилась в канаву, выворотив столб. Шмякнувшись уже об борт, Ваня очухался. Шувала не было. Ваня перелез через борт, чувствуя боль в ноге и захромал к Шувалу, который сидел недалеко и плакал. Когда машина врезалась в столб, он ударился подбородком о борт и вылетел из машины. На земле он потрогал передние зубы и они остались у него в руке.

Предвидя, что еще со стороны шофера могут быть неприятности, мальчишки поковыляли прочь и уже далеко отдалились, когда из кабины вылез шофер. Первая машина, ведущая, оторвалась и усвистала.

Оставшийся путь проделали пешком, сочинив версию, что Шувал упал в крепости со стены зубами об валун. Вскоре он привык щеголять без передних зубов, которые вставил только в армии.

Осенью Ваня собирал урожай на своей грядке. Он был горд, что у него выросли гречиха, лен и даже чумиза. Задолго до кукурузного бума, введенного в стране Хрущевым, получившим прозвище «кукурузник», Ваня понял, что в их краях кукуруза не успевает вызреть. К осени образуются лишь маленькие початки. Само растение, конечно, годится на силос, но ведь это какие затраты, в то время как силос можно делать из любой травы и ботвы.

Почитав дневники Миклухо-Маклая, Ваня стал записывать то, что видел на лесных прогулках, на которые он постоянно увлекал дворовых приятелей. Романтический дух дальних странствий по-прежнему жил в нем, но теперь он сменил морскую форму на геологический молоток. Хотя он и продолжал запускать на Воняловке свои корабли, это уже была дань прошлому. Однако природа влекла его в целом. Когда он ходил в лес один, то особенно остро ощущал ее собственный дух. В нем пробудились языческие начала, которые неизменно сопутствуют внутреннему миру человека пока он живет в тесном общении с природой. Те системы взглядов, которые создали ученые в прокуренных кабинетах, имеют очень мало общего с действительностью и, чтобы это понять, нужно просто проникаться природой в детстве, когда она сама питает душу без руководящей роли школы и прочих социальных ячеек. Социум вносит в душу ребенка хищнические побуждения. Ваня был убежден, что для блужданий по лесу необходимо ружье. Сколько раз он поднимал на крыло тетеревов и рябчиков, которые могли бы оказаться в кастрюле. Да и множество птиц исчезают не узнанными, а если бы было ружье, он застрелил бы их и определил как эти птицы называются. Отношение Вани к способу познания нельзя назвать жестоким, потому что вся наука обогащается фактами из жизни природы преимущественно изымая из этой жизни фактический материал, приходя в природу со стороны как в ничейный сад. Любой наукоделатель возразит: а как же иначе!.. И в сущности будет прав. Современное общество настолько отошло от природы, что людям не приходит в голову исследовать ее изнутри, а, если это кто-то и понимает, то он ничего не может

сделать против установившихся традиций. Главное в этом то, что исследование изнутри приводит совершенно к иной системе взглядов по сравнению со складывающейся при изучении природы снаружи. Нужно найти ворота, ведущие внутрь, но каким респектабельным ученым это нужно?!. Они стоят у штурвала корабля науки, добравшись до него по крутым лестницам социального обмана, и зачем это им еще что-то искать, ворота какие-то?!. Бред!..

Учеба шла все хуже. Теперь уже на памяти выехать было нельзя. Нужно было заниматься , но это казалось Ване столь никчемным сводить концы с концами. С матерью случались на этой почве конфликты, но рукоприкладства она теперь не допускала, а лишь злобно говорила: давить надо было в зародыше... Однако момент был упущен и, выслушав материнское “благословение”, сынок отправился на улицу. Вероятно, мать сожалела позднее о своих высказываниях. Во всяком случае иногда она давала Ване деньги на покупку очередной книжки или на кино. Бабушка говорила внуку, что он вправе требовать с матери, потому что она получает на него алименты более 200 рублей, а расходует меньше, так как одежду ему покупает редко и самую дешевую, а кормит одной картошкой с капустой, да кашами. Бабушкино просвещение стимулировало Ваню к попрошайничанью.

Дядя Леша опять имел какие-то халтуры и каждый день являлся пьяным. При этом он всем был недоволен, обсуждал Ваню, называя его щенком. Ваня сидел в своем углу, стараясь читать и думал, что вот, он вырастет так он уж задаст этому выродку «щенка». Как-то дядя Леша был и вовсе неуемен. На реплику матери он вскочил, повалил ее на кровать и начал душить. Мать заверещала. Ваня схватил геологический молоток, подошел сзади и крикнул: «Отпустите!..». Дядя Леша через плечо оглянулся и зыркнул на Ваню красными глазами, потом лягнул его. Размахнувшись, Ваня опустил молоток тупой стороной на голову отчима. Тот замер и отвалился на кровати вбок. Ваня отступил в свой угол, где встал боком, скрыто держа молоток вдоль ноги.

- Та-ак, - протянул дядя Леша, садясь на стул у стола, и, глядя на Ваню, - вырастила, наконец, разбойника!..

Он проводил рукой по волосам и Ваня заметил, что с каждым разом рука все более обагряется кровью. Дрожа мелкой дрожью всем телом, Ваня тонким голосом проговорил:

- А чего вы мать душите?!.

Мать лежала на кровати и рыдала. Девчонки тоже орали во весь голос. Дядя Леша встал, уверенной походкой прошел к дверям (хмель у него вышибло), оделся и, хлопнув дверью ушел. Ночь была тревожная. Добавит где-нибудь, да снова явится дебоширить. Ване было жутко от мысли, что он ударил человека, пусть даже отчима, молотком по голове. Мать, причитая, ходила как потерянная.

- Чем ты его шарахнул?..

- Молотком...

- Ой, убить ведь мог бы!..

- Ну да, убьешь его, как же...

Дядя Леша не появлялся неделю. Кто-то сказал матери, что он ходит с перевязанной головой и на вопросы отвечает, что упал на битые кирпичи. Вернулся он, однако, без повязки, как ни в чем не бывало.

- Папа пришел!.. - бросились к нему девчонки, которых его отсутствие озаботило больше, чем все предыдущее.

С матерью они некоторое время не разговаривали, но дядя Леша миролюбиво спросил, будут ли его сегодня кормить и мать побежала на кухню за сковородкой. Ваня настороженно сидел в своем углу, но, видя, что на него не обращают внимания, занялся своими делами, которых становилось все больше.

Он вспоминал Жигуля, пырнувшего ножом хахеля своей матери. Наверное, там что-то подобное произошло. Не стал бы Жигуль за просто так тыкать человека ножом. Жигуль так никогда и не рассказал, что у них вышло. В школу он теперь не ходил, но по-прежнему отбивал подметки в кружке русских плясунов в клубе.

Ваня понимал, что случившееся в их доме будет иметь продолжение и кто знает... во что оно выльется. Ясно лишь, что ничего хорошего не будет. Стараясь сосредоточиться, он читает «Охотничьи просторы», выданные ему для прочтения дядей Мишей - Генкиным отцом. Пора и самому в лес.

Приятно не спеша ехать по лыжне на хорошо знакомой просеке. Здесь постоянно проезжают охотники на широких лыжах и какие-то, должно быть, любители кататься на лыжах, иначе просто непонятно, почему лыжня всегда укатанная, и лишь после метели она целиком занесенная. Вместе с тем, люди здесь встречаются очень редко, не то что на Двугорье, куда многие ездят, чтобы раз за разом съезжать по склонам в лощину, откуда опять подниматься наверх. Кругом шум, веселье. Нет, лучше потихоньку двигаться на ровном месте, погружаясь то в себя, т в окружение, особенно когда появляется что-либо примечательное.

Бывает, что лось пересечет просеку в каком-то десятке метров. Треск от него слышен издалека. Увидев на просеке человека, лось не очень-то пугается и скорости не прибавляет. Ружье из-за плеча не торчит, нечего и пугаться. Лось явно знает, чего надо бояться. Что такое один человек без ружья по сравнению со стаей волков, которые приближаются со всех сторон. Пока какому-то особенно ретивому череп не проломишь копытом, так и будут скакать кругом. Потом возьмутся за труп ретивого неудачника, зачем мясу пропадать? Тем временем можно уйти.

Лось зверюга уважительный, но уж больно большой, аж оторопь берет, когда он покосится, труся мимо по брюхо в снегу. Черт его знает, взбредет ему лягнуть от нечего делать. Но нет, мимо пошел. Это человек может от нечего делать лягнуть другого человека, а зверю нужен повод.

Снег искрится в лучах тусклого зимнего солнца. Мерзнут концы пальцев в старых военных рукавицах, у которых, кроме большого пальца, есть еще и указательный, чтобы на спуск курка нажимать. У деда где-то завалялись эти рукавицы с войны, наверное, выменял у кого-то на пачку махорки.

Вдоль края леса множество разных следов. По книгам Ваня давно уже изучил у кого какие следы. Каждый по-своему следит. Вот аккуратная цепочка лисьих следов вышла из леса и включилась в наброды мыши - наискосок парных следков с полоской посередине (хвост волочился). Мышиный след оборвался у дырочки в снегу - ушла мышь под снег. Лисий след ведет дальше. Ага, прикопка - услышала, видимо, хищница шорох под снегом и начала разрывать снег... вишь, как спешила, на 1,5 метра снег отлетал. Но непонятно, удалось ли ей поймать мышь. Может быть успела мышь добраться до соседнего пня и укрыться в его основании между отходов корней. Судя по следам, так и было. Разрыла лиса снег, а потом подошла к пню и тоже покопала немного. Но здесь-то она вряд ли поживилась...

У другой мышиной дорожки кругленькие парочки следов горностая. Эта мышь наверняка попала на обед. Горностай и под снегом чувствует себя как на снегу. Только в совсем узкую щель между корнями под пнем мышь может от него сбежать. А зачем мыши на снег вылезают и бегают по нему?.. Моцион, что ли, совершают?.. Ведь ничего съестного тут не находится, а опасность велика. Даже пролетающий ворон бросается, как ястреб, завидев гуляющую мышь. Иногда видны следы от его распластанных крыльев на мышином следу. А может быть это сова ночью? Куда там ворону мышь ловить? Ему бы что-нибудь готовенькое, сдохшее.

Около упавшей осины зайцы весь снег истоптали и усыпали своими «лимончиками». Среди снежных шапок к осине ведет хорошо натоптанная зайцами дорога. Не одну ночь они уже грызут ноздреватую горькую кору, и пока еще лиса не набрела на эту заячью жировку. Похоже, что тут добрый десяток ушастиков собирается по ночам, а потом разбегаются кто куда. Ваня уже не раз ходил по следу зайца или, как говорят охотники, тропил косого. Он уверенно разбирал его вздвойки (когда заяц бежит по своему следу назад, а потом делает прыжок в сторону) и сметки (когда заяц делает петлю и прибегает опять к своему следу, прыгает метра на три в сторону, за какую-нибудь елочку). Все его фокусы давно известны, хотя кого-то он может быть и облапошит. Но даже собаки-гончаки знают, что если заячий след оборвался, нужно сделать небольшой круг и след обнаружится. Прервавшийся было лай (скололся пес) возобновится с новой силой: ах, он негодяй! и где-то стоящий наготове хозяин удовлетворенно улыбнется: пошел дальше...

Ваня сам исполнял роль гончака, только молча, по вздвойкам не ходил (того не кумекает ушастый, что только задние лапы, которые он выбрасывает дальше передних, попадают в прежний след, а передние делают новый след и сразу видно, что заяц просвистал по своему следу обратно). Иногда приходилось делать круг и искать, куда косой махнул с кучи бурелома или сделав петлю. Обычно тропление кончалось тем, что впереди взметывался фонтан снега. Это Иван добрался до лежки зайца, который залег, обратившись к своему следу и, как говорят (словно видели), спит одним глазом. Во всяком случае, подойти и взять спящего зайца за уши еще никому не уда-

валось. Иван не успевал даже толком увидеть зайца, как того уже и след простыл. Оставалось только испытывать удовлетворение от того, что он все же добрался до потайного места.

Еще на полях иногда встречались волчьи следы. Стало быть, ночью волки подходили к деревне, видимо, надеясь поживиться какой-нибудь дурой шавкой, которых в деревне было больше чем достаточно. Но все дуры нынче поумнели и предпочитают гамить из-под надежного прикрытия. Волкам оставалось только слушать и рисовать себе в воображении разрываемого на части друга человека. Немного лет пройдет, и в тюремной камере голодный Иван будет точно так же рисовать себе в воображении, как он забрался ночью в городскую столовую и пожирает с витрин бутерброды с килькой пряного посола, с яйцом и запивает сметаной.

По следам волков Ваня не ходил. Наоборот, заслышав из глухого леса за ручьем (который они со Стаськой пересекали еще в короткоштанном детстве с перочинными ножами наготове) сдавленное сорочье стрекотанье (ага... вот они где!..) выбирал другой путь (жрать ведь очень хотят!..) Обычно волки идут друг за другом, след в след, но в конце зимы парочка следов струилась рядом. Видимо, волчина на ходу объяснялся в любви волчице. Однако опять к деревне приходили и в любви объясняться приходилось на пустой желудок на обратном пути к лесу.

Многое читается по следам, если уметь видеть. Каждый идущий оставляет за собой следы, которые могут быть прочитаны, и тогда тайное становится явным.

~ 40 ~

Смело верь тому, что вечно.
Безначально, бесконечно -
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.
(М.Ю.Лермонтов)

Мчится поезд, пронзая пространство. Мелькает за окном зеленая пестрядь с темными штрихами и искристыми бликами. Но отбрасывается ближнее и медленно проплывает дальнее. Перестук колес создает ритм, с которым вступает в резонанс что-то внутреннее. Внешнее мельтешение заводит внутреннее мелькание образов, запечатленных когда-то. Не подчиняясь временной последовательности, вступают они в бессвязное мелькание вместе с заоконным калейдоскопом. Рождается звучание подстать хаосу снаружи и внутри. В странном хорале цветомерцаний проносятся сонмы запечатлений и какие-то забытые или непережитые мгновения врываются в фейерверк. Сквозь обрывки мелодий слышны голоса, но нет слов на знакомом языке. Нежные зеленые звуки сменяются оранжево-красным грохотом незнаемых извержений.

Поплыл вдруг простор с упавшим в озера небом и бегущими по высокой траве волнами. Раскатились органные звуки до края небес, где огненно-белые облака протягивают друг другу щупальца. Промчалась недвижимая фигура у домика, как маленький всплеск флейты. О, человек!.. Пискнул ты свою партию в этой всеобъемлющей симфонии своего собрата неведомо для себя. Из внутренней глубины отозвался тебе аккорд. Прозвучала сладкозвучная оранжевость соснового ствола, охваченная зеленой пеной. Воспарил ввысь незримый шорох. Знакомый лик мелькнул и закрылся солнечными лучами.

Снова забурлило зеленое и из-под него вынырнуло нечто знакомое и застряло в стуке колес. Вот оно очистилось от длинного крика и замелькало крейслеровым Allegro.

Покосились лучи солнца и устроили обстрел через древесную колоннаду. Взорвалась ослепительная водная гладь, но черные силуэты дерев усыпили блеск. Бледная луна взошла над миром в ожидании. Застлались туманы по лугам, укрывая ромашки. Завиднелся незнакомый город - многим родина, кому-то чужбина. Блеснула первая звезда в ритме Adagio. Столетия плавает творение Альбиони в звездном мерцании и даже в кутерьме колесных вихрей находит пути в человеческие глубины.

Приходит ночь, устанавливая двухцветную гамму за окном. Но пестреют мирным многоцветьем поднятые из внутренних недр образы, слагающие теперь меланхолические сочетания. Мчится поезд в ночи. Мчится Земля по своей орбите. Мчатся в космической пыли мысли. Их клубящиеся спирали, влекомые потоками времени, растягиваются в воронки частиц и

галактик, уходят бездонными конусами в человеческое существо. У окна несущегося поезда закручивается внутри человека вихрь, в который постепенно вовлекаются элементы мирового вихря. Тогда видит и слышит он неизвестное ему доселе. Мерещатся ему в мерном перестуке и мелькании земного далекие миры, куда стремится дух.

* * *

Поезд, груженный зэками, неторопливо постукивает колесами. Иван смотрит на проплывающие станции со знакомыми названиями: сколько раз он здесь проезжал. На лугах косари, поставив ладонь козырьком над глазами, смотрят на поезд. Видят ли они, что это зэков везут?.. На станциях сидят на лавочках люди с вещами, ждут должно быть пригородный поезд. Они с удивлением смотрят на зарешеченные окна вагонов, в которых видны лица.

Пошли знакомые Ивану места. Сюда они ходили за морошкой и голубикой. За обширными болотами с мелкой сосной словно острова стоят отдельные темные леса. Иван знает, что они прохладные и мшистые. Бывает, что там очень много грибов.

Поезд приближается к городку, откуда два года назад начался крестный путь Ивана. Проплыла окраинная деревня, за ней пошли бараки. В крайнем бараке живет Алька. Это им угнанный велосипед Иван неверно указал, с какой стороны дверей в магазин он стоял. Около барака никого не видно. Сложив ладони рупором, Иван изо всех сил крикнул: «Алипука!..». С тормозной площадки донесся голос охранника.

- Ты еще накличешь тут на всех неприятности, - здоровый мужик неодобрительно смотрел на Ивана.

Придет время, когда Иван узнает, что Алька его услышал и даже выскочил на крыльцо, но поезд уже прокатил, а к вокзалу он не догадался сходить. Поезд остановился на третьем или четвертом пути. Загремела, отъезжая, дверь вагона.

- Кто кричал? - гаркнул конвойный с автоматом на груди.

- Да никто не кричал, это на улице, - сказал какой-то голос с нар.

- Еще раз услышу, воды не получите, - пригрозил конвойный.

Два солдата подняли в вагон бидон с водой. Дверь захлопнулась. Из-за стоявшего рядом товарняка перрон не был виден. Мимо прошла группа путейских рабочих. Одного парня Иван знал в лицо, хотя знаком с ним не был. Парень несколько изменился, возмужал. Иван подумал, что, наверное, все изменились за это время. Потом он смотрел на реку, с которой было связано много воспоминаний. Дубовая роща над рекой, в которой была городская танцплощадка, темнела вдалеке. Наконец, памятные места исчезли и Иван залез на нары, лег на спину и погрузился в прострацию.

На некоторых узловых станциях они подолгу стояли. Станционное начальство правильно мыслило, что зэкам спешить некуда. Лесоповала хватит еще надолго.

Проехали Архангельскую область. Пошла Коми АССР. После Сыквтывкара наступило ощущение близкого конца пути. Наконец поезд стал. В окно были видны многочисленные солдаты с автоматами и собаками. Потом двери вагонов раскрылись и из них вывалила огромная серая толпа. Раздалась команда построиться и идти за офицером. За поворотом показался знакомый пейзаж - высокий забор с козырьком из колючей проволоки и вышками. У ворот лагеря стояла группа офицеров с пузатым полковником на переднем плане. Толпа зэков остановилась.

Пузатый прокричал небольшую речь, из которой следовало , что раньше они находились в колонии , а теперь прибыли в лагерь. Всякое нарушение порядка будет жестоко караться. В углу зоны строится свой бур* , пусть это каждый усвоит. Потом начался шмон, впрочем, весьма поверхностный, так как слишком много прибыло зэков. В зоне тянулись деревянные мостки, из-под которых лезла желтоватая трава. Бараки были более расставлены, чем в предыдущей зоне. Поодаль виднелся полуразрушенный барак без окон и дверей, что Иван сразу отметил, как возможное место для занятий на скрипке. Между рядов бараков лежали горы бревен. На дощатых тротуарах кое-где сидели местные зэки и разглядывали вновь прибывших, которые скучились у крайнего барака, ждали команды. Какие-то два юнца-баклана уже наяривали на гитарах и самозабвенно пели:

---

* Барак усиленного режима

«Одесса мама, запомни мама, запомни мама, еще вернемся мы». Прошел старожил, циркнул слюной сквозь зубы, презрительно глядя на красных от натуги юнцов.

Местные в основном имели блатной облик и весьма специфическую манеру речи, свойственную этой категории зэков. Скоро стало известно, что зона новая и местные тут тоже недавно - воркутинский этап, прибывший пару месяцев назад. По большей части воркутинцы - народ сиделый, почти у каждого червонец за спиной. А есть вообще
легендарные личности. «Папаша», например, сидит с 37-го года - бендеровец. Несколько человек сидят с 45-го года. Чифирь здесь варят на костерке, сидя на мостках. Начальство на такую мелочь смотрит сквозь пальцы. Стукачей здесь пока нет.

Первое впечатление от новой зоны вполне положительное, особенно после тесноты в теплушках. Завалы бревен напоминают лесозавод в родном городке. Среди бревен хорошо, пахнет смолой и деревянным уютом. Зимой-то, видимо, не жарко здесь, то-то запасы дров хорошие.

Прибывших отвели в дальнюю часть зоны, где стояло несколько больших палаток. Еще на входе каждый узнал, в какую бригаду зачислен и теперь люди присматривались друг к другу, с кем жить прийдется. После обустройства бугор - молодой подвижный мужик - спросил кто хочет быть шнырем. Обычно на эту должность назначается пожилой человек, но в бригаде таких не оказалось. Желающих быть шнырем, т.е. постоянно находиться в зоне и ничего не зарабатывать, не было. Тогда подал голос Иван: “Давай я буду”. Бугор предупредил, что вставать он должен раньше всех, принести пайки хлеба и бачок с водой. К приходу бригады с работы надо затопить печку и натаскать дров, а когда переселятся в барак, то вымыть пол в кубрике. Если не будет к нему претензий, то бригада будет ему немного платить, - на махорку.

Длинный тощий Володя с торчащими в стороны ушами уже заговаривал с Иваном. Теперь он поинтересовался, зачем Иван захотел шнырить. Тот объяснил, что хочет многим заниматься, в том числе на скрипке, а после работы на лесоповале какая может быть скрипка?!. Володя сказал, что на лесоповале хорошо зарабатывают, но Ивана это не интересовало. Мать с бабушкой все равно сюда не поедут, а стало быть и деньги не нужны. Махорки пришлют в бандероли, это не дорого.

Общество рассудительного Володи Ивану было приятно и они совместно познавали жизнь новой зоны. Выяснили , что бормочущий пожилой мужик странного облика это Люська - местный педик. В столовой у него персональная миска, которую он получает в задние двери. В столовую ему вход запрещен зэками. Молодые люди решили, что это не логично, если уж пользуют Люську как даму, так и надо обращаться с ним соответствующим образом. Однако «дама», конечно, симпатий не внушала; было непонятно, кто мог прельститься на такое чучело.

Иван боялся проспать и попросил старика шныря из соседней палатки разбудить его. В хлеборезке оказался весьма молодой воркутинец с блатной хриплой речью. Чем-то Иван ему приглянулся и они хорошо поговорили. Воркутинец отбухал уже 12 лет. Он сказал, чего лучше не делать, если нужен чай, то у него всегда можно купить, план на зоне бывает редко, не довозят.

Жизнь пошла своим чередом. Пока лето и светит солнце меньше забирает тоска. Тем более и здесь целый день Иван один и может спокойно читать, рисовать, музицировать и собирать щепу для печки. Вечером он пошел с Володей в барак безокон и дверей. Однако оказалось, что это резиденция Люськи, который стоял у чердачного проема и покуривал. Пришлось немедленно уходить, чтобы кто-то не подумал, будто они к Люське «в гости» пришли.

- Откуда у него махорка?..

- «Заработал» должно быть!..

Потом разнесся слух, что из вновь прибывших какой-то молодец уже проигрался вдрызг и поставил на кон свою задницу. Проиграв и ее, он бросился бежать и прыгнул в запретку, где лег на землю. Компаньоны по игре стояли перед запреткой и обещали достать его где бы то ни было. После выстрела прибежали менты и увели молодца.

- Это, наверное, кто-то из «одесситов», - сказал Иван Володе.

Говорят, что раньше, если кого-то где-то «приговаривали», то у него было мало шансов на спасение. Не в одной так в другой зоне зарежут. Со старожилами лучше не иметь никаких дел. Многие из них потеряли человеческие качества, если когда-то их имели. За долгие годы лагерей они превратились в новую расу человекообразных существ, для которой ценность жизни определяется околоживотным уровнем, сдобренным дешевыми символами и местом в иерархии себе подобных, достигнутым путем отрицания этой самой ценности жизни.

Днем на зоне людей почти нет. Лишь изредка покажется вдалеке серая фигура словно бы с другой планеты. Однако в столовую никто не опаздывает и оказывается, народ на зоне есть: шныри, больные и всякие придурки. Бывает, что раздавальщик спросит: побольше?.. Да и вбухает пару лишних черпаков весьма густой каши. После такой заправки приятно полежать с томом Глеба Успенского или Алексея Толстого.

Палатка под порывами ветерка шевелится, как живая. И хлопает, отвлекая от книги. Надо бы походить среди бревен, да щепок набрать для печки. Вечером ее увешают портянками и в палатке установится ни с чем не сравнимый дух, на который никто не обращает внимания, дело нужное, особенно когда дождь.

Володя рассказывает, что работает на эстакаде сучкорубом. Ничего страшного, трактор привезет спиленные деревья, и знай себе, топором помахивай, да ветки в костер таскай. Он, действительно, всегда такой довольный, словно на курорте находится, и про всех в бригаде он что-то знает и рассказывает Ивану, кто есть кто, но тому это мало интересно.

В сумерках в палатке горят две маленькие лампочки. Читать невозможно. Остается только беседовать в полутьме ни о чем, обо все, или прогуливаться по скрипучим мосткам. Но, как и прежде, над забором вспыхивает ряд ярких лампочек, с вышек бьют прожектора, а по другую сторону забора взбрехивают басом «друзья человека».

* * *

Ванино желание приобрести ружье внезапно осуществилось. Весной Ванька длинный из Ваниного класса сообщил ему, что в их бараке один мужик продает берданку за 35 рублей. Это было очень дешево и Ваня весь извелся, клянча полдня у матери нужную сумму. Наконец мать не выдержала. Крикнув сыну: попробуй только не закончить 7-ой класс, она бросила ему деньги. Взбудораженный Ваня помчался напрямик, через заборы к баракам. Он сразу нашел продавца и они пошли за сарай, где Ваня громыхнул из берданки в свою шапку и, пересчитав на ней дырки от дроби, остался доволен. То, что в городе стреляют средь бела дня, никого не удивляло, особенно среди бараков. Вот когда застрелят кого-то, тогда и волнение будет , милиция приедет: надо же, убили!..

Сортиров в бараках не было. В виде вонючих дощатых домиков они стояли обычно за сараями. Иногда их чистили. Недавно в одном из сортиров ассенизаторы обнаружили труп ребенка. Весть быстро облетела округу и мальчишки побежали смотреть. Милиция не спешила: подумаешь, труп ребенка, поди сыщи, кто его туда отправил. Среди зловонной жижи плавал серо-зеленый голый трупик, явно новорожденный. Мальчишки потом долго обсуждали: принесла его мамаша в руках и бросила в очко или родила прямо туда, барачная была мамаша или пришлая. Серега, как сын зубного врача, доказывал, что мать была пришлая, так как до рождения ребенка должно быть пузо, а это все бы заметили. Ему резонно возражали, что, когда какая-то девка в соседнем общежитии техникума родила, то для всех это было неожиданностью. Никакого пуза у нее не было заметно так хорошо она его подтягивала. И никто бы не узнал про случившееся, так как она засунула ребенка в чемодан с тем, чтобы потом вынести на помойку. Но у нее началось сильное кровотечение, вызвали «скорую» и все вскрылось.

Проходя с берданкой мимо памятного сортира, Ваня зашел в него и заглянул в каждое из ряда очков, стараясь не дышать невероятной вонью (и как они здесь сидят?..).

Теперь Ваня регулярно ходил на охоту. Обычно его сопровождал Валерка. Первой добычей стала птичка овсянка.

- Немного жалко, - сказал Валерка, пожимая Ване руку.

Когда встречалась настоящая дичь, обязательно происходил какой-нибудь казус: то ружье на плече, то спуск не нажимается, то вообще забыто, что есть ружье. Ваня рассуждал, что ходит не за добычей, а ради удовольствия.

Седьмой класс остался позади. В табеле у Вани были 4 тройки и остальные четверки.

- Ну ладно, хоть так, - сказала мать.

Ваня напомнил про обещанный фотоаппарат “Смена” после окончания седьмого класса.

- Сейчас денег нет, немного подожди...

Был первый в жизни бал. Оказывается почти все умели танцевать и только Ваня с Генкой стояли у составленных стульев. Внезапно к Ване подошла Лиля Блумберг.

- Пойдем танцевать!..

- Да я не умею...
- А не надо уметь, видел ведь как ноги переставляют туда-сюда...
- На ногу могу наступить...
- А ты не поднимай ноги от пола, пойдем...

Они вошли в колышущуюся толпу и Ваня неуверенно положил руку на Лилину талию.

- Два шага вбок, один назад, поворот и опять то же самое, - поучает по ходу дела Лиля.

Кажется что-то получается, в толкучке не заметно. Ваня поднимает глаза и видит так близко эти серые лучи, что его бросает в жар. Лиля смотрит на него, как всегда прямо и улыбается.

- Прыщавая стала, - думает про себя Ваня.

Сзади кто-то сильно толкает его и он соприкасается с Лилей, ощутив ее маленькие упругие груди.

- Тяжело тебе танцы даются, лоб-то мокрый, - ехидно встречает его Генка.

Потом Ваня все время думает, что надо пригласить Лилю ответно и она как будто ждет. Но, пока он набирается решимости, бал заканчивается.

- Ты проводи ее домой, - советует Генка, видя мучения приятеля.

Однако Лиля уходит в окружении подруг и Ваня остается со своими размышлениями о том, что он столько гадостей ей сделал, а она его простила. Скоро он забывает про Лилю, не видя ее.

Большой компанией мальчишки ходят собирать морошку. На болоте с редкой, низенькой сосной пахнет багульником и кругом краснеют ягоды морошки. В минуту общего сбора и отдыха Боря Град, который постарше всех, объявляет, что он созрел и у него есть малафья:

- Хотите покажу?..

Все дружно хотят, Боря достает приличный орган и поясняет, что нужно представить себе, что вставляешь его в бабу. Он делает несколько залупаний и из члена выделяется мерзостная жидкость.

- Как сопли, - заявляет Ваня.
- Сам ты сопля, - обижается Боря за свою малафью, вытирая член листочком морошки, из этого дети делаются!..

Никто не понимает как из таких «соплей» могут дети делаться, но Боре виднее, он - студяга техникума. Оставив проблему деторождения, мальчишки продолжают собирать морошку. Все сознают, что дома это подспорье и мать будет довольна, что можно сварить варенье. Ваня, однако, продолжает думать о деторождении, о том как и куда вставляется член, вспоминая пикантные моменты, свидетелем которых он был. Все, что Боря говорит, он давно знает. Ему давно хочется рассмотреть поближе интимное место, все-таки любопытно, как выглядит дырка, в которую вставляется член. На фотографии голой бабы, которую всем хвастливо показывал Шишка, ничего не видно, кроме волосатого треугольника. А эти треугольники Ваня помнит еще с тех пор как с матерью в баню ходил. Вот почему у женщин это место волосатое, а у лошадей и коров нет?.. Тут Ваня вспоминает про стимулированную им лошадиную случку и окликает Татарина: «а помнишь?..». От хохота они валятся на торфяные бугры. «Это тебе не Боря Град!..». Знакомый с этой историей Боря добродушно усмехается: дураки!..

Из леса возвращаются усталые и довольные. Сдавая матери корзину с морошкой, Ваня не забывает напомнить про деньги на фотоаппарат, ведь уже много времени прошло, а у нее все еще денег нету. Но вот... наступает долгожданный момент - насупленная мать отсчитывает Ване деньги на фотоаппарат.

- Возьми с собой кого-нибудь понимающего, а то всучат какой-нибудь неисправный, - наставляет она.

Ваня вспоминает про Валентина Аверина, который появился в их классе только нынче и был постарше. Зачесанные назад волосы придавали Валентину еще более солидный вид. К тому же он неплохо играл на двухрядной гармонике и обещал научить Ваню. Валентин обладал даром ко всем относиться с сочувствием. Его старший брат занимался фотографией и когда Ваня приходил к Валентину, они наблюдали процесс появления на белой бумаге изображений. Горел красный свет, все казалось таинственным. Брат обещал помочь Ване, когда тот приобретет фотоаппарат, и теперь Ваня направился к ветхому двухэтажному дому как раз рядом с магазином. К счастью, все оказались дома и брат Валентина не только выбрал фотоаппарат, но вставил в кассету пленку и проинструктировал Ваню какие когда нужно ставить выдержки. В довершение он пригласил Ваню на проявку его пленки вместе со своей.

Скоро вся дворовая компания собралась в садике фотографироваться. Для многих эта процедура была столь необычной, что ее воспринимали почти как некое священнодействие. Лицу придавалась особая серьезность. Подчеркнуто выправлялась фигура. Потом Ваня снимал мать, ходил к бабушке, чтобы и ее запечатлеть.

На следующий день он отправился к Авериным и с нетерпением ждал, когда закончится процесс проявления и закрепления. Потом, когда стало ясно, что можно печатать фотографии, пришлось ждать, пока высохнет пленка. Брат Валентина сказал, что фотография требует средств, а потому в следующий раз Ваня должен нести свои реактивы и фотобумагу.

- Ты не раздаривай фотокарточки, а продавай, хотя бы по рублю, вот и будут деньги на продолжение... но, все равно, расходы тебе предстоят немалые, если хочешь снимать, надо купить бачок, увеличитель, кюветы, фонарь...

Склоняясь над кюветой, они смотрят на появляющиеся фигуры пацанов. Вот и сам Ваня, рядом с Валеркой. Сразу видно, что питание у них было различное. Ваня смотрится рядом с Валеркой тщедушным, несмотря на немалый дворовый авторитет. Валерке, чтобы справиться с ним, приходится повозиться, но, фотография свидетельствует беспристрастно, что силенок у Вани должно быть немного.

Во дворе Ваня объяснил, что вынужден продавать фотокарточки по рублю. Только Валерка получил их двойную фотографию даром, как близкий приятель. Скоро в кармане у Вани лежало несколько рублей, что было весьма кстати, так как рыболовных крючков почти не осталось. К рыбалке он относился очень серьезно, хотя особыми успехами похвастать не мог. Чаще всего приходилось вытаскивать ершей, но и это была рыба.

Любителей рыбалки во дворе мало. Лишь изредка удается уговорить кого-то составить компанию. Чаще желающих нет и Ваня идет один. Как-то уже в середине лета ему отменно повезло. Он поймал на донку здоровенного окуня в 33 см. Потом он решил сходить на огороды у реки и покопать картошки, чтобы испечь ее в золе. Донку он оставил в реке, но окуня засунул за пазуху, несмотря на слизь и колючки плавников. Он накопал мелкой еще картошки и уже возвращался на реку, когда заметил, что за углом забора кто-то прячется, словно поджидая его. Понимая, что за картошку его по головке не погладят, Ваня повернул назад, но из-за угла выскочил здоровенный малый и бросился к нему. Ваня бегал очень быстро, но проклятый окунь провалился в шаровары и обвился там вокруг ноги, изрядно тормозя. Он уже добежал до спасительных кустов, когда рослый парень упал и схватил его за ногу. Тут подоспел еще один. Они привели Ваню к домам, где пожилой мужик выругал его и пошел вызывать милицию. Как ни странно, милиция приехала вскоре. Выслушав мужика, у которого Ваня якобы распахал полгряды, милиционеры посадили Ваню в машину и скоро он сидел в дежурной комнате милиции. Его обыскали, нашли записную книжку с номером телефона. Долго звонили. Никто не отвечал. Ваня понял, что дядя Леша мертвецки пьяный, а мать трубку в его присутствии не снимает.

- Ну, так что с тобой делать?.. - дежурный задумчиво стучал карандашом по столу.

- Отпустить, я больше не буду, - Ваня всхлипнул.

Дежурный прочитал ему лекцию, что, дескать, люди трудились, сажали картошку, а он ее ворует, да еще тогда, когда она совсем мелкая.

- А ну, пошел вон!.. - закричал вдруг дежурный, - попадись еще мне!..

Поддерживая штаны с болтающимся внизу окунем, Ваня бросился в одни двери, в другие. Позади раздался хохот. Милиция радовалась, глядя, как он, чуть не лбом распахнув дверь, выскочил на улицу. Была уже ночь.

- Хорошо, что в штанах не смотрели, а то наверняка отобрали бы окуня, - думал Ваня, разглядывая рыбу под фонарем.

До дома было далековато и, кроме того. мимо кладбища. Поглядывая в сторону белеющих крестов, Ваня отчетливо сознавал, что ничуть не боится. Сказки всякие рассказывают про привидения. Да ведь, если они и есть, так чем они страшнее многих людей?..

В депо, как всегда, пыхтели паровозы, и Ваня вспомнил избитую шутку машинистов, которые посылают новичка-стажера к соседнему паровозу принести ведро пару. Он пересек пути, пролезая под вагонами. У перрона стоял скорый поезд, и Ваня подумал, что надо бы скатать в Питер, посмотреть как там люди живут, может быть купить что-нибудь.

Прошел слух, что утиль-сырье принимает от населения лыко. Мальчишки устремились в лес обдирать ивы. Это было увлекательное занятие. Найдя место, где ивы было много, дружно

принимались за дело, разработав по ходу дела технологию. Уходя с вязанками, мальчики оглядывались на ивовые деревья без коры, которые белели, словно громадные стоящие кости. Все ощущали, что делают плохо, но никто не желал высказать это. За корье довольно хорошо платили, и за свои заработки мальчишки готовы были поступиться совестью и всем, чем угодно. Это была общая социальная установка. Ее впитывали еще с молоком. Считалось, что деньги это - высшая ценность. Пусть те, у которых их много, думают иначе, а трудовой люд, ведущий растительное существование, верит только в силу денег, которых постоянно не хватает. Родители озабочены выращиванием детей, на что требуются деньги. И заботы воспринимаются детьми, как нечто естественное и, когда они сами становятся родителями, то испытывают те же самые заботы, не ставя их под сомнение. Так было от века и не нам менять сложившийся порядок. А порядок можно и не пытаться изменить. Это действительно сложно. Но можно изменить собственное отношение к «порядку». Правда, об этом никто не задумывается. Установка «жить как все» превращает всех в быдло, живущее по биологическим канонам, хотя претендующее на «подобие божие».

Мальчишек никто не учит думать. Они сами, каждый на свой лад, приходят к осмыслению окружающего, иногда пытаются вырваться из рутины, но, словно попав в вонючую трясину, чем больше дергаются, тем больше погружаются. В конце концов становится ясно, что общий строй жизни нерушим. Лишь какие-то отдельные события приносят радости или горести. Родители стараются принести своим чадам удовольствие. Проще всего это сделать, купив какую-то вещь, особенно, если чадо с утра до вечера долдонит о том, как эта вещь ему нужна.

За несколько дней каждый надрал по огромной вязанке корья, которое на солнышке быстро высыхало. Контора утиль-сырья находилась уже за окраиной городка. Ходить пришлось не по одному разу, так как тележку достать не удалось. Зато Шишка уловил, что сданное корье оставляется на улице, и сторожа там, похоже, нет, а если и есть, то, поди, спит всю ночь. Поздно вечером они сходили с Ваней на приемный пункт снова и утащили сколько могли своего корья. Они проделали эту операцию и на следующий день, но потом на территории появилась какая-то шавка, которая злобно облаяла их еще издали.

После очередной сдачи корья, в том числе и похищенного, Ваня решил отправиться в Питер. Он появился на вокзале в лапсердаке, с рыбачьей полевой сумкой собственного изготовления на боку. За ремень он засунул здоровенный нож, похожий на кухонный, но с твердой сталью и рукоятью из какого-то ценного красноватого дерева. Нож ему подарил Валерка, и Ваня им очень гордился. Он научился неплохо бросать его, запросто всаживая в телеграфный столб с 5 метров. Без ножа ехать в Питер было невозможно: мало ли что могло случиться. Жаль только, что нож без ножен, но на поясе, за ремнем, его можно было так устроить, что он совсем не мешает. В кармане Вани лежало 64 рубля, вырученные за сдачу корья. Скоро и поезд нужный подкатил. Изучив возможности, Ваня уселся на половину переходной площадки перед почтовым вагоном и поехал. Внизу грохотали колеса и визжали какие-то железяки, но ехать было приятно. Обзор, правда, скудноват. Где-то посередине пути дверь вдруг открылась, раздался женский визг и дверь захлопнулась. Через некоторое время она снова открылась, и две женщины, ошалело глядя на Ваню, предложили ему зайти. Убедившись, что он не злодей, они посетовали: как можно так ехать, ведь упасть недолго. Теперь Ваня ехал в тамбуре до самого Питера.

В Питере, как и когда-то давно, Ваню поразили шум и многолюдье. Он отправился по Невскому, глазея на витрины. Дойдя до моста через Мойку, он подошел к каждой из клодтовских скульптур, удивляясь, как точно сделаны лошади.

Когда притомился, Ваня сел на троллейбус и куда-то поехал. Сошел он в тихом переулке, купил бутылку лимонада и булку и пошел по булыжной дороге в сторону видневшихся деревьев. Они росли на церковном дворе. Рядом текла мутная река, вдоль берега которой тянулся ряд сгнивших свай. На ветхой лавочке Ваня закусил, оглядывая бывшую церковь. На уровне второго этажа, рядом с водосточной трубой в окне было выбито стекло. Надо было уже думать о ночлеге.

Выждав, пока на булыжной дороге никого не было видно, Ваня быстро влез по трубе к разбитому окну, дотянулся до подоконника, подергал железо. Держалось крепко. Ваня ступил на какое-то подобие карниза и перенес тяжесть тела на подоконник, ухватившись теперь за низ переплета. Оглянувшись на пустынную улицу, он исчез в окне. Оно выходило на галерею. Громадная серая пустота урчала голубиной воркотней.

Ваня спустился по лестнице вниз, обошел помещение, ступая по мягкому пласту гуано. Сначала он даже не понял, что это за покрытие. Но отковырнув кусок и рассмотрев, удивился: это надо же столько навалить!..

Гуано покрывало все. Места для ночлега не было. Ваня поднялся на чердак, но и там было то же самое. Пришлось идти к разбитому окну и по той же трубе спускаться вниз. Где он находится, Ваня не знал, и ближе к ночи это обстоятельство вызывало первобытное беспокойство. Расспрашивая о дороге, он добрался до своего вокзала уже в темноте. Походив вокруг, он так и не нашел подходящего для ночлега места. Чердачных лестничных площадок в домах не было. Подвалы были сырые. Усталость давала о себе знать. Ваня решил устроиться прямо на вокзале. В темном углу стояли тележки носильщиков. Под одну из них он и забрался. Во сне он высунул из-под тележки ноги, и когда за тележкой пришел носильщик, он тут же побежал за милицией. Ваня проснулся оттого, что по ногам кто-то колотил. Он выглянул и к своему ужасу увидел двоих милиционеров, которые приказали ему вылезать.

Через пару минут он уже сидел в дежурной комнате милиции, разгороженной надвое барьером с калиткой. Дежурный обыскивал какого-то мужика. Он прошелся рукой по поясу мужику, и Ваня вспотел, ощутив здоровенный нож за своим ремнем. Сейчас этот нож найдут, и тогда хана. Он шмыгнул носом, провел под носом ладонью и глянул за барьер. Лишь поодаль от двери сидел на стуле какой-то дядька в фуфайке, явно «свой». Ваня с места, из положения сидя, сделал отличный прыжок за барьер и вышиб собой дверь, чуть не сбив с ног входящих милиционеров. Пока те находились в секундном замешательстве, Ваня мчался по перрону как курьерский поезд. Сзади раздались крики: держи его!.. но люди на перроне шарахались в стороны, и никто не собирался его задерживать. Он завернул за угол и скоро свернул в полутемный переулок, в котором не виделось ни души. Сзади раздавались милицейские свистки. Его преследовали. Вокруг тянулись складские помещения и свернуть было некуда. В конце переулка обнаружился тупик. Широкая лестница вела на площадку на высоте метра 3 с громадными железными дверями и пудовым замком на них. Ваня взбежал на площадку, освещенную тусклой лампочкой. Появился запыхавшийся милиционер. Ваня оседлал перила. Если милиционер побежит по лестнице к нему, он прыгнет вниз и ринется обратно.

Милиционер бросился на лестницу, и Ваня прыгнул. Хотя приземлился на бетон не очень удачно, но мгновенно вскочил и кинулся обратно. Однако тут подоспел второй милиционер.

- Ах ты, сволочь, бегать заставляешь!..

Они врезали Ване по здоровенной оплеухе, заломили ему руки за спину так, что он чуть не касался лбом асфальта, и потащили обратно. Никто из них не слышал, как у Вани из-за ремня выскользнул нож и тихо упал на деревянную рукоять, лишь слегка цокнув лезвием. Теперь Ваня был спокоен: статья за ношение холодного оружия осталась позади.

- Ну, беглец!.. - дежурный сразу взял его в обработку. Обыскивая Ваню, он профессионально провел рукой по поясу. «Дудочки!» - подумал Ваня.

Предположение дежурного о том. Что Ваня сбежал откуда-то вызвало у того бурный протест, так как действительно не соответствовало истине. Ваня назвал ложную фамилию и сказал, что приехал к дальней родственнице тете Нине и утром хотел к ней ехать на трамвае; как проехать, он помнит, а адрес ее он не знает.

Дежурный пересчитал деньги: «оставишь тут до утра!..» Ваня воспротивился: «отдайте деньги, а то украдете, я знаю...»

Дежурный отдал ему деньги и открыл дверь в камеру: давай, до утра посиди, вспомни, как фамилия, откуда сбежал... В дверях он обратился в камеру:

-Вы тут мальчишку не трогайте, он до утра посидит с вами, а то больно прыткий...

- Да что ты, начальник, он нам тут как сын родной, - раздался пьяный бабий голос.

По камере расхаживал стройный интеллигентного вида мужик. Видимо, это его песни доносились сквозь две двери в дежурку. И точно, только закрылась тяжелая дверь, мужик опять запел:

Здесь под небом чужим
Я как гость нежеланный...

- А хорошо, верно?.. - спросила у Вани пьяная баба в каких-то серых одежках.

- Хорошо, - подтвердил Ваня.

Мужик действительно пел отменно. Закончив «Журавли», он сказал: а вот еще... И запел:

Среди пашен и полей
Песня раздается...

- Это, между прочим, классический романс Глинки, - пояснил исполнитель, не надеясь на осведомленность публики, которая, впрочем, в основном спала вдоль стен и только пьяная баба да Ваня слушали.

- А ты за что попал-то, спер, поди, чего?.. - пьяная баба вдруг спросила у Вани.

- Нет, просто спал под тележкой...

- А-а, беспризорник...

- Я не беспризорник, я... - Ваня затруднился продолжить, кто же он есть.

Рано утром его отвели в детскую комнату, где сидел пожилой милиционер с седыми усами. Он опять принялся допытываться, откуда Ваня сбежал. Ответ, что Ваня ниоткуда не сбегал, его не удовлетворил.

- Да ты посмотри на себя со стороны, что ты отпираешься!.. А не хочешь говорить, так мы тебя здесь устроим в детприемник...

«Во, влип, - мрачно размышлял Ваня, поглядывая в окно на третьем этаже, - высоковато!..»

В дверь постучали и милиционер ввел еще одного «кадра». Этот быстро раскололся, сообщив, что сбежал из дома в Вологде. Ваня посмотрел на него уважительно, хотя парень и хныкал: из Вологды!.. Вон какая даль!..

Потом их оформили в детприемник и повели мыться и стричься в санпропускник: поди, вшивые!.. Здоровенный сопровождающий милиционер вел их под руки.

- Вшей-то не боитесь? -спросил его Ваня.

- Ничего, - отвечал бравый служака, - а ты вот... дернись только, я тебя как вшу к ногтю приговорю...

Ваня с удовольствием помылся, так как давно не был в бане. Кругом мылась целая бригада морячков. Потом все вместе вышли в другую комнату, где каждый искал свою одежду. Милиционер любезничал с какой-то бабенкой в коридоре; на дверной ручке лежала его рука. На солидной высоте была открыта форточка. Ваня толкнул локтем своего кореша, кивнув на окно. Парень глянул вверх и отрицательно мотнул головой. Думать было некогда. Ваня мигом оделся, проверил, на месте ли деньги, и, как обезьяна, взлетел наверх, лягнув по пути морячка, который послал ему вдогонку соленое слово. Уже на той стороне окна у Вани дрогнули поджилки - метра 4 с гаком, внизу асфальт. Делать нечего, он полетел, покатился на бок и, прихрамывая, пустился по пустому переулку. Скоро он свернул, потом еще и еще. Все. Можно считать, что ушел. Он купил два мороженых и с наслаждением съел их в тихом скверике. Пригрело солнце, он покимарил и отправился дальше изучать город Питер.

К вечеру город осточертел и Ваня решил податься домой. Он обошел вокзал, подкрался сзади к платформам и принялся разглядывать таблички на вагонах. Неважное зрение подводило. ...Черт, уедешь еще куда-нибудь не в ту сторону!.. Пришлось вылезти на платформу. Из-под прикрытия ларька он увидел то, что нужно: поезд на Мурманск. Скоро поезд тронулся и тихо поехал. Ваня ждал. Лишь когда скорость поезда стала порядочной, Ваня выскочил из-за ларька, не обращая внимания на людей, помчался вдоль бегущих вагонов и, наконец, прыгнул между ними на буфер. Расставив ноги на буферах, он уперся спиной в гармошку и вздохнул. Поехали. Поезд равнодушно набирал скорость. Проплыли два милиционера, вытаращившие глаза на него. Ваня отдал им честь. Потом, цепляясь за какие-то гайки и выступы, он влез на гармошку, удобно уселся и вытащил из сумки очередное мороженое, превратившееся, правда, в кисель. Он с удовольствием смотрел на различные леса, проносившиеся мимо, угадывая, есть ли там грибы и кто там может обитать из птиц. Потом он укрепился в нише и заснул. Когда он проснулся, поезд стоял у знакомого вокзала. Надо было срочно сматываться, пока его еще и в своем городке не приняли за беглого. Хорошо еще, что остричь наголо не успели, а то вот бы хохма была для приятелей.

- Нашлялся?.. - злобно спросила мать.

- Нашлялся, - спокойно ответил сынок, - дай пожрать.

Мать еще что-то ворчала, но он не слушал, пожирая пшенную кашу с молоком.

Временами вспыхивала страсть к путешествиям, и Иван старался разбудить такую же страсть у кого-либо из приятелей. Обычно это не составляло труда. Как-то он напомнил братьям Шапошникам о рыбалке на соседней реке, дескать, неплохо бы побывать там снова. И вот... поздно вечером они приехали на знакомую маленькую станцию и хотели сидеть на вокзале до утра. Однако серые, заплеванные залы ожидания на вокзалах маленьких станций служили в те времена ночлежками для разного рода бездомного люда или уголовников.

Два подозрительных типа с гитарой слонялись по залу ожидания. Один из них заглянул в Генкину корзину, куда сожили еду. Генка открыл дверь на улицу и в дверях кивнул Ване, приглашая за собой.

- Не нравится мне эта парочка... Может быть, уйдем сейчас прямо. По дороге-то не собьемся...

Они покинули мрачный вокзал, дошли по путям до дороги и пошли по ней. На лугах стлался белесый туман. Скоро дорога пошла лесом, который стоял по обе стороны, словно темные стены. Вдруг дорога разветвилась. Пошли по правой. Вскоре, однако, Генка засомневался, правильно ли они пошли.

- Подождите меня здесь, я вернусь на развилку и постараюсь вспомнить...

Ваня с Вовкой присели на краю дороги. Внезапно из тумана показался бегущий Генка.

- Прячемся... те идут за нами!..

Они бросились в лес и метрах в десяти залегли, наблюдая за дорогой. Скоро по дороге быстро прошел человек с чем-то большим сбоку.

- С гитарой, - прошептал Генка.

Они еще долго лежали на влажной земле. Потом довольно далеко кто-то запел.

- Это тот, с гитарой, подает знак тому, что остался у развилки, - предположил Ваня.

Они решили не выходить на дорогу, а идти к приречному шоссе через лес по компасу. Спотыкаясь о кочки и коряги, проваливаясь в какие-то колдобины, они шли и шли, чертыхаясь, когда ветки хлестали по лицу. На рассвете они вышли на шоссе и повалились на бугре под соснами спать. Солнце уже поднялось над деревьями, когда они проснулись.

- Проспали зорьку, - сказал грустно Генка.

Пройдя брошенную деревню, расположились на берегу. Теперь все неприятности забыты. С вожделением разматываются лески, насаживаются на крючки черви.

- Не забудь поплевать на червяка, - кричит Ваня Вовке, - а то не будет удачи...

Плевков потрачено немало, но клев неважный. Пора уже обедать, а на уху не наловили. Правда, такой вариант предусмотрен - в корзине еды достаточно. Приятели жуют, вспоминая ночные ощущения. Потом, разомлев, они дремлют, пока рыбья мелюзга объедает червей на крючках. Однако Генка вытаскивает на донке крупного язя.

К вечеру они отправляются назад, заходя в лес, щиплют чернику и голубику, находят с дюжину грибов. На станции выясняется, что пригородный поезд уже прошел. Но это не важно. Вот стоит и пыхтит товарняк. Они едва успевают найти удобный тамбур, как слышится долгий гудок и товарняк судорожно дергается. Стронулся и чуть заметно поехал. Рванул еще раз и теперь уже пошел, пошел, пошел. До городка езды около часу. Пусть рыбалка и неудачная, но так приятно бродить по удаленным местам, а потом возвращаться домой!

~ 41 ~

В час горя плачь, герой,
Нельзя иначе,
Ненастною порой
И скалы плачут.
(Расул Гамзатов)

Есть натуры, наделенные свойством драматического восприятия чего бы то ни было. Любая банальность, о которой и думать-то не стоит, заставляет их глубоко переживать ее, порождая в сердце горечь. Что-либо радостное дает лишь краткую и сдержанную вспышку, но печальное ложится на душу обволакивающим облаком, а горе кажется нескончаемым гнетом. Мысли о тщете постоянно вытесняют всякие другие. Первородный грех, мало понятный большинству людей, вос-

принимается с такой ясностью, словно сам его совершил. Бодрствование служит для медленного накаливания, чтобы к вечеру засветилась внутри нить горести и высветила сомнения в радости бытия. Нет и трагического ощущения краха. Просто, как сказал поэт: и радость, и мука, и все так ничтожно... Но прошлое есть, висит как гиря на шее, не стряхнуть.

Радуется обыватель, кушая корюшку и глядя на своих деток, мило ковыряющих в носу. Радуется ученый, исписавший кипу бумаги в надежде, что это кому-то нужно. Доволен собой художник, изобразивший кусочек мира. Наслаждается жизнью делец, вдыхая аромат затасканных купюр. Драматик им не завидует. Он видит, сколь они тщедушны в своих упованиях. Ему кажется, что мир людей устроен не рационально, либо он сам не вписывается в этот мир. Но существует ли другой мир, для которого он был предназначен?.. Мы привыкли думать, что развитие общества людей шло по определенному пути и не может быть другим, чем то, что мы имеем. Церковь всегда поддерживала точку зрения, что все сущее есть данное от Бога. Однако в самой Библии, узаконенной церковью, сказано, что Бог дал человеку свободу выбора перед запретом. Он хотел добровольного послушания. Ведь что ему стоило сделать запрет абсолютным, чтобы человек не был способен его нарушить. Но тогда был бы утрачен смысл запрета.

Таким образом, Библия косвенно подтверждает, что человек мог развиваться так или иначе. На этот счет создана целая теория, согласно которой , человек должен был развивать свои внутренние потенции, но он заменил их развитием внешних технологий. Человек создал средства коммуникации вместо телепатической связи. Разнообразные способы передвижения устранили возможность человека летать без каких-либо механических приспособлений. Человек теперь доволен, имея компьютер, подключенный к системе Internet. Но если бы его развитие пошло по другому пути, то несравненно более совершенная, чем Internet, система работала у человека внутри.

Главное - человек не мог бы лгать и думать плохое, так как это было бы бесполезно. Следовательно, не существовало бы зло. Оно было бы просто невозможно. Таким, по всей видимости, замышлял человека Бог, надеясь на его послушание. Но человек послушал падшего ангела - Сатану и с тех пор его развитие пошло по сатанинскому пути, в уповании на внешнее обладание и в гордыне. Лишь убогие льнут к старому понятию «бог», стараясь скрыть за ним от себя свою ущербность. Драматик же смутно ощущает горечь несбывшегося. Многие тысячелетия скомканы в нем, и запах райских кущ нет-нет да и коснется ноздрей. Но его тут же перебьет вонь отечества. Долгий паровозный гудок разольется над изуродованной внешними технологиями Землей. Ключник Петр махнет: давай, пошел!.. жди судного дня.

* * *

Иван собирает дрова и топит к возвращению бригады железную печку, обложенную кирпичами. Скоро над печкой навешают портянок и в палатке у становится запах неизвестной гурманам пряности.

Культорг первым делом идет за письмами. Долгое время никто их не получал, так как требовалось сообщить новый адрес. Но теперь культорг тащит целую вязанку. Первое письмо на новой зоне Иван получает от Тани. Она пишет, что не знала, что и думать:

«... Ты не представляешь, как я обрадовалась. Ведь до этого два моих письма, написанных тебе, с пометкой: адресат выбыл на этап, вернулись ко мне.

И я уже начала было думать, что ты мне больше не напишешь, хотя в это и не верилось, но уж слишком долго не было от тебя письма. Но оно пришло и я забыла все свои глупые обиды. Значитты теперь на севере. Но почему именно тебя, а никого другого?

Правда, это глупый вопрос, но я не могу никак с этим смириться. Ванечка, большое спасибо за подарок. Мне он очень понравился. Ты сам делал эту шкатулку? Если сам, то ты просто гений. И хотя он был завернут в простую серую бумагу и не перевязан ленточкой, как ты велел это сделать Брянцу, он мне все равно очень понравился. А знаешь, как мы с ним встретились? Гуляем мы с девчонками. И вдруг меня отзывает какой-то парнишка на целую голову меньше меня и которого я вижу впервые. У меня было такое недоуменное и растерянное лицо, что девчонки рассмеялись. Но все же я отошла и узнала, что он приехал от тебя и привез какую-то вещь мне в подарок. Немного позднее, когда мы остались вдвоем, он рассказал мне о тебе и о себе.

Как жалко, что я не знала, что ты будешь проезжать через наш город. Я бы пришла на вокзал. Между прочим, когда проезжаешь, мое окно великолепно видно. Просто ты забыл его,

как, наверное, забываешь и меня. Я не хочу сказать, что совсем, а только на внешность. Ведь правда?»

Ивану приятно читать письмо, но он думает, что хорошо, что она не пришла на вокзал и не увидела его в зарешеченном окне вагона.

- Ну что, дождался?!. - подсаживается Володя. - Что пишут?..

- Девушка спрашивает, помню ли я ее внешность, а я ее и в самом деле забыл... иногда только мелькает что-то...

- А фотографии нет?..

- Не хочет, видно, присылать, просил... подруга ее прислала, а она нет... маленькая еще, глупенькая, только школу закончила...

- Баба и должна быть глупой, такая вернее...

От напряжения мысли у Володи шевелятся уши, что всегда занимает Ивана и он непременно спрашивает, чувствует ли Володя это шевеление. Сейчас этот вопрос не приходит ему в голову.

- Мне бы хотелось иметь умную подругу и чтобы я мог сесть у ее ног, испытывая радость...

- Ну уж!.. - не соглашается Володя, - пусть лучше она ляжет у твоих ног...

- Кому что надо, - замечает Иван, думая о том, как по-разному оценивают мужчины отношение к любимой женщине.

Они идут на ужин. Еще по прибытии сюда все были приятно удивлены тем, что здесь кормят лучше, чем под Ленинградом. На ужин дают первое и второе. Вероятно. Это объясняется тем, что здесь лесоповальная зона, и если людей не кормить, то и выработки не будет. Правда, Иван вспоминает рассказы своего сменщика в кочегарке как раз перед посадкой. Тот сидел еще в старые времена. Они прибыли строить новый город, который потом назовут Комсомольск-на-Амуре. Сменщик рассказывал, что когда этап пригнали, то многие едва стояли на ногах. Зона была смешанная, с женщинами. Они даже мылись вместе в бане, но ни у кого не возникало желаний, так как не было сил. Однако они валили тайгу, строили бараки. Потом приехали комсомольцы.

Иван знает множество историй о лагерях и иногда рассказывает что-либо Володе. Они соглашаются, что сейчас в лагерях легче, чем раньше. Нет былых воровских законов, по которым убить человека ничего не стоило. В принципе, убить могут и теперь, но все же это крайне редкое событие. Если никого не трогаешь, то, как правило, и тебя не трогают, хотя, конечно, разное бывает.

Как-то днем, забравшись на чердачное окно соседнего барака, Иван пишет акварелью пейзаж с вышкой. За забором темно-зелеными пиками тесно стоят ели. Над ними плывут белоснежные облака, подчеркивая мрачность тайги. Запретка здесь не вспахана, а поросла желтой травой. Уже пахнет осенью. Иногда стоят сырые, холодные дни.

Отремонтировали барак. И бригада перебирается в него. Теперь у шныря забот больше. После ухода бригады надо мыть пол в кубрике и топить в соседней каморке большую печку. За дровами Иван ходит на стройку бура по соседству. Днем он занимается интеллектуальными делами. Читает философию и художественную литературу. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» - вроде бы тоненькая книжечка, а до конца не добраться. Сосед-шнырь заглянул: что читаешь? Про любовь есть?... Библиотека в зоне оказалась тоже неплохой. Потом он музицирует, иногда рисует.

- Нарисуй мой портрет, - предлагает Володя.

Они уходят на стройку бура, где никого нет, и через час карандашный портрет готов. Володя критически разглядывает изображение и, наконец, заявляет: что-то есть... Иван польщен. Пока его рисунки одобрения не вызывали, а портреты он вообще не писал. Он, однако, вполне самокритичен, поскольку видел, как пишут портреты некоторые мастера. То, что получилось у него с этим и сравнить нельзя. Это, конечно, досадно, но ничего не поделаешь... Бог не дал... Надо довольствоваться тем, что получается.

Иван привык вставать очень рано, чтобы идти за пайками. Обычно он задерживается с хлеборезом, который любит поговорить и непременно расскажет какую-нибудь историю из лагерной жизни на Воркуте. Ничего другого он, похоже, не помнит. Почти всякий раз он дает Ивану лишнюю пайку: это тебе...

Как-то воркутинцы ночью побили неизвестно за что шныря из соседнего кубрика. Иван сказал об этом хлеборезу. Тот полез куда-то в темный угол и положил на лоток с хлебом нож.

- Вот, бери на всякий случай. Волков тут хватает... Сидят люди давно, уже плохо соображают...

На ночь Иван клал нож под подушку. Он вовсе не был уверен в том, что пустит нож в ход даже при острой необходимости. Но кто его знает!.. Мы ведь зачастую не знаем, как поступим в критической ситуации, хотя нам представляется наоборот. Многие даже готовы клясться и божиться в том, что им точно известно, как они поступили бы в том или другом случае. Об этом, конечно, удобнее рассуждать теоретически, а теория, как известно, не всегда согласуется с практикой даже в науке; что уж тут говорить о простой жизни. Если что-то мы сделали не так, как, казалось, готовы сделать, то мы быстро находим себе оправдание. Даже в ярком, хорошо запомнившемся сне случаются крупные несоответствия нашим представлениям о себе, ведь во сне мы не знаем, что это сон и воспринимаем его как явь. А когда просыпаемся и испытываем неудовольствие от своих действий во сне, то сразу списываем свою неблаговидность на сон, забывая, что все воспринималось как явь. И, готовясь к какому-либо испытанию, мы нередко представляем свои действия совсем не так, как это произойдет, когда испытание наступит. «Дано будет вам, что сказать» и сделать.

На зоне случилось ЧП. Какой-то воркутинец проиграл в карты магазин, в который он должен был залезть, что он и сделал, разобрав потолок. Однако сработала какая-то сигнализация и вора накрыли прямо в магазине. Отсидев 12 лет, он должен был через пару месяцев освободиться, но теперь ему грозило еще лет пять. Вся зона обсуждала это событие, сочувствуя бедолаге.

- Мудаков нечего и выпускать, один черт до дома не доедут, - сказал хлеборез.

Как-то к Ивану подошел молодцеватый мужичок.

- Это ты скрипач?.. - спросил он.

- Я не скрипач, я только учусь играть на скрипке...

- А-а, один хрен... ты приходи ко мне в клуб заниматься, а потом выступишь у нас...

Оказалось, что один вход в клуб прямо из общего со столовой «предбанника», а другой - с улицы. Михась, как он представился, - директор клуба, наказал Ивану приходить через внутренний ход, подавая условленный стук. «А то, знаешь, тут всякие ломятся».

Большая пустая комната Ивану понравилась. В ней была отличная акустика. Михась послушал Ивана, сказал: ну, ничего, наблашишься...

Однако, когда Иван пришел на следующий день, Михсь быстро впустил его и, оглядываясь, сказал: сегодня нельзя, воры гужуют!..

Из дверей комнаты вышел полупьяный «вор» в клетчатой рубашке. На Ивана он и не взглянул. Михась открыл дверь, и Иван ушел. Потом еще не раз оказывалось, что музыкальная комната занята гужующими ворами. Но зато в свободные от воров дни Михась иногда аккомпанировал ему на аккордеоне, и Ивану доставляло большое удовольствие играть дуэтом.

Некоторые питерцы (как называли последний этап) с малыми сроками стали работать на бесконвойке. Хотя это считалось привилегией, бесконвойка имела свои минусы, главным из которых были разнообразные соблазны. От них должен был сдерживать только всепоглощающий страх перед нарушением режима. Поэтому на бесконвойке и работали только питерцы и не было ни одного воркутинца, поскольку у этих ни страха, ни малых сроков не было. Еще во время этапа Иван познакомился с приятным молодым человеком - Алешей, который теперь был расконвоирован. Как-то он появился очень возбужденный и рассказал, что отправился с каким-то поручением и заблудился. Он очень перепугался, что ему припишут побег и как только увидел забор зоны, бросился туда, хотя это была другая зона, и попросил проводить его. Какой-то кавказец-охранник выразил бурное желание проводить Алешу, но дежурный офицер решил это сделать сам.

- Понимаешь, застрелил бы и сказал, что я пытался бежать!.. - пояснял Алеша, - я видел какие у него бешеные глаза... домой съездил бы в награду за бдительность!..

Рассказов о безнаказанном убийстве зэков было много, но они относились к прошлому и неизвестно насколько достоверными были. Во всяком случае в 60-е годы убийство зэков охранниками не практиковалось, так как сами зэки об этом, конечно, знали бы. Что же касается прошлого, тои тут не все ясно. Во-первых, зэки горазды сочинять легенды даже на пустом месте, а уж если что-то где-то слышано, то обрастает подробностями, как комочек мокрого снега, пущенный по склону. Во-вторых, известны достоверные случаи, когда убивали озверевших зэков, лезущих на автоматы. Это практически невменяемые индивиды, убийство которых было благом для большинства зэков, которых эти индивиды третировали под страхом за жизнь, так как убить кого-то им

ничего не стоило. В-третьих, раньше убийство зэка можно было замять начисто, но теперь это было труднее. Как бы то ни было, зэки осознавали свое право на жизнь и многие имели постоянную связь с волей, минуя цензуру и проверки. Они могли сообщать на свободу все, что хотели, и начальство это понимало. Поэтому ретивых охранников-чурок сдерживали офицеры.

Меньше года осталось Ивану до возможного условно досрочного освобождения, после которого ему, вероятно, придется «добивать срок» на вольном поселении в каком-нибудь леспромхозе. Таня-маленькая продолжает писать ему письма, но согласится ли она приехать к нему на поселение, ведь там не будет мамы, а обстановка, надо полагать, мало похожая на городскую жизнь. Иван спрашивает ее в письме, что она думает на этот счет. Ответ его обескураживает.

Ванька, родной мой, здравствуй!

Я только что пришла с работы и, прочитав твое письмо, сразу села писать ответ. Я еще не знаю, что напишу тебе, т.к. твое письмо перемешало у меня все мысли и я теперь даже не знаю, с чего начать. Ну что ж, начну с себя. Я теперь работаю счетоводом в Райсобесе. Перебралась ближе к дому, стоит перейти дорогу и я на работе. Если там работа была, как говорится, не бей лежачего, то здесь у меня просто голова трещит. Сегодня я вообще здорово устала, но получила твое письмо и усталость почти вся прошла. Сегодня я иду в кино. Буду смотреть новый арабский фильм «Мужчина в нашем доме». Вот сейчас пишу письмо, а на улице после проливных дождей светит теплое летнее солнышко, а на небе нет ни облачка. Даже не верится, что вчера еще весь день шел дождь. Я пишу тебе это, а в голову лезут всякие мысли. Мне иногда кажется, что ты.., что вся наша переписка только до того, как ты выйдешь на свободу. Нет, ты не подумай. Это не недоверие. Просто сегодня, прочитав твое письмо, я задумалась. Вот, Ванька, ты пишешь, что через десять месяцев, т.е. в июне тебя могут освободить и послать на вольное поселение. Ты спрашиваешь, приеду ли я к тебе? А ты уверен, что это нужно тебе? (В себе я не сомневаюсь). Ты уверен, что. Выйдя на свободу, ты не найдешь другого человека, который будет лучше меня. Понимаешь, Ванька, я ведь совсем не знаю твоего отношения ко мне. Для того, чтобы быть вместе навсегда, мало быть только друзьями. В общем, ты сам понимаешь, ну во всяком случае должен меня понять. Я об этом не буду больше писать. Просто я не могу говорить на такие темы. И это невольное признание написано благодаря твоему последнему письму, которое я только что получила. Ванька, милый, если бы ты был здесь, не нужно было бы ждать двенадцать дней, когда придет ответ. Я хочу попросить тебя об одном. Не нужно унижать себя. Это уже совсем плохо, когда люди себя унижают. И еще относительно двух последних строчек. Можно подумать, что ты делаешь мне какое-то одолжение. А я , между прочим. В одолжениях не нуждаюсь. Ну вот и все. Извини, что мало. Моя работа тебе неинтересна. А после работы я или сижу дома или хожу, как сегодня, в кино.

Ну вот, пиши скорее ответ.

Очень жду.

Иван не понимает: с одной стороны «родной мой», а в других письмах еще более нежные слова, а с другой - она не знает его отношения к ней. Что за чушь?! Он, правда, никогда не говорил и не писал ей «люблю», но неужели нужно использовать это затасканное слово, когда и без того все ясно. Иначе выходит, что она думает о себе, как о средстве для Ивана приятно скоротать время. В то же время она «в себе не сомневается», т.е не означает ли это, что она готова приехать после того как он напишет это проклятое слово. А, может, ему это действительно не нужно?! Слишком уж банальным рисуется их совместное будущее. Он ведь написал ей, что чувствует себя опаленным, словно выскочившим из горящего дома, что на нем вечно будет клеймо уголовника, а она считает, что такими суждениями он унижает себя. Глупенькая она все же, а коли так, то и потом его боль она будет принимать без сочувствия, а как блажь. Много бы он дал, чтобы знать хотя бы только то, что у них сложится, когда он освободится. Пока же у него предчувствие, что все это напрасно.

Долгие страдания обостряют чувства. Человек слышит между говоримых ему слов и читает между строк, обращенных к нему. Он сразу замечает фальшь, а к простодушию не знает как относиться. Ему оно чуждо, но у других оно воспринимается вполне положительно, когда эти другие люди посторонние. Другое дело с человеком близким: тут простодушие кажется недостаточным, хочется глубины, а если ее нет, то придет скука.

Со временем Иван убедится в своих сомнениях. Теплая встреча с Таней быстро сменится холодком с ее стороны и именно тогда, когда ему будет казаться, что все очень хорошо. Тане вовсе не потребуются его признания, она будет с сожалением думать о том парне, которого оставила. Когда появился Иван. Их разговоры будут пустые. Через неделю Таня не явится на свидание и Иван будет вспоминать строчку из письма -«в себе я не сомневаюсь». Что ж, се ля ви, как говорят французы. Она, наверное, думала, что Иван придет из тюрьмы этаким суперменом, «а нам все до фени!», зажмет ее в объятиях, полезет под подол, все ли там на месте. А он развел какие-то непонятные разговоры, целует, словно икону, и под подолом не шарит. «А надо было!» - думал в сердцах Иван. - «Видел ведь, что убожество, нет, хотел видеть богиню в нем, а так не бывает».

* * *

Во второй половине лета дворовые мальчишки увлекались новым заработком. Теперь они собирали семена акации, которой в садике было очень много. С утра до вечера они лущили стручки и никакие игры их не занимали. Лишь иногда ходили в лес за грибами или ездили за ними на пригородном поезде на отдаленные станции. Ваня не любил сидеть лущить стручки, зато за грибами отправлялся с удовольствием. На поезде ездили, разумеется, без билетов. Когда шел контролер, его обнаруживали загодя. Вся мальчишеская бригада лезла на длинную узкую багажную полку и вытягивалась на ней вперемежку с корзинами и мешками. Контролер проходил внизу, ничего не замечая, и не было случая, чтобы кто-либо из пассажиров обратил его внимание наверх, где лежали огольцы.

В деле собирания грибов особенно удачливым был Шишка. С удивительной проницательностью он видел грибы на таком расстоянии, что мальчишки лишь изумлялись, когда Шишка кричал: «мой!», стоя вдалеке и указывая пальцем на грибы на пути то одного, то другого. Ваня чаще находил грибы, лишь спотыкаясь о них. Шишка похвалялся, что и в ближних лесах знает все грибные места, но не хочет показывать их Ване. Если вся дворовая компания шла в окрестные леса, то Шишка обычно подговаривал ребят потихоньку уйти от Вани. Перспектива набрать грибов побольше была подкупающая. В какой-то момент Ваня обнаруживал, что с ним остались только Генка со своим младшим братом. Генка говорил: «Ну ничего, обойдемся». В конечном итоге они набирали грибов не меньше, чем те, которые предпочли идти за Шишкой. Отношения Шишки и Вани постоянно были на пределе схватки, и как-то она произошла в лесу. После пререканий Шишка объявил, что драться они будут один на один и пусть присутствующие Боря Град и Валерка не ввязываются. Он с размаху заехал Ване в ухо. Тот не остался в долгу, двинув Шишку в челюсть крюком (не зря же он ходил одно время в боксерский кружок). Как обычно, Шишка впал в неописуемую ярость и попытался сгрести Ваню. Но ближний бой был для Вани невыгоден. Кое-как оторвавшись, он отскочил и, вытащив из кармана складной нож, не открывая его, ударил Шишку в ухо. В ответ он получил крепкий удар сверху по черепу рукоятью кухонного ножа. Отступая под натиском Шишки, Ваня едва не свалился в ручей, но успел выскочить из-под самой Шишкиной ноги. Лицо заливала кровь, и Боря Град решительно заявил: «Хватит!» Шишка кричал, что этот проклятый сыч порвал ему ухо и он это так не оставит. Валерка рассудительно заметил, что Шишка сам развязал эту драку, и если будет продолжать, то Валерка порвет ему и второе ухо.

На обратном пути Шишка и Ваня рвали листья подорожника и прикладывали их к своим ранам. Спустя много лет Иван еще нащупывал вмятину на темени от железной рукояти кухонного ножа. С Шишкой он старался не встречаться, да и тот избегал общения, хотя в дворовой компании, которая, как магнит, притягивала обоих, это было затруднительно. Начиналась осень, а с ней сезон дворового хоккея, который попросту называли игрой в клюшки. Теперь в лес ходили на поиски изогнутых деревьев, из которых выстругивали клюшки.

На высоком тополе за сараями Ваня уже не первый год вывешивал кормушку для птиц. Теперь он поставил в нее ловушку - ящик с захлопывающейся крышкой - и поймал несколько воробьев. Держать дома птиц было давней его мечтой и теперь он с интересом следил за воробьями, соорудив деревянную клетку. Он не смог бы объяснить, почему содержание птиц дома влекло его. Но, прочитав рассказ одного художника в сборнике «Наша охота», проникся этим занятием. Правда, содержать иных птиц, кроме воробьев, пока не представлялось возможным, но со временем он надеялся на поимку более примечательных птиц.

В восьмом классе Ваня положительно не мог учиться. Домашние задания он никогда не делал, а на злобные замечания матери отвечал, что будет лесником и незачем ему учиться. А тут еще и влюбился окончательно в Жанну. За лето она оформилась в девушку и с гордостью выпячивала весьма выпуклые груди. У нее было овальное красноватое лицо того типа, который уже к 30 годам становится обрюзгшим и покрытым красными точками и запятыми от лопнувших сосудов.

Во время уроков Ваня постоянно оглядывался, так как Жанна сидела сзади. Она прекрасно видела увлечение Вани ею, но, разумеется, у нее были иные ставки. Поэтому она загадочно улыбалась Ване и вопросительно вскидывала головку. Ваня тушевался. Жанна сидела рядом с Любкой и однажды Ванин сосед Арсеха сообщил ему, что Любка в Ваню влюблена. Это весьма разозлило Ваню, так как Любка была некрасивая, а то. что она сидела с Жанной, с которой даже дружила, конечно, влияло на отношение Жанны к нему. На переменках Арсеха окликал Ваню и кивал в сторону печки, опершись о которую стояла Любка и пожирала Ваню глазами. Столь неприкрытое выражение чувств казалось Ване противоестественным и даже наглым. Он грубо говорил Арсехе так, чтобы слышала Любка:

- Пойди, обожми ее!..

- Это уж лучше тебе сделать, - ответствовал с усмешкой Арсеха, - я-то тут при чем...

Лиля Блумберг теперь Ваню как будто не замечала, и он тоже ничего к ней не испытывал. Жанну он мечтал встретить на улице и частенько прогуливался перед домом, где она жила. Когда же встреча произошла, то Жанна как будто удивилась:

- Ты что тут делаешь?..

- Тебя поджидаю...

- Ну так, вот я!..

- Ну да, вижу!..

Жанна зашла в подворотню своего дома и оглянулась. Ваня решил идти дальше по улице, не решившись предложить ей погулять вместе. Больше такой возможности ему не представилось и к Новому Году он влюбился сразу в двоих других. Должно быть это было настолько заметно, что обе избранницы поняли значение его взглядов. На новогоднем вечере в школе Ваня поделился своими вожделенными мыслями с Валентином, который сразу проникся сердечными терзаниями Вани и определил, что его избранницы им заинтересованы, надо их пригласить танцевать. Скоро одна из избранниц, учившаяся в 10-м классе, кружась с подругой в вальсе, крепко заехала Ване по уху. Валентин тут же заключил, что это - замечательный признак внимания, но Ваня рассудил иначе и теперь поглядывал только на другую тоненькую фигурку в голубом платье. Она стояла и не танцевала, в свою очередь поглядывая на Ваню. Валентин горячо комментировал это переглядывание, но идти было далеко и, пока Ваня собирался с духом, танцы кончились. Однако они с Валентином подождали у входа «синенькую» и Валентин предложил проводить ее. Она спокойно согласилась и пошла между молодыми людьми. Валентин выяснил, что ее зовут Лида и живет она недалеко от школы. В самом деле, вскоре они подошли к дому, где размещалась пожарная команда, а сбоку был вход на второй этаж с коммунальными квартирами. Лида подала руку обоим провожатым, взглянула на Ваню и ушла.

- Чего же ты не предложил ей снова встретиться?!. - напустился Ваня на Валентина.

- Но послушай, мне что ли это нужно?.. Ты за всю дорогу слова ей не сказал, а хочешь, чтобы она с тобой ходила...

- А что я могу поделать, коли не говорится?!. Сам-то, небось, тоже ни разу не станцевал и даже никого не присмотрел...

- Я давно присмотрел, но тоже что-то мешает...

- А кого ты присмотрел?..

- Надьку Зайцеву...

- Да ты что?.. Эту сонную рожу?..

- Сам ты сонная рожа!.. Что ты понимаешь в женской красоте?.. - Валентин чувствовал себя уязвленным, а Ваня понял, что дал маху, отозвавшись столь нелестно о любимой девушке приятеля.

Через много лет они встретятся и Валентин представит Ивану свою жену: Надька Зайцева. Иван увидит радостное выражение на ее «сонной роже» и подумает: как хороша получилась эта пара, из которой **он** сидел в школе сзади Ивана, а **она** - спереди. Они нашли путь друг к другу, а

Иван остался один, все его бывшие симпатии исчезли в безграничной жизни, а Жанна спилась и умерла.

Пока же Валентин терпеливо обучал Ваню играть на гармошке. Иногда брат Валентина печатал фотографии, в том числе с Ваниных пленок Потом Ваня подолгу разглядывал фотографии птичьих гнезд и разных мест, где ему приходилось бродить. Запечатление столь близкого его сердцу казалось ему волшебством. Глядя на расширение ручья на опушке леса, он словно воочию видел поднимающиеся со дна пузыри и опять проваливался в болотинку на берегу. В стене елового леса, на фотографии совершенно невыразительной, он знал, где нужно заходить, чтобы пройти в заболоченный сосняк, где так красиво.

Круг его интересов расширялся. Теперь он увлекался радиотехникой. Скоро он усвоил по книгам многие премудрости, однако, до практики дело не доходило из-за отсутствия материалов. Детекторный приемник, который он смастерил, говорить не желал, так как вместо одних частей были использованы другие. Так уж получилось, что постоянно чего-то не было из необходимого. По роду занятий Ване требовались порох и дробь, фотопринадлежности, а теперь еще и радиодетали, не говоря уже о книгах, для которых он сделал полку, украсив ее изображениями птиц. Для удобного хранения своих вещей он изготовил тумбочку, которая получилась весьма аляповатой. Изрядно поддатый дядя Леша, обладавший в состоянии окосения критическим умом, не преминул отметить низкий художественный уровень тумбочки. Последнее время он стал пить чаще, но больше. Ване то и дело приходилось ночевать на полу. Ночью он слышал, как мать что-то отбирала у дяди Леши на его кушетке. Он не сомневался, что это был нож, которым дядя Леша собирался его зарезать. После инцидента с геологическим молотком отчим не разговаривал с пасынком и только будучи пьяным позволял себе нелицеприятные реплики. Ваня представлял себе, что когда он вырастет, то уж припомнит дяде Леше все его проделки.

В конце третьей четверти Ваню исключили из школы, о чем он совсем не сожалел. Мать, правда, постоянно повторяла, что он вахлак, обормот и уж который раз выражала сожаление, что не задушила его еще в пеленках. Находиться дома было неприятно и Ваня проводил большую часть времени либо в лесу, либо у бабушки, у которой теперь хранилась берданка. Однажды берданка исчезла из угла за буфетом. Бабушка объяснила. Что милиционер, живущий в конце улицы, запретил Ване ходить с ружьем, так как он еще маленький. Возмущению внука не было предела. Перемежая слезы с угрозами, он ныл часа два, пока бабушка не принесла откуда-то берданку, заявив, что если попадется, то пусть сам на себя пеняет. Теперь Ваня носил берданку в мешке и каждый раз, проходя мимо милицейского дома, косился, нет ли кого-нибудь в окне. Вскоре бабушка сообщила, что милиционер опять говорил с ней на тему ружья, которое внук носит теперь в мешке, и грозил неприятностями. Пришлось унести берданку домой и ходить с ней в лес оттуда.

С Алькой Краей, которого раньше ваня называл евреем, теперь он сдружился, резонно рассуждая, что какая разница - еврей или нет. Края стал частым спутником Вани в лес. Весной они построили в опушечном лесу лабаз на огромной елке, решив, когда потеплеет , провести на нем ночь. В конце апреля наступили теплые дни и было решено осуществить задуманное с тем, чтобы попытаться найти тетеревиный ток. Охота, правда, была закрыта, но какое это имело значение.

Они отправились вечером, но едва свернули с дороги в поля, их окликнул какой-то дядька. На него не обратили внимания и лишь ускорили шаг. Края, однако, начал сомневаться в благополучном исходе их предприятия. Он начал припоминать, что окликнувший их мужик работает лесником. Наконец, не дойдя до лесу, Края сказал, что, пожалуй, вернется. Ваня пошел дальше и, уже далеко отойдя, оглянулся. Края все еще стоял в нерешительности. Ваня догадывался, что ему просто страшно идти на ночь в лес, хотя бы и на лабаз. Он надеялся, что Края возьмет себя в руки, но, оглянувшись очередной раз, увидел, что Края уже пошел домой.

На опушке пели овсянки. На хорошо знакомой дороге разлилась вода. Добравшись до лабаза, Ваня забрался на него и устроился на еловом лапнике. Смеркалось. Во всю пели певчие дрозды. Ваня видел их, сидящими на макушках елей. Сквозь деревья полыхало зарево заката. Картина была завораживающая. Вдруг раздался странный звук и недалеко пролетел вальдшнеп. Немного погодя с характерным: хор, хор проследовал другой. Ваня понял, что это тяга вальдшнепов, о которой он читал в охотничьей литературе. С изумлением он смотрел на проплывающих рядом в воздухе длинноносых куликов, но стрелять по ним не решился, помня о пресловутом леснике, а может быть и просто не желая нарушить того чудного видения этого вечера, к которому неожиданно прикоснулся.

Когда стемнело, тяга прекратилась, постепенно затихли дрозды и зарянки. Начало холодать. Одетый лишь в свой лапсердак, Ваня начал стучать от холода зубами. Ночью кто-то осторожно прошел под деревом, должно быть лиса. Заснуть так и не удалось. Всю ночь он кутался в свой пиджак и трясся, как осиновый лист. На рассвете протянуло несколько вальдшнепов. Ваня слез с дерева и вышел на просеку. На траве лежал иней. Неподалеку взлетела тетерка. Ваня вскинул берданку, но выстрел не последовал. Пока он крутился ночью на ружье, у берданки слегка отвернулся ствол. Осечка. Ваня пошел по обширной поляне вдоль края леса и вскоре услышал бормотание тетеревов. Сомнения не было, это - ток. Он сразу согрелся и долго подкрадывался к месту звучания тетеревов, уже представляя себе, где ток находится. Но тут взошло солнце и тетерева замолчали. Зато разом запели зяблики и другие птицы. Снова, как когда-то на реке, Ваня ощутил величие мига, когда из-за горизонта появляется светило и все живое восторженно приветствует его. Какие возвышенные ощущения появляются у человека, который, однако, должен оставить чуждый для него мир природы и вернуться к своему привычному миру серого обывания.

Бессонная ночь с ее изнурительным холодом дает о себе знать. Ваня возвращается к дому и, забравшись на высокую крышу сарая, засыпает в лучах солнца. Вечером он отправляется с Пушкиным на колбасе автобуса в заречную часть городка. В одном магазине они обнаружили, что выгнутое стекло витрины не достигает прилавка с добрый сантиметр, а сразу за стеклом стоят выложенные спиралью стопки плиток шоколада. Два проволочных крючка, введенных в щель, аккуратно вытаскивают нижнюю плитку. Стопка нежно опускается. Можно тащить следующую. Продавщица далеко и видеть ничего не может. К тому же одна из продавщиц этого отдела бабушкина соседка. Как-то она проворовалась и ее посадили. Но в тюрьме она родила и ее освободили. У них шикарный дом и бабушка говорит, что все это сделано на ворованные деньги. Поэтому ваня считает, что Попиха внакладе не будет, если они стибрят несколько плиток шоколада.

Пушкин, вытянув шею, разглядывает товар на полках, загораживая Ваню от покупателей. Ваня работает хладнокровно, и большие шоколадки одна за другой уползают из-под стопки. Четыре штуки хватит, а то будет заметно. Приятели находят шоколад классным и проверяют другие магазины на добросовестность витрин. Еще в одном витрина оказывается с тем же дефектом, но в ней стоят бутылки с различными винами.

На следующий день Ваня угощает шоколадом Лыткина, который говорит, что пробовал его и раньше. Мать в больницу приносила. Ваня рассказывает Лыткину о способе добычи.

- Попадешься когда-нибудь, - заключает Лыткин.

- Не, если действовать аккуратно, то никогда не попадешься...

- «Как веревочка не вейся, а совьешься ты в петлю».

Вор никогда не думает, что может попасться. Он почему-то убежден, что обойдется, и, действительно, часто обходится. Это придает уверенности в следующих свершениях, которые непременно последуют. Конечно, нельзя лезть на рожон. Надо с толком, расстановкой осмыслить действия и психологию людей, если они есть рядом. Ведь кому в голову придет, что торчащие у витрины пацаны чуть ли не на глазах воруют шоколад. Воровство на глазах людей самое безопасное. В случае чего, его можно обернуть шуткой. Можно быстренько уйти, пока кто-то дотумкает, что это ведь обыкновенное воровство, а он и не сообразил как-то. Другой и увидит, и сообразит, да и отвернется, не его дело; а, может, у них нож в кармане, время-то какое, убьют и не успеешь рот раскрыть!..

~ 42 ~

Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч - внутренний мой свет.
Им все озарено передо мной,
А то, что позади, объято тьмой.
(Вольфганг Гете)

Вьется тропинка по топкому болоту. Колышется под ногами тряская почва. Нельзя задерживаться на одном месте, нельзя вступить в сторону - там верная гибель. Трясина медленно и верно засасывает свои жертвы. Кто-то когда-то проложил тропинку к волшебному острову посередине болот. Теперь она едва видна, а кое-где трясина почти захватила ее. Ноги вдруг проваливаются в

вязкое месиво. Только не дергаться вперед. Падать на спину и вытаскивать ноги. Потом обход опасного места, подминая пучки осоки.

Совсем потерялась тропка, но вот знак - пучок высохшей травы в расщепленной палке. Далее серая стена тростника. Худо. Там вода. Шест нащупывает под водой жерди. Откуда они?.. Медленно вперед. За тростником островок с кустарником. Вот откуда жерди. Значит, есть тропа и в обход тростников или была. На островке хорошо. Он словно специально поставлен здесь, чтобы измученное тело отдохнуло.

На другой стороне острова в расщеп вставлена ветка - стрела. Здесь заходить. Опять колышется моховое одеяло и сбоку булькают пузыри. Пахнет гнилью. Порывы легкого ветра шуршат жесткой осокой. Уродливый ствол погибшего дерева с останками сучьев стоит поодаль. Наверное, там был тоже островок, но провалился. Вдаль тянется серая равнина и ничто не радует глаз. Птицы не живут в этих местах. Звери сюда не приходят. Появляются вдруг бордовые звездочки цветов. Стелет свои ничтожные побеги клюква. Пастельными тонами играют сюрреалистические рисунки плесени. Все еще ровен горизонт, а ноги уже заплетаются и равномерное чавканье утомляет душу. Остается боку «окно», отороченное желтой осокой. Черная вода напоминает о вечности, которой не хочется. Не отражаются в ней белые барашки в небесной голубизне. Пусть она проплывет мимо.

Едва заметное возвышение. Стоит ветхий крест с табличкой, надпись на которой стерли ветры. Могила провалилась в болото и чья она, знает только Всевышний. Какие-то погрузившиеся в мох развалины. Неужели кто-то жил здесь некогда?.. Может быть и волшебный остров уже поглощен болотом?.. Может быть это - сказка?!. Разве может существовать остров, на котором живет фея, среди болота?.. Почему ты так уверовал, что это правда? Ведь и не говорил тебе никто об этом, сам видел во сне и понял, что это так и есть. Но, если понял, зачем сомневаешься?..

Ушла тропка под слой воды. Шест проваливается тут и там. Может быть есть от могилы другой путь?.. Есть, нотеперь нет тропки. Как будто держит дернина, хотя ходуном ходит. А как же обратно?.. Ладно, на все воля господня... Может быть, не нужно будет обратно?!. Придет момент и что-нибудь к нему приткнется. Паук сплел паутину между кустиков осоки и ловит в нее мух. Забелела пушица мягкими кисточками. Яркая зелень впереди. Прочь! Это ловушка. Потянуло смердящим. Всколыхнулась теплая волна воздуха с маревом и вонью. Между больших «окон» проход. Шест упирается. Дернина уходит, ноне рвется. Трилистник, как три в одном. Проплыли «окна», стало тверже.

Поднялась тень на горизонте, утвердилась. Похоже, что это остров и есть. Как сил прибавилось. И кстати. Сумерки надвигаются. Все ближе. Нет сомнений. Это большой остров. На нем должна быть красивая избушка, в которой живет фея, сказавшая: приходи, здесь обретешь то, что тебе нужно...

Разгулялась трясина и вдруг... ушел шест в неведомое и пропал. Качнулось тело вдогонку, и всего-то шаг сделан лишний, но охватила трясина по грудь. Сперло дыхание. Высохло во рту. Ноги надеются на опору, но ее нет. Вязкая жижа медленно расступается, и грустно шелестит перед носом осока. Вот достигла болотная грязь подбородка. Рвется сердце в гуди, хлопают беспомощно руки по грязи, и взор, устремленный в небо, видит лишь сгущающийся мрак. Потекли нежные струйки в ноздри. Фея появилась внезапно: я давно тебя поджидаю, ты долго шел!..

* * *

На зоне оказалась только семилетняя школа, и желающим учиться в 8-10 классах было предложено написать заявления с просьбой о переводе в другую зону, где есть средняя школа. Подали заявления и Иван с Володей, и Алеша. Однако уже начался учебный год, но о переводе не было слышно. Иван сходил, посидел в 7-ом классе на уроке физики, который вел жгуче черный армянин. Английского языка не было из-за отсутствия преподавателя. Все учителя здесь были зэки. Из вольняшек женщин на зоне появились лишь какая-то толстая старуха да молоденькая зубной врач. Про старуху рассказывали, что как-то она влетела в зэковский сортир, прыгнула на очко и, содрав штаны, выдала такой могучий ветер, что в задней стенке едва доски не вылетели. Какому-то мужичку, вскочившему при ее появлении, она милостиво сказала: «Сиди, сиди, не укушу!.. приперло!..»

К зубной врачихе Иван ходил несколько раз. Обычно в ее кабинете сидел молодой воркутинец блатного вида и ждал, когда врачиха освободится. Она поставила Ивану пломбы, работая сверлом весьма аккуратно, отчего, однако, зад становился мокрым.

Пропадал даже интерес к выяснению: порются они тут наедине или этот молодец ограничивается сеансами, а доводит дело уже вручную, вспоминая стройные ножки, а остальное дополняя воображением.

Отношения с культоргом начали портиться давно и, наконец, совсем осложнились. Культорг постоянно придирался к Ивану то по поводу плохо помытого пола, то плохо протопленной печки. Он принадлежал к ой категории еще относительно молодых людей, которые на свободе были партийными и занимали хорошую должность, связанную с деньгами, порождающими искушение. Проворовавшись и оказавшись в тюрьме, такие люди продолжают считать себя вершителями судеб и, действительно, опять занимают должности и оказывают влияние на окружающих. Поэтому Иван ничего не получал за свою работу, и хлеборез советовал проучить культорга хотя бы кирпичом из-за угла. Но такая проделка казалась Ивану невозможной не только из-за страха, что кто-то может увидеть и капнуть, но и из гуманистических соображений. Сволочь есть сволочь и кирпичом по башке ее не изменишь, уж лучше стараться не замечать ее. Иван заметил, что бугор недолюбливает культорга и опасается его как стукача.

Сосед шнырь время от времени приглашал Ивана потолковать за кружкой чифиря, а то одному много. Теперь Иван не считал, что это - отрава. После чифиря хорошо думается и читается. Как-то у него завелся рубль и он купил пачку чая у хлебореза. Впервые он сам приготовил чифирь в печке и позвал соседа шныря. Лучше чифирнуть, пока бригады на работе. Хотя про стукачей не слышно, но береженого бог бережет.

Дружба с Володей внезапно кончилась. Уже несколько раз Иван замечал Володю в долгой беседе с молодым красавцем с девичьим ртом, занимавшем место под Володиной койкой. Это был типичный баклан, к которым Иван испытывал отвращение. Получив по хулиганке 1-2 года, бакланы обычно развязны и бесшабашны. Срок небольшой, зато потом будет уважение, а если не будет, так можно принудить к нему. Сколько Иван видел таких, еще не успев попасть сам. Выйдя на свободу, такие бакланы становятся и вовсе неприятными, давая всем понять, что «они тянули» и им все до фени.

Как-то юный красавец и Володя остались в зоне, получив отгулы, и валялись в постелях, когда Иван подметал кубрик. Добравшись до отдыхающих, Иван ощутил вдруг невероятную вонь, испускаемую юным красавцем.

- Тухнет кто-то заживо, фу!.. - Иван отошел в сторону, бросив метлу.

Оба бездельника залились хохотом. Как только Иван приблизился, чтобы продолжить прерванное занятие, красавец приподнял одеяло и выпустил новое облако вони, сопровождаемое приступом веселья. Ивана более задело, что его вчерашний приятель смеется над тем, что Иван выражает негодование, стоя поодаль.

- А ты-то что радуешься, тебе, поди, больше достается наверху!..

Володя продолжал хохотать, словно его все это не касалось, зато замешательство Ивана перед демонстрацией непотребства выглядело комичным. «Ничтожество, - думал Иван, глядя на топорщащиеся уши, - как это он раньше не замечал, а впрочем, старался не замечать, когда что-то такое лезло...»

Внезапно разнесся приказ «школьникам» приготовиться на этап. Остались позади обретенные навыки и неприятности. Небольшая группа зэков проследовала под конвоем к станции и погрузилась в «столыпин». Ехали недолго, и скоро опять конвой и вот... новая зона. Хотя прибывших и встретили, как полагается, с эскортом, места для них были не готовы. Их отвели в баню, где они заночевали, изумляясь обилию тараканов, неизвестно чем питающихся. Какой-то здоровый малый с унылым лицом перебросился с Иваном несколькими фразами, а утром, едва их распределили по баракам, нашел Ивана и позвал пить чифирь. Почти всех определили на лесозавод. Иван держался подальше от Володи, но тот иногда подходил и пытался разговорить Ивана. Предательство, однако, не прощается так скоро, как хотелось бы совершившим его. Иван не желал обсуждать что-либо с Володей и, ограничившись односложными ответами, демонстративно отходил.

На лесозаводе Иван работал в звене, ошкуривавшем бревна. Работа была не тяжелая. Из штабеля бревно сбрасывалось на катки из поперечных бревен, и специальной лопаткой на палке

состругивалась кора. В дождливую погоду было холодно. Особенно страдал звеньевой - армянин Степан. По большей части его можно было найти в кочегарке, где он часами стоял за большим теплым котлом.

В школе было несколько вольнонаемных учительниц. Все они были тусклые, хотя ученики цепко разглядывали их внешность, стараясь мысленно проникнуть глубже. Некоторые предметы вели учителя зэки. Знания, получаемые в этой школе, оставляли желать лучшего, но вольные учителя получали надбавку за «вредность», а ученики убивали время в обстановке, несколько отличающейся от их быта.

В зоне оказалось немало музыкантов, составлявших оркестр. Столовая, как обычно, выполняла также функции клуба, поэтому в ней имелась сцена, к которой сзади примыкала репетиторская комната музыкантов. Некоторые из них в прошлом были профессионалы. Однако скрипачей или виолончелистов среди них не было. Музыканты приветливо отнеслись к Ивану, послушали его игру вполне снисходительно и рассудили, что через некоторое время Иван сможет как-то вписаться в их оркестр, а пока он может заниматься в их комнате. Там, правда, всегда кто-то находился. Заниматься на скрипке вместе с духовиками было невозможно и Иван тренировался по вечерам в столовой. Иногда к нему приходил валторнист Иван, игравший когда-то в театральном оркестре. Он был превосходный музыкант, хотя совсем недавно пришел на зону из «крытки»* , где провел 5 лет. Когда он сообщил это обстоятельство, Иван вздрогнул и спросил. За что его так «облагодетельствовали». Валторнист рассказал, что однажды застал у жены в постели какого-то мужика. Вытащив из кармана пистолет, музыкант предложил соблазнителю прыгать голым в окно. Зачем он носил пистолет, валторнист не объяснил, но похоже, что он уже знал о склонностях жены, но полагал, что все зло в любовниках.

Хотя окно находилось всего на втором этаже, незадачливый любовник сломал ногу. Самое скверное, что он оказался каким-то высоким чином МВД. Ивану-валторнисту дали 8 лет, из них 5 - «крытки». Музыкант признавался, что после этих 5 лет он стал немного не в себе. Иногда он говорил что-то словно бы для себя, не обращая внимания на Ивана. Когда они разучивали «Осеннюю песнь» Чайковского, Иван-валторнист кричал: «Ну здесь же портаменто!» и плакал. Иван старался не замечать состояние своего тезки и по возможности делал портаменто раз за разом, пока старший Иван не успокаивался. Для людей, тонко чувствующих музыку, естественно испытывать под ее влиянием сильные чувства, вызывающие соответствующие реакции организма. Для Ивана-валторниста было не обязательно натурное звучание. Он слышал музыку, глядя в ноты, но ее искажение он переживал с болью, выплескивающейся наружу. В том, что касалось музыки, он очень напоминал Михаила Ивановича, несмотря на то, что они играли на очень различных инструментах. Сходство музыкантов было связано с самой сутью приобщения к музыке, открывавшей людям глубины гармонии мира.

Иногда в кубрике появлялся Вадим, с которым Иван познакомился еще в первую ночь на этой зоне. Он приглашал Ивана глотнуть чифирь, нимало не заботясь о том, что у Ивана не было своего чая, так как не было денег. Чифирь здесь пили совершенно открыто. Менты в бараках появлялись редко. Стукачей, видимо, вовсе не было. Жизнь на дальняке действительно оказалась легче. По крайней мере, люди не старались причинить друг другу неприятности. В зоне было много старожилов, которые старательно поддерживали старый воровской стиль, т.е. ходили в хромачах и собирали где-то малину*. Всегда у них был деловой вид, словно они решали государственные проблемы. Однако простых мужиков они не трогали и их внутренние дела для большинства неизвестны и неинтересны. Рассказывали, что у иных старожилов, работавших по десять и более лет в лесоповальных бригадах, на счету лежали суммы денег, достаточные для покупки легковой машины. Стало быть, одну машину эти «богатеи» уже подарили государству.

В лесоповальных бригадах люди по-настоящему работали и попасть в такую бригаду было непросто даже при большом желании. Многие, однако, и не стремились в эти бригады, коротая свой срок на работах, где не требовалось выкладываться: трактор пусть работает, он железный!..

Режим питания на дальняках зависит от выработки. Если бригада выполняет дневной план, то на следующий день ей полагается в обед каша. В противном случае обед ограничен су-

* На тюремном режиме
* Воровской сходняк

пом. Но вечером в любом случае выдается первое и второе. После работы зэки заправляются как следует, чтобы набрать сил на следующий день.

На лесозаводе в обед обычно обходятся без каши, т.е. норму не выполняют. Иногда бригаду гонят в поселок что-то разгружать или загружать, то известь. То шлак. Иногда ломают какой-нибудь старый дом, таскают какие-то грязные мешки или долбят дорогу. Для поселковой администрации работа зэков выгодна, платить меньше. Для лагерной администрации тоже выгодно - расчет наличный, в карман приличный. Зэки не переламываются. Первым делом разводится костер. Рядом то же самое делают солдаты - охрана. Их не волнует, работают зэки или у костра лясы точат. Это надзор пусть заботится, а для солдат важно только, чтобы не сбежал кто-нибудь.

Работа в поселке всем по душе, ведь это фактически свобода. Поодаль проходят совершенно свободные люди. На зэков они даже не смотрят, привыкли. Зато зэки разглядывают вольняшек, особенно женщин. Бывает, что проходящую молодку ощупывают взглядами так, что ее одежды того и гляди свалятся. Некоторым такое внимание доставляет удовольствие и они не торопятся исчезнуть за поворотом.

Иван носит в кармане вырванные страницы из учебника английского языка и у костра штудирует их. Зыркать по сторонам он тоже не забывает, тем более, что в группе греющихся то и дело раздаются возгласы: глянь, какая краля, н-н-у, торчу!..

В поселок, однако, водят редко, так как чаще приглашают на работу соседнюю зону. Она находится рядом. Две зоны разделяет лишь узкий проход. Говорят, что за соседней зоной еще одна. Зэков, наверное, больше, чем жителей в поселке. Должно быть над всей этой территорией висит незримое облако душевного смрада, постоянно возобновляемое в зонах. Оно пропитывает души вольных людей, живущих в этом краю, и отравляет их. Не могут люди испытывать здесь счастья, кроме животного.

Смрад пропитывает и землю и долго в ней сохраняется. Уже ничего не останется здесь, кроме руин, но каждый появляющийся зачем-нибудь ощутит какое-то неприятное беспокойство и лишь наткнувшись на земле на остатки ржавой колючей проволоки сообразит, что земля здесь пропитана человеческим горем и скотством.

* * *

Валерка уже с год как покуривает, а Ваня не может начать. Всякий раз, когда он глотает табачный дым, ему делается тошно. Запах изо рта покурившего приятеля ему невыносим. Однако надо терпеть, не может же он отставать от других и, испытывая муки, он настойчиво овладевает курением. Правда, ему никогда не приходит в голову курить в одиночестве, тем более что он никогда не покупает папирос. Но когда предлагает Валерка, Ваня не отказывается и старается изображать из себя завзятого курилку. Его нисколько не трогает то, что Генка не курит и спокойно считает это никчемным делом. Но Генка вообще многое не одобряет и с некоторых пор он с Ваней видится редко, а когда они встречаются, разговор не клеится.

С Валеркой Ваня часто роется на свалке телеграфа, отыскивая занятные железки, мотки проволоки и прочие штучки. Но для сборки приемника все это непригодно. Наконец стало ясно. Что нужно ехать в Питер, там, вероятно, можно купить разные части. К досаде Вани на виске у него появился фурункул, с которым пришлось обращаться в поликлинику. Ему сделали разрез, выдавили гной и перебинтовали голову. С этим он и отправился в Ленинград, приодевшись в резиновые сапоги и видавший виды полупердончик. На гармошке между вагонами было холодно, пришлось стоять всю дорогу на буферах, где тоже не жарко.

В Питере он бродил по магазинам, рассматривал радиодетали и фотопринадлежности. На ночлег устроился на причердачной площадке, которую нашел после долгих поисков. Кой черт, думал Иван, у нас в городе можно ночевать где угодно, а здесь, в таком большом городе не найти места.

На бетонном полу было холодно. Утром Ваня достализ кармана окурок, решив согреться куревом. Пониже грохнула дверь и послышались поднимающиеся шаги. Появилась пожилая женщина с тазом белья, которое она несла н чердак, чтобы развесить на просушку. Завидев Ваню, она замерла, потом бросила таз и помчалась вниз. Загремели засовы. Проходя мимо двери, Ваня услышал набираемый номер телефона: «Алло, милиция?!.»

«Чего она испугалась?..» - недоумевал Ваня, прыгая после слова «милиция» через несколько ступенек. В стекле парадной двери он увидел свое отражение с перевязанной головой и решил, что всему виной повязка. Он снял ее и бросил за дверь. В резиновых сапогах тут тоже никто не ходил, но ведь их не выбросишь. Да и кому какое дело, в чем он ходит.

В магазине радиодеталей он нашел все, что ему нужно и даже с запасом. Он купил детектор, два диода, разные сопротивления и конденсаторы. В магазине фотопринадлежностей он долго глазел н увеличители, резаки и прочее оборудование и, наконец, купил цветную пленку. Магазин «Спорт, охота, рыболовство» задержал его особенно долго. Тут была тьма нужных вещей, но денег не оставалось. Он приобрел красивую блесну, так как совсем недавно читал о захватывающей ловле именно на блесну.

Ваня не сомневался, что все это ему нужно. Привыкнув мечтать, он представлял себе, что сделает не только детекторный, но и ламповый приемник. А там, глядишь, и радиопередатчик, работающий на морзянке. На цветную пленку он снимет прекрасные виды природы, птичьи гнезда и самих птиц, которых будет долго подстерегать, чтобы сфотографировать. Естественно, что на блесну он поймает здоровенную щуку. Подобные мечты охватывали его в одиночестве под влиянием прочитанного. Однако собственно творческого начала в нем недоставало. Не было наставника, кроме как в фотографии, и всегда что-то мешало. Дворовое влечение убивало время и энергию. Даже в своих блужданиях по лесу он познавал ничтожно мало, хотя считал себя натуралистом.

Иногда во дворе затевались занятные игры почти на весь день. Как-то Стас придумал многоходовую игру - поиск приза. Последовательно нужно было решать много задач, каждая из которых сама по себе была поиском места, в котором было закодировано следующее место. Нужно было решать ребусы, угадывать слова, идти по азимуту и прочее. Напоследок нужно было прочитать по азбуке Морзе местонахождение приза. Все эти премудрости Ване были знакомы, и он без особого труда определял, куда делать следующий шаг, а вся шарага затем искала тайник. Но на последнем этапе Ваня решил действовать в одиночку, так как только в его записной книжке имелась азбука Морзе. Он прочитал последнее указание и помчался к сараям, где лихорадочно принялся искать тайник. Однако ничего похожего не было. Потом оказалось, что он невнимательно прочитал указание: приз надо было искать у других сараев. Кто-то успел сбегать домой и принести книжку с азбукой Морзе, после чего не составило труда найти приз. Затем вся дворовая братия пришла к Ване со смешками. Особенно усердствовал Шишка, который был счастлив, что Ваня так позорно прогорел:

- Посмотрите, как наш сыч обложился!.. - заливался Шишка и хохотал Ване в лицо.

Ваня старался не обращать на него внимания и выяснял у Стаса, в чем его ошибка, но Шишка так и лез на него, упиваясь его просчетом. Ваня встал с поленницы и врезал Шишке в его круглую морду.

- Ну, сыч поганый, я с тебя живого не слезу!.. - проревел Шишка и бросился на Ваню, который помнил, что близкий бой с Шишкой ему невыгоден. Несколько раз он отскакивал, парируя лавину Шишкиных кулаков, но потом споткнулся взад и слегка присел. Тут-то Шишка его и сграбастал. Они долго возились, но Шишка изо всех сил держал его согнутой рукой за шею и время от времени наносил удары. Из носу Вани ручьем хлестала кровь. С трудом он оторвался и отскочил, но Шишка как таран надвинулся и снова обхватил его за шею, истошно вопя при этом.

У дома собрались старухи и смотрели на схватку у сараев. Кто-то вызвал милицию. Откуда-то появился Генка. Ваня уже с трудом дышал, когда услышал Генкин голос:

- А ну, отпусти, а то сейчас будешь иметь дело со мной!..

Генка оторвал Шишку от Вани и приказал Ване уходить. Шишка дергался у него в руках и кричал, что все равно он убьет этого сыча. Ваня ушел домой. Едва он вымылся, в комнату вошел милиционер. Физиономия Вани была столь красноречива, что особых вопросов не требовалось. Глаз затек кровью, нос распух, губы были разбиты. Милиционер достал блокнот: кто бил?.. Ваня отвернулся в угол и сказал, что они сами разберутся. Мать всхлипнула: они уже столько разбираются, что скоро этого вообще принесут... Милиционер попытался снова добиться у Вани фамилию обидчика, поясняя матери, что им нужно свидетельство пострадавшего, а выяснить, кто его бил, ничего не стоит, полдома видело. Сейчас милицейская машина свозит Ваню к врачу, который даст справку о телесных повреждениях и обидчик получит по заслугам. Но Ваня заявил. Что никуда он не поедет и вообще лучше милиции в это дело не вмешиваться, так как он сам виноват.

- Ну, как знаешь, - сказал милиционер и ушел.

Прибежал Пушкин, который только что узнал о могучей драке.

- Сильно он тебя разделал, но пацаны на него обозлились, а ты ему тоже фингал поставил... У меня хабарик есть, хочешь?..

Они пошли на чердачную площадку, и Ваня выкурил крупнокалиберный хабарик. Общение с приятелем принесло ему облегчение. На следующий день они ушли в лес и долго бродили там, отмахиваясь от комаров. Потом Ваня зачастил на рыбалку и как-то поймал крупного щуренка. С дрожью в руках он тащил бешено дергающуюся лесу, и когда увидел щуренка, то обомлел. Рыбина была побольше того злополучного окуня, с которым в штанине он попал в милицию год назад. Летом синяки проходят быстрее, чем зимой. Уже не осталось никаких следов, а Шишка еще с гордостью носил гимнастерку, испачканную Ваниной кровью. Скоро ему, однако, не повезло. Из соседних бараков пришел Коля Егор. Это был здоровый медлительный парень. Неизвестно, что произошло у них с Шишкой, но Коля Егор не стал с ним возиться, а завез Шишке ногой в интимное место. Шишка пролежал на земле около дома часа два и никто не обеспокоился о том, а жив ли он, хотя многие ходили смотреть, и Ваня тоже, лежит Шишка или уже встал. Он лежал вниз лицом. Стас заметил, что Шишке нечем будет теперь девок портить, чем он постоянно похвалялся, хотя ему никто не верил.

Как-то Ваня узнал, что в НГЧ есть конюшня и там разрешают после работы гнать лошадей на луга за поселок в ночное. Это, правда, были не дикие мустанги, а изношенные клячи, отдельные из которых возили ассенизационный ящик, другие таскали простую телегу. Все же некоторые из них неплохо ходили галопом. Скоро Ваня стал конюшенным завсегдатаем. Сюда приходили ребята из разных частей города. Договаривались, кто на ком поедет. Обсуждались достоинства лошадей и их привычки. Обычно все дела решались мирно с непрерывными восклицаниями: «Оставь покурить!..» Каждый старался показать свое пренебрежение всем миром, но, разумеется, в рамках установившейся иерархии, в которой каждый знал свое место или догадывался о нем.

Маршрут всегда был один: сначала легкой рысью доезжали до поселковой дороги, ровной, как струна, и от мостика чрез Воняловку мчались галопом наперегонки. Случались неприятные происшествия. Как-то Ваня лихо мчался, стараясь обогнать соперника. Только что прошло стадо коров и две из них отстали, оказавшись на пути мчавшихся всадников. Одна корова метнулась из под скачущей впереди лошади и угодила прямо под Ванину лошадь, ударившую корову грудью. Корова упала, лошадь встала, а Ваня по инерции полетел дальше. Мчавшиеся сзади потом рассказывали, что летел Ваня по воздуху над коровой очень красиво. Не столь красиво было приземление на жесткую дорогу. Ваня так шмякнулся, что едва мог отползти на обочину, зная, что сзади скачет с десяток лошадей и они не очень-то разбирают, что у них под ногами. Почти две недели после ставшего знаменитым полета Ваня ходил с палочкой.

Потом он закрепил за собой другую кобылу, которая была очень быстрой, но только тогда, когда впереди ее скакала другая лошадь. Среди лошадей, как и среди людей, встречаются индивиды, не отстающие от первых, но не желающие сами быть первыми. В один прекрасный вечер Ваня выскочил на Мурашке на мост, отхлестал ее по бокам плеткой и дал поводья. Мурашка резво помчалась впереди, но вскоре приблизилась к полной грязи канаве и встала как вкопанная. Ваня, хоть и был готов к ее проделкам, съехал лошади на шею и медленно перевернулся через ее голову в канаву. Теперь падение было мягким. Прохожие ржали на весь поселок. Нимало не смущаясь, Ваня вылез из канавы, хотел дать лошади по морде, но она так грустно смотрела на него, что он плюнул, забрался на нее и бросился догонять табун. Теперь Мурашка показала свою прыть и за поселок примчались все вместе. Здесь на передние ноги лошадей надевали путо и купались в воронке. Мелькали красные, как у макак, задницы, сбитые о костлявые лошадиные хребты. Сии почтенные травмы всем юным наездникам доставляли немалую неприятность, вынуждая иногда по целой неделе садиться несколько боком и выжидать, пока образуется мозоль. Нечего было и думать в течение нескольких дней сесть на лошадь. Поэтому самые быстрые лошади переходили из рук в руки, хотя существовала определенная их закрепленность, которой придерживались. Проблемы старались решать дипломатически, используя изощренный мат. Лишь иногда возникал спор, переходящий в драку. Но на шум выходил конюх и грозил оставить дерущихсябез лошадей. Как-то Ваня опоздал к выводу лошадей и повстречал кавалькаду уже выехавшей за ворота НГЧ. На его кобыле восседал Богдан - парень с соседней улицы. На требование слезать он огрызнулся, а когда Ваня взял лошадь под уздцы, ударил его путом по голове. Удар толстой веревки с узлом на конце был весьма болезненный. Ваня рассвирепел, стащил Богдана за ногу с лошади и, дав зуботычину, уло-

жил его в месиво грязи в дорожной колее после хорошего дождя. Потом он подвел кобылу к какому-то столбику, с которого запрыгнул ей на спину.

Через несколько дней на конюшне появился Курап. Он не был особым любителем скачек, находя, что его задница не приспособлена к лошадиным хребтам. На приветствие Вани и заискивающую просьбу оставить покурить, Курап глубоко затянулся и, передавая окурок, процедил:

- Я слышал, ты тут права качаешь!..

- Да нет, если ты имеешь в виду этого хмыря Богдана, так он сам виноват... сел на мою лошадь, да еще и путом огрел меня по челдону...

- Ну ладно, - Курап циркнул слюной сквозь зубы, - ты на ком ездишь-то...

- На Мурашке...

- Ну, дай я на ней прокачусь, пока жопа цела...

- Бери, конечно, но имей в виду, что она первая не ходит... вырвешься, так сбросит...

Ваня был доволен, что Курап не стал его бить из-за какого-то обормота. С тех пор как они когда-то боролись в классе Ваня внешне изменился мало, тогда как Курап расширился, стал степенным и походил на мужика. Тягаться с ним теперь вовсе не хотелось. К тому же поговаривали, что Курап связан с урками, которые способны на все. Из посетителей конюшни любой почел бы за честь такую связь, но пока не представилось случая, пока они только готовились к делам морально. В этом отношении конюшня давала им больше, чем просто утоление жажды острых ощущений.

Популярным местом сбора всей городской шпаны была курилка в клубе. Эта большая мрачная комната перед сортиром всегда была заполнена табачным дымом и здесь можно было встретить кого угодно. Легендарные личности устанавливали здесь приоритеты, иногда весьма экстравагантным образом. Витя Гребеш как-то завалил в углу курилки Щуку и, достав у того огромный член, шевелил его ногой, сняв ботинок. В конце концов Щука даже заплакал, что было странно видеть, так как в прирыночных бараках не было более жестокого парня, которого хорошо знали в милиции. Щуке оставались на свободе считанные месяцы до колонии малолеток.

Ваня хорошо знал заднюю часть клуба. Почти под самой крышей там было окно, к которому вела вертикальная жлезная лестница с нижней крыши. В этом окне они с Виталиком выставили стекло. Правда, за окном внутри тянулась вдоль стены какая-то решетка из брусьев. Между нею и стеной нужно было лезть боком добрый десяток метров до самого конца стены, где можно было вылезти из этой щели на галерею над сценой. Теперь оставалось спуститься на сцену по лестнице. На сцене всегда было щекотливо. Казалось, в этом большом пустом пространстве с различными сооружениями присутствуют незримые тени. Конечно, было бы хуже, случись тут зримый служащий клуба. Сцену закрывал занавес с киноэкраном. Последним этапом киношной прогулки было проскочить пространство перед экраном и где-то незаметно в зале сесть.

Контролерша косая Галя не могла обнаружить, каким образом на сцене оказываются эти обормоты, ведь кругом все заперто!.. Но Ваня с Виталиком регулярно смотрели кино. Кроме них никто не рисковал ползти на боку между решеткой и стеной. Валерка раз попытался, но застрял, едва обратно вылез. Однажды окно оказалось капитально заделанным. Теперь надо было приходить загодя и прятаться под сценой, где оказался обширный незаделанный подпол. Иногда доносился голос косой Гали. Перед сеансом она обходила теперь сцену, но лезть в темноту подпола она не решалась.

Осенью Ваня пошел в другую школу, опять в восьмой класс. Желания учиться не прибавилось, но надо было что-то делать, точнее, за чем-то числиться.

В классе оказалось несколько переростков, занявших целый задний угол. К ним пристроился и Ваня, сев за парту с сыном известной в городе судьи. Олег был спокойным, рассудительным парнем, отращивающим на мизинце ноготь, который уже на добрый сантиметр превышал палец. Во время уроков он обычно шлифовал свой ноготь, или чистил ремешок часов, или занимался другим полезным делом. Он не спорил с учителями, не шкодил, не носился на переменках по партам. На девочек он тоже особого внимания не обращал, считая их «сикушками», с которыми каши не сваришь. У него были другие симпатии, с которыми он «варил кашу».

- У тебя пальцев не хватит на руках и ногах, сколько баб я переимел, - заявлял он Ване в минуты откровения и пускался в воспоминания: как она и как он делали. Откровения перли изнего особенно на уроке географии, учитель которой, он же директор школы, плохо слышал. Олег скла-

дывал руки у рта и, преданно глядя на учителя, рассказывал Ване свои истории. На переменках он оставлял Ване покурить хорошей сигареты.

О своей мамаше Олег не любил распространяться: ну, судья!.. что тут такого... вон Заруба сидит, у него папаня начальник угрозыска...

Ваня вспоминал, что дядя Леша одно время был народным заседателем в суде под председательством матери Олега и любил рассказывать о судебных процессах, в которых он тоже имел решающее слово. Но судья Марья Ивановна его просто восхищала. Эта непомерно тучная женщина восседала в кресле как сам господь Бог и сидящие на скамье подсудимых трепетали под ее суровым взглядом. Ее приговоры для заседателей были непререкаемы, хотя нередко загадочны. Одним она отмеривала на всю катушку, других - освобождала во время суда. После тяжелой работы по решению: кому что дать, в совещательной комнате устраивали небольшой банкет. Марья Ивановна хлестала водку, как извозчик, благо утроба позволяла. Потом ее отвозили домой, где пивший в другом месте муж избивал ее. Случалось, что она звала на помощь, хотя муж был хлипкий и быстро выдыхался, пока молотил такую тушу. Однако марья Ивановна никогда не подвала жалоб в милицию, а, припудрив синяки, воплощала в себе государственную справедливость как ни в чем ни бывало.

Сидя в школе рядом с отпрыском сей воительницы с беззаконием, Ваня не подозревал, что уже скоро ему придется с нею встретиться, но пока в качестве свидетеля. А после заключения он явится к ней за консультацией: может ли он, условно досрочно освобожденный, поступать в университет. Ответ стража закона будет прост: у нас достаточно достойных молодых людей для поступления в университеты...

Каждый день Олег хвастает своим ногтем, не замечая, что Ваня ничего не смыслит в его удовольствии, полагая, что такой ноготь только мешает жить. Сзади сидит Славка, рослый красивый парень, который живет далеко и постоянно опаздывает на уроки. Все учителя его прощают, посколку он с милейшей улыбкой оправдывается, что автобус ходит очень редко, а сегодня и вовсе сломался. Весь угол класса вскоре посвящен, что Славка был у своей зазнобы - продавщицы Клавки и до школы ли тут, такая женщина!.. Его сосед - грузный Шура, добродушно посмеивается. У Шуры нежная любовь с красивой девочкой из 7-го класса и тасканием по бабам он не занимается.

Ваню все эти рассказы весьма занимают, хотя самому ему не везет. Он хочет выяснить причину у Олега и тот поясняет, что Ваня еще не дорос до женщин. Ему еще только в подъездах целоваться с девочками полагается, а больше ни-ни. Однако и до подъездов дело не доходит, вот ведь досада... Он поглядывает на уроках то на Валю Корицкую, то на Тоську - ее соседку. Валю все мальчишки разглядывают на физкультуре. У нее такая классная фигура, что даже Олег признает, что Валя это - ох!.. Морда у нее, правда, постная. А Тоська вся как будто шарнирная. Руки и ноги у нее болтаются во все стороны, но зато титьки не меньше, чем у Вали, и она охотно ими трясет. Ваня решает не влюбляться в них. Постепенно он приходит к мысли, что самая красивая у них в классе Женя Ивановская. Титьки у нее, правда, в виде прыщиков, но во всем остальном она превосходна. В очередной раз Ваня влюбляется издали, не предпринимая попыток сблизиться с объектом своего влечения.

Дома он, однако, почти не вспоминает о своей классной симпатии. Тут у него другие заботы. Соорудив автоматическую западню, он наловил синиц и теперь на его тумбочке стоят три самодельных клетки с воробьями и синицами. Когда матери нет дома, Ваня выпускает птиц полетать по комнате. Синицы устраивают настоящий концерт. Правда, отлавливать их потом стоит трудов, а синицам изнеможения. Лишь бесхвостая Пинька может продолжать гуляние, так как она сама забирается в свою маленькую клетку. Она спокойно долбит семечки в вазах, выпиленных Ваней лобзиком из фанеры. Мать смотрит на клетки с неприязнью, а если находит где-то гуано, то начинает брюзжать, грозя выпустить всех: незачем птиц мучать, их место на улице!.. Ваня показывает ей книгу о содержании птиц в неволе: дескать, ученые люди этим занимаются и книги пишут о том.

- Но тебе- то ученым не бывать, тебе бы только дурака валять! - резко возражает мать, - да ненужные книжки читать, лучше бы в учебники заглядывал!..

Она думает, что эти пожелания могут вызвать интерес сына к учебе, но получается как раз наоборот. Насупившийся сынок чистит клетки, дает птицам корм и отправляется во двор. В стылом воздухе стучат клюшки, то и дело раздаются звонкие вскрики. Пока совсем не стемнеет, по

двору мечутся фигуры подростков, гоняя шайбу, напитываясь здоровьем, которое позднее каждый будет растрачивать по-своему.

В новой школе есть лихие ребята, с которыми Ваня быстро находит общий язык, тем более, что с Виталиком он знаком по конюшне. Виталик весьма хлипкий пацан, Ваня довольно свободно кладет его на лопатки. Но Виталик относится к категории сорви-голова и ему все равно с кем драться, хоть с мужиком вдвое старше себя. Если Виталик меняет интонацию и говорит: да ты чего!.. Ваня слегка робеет, хотя старается виду не показывать. Уж он-то на кого угодно не полезет. К тому же у Виталика закадычный друг здоровяк Робка, Роберт значит (сразу припоминаются «Дети капитана Гранта»). Это надо же такое нерусское имя дать!..

Новые друзья с удовольствием ходят подглядывать в окна женской бани или санпропускника. Последний даже лучше. Его окна выходят в темный закут за глухим забором, правда, высоковато, но если укрепиться, то можно хоть целый вечер сидеть. Иногда женщин много и друзья на окнах устраивают дебаты , обсуждая достоинства то одной, то другой красавицы. Случается, что их увидят. Кто-то старается доплеснуть водой из таза до окна, кто-то отворачивается, кто-то, наоборот, поворачивается и намыливает шею, слышны какие-то вскрики. Однажды кто-то сходил пожаловался, прибежали женщины в белых халатах - работницы санпропускника. Друзья, не долго думая, забрались на крышу по водосточным трубам и слезли по ним же на другой стороне здания.

Виталик и Ваня предпочитают хорошо упитанных бабенок. Робка возражает философски, что, мол, доходяги всегда хотят толстых баб. Сам он считает, что женщина должна быть стройной, чтобы на ней не было жировых складок, как на свинье, а наоборот, косточки выступали. Виталик возражает, что с такой бабой будешь в синяках ходить. Ваня пылко с ним соглашается, вообразив, что, а, ведь, верно! Робка спокойно говорит им, что поскольку они теоретики, то и спорить не о чем, вот поимеют какую-нибудь чувиху, тогда и говорить можно будет.

Они идут по пустынной дороге вдоль черной канавы от санпропускника. Более мерзостной канавы в городе нет. И откуда в этой такая чернота?! В эту канаву когда-то по пьяни ввалился дедушка, и Клейн, который его хорошо знал (вроде бы работали вместе), его вытаскивал, а потом на вытянутых руках довел до дому. Бабушка вспоминает, какой это ужас был: одежду пришлось выбросить и деда обмывать два дня. Он и сам потом никогда не ходил больше мимо санпропускника, так как в других канавах просто грязь, а тут черт знает что, с мазутом, наверное. Зимой от канавы поднимается зловонный пар. Нет чтобы забор из-за канавы перенести к дороге, а то стоит забор, пустырь огораживая с березами. Далее большой угрюмый склад. Ваня смутно помнит, что давным-давно, кажется еще война была, в одном крыле этого склада продавали продукты, за которыми всегда стояли длинные очереди. Здесь продавали сахарин для чая, который делали из разных листьев.

Черная канава уходит в трубу под дорогой, потом огибает склад, скрываясь в зарослях бурьяна и кустов, и вливается в Воняловку. Но в детстве все купаются в Воняловке немного ниже места впадения черной канавы, особенно после дождя, когда в речке воды прибавляется. Бывает, что даже девчонки приходят и купаются зачем-то в майках, словно у них там что-то есть.

Теперь уже немало лет прожито и есть что вспомнить о самых разных местах городка. Ничего в нем нет особенного, как в других городах, но все же много именно своего, того, что проносится потом чрез всю жизнь. Где еще, например, есть разбомбленное в войну и так и не восстановленное депо. Громадные пустые пролеты с рухнувшими перекрытиями, невероятно толстые стены из красного кирпича и мощные бетонные стойки и подпорки. Говорят, что хотели что-то сделать с развалинами, да отказались: слишком прочно все было сделано до войны. Тогда строили на совесть, не то. что теперь. Говорят, что и жили лучше, и народ был другой, а война все испортила. Но так говорят одни. Другие считают, что было то же самое, разве что бандитов было поменьше, да и то вряд ли. Кто-то, конечно, жил хорошо, но основной народ, как и теперь, обитал в бараках, пил, гулял, уходил в тюрьмы и возвращался, чтобы снова пить и гулять. Но усатого чтили. Врут, конечно, что солдаты, когда шли в бой, кричали: «За Родину, за Сталина!» Это комиссары разные орали, а солдаты смотрели, уда бы занырнуть, да зарыться поглубже.

По-разному люди смотрят на все вокруг, по-разному и толкуют, хотя стараются не распространяться. Научили за многие годы. Не зря же столько военных. Никакие они не военные: это только форма такая же, а на самом деле они людей сажают, которые лишнее говорят. И дядя Миша, значит, тоже, и папаша Татарина, и Турутин (этот даже начальник какой-то), и много других.

Но теперь и по радио об усатом говорят плохо, из мавзолея вынесли, а соплей-то было сколько, когда загнулся. Робка говорит, что и нынешние, когда дуба дадут, то охаяны будут, поскольку все одним мирром мазаны, все врать горазды, а нашему брату только бы горло драть: у-р-ра! У-р-ра! Виталик говорит, что ловить Робке рыбу в Колыме, там, говорят, хорошо клюет, но вот беда - червей нет.

~ 43 ~

Мы обладаем только тем счастьем, которое в силах постигнуть.

(Морис Метерлинк)

Жизнь подобна путешествию, и в ней обнаруживаются те же самые элементы: желаемого и необходимости, которые столь характерны для любого странствия. Как бы мы не путешествовали, нступает время остановки для отдыха и, может быть, работы. Если наше путешествие связано с движением за счет собственных физических ресурсов (а только это и следует называть путешествием, все же остальное - туризм), то возникает проблема места остановки с необходимыми и желаемыми атрибутами: нужны вода и дрова, место для лагеря, по возможности радующее глаз. Нам хочется, чтобы усталость быстро исчезла, чтобы впечатления от нового места вливались в нас свободно и широко. Ведь мы здесь никогда не были и, по всей видимости, никогда не появимся здесь снова.

Когда все складывается удачно, мы находим все, что нужно. Место запоминается как благостное. Оно будет долго вспоминаться в подробностях и приятных эмоциях. Однако случается, что места для стоянки не найти, так как везде чего-либо не хватает: то нет дров, то отсутствует вода, или некуда приткнуться. Мы двигаемся и двигаемся, надеясь на случай, и приходит крайняя усталость, а нужного сочетания все нет. Наконец, приходится смириться с тем, что судьба предлагает (у нее безграничные возможности варьировать). Вода может быть только в старой колее лесной дороги. Дрова надо носить к единственному сухому месту для лагеря издалека. Об эстетике окружения нечего и говорить. Тучи кровопийц из окружающих болот возрадуются вашему появлению. Если еще хлынет дождь на сутки, то путешествие, в которое вы отправились с надеждой и радостью, покажется каторгой.

Но минет время, вы отправитесь дальше и, может быть, после очередного преодоления стоянка окажется в столь благоприятном месте, что все былое забудется, как неприятный сон. Тихая радость наполнит душу. Лесной ручеек прожурчит свою старинную песнь и напоит кристальной водой. Давным-давно упавшее и высохшее дерево обеспечит дровами и послужит сиденьем и столом при скромной трапезе. Мягкая мурава под сосной укажет, где ставить палатку так, чтобы в ауре сосны незримо шла подпитка природной энергией. Немного пройдет времени и уйдет усталость, охватит душу бездумная легкость, словно растворилась она в окружении. Кажется, поют изумрудом кружевные пластинки папоротника, и старый замшелый пень хочет поделиться своими воспоминаниями двувековой давности. В трепетном шелесте листвы соседней березы ощутятся какие-то иные мотивы. Птица чечевица изольет свою флейтовую мелодию, и вы вдруг увидите, что птица эта пламенеет карминным цветом. Старый вещун ворон сядет на высоченную корягу и скажет вежливо: кур, кур, вместо того, чтобы истошно завопить. Над луговым простором будут веять неясные образы, смешиваясь с пряными ароматами.

Углубившись в лес, мы пройдем по сырому мрачному ельнику, который сменится сухим светлым сосняком с цветущим вереском. За ним начнется болото с кустиками багульника, понюхав который, мы взбодримся. Но далее пойдут топкие места с выхлопывающимися пузырями какой-то внутренней мерзости. Уйдем отсюда на высокий берег речки, текущей невесть откуда. Склонилась над омутом береза, кого-то напоминающая. Шуршат в прибрежной осоке голубые стрекозы. Небольшой переход, а сколько впечатлений!..

Мы идем по жизни в потоке времени, которое дает нам события и впечатления. Что-то напоминает топи и болота, куда мы невольно забрели. Хочется поскорее выбраться. И вот... вокруг шуршит чудесный сосновый бор, сам воздух которого восстанавливает силы. Но выплывают из низин неведомые силы, которые по ночам стараются нас придушить. Проходит и это. Вновь шелестят над головой осины и иволга делится с нами своей радостью.

Где-то лежит Земля обетованная. У каждого она своя, но кто знает к ней дорогу?.. Проходят дни десятилетий и в калейдоскопе впечатлений мешаются образы. Было ли то раньше или позднее, какая разница?! Мы шли и шли, сначала просто так, а потом, надеясь достичь Земли обетованной. Всем хотелось тихого покоя, побывав в мрачных болотах и едва выбравшись оттуда. Но Земля обетованная светится для всех тихим призраком. И если кому-то думается, что он достиг ее, то, дай ему Бог.

* * *

Серая комяцкая осень быстро переходит в начало зимы и тут застревает. То и дело сыплет мокрый снег, порождая неуютье.

Ивана внезапно переводят в хозобслугу на слабоконвойный режим. Это означает доброе предзнаменование. Дело идет к половине срока и пока еще в деле нет ни одного постановления. Иван перебирается в барак хозобслуги и работает теперь за воротами зоны, где у самой вахты стоит длинный дровяной сарай. Вместе с подобным ему молодцем Иван целый день колет для кухни дрова. Время от времени они идут курить к старику в столярку и подолгу сидят у печурки. Потом старик пилит «Дружбой» бревна на чурбаки и подгоняет молодежь. Старик сидит так давно, что превратился в исправный винтик лагерного порядка. На нем лежит ответственность за исправность мебели на вахте, а также по части дров. Старик вечно ворчит, что молодежь совсем ленивая, только у печки сидеть горазда. Дров кухня потребляет много, а нужно еще для бани.

Баня здесь роскошная. Когда в огромный стояк, набитый камнями, плюхают черпак воды, на полке едва можно усидеть, так как жжет уши. Стоит приятный бальзамический запах от распаренной хвои пихты, из которой вяжут веники. После бани такая легкость, что, кажется, оттолкнись и подлетишь выше барака. Мерзлые мостки трещат. Из труб вертикальными столбами валит дым, и если небо чистое, то яркая луна и мерцание звезд слагают прямо-таки гоголевскую ночь. Хорошо бы оседлать черта и улететь!..

Койка Ивана соседствует с койкой одного из поваров. Такое соседство полезно. Хотя здесь кормят неплохо, съесть лишнюю порцию каши никто не откажется. Бывает, что вечером, когда Иван занимается в столовой на скрипке, в окне раздачи появляется голова соседа по кубрику:

- Эй, скрипун, подкрепись немного, а то что-то вяло пилишь!..

Правда, бывает, что вместо масла вбухает рыбий жир.

- Да ты что налил-то!?. У меня с детства от рыбьего жира тошнота... Где ты его взял столько, ведь не бывает каша с ним?!.

- Кому не бывает, а кому бывает. Перепутал бутыли... Не хочешь, сыт, значит...

«Мог бы что-то более съедобное предложить, - думает Иван, - сами-то повара кашу, наверное, не едят. Диетчикам готовят блюда, как в ресторане. Отсюда и себе прихватывают. Какой же повар обделит сея жирным куском!..»

Правда, и рядовые зэки на дальняках не голодают, хотя родственники сюда ездят редко. Посылку можно лишь одну в три месяца. Богоизбранным тут было бы туго, так и не видно их здесь почему-то. Как-то устраиваются на местных командировках. Любопытно. Взятки, что ли, родственники дают.

А все же не зря говорили бывалые, что на дальняке лучше, чем на местном. Приятнее дышится, так как народ не столь сволочной, к куму ходить не принято. Это явная традиция, благодаря тому, что раньше стукачей уничтожали, тут ведь тайга, законы медвежьи.

На подъеме надзиратели не бегают по баракам смотреть, кто еще не поднялся. Можно спать хоть до самого развода, оставаясь без завтрака. Вот если на развод не явился и из санчасти нет справки об освобождении от работы, тогда надзор интересуется, что с человеком, не пора ли его в шизо отправить. Очевидцы рассказывают, что в местных шизо живется весьма безрадостно, особенно в холодное время года, когда в мрачных камерах лишь немного теплее, чем на улице, и на день дают лишь миску баланды с куском хлеба.

Иван придерживается режима и поднимается с постели, когда по местному радио объявляется подъем. До завтрака он успевает почитать на английском и что-то философское. Кроме него в кубрике все продолжают спать, поэтому его занятия проходят в обстановке эмоционального подъема. Получив из дома бандероль с сигаретами, Иван выменивает у Володи учебник «Биология»

для 9-го класса, который Володя получил в местной школе. Они долго торгуются, сколько пачек сигарет стоит этот учебник. Бывший приятель, шевеля ушами, заламывает цену, оправдываясь тем, что за этот учебник ему придется распинаться, когда занятия в школе кончатся. Иван понимает, что Володя просто шкурничает, но такова его природа, которую он совсем недавно не разглядел.

Получив на зиму новые ватные штаны, Иван идет обменивать их на пару книг на английском языке у учителя зэка. Тот, осмотрев штаны, выдает Ивану в обмен целую стопу книг на английском языке. Однако выясняется, что говорить на английском у него нет времени и желания. Под Ленинградом у Ивана было много интересных собеседников, к каждому из которых можно было сходить и с интересом провести время. Здесь же с этим туго. К интеллектуальным разговорам никто из новых знакомых не имеет склонности.

Наступил период мерного тусклого прозябания, в безысходности которого Иван всеми силами пытался создать для себя светлые мгновения. Каждая хорошо понятая мысль в книгах, заученный новый десяток английских слов, удачно произведенный звук на скрипке отмечались как такие мгновения и хотелось сделать их побольше, чтобы они сливались в значительные пространства. Но окружающий мрак не допускал, чтобы человек перестал его ощущать. Так тонущий на небольшой глубине человек отталкивается от дна и, вынырнув на поверхность воды, жадно хватает спасительный воздух, но неодолимая сила влечет его опять на глубину, грозящую погибелью. И все же надо бороться до последнего, как та лягушка, которая билась в молоке до тех пор, пока оно вдруг не стало твердым, превратясь в масло.

Иван читает «Записки из мертвого дома» и пытается сопоставить жизнь старой каторги и современного лагеря. Есть некоторые отличия, но они связаны с общими социальными различиями, а в сущности - одно и то же. Одни люди лишены свободы за нарушение порядка, установленного властями, другие - стерегут первых во благо тех же властей. Люди приспосабливаются к той жизни, на которую они обречены. Они привыкают находить удовольствие в том, что, казалось бы, не может его дать. У них случаются воспарения духа, возвышающие их над смрадной рутиной, в которую они погружены. Кто-то размышляет над своими действиями, приведшими их сюда, и кается. Кому-то не в чем каяться и тому проще, у него нет сердечного груза. У других нет душевных переживаний. Видимо, когда-то произошло перерождение их душ так, что осталось самое поверхностное, без чего уже невозможна человеческая жизнь. Хотя таких называют обычно скотами, на самом деле это несправедливо по отношению к скоту, который представляет, как правило, животных, преданных человеку. Человеческое скотство имеет иную природу. Иван думает, что настоящих скотов все же очень мало. Даже те, кто отсидели уже по 15 лет, сохраняют что-то человеческое, и можно даже сказать, что скотское в человеке не зависит от времени его заключения и вообще от заключения. Разве мало скотов на свободе, которые никогда не сидели?! Церковь призывает любить всех и каждого, но ведь Иисус Христос говорил: возлюби ближнего своего, как самого себя. Ближнего, а не каждого, что не понимают церковники. По их учению выходит, что нужно любить Гитлера и Сталина, принесших людям бесчисленные страдания.

Иван пытается поговорить на философские темы с Иваном-валторнистом, но тот не желает вдаваться в эти сферы.

- Мое дело - музыка, а все остальное от лукавого, - говорит музыкант.

* * *

Новая школа означает новое скопление подростков, в котором, однако, проявляются хорошо знакомые внутренние течения. По большей части народ спокойный, потихоньку делающий то, что от него требуется, даже если голова забита совсем другим. У кого-то склонность к повышенной активности, но, разумеется, вовсе не по программе обучения. Такая склонность выражается в шкодливости. Ваня находит не только новых приятелей по части шкодливости, но и по страсти к охоте. С белобрысым крепышом Захаром они вскоре уже месят грязь на окрестных полях, добираясь до леса. У Захара новая одностволка и Ваня с завистью поглядывает на хорошее ружье, хотя и доказывает, что его берданка бьет отменно. Дичи юные охотники зачастую не видят, но когда находят ее следы, то радуются не меньше, чем имея дичь в своей сумке.

Ваня нередко бывает у Захара дома. Тот живет в бараке на окраине городка. Когда-то здесь жили военные, и с тех пор ряды бараков, примыкающие к поселку и к городу, называются «воен-

ный городок». У Захара тоже отчим и маленькая сестра. Мать с отчимом занимаются формованием гипсовых барельефов, которые затем раскрашивают масляными красками и продают на барахолке. В их комнате везде висят готовые изделия, и Ваня любуется сочными красками букетов цветов, синевой неба, под которым плывут лебеди, густой зеленью еловых лап, под которыми притаился заяц. После удачной продажи изделий отчим Захара с его матерью любит изрядно выпить. Отчим играет на гитаре и поет «На мурманской дороге стояли две сосны».

Около бараков всегда видны спотыкающиеся фигуры, слышен постоянный мат. Женщины, живущие здесь, имеют затасканный вид и матерятся не хуже мужиков. Грязные, оборванные дети провожают новые лица дикими взглядами.

В школе Захар не шкодит и вообще не любит шума и внимания к себе. Как-то зимой на охоте он вдруг сообщает, что неплохо бы согреться: у него с собой «маленькая». Ваня еще не пробовал водку, но Захар уверяет, что с «маленькой» они не забалдеют, а только воодушевятся. Они доезжают на лыжах до знакомого шалаша и там, сидя на холодном сене, пьют водку из гильз, так как Захар забыл взять стакан. Ваня испытывает невероятное отвращение от запаха водки и ему стоит больших усилий глотать эту гадость вместе с пороховой копотью. Теперь надо усиленно курить: Захар разжился не только «маленькой», но и пачкой «Беломора». Скоро Ваня чувствует, что «дошло». Мир кажется слегка раздвинутым, и зрение стало как будто острее. Захар непрерывно хохочет. Когда они возвращаются, Ваня решает, что совсем окосел. Несколько раз он падает в снег, теряет рукавицы и говорит заплетающимся языком. Какой-то охотник попадается им навстречу. Захар со смехом говорит ему, что Ваня обалдел с «маленькой» на двоих. «Не столько обалдел, сколько прикидывается», - сказал охотник, посмотрев с подозрением на Ваню, и заскользил дальше. Ване неприятно, что его уличают, но пока они не разъезжаются с Захаром к своим домам, он продолжает прикидываться. Лишь у самого дома он решает, что хмель прошел и мамаша не будет бухтеть.

Как-то вернувшись из школы, Ваня видит клетки пустыми. Мать хмуро сообщает, что наводила в комнате порядок и выпустила птиц в форточку. Ваня кричит, что они же погибнут, зима ведь. Его возмущению нет границ. Он уходит из дома даже не поев, а вечером забирается на чердак конюшни по соседству с телеграфом. Этот чердак ему показал Робка еще осенью. Здесь есть люк в помещение телеграфа, куда они не преминули слазать, набрав в мастерской множество деталей, проводов и всякой всячины. А дальше, над конюшней хранится сено. В него-то и зарывается Ваня на ночь. Однако, как когда-то с Шишкой, он убеждается, что сено не греет. Всю ночь он трясется от холода, а утром плетется домой, уже больной. Три дня он проводит в постели. Мать поит его горячим молоком с маслом и обещает больше не выпускать птиц.

Ванька Длинный принес книжку Ларри «Четвертый позвонок». Размахивая руками, он долго с восторгом пересказывал эпизоды из этой книжки, особенно из школьной жизни. Ваню книжка захватила тоже. Вот это жизнь!.. Не то что наша преснятина!.. Что бы такое придумать сногсшибательное?.. Высморкаться во время урока на пол, что ли, а то соплей полный нос?!

От громкого сморкания чопорная литературка замирает сначала, не понимая. Потом она кричит, чтобы Ваня убирался из класса, хотя Робка оправдывает Ваню, заявляя, что он сморкается в карман куртки. У директора в кабинете Ваня охотно рассказывает о себе и даже выдает свою мечту стать геологом. Директор доброжелательно слушает ответы на свои вопросы и затем закругляет беседу назиданием, что геологом Ваня может стать лишь в том случае, если будет хорошо учиться и перестанет дурачиться.

Какое-то время Ваня ведет себя пристойно и прислушивается к тому, что говорит учитель. Алгебра ему даже нравится и он с удовольствием исписывает страницы, решая уравнения. На контрольной весь их угол «старичков» пользуется его услугами.

На новогодний бал Ваня отправляется с намерением потанцевать с Женей, но опять у него не хватает решимости. С девчонками танцуют в основном «старички», а большинство молодых людей только поглядывают на них с завистью. Девочки не ждут недотепистых кавалеров, а танцуют друг с другом и вполне довольны. Женя гуляет с подругой по коридору, и Ваня пристраивается у окна к Зарубе с Кирюхой. В коридоре внезапно появляются одетые покачивающиеся фигуры известных хулиганов. Заруба с Кирюхой уходят в зал. К оставшемуся Ване подходит Крот и, дыша смрадом, что-то бубнит, потом берет Ваню за грудки: твоя морда мне не нравится!..

Ваня отдирает от себя руки пьяного Крота, но тут подскакивает Самыла: этот что ли?.. и с размаху бьет Ваню по лицу. Кто-то громко кричит и из зала выскакивают дежурные учителя. Тре-

тий здоровяк тащит Самылу и Крота прочь, и скоро они исчезают. Ваня выслушивает сочувствия, но он мрачен и зол. Он знает этих выродков. С Кротом он учился в одном классе сего лишь год назад. Крот был второгодником не один раз и, соответственно, был постарше, но силенок у него было мало и он всегда уклонялся от борьбы, чем мальчишки охотно занимались на переменах. Теперь Крот стал наглым, хотя остался таким же щуплым. Поговаривали, что он постоянно ходит с финкой и кому-то уже всадил ее в бок. Его уличный авторитет сразу вырос, не зря его теперь всегда сопровождают здоровые молодцы.

Ваня еще бродит по коридору, когда прибегает биологичка и зовет его в учительскую. Там сидит милиционер и что-то пишет. Ваню представляют как пострадавшего. Милиционер расспрашивает, знает ли он этих ребят, за что его ударили?.. Конечно, Ваня видит их впервые, а ударили потому что «морда не понравилась». Хотя ему неприятны эти охломоны, милиция ему неприятна еще более. В конце концов, он и сам такой же, как те; тоже любит компанию бездельников и идет одной с ними дорогой. Правда он с друзьями пока не пьет водку и никого не избивает. Они просто дурака валяют и находят удовольствие в праздношатании и никчемных разговорах.

По вечерам компания бродит по городку. Иногда Ваня уговаривает приятелей зайти к дому Жени Ивановской и покидать ей в окно снежками. Потом они курят в темноте ее подъезда. Как-то на вопрос вышедшей женщины: что им надо? Ваня, в полной уверенности, что его тут не знают, отвечает, что они хотят видеть Женю. Женщина уходит, но вскоре появляется со словами, что Женя выходить не желает. На следующий день в школе Валя передает Ване записку. Женя пишет, что если Ваня хочет, чтобы на него обратили внимание, то он должен измениться. Значит, она знает, кто ее вчера спрашивал. Ване становится неприятно при воспоминании о том, как он, попыхивая папироской, небрежно говорил с женщиной в темном подъезде. Должно быть, это была мама Жени.

Почему-то все хотят, чтобы он изменился, а чего ради ему меняться. Не хочет обращать внимания, так это ее дело, не очень-то и нужно, подумаешь. Красавица беззадая... Влюбленность испарилась мигом.

Томясь от безделья, компания нередко посещала двор женской бани. Цепляясь за железо подоконника, юные лоботрясы разглядывали женские прелести. Однажды тетка-кочегарша вынесла ведра с дымящимся шлаком, и компания бросилась на забор и попрыгала через него на улицу. Кочегарша кричала им вдогонку: да чего вы испугались-то, я сама на мужиков подглядываю...

Во время вечерних шатаний по улицам случались встречи, которые прямо-таки захватывали юных бездельников. Как-то на темной улице столкнулись с двумя полупьяными бабами, только что оросившими край тротуара. Одна из них оказалась их молодая учительница по биологии. Она, разумеется, не узнала своих учеников и весело посетовала на то, что пописать спокойно не дадут.

В клубе можно было встретить не только дружелюбных шатающихся, но и откровенно враждебных, особенно, если когда-то имел место конфликт хотя бы между кем-то из разных групп. В таком случае вся шарага становилась враждебной другой шараге.

Однажды Иван с Робкой столкнулись близ выхода из клуба с троицей, в которую входил Богдан, положенный Иваном с лошадиной спины в грязь летом. Обменялись неприятными, но терпимыми репликами и вполне можно было пройти мимо. Но Робку что-то уело. Он остановился. Среди троицы выделялся белобрысый Коля. Ему было лет 19 и он считался взрослым, хотя сложения был хилого. Правда, как и многие ему подобные, легко впадал в истерическую ярость. Так и случилось. Правда, крепыша Робку ярость не испугала. Двое других, младших бросились на Ваню. Драка длилась недолго. Скоро все стояли запыхавшись и зло глядя друг на друга. Коля достал из кармана перочинный нож и открыл его.

- Ну что... хочешь!.. - его некрасивая физиономия совсем перекосилась.

- Попробуй, - сказал Робка.

Коля махнул рукой с ножом по спине Робки. Казалось, берет на понт, но Робка не отклонился и не подал никакого виду. Драться уже никому не хотелось. Робка с Иваном вышли из клуба. Вскоре, однако, Робка попросил Ивана взглянуть, что у него там, на спине. К своему изумлению Иван увидел мокрое пятно. Кровь?.. Он потрогал пальцами. Так и есть.

- Так он ткнул тебя ножом-то, не чувствуешь что ли?..

- Чего ж не чувствую, очень даже чувствую...

Они пошли в медпункт на вокзале, где Робке сделали перевязку. Потом был суд, на который Ваня был вызван в качестве свидетеля. Он робел, что-то мямлил. Как подрались?.. Да никак,

подрались и все тут. Судья - толстенная тетка - мамаша Олега, кричала, что где-то они у-ух!.. а тут словно язык проглотили. В конце концов дело свели к тому, что Робка с Иваном затеяли драку, а те только защищались. Коле дали год условно, и за дверями суда дело едва не разыгралось с новой силой. Однако Коля правильно оценил решимость противной стороны и быстро ушел, оставив даже своих соратников, поглядывавших на матерящегося в их адрес Ваню.

Такие отношения складываются зачастую из пустяка, но надолго. Бывает, что через много лет где-то встретятся по случаю старые враги. Они давно уже забыли о причине их вражды, но того, что они враги, не забыли. Результат такой встречи непредсказуем.

Уже близилась весна, текло с крыш и ошалело орали воробьи, когда Ваня как-то в порыве разгильдяйства запустил чернильницей в классную доску, на которой дохлый физик писал какие-то формулы. Учитель повернулся к классу с бледным лицом:

- Кто это сделал?

Несколько секунд класс молчал. Потом Ваня встал. Физик и не сомневался чьих рук это дело. Он приказал Ване немедленно покинуть класс. Ваня выпрыгнул в открытое окно прямо на улицу. На следующий день вся школа была выстроена в коридоре на линейку. Никто не знал, в чем дело. Но вот... из группы учителей выступил директор и зачитал приказ об отчислении Маккавеева Ивана Павловича за абсолютную неуспеваемость и хулиганские выходки. Директор приказал Ване выйти из строя и покинуть школу. Это было весьма неожиданно и неприятно - идти вдоль строя полкоридора. Разумеется, он не спешил уходить, а направился в сортир, где дождался перемены и переговорил со всеми желающими, выразив свое полное пренебрежение ко всему происшедшему. Закурившись так, что помутилось в голове, Ваня отправился домой, где сообщил матери коротко: выгнали... и забросил портфель в угол. Мать начала было свои шипящие разговоры о том, какой он неблагодарный и зря она его в свое время не удушила. Ваня хлопнул дверью, бросив, что теперь его удушат другие, или он сам кого-нибудь удушит. Он отчетливо понимал, что в жизни настал перелом и что он теперь уже не маленький мальчик Ваня, а вполне готовый к волчьей жизни Иван. Надо было подумать о пространственной обособленности. Находиться дома совсем не хотелось.

Он решил построить добротный сарай. В последнее время он сблизился с Краей, которого раньше третировал. Края поддерживал идею обустройства и даже стал компаньоном. По вечерам они таскали доски отовсюду, где их находили. Сарай быстро рос. Все приятели Ивана должны были вложить в строительство свою лепту, т.е. принести откуда-либо доски и прочий материал. Бывало, согбенный под тяжестью Иван, оглянувшись, видел целую бригаду подростков, что-либо тащивших. Наконец, была навешена дверь. На застекленное окно легла надежная решетка. Сарай был последний в череде сараев и выходил на огороды. Поэтому решетки и надежные запоры были необходимы. Иван знал, в каком мире он живет, тем более что он сам был частицей этого мира, и уж если где-то что-то плохо лежит, то это надо непременно стащить, даже если это совсем не нужное что-то... авось пригодится... А сколько нужного требуется где-то добыть!.. Ведь одних гвоздей сколько нужно!.. На стройках в каптерках замки хлипкие... да и что такое замок?.. Любой замок можно открыть, сорвать или вытащить с накладкой... сколько уже подвальных сараев обошли Иван с Валеркой, разживаясь инструментами и материалами. Редко случалось так, что окованная дверь была снабжена неподдающимся затвором с могучим замком, для снятия которого требовалась кувалда, но ведь не будешь грохать на весь дом!..

В сарае Иван соорудил нары под крышей и верстак для столярных занятий. Скоро пришлось строить собачью будку, даже две: наружную и внутреннюю. Края раздобыл, как он уверял, породистого щенка, и Иван решил, что охотничья собака не помешает. Пират давно исчез, должно быть собачники прибрали, так как его перестали привязывать и он бродил по окрестностям, часто неизвестно где ночевал. Всем он стал не нужен, и пес отбился от дома. Теперь Иван гладил беспомощного щенка и заказывал матери молоко для него.

Долгое время Иван не мог привыкнуть к курению. Организм упорно отказывался принимать табачную отраву. Поэтому Иван курил только в компании с приятелями и в публичных местах, стараясь не затягиваться глубоко, чтобы не закашляться. Однако его сознательное упорство победило естественное неприятие организма. Он стал курить и в одиночестве.

Однажды Иван покидал бабушкин дом, когда бабушка спросила:

- Сигареты-то есть?.

Иван замялся было оттого, что бабушке известно его новое увлечение, но все же промямлил, что нету.

- Дай ему сигарет, ведь курит он, - обратилась бабушка к деду.

- Дык, вона на печке сохнут, пусть берет...

Иван взял пачку «Памира» или, как называли эти сигареты в народе, «нищего в горах».

Теперь он мог курить, не скрывая это, хотя зачастую не испытывал от этого занятия никакого удовольствия, а по утрам морщился от гадкого запаха во рту. Его общественное поведение давно привлекало внимание милиции, чему, конечно, способствовали телефонные звонки разных жителей дома, особенно носивших энкэвэдешную форму. Один энкэвэдешник был соседом Ивана по сараям и имел основания для беспокойства, поскольку его весьма смачная дочка нередко ходила в сарай за квашеной капустой.

Однажды пришла повестка из детской комнаты милиции, куда Ивана приглашали на собеседование. Он решил сходить, надеясь, что ему помогут устроиться на работу. И в самом деле, полная тетя в милицейской форме, ласково поговорив с ним, сняла телефонную трубку и поговорила с директором лесозавода, как о том попросил Иван. Она сказала, что детская комната милиции озабочена судьбой одного подростка, который мечтает стать столяром, и просит директора взять его в столярную мастерскую учеником; пока он еще несовершеннолетний, но через два месяца ему исполнится 16 лет.

Уже через день Иван отправился в первый раз на работу. С ним особенно не возились. Назначенный его наставником дядя Саша показал Ивану, как работать на сверлильном станке, и ушел. Вскоре он пришел, увидел брак, но спокойно показал еще раз, разъяснив теперь, что к чему. Именно разъяснения-то и не хватало. Всегда человек делает не то, если он не понимает сути.

В 10 часов в мастерской начинался получасовой перекур. В курилке с цементным полом извлекалась колода карт, и желающие могли попытать счастья в «очко». Народ в мастерской был «свойский». Некоторые были питерские. Отсидев срока, они жили теперь на 101-ом км, обзавелись семьями и были вполне довольны своей судьбой. Садили картошку, пили водку, играли в карты и работали, как автоматы. Другие, хотя и не сидели в лагерях, ничем не отличались от сидевших. Пожилые мастера были степенные люди, смотревшие на жизнь просто. Они воспринимали все как есть и не думали, что может быть иначе. Дядя Саша - наставник Ивана - прошел войну и часто вспоминал о ней. Как-то он рассказывал, как они зверствовали в Восточной Пруссии: хотя и был приказ не трогать местное население, стреляли всех подряд, от младенцев до стариков, озлобленные были; командиры сквозь пальцы смотрели, награбленным с ними делились. Дядя Саша сплевывал: много греха взяли на душу, да ведь не мы затеяли...

Иван работал только до обеда, как несовершеннолетний, и был доволен всем. Единственное, что ему не нравилось, так это то, что его называли мальчик, а то еще мальчишка, и эта кликуха так и закрепилась за ним в столярке. Даже ребята лишь немного старше его стали звать его именно так, как он ни старался показать свою взрослость. Шишка, который уже больше года работал печником, имел уже облик мужика, а Иван все еще в мальчиках значился. Но ничего... скоро он докажет, что вырос. Пока же у него есть дело, о котором никто в столярке не знал, хотя заметили, что как только начинается перекур и станки перестают гудеть, Иван садится на велосипед и исчезает на полчаса перекура.

Еще весной он нашел в кустах гнездо сороки и решил взять на воспитание сорочонка. Когда птенцы изрядно подросли, он осуществил свое намерение, но первого птенца загрыз щенок, когда тот вылез из гнезда, предложенного ему Иваном, и свалился на пол. Щенок инстинктивно делал свое дело, но Иван задал ему порку, тыкая в нос мертвого сорочонка. Затем он принес второго сорочонка и сделал внушение щенку, что это существо неприкосновенное. Щенок преданно глядел Ивану в глаза и облизывался, когда сотрясаемый эмоциями кулак касался его носа.

Сорочонок быстро понял, что его кормит рука, появляющаяся над его головой, и щелкает пальцами. Он разевал свой вместительный клюв и громко кричал. Оставалось лишь сунуть ему еду и слегка протолкнуть мизинцем. Ради этой процедуры и мчался Иван во время перекура в столярке в сарай. Сорочонок рос как на дрожжах. Скоро он начинал кричать, лишь заслышав шум подъезжающего к сараю велосипеда. Когда же сорочонок научился летать, то он бросался изнутри на двери с воплями, не в силах дождаться ее открытия. Затем он садился на плечо Ивана и орал ему прямо в ухо.

И вот... сорочонок вырос и стал гордостью Ивана. Он летал где-то в огородах, но неизменно прилетал на свист. Характер у него был жизнерадостный и он частенько проделывал занятные штуки. С курицами он любил играть в ястреба. Заметив с крыши сарая курицу, увлеченно разгребающую мусор, сорока делала над курицей пике, отчего обалдевшая курица сначала бросалась в сторону, но рассмотрев, что это всего лишь сорока, которую все во дворе, конечно, знали, курица бросалась следом. Сорока летела над самой землей и не спешила, словно дожидаясь, когда курица споткнется и грохнется оземь на потеху петухам. Привязанному к колышку теленку сорока садилась на спину и начинала выдирать у него шерсть, отчего обезумевшее животное с ревом мчалось по кругу сколь позволяла веревка, а сорока, ничтоже сумняшеся, продолжала свое занятие, поглядывая по сторонам.

Наблюдавший за проделками своей воспитанницы, Иван был в восторге. А когда сорока вместе со щенком обрабатывала кости и ей непременно нужна была та кость, которую щенок уже держал в зубах, то Иван, правильно оценивая состояние щенка, грозным голосом напоминал щенку об их уговоре. Тот смотрел с великой обидой в глазах, но все же, случалось, не выдерживал и рявкал фальцетом, тут же бросаясь в будку. Мало того, что тот черт в перьях кости отбирает, так еще и за кончик хвоста старается ухватить, когда щенок мирно лежит перед конурой на солнышке. А то еще и на бок усядется, дергая хвостом.

Посетителей сарая сорока не любила, но Ивану необходимо было кому-то рассказывать о своей любимице. Однажды сорока не явилась вечером на свист, и заподозрив неладное, Иван отправился на поиски. Он нашел сороку на старом кладбище, но та не подпустила его и улетела неуверенным полетом. Стало ясно. Что кто-то подбил сороку камнем. Иван мрачно сидел в сарае. Пришли Лыткин и Захар и теперь все вместе пошли высматривать сороку. Сидя на высоком дощатом заборе, отделяющем гараж от кладбища, они смотрели на кресты, оградки и кусты, но сороки нигде не было видно.

- Околевает где-то, - вздохнул Захар.

- Как околевает?.. да ты скорее околеешь!.. - вскричал Иван и прямо на заборе схватил Захара за грудки.

Они свалились с забора и начали драться. Вскоре иван взял реванш и, охватив шею Захара, пытался сунуть его в бочку с солидолом. Лыткин, сидя на заборе, до сих пор комментировал в пользу Ивана, но тут заорал: «Что ты делаешь, ведь он захлебнется!..» Иван выпустил Захара из рук и тот поплелся прочь, бормоча что-то угрожающее. «Засуну-таки в бочку!» - зло проговорил Иван ему вслед, и Захар уже молча удалился.

На следующий день рано поутру Иван опять направился на кладбище и нашел сороку близ тропы. Птица сидела на колу, подавленно глядя на приближающегося Ивана. Теперь сорока не пыталась улететь и скоро оказалась в привычном сарае. Три недели она прыгала на одной ноге, но затем пришло выздоровление, а с ним и свойственное ей жизнелюбие. Но Иван долго размышлял, сколь жестоки люди, поднявшие камень на доверие. Знал бы он, кто это сделал! Уж кто бы это ни был, он нашел бы способ рассчитаться с ним.

Хотя сорока основательно привязывала Ивана к сараю, он отнюдь не утратил страсть к поездкам куда-либо. Когда сорока привыкла есть самостоятельно, можно было съездить, скажем, на рыбалку на соседнюю реку. Иван отправился туда с новыми друзьями по школе. Они приехали днем и к вечеру уже добрались по шоссе до безлюдного места за брошенной деревней. Солнечный вечер дарил все удовольствия, которые способна дать природа, но Иван все испортил. Завидев невдалеке на плоту лебедку с мотором для лесосплавных работ, Иван не придумал ничего другого, как бросить горящую спичку в лужицу бензина под баком для горючего. Огонь мгновенно охватил всю машину, ярко запылал бак. Ошеломленный Иван бегал по доскам, переброшенным с плота на берег, нося пригоршнями песок и пытаясь потушить бак. Песок лишь потрескивал в ярком огне.

- Тикай, сейчас бак рванет, башку оторвет! - заорал Робка на берегу поодаль.

Иван бросил на бак еще одну пригоршню песка и с ужасом сбежал на берег. Вся машина, пропитанная бензином теперь горела вместе с плотом, на котором стояла. Громадное облако черного дыма поднималось в лазурную высоту. Иван помчался к ребятам, наблюдавшим пожар издали.

- Сматываем удочки, пока не застукали!..

Они быстро собрались, поднялись на высокий берег и пересекли шоссе. Идти теперь по нему они не решились. Шли вдоль шоссе и через какое-то время услышали сирену пожарной машины на шоссе, очевидно, мчащейся на облако черного дыма.

- Вот!.. Во время смылись, а то за эту чертову машину век бы не рассчитаться... - пробурчал Иван, закуривая сигарету.

- А кой ляд тебя дернул поджигать ее?.. Стояла себе, ну и ладно, ведь не мешала, - проговорил в раздражении Робка.

- Да я не хотел ее поджигать, хотел только бензиновую лужицу под баком сжечь, а оно и вспыхнуло все разом!..

Как часто кажущаяся малой шалость вдруг дает мощный эффект, превосходящий все ожидания, от которого остается только бежать сломя голову, чтобы и не видеть плоды своих рук, забыть о них, как о чем-то случайном.

От шоссе где-то отдалились и потеряли его в сумерках. Потом пришлось в темноте идти по болотам по колено в воде на паровозные гудки. Когда глубокой ночью ребята вышли на железную дорогу, то это казалось великим благом. С неприязнью они смотрели с высокой насыпи в темноту леса, где временами поблескивали отсветы стоячей воды болот, из которых они выбрались. На станции пыхтел товарняк, на котором они отправились домой. От мокрых ног стучали зубы. В тамбуре свистел ветер. Родной городок товарняк проходил ходом и пришлось прыгать в темноте, долго вглядываясь сначала, нет ли под откосом какой-нибудь брошенной шпалы или куска рельса. Однако все обошлось. Через пять минут друзья уже собрались, отплевываясь от песка и протирая глаза после неизящных кувырков по насыпи.

Когда начался листопад, Иван увлекся поисками птичьих гнезд, купив соответствующую книжку. Пушкин стал его постоянным спутником. Дело их было весьма успешным, т.е. гнезда они находили часто и терпеливо их описывали. Это была настоящая научная работа, если бы она была кому-то нужна, кроме них самих. Друзья изумлялись птичьей сноровке и разнообразию в устройстве гнезд разными видами. Они не замечали, как прелый воздух, разноцветье листьев, шорохи и шелесты, касания ветвей наполняют их радостью, с которой они возвращались в привычный мир.

Покурить они ходили на чердачную лестничную площадку. Двери на чердак были плотно закрыты, но там нередко слышались шаги по шлаку, кто-то писал в ведро. Мальчишки уже знали, что это разные бездомные обжили их теплый чердак. Ну и пусть себе. Надо же людям где-то спать.

~ 44 ~

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.
(В.А. Жуковский)

Лежит где-то земля обетованная. В ней надо бы жить, а приходится прозябать совсем в другом месте. Видятся в той земле горы с синими и огненными вершинами. Под горами на равнине близ озера стоит дом с мезонином. Бурная речка выскакивает неподалеку из-под оранжевых скал из черной пещеры. Лес поднимается по склону ближней горы и затем обрывается. Лишь отдельные корявые деревца жмутся к скалам. Судьба забросила их в плохие условия и они стали уродливыми. Камни покрывает трава и хрустящие лишайники. Уходят ввысь склоны и там, высоко, словно странные замки неведомых существ стоят скалы. Пышные травы перед домом пестреют разноцветьем. Лежит гряда округлых валунов, словно собрал их здесь некий гигант. В одиноких деревьях шуршит ветер, приносящий вести из дальних мест. В источнике не иссякает кристальная вода. На высокие пни сломавшихся когда-то деревьев садятся хищники и подолгу осматривают

окрестности. На ту сторону бурной речки можно перебраться по упавшей ели. Она легла, создав мост, и бурные поток обдирает ее ветви и кору. Над цветами порхают бабочки. Птицы гнездятся под стеной дома и знают, что здесь им ничто не угрожает. Иногда приходят олени и не торопясь щиплют траву вместе с лошадкой, пасущейся у дома. Ярко-голубое небо висит над горами и избой. Плещутся в соседнем озере большие рыбы, а над озером постоянно кружат белые чайки. В зарослях тростника по берегам осторожно покрякивают утки, а чистой воде скользят лебеди, поглядывая на своих беспечных деток. Иногда показывается чомга с парой птенцов на спине.

На огороде близ дома созревают овощи, и высокие подсолнухи поворачивают желтые головы вслед за солнцем, от которого горы окрашиваются то в одни цвета, то в другие, и в торжественной тиши где-то далеко в ущельях вспыхивают непонятные сполохи. Белая черточка дальнего водопада прорезает изумрудную зелень.

Прошумит дождь и опять божественная тишина нисходит на местечко. Дышат миром горы, маня тайнами, которых никто никогда не откроет. Они предназначены лишь для тебя. Каждая скала обдаст там тебя земным теплом, от которого тело становится столь легким, что можно парить над землей. Ручьи напоят тебя целительной водой, от которой забудутся хвори, нажитые в мире людей.

По вечерам над вершинами заструятся свечения. Пройдет знакомая медведица с медвежатами. В тростниках хором прокричат утки. Потянет свежестью, и замигают звезды. После дневных трудов приятно протянуть ноги к пылающему камину. День принес так много. Каждый взгляд что-то дал душе и мозгу. Надо записать. Кто-то когда-то, быть может, найдет в хранилище записи, картины. Сюда не придет тот, кому это не нужно. Придет такой же, как ты сам, бежавший от пошлого мира. Он найдет твой склеп и поймет, что дух твой объял все вокруг в ожидании наследника. Теперь дух может быть свободен в неисповедимом действе.

О, земля обетованная!.. Туманной грезой всплываешь ты по ночам, но не приходит путеводная звезда, не звучит голос указания. Ужель и жить грезой, вглядываясь в нее из затхлого существования в обывательском мире, зная, что где-то уготована иная жизнь, и стоит готовое жилище, построенное предшественниками, чьи души уже слились с духом гор, но память о них хранят вековые деревья, валуны и старый дом, который уже нужно подновить.

* * *

В хозобслуге Ивану довелось работать недолго. Его перевели в бригаду дорожников. Пришлось перебираться в другой барак. Опять новые лица и впечатления. Бригада работала в тайге, поддерживая в порядке дороги, по которым мощные МАЗы-лесовозы вывозили лес. По утрам серая толпа рассаживалась по воронкам, колонна которых доставляла лесоповальщиков и дорожников в тайгу. Лесоповальщики быстро уходили на свои делянки. Они действительно вкалывали. Дорожники особенно не переламывались. У них не было четкой нормы выработки, да и народ тут подбирался не жаждущий хороших заработков, как у лесоповальщиков. Прежде всего находилась хорошая сосновая сушина на дрова. Тарахтела, словно мотоцикл, «Дружба», и скоро сушина превращалась в чурбаки, а затем в поленья. Складывалась куча, в которую плескали бензином, и вот... костер заполыхал. Сухая сосна горит жарко, ровным пламенем.

Кругом заснеженная тайга. Конвой остался на въезде в рабочую зону. Его не беспокоит, что кто-то сбежит. Зимой не сбегают. Куда тут бежать, если снег по пояс. Далеко не уйдешь. Тренированные «друзья человека» мигом догонят, и уж, что они сделают со сбежавшим, лучше не думать.

Бывают очень холодные дни. Мороз за 40°. Пока бригада доберется до своего участка, который знает бугор, то и дело раздаются возгласы: три нос или щеку, которые побелели. Дышится тяжело. В такие дни дорожники вообще не отходят от костра, у которого один бок жарится, другой - мерзнет. Спустя часа два повар Клюква начинает свое дело. Он приносит ведро чистого снега и вешает его над костром. Потом снег надо добавлять, пока не наберется целое ведро воды. Клюква достает суповую заправку и вываливает ее в ведро. Хотя физиономия у Клюквы отвратная: наполовину мясисто-красная, почему он и Клюква, суп у него получается отменный, гораздо вкуснее, чем в столовой. Если чера бугру удалось выпросить у мастера справку о выполнении нормы, то Клюква вешает второе ведро для каши, которая тоже существенно отличается от столовской. Чаще, однако, приходится обходится без каши. Мастер не дает справку, считая, что ничего не сделано.

- Да так и есть! - восклицает Клюква, - я один работаю за вас!..

Ему, правда, нравится сбор у костра, так как болтун Клюква изрядный. Он постоянно что-то обсуждает, вспоминает, рассказывает всевозможные эпизоды из своей жизни. Бугор - мужик спокойный, молчаливый. Если бригада не желает работать, то он тоже стоит весь день у костра и лишь в конце рабочего дня ходит за появившимся в шубе мастером, доказывая тому, что без каши у ребят нет сил работать на таком морозе. Мастер, однако, вспоминает, что позавчера он дал справку на кашу, а сил у ребят не прибавилось. Впрочем, все зависит от его настроения. В конце концов, не из своего кармана он дает кашу. Если лесоповальщики хорошо поработали, то у мастера настроение приподнятое... глядишь, и дорожникам даст справку о норме. Бугор все эти нюансы знает, и когда мастер злой, то лучше не справку на кашу просить, а как-то оправдаться, чтобы жалобу не написал: дескать, не работают!..

Бригада наблюдает, как бугор ходит за мастером. Когда бугор возвращается к костру, Клюква спрашивает, будет ли завтра каша. Бугор качает головой. В сумерках все медленно тащатся по дороге к месту посадки. Около эстакад, на которых обрубают сучья, догорают костры. Рыча моторами, тяжело ползут груженые лесом МАЗы. Пахнет хвоей и дымом. Местами вдаль уходит оголенное пространство, на котором вкривь и вкось стоят без коры молодые деревья, называемые саблями. По ним трелевщик проволок большие деревья, которые и ободрали начисто молодые деревца. Теперь они засохнут. Никого это не заботит. Нужны кубы леса, и не когда-то, а сейчас. Что будет в будущем, никого не волнует. Коммунизм, говорят, будет в 1981 г.

Воронки уже ждут. У конвоя громадный костер, который остается полыхать после отправки. В темноте воронка зэки жмутся друг к другу, стараясь не растерять тепло. В тамбуре за решеткой, рядом с автоматчиком, повизгивает от холода немецкая овчарка. У лагерных ворот воронки останавливаются. Шмон. У Ивана надзиратель вытаскивает из-за пазухи книгу.

- Ты что, книжки читать ездишь в тайгу?..

- Это учебник...

- Если бы не учебник, разорвал бы сейчас же!..

Иван входит в зону. Придется дербанить что-то на отдельные листы и брать с собой. У костра можно выучить десятка два английских слов, прочитать хороший кусок текста. Надоедает слушать целый день всякую белиберду.

В столовой звон мисок и всеобщее оживление. Потом все разбредаются по баракам, где шнырь хорошо протопил печку и после мороза так приятно ощущать тепло.

В этом бараке есть «предбанник», где стоит стол и скамьи вокруг. По вечерам кто-то пишет письма, кто-то играет в шахматы или что-то зашивает. Иногда устраиваются настоящие представления. Как-то зашел из соседнего барака мужик и к слову посорил, что поднимет зубами за край стол, да еще и с ведром воды на нем. Разумеется, никто не поверил в такое. Однако ведро воды на стол поставили. Мужик ухватил зубами угол крышки стола и, сильно тужась, медленно встал о столом в зубах и, не задерживаясь, отпустил стол. Зрелище было потрясающее. Выяснилось, что мужик этот гнет лом, положив его сзади на шею, а, работая печником, разбивает кирпичи пополам, когда нужны половинки, ребром ладони. Все это было необыкновенно, особенно, глядя на этого силача, имевшего весьма не богатырский вид и слывшего отчаянным трусом.

- Чифиря глотнешь?.. - спрашивал Ивана Володя-доход. Как все давно сидящие он произносил слова с оттяжкой, хотя не старался казаться блатным. Чифирь пили в углу из поллитровой банки, ходившей по кругу: сделал пару глотков, передал дальше. После чифиря все делается с особым удовольствием: на скрипке лучше идет звук, книга читается с глубокой проникновенностью. Иван до сих пор не одолел книги, присланные Лыткиным еще под Ленинградом. Теперь он изучает жизнь Эйнштейна. Люди с подобной силой ума вызывают у него восхищение. Он размышляет о них у костра в тайге или таская сучья и жерди на дорогу в колдобины. Конечно, гениями рождаются, и к тому же все их воспитание проходит не в коммуналках и советских школах. Иван пытается понять, зачем Эйнштейн играл на скрипке, ведь у него было другое, целиком захватывающее его дело. Но зачем он сам занимается на скрипке?.. Ему по душе скрипичная мелодика, конечно, в хорошем исполнении. А почему именно скрипка звучит для его души притягательно, а, скажем, не фортепиано, это вопрос какой-то глубинной тайны. Он знает, что это так, но объяснить не может. Многое в человеке необъяснимо, например, почему один любит природу, а для другого она безразлична, кто-то хочет постичь неведомое и постоянно размышляет, а кому-то это совсем не нужно.

Мерзлые доски мостков трещат под ногами. Летом здесь болото, а теперь мостки постоянно очищают от снега и народ ходит словно по траншеям. При яркой луне местами искрится снег и барачный пейзаж кажется космическим. В пустой столовой прохладно, руки мерзнут, скрипка звучит тускло.

* * *

Ученику столяра платят всего 30 рублей. И все же первая получка это - событие. Бабушка поучает, что отдавать матери деньги не нужно, она, дескать, до его 18 лет будет алименты получать, которых вполне достаточно на еду. Иван размышляет, что бы купить, столько всего нужно... Пока он склоняется то к одному, то к другому, мать находит в тумбочке деньги и на следующий день торжественно сообщает, что купила Ивану костюм, ведь у него нечего одеть... Иван потрясен. Ему казалось, что деньги надежно спрятаны и... вот тебе. Темный костюм с двубортным пиджаком оказывается великоватым и, к тому же, совершенно старинным. Теперь такие носят лишь старперы. Но мать неумолима: дешево и прилично, а то, дескать, потратит Иван деньги на какую-нибудь чепуху, а на танцы ходить не в чем...

Иван вспоминает пропавшие некогда 15 рублей, за которые он столько нервов испортил Юрке и, наверное, напрасно. Теперь-то ясно, что это она шарит в его вещах. Может и в самом деле сходить на танцы в клуб?.. В субботу он одевает новый костюм и, чувствуя себя в нем как в футляре, отправляется в клуб. Танцы - мероприятие популярное, народу тут невпроворот. В курилке дым коромыслом. Многие в изрядном подпитии. Скандалов, однако, нет; пара милиционеров прохаживается туда-сюда. Знакомых никого нет, и Иван стоит в шеренге не танцующих, завидуя тем, кто спокойно опдходит к любой девушке и приглашает ее на танец. Внезапно на дамское танго Ивана приглашает какая-то незнакомая девушка. Он слегка ошеломлен, но заходит с нею в колышущуюся толпу и кладет руку на талию девушки. Она явно старше его и к тому же некрасивая. Кажется, она работает продавщицей в «раймаге». Иван сосредоточен на своих ногах: не наступить бы на ногу партнерше. Он с облегчением вздыхает, когда танец кончается. Однако проходит какое-то время и снова объявляют дамское танго. Продавщица опять трогает его за рукав. Она весьма упитанная, и когда Ивана сзади толкают, он прикладывается к ней всем передом. Он бормочет что-то вроде извинения, но она не обращает внимания. Странная девушка. Она совсем не улыбается и на ее плоской физиономии невозможно что-либо понять: привыкла стоять за прилавком, как манекен.

Иван разглядывает прижимающихся друг к другу танцующих. О чем-то они воркуют, а они с продавщицей и слова друг другу не сказали, а, впрочем, о чем им говорить. Нет, больше он не пойдет на танцульки, зря мать деньги на костюм истратила. Иван присматривается и точно: такого костюма он ни на ком не видит. Как это курносая продавщица на него позарилась в таком костюме. Дома Иван заявляет матери, что хлам купила, в таком костюме стыдно даже стоять... Надо было увеличитель купить или воздушное ружье.

В сарае он мастерит табуретки, столы, ящики для цветов, тумбочки. Заготовки он делает в столярке и прячет их у забора, чтобы вечером придти и забрать. Выносить материалы запрещено, но кому нужно, тому запреты нипочем. Хромой Веня, что живет неподалеку от бабушки, постоянно халтурит и каждый день что-либо выносит средь бела дня. Он, конечно, первоклассный столяр и имеет много заказов на самодельную мебель. С получки или с халтуры Веня напивается и молотит жену, которая сбегает из дому и приходит ночевать к бабушке Ивана. Утром она идет домой, где хмурый Веня похмеляется и уже не обращает на нее внимания. Подрастающих девчонок надо кормить. Бабушка всегда рассказывает о проделках Вени со слов его жены, которая и выглядит забитой и убогой. Женщина еще не старая, но превратилась в тень женщины и так и умрет. Девчонки же вырастут сначала потаскухами, а позднее повторят судьбу матери, соединившись «законным браком». Подобных семей немало. В одном подъезде с Иваном живет Володя Нечанов. Когда строился вокзал, Володе на голову упала 3-метровая дубовая дверь. Может быть от этого Володя иногда заговаривается. Это не мешает ему работать зимой в кочегарке, а летом - пастухом. Все заработанные деньги он пропивает, и неизвестно, каким образом его жена, ежегодно дававшая приплод, содержит свою ораву мал-мала-меньше. Во дворе пьяный Володя не агрессивен, хотя любит, обратившись к кому-либо, нести околесицу. Дома же он превращается в тирана. Жена с воплями выскакивает на лестницу, увлекая за собой орущий выводок. Володя тем временем бьет

тарелки, рубит топором шкаф, тащит на лестницу увесистый радиоприемник, чтобы бросить его в просвет между лестниц со второго этажа. Утомившись, Володя засыпает среди развала.

Утром Володя плачет с досады о том, что натворил, моет пол и собирает осколки. Является жена с детьми, и семейное счастье возобновляется до новой пьянки, может быть, уже вечером. Дети, однако, кругломордые, здоровые. Выросли, правда, в пьянь и рвань. Есть какая-то психологическая наследуемость поколений: в чем привыкли обретаться дети, тому и будут следовать, когда вырастут. Исключения тут весьма не часты. Со стороны в семейные отношения никто не вмешивается. Избивает муж жену, значит так нужно: милые дерутся, только тешатся. Завтра помирятся, если, конечно, не убьет он ее, но так бывает редко.

Молодежь относится к семейным дракам со смешками. Никто не задумывается над убожеством этой жизни, да и заем задумываться, если все они в одной упряжке, ковыляющей по избитому тракту. Сейчас хочется нежности, а потом все пойдет по общим правилам. Такова игра, называемая жизнью. Если будешь играть против правил, будешь бит, и жестоко.

День своего 16-летия Иван отмечает в сарае. Хотя к выпивке он еще не приспособился, надо терпеть. Он купил несколько бутылок красного вина. Подходят приятели, пьет, кто хочет, курят, рассказывают смачные анекдоты. Ванька Длинный привел своего знакомого из бараков - шустрого малого с кликухой Гиндос. Рыжего Пиксу Иван не любит, как всех рыжих, но, раз пришел, садись. Валерка выпивает стакан вина, словно воду, приводя в восторг Ивана. Но Пикса превосходит Валерку, высосав полбутылки прямо из горла.

Прошло всего несколько дней. Теплым вечером Иван сидел в сарае с Робкой, когда за окном мелькнула тень. Кто это может тут шастать?.. Какой-то мужик в сером костюме мочился под окно. Мутными глазами он посмотрел в окно, подумал и, вероятно, слыша ранее голоса, обошел сарай в поисках двери. Он заглянул в сарай и уставился на ребят.

- Тебе чего? - спросил по-хозяйски Иван.

- На пару слов можно?.. - мужик вошел в сарай и снова оглядел приятелей, - свои?..

- Ты боишься что ли кого-то, свои, конечно, - сказал Робка.

- Я так и подумал, - язык мужика слегка заплетался, - стакан есть?..

- А как же!..

Мужик достал из внутреннего кармана пиджака поллитру. Иван поставил на верстак стакан. Забулькало. Выпив полстакана водки, мужик свободно вздохнул, налил снова и протянул стакан Робке.

- Я Петро, - сказал мужик.

Робка назвал себя и, недолго думая, опорожнил стакан. Иван повторил следом процедуру, чувствуя. Что Петро – не простой мужик.

- Менты сюда ходят? - спросил Петро.

- Зачем это нам здесь менты?! - отозвался Иван.

- А они не спрашивают, куда им ходить...

- Нет, здесь не бывают...

Опустевшая бутылка развязала языки, но кто такой Петро, выяснить не удавалось. Через полчаса Петро спросил, есть ли рядом магазин. Узнав, что магазин за углом, он достал деньги. Скоро Робка отправился за следующей бутылкой и колбасой.

- Смотри... меня здесь нет!.. - заявил Петро.

Когда Робка вернулся, Петро опять встревожился.

- Ты к телефону подходил?..

- Да ты что?.. за кого нас держишь?.. - возмутился Иван.

- Ну, ладок, - Петро удовлетворенно кивал, - приходится беспокоиться, стукачей кругом полно...

Вторую бутылку Петро лишь распробовал, нажимая на колбасу и подливая приятелям. Утром они проснулись на нарах, не помня, чем кончилась вчерашняя эпопея. Петро исчез, головы болели.

- Беглый, - сказал убежденно Иван, - не захотел расколоться, а могли бы помочь...

Скоро Ивану дали третий разряд столяра. Зарплата сразу существенно подскочила. Он купил увеличитель, духовое ружье, велосипед. Часть денег он отдавал матери, которая всегда сетовала на то. что денег не хватает. Бабушке он покупал подарки, выписал на зиму дрова. Дед теперь

не работал, и внуку доставляло удовольствие помогать старикам. Он помнил. Сколько они извели на него.

Иногда Иван ходил в лес, но он явственно ощущал, что его интерес к лесной жизни и к путешествиям потускнел. Нынче ему уже не понадобилась грядка у бабушки на огороде. Редко он ходил и на рыбалку. Большую часть времени вне работы он проводил в сарае за чтением или что-то мастеря. Он прослыл в доме столяром, и к нему приходили даже с заказами. Тетка с соседнего огорода, проходя мимо, как-то сказала, что он такой домовитый, все время что-то делает, хороший хозяин будет, когда семьей обзаведется. Однако эта роль пока еще не вмещалась в сознание Ивана. «Ха, ха,- сказал он появившейся в дверях сороке, - ты у меня семья!.. Ну-ка, кусочек котлеты съешь!.. Болтаешься где-то день и ночь!..» Иван чувствует, что сорока отбивается от сарая и хорошо хоть иногда появляется. Однако осенью она исчезла совсем; то ли ее опять подбили или вовсе убили, то ли она сама присоединилась к своим диким сородичам, которые теперь часто появлялись на огородах. Как-то воспитанница Ивана общалась с чужими сороками и даже полетела вместе с ними, когда они испугались появившегося из-за угла сарая человека. Но Иван отчаянно засвистел, и одна сорока тут же сделала разворот и скоро села Ивану на плечо. Надо ли говорить, как он был доволен тем, что его воспитанница предпочла его общество каким-то там невоспитанным сорокам. Потом, однако, сорока часто где-то пропадала и вечером Иван не мог досвистеться ее, хотя утром она сидела на крыше и приветливо крэкала, слушая Иваново брюзжание насчет шлюшества, и глядя, что он принес и достает из кармана. И вот... сороки не стало. Самым неприятным была неизвестность. Пусть бы она лучше улетела, чем попала под чей-то камень. Валерка сказал, что видел сороку у сарая и покричал ее. Она на него посмотрела, но была ли это воспитанница Ивана?.. Хотелось надеяться, что это была именно она, и Иван долго окликал всех сорок и свистел им вдогонку, но все они боялись его, значит, были чужие.

Когда наступили холода, Иван часто ходил к Валерке слушать Би-Би-Си, якобы, по заявкам из Советского Союза. Валерка уже сложился как молодой человек и всегда выглядел франтовато в узких брюках и клетчатом пиджаке. Папаша его обычно терся в парикмахерской на вокзале, где работала его прихехе, между прочим, мамаша Вали Корицкой, которую Иван хорошо помнил по второй школе.

Они балдели от музыки, считавшейся попсовой и стильной. Элвис Пресли был еще у всех на памяти и его рок-н-ролльные мотивы казались верхом совершенства. Валерка где-то видел, как танцуют рок-н-ролл, даже запомнил весьма замысловатые па. Они решили разучить этот танец там, где будет попросторнее.

Потом они бродили по городку и частенько заходили на бан, т.е. на вокзал, где натыкались на втором этаже на Валеркиного отца, ожидавшего конца работы в парикмахерской.

- Папаня кобелится, пошли отсюда, - говорил Валерка.

Во время уличных шатаний часто происходили непредвиденные события. То встретится кто-то давно не виденный, то старому знакомому надо пособить набить кому-то морду. Тут, правда, бывали и осечки. Как-то пьяный тренер по боксу из ЖУ, перворазрядник, хорошо знакомый Валерке, обратился к тому вместе с Иваном за подмогой. Валерка, конечно, тут же согласился, и тренер побежал к кучке здоровых парней у дверей общежития, оглушительно крича. Не добегая, он принял стойку, но из кучки отделился верзила, въехал тренеру без всякой стойки, отчего тот рухнул в канаву, полную снега. Ни о какой драке не могло быть речи, да и с какой стати?! Если каждый пьяный дурак будет приставать к людям, то чего ради ему помогать, хотя бы он и был знакомым. Валерка вытащил тренера из канавы, отряхнул от снега, и успокоившийся тренер куда-то побрел, а приятели продолжили свой путь по «бродвею», как они называли две центральные улицы, по которым более всего прогуливалась молодежь, мечтающая встретить даму или рыцаря.

На вокзале приятели как-то заметили молоденькую симпатичную девушку, стоявшую в безлюдном месте. Подвалили, и Валерка начал подбивать клин, т.е. вести пустой разговор о том о сем. Иногда вставлял слово и Иван, разглядев, что девушка хорошенькая. Она, однако, ничего не отвечала, хотя поглядывала то на одного, то на другого, и не двигалась с места.

- Да она, наверное, немая, пошли, - не выдержал, наконец, Иван.

Как выяснилось позднее, девушка, действительно, оказалась глухонемой. К тому же выяснилось, что она вовсе не чурается близких отношений и, по слухам, подрабатывает на вокзале. Иван, вспоминая лицо девушки, считал, что слухи эти выдуманные, хотя, конечно. Кто его знает,

может быть и есть что-то в том, что городят досужие языки. Не мешало бы встретить ее снова и проверить.

Приятели регулярно посещали вокзал, но немую долгоне встречали. Однажды они появились на перроне в изрядном подпитии и решили выпить по кружке пива. Оно было, конечно, хорошо разбавленное, и Иван в раздражении бросил массивную пивную кружку под ларек, из которого с воплем выскочила продавщица. В калитку в чугунной ограде вошли какие-то путейские работяги, которые немедля приступили к Ивану с Валеркой:

- Стиляги, бей их, сук!..

Через мгновение Ивана сбили с ног и тут он ощутил могучий удар кирзовым сапогом в переносицу. На какое-то время он отключился и пришел в себя, когда Валерка начал его поднимать. Работяги двинулись дальше. Валерка прикладывал к носу платок. Перед зеркалом в туалете Иван увидел разбитую переносицу и наливающиеся фингалы под глазами. В углу валялся арматурный прут, который Иван схватил:

- Что ж, так и спустим?!.

Они поспешили на перрон, но работяги исчезли. Поматерившись, пострадавшие друзья приметили мусора, пристально смотревшего в их сторону и почли за благо смыться через ту же калитку.

Пока проходят фингалы, Иван воздерживается от гуляний и занят чтением книг. Желание держать птиц не ослабело, и иногда Иван отправляется с воздушкой к складам, где много галок. Ему удалось подстрелить 3 штуки, но одна была ранена тяжело и вскоре умерла. Три галки жили в огромной клетке. Постепенно они привыкли к обстановке, раны их зажили, и Иван подолгу сидит около клетки и смотрит, что они делают. У них у всех глаза разного цвета. Иногда Иван выпускает их гулять по сараю и как-то обнаруживает, что они сами научились открывать дверцу клетки и в его отсутствие разгуливают по сараю. У одной галки висело крыло, и была опасность, что на нее могут напасть крысы. Холода галки, очевидно, не боялись; вместо воды ели снег. Кормить их было просто. Они ели много булки, каши, картошки, а также котлеты и мясо из супа. Иногда они каркали и непременно отзывались, заслышав голоса галок на улице.

Сидя на скамье, Иван мечтает о том, что когда у него будет свой дом, не придется держать галок в сарае на холоде и в полумраке. Но когда это будет?.. Да и будет ли?.. Так уж получается в жизни, что когда человеку что-то позарез нужно, этого нет, а когда оно обретается, иногда спустя долгое время, то оказывается, что острой необходимости в этом уже нет. А сколько можно было бы сделать полезного, если бы нужная вещь оказалась в руках именно тогда, когда она требовалась. Бедные галки. Темнеет рано, и большую часть суток им приходится сидеть в потемках, впрочем, как и диким.

По вечерам Иван забывает про птиц. На серых улицах он с Валеркой продолжает искать свое счастье, не сомневаясь, что именно так оно и обретается. По крайней мере, есть шанс найти его. Однажды целый гурт девушек в зале ожидания привлек их внимание. Одна из них показалась Ивану привлекательной.

- Позоаи-ка ее на улицу, - попросил приятеля Иван. Валерке это не составило труда, скоро он появился в сопровождении девушки.

- Познакомимся что ли, - предложил Иван.

Знакомиться девушка не спешила, но и не ушла. Они стояли у входа на вокзал, пока не замерзли. Тогда Иван предложил подняться на второй этаж, где никого нет и тепло. Она согласилась, и вот они сидят у парикмахерской. Иван с неприязнью обнаруживает, что из-под полупальто у него торчат ватные штаны, замызганные казеиновым клеем, с которым он теперь много работает. Черт, надо было сменить штаны!.. Девушка, как будто, ничего не замечает. Иван уже знает, что она едет в деревню домой на каникулы из Питера, где учится в ПТУ. Их мирное воркование прерывает появление милиционера. Девушка объясняет ему свою ситуацию - ждет утреннего поезда, показывает билет. Иван объясняет, что провожает девушку, и она подтверждает. Милиционер оставляет их с миром. Иван доволен, что девушка его поддержала, хотя они до сих пор не познакомились. Теперь самое время для этого, да и домой пора. Они договариваются, что встретятся, когда Тоня поедет обратно. Однако через пару дней Иван решил, что ждать свидания слишком долго, надо ехать в деревню. Валерка, конечно, сопровождал его. Они нашли нужную деревню и нужный дом, но вышедшая женщина сказала, что Тоня не желает их видеть. На обратном пути друзья строили предположения о причине Тониного охлаждения. Мягкий зимний день резко обозначил

сельский пейзаж. Тянулись огромные поля, за которыми темнели леса. Тонина деревня виднелась от самой станции. Над домами курились трубы. По дороге лошадь тащила воз с сеном.

В намеченный день встреча не состоялась. Чтобы выяснить ситуацию, Иван решил съездить в Питер по указанному Тоней адресу общежития. Уже в поезде он с досадой заметил, что снова отправился на свидание в ватных штанах, испачканных казеиновым клеем, заправленных в валенки. Лишь во второй половине дня он нашел общежитие и попросил проходившую девушку вызвать Тоню. Закурив сигарету, Иван ждал. Тоня появилась быстро, как будто выскочила посмотреть, кто ее может спрашивать. Увидев Ивана, она, ни слова не говоря, бросилась обратно, громко хлопнув дверью. Теперь все было ясно. Без особого огорчения Иван пустился в обратный путь.

- Ну и хорошо. - сказал Валерка, - а то пришлось бы тебе мотаться в Питер... здесь найдем и получше...

Хорошо, когда есть рассудительный друг. Который быстро докажет, что делать совершенно нецелесообразно, поскольку и повода никакого нет.

~ 45 ~

Экспериментальным путем доказано, что длительное угнетение порождает в крови особые яды - катастаты, тогда как благодетельные чувства радости и удовлетворения способствуют выделению полезных химических веществ - анастатов. Яды, возникающие от самобичевания, вредят организму и часто вызывают заметные физические разрушения.

(Теодор Драйзер)

Приходит время, и мы начинаем задумываться о собственной сущности. Раньше казалось, что весь наш образ мышления согласован с нашими действиями и мы живем, полностью выражая себя, а если и не полностью, то это вызвано внешними причинами, которые мы четко осознаем. Потом вдруг выясняется, что между нашим внутренним миром и нашими действиями существуют несоответствия. Вспоминая свое общение с разными людьми, приходится задумываться над тем, почему в одних случаях собственное поведение весьма отличается от других случаев. То, что с удовольствием говорится одному человеку, невозможно выразить другому, разговор с которым происходит совсем не так, как с первым. Но главное в том, что ни с тем ни с другим не думается так, как наедине с собой. Стало быть, общение не отражало мысли, т.е. было неискренним. Нередко появляется ощущение жгучего сожаления и недовольство собой в определенных ситуациях: не так надо было сделать!.. не то надо было сказать!.. не туда надо было пойти!..

Далеко ведет самокопательство. Как будто и нет особых причин для огорчения, у всех, мол, так. Но тогда - почему у всех?!. Может быть, иного и быть не может. Не могут же все быть двусмысленными. Или двусмыслие - закон общественной жизни?..

В свое время Зигмунд Фрейд создал теорию, согласно которой в нас действует не только «я», означающее наши мысли и ощущения, но и некое «сверх-я», представляющее в нас общественные установки. В самом деле, мы не станем бросаться на красивую девицу при всем желании сделать это, так как в глубине нас срабатывает тормоз, который как раз и отражает общественные правила. Наши мысли и желания существуют как сфера сознательного, тогда как многое из того, что мы впитали в себя в ходе жизни, ушло в подсознательное, т.е. мы о нем даже и не знаем, но его действие испытываем как бы из-за кулис. В подсознательном и бессознательном находятся и все инстинктивные стороны нашей жизни. Когда мы оказываемся перед мчащейся машиной, то не

успев осознать опасности, бросаемся в сторону. В этом нами руководит фрейдовское «оно», которое притягивает нас и к противоположному полу. «Оно» - это наша биология и наш гарант безопасности. Ему нередко приходится сталкиваться со «сверх-Я». Бессознательное и подсознательное - огромный котел, содержимое которого не только приобретается в текущей жизни, но и пришло из прошлых жизней и вливается постоянно из Космоса. Из него выскакивают иногда удивительные мысли в сознание. Оно заставляет порой напрягаться в попытках вспомнить что-то очень туманное. Из него выплывают неправдоподобные образы и гениальные творения. На пороге осмысления окружающего мира в сознание впечатываются первые зримые образы, которые тут же уходят в подсознание, но остаются как своего рода клише. В опытах со свежевылупившимися утятами и гусятами Конрад Лоренц назвал это клише импринтингом, т.е. запечатлением. Он показал. Что птенцвы следуют за первым движущимся предметом, попавшим им на глаза, что означает их стремление следовать за матерью, как залог сохранения. Теперь известно, что запечатление - не столь прямолинейный процесс, как считал Лоренц, но сущность его не поколеблена. Просто в разных ситуациях у разных индивидов запечатление происходит на разных стадиях развития (не обязательно как только открылись глаза). Существенно то, что процесс запечатления длится и довольно долго. При этом запечатлеваются не только родные лица и вообще окружение, но и реакции окружающих лиц. Психогенное запечатление действует так же как физическое. Его результаты ложатся в сферу бессознательного, где не только сохраняются, но взаимодействуют с остальным содержимым этой сферы, что дает новые результаты.

Все познание человека можно рассматривать как запечатление, но то, что действует на ранних стадиях развития, становится нерушимым. Поэтому почтенные ученые неспособны воспринимать новые для них теории, так как они несвободны. Поэтому дети в тоталитарном типе общества вырастают в закомплексованных субъектов, так как их психогенный импринтинг включил необходимые руководству этим обществом клише.

Если в течение жизни, чаще уже к концу ее, человек начинает сознавать свою двойственную природу, то значит. В нем произошел прорыв более действенных начал. Это часто связано с существенным преображением человека, становящегося на путь религии, мистики или метафизики. Общественная реальность становится для него видимой во всей ее неприглядности. Никчемность какого-либо рода занятий становится для него очевидной. Немало творческих личностей оборвали на таком понимании свой жизненный путь или продолжали его с фатальным безразличием. Многие искали убежища в монастыре, в ашраме, в отшельничестве. Их влекло за верхние пределы сознания, где ощущалось нечто величественное и непостижимое.

* * *

В новогоднем концерте художественной самодеятельности Иван исполнил на скрипке «Романс Антониды» из «Ивана Сусанина» Глинки и «Песню Сольвейг» из «Пер Гюнта» Грига. Это было его первое публичное выступление и он очень волновался. Первые звуки были дрожащими, но он все же выправился. Когда ведущий объявил вторую вещь, из зала донесся разочарованный голос: «Опять эту дребедень!..» Кое-кому «Песня Сольвейг» в исполнении Ивана понравилась и его наградили жидкими аплодисментами. Иван-валторнист потом сказал: «Нормально».

Оркестр задул какой-то бравурный марш, и впечатление от тоскующей Сольвейг мигом исчезло. Иван нашел выступление оркестра безвкусным, о чем и заявил позднее Ивану-валторнисту, вспомнив оркестр под Ленинградом, всегда исполнявший трогательные вещи. Иван-валторнист был согласен с оценкой и ставил ее в вину руководителю - татарину, который подбирал репертуар. Он рассказал о замечании Ивана и руководителю, в результате чего татарин потребовал не пускать Ивана в музыкальную комнату.

В морозные вечера над бараками вертикальными столбами поднимался дым, белеющий в лунном свете. Сияющий диск луны порождал жгучую тоску. Колючая проволока, покрытая инеем, выглядела странными кружевами. Звуки казались более громкими. В банные дни далеко разносился аромат пареной хвои пихты. Миска воды, брошенная в высокую печь, набитую камнями, возвращалась таким жаром, что казалось, уши варятся заживо. Матерые парильщики сидели на полке в ушанках и рукавицах. Иван, до того никогда не испытывавший тяготения к парилке, ощутил благо от этого старинного русского действа. От неимоверного жара словно уходило из нутра что-то тяжелое и черное. После жгучего хлестания в парилке мороз совсем не ощущался. Тело ка-

залось воздушным, стоит лишь оттолкнуться и полетишь. Придя в барак, приятно выпить кружку горячей подслащенной воды с последним огрызком пайки. Потом можно вытянуться на койке и читать. Бывает, правда, что Николай на нижней койке принимается рассказывать что-нибудь вроде того, как закутывал в одеяло свою жену и пускал газы, заставляя ее нюхать. Слушатели хохочут, и кто-то тоже вспоминает счастливые времена свободы, когда можно было случаться с женщинами на мешке картошки в подвале, в курятнике или в зарослях крапивы на лоне природы.

Бригаду определили гнать просеку и ставить на ней забор для летнего повала. Летом могут случаться побеги, поэтому делянки окружают просеками с забором, вдоль которого конвой может стрелять, завидев человека. Прорубать просеку - это то же самое, что лесоповал. Соответственно распределяются роли. Первыми идут вальщик с «Дружбой» и толкач с багром. Они валят деревья. За ними тащится чекировщик с пучком чекиров - стальных тросиков с кольцом на одном конце и крючком на другом. Он охватывает чекиром комель каждого дерева. Обойдя около десятка деревьев, чекировщик идет к трелевочному трактору, стоящему вблизи, и тянет с крутящегося барабана трос, который продевается в кольца чекиров. У последнего дерева чекировщик ставит поперечную фомку и машет трактористу. Тот включает барабан и вот... спиленные деревья медленно поползли к трактору, достигли его и заползают комлями на подол, который поднимается с ними к кабине. Все. Барабан выключается, и трактор тащит груду деревьев на эстакаду, где за нее принимаются сучкорубы.

Вальщик и толкач должны быть здоровые мужики. Работа чекировщика тоже требует силы. Бугор, он же вальщик, предлагает Ивану быть чекировщиком. Пробираясь по грудь в снегу с кучей чекиров на плече, Иван скоро уясняет, что должность эта не в радость. Правда, вальщику с толкачом еще труднее, но они такие мощные мужики, и вечером им на скрипке не играть. Чекиры отчаянно колючие, так как стальная проволока на них перетерта. Конечно, им выдали старые чекиры. Новые-то повальные звенья загребают. Бугор. Которому все нюансы лесоповала давно знакомы, участливо спрашивает по дороге к костру на обед:

- Ну как?.. С непривыку-то тяжеловато, поди... да ведь некому чекировать, посмотри сам, одни дохлятики в бригаде!..

- Да ничего, - отвечает Иван, довольный тем, что его, наконец, выделили из дохлятиков, в коих он пребывал большую часть жизни. В конце концов, чекировщик - это третий человек в лесоповальном звене.

Разумеется, они не стараются выполнить лесоповальную норму и после обеда долго стоят вокруг костра, слушая рассказы Клюквы, который в одиночестве совсем закис. Вечером мастер дает справку на завтрашнюю кашу. К бригадной эстакаде подходит МАЗ. Юркий Петя подсовывает жердью тросы под груду бревен. Заработал мазовский барабан и, глухо постукивая, бревна закатываются всей грудой в мазовские вилки, одна сторона которых, бывшая катком, поднимается. МАЗ загружен. Иван вспоминает рассказы сидевших раньше. Тогда трелевали лошадью, а все остальное делали вручную. Пилили деревья лучковой пилой. К великим открытиям китайцев следует, конечно, относить не только порох и компас, но также и бензопилу «Дружба». Вот уж на чем «русский с китайцем братья навек», так это на «Дружбе». Разве можно бы было напилить лучком за день столько деревьев, которые увозит вереница МАЗов!..

А по соседству еще одна зона. Между заборами лишь узкий проход. Та зона тоже пилит тайгу. И сколько таких зон?!. Только высокое начальство знает. Каждый день оголяются громадные пространства тайги, на месте которой, словно обглоданные кости, торчат «сабли» - ошкуренный на корню молодняк. Лес, конечно, не успевает расти столь же быстро, как его сводят. И никто этого не знает, кроме лагерного начальства, которому нужны кубы и кубы, а там, хоть трава не расти. Когда лес вырубают в одном месте, перебираются в другое. Ни о каких-либо мероприятиях по восстановлению лесов никто не думает: само вырастет...

Как-то Иван почувствовал жар. В санчасти определили, что он простудился, поставили банки. Во время этой процедуры Иван вспомнил, что банки ему ставили в далеком детстве и он истошно орал, глядя как в круглую баночку суют огонь и тут же прикладывают ее к телу. Оказывается, страх перед банками, полученный так давно, где-то сидел до сих пор и теперь шевельнулся. Иван дернулся и пукнул.

- Ну ты тут!.. - гаркнул санитар.

Освобождение дали на три дня, которые Иван пролежал на своей койке, временами стараясь читать. Его бросало то в жар, то в холод, и освобождение продлили еще на два дня. Когда он

снова оказался в тайге, то морозы уже стали меньше, чекировщиком стал носатый Игорь. В голове Ивана еще стоял шум. И бугор разрешил ему оставаться у костра в компанию Клюкве.

Ветер сбрасывал с веток деревьев пласты снега. Казалось, что какие-то белые птицы, взмахнув крыльями, тут же исчезают, а освободившиеся от тяжести ветви пляшут сами по себе. Серое небо никогда не освещается солнцем, оттого короткий день кажется еще короче. Тайга застыла в безжизненном покое. Здесь не живут птицы и не ходят звери. Слышится только надрывное тарахтенье «Дружбы» и тракторов, трелюющих лес. И так должно длиться и длиться.

* * *

Иван с Валеркой полны решимости: надо найти по девочке, с которой можно гулять, и хорошо бы обжать ее как следует в темном углу. До чего должно быть приятно ощупывать бюст; такой, как у гипсовой девушки с веслом на стадионе. Правда, как-то Иван положил руку на пышную грудь проходящей девицы. Он и сам не ожидал от себя такого, а Валерка просто изумился. Девица бросилась на Ивана и хлопнула его ладонью по уворачивающейся спине: «Ах ты, козел вонючий!» А грудь-то, хоть и торчащая аппетитно вперед, мягкая оказалась, как кисель.

- Это когда много мнут, - авторитетно заявил Валерка, словно уж он-то эту процедуру знает как свои пять пальцев.

Теперь они каждый вечер совершали прогулки. Валерка заговаривал со встречавшимися девочками. У него это получалось непринужденно, но законтачить никак не удавалось. Они отправлялись в другую часть городка. Именно там они и повстречали однажды пару девочек, гулявших, как и они, в поисках приключений. На предложение составить им компанию они среагировали вполне охотно, а рассмотрев своих новых ухажеров, остались довольны. Быстро определились симпатии, и когда подруги разошлись по домам, Иван с Валеркой тоже расстались.

Иван впервые провожал девушку и был доволен, что это происходит далеко от места, где он живет, так что нет никакого риска встретить кого-либо из знакомых. Тома не сразу пошла домой, и они погуляли в парке, походили по улицам. Выяснилось, что Тома тоже еще не гуляла с парнем. Иван почувствовал, что это правда. Она держалась очень скромно, хотя охотно рассказывала о себе. Работала она на мясокомбинате, где по утрам из чанов, в которых варят колбасу, разбегались крысы. Слегка потупившись, Тома сказала при расставании, что они могут, конечно, встретиться завтра.

Валерка тоже имел успех, и теперь они часто отправлялись вместе на свидания, но Ивану приходилось выходить из автобуса раньше. Около Томиного дома он свистел, и скоро Тома выскакивала, на ходу застегивая пальто. Они отправлялись в дальний парк, где не было людей, и сидели подолгу на каменной лавочке в нише на длинной лестнице. Это было весьма скрытное и уютное место. Тома позволяла себя целовать, но когда Иван полез к ней за пазуху, она воспротивилась. Иван, однако, проявил настойчивость, доказывая Томе, что нет ничего криминального, если он погладит ее грудь. В конце концов он устроил руку на изрядной вожделенной выпуклости, а Тома принялась царапать его руку. Иван мял грудь и терпел боль. Коготки Томы были острые и пользовалась она ими безжалостно, в то же время не испытывая вовсе раздражения от действий Ивана. Через пару вечеров тыльная сторона ладони имела жуткий вид, кожа с нее была полуснята и Тома хихикала, говоря, что нечего пуки распускать. Иван отвечал, что он еще только собирается распускать руки и, недолго думая, заехал Томе под подол. На это реакция последовала жесткая: Тома оскорбилась. Чрез 5 минут, правда, все пришло в норму, но Ивану стало скучно. Он ведь сразу понял, что Тома - дура редкостная, потому и вел себя с ней бесцеремонно. Если она не будет ему позволять трогать себя, так он и не будет ездить к ней. Иван так и сказал Томе, и она заметно опечалилась, но заявила, что будет блюсти себя до свадьбы.

Тут произошло событие, нарушившее их встречи. Как-то, ошиваясь в курилке клуба, Иван попался на глаза директору, который погнал его вон: дескать, ничего в клубе не будет и нечего тут делать. Иван ответил ему дерзостью, после чего директор схватил его за шиворот и, вытащив в фойе, дал пинка в зад по направлению к выходу. Иван развернулся и врезал ему в красную рожу. Потом он бросился бежать, но у выхода его перехватил какой-то молодой человек. Вдвоем с подоспевшим директором они оттащили сопротивлявшегося Ивана в директорский кабинет. По скуле директора текла кровь, когда он вызывал милицию. Подъехал воронок и Ивана повели. У самого воронка он поднырнул под руку милиционера и бросился бежать. Хотя он был неплохой бегун,

милиционер сзади тоже поспевал. С трудом Иван оторвался от него, забежал в какие-то дворы с сараями и спрятался в закуток. Однако милиционер его нашел и, завернув ему руку, повел к машине.

В милиции быстро выяснили, что при первоначальном допросе в клубе он соврал фамилию и адрес. Иван не стал больше сочинять и назвал себя и адрес. Дежурный опять позвонил по телефону и на этот раз получил подтверждение.

Ивана поместили в камеру, где храпел какой-то мужик. В соседней камере было людно, оттуда доносилось множество голосов. На затертых нарах лежать не хотелось. Иван долго ходил из угла в угол, делая несколько шагов в одну сторону и разворачиваясь. Тусклая лампочка в нише над дверью как будто усугубляла серость кругом: серую известку стен, серые нары и пол, серую решетку на окне, серую дверь, обитую железом, серого мужика на нарах. Эта серость постепенно проникла каким-то образом в душу и стало жутко. Иван ощутил, что все это совершенно невыносимо.

Под утро он забылся, но тут проснулся серый мужик и загремел в дверь:

- Дежурный!.. В туалет бы!..

Заскрежетал засов, и мужик ушел. Когда он вернулся, то начал расспрашивать Ивана, за что тот оказался тут.

- Как бы тебе по 206-ой не загреметь, - сказал мужик.

Он тут же пояснил, что это - хулиганская статья, ее обычно вешают за драку. Ему эта статья тоже грозит, жену поколотил пьяный. Она орала, как бешеная, и соседи милицию вызвали.

- Завтрак! - объявил в очко дежурный.

Он выдал по куску хлеба и по кружке горячей воды. Часа через два Ивана вызвали. Он прошел по коридору в сопровождении милиционера, который постучал в один из кабинетов и открыл перед Иваном дверь. За столом сидела молодая красивая девушка - следователь. Иван рассказал, как было дело, особенно акцентируя пинок под зад, без которого ему бы и в голову не пришло ударить директора клуба. В кабинет вошел молодой человек, что-то передал девушке и взглянул на Ивана, сидевшего с убитым видом.

- Украл что-нибудь? - спросил молодой человек девушку, кивнув на Ивана.

- Разбил физиономию директору клуба за то, что тот ему пинка дал, а сам директор про пинок не упомянул...

- Ну, конечно, - задумчиво протянул молодой человек, - сведи на мелкое, а то ведь засадят...

Он ушел, и девушка долго что-то писала, потом сказала, что сейчас его отведут в суд и там дадут 15 суток, которые ему придется отсидеть. Это самое легкое, на что он может рассчитывать. Она нажала кнопку, вошел милиционер. Девушка подала ему бумаги:

- Везите в суд...

Однако дежурный, прочитав заключение, сказал, что 15-суточная камера полная и надо ждать место. Иван подписал обязательство явиться на отсидку через неделю и его повезли в суд. Толстенная тетечка-судья, уже знакомая мамаша Олега, с которым он когда-то сидел за одним столом в школе. Она едва взглянула на Ивана, быстро прочитала бумаги и выписала ему 10 суток. На улице милиционер напомнил ему, чтобы не забыл явиться, и сел в машину.

- Меня-то подвезите!..

- На автобусе доберешься...

Вечером Иван съездил к Томе. На улице похолодало. Они провели часа два в прихожей ресторана неподалеку, устроившись в полутемном углу. Тома бдительно следила, чтобы во время поцелуев руки Ивана не проникали куда не следует. Он даже рассердился и сказал, что больше не приедет, уезжает в командировку. Расстались они прохладно. Иван и в самом деле решил расстаться с Томой, так как с ней было неинтересно. Даже когда она терпела ощупывание своих грудей, Иван начинал думать, что и это уже неинтересно: подумаешь, кусок круглого, мягкого мяса, и что в нем такое манящее?..

В указанный день Иван появился в милиции. Дежурный отметил время: «Срок пошел». Сзади захлопнулась окованная дверь. В вонючей камере был всего один человек, хотя на нарах везде лежали в изголовье какие-то шмотки.

- Все на работе, - сообщил маленький рыжий мужичок, протягивая руку, - Коля Каменский, я тоже очереди ждал...

Коля оказался егерем, и Иван принялся расспрашивать его об охотничьих порядках, пояснив, что занимается охотой, но в обществе охотников не состоит, поскольку проку от его охоты никакого.

Они тихонько разговаривали, когда загремели двери, одни и другие. В камеру ввалилась целая толпа, оживленно болтая. Хотя считалось, что в камере освободилось два места, которые тут же заняли Коля с Иваном, спать было очень тесно.

- Насовали, как кильки в банку, - ворчал егерь.

Работали в школе на распиловке дров. Утром милиционер приводил 15-суточников во двор школы и некоторое время они и впрямь работали. Иногда милиционер отпускал всех по домам, наказывая не опаздывать к концу рабочего дня. В такие дни никто не ел баланду, вернувшись от домашнего стола. Иван навещал своих галок, которых в иные дни кормила мамаша заодно с собакой. Галки совсем освоились и поскольку оказались парой, то в поведении самца, несмотря на его висячее крыло, появились элементы ухаживания. Он нежно тюкал самку клювом в шею и из клетки доносилось тихое воркование явно любовного характера. Ивану не хотелось покидать галок, но время выходило и надо было возвращаться в камеру, где обсуждались визиты домой.

Сидели в основном за мелкие драки, чаще за избиение жены по пьяни. По вечерам делились воспоминаниями, спорили о событиях, даже что-то обсуждали. Однажды разгорелась дискуссия о преступлении и наказании.

- Нас и надо сажать, а то никакого страха не будет, делай, что хошь!.. - сказал Коля егерь.

С ним, однако, не соглашались.

- Вот он! - плюгавый мужичонка указывал на Ивана, - отсидит свои 10 суток и будет гордиться этим, а не бояться... Вот, мол, он тянул!.. Зря таких малолетних сажают... У них потом одна дорога - по тюрьмам. Уж я-то знаю, три срока имел, а начал так же, с малого.

- А что же с ним делать, если он морды квасит?! - возражал здоровенный малый.

- Ну, не знаю, может быть, штрафовать, но не сажать вместе с нами... чему он здесь научится?!

Никто не знал, что лучше.

Дома мать сообщила, что к Ивану приходили две девушки, спрашивали, где он. Мать сказала, что в командировке. Иван отправился к Томе. Она выскочила на свист без пальто, и Иван с удовольствием увидел, что то, ради чего он к ней ездит, у нее весьма массивное, на ощупь как будто меньше. Когда они заняли привычную бетонную лавочку, Иван начал немедленно сопоставлять свои зрительные и осязательные впечатления. Тому, однако, более всего интересовало, за что он отсидел 10 суток и как там было. Она узнала о случившемся от Валерки и уговорила подругу съездить к Ивану домой. Их визит был, конечно, для Ивана неприятен и теперь он решительно желал компенсацию в виде свободы своим рукам. На большее он и не рассчитывал, но, не ограничиваясь бюстом, бесцеремонно залез под подол и зацепился за резинку штанишек. Тома не знала, что делать: с одной стороны, невозможно допустить такое рукоблудие, с другой - плохо, если Иван уйдет рассерженный. В конце концов, многие ее знакомые еще и не то разрешают своим парням.

Ощущение, что с Томой неинтересно, опять возникло, и Иван решил поставить вопрос жестко. Он повалил Тому на лавочку, куда положил и ее ноги, и прилег на нее. Тома не сопротивлялась, а только закрыла лицо руками и заплакала.

- Ну, ладно, я пошутил!..

Иван снял с лавочки ее ноги и посадил, как куклу, в прежнее положение, втайне сознавая, что она фактически разрешала ему, но с некоторым переживанием столь важного для девушки события. Он оказался к этому менее готов, чем она, но, разумеется, сделал оскорбленную мину.

- К черту, больше не приеду!..

Свою «угрозу» он осуществил и лишь где-то через месяц они с Валеркой повстречали обеих подруг в своей части города. Однако молодые люди сочли за лучшее удалиться. Через разные годы они будут случайно встречаться, и опять между ними возникнет единственная неразрешимая проблема. Лет через десять в пригородном поезде к Ивану подойдет женщина и спросит: не Иван ли он Маккавеев?.. Иван вглядится в ее пухлое лицо с негармонично крашеными губами: Тома?! Она присядет рядом, и Иван узнает, что на соседней лавке сидит ее муж, а дома у них двое детей; живут они в двухэтажном деревянном доме по улице Мурманской. Иван вспомнит вонючие дома,

существенно пополнившие тюрьмы и лагеря. Мужа Томы Иван немного знал. Когда Тома его окликнула и сказала: вот это - Иван, тот самый..., муж только мельком взглянул:

- А-а... резиночка...

Это означало, что Тома ему подробно рассказала о былых домогательствах Ивана. Ему стало противно. «Как хорошо, что это не случилось тогда, а то бы привязала к себе», - подумал Иван и холодно отвернулся к окну. Тома отошла на свое место, а к Ивану подсел товарищ Томиного мужа в морской форме. С Иваном они тоже были немного знакомы, а теперь ему было приятно на побывке поговорить с каждым, кого хоть как-то знал. Стоило ему задать маленький вопрос и он обстоятельно освещал дело со всех сторон.

Иван с любопытством узнал такие подробности из флотской жизни, о которых и не подозревал. Оказывается, наши эсминцы бороздят Индийский океан, где случаются встречи с американскими военными судами. Иногда постреляют друг в друга. Никто ничего не знает?!. Так не положено знать!.. Вы тут не знаете, что у вас под боком происходит, так что говорить про Индийский океан. Знают начальники, те и другие, а у них свои правила игры.

Как ни интересны были рассказы морячка (если и врет, то занятно), Иван поглядывал на Тому и думал, как хорошо, что сия чаша его обошла.

История с галками продолжалась до весны, когда совершенно выздоровевшая самка улетела. Она, однако, столь сдружилась с не способным летать самцом, что не могла улететь без оглядки и села на столб электропередачи довольно далеко от сарая. Когда Иван поймал самца и водрузил его на высокую крышу, самка подлетела ближе, но приблизиться к самцу, близ которого сидел Иван, затащивший наверх и большую галочью клетку, она так и не решилась. Воздух свободы показался ей дороже близости признанного ею самца. Она появлялась и в следующие дни. Садилась на тот же столб в огородах против сарая и, должно быть, ждала, что самец поднимется в воздух и присоединится к ней. Но крыло самца было навсегда выведено из строя. Он привык бродить близ сарая, пока куриц хозяйки еще не выпускали из сараев, но когда случалось что-то тревожное или его окликал Иван, галка бежала в сарай. Крыло теперь не волочилось, но и не прилегало как полагается. Бегать, во всяком случае, оно не мешало. Однажды Ивану принесли подбитого ворона, и он гулял по насту огородов в сопровождении галки, которая и нашла его, когда он потерялся. Потом галка исчезла, и Иван уже потерял надежду найти ее, но через неделю, подходя к сараю, он увидел свою галку, сидевшую у двери сарая. Как только дверь открылась, галка бросилась в сарай, а Иван помчался домой за лакомством для нее. Через несколько дней галка снова исчезла и на этот раз навсегда.

Жизнь птиц полна драматизма и в естественных условиях, что уж тут говорить о неволе и к тому же с увечьем!.. Иван старался не размышлять о том, что он увечил птиц, чтобы потом любить их и восхищаться их сообразительностью. Он считал. что раз уж птицы со временем привыкают к нему, значит, они прощают его за то, что он сделал их инвалидами. Жаль только, что со всеми приходится расставаться навсегда, а так бы хотелось, чтобы птицы жили в сарае долго-долго, и тогда можно было бы глубже проникнуть в их внутренний мир, о котором люди ничего не знают и даже не подозревают, что у птиц есть душа, как, скажем, у лошадей, собак, да и всех животных. Все животные имеют душу, потому они и одушевленные и, пока живут, душа руководит их поведением, согласно их образу жизни.

Бывший неповоротливый щенок превратился в весьма смышленую собаку, и все было бы хорошо но при его выборе Края с Иваном неверно определили пол щенка. Весной около сарая постоянно ошивались кобели. Некоторые вели себя вызывающе нагло, и иван. Успев открыть сарай и схватить ружье, посылал им вдогонку заряд дроби. Однако кобелиная страсть, как известно, неистребима. На талом снегу у сарая повсюду алели расплывшиеся кровавые пятна. Как-то склещенные собаки толклись у двери сарая. Иван огрел кобеля по спине жердью, отчего кобель сразу отклеился и, раскачивая набрякшим красным елдаком, бросился прочь, но заряд дроби его догнал. Пес издох за соседним сараем. Пинками Иван выгнал свою собаку, оказавшуюся сукой. Несколько раз она возвращалась в привычную будку и издали махала хвостом, завидев Ивана, но он снова и снова прогонял ее грубыми пинками. Кто-то приютил ее в других сраях и там она ощенилась. Теперь она облаивала Ивана, когда он появлялся во дворе. В нее немедленно летел камень. Иван не мог ей простить ее естество, в котором сам же и обманулся. Он уже не был мальчиком, который плачет над кошечкой, которую убивают. Как-то на крыше соседнего сарая жалобно замяукал котенок. Кто-то, должно быть, забросил его туда. Иван подобрал кусок кирпича и запустил им в ко-

тенка. Он думал, что не попадет, но кирпич хряснул котенка по голове. Обливаясь кровью, котенок скатился по крыше и упал на землю в конвульсиях. Ощущая тошнотворность, Иван добил его, так как было ясно, что котенок смертельно ранен. У него испортилось настроение, но не надолго. Пришли приятели, и потекло то пустое времяпрепровождение, в котором они пребывали постоянно. Кто-то рассказывал какие-нибудь сальные истории или разного рода сплетни, факты из жизни известных воров и уркаганов, постигалась премудрость «ботать по фене». Томясь от безделья, приятели придумывали занятия вроде покушения на чей-нибудь сад, или отправлялись на прогулку по городу дурачиться. Валерка зачастил на городскую танцплощадку, но другие, и в том числе Иван, бывали там редко по причине неумения танцевать, а, главное, неспособности общаться с девушками подобающим образом. Обложить тяжелым матом он и отдельные его приятели могли любую девушку, но иное общение не получалось, хотя и было желанным. То была не робость, а некий инфантилизм задворок, на которых они росли, впитывая в себя грубость и цинизм, которыми они бравировали не только друг перед другом, но и перед всем миром. Улица с ее жестокими нравами выравнивала подростков из внешне благополучных семей и росших без отцов, что, как считают некоторые психологи, нарушает нормальное развитие детей. Жизнь, однако, нередко опровергает домыслы ученых людей. По степени жестокости из благополучных семей вырастали иногда на редкость неприятные субъекты. Про Татарина Ивану рассказывали, как он брил кошку «под льва» тупой бритвой, связав ей лапы. Кошка истошно орала, но Татарин посмеивался и продолжал свое дело. Когда же побритая кошка помчалась по двору, то все очевидцы этой процедуры умирали со смеху. Другую кошку Татарин живьем распял на столбе, пробив ей лапы гвоздями. А ведь Татарин был послушным сынком энкавэдешника и очень хорошо упитанной тети Лены - скорее дамы, чем бабы.

Делу тут, конечно, в индивидуальных особенностях характера. Сестра татарина Динка совсем не походила на своего младшего брата, но она и не общалась с уличными охломонами. Не так давно Татарин нередко составлял Ивану компанию в лесных походах, и тогда у него еще не прорезались садистские наклонности, которыми он славился теперь.

- Живодер паскудный! - резюмировал Иван, услышав о деяниях Татарина.

Он сам давно не питал симпатии к кошкам, будучи увлечен птицами, но рассказы о Татарине вызвали у него отвращение к своему прошлому спутнику. Леса еще манили его, но уже не так остро, как раньше. Вести дневник наблюдений он перестал. И все же, когда он выбирался один с ружьишком в лес, то переживал тихую радость приобщения к божественному. Он дышал сразу всем, что дает лес. И теперь эти блуждания имели смысл не столько познания природы или добычи дичи, сколько созерцания и размышлений на лоне природы. Тут-то в него и проникала идея, что вся его жизнь такая пустая и никчемная. Иногда эта идея буквально подкашивала его. Он валился на траву, катался по ней и стонал: «Боже мой, мне уже 17 лет, а ничего не сделано!» Иногда эта мысль терзала его и дома, когда он днем лежал на сундуке, опираясь на свиток их с дедом постели, а рядом бабка суетилась у плиты, переставляя кастрюли, и что-то по обыкновению нашептывала.

Он не мог бы объяснить. Что именно он должен уже сделать, о чем, как несвершившемся, у него такое жгучее сожаление. Однако что-то словно выходило из каких-то неведомых глубин, и он ощущал свою ущербность. Корчась в лесу в непонятных душевных муках, он погружался в бессильную пустоту и тогда слышал далекие гудки паровозов, которые здесь слышать было невозможно, или какие-то голоса. Потом он долго слушал шелесты ветра, смотрел в небо. После таких приступов он обычно плелся домой. Даже взлетевший сбоку рябчик его не волновал.

~ 46 ~

Чтоб не скучать с людьми - то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот все, на чем вертится свет!
(М.Ю. Лермонтов)

Много теорий придумали умные люди о человеке среди человеков. Исторического материала на этот счет достаточно, знай, лишь осмысливай его и обобщай. Однако просто знать мало. Знание нужно применить в жизни, чтобы сделать ее лучше. Кажется, Маркс сказал: философы

лишь различным образом объяснили мир, задача в том. Чтобы перестроить его. Рецептов было немало, начиная с конца средневековья, когда Томас Мор издал книгу об острове Утопия, на котором живет совершенное общество. Потом Томазо Кампанелла описал город Солнца, в котором тоже все были счастливы. В обществах, ими описываемых, не было разного рода паразитов. Такая установка вряд ли пришлась по душе кое-кому из их современников. Не потому ли голова Томаса Мора увенчала однажды кол на стене славной лондонской тюрьмы Тауэр. Кампанелла тоже не миновал кола, правда, в другом применении: он был посажен на кол и провел на нем чуть не двое суток. Итальянские тюремщики, видимо, бережно сажали на кол. Это следует и из того, что уже позднее Кампанелла осчастливил своего тюремщика, сделав ребенка его жене. Какие были времена!.. А впрочем, идет ли тут баш на баш?..

Были и другие сочинители общества счастливых людей (их стали называть утопистами), кроме названных. Цивилизация продвинулась. Как принято считать, вперед, и кол теперь не использовался, как прежде, хотя всегда оставался важным подспорьем, наряду с булыжником. Самый разумный утопист Клод-Анри Сен-Симон кола вовсе не опасался, поскольку прогресс бушевал; даже знаменитую Бастилию разобрали по камушку на сувениры. Сен-Симон отказался от графского титула и помер в нищете. Его высоко оценили Маркс и Энгельс, хотя и подвергли критике некоторые его положения, особенно сохранение буржуазии, купцов, банкиров и прочих паразитов общества, с которого они «снимают пенки».

Все здравомыслящие люди, видевшие в человеке подобие Господне, полагали, что люди равны по самому своему появлению на свет и не может быть в обществе какого-то превосходства одних над другими. Оно ничем не оправдано, кроме вбитого в сознание людей: так должно быть, ибо так было всегда. А сложилось это потому, что одни были сильнее других и могли что-то или все отобрать у более слабых и даже убить их. Но убивать было невыгодно: пусть лучше работают на благо сильного

Потом эта система стала узаконенной. Чтобы слабые не объединились в силу, их нужно было держать под страхом наказания за ущерб, причиненный друг другу. Специальная когорта людей была назначена для блюдения порядка, определяемого сильными, которые объединились по линии, укрепляющей их превосходство. Церковь взялась за души человеческие, втравливая исподволь мысль, что нет власти не от Бога.

Менялись типы общества и государственные структуры, все понятнее становится взаимодействие людей и лишь самая простая мысль, что люди одинаковы, и даже более одинаковы, чем деревья одного вида в лесу, поскольку обладают сознанием, не находит воплощения в мире. В человека вживляют установку, что иерархия себе подобных пронизывает всю природу, а человек ее часть. Для вживления существуют различные способы: не можешь - поможем, не знаешь - научим, не хочешь - заставим.

И видит маленький человек себя со стороны: а ведь и правда - маленький, а наверху глыба какая-то. Куда уж тут рыпаться, против кого, чего? Бывало, рыпались отчаянные головы. Отскочили они, эти головы, на плахе. Те же, кто не показывал свое презрение к сильным мира сего, им и отравились, а то и взорвались внутри. И ничего не изменилось. Стабилизировалось общество в своей порочной структуре, которая рухнет когда-то, словно подгнившая постройка, и погребет под обломками прежде всего верхних, но немало и нижних. Все же сохранится кто-то из слабых, ибо им дано гнуться и не ломаться. Обратится в прах все былое, и только немногие одичавшие человеки начнут новую эру на Земле. Может быть их потомки будут умнее нас.

* * *

Сурова северная зима. Света мало, холода много, ничтожные звуки сливаются в непрерывный трещащий шум. Над толпой зэков на разводе стоит облако пара, исчезающее над светом тусклых лампочек. Никто не стоит на месте, но пританцовывает. Вроде и были несколько относительно теплых дней, но снова лютый холод. Время на холоде кажется тоже застывшим, совсем не двигается. Скорее бы в воронок. В куче теплее, особенно когда болтает всех во все стороны. Неважные дороги в тайге, прямо скажем. Так ведь ненадолго все это. Правда, теперь везут долго, зона старая, вырубили леса много. А Иванову бригаду возят то далеко, то близко. В зависимости от состояния дороги. Груженые МАЗы ее быстро раздалбливают, а ремонт серьезным назвать никак

нельзя: забили колдобину обрубками да жердями, вот и все. Только крупные провалы приходится заполнять трактором, потом жердями, еловыми лапами выравнивать.

Интересно, что будет здесь лет через 30-40.Наверное, будут сплошные луга с пнями, как у нас там, на местах, где лес спилен. Только у нас нет таких пространств, чтобы до горизонта одни сабли вкривь и вкось.

Мягкими мешками наваливаются друг на друга зэки в болтающемся воронке. Даже когда резко повалились вбок, все молчат, держат тепло в себе. Молчит охранник в тулупе за решкой. Наверное, в автомате масло замерзло. Но у его ног «друг человека» с заиндевелой мордой. Тоже молчит и поглядывает даже добродушно: дескать, всем плохо, не только вам.

Добрались до охранного балка, из трубы которого валит белесый дым. Никто и в окно не смотрит. Охранник с низкозадым кобелем уходит в балок не оглянувшись: он свое дело сделал. Из балка мастер выходит. В тулупе он похож на Шаляпина на картине Кустодиева, боксера только не хватает, а овчарки не его ведомства. Бугор выслушивает. Что говорит ему мастер, т.е. куда идти, и бригада поползла по дороге. Клюква навязывает кому-то ведро с будущим обедом: что ж я еще и носить его буду? И так один за всех работаю!.. И трактор опять поломатый...

Зорким глазом Клюква выглядывает стоячую сушину. Нужно, чтобы она стояла не у самой дороги, а поодаль, где побольше незатоптанного снега, да и прикрытие какое-нибудь чтобы было. Сушину смотрят все, так как дело общее, но Клюква решает, хорошее место или можно лучше найти. В конце концов, сушин достаточно и они хорошо заметны на бывших делянках. Стояли себе большие мертвые деревья и сохли десятилетиями. Потом все живые деревья вокруг спилили, а сушины остались для будущих костров дорожников. От хорошей сушины многое зависит: и будет ли Клюква доволен ровным огнем, тогда и обед вкуснее получится, и не погорит ли чья-то одежка от плюющихся головешек, а владелец ее и не заметит, пока припекать не начнет или кто-то не учует вонь тлеющей ваты и не объявит: горит кто-то. Тогда все начнут судорожно осматривать себя и соседа. Бывает, что выгорит уже изрядная дыра и никто не заметил. Теперь на целый вечер работы - заплату прилаживать. У Пети, вон, весь ватник в заплатах; любят его головешки.

Бугор объявляет, что мастер грозился докладную написать: мол, не работают, только греются у костра. У всех перед глазами возникает огромная фигура в еще более огромном тулупе: ему что! Поди, не мерзнет! Однако худо, если напишет, и от костра не отойти. Предупреждение действует. Бригада расположилась вдоль дороги, ремонт которой поспособствует МАЗам вечером, а завтра все сначала.

Скорее бы вечер. Это то, что зэк может ожидать каждый день как самое реальное. Наступление вечера не подведет. Оно обязательно состоится. И тогда можно бездумно лежать в тепле на койке. Лежать, конечно, хорошо. Но надо делом заниматься. Иван вспоминает, как Михаил Иванович приходил и поднимал его для занятий на скрипке. Теперь ему стыдно за то, что он вынуждал пожилого человека затрачивать лишнюю энергию на то, чтобы идти к нему и уговаривать позаниматься. Теперь он сам находит в себе силы идти в столовую и в противоположном углу, где меньше дует, часок попилить смычком. Иван-валторнист в барак к нему не ходит, да и в столовую приходит не часто.

- Надо все учить наизусть, иначе толку не будет, - повторяет валторнист, - и повторять, повторять мелодию в уме, где бы то ни было...

Иван, действительно, убедился, как приятно исполнять в уме, скажем, «Осеннюю песнь». Можно варьировать разные нюансы и оценивать, что лучше. Правда, в пальцах это далеко не всегда получается, но, по крайней мере, валторнист не плачет, если что не так. Он, наверное, и приходит редко, чтобы не плакать, когда у Ивана получается не так, как надо.

- Нет ничего в этом мире хорошего, кроме музыки, - говорит валторнист, - ее слышно во всем: как горят дрова в печке, как луна висит над бараком, как шнырь матерится на чьи-то вонючие портянки и все-все, что воспринимается чувствами, содержит музыку; стоит нажать кнопку, и она зазвучала...

- Хорошо, что мусора не могут выдрать эту кнопку, - замечает Иван, - не пробраться им во внутренний мир...

- Зря ты так думаешь, - возражает валторнист, - мусорам, конечно, не пробраться, по уровню своей дикости, но другие могут, и сам не заметишь как... будешь словно под гипнозом, скажут тебе на черное, что это белое и увидишь белое, а вроде казалось сперва черным...

Иван верит своему тезке. Он уже заметил, что те, кому доведись великие страдания (5 лет крытки, это не хухры-мухры!) стали немного не в себе, но вместе с тем, а может быть, потому, у них развилось какое-то сверхъестественное мироощущение. Временами они испытывают прозрения и понимают, как устроен мир, что недоступно другим. Со временем оказывается, что они правы, каким бы бредом не казалось то, что они говорят как бы между прочим. Они не спорят. Они просто знают, что спорить не о чем, так как спорщик не может знать того, что они знают. Правда, с ними трудно общаться, потому что они часто как будто подвешенные: чуть что впадают в раздражение или, наоборот. Холодеют к собеседнику так, что тот и в самом деле мерзнет, а то еще и слезы из них прямо-таки вылетают. Поломанные, одним словом. Но хорошо с ними, когда они в порядке, хоть говорить, хоть молчать. Немного приближаешься к пониманию, что такое человек. Это, конечно, не те басистые бугаи, способные одним ударом доску проломить, так как есть среди них психи. Тоже по бурам сижено. Просто удивительно, как богатырская комплекция сохранилась. Говорят, что бур мало кто выдерживает долго, не санаторий, чай. Превращается человек в человекообразное существо или даже тень, когда чахотку схватит. Одно хорошо, недолго маяться.

Администрация не виновата: в бур идут те, кто сам хочет этого, мы им только помогаем достичь желаемого. Что мешало им жить, как все советские зэки, а тем, как все советские люди.

Треща мостками, Иван идет в столовую после ужина. Как полагается, луна висит над баней ярким блином. Всегда она вселяет какое-то странное ощущение беспокойства. Футляр внезапно раскрывается , и скрипка вываливается на снег. Тут как раз на крыльце соседнего барака появляется татарин-трубач. При виде вывалившейся скрипки трубач изнемогает от хохота. «Дубина, хоть и трубач», - думает Иван, сдувая снег с инструмента. Не удалось ему подогнать половинки футляра, чтобы защелка надежно держалась, вот и приходится радовать кого-то своей оплошностью. Но так ведь всегда в жизни: кому-то хорошо оттого, что другому плохо. Не может быть, чтобы это был закон общества, ведь есть люди, которым плохо оттого, что другим плохо. Они как бы берут в себя сье-то горе. Может быть, тем, у кого они берут, меньше остается.

* * *

Все хорошо у Ивана. Пошел хороший заработок, как ему представляется не в сравнении с другими, а потому что он может купить то, что считает нужным. У него уже есть и одностволка, и воздушка, и патефон для сарая, и велосипед. Он уже и не знает, что бы купить еще нужное. Его музыкальные склонности не угасли, но преобразовались. Давно была разбита уроненная балалайка, забыта игра на домбре, которой он овладевал на кружке струнных инструментов. Теперь он освоил небогатый репертуар Захара на семиструнной гитаре, но заниматься на ней систематично было свыше его сил, несмотря на приобретенный для этого самоучитель. Он ограничивался тем, что подбирал мелодии и пытался их украсить аккордами. Внезапно он услышал скрипку в том смысле, что ее звучание проникло в его душу столь глубоко, что вызвало экстаз. С чего это началось, он не помнил. То ли это был «Ноктюрн» Чайковского, а может быть па-де-де из Щелкунчика или неизвестная вещь, но теперь, когда он слышал скрипку, то упивался ее звучанием. Стало очевидно, что надо купить скрипку, что и было исполнено.

В сараеИиван натер смычок канифолью, подтянул струны и, положив скрипку, как полагается, на ключицу, попытался извлечь звук. Получился невообразимый скрип. Валерка, присутствовавший, как доверенное лицо, при покупке и первой пробе, заметил, что штучка, которая зажата под черной ложкой, по его мнению, должна стоять под струнами.

- Ну, конечно же! - вскричал незадачливый музыкант, вспомнив, что у всех струнных инструментов есть подставка, благодаря которой струны возвышаются над грифом, а не лежат на нем.

Поместив подставку на положенное место, Иван пытается звучать снова. Теперь скрипа меньше, можно брать разные ноты, нажимая на струны на грифе. Валерка, ободренный своей верной подсказкой, считает, что теперь о′кей, надо только научиться настраивать скрипку, да привыкнуть к ней. Но как скрипку настраивать, никто не знает, слишком далек круг сарайных посетителей от такой музыки. Иван долго думает, к кому бы обратиться за помощью, но ничего не может придумать. В их доме есть, правда, девушка, которая играет на скрипке, закончила даже музыкальную школу, но она - дочь брата отца Ивана, к ней нельзя, они и не знаются-то с Иваном.

Зато теперь, когда из сарая нужно выгнать Гундоса или еще кого-то из нежеланных посетителей, Иван говорит, что у него скрипичный урок и начинает пилить. Его уроки никто не выдерживает долго, а Иван входит в настрой и на одной струне подбирает отрывки простых мелодий. Но как же это не похоже на то, что он слышит по радио!.. Нужно иметь действительно огромное желание освоить инструмент, чтобы в совершенно невероятном звучании слышать, как несколько связных звуков (и вполне приличных) вдруг выдались, хотя повторить их ну никак не возможно. Иван понимает и всем говорит, что игра на скрипке это не бренчание на гитаре, у нее ведь и ладов даже нет, все на слуху. Иногда Валерка говорит, что в «скрипении» Ивана ощущается прогресс, но сам Иван чувствует, что дело плохо. Он все реже берет скрипку в руки, думая, что нет у него таланта к игре на ней; дано ему только слушать чью-то игру и проникаться ею.

Вспоминая прошлогодний опыт с выращиванием сороки, теперь Иван решил увеличить поголовье пернатых воспитанников. В сарае появились четыре галчонка и два вороненка. Потом мальчишки принесли двоих грача, которых они сбросили с высокого дерева, и один вскоре умер, а другой был больной, с отвисшим крылом. Парнишка из соседнего дома предложил Ивану купить за пять рублей подбитую в крыло сову. Сделка состоялась. Наконец, ему продали полудохлого кукушонка, который уже на второй день слетел из большой клетки Ивану на колени. Как следует кукушонок летать еще не мог, и когда по недосмотру Ивана вылетел во двор, то на него набросились курицы и задолбали так, что он вскоре помер. Смерть самой ярой нападающей курицы сильно огорчила мать Ивана, который скромно помалкивал, слушая ее причитания.

Черный выводок подрастал, благодаря неустанным заботам Ивана, которому снова приходилось за время перекура в столярке мчаться на велосипеде в сарай, чтобы рассовать еду в разеваемые навстречу клювы. Галчата доставляли особое удовольствие своей привязанностью. После работы Иван выпускал всех, за исключением совы, гулять, а сам забирался на нары вздремнуть. Один галчонок, следовавший за Иваном, куда бы он ни направился, устраивался у Ивана на груди и тоже дремал. Рядом Иван клал воздушку и, пробуждаясь, стрелял в крысу, сидящую на верстаке. Обед сове был обеспечен. Иначе приходилось идти на склады и стрелять там воробьев. Сова заметно поправилась и стала слегка перепархивать. Как-то Иван не обеспечил ее мясом и утром, открыв сарай, увидел сову, восседавшую на убитом граче, который несмотря на увечье, признал Ивана за кормильца и бежал ему навстречу с басистыми воплями, разверзнув огромный клюв с ярко-красным нутром. Делать было нечего, сова боролась за свою жизнь присущим ей образом. Иван на нее не сетовал, но обеспокоился, как бы она не расширила поле своей деятельности. Он, однако, убедился, что галчата и воронята держатся от совы подальше, и к тому же они очень шустрые, и пока сова еще не способна их поймать. Правда, присутствие совы в сарае их не радовало, но что делать?! Это ведь тоже опыт - сживание хищника с потенциальными жертвами.

Выросшие птенцы не желали днем оставаться в сарае, да еще и с совой, которая обычно восседала на верхней полке и не мигая смотрела оттуда желтыми кошачьими глазами. Выводок разлетался по огородам, но как только от сараев доносился свист Ивана, из разных мест поднимались молодые галки и вороны и летели к сараю. Как-то не прилетела одна ворона, и скоро маленькая девочка принесла ее труп, сообщив, что ворону убил незнакомый мальчишка. Вскоре произошло новое несчастье. На свист кое-как прилетел один галчонок. Еще в воздухе Иван определил, что летит он с трудом. Галчонок сел на край крыши и тут же лег на бок. Через несколько минут он умер. Иван горько плакал, проклиная людскую жестокость. Он не сомневался, что убил бы гада, запустившего в доверчивую птицу камнем. Однако он понимал, что таких гадов в городке не счесть и он сам из их числа. Попытки найти убийц путем расспросов, конечно, были бесполезны. Убили еще одну галку. Самую любимую загрызли крысы, когда галка ночью упала с полки на пол. Вторая ворона, а следом и оставшаяся галка отбились от сарая, где осталась лишь сова, которая уже неплохо летала, и когда случалось ей, улучив момент, выскочить из сарая, то она летела низко над землей, наводя ужас на многочисленных куриц. Иван мчался следом и отлавливал сову, которая где-то садилась. Она всаживала когти в руки Ивана, и он терпеливо извлекал их по одному. Когда ночи стали темными, сова вылетела последний раз совсем уверенно. Иван нашел ее сидящей на заборном колу. Однако на этот раз сова не стала дожидаться, пока он ее схватит, а снялась и исчезла в темноте, сгустившейся над огородами. Ивану лишь оставалось записать в дневнике наблюдений, что сова явно привыкла, пока была раненая, к галчатам и воронятам и не охотилась за ними. Они к ней тоже привыкли, но все же инстинктивная опаска у них всегда была, хотя никто из них не видел другой совы, кроме этой.

Со своим выводком Иван пережил немало счастливых минут. Ему приходилось затрачивать на них время, которое он мог бы провести в беспутных шатаниях по городку и на танцах, но он не жалел об этом. Общение с пернатыми воспитанниками смягчало его ожесточенную душу, и когда птичьи лапки царапали кожу у него на голых плечах, а в уши с обеих сторон орали галчата, он переживал радость бытия от тог, что он нужен кому-то в этом мире, крайне нужен. Ему казалось, что он видит своих подопечных насквозь и понимает каждое их движение, каждый взгляд. Он ощущал умиление, наблюдая за их бесхитростным поведением, которое все больше обнаруживало маленькие тайны большого птичьего мира, о котором не многие что-либо знают. Все же об общественной жизни Иван не забывал и нередко, заперев питомцев в сарае, отправлялся проведать двор.

В середине лета во дворе замелькала новая девушка. Она была весьма приметна, так как в хорошую погоду ходила по двору в купальнике, что было весьма непривычно. Но у нее была отличная фигура и она, видимо, не стремилась это скрывать. Скоро стало известно, что Эмма приехала в гости к тете Соне на все лето. Она сдружилась с маленькой Женькой, которой даже лифчик еще не требовался, и они целыми днями торчали в садике. По вечерам на волейбольной площадке в садике собирались любители волейбола и желающие растрясти жирок. Эмма непременно включалась в игру. Иван с приятелями приносил маленький патефон, который он купил для сарая, и кучу современных пластинок, которые пополнялись с каждой получки. Всем доставляла удовольствие игра с музыкальным сопровождением.

Втайне Иван приглядывался к Эмме. Как-то он с удовлетворением отметил, что девушка с изумлением смотрит, как Иван, высунувшись из окна третьего этажа дома, свистит, и несколько галок откликаются и высматривают, где он там. Иван машет им рукой, и галки усаживаются рядом на подоконник. Эмма была старше Ивана на три года, но это было совершенно не заметно. Они никогда не говорили с глазу на глаз, хотя Эмма отличалась общительностью и, случалось, беседовала с целой компанией парней. Однако никто не пытался завязать с ней личный контакт. Но как-то после одного компанейского разговора Захар сказал, что он непремнно трахнет Эмму в ближайшем будущем. На следующий день общий разговор возобновился, но когда Эмма пошла домой, Иван догнал ее на лестнице и сказал, что должен ее предупредить. Эмма удивленно уставилась на него. Иван пробормотал, что ходить с Захаром ей небезопасно. Эмма ответила, что не собиралась ходить с Захаром, следовательно, и опасности нет. Она улыбнулась, видя смущение Захара. В самом деле, как он мог подумать, что Эмма пойдет куда-то с Захаром. Они смотрели в окно на лестничной площадке на красное зарево заката и молчали.

- Ну что, по домам, или как?.. - спросила Эмма.

- Или как, - ответил Иван.

Эмма подняла брови, и Иван добавил, что можно постоять, если она не очень спешит. Она согласилась на пять минут, и не дожидаясь, пока он начнет разговор, начала его расспрашивать о ребятах, о работе, о галках, о лее, который он любит. Такая осведомленность поразила Ивана и он охотно рассказывал историю за историей. Через час Эмма сказала, что тетя будет беспокоиться, но они могут продолжить разговор завтра.

Теперь они встречались каждый вечер за домом. Иван признался, что ему не хочется, чтобы старухи на лавочках видели его с девушкой и судачили об этом. Эмме многое в нем казалось странным, поэтому она не обиделась за его опасения, истолковав их так, как ей было сказано. Они уходили на реку и гуляли там в пустынных местах. Как-то они зашли в парк с танцплощадкой.

- Так ты собираешься танцевать со мной?.. - спросила Эмма спустя какое-то время.

Все произошло как с Лилей Блумберг после окончания 7-го класса. Иван сказал, что не умеет танцевать. Эмма объяснила ему движения, которые он, конечно, теоретически знал. Они топтались в колышущейся толпе и Иван нюхал густые, каштановые волосы, ощущая какая Эмма вся упругая. Ему, однако, никогда не приходило в голову даже обнять ее, не говоря уже об ощупывании, какое он позволял себе с Томой.

Теперь было другое дело. С Эммой было интересно. Она была начитанная девушка, закончила первый курс института в Горьком. Она понимала все, что ей говорилось, и задавала каверзные вопросы, показывая в улыбке превосходные зубы. Ее желанием было воспитывать Ивана, но пришла пора уезжать. Зимой она непременно приедет и они будут ходить на каток. В письмах она была такой же обаятельной, как и в непосредственном общении. Но письма приходят редко.

Пока Иван общался с Эммой, он чувствовал себя другим человеком. После ее отъезда все постепенно вернулось на круги своя. В сарае нередко устраивали выпивон. Бродили по улицам в поисках приключений, грубовато цеплялись к девушкам, у которых не имели успеха.

Празднуя 7-ое ноября, Иван с Валеркой выпили бутылку водки. Потом Иван зашел домой за ножом. Дома были гости и все были уже в изрядном подпитии, хотя на столе стояло еще полбутылки водки.

- А что, не дернешь с нами?.. - спросил гость, поднимая бутылку.

- Чего ж не дернуть!..

Иван выпил, не поморщившись, стопарь и понюхал корочку. Дядя Леша, молча наблюдавший за ним, вдруг произнес: «Научился!»

- Учитель хороший был, - спокойно произнес Иван.

- Ах ты, щенок!.. - подскочил дядя Леша на кушетке, но гости его осадили.

- Ошибаетесь, был щенок, да вырос...

Иван достал из тумбочки немецкий штык и хотел незаметно сунуть его за ремень, но следившая за ним мать мигом подскочила и вырвала штык, видимо, думая, что это для дяди Леши. Хотя она прижала штык к своему боку и куда-то унесла, все успели заметить, что она прятала. Иван оделся и ушел.

Они с Валеркой вернулись к подъезду часа через два, пошатавшись по городку. И тут из подъезда показался дядя Леша, по-видимому, повздоривший с мамашей.

- Так, где щенок?.. - спросил вызывающе Иван.

- Себя не узнал что ли?! - дядя Леша хотел проскочить мимо.

Иван мрачно врезал ему крюк снизу. Дядя Леша, как подкошенный, рухнул под стену и остался лежать.

- Давай, затащим его домой, да я пойду к бабке, хватит мне тут мешать, - сказал Иван Валерке.

Они подняли дядю Лешу под руки и поволокли наверх. На втором этаже дядя Леша очухался и выдавил что-то угрожающее.

- Да ладно уж, спи, - Иван дал ему еще крюк, и дядя Леша обвис.

В комнате мать испуганно вскочила на распахнувшуюся с треском дверь.

- Забирай свое чадо, пока живо!.. - Иван бросил дядю Лешу, как куль, на кушетку.

- Пошел я жить к бабке, надоело мне тут!..

Мать молчала. Девчонки всхлипывали, поглядывая на неподвижно лежавшего отца. Иван почувствовал, что все настроены к нему враждебно, так как он сломал существующий порядок. Конечно, ему нужно было уходить, ведь он всегда был здесь лишний.

Дед совсем постарел, и в доме теперь верховодила бабка. Старики выслушали рассказ Ивана о том, как он наконец разделался с дядей Лешей.

- Когда-то это должно было случиться, - заключила бабка, - конечно, тебе лучше жить тут...

На следующий день дед сделал из досок щит, который пристроил на табуретках к сундуку, чтобы не тесно было спать с Иваном. По вечерам с гулом топилась печка и в стареньком доме разливалось приятное тепло. Уютно тикали ходики с кошачьими глазами, бегающими в такт вправо-влево. Но дед непременно заводил и будильник, стоящий на комоде, чтобы, если ходики остановятся, не потерялось ощущение текущего времени. Подолгу пили вечерний чай, обсуждая поселковые новости и собственные заботы: дров нынче маловато, колодец совсем обледенел вокруг, того гляди поскользнешься и свалишься, мыши картошку в подполе грызут, надо бы кота завести. После чая дед обычно брал газету и погружался в нее до отхода ко сну. Бабка принималась что-нибудь зашивать, прося Ивана вдеть нитку в ушко иголки. За стенкой слышались голоса соседей, с которыми бабка с дедом были в обостренных отношениях, как это обычно и происходит с соседями.

Купившие полдома дядя Коля и тетя Дуня были из деревни и, переехав сюда, сохранили деревенские привычки. Дядя Коля часто уходил за поселок, где начинались кустарниковые заросли, и рубил там жерди, которыми огородил огород и использовал на дрова. Вместе с тетей Дуней он впрягался в громоздкие сани и зимой они везли целый возок жердей, осенью таскали их на себе, напоминая при этом картину какого-то французского художника.

Перегородка в доме была дощатая, и все, происходящее у соседей, было превосходно слышно. Когда дядя Коля напивался сивухи, он, как и подобает, устраивал представления. «Бабка! - провозглашал он тете Дуне, - я люблю тебя, т-твою мать!»Тетя Дуня бурчала что-то одобрительное, вероятно, проникшись лиричностью момента. Правда, уже через пять минут дядя Коля посылал ее в традиционном духе и грозил пришибить свою возлюбленную. Слышались даже какие-то резкие движения и грохот. Тетя Дуня, однако, была женщина массивная и, видимо, без особого труда укладывала своего щуплого муженька, нежно приговаривая: «Ну, спи, спи!» Словно под влиянием гипноза дядя Коля затихал и через несколько минут раздавался его могучий храп и ветры.

Дед, почитывая в кухне газету, прислушивался и комментировал происходящее: «Эт, сволочь, что выделывает!.. Да, чтоб задница у мерзавца разорвалась!..» Временами дед вступал с дядей Колей в перебранку, когда дядя Коля, нажравшись картошки, зычно рыгал. Деда эти звуки приводили в ярость и он кричал: «Чтоб тете утробу разворотило, деревня паскудная!..»Дядя Коля в долгу не оставался: «Сам дурак!» Затем они крыли друг друга отборным матом, пока не утомлялись. Обе бабки в баталии участия не принимали, но иногда устраивали свою, особенно зимой, когда Иванова бабка сетовала, что соседка не топит печь и их тепло уходит за дощатую перегородку.

Изредка заходила тетя Тоня. Уже давным-давно она получила комнату в каком-то барачном доме, но с бабкой она осталась в самых дружеских отношениях. Они подолгу пили чай и обсуждали всякую всячину, особенно женихов тети Тони, которая все еще не могла выйти замуж, несмотря на сдобность ее фигуры. Поглядывая на нее, Иван представлял, какая она, должно быть, аппетитная, если ее раздеть. Как-то они с пацанами видели подобную бабенку в окно санпропускника, работавшего как баня. Зрелище было роскошное, тем более, что бабенка, приметив в окне наблюдателей поворачивалась к окну разными положениями и, как сказали бы в тюрьме, дала им такие сеансы, что они, разинув рты, упирались в стену не только коленями.

Возвращаться домой с прогулок теперь было дальше и приходилось подолгу барабанить в дверь, пока кто-нибудь просыпался. Когда залили каток на стадионе, для всей молодежи это была радость. Теперь вместо бездумных шатаний приятели по целым вечерам носились на беговых коньках под приятную легкую музыку. Когда приехала на каникулы Эмма, то больше всего времени с Иваном они проводили на льду, взявшись за руки. Каникулы проискрились падающими снежинками, словно один миг. В последний вечер они стояли в темноте в подъезде и молчали. Когда Иван привлек Эмму и коснулся ее губ, она уткнулась ему в грудь.

Больше они не виделись. Иван решил, что нет смысла годами писать друг другу и ждать неизвестно чего. Не получив ответа на одно письмо, Эмма написала прощальное письмо. Ее, видимо, одолевали те же мысли, что и Ивана, а может быть, и еще что-то. Ведь она станет со временем инженером, а Иван будет по-прежнему сколачивать оконные переплеты да двери. Она общается с умными людьми, а Иван, в основном, с уголовниками. Чем кончается такое общение, известно. За каких-то четыре месяца Иван очень изменился даже внешне, не только внутренне.

Судьба хранила Ивана. Еще не скоро тетя Соня напишет Эмме, что Иван, наконец-то, сел. Сколь веревочка не вейся...

~ 47 ~

Святая истина от глаз моих сокрыта.
Высокой мудрости уму не суждено.
Всем горестям отныне грудь открыта.
И всем, что человечеству дано.
В самом себе хочу я насладиться
И в ад, и в небо погрузиться
И грусть людей, и радость их испить,
С их бытием свое совокупить
И с ними, наконец,
в уничтоженьи слиться
(Вольфганг Гете)

Уходит в небытие положенное время. Рассеивается ночной мрак. Плывут над землей белесые клочья тумана. Какие-то неясные очертания проступают вдали и вблизи. Шевелятся серые пятна и запускают куда-то щупальца. Свинцовой поволокой поблескивает вода. Корявый остов давно умершего дерева словно хочет рассказать что-то из былого и тянет сухие сучья, обращаясь ко всему и ни к кому. Никто не хочет его слушать. Шевелящиеся тени не живут прошлым.

Сполохи взыграли на востоке. Промчалось просветление по сиреневым облакам. Мохнатый пень вылез из своего отсутствия. Затаились в нем несбывшиеся огоньки в теплой гнили. Жесткие листья растения вздрогнули, словно прикоснулся к ним кто-то. Звук колокола долетел сюда издалека. Где-то там живет у часовни на холме белый монах. Смотрит он на призрачные леса в предутренних туманах и дума о земле лежит на его изможденном сердце. Медленно раскачивает он тяжелый язык колокола и печальный звон плывет вместе с клочьями тумана.

Благослови, Господь, каждую Тобою сотворенную тварь во благо ныне, и присно, и во веки веков... Отпусти грехи, сотворившим их и скорбящим о них... Да сбудется воля Твоя!..

Дрожит огонек лампады на ликах, вечно устремленных в глубины духа. Много веков в струйном шепоте доносится всепрощение и теплые глаза зовут в бессмертие. Но надо увидеть!..

Последние клочья тумана повисли над чернотой озер. Выпали росы на траву, словно миллионы слезинок вытекли из мировых глаз. Повлажнели торчащие из болот коряги и немые валуны на песке. Зашелестела листва в томительном ожидании. Ушли смрады, и струи свежести пришли откуда-то. Засветились верхушки темных елей, и закричали птицы. Свершилось. Огненное засияло сквозь темную колоннаду дерев. Над часовней вспыхнул крест. Велик Господь, и дела Его чудны!..

Но теплые глаза над дрожащим огоньком исполнены скорби: не мечтай, что твои грехи искуплены другим; пройдешь свою Голгофу, таков закон...

* * *

Зима кажется бесконечной. Весь дневной свет видится в тайге: утром развод в полутьме, вечером возвращение в зону тоже во мраке.

Теперь бригада копает в снегу траншею до земли и ставит изгородь из жердей, огораживая территорию летнего повала. Из траншеи торчат над снегом только головы. Землю надо долбить ломом, чтобы поставить попарно жерди. Потом на них вяжется проволока, на которую кладутся поперечины. Жерди надо рубить за просекой, где приходится пробираться по пояс или по грудь в снегу. Самое скверное, это тащить жерди в траншею. Хорошо, если есть след, тогда меньше затрачивается усилий. И кто придумал строить эту изгородь теперь, ведь проще это было бы сделать весной, когда снег сойдет или хотя бы просядет.

Иногда стоит мягкая погода, и тогда можно полежать на еловых лапах, глядя в серое небо. Струится вверх дымок от самокрутки. Громадная ель дышит вечным покоем. Она росла здесь еще в запрошлом веке. Если бы с деревьями можно было разговаривать, то они, наверное, многое могли бы рассказать, но не здесь. Вряд ли эта вот ель видела на своих веках что-то особенное. Лишь в последнее время ей, вероятно, приходится удивляться тому, что происходит неподалеку. Летом она удивится еще больше, когда ее спилят. А пока она качает на могучих ветвях человека в ватных одеждах и валенках и вдыхает махорочный дым.

Ивану так надоело ползать в снегу, что он решил рубануть топором ногу. Пару раз он весьма ощутимо ударил по стопе. Однако силу удара было рассчитать невозможно, ведь не отрубать же ногу совсем. Валенок оказался прорублен, даже портянка задета, но на ноге даже царапины не было, только боль от удара ощущалась. Ему казалось, что кто-то будет проверять, случайная это травма или самокалечение, поэтому надо было все сделать естественным. Но рука не поднималась на более сильный удар. Да и не стоит рубить кость. Это может плохо кончиться. После мучительных размышлений, как покалечить себя, но не очень, Иван спустил штаны, приставил угол топора к бедру и ударил по топору суком. Кожа плавно разъехалась. Разрез показался Ивану маленьким, и он вставил в него топор и ударил суком еще раз. Теперь было нормально. Оторвав кусок рубахи, он перевязал рану, отметив, что кровь полилась обильно. В соответствующем месте он сделал на штанах надрез. Потом заковылял к костру. Никто не подумал, что Иванова травма - дело его собственных рук. Такие случаи бывали, особенно у сучкорубов, которым приходится рубить сучья в разных положениях.

Фельдшер в санчасти, правда, удивился тому, что рана на бедре. Обычно рубили стопу или голень. Иван, однако, объяснил, что стоя по грудь в снегу, не замечаешь извивов ствола, и топор может отскочить как угодно. Ему выписали освобождение на пять дней. Лепила наложил скрепки. Пять дней кайфа это отлично, но зато потом мучение. За это время мясо не срастается, и ступать на ногу больно даже на ровном месте, не говоря уж о заснеженной тайге. Иван вяжет проволоку на жерди в снежной траншее, стараясь поменьше двигаться. Лепила говорит, что на работе раны заживают быстрее. Все эти лагерные медики - суки. Сидят на теплом месте и трясутся, как бы их не заменили. Потому и стараются выгонять людей на работу, даже когда они едва ходят.

Когда снег влажный, его можно уплотнить, выровнять и писать слова по-английски, подглядывая в бумажку. Можно писать формулы из физики и обдумывать их. Сложнее решать уравнения, так как нужно много места. Жора не торопясь волочет жерди. В длинном ватнике он похож на огородное пугало, а ведь когда-то был майор авиации.

- Покурим!..

Иван достает тряпочный кисет с махрой и обрывок газеты. Они садятся на жерди и скручивают цыгарки. Жора заговаривает о недавнем ЧП на делянках: вальщики сблизились, и упавшее дерево ударило макушкой по соседнему вальщику, размозжив ему череп. Есть подозрение, что вальщик и толкач специально устроили такое падение, тем более, что оба первоклассные лесорубы и могут положить дерево, как хотят. А с тем вальщиком у них нелады были. Но поди, докажи. Правда, инструкция нарушена, так ведь оба нарушили. Одним словом, ловко сделанное убийство.

Иван вспоминает немого Славу с первой своей зоны. Тот стал немым после того как ему хлестнуло макушкой спиленного дерева на лесоповале. Была ли это случайность, кто знает? Несчастные случаи на повале - не такая уж редкость: то цепь «Дружбы» слетит во время работы, и уж что она отпилит, дело случая; то топор по ноге придется; то бревна на эстакаде покатятся и кого-то придавят; то падающее дерево зацепит комлем замешкавшегося. Много всяких случаев было. Иван помнит, как придерживал штырь у троса на чекире во время натяжения и внезапно штырь дернулся, повернулся и прижал руку к чекиру. Хорошо, успел выдернуть руку из рукавицы, а то не пришлось бы и ногу рубить.

Вечером иногда можно слышать: поехали домой!.. Люди так свыкаются со своим положением, что барак в лагере называют домом. Должно быть, им легче, чем тем, которые каждую минуту помнят о том, что их дом далеко. Изредка кто-нибудь собирает вещички и исчезает: срок кончился. Иван занял нижнюю койку у двери, когда ушел на свободу незаметный, серенький мужичок, все нерабочее время проводивший, лежа на койке. Никто даже не знал, за что он сидел.

В углу было темновато, но зато не надо лазать с больной ногой на второй ярус. Кроме того, важно, кто ближайшие соседи, сколь часто они портят настроение. Маленький Петя, хотя и любитель поболтать и к тому с легким сквозняком в мозгах, все же приятнее прежнего окружения, которое даже когда спит отрвляет воздух вокруг себя.

- Письмо тебе, - сообщает Петя, кивая на конверт на подушке.

Давно не писал Лыткин, видно, некогда. Иван пробегает письмо и берет его в школу. Что-то там произошло, нужные учителя не явились. Учитель зэк - молодой еврей, рассказывает что-то про астрономию, которую, как он признается, он не знает, но надо же выполнять программу. На перемене Иван уходит писать ответ на письмо Лыткина.

Здравствуй, Женя!

Мне составило большую радость получить от тебя письмо, хотя и скупого содержания. Но в таком случае будем взаимны, и мое письмо также не будет отличаться всецелой отдачей себя бумаге, и в этом не есть моя злонамеренность, а просто нежелание, а точнее лень, писать. Надеюсь, ты простишь меня за это, поскольку мне создать обстановку для полного средоточия и вообще расположения к писанию, безусловно труднее, чем тебе.

Во-первых, я должен поблагодарить тебя за книги, хотя, вполне вероятно, что ты сожалеешь о том, что послал их мне, так как неизвестно, когда они вернутся к тебе. К великому стыду должен признаться, что я даже не прочитал их все до сих пор. Это уже не из-за лени, просто не хватает времени. Пусть это не покажется тебе странным. Возможно, ты знаешь, что я учусь в 10 классе, занимаюсь на скрипке, английским и стараюсь как можно больше читать. Правда, ничто не приносит удовлетворения, ничто не поглощает меня целиком. Желая погрузиться во что-либо я, тем не менее, остаюсь на поверхности. Все что я ни делаю, все это какая-то степень усилий, направленных на то, чтобы преодолеть меланхолию и, как будто случай-

но, коснуться чего-либо. С некоторых пор у меня пробудился жадный интерес к познанию, но это не здоровый, лихорадочный, фанатический критерий стремлений к знанию. Читая книгу, я смотрю, скоро ли конец, чтобы начать другую. Память стала ужасная. Прочитанное забывается моментально, не остается даже ассоциаций. В игре на скрипке нет никакого прогресса. И все-таки я заставляю себя все время чем-нибудь заниматься, уверяя себя, что это дает мне пользу. В школу хожу, чтобы только получить аттестат, если удастся, в расчете закрепить знания на воле. Очень часто не хватает сил заставлять себя и я бросаю все. Сознание собственной тупости, ничтожества угнетает меня и расслабляет. Все это ужасно. Биться с размаху лбом об стену и твердить, что тебе не больно. Одно лишь слово прочно засело в моем сознании - это слово - проклятье. Я твержу его, как молитву, чувствую всю неудовлетворенность окружающего. Но к черту все это, иначе ты можешь подумать, что я качусь к пределу. Но нет, я настроен весьма оптимистично в отношении своего будущего, нужно только поскорее выскочить из этого вертепа. Мне смертельно надоело дышать гнилью и чувствовать себя на положении какой-то собаки.

Кончаю писать, поскольку все это, как ты чувствуешь, не несет существенных изменений в мусорный ящик моего эпистолярного наследства. Завидую Хуренито, но я не рожден нигилистом и провокатором.

Хочется чистого, ясного, искреннего всегда, везде, во всем. Эйнштейновская гармония мироздания так импонирует мне, жаль только, что люди очень много смердят. Балет в навозной куче.

Где ты учишься? На каком курсе? Что читаешь? Что думаешь? Чем дышишь? Что любишь? Кого ненавидишь? Почему рассказы Алика «успокоили» тебя? Изучаешь ли какой-нибудь язык? Какие выводы сделал из этого письма?

Извини, что плохо написано.

Написано залпом, не думая.

Привет.

P.S. Отвечай немедленно. Ответ не гарантирую. Пиши чаще. Мне нужна поддержка.

* * *

Монотонно гудят станки, взвизгивает циркулярка. Иван ходит с электродрелью вокруг свернутой дверной коробки, сверля отверстия. Потом вколачивает нагели, макнув их в казеиновый клей. Работа давно стала автоматической и не мешает думать. Недавно в цехе появился новенький - сверстник Ивана, недавно вышедший из колонии. Раньше Хорь жил в другом городке, где и «загремел». Родственники решили, что будет лучше, если он сменит место жительства, а, следовательно, и круг общения. Хорь приходится родней бригадиру, поэтому и оказался в столярке. Он довольно крепкий малый с круглой ряшкой и толстыми губами. С Иваном они быстро поладили и теперь ждут лета, когда можно будет ходить на танцплощадку. Хорь рассказывает о жизни в колонии, где он, между прочим, познакомился со Щукой, которого презирал. «Падла, за окурок мать родную продаст», - отзывался он о Щуке. Иван побаивался Щуки и потому был рад, что его новый приятель при случае готов сделать из Щуки уху. Как-то они встретили Щуку в клубе и Хорь высказал Щуке весьма неприятные слова, но Щука отвернулся и сделал вид, что это его не касается.

На танцах в клубе Ивана как-то пригласила на танец тоненькая светловолосая девушка. Она оказалась очень разговорчивой.

- Это Шуруп, - сказал Наум Ивану, - хорошая баба, возьми ее...

Хотя Шуруп не блистала красотой, Иван пошел ее провожать и выяснил, что живет она также далеко, как некогда Тома. Он несколько раз ездил к ней на свидания и однажды после получки явился под изрядным подпитием, что Шурупу явно не понравилось и она ушла. Больше они не встречались, так как Шуруп оказалась недотрогой, а, как прикинул Иван, там и трогать-то нечего.

Валеркины амурные дела были более успешными. Его новая избранница Лена быстро набралась решимости отдаться. Иван завидовал Валерке. Лена была симпатичная девушка с полным достатком форм и к тому же весьма живая и умная. Правда, Валерка не долго услаждался ее обществом. Лена встретила какого-то мастера и решила что тот подходит ей больше, имея приличный заработок. Валерка сокрушался целую неделю, а, как полагал Лыткин, Лена отравила Валеркину

жизнь навсегда. Впрочем, через год она умерла то ли от неудачного аборта, толи от какой-то болезни.

Весной Иван задумал расширить свое сарайное хозяйство и начал строить голубятню, недосягаемую для крыс, где он теперь решил выращивать новый черный выводок. Голубятня предполагалась с балаганом, в котором будут гулять еще не летные птенцы и который потом будет постоянно открыт, так что повзрослевшие птицы будут пользоваться неограниченной свободой. Постройка представляла собой второй этаж сарая. Доски он таскал с лесозавода, пока кто-то не капнул на него. Однажды к сараю пожаловала делегация с лесозавода с директором во главе. Иван приметил ее издали и дал тягу в огороды, благополучно скрывшись за многочисленными изгородями. Не хватало только, чтобы они в сарай заглянули, где у Ивана несколько готовых изделий стоит и в том числе буфет. Кто бы стал сомневаться, что все это сделано из материалов, заготовленных на работе в столярке. Все, кто столярничает дома, тащат материал с работы, но не ко всем приходит комиссия с проверкой. Комиссия оценила объем украденных досок, и уже на следующий день Иван был вынужден предстать перед директором, который уже давно имел на него зуб за нередкие выносы материалов, совершаемые внаглую. Директор пообещал товарищеский суд, который вскоре и состоялся. Был поставлен вопрос об увольнении Ивана с завода, к угрозе чего он отнесся с полным равнодушием. Но встала тетя Феня и шумно заявила, что Иван - парень ущербный, вырос в неблагополучной среде и нельзя его вот так выталкивать. Тут тетя Феня расплакалась. Иван был изумлен и тронут тем, что совсем чужой человек, просто живущий долго в одном с ним доме, столь близко принял к сердцу судьбу Ивана. Выступление тети Фени решило дело: проголосовали не увольнять Ивана, а дать ему штраф 100 рублей, т.е. стоимость похищенных досок.

Встретив позднее тетю Феню, Иван тепло поблагодарил ее за защиту. Тетя Феня засверкала глазами и сказала, что сами они там воруют вагонами, уж она-то знает, а мальчишку готовы за несколько досок в тюрьму закатать.

Иван совсем не понимает, с каой такой стати тетя Феня выступила в его защиту. Женщина она одинокая, хотя и с двумя малолетними дочками, работает на весьма черной работе на лесозаводе, знает все нелестные отзывы об Иване со стороны многих жителей дома. И что ей за дело до Ивана?.. Он, однако, благодарит ее за поддержку.

Скандал из-за досок не повлиял на постройку голубятни, которая создавалась надолго, поэтому стенки были двойные, с засыпкой опилками, окно с двойными стеклами и толстенная небольшая дверь. Выход в просторный балаган из хорошей металлической сетки имел вид слухового окна. Строительство заняло много времени и усилий, но доставляло Ивану удовольствие и предвкушение. Давно были на примете воронье и галочье гнезда. И вот голубятня начала заполняться питомцами. В одном углу сидели на импровизированном гнезде 4 вороненка. По полу бродили 4 сорочонка, пойманные в кустах на опушке леса уже слетками, и 4 галчонка, пару из которых пришлось доставать из дыры под крышей депо, стоя на большой высоте на узкой железке, державшей вертикальную лестницу. У Ивана затряслись поджилки, когда он глянул вниз, засунув птенцов за пазуху. К тому же здание было очень старое и лестница чувствительно гуляла. Но все обошлось, и некоторое время Иван испытывал знакомые ощущения, обучая питомцев открывать клювы при виде его руки с кормом у них над головой.

Однако что-то произошло за минувший год. Он стал раздражаться, когда кто-то из птенцов долго не понимал, что от него требуется. Некоторые воронята казались ему удивительно тупыми. Как могли, они выворачивали головы у Ивана в руках и не брали еду. «Черт с вами, сидите голодными!» - орал на них Иван, и вскоре один за другим умерли два вороненка. Теперь Ивану нередко требовалось отправиться куда-либо на гуляние и он не уделял своим питомцам того внимания, что год назад. Птенцы подросли, стали летать, но как-то один галчонок не желал вернуться в балаган, сидя на соседней крыше, а нужно было срочно уходить. Иван выстрелил в него из воздушки, надеясь подранить. Но ранение получилось тяжелое, и на следующий день галчонок умер. Чтобы не думать и не переживать, Иван бежал от сарая на городские улицы или на танцы, где с приятелями забывал о тех, кого взял на свою ответственность. Потом он наповал убил еще одного галчонка, который улетел далеко и сидел на крыше дома. Наконец, он открыл балаган совсем и оставшиеся питомцы разлетелись. Однако на следующий день в голубятне обнаружились две мертвые сороки. Они вернулись в надежде, что их покормят, но, видимо, слишком ослабли, чтобы подождать еще немного. Другие, несомненно, умерли где-то на воле.

Это было настоящее предательство своего дела, к тому же ценой жизни существ, которых Иван называл любимыми. Придет время, и он оплачет этот свой позор еще с большей силой, чем все другое. Пока же, испытывая неприятные чувства, рождавшиеся где-то в глубине, он старался не оставаться в одиночестве, а погружаться в общественную пустоту, в которой смерть каких-то птичек, да еще сорок и ворон, - событие, над которым можно лишь весело посмеяться. Теперь Иван оценил стратегию «жить, как все». А что проку мечтать о чем-то несбыточном?! Все равно путь определен. Через год он загремит в армию, а уж там ничего хорошего ждать не приходится. Солдатская жизнь, насколько он был о ней осведомлен, внушала ему глубокое отвращение. Лучше вообще не думать, что будет, а жить тем, что есть и что можно сделать прямо сейчас, чтобы получить удовольствие, пусть даже скотское.

Сарай стал популярен. Сюда приезжают на велосипедах и приходят пешком иногда издалека. Крутится патефон, и звучат самые популярные пластинки, которые Иван регулярно покупает. Число посетителей растет за счет прежних приятелей, а чаще сотоварищей, которых Иван не числит в приятелях, приводящих новых кадров. Рыжий Кувай, голубятня которого находилась неподалеку от Иванова сарая и поэтому он иногда заглядывал к Ивану, как-то еще раз привел Гундоса и тот стал наведываться регулярно. Вскоре он привел Брянца, который тоже стал постоянным сарайным гостем. С Брянцем Иван даже сдружился. Иногда он размышлял о том, что если два года назад сарай посещали лишь избранные, то теперь, как считал про себя Иван, ходила разная шваль, а некоторые прежние друзья не появлялись. Генка, например, почти не заходил, даже когда ходил в свой сарай неподалеку кормить собаку. Потом Дога сбила машина, кормить стало некого и Иван не встречал Генку по полгода.

Давно забыл дорогу в сарай Края, которого Иван выгнал после случая с ночлегом в лесу, которого Края испугался. Потом, правда, Иван звал Краю приходить, встретив его на улице, но Края не пришел.

Зато появились другие. Иным было лет по 14-15, но это были ребятишки с добротным уличным воспитанием, готовые на всевозможные свершения. Пока они, в основном, выполняли роль соглядатаев при старших, смотрели, где что плохо лежит, сообщали разные подробности, были посредниками при некоторых сделках. Так, Алипука обменял старую берданку Ивана на самодельный малокалиберный пистолет. Конечно, пистолет был примитивный, с наружной резинкой вместо пружины. Но Иван сходил к ближайшему столбу и вышибил лампочку, потом застрелил подвернувшуюся кошку. Достать заряды для мелкашки было несложно и Иван решил, что за неимением лучшего сойдет.

Посетители сарая рассказывали о нем и тем, с кем рядом жили, поэтому случались неприятные визитеры. Как-то Иван отлучился ненадолго за сарай, который не закрыл, а когда вернулся, то сразу увидел, что большая стопа грампластинок исчезла. Это, конечно, те двое мужиков, которые не торопясь шли от сараев. Иван догнал их в закуте сараев соседнего дома. Это были известные в городе уркаганы, теперь несколько остепенившиеся. Один держал в руках кипу пластинок.

- Ну зачем же вы так? - взвыл Иван.

- Да мы заглянули, тебя нет, ну и взяли поиграть, говорят, у тебя хорошая музыка,, - миролюбиво сказал Пичуга.

- Отдайте!.. - со слезами на глазах взревел Иван.

- Ну ладно, чего ты шумишь!..

Орел на минуту зашел за угол, потом вернулся и протянул пластинки. Иван понял, что за углом он вынул рентгеновские пленки с записью Элвиса Пресли. Быстро пролистав кипу, Иван снова догнал уркаганов.

- Отдайте пленки!..

- Мы послушаем, а потом Брянец тебе их принесет...

Брянец, действительно, принес пленки через пару дней. Он сказал, что Пичуга сейчас живет тихо, женился на Лариске Бобровой и рассказывал недавно, какая она славная в постели. Иван помнил, что эта Лариска в школе была гимнасткой и не раз выступала на всяких смотрах самодеятельности. У нее была великолепная фигура и изящные движения. Смотреть на нее было одно удовольствие. Ивану она представлялась из какого-то высшего мира. И совсем недавно это было. Как же это она могла выйти замуж за Пичугу, который ей едва ли в отцы не годился и сколько-то лет провел в лагерях за бандитизм. Потом еще не раз Иван будет изумляться выбору девушек, которых он расценивал столь высоко, что ему и в голову не приходило попытаться самому «подбить

клин». А они становились подругами и женами таких архаровцев, что это казалось абсурдом. Правда, со временем эти связи лопались и довольно быстро. Оставался вопрос - куда вначале-то смотрели?..

«Надежда юношей питает», и Иван с охотой поглощает эту жиденькую похлебку, уповая, что кого-то он вскоре должен встретить, кто бы увлек его всецело, необязательно даже с сексом. Он продолжает думать, что в настоящей любви главное - душевное сродство, а все остальное приложится. Однако его идеалистическая позиция у приятелей вызывает лишь усмешки.

Наконец начинает функционировать танцевальная площадка в городском парке. Сюда собирается молодежь со всех частей городка. По выходным играет клубный эстрадный оркестр, в будние дни звучит радиола, которую иногда сменяет клубный баянист дядя Вася. На танцах немало регулярных посетителей, для них это весьма существенная часть жизни. По большей части молодежь вульгарная. Многие парни приходят на танцы не иначе как в поддатии в той или иной мере. Отдельные молодцы, пошатываясь, слоняются в толпе и бесцеремонно разглядывают девиц, приглашая приглянувшихся: ну что, сбацаем?!. Немало девиц, пользующихся известной популярностью, хотя преобладают блюдущие себя. Все приходят, однако, с одной целью - подыскать друга или подругу. Танцы это - публичные смотрины и пробные знакомства. Как только подростки достигают полового созревания, танцы приобретают в их понимании значение мероприятия, дающего шанс обрести спутника, если не жизни, то хотя бы вечера. Некоторые еще недозревшие посещают танцы в качестве шестерок старших товарищей, чтобы спровоцировать драку или очистить карманы у свалившегося под куст пьяного.

В толпе то и дело возникают вихри. Это кто-то затеял драку, и окружающие бросаются в стороны, чтобы случайно не получить мордотычину или не быть сбитым с ног. Случается, что в ход идут кастеты или другие подсобные средства. Милиция и дружинники обычно не успевают вовремя добраться до места происшествия. Однако милицейский воронок, ожидающий своих пассажиров у входа в парк, пустует редко. Чаще ему приходится совершать несколько рейсов за вечер до здания милиции или до вытрезвителя и обратно. Иногда к парку подлетает «скорая помощь». В темной аллее кого-то пырнули ножом или проломили череп.

В моду вошли голубые зауженные брюки и белые нейлоновые рубашки с галстуком бабочкой, в просторечье - кис-кис, или цветной веревкой с пряжкой. Девушки стали носить юбки колокольчиком и блузки свободные или в обтяжку. Ивану нравилась эта мода. И парни, и девушки смотрелись красиво. За модной экипировкой пришлось ехать в Питер, где был богатый выбор кис-кис. В городке кис-кис были в диковину, и прохожие нередко поглядывали на молодых людей с неприязнью. Но на танцплощадке нашейные аксессуары никого не удивляли...

Иван обычно слонялся по танцплощадке и не танцевал. Девушки ему в большинстве не нравились, а те, что нравились, казались недоступными. Если, решившись, он кого-то приглашал, и ему отказывали, то второй раз решиться он уже не мог. Когда его приглашали на дамское танго, он не мог раскрыть рот.

Охота посещать городскую танцплощадку слегка угасла, тем более что Захар соблазнил Ивана с Валеркой танцами в ближайшей деревне в сельском клубе, где не требовалось покупать билет и публика была простая и немногочисленная. При первом же посещении Иван присмотрел девушку, которая, как он знал, участвовала в каких-то клубных делах в городке. Он, однако, не решился познакомиться с ней, а Захар ему рассказал на следующий день, что Инна вполне доступная девушка, хотя и с претензиями, позволили ему потрогать ее трусики. Иван решил переключить свое внимание.

Как-то на работе Иван обругал директора, и тот предложил ему немедленно уволиться по собственному желанию. Работа в столярке уже изрядно надоела Ивану, и он охотно написал заявление, не думая, что будет делать дальше. Пока же он решил заниматься шабашками. Одному мужику они с Куваем обшили дом сухой штукатуркой. Появились деньги на выпивку, после которой отправлялись на танцы. В сельском клубе Иван с Валеркой танцевали рок-н-ролл под Элвиса Пресли, чем приобрели известность. Однако завязать отношения с девушкой ни Валерке, ни Ивану упорно не удавалось. Зато как-то пьяный громила шарахнул Ивана штакетиной по голове. Если бы Иван не успел отклониться, то его голова, вероятно, раскололась бы, так как, скользнув по ней, штакетина разломилась об забор.

В городском парке Ивану тоже как-то не повезло. Зареченские приняли его за другого, в таком же джемпере, ударившего накануне кастетом одного полупьяного «старичка». Тот собрал

кодлу и указал на Ивана, который вдруг оказался в гуще летящих кулаков. Он закрыл лицо руками и пытался уйти. Ему пооббили кончики зубов, поставили под глаза фингалы, разбили вдребезги нос. Потом ему передали, что ошиблись и даже сожалеют.

Однажды в вихре он увидел закрывающегося Хоря, которого била кодла. Иван подскочил, схватил какого-то парня за руки и крикнул: кончайте!.. Хорь заскользил куда-то дальше и исчез. Никто его не преследовал. К Ивану тоже никто не подошел, словно ничего и не было. Потом Хорь не мог сказать, за что его били. Среди зареченских часто появлялись уже взрослые мужики, окружавшие себя молодежью, жаждавшей почесать кулаки. Постепенно вражда парней, живущих по разные стороны реки, стала хронической. Теперь уже небезопасно было появляться на другой стороне реки. Было немало случаев, когда избивали совершенно непричастных молодых людей, оказавшихся на враждебной территории.

Городской парк находился на берегу реки, т.е. между враждующими частями городка. Однажды вечером, когда танцплощадка не работала, группа лоботрясов прогуливалась по улице, отпуская плоские шуточки, как обычно. Внезапно кто-то приметил на другой стороне улицы зареченского парня. Немедленно вся компания бросилась за ним и вскоре настигла. Иван поспешал вместе со всеми и, лишь приблизившись, увидел, что этого парня он недавно видел на призывной комиссии. Тому приходилось несладко, как любому, на кого обрушивается лавина кулаков. Иван решительно начал расталкивать «своих»: хватит, это не тот, кого надо бить!.. Парень поплелся, вытираясь носовым платком, на автобусную остановку.

- Ты чего, его знаешь, что ли? - спросил низенький рыжеватый Коля Ивана.

- На комиссии с ним был, этот парень и на танцы-то не ходит, зачем его метелить?!.

Ивану было неприятно, что многие из компании, в сущности, трусоватые, но в кодле все такие храбрецы, тоже норовят врезать, непонятно за что, кому угодно. Он объяснял свою позицию приятелям, и те были с ним согласны. Никто из них не хотел драться просто так, от нечего делать. Другое дело, когда приходится «по долгу чести».

Ударенный кастетом «старик», т.е. мужик много за 20 лет, продолжал ходить на танцы и поддерживать кодлу зареченских в состоянии готовности. После танцев из парка вытекала растянутая колонна, которая вскоре раздваивалась: один поток шел на мост и за реку, другой растягивался по шоссе. Как-то, заметив орущего у моста «старика», Иван вытащил свой пистолет и выстрелил в него издалека. Однако более, чем на 10 м, этот пистолет не давал нужного эффекта. Иван и не ожидал ничего другого, но был уверен, что застрелить этого гада вполне следовало.

- Не попал, - сказал Шпэк, стоявший рядом.

Однажды Ивана пригласила на дамское танго красивенькая девушка немного постарше его. Он уже собирался с ней поговорить, как вдруг сбоку какой-то зареченский старик грубо сказал ей, чтобы не толкалась. Иван дернулся было на защиту своей дамы, но она удержала его, сказав, что не стоит на всех идиотов обращать внимание. На выходе из парка Иван увидел этого старика снова. Он шел один. Отойдя от приятелей, Иван подошел к нему сзади и врезал ему сбоку рукояткой отвертки. Старик отшатнулся, выругался и свалился с обрыва, этак метров с пяти. Иван присоединился к приятелям, лестно отозвавшимся за «чистую работу». Они помогли бы в случае чего, ведь десяток на одного - все смелые.

Спал Иван в сарае, на нарах. Какой-то отсвет на противоположной стене привлек его внимание: что это?.. Он слез с нар. Черт возьми!.. Сзади кто-то лез в сарай и отворотил доску от стенки. Оттуда можно без опаски, увидев на дверях замок, всю стену разобрать, такой это глухой угол среди заборов и бурьяна вдоль канавы. А ведь одна доска только отворочена... значит Иван спугнул кого-то. Он схватил в углу одностволку и выстрелил вдоль канавы по бурьяну. Туда только должен был смываться злоумышленник. Эхо выстрела гулко отозвалось в ночном, влажном воздухе. Ничего не произошло. Хватит заряды изводить. Завалишь какого-нибудь гада, потом не отбрешешься.

Уже на следующий день они принесли с Валеркой несколько кусков ржавого кровельного железа и обили им заднюю стену, загибая внутрь гвозди. Так в городке обивали голубятни, так как у голубятников была мода - взламывать голубятни своих коллег и воровать голубей. Пикса уже несколько раз приходил в слезах и махал кулаками: опять голубятню ковырнули... Она у него очень удобно была расположена для ковыряния, под прикрытием высоких сараев. Гундос, сам голубятник, что-то припоминал и сообщал доверительно, что Володя Колыма, наверное, не зря в Питер поехал... вот если сейчас оказаться там на птичьем рынке, то и николаевских голубей Пик-

сы наверняка можно найти. Но с Колымой кто будет связываться?.. Хотя Пикса в своем истереже, пожалуй, и на Колыму бы полез. Да и что в Колыме есть, дохлый мужик, раз дать как следует, так и дух вон. Но колымский ореол его надежно защищает. Если уж кто и поднимет на Колыму руку, то только другой Колыма, с которым этот постарается найти общий язык.

Все знают, что Володя Колыма «работает» карманником в зареченском автобусе. Вечером он иногда смотрит озабоченно на часы: затрепался тут с вами, сейчас пригородный поезд подойдет, побежал на работу...

Прохладным вечером после дождя Иван увидел немую, которая часто стояла в подъезде своего дома в дверях. Он махнул ей рукой приглашающе. Немая подошла и вопросительно смотрела. Гундос распустил слух, что у немой триппер, да ведь нельзя ему верить, тем более, что он же похвалялся тем, как имел дело с немой на обочине пустынной дороги, ведущей к реке. Скорее всего, и это он придумал, как и многое другое, но все же какая-то тревога ощщается: а вдруг и правда - триппер. Ну ладно, там поглядим. Иван снова махнул рукой, теперь предлагая немой прогуляться. Они прошли по пустынной улице, свернули во двор санпропускника. Там был большой сарай, в который Иван заглянул в поисках потайного места. В сарае лежали кучи наколотых дров и места, где можно было бы сидеть, не говоря уже о том, чтобы лежать, не имелось. Немая поджидала его поодаль. Иван обнял ее, испытывая подсасывающее ощущение от соприкосновения их тел, но немая отстранилась и показала рукой вокруг: дескать, обстановка не подходящая. Ивану не хотелось вести немую в свой сарай, который был совсем недалеко... вдруг увидит кто-то, как он в сарай девицу ведет. Однако ничего другого не оставалось. Он махнул рукой: пошли... Вскоре он гремел запором сарайной двери, а немая спокойно ожидала. В сарае она позволила ему обнять себя, поцеловать, но когда он начал стаскивать с нар из-под крыши на пол тряпье, означавшее постель, впрочем с простыней, она забеспокоилась, хотела открыть дверь сарая. Иван отвел ее от двери, поднял на руки и опустил на постель. Немая сопротивлялась, а когда Иван сдернул ее трусики, быстро перевернулась. Несколько минут они боролись, но оказавшись на спине, немая вдруг затихла со сжатыми ногами. Иван, однако, оказался в состоянии немощи. Он привстал над немой, чтобы раздвинуть ей ноги. В сарайном полумраке мутно темнело то, что влекло его. В пылу борьбы он случайно заехал туда рукой и жестковатые волосы как будто обожгли его. Он отдернул руку, испытывая что-то вроде отвращения.

Ощутив облегчение, немая скользнула в сторону и вскочила на ноги, прислонясь к верстаку. Иван поднялся следом и при тусклом свете окна делал ей рукой укоризненные знаки: дескать, зачем шла-то?.. Немая только смотрела. Иван продолжил свои попытки, но ложиться немая наотрез отказалась. Воспрянув, он начал пристраиваться стоя,   но поскольку девушка была маленькая ростом, ему приходилось полуприседать. Вспомнилось, как крупный кобель почти также пристраивался к низенькой сучке, испытывая явное неудобство от разницы в росте. Тем не менее, дело кобеля удалось. У Ивана же получалось хуже, да и припомнилось-то некстати, портит все к чертовой матери!.. Вот ведь зараза, стоит, как каменная статуя... Пытаясь помочь себе рукой, он несколько раз заезжал в заветную волосатость и с гадливостью отдергивал руку. Он показывал ей рукой предложение расставить ноги, но она мотала головой в знак несогласия, хотя теперь не отстранялась. В один лишь момент она резко отвела зад и показала ему палец: дескать, попал один раз, как просил, и хватит. Иван не заметил что-либо особенное, и то неудобной позы у него дрожали ноги. «Да к черту!..» - подумал он и отошел в сторону, разыскивая сигареты. Немая натянула трусики и ждала что-то. Иван махнул рукой: пошли... и открыл сарай. Он проводил ее немного и поднял руку в знак прощания. Она ответила тем же, скривив губы. Иван зашел в подъезд ближайшего дома и обмыл член собственной мочой: говорят это - верное средство от триппера.

Спать Иван пошел к Брянцу в сарай.

- Чего это такой взмыленный? - удивился Брянец, когда Иван завалился рядом.

- С немой мудохался, - сказал Иван, не признаваясь, однако, что дело не вышло.

- Эк, она тебя запарила, у меня так не было с ней, лежала , как бревно, - усмехнулся Брянец.

- И что же, она у тебя не сопротивлялась?..

- Ну, немножко побрыкалась, а потом во вкус вошла...

«Врет, поди», - подумал Иван, засыпая, но вдруг встрепенулся:

- Гундос говорил, что немая с трипаком ходит, так ты как... не зацепил?..

- Слушай ты больше Гундоса, он тебе еще и не такой лапши на уши навешает, не знаешь что ли его!..

- Я так и думал...

Прошло немало времени, прежде чем Иван снова увидел немую в подъезде ее дома. Он опять махнул ей рукой, и она опять пошла с ним. У двери сарая немая тронула Ивана за рукав и поазала палец: один раз только! Иван кивнул согласительно. Сев на скамью, он привлек девушку. Через тонкое платье ощущались ее упругие формы. Он поднял платье, расстегнул лифчик. В полумраке налитые груди с крупными сосками казались божественными. Все в ней было значительно лучше, чем у статуй в Летнем саду, не говоря уж о любительских фотографиях голых шлюх, ходивших по рукам. Иван спустил трусики и в полуприседе принялся за работу. Немая нежно обняла его, что ему весьма не понравилось. Ноги быстро затекли, а действо по настоящему не получилось. Немую устраивал вариант без погружения, но Иван ощущал недостаточность такого способа. Он положил немую на узкую скамью, но ноги она раздвинуть отказалась. Иван зажег спичку и осветил девичье тело под собой. Немая приподнялась и задула огонек. Она стыдилась, и Иван опять подумал, что все разговоры о ее безотказности - вранье. Довольно долго он терся о юное тело, пытаясь проникнуть вглубь, но немая, плотно к нему прильнув, ограничивала его внешними касаниями. Снова он поставил ее на ноги, пытался приспособить скамью в наклонном положении, опять приседал, чувствуя, как растет в нем раздражение, однако, не желал ощупать рукой нужное место и найти вход. Сделать лежанку из досок, лежащих под верстаком, сразу не догадался, а затем счел излишним. Немая чувствовала, что Иван относится к делу без особого энтузиазма и даже презирая ее. Когда же после долгих притираний он с задыханием произвел семяизвержение, немая посмотрела на него с укоризной. Этого-то она и опасалась. Иван сунул ей в руки ее трусики. На улице уже рассвело. С чувством взаимной неприязни они расстались возле дома немой.

В маленьком городке случайные встречи обычны, особенно, если люди часто ходят по одной улице. Иван снова встречал немую. Случалось, они уединялись где-то, и немая позволяла Ивану все, за исключением главного. «Что за дура такая?» - думал Иван с раздражением, особенно, когда Гундос торжественно объявил ему, что немая ему посетовала на Ивана, сделавшего ее беременной.

- Из воздуха она, должно быть, забеременела, - парировал он столь неприятное сообщение, - а может быть от тебя или от Брянца, вы ведь тоже бывали в той «обители»...

Гундос загадочно улыбался, и Иван опять сомневался в том, что они действительно «там» были. В беременности немой он тоже сомневался, как и во всем, что говорил ему Гундос, которому ни в чем нельзя было верить. Такого балабона трудно было сыскать второго.

Как-то Иван уговорил сотоварищей сходить в лес, но и сам был не рад. С Гундосом они резко поговорили, и Гундос треснул Ивана по уху. Разъяренный Иван заработал кулаками, как мельница, но испугавшийся Гундос ловко бросался ему под ноги и причитал, что это он сгоряча и признает себя виновным. Кувай вступился за Гундоса, удерживая Ивана, и в голосе его зазвучали угрожающие нотки. Иван помнил, как еще в детстве сцепился с Куваем, который казался невменяемым. С тех пор Кувай психически изменился мало и скорее в худшую сторону, поскольку любил выпить. Ивану приходилось наблюдать истерические припадки Кувая и в последнее время. Поэтому он плюнул и ушел прочь: чай, найдут дорогу из лесу...

Через пару дней Кувай с Гундосом появились у сарая.

- Ты не скучаешь тут без нас? - как ни в чем ни бывало весело спросил Гундос.

- А чего это мне по вас скучать, у меня дел полно, - ответствовал Иван, работая фуганком.

- Ну ладно, что ты уж так, словно мы тебе соли на хвост насыпали!.. Мы ведь с пузырем, доставай стаканы!..

Появился Захар.

- О, я, как всегда, вовремя!..

Опорожненный пузырь только раззадорил. Захар сообщает, что у него есть немного денег, но на дело. Вот если Иван продаст ему буфет-горку, который давно уже почти полсарая занимает, за 400 рублей. Он уже столковался с отчимом и матушкой, которые решили приобрести что-нибудь подобное, да в магазине дорого.

- Годится, - решает Иван, которому этот буфет уже изрядно надоел, хотя 400 рублей за такое классное изделие маловато. Иван с гордостью глядит на буфет со множеством украшений, которые сам вырезал, с красивыми застекленными дверцами.

- Ну, так в счет буфета пошел я в магазин, остальное завтра, - говорит Захар.

- Возьми две, сейчас Валерка придет!..

Пока Захар ходит за вином, Кувай с Гундосом обсуждают буфет и приходят к выводу, что вещь стоит не меньше 700 рублей и Иван здорово продешевил.

- Ладно, что уж теперь!..- машет Иван рукой, польщенный оценкой его мастерства, - в нашем деле такая горка это чепуха... классность столяра оценивается по инструменту, который он сам делает... вот! Иван складывает на верстак буковые фуганок и отборник, дубовый рубанок и другой - с грабовой подошвой, штрейбрехель.

Он действительно любит свое дело и знает цену инструменту, которым приходиться работать. Сколько приятных часов ушло вместе с ароматной стружкой, вьющейся из рубанка или фуганка. Какая радость собирать часть изделия, а затем и целиком его, смазывая клеем шипы и загоняя их в пазы, вставляя в шпунты фанеру Если все сходится без зазоров, то изделие смотрится как произведение искусства. Лоснящиеся поверхности играют бликами под разным освещением, можно даже не покрывать лаком. А если завершается крупная вещь, то на нее всегда хочется долго смотреть. Когда Иван наведывается к матери, то непременно обходит со всех сторон и разглядывает первый свой буфет, сделанный год назад. И хотя кое-где он замечает усушку материала и появление зазоров, он все же внутренне горд, что это его изделие и оно выполняет свою функцию и украшает дом.

~ 48 ~

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам
Покину хижину свою
Уйду бродягою и вором.
(Сергей Есенин)

Вырастают детеныши в зверином мире и покидают логово, взлелеявшее их. Оперяются птенцы, и еще стоя на краю гнезда своего, испытывают неведомый импульс, толкающий их прочь от обсиженного места. Не то ли же самое с людьми?.. Хоть и возносится человек над миром в своем тщеславии, не столь далеко он ушел в своем развитии от мыши, как ему бы хотелось. Весь абсурд суждений человека о себе самом происходит от того, что в обобщении человека как всего человечества видится что-то маленькое, компактное. Но человечество более походит на какое-либо чудище из мезозойской эры, что-то вроде бронтозавра или плезиозавра с малюсенькой головкой на длинной шее, огромным туловищем на мощных лапах и громадным хвостом в виде длинного конуса. При таком, может быть нелицеприятном, сопоставлении понятно, что головка представляет собой мыслящую часть человечества, туловище естественно играет роль серой человеческой массы, а хвост - разного рода урожденной швали. Поскольку головка мезозойского чудища похожа на змеиную, то это хорошо согласуется с библейским представлением о змие-искусителе, который и привлек внимание человека к запретному плоду с начинкой знания. «Пожуйте, пожуйте», - говаривал, должно быть, змий-искуситель, - «будете, как боги, все знать».

В связи со стремлением быть как боги (по подсказке), а заодно и что-то знать, человечество будущего в те далекие времена и получило в своей мыслительной способности облик змиевой головки. Кроме того, будучи изгнан из места, где был создан, человек до сих пор поглядывает, куда бы стопы направить. Поглядывает головка на звезды, смутно что-то припоминая, но вновь пригибается к земной тверди. Травка-то только на ней. Выкладывая из-под хвоста гигантские кучи непотребства, движется человек-человечество по этой самой земной тверди. Потому-то у отдельных граждан и появляется зуд странствий, да еще нередко и с желанием дальнейшего познания. Все еще яблочная отрыжка действует. Другим, правда, познание не требуется, так как у них в крови сохраняется желание быть богом. Но при странствии познание само прилепляется, как докторская колбаса к рукам.

Велико божие благодеяние - дать человеку странствовать, пусть даже место его на самом кончике хвоста мезозойского чудища, т.е. не надо ему серого вещества, были бы ноги. И если нарушается это всевышнее даяние, например, в тюрьме, то человек-гражданин ощущает необыкно-

венное смятение, ибо оказывается он вне общего закона, данного не людьми, но людьми нарушенного. Нужно ему за горизонт, а его в загородку засунули на долгие годы.

* * *

В бригаду зачислен молодой парнишка интеллигентного облика. С самого своего появления в кубрике он вызывает всеобщее веселье тем, что поутру бежит на улицу с кружкой воды, которую выливает за углом барака на стоячий член. Это его действо тут же становится известным и обсуждаемым. Слышатся различные советы: шнырь Федя, например, рекомендует ему вставлять свой член в сугроб, для того он что ли воду приносит, чтобы ее на член лили; кто-то предлагает стучать членом по пустому ведру, чтобы будить любителей поспать; кому-то неспокойно оттого, что юный страдалец может отморозить свой орган или простудить так, что насморк будет. Шуточки продолжаются и в тайге, у костра.

Теперь до места работы так далеко идти от места выгрузки из «воронков», что по прибытию бригада часа два отдыхает, наслаждаясь теплом от горящих сосновых поленьев. Нога у Ивана зажила, и теперь он снова чекировщик - бригада гонит просеку дальше.

Как-то вечером в кубрике появляется шнырь из спецчасти.

- Кто тут Маккавеев?..

Он смотрит на бумажку и называет еще две фамилии.

Иван встает с постели. Прилег перед занятием на скрипке в столовой.

- Давайте в спецчасть бегом! - командует тамошний шнырь.

- А что такое, зачем? - Иван не может взять в толк, - вроде бы ничего не вытворял, да если бы и вытворил, так в надзор бы призвали, а не в спецчасть!..

- Откуда я знаю, зачем вы им понадобились, может освободить хотят!..

Однако Иван еще с первой зоны знает, что представить его на освобождение могут только к Новому Году, а до него еще далеко. Трое собригадников в волнении идут за шнырем, который указывает им, в какую дверь входить. Иван стучит в дверь и приоткрывает ее: «Можно?»

- Войдите!.. - слышится властный голос.

Иван робко входит и мнет в руках шапку.

- Заключенный Маккавеев по вашему приказанию прибыл...

Комната полна офицеров, рассевшихся в разных позах где только можно. Прямо против двери стоит массивный письменный стол, за которым сидит массивный, под стать столу, хозяин - начальник лагеря. Сизый дым клубится к потолку. Иван чувствует неловкость оттого, что стоит в валенках на ковровой дорожке и ватники на нем драные, а тут такие блестящие офицеры. Все головы повернуты к нему и некоторое время молча разглядывают его.

- Вы почему не стриженый? - спрашивает один офицер, - нарушаете режим!..

- Да я как раз собирался, последнее время школьных занятий по вечерам было много, - оправдывается Иван.

- Это скрипач, - говорит кто-то из угла, - в Новый Год выступал в концерте...

- Хм, на скрипача он похож, как я на балерину, - говорит хозяин, и все смеются.

Шутка и впрямь забавная.

- Ну вот что, скрипач! - хозяин пронизывающе смотрит на Ивана, - мы решили представить тебя на условно-досрочное освобождение!.. Как, сможешь оправдать наше доверие?..

У Ивана перехватывает дыхание, значит все-таки...

- Да, да, конечно! - произносит он изменившимся голосом, - я никогда больше не попаду сюда...

- Ну, допустим сюда не попадешь, разве это главное?.. Главное - не совершать преступлений!..

Вот сейчас... кто-то скажет: да пусть до конца сидит... и все согласятся... им-то что, до конца, так до конца, какая разница... Но ведь хозяин сказал... Сейчас голова лопнет...

- Да, да, конечно, я это и хотел сказать, - по спине Ивана побежали струйки пота.

- Хорошо, иди, да подстригись, до суда еще есть время!.. А попадешь еще когда-нибудь ко мне, сгною в буре!..

- Я вам очень благодарен, - бормочет Иван и пятится к двери.

На улице он чувствует, как кровь бросается в голову. Господи... неужели теперь обнаружится, что они ошиблись. Это будет слишком.

- Ну что, зачем вызывали? - спрашивает в кубрике Петя.

- Представляют на суд, - тихо говорит Иван. Он хочет добавить, что представляют по ошибке, но спохватывается, что говорить это не следует. Мало ли... дойдет как-либо до администрации, проверят и выяснят, что ошиблись.

Петя объявляет на весь кубрик, что Ивана представили к осовобождению.

- О-о!.. - машет из дальнего угла Володя, - за это можно глотнуть чифирька, давай сюда!..

Банка уже наполовину опустела, но Иван с упоением глотает терпкую, горькую влагу и ждет следующего круга.

- Ты не волнуйся, еще пару месяцев дело протянется...

- Да может еще и не освободят, - сомневается Иван.

- Ну, это мало вероятно, обычно если лагерная администрация представляет, то суд соглашается... Отсидел ты не много, не мало, для судей достаточно...

Ночью Ивану снятся кошмары, чего давненько не было. В углу холодновато, и спать приходится, укрывшись с головой. При недостатке тепла кошмаров почти не бывает, но теперь действуют какие-то глубинные выплески чего-то давно зарытого.

Жизнь продолжается, словно ничего и не произошло, но Клюква у костра зубоскалит.

- Тебе нечего теперь у костра ошиваться, работать надо не покладая рук, а то сочтут твой долг перед родиной оплаченным не полностью!..

- Типун тебе на язык!..

- Пошли на кашу зарабатывать, - говорит бугор, - а то Иван не успеет жирку нагулять, а ему не мешало бы...

Он поднимает «Дружбу». Толкач Толя берет багор, и они уходят на делянку. Иван с трактористом могут еще погреться, пока они там навалят деревьев.

После школы Иван находит на койке письмо. Лыткин влюбился и любим. Это такая радостная весть, словно Иван сам влюбился. Надо немедленно ответить. Иван располагается в прихожей и, попыхивая цыгаркой и кутаясь в ватник, долго пишет под симфонию храпа, несущуюся из кубрика.

Здравствуй, Женя!

Как видишь, твои увещевания подействовали на меня должным образом и ответ не заставляет себя ждать слишком долго.

Во-первых, я очень рад за тебя, за твое ощущение бытия, за твое сознание, заполненное радостью самоопределения. Не сомневаюсь, что девчонка, которая делит с тобой свои чувства, для которой ты являешься необходимой компонентой счастья, замечательный человек. Будет без пристрастия сказано, что ты заслуживаешь того светлого чувства, которое люди именуют любовью и которое доступно лишь немногим избранным. Еще раз искренне повторяю, что я очень рад за тебя и чувство это неизмеримо далеко от присущего мне эгоизма.

В отношении твоей женитьбы не могу посоветовать ничего, да и ни к чему. Лишь одна мысль неясно ассоциируется в моем притупленном сознании. Этого не следовало бы писать. Прости. Ты отдал своему чувству весь потенциал любви, накопленный за все время твоих терзаний и исканий. Ты уверен в незыблемости своего счастья, но жизнь так обманчива. Если радостное блаженство нарушится, это будет для тебя колоссальным ударом. Может быть это глупое пророчество, но я испытал его на собственной шкуре; лермонтовский стих прочно засел у меня в голове и в сердце:

Страшись любви, она пройдет
Она мечтой твой ум встревожит
Тоска по ней тебя убьет
Ничто воскреснуть не поможет

и т.д.

Впрочем, это только мои ощущения, у каждого вои взгляды на вещи, каждый смотрит со своей колокольни. Не прими мои слова, как нечто несоответствующее моему желанию - полного счастья тебе, за твое целомудренное отношение к жизни. Во мне эта часть твоего письма вызвала соответствующую реакцию. Любовь! Чувство, которое люди благословляют стало для меня тем же, что для голодного волка мясо, из которого чувствуется запах стрихнина. Мне и сей-

час пишет одна девчонка, но, с течением времени, она становится для меня все более чужой, без всяких на то оснований.

Дважды в своем письме ты глубоко задел мои чувства. Первое я уже сказал - это тоска по неспособности любить, и второе, что повергло меня в бездну отчаяния - это твое желание «устроить» меня на биофак. Ты не знал, что совсем до недавнего времени это была моя мечта, ради которой я жил. Теперь же я все с большей уверенностью проникаюсь мыслью, что я ни на что не способен. Минутный порыв, когда я написал тебе о своем оптимизме, не определяет мое постоянное состояние. Мое воображение стало настолько бедным, что я не могу представить себе элементарные понятия из учебников геометрии и физики. Раньше я мог бесконечно импровизировать на скрипке, пусть не совершенно и даже неприятно для постороннего уха, теперь я ничего не могу. Что меня буквально убивает, это вынужденная близость с этим контингентом людей, и унылая бессмысленная работа. Работаю в тайге, мы чиним дороги и делаем заборы, чтобы другие, те, кто будет работать за этим забором, не убежали. Иногда, когда все, что так угнетает меня, в один момент концентрируется в сознании, у меня появляется единственное желание = вскрыть вены и отдать душу все равно кому - богу или черту.

Все время, что я нахожусь здесь, мне хотелось найти друга, такого друга, с которым я мог бы говорить на любую тему, обсуждать прочитанное, делиться мыслями и интересами. Но всегда я встречал только грубость, бесчувственность и пошлость. Каждый день я слышу циничные рассуждения и не должен реагировать на них, в противном случае я давно бы сгорел в этом человеческом тлении.

Ты спрашиваешь срок моего освобождения. Рассчитывая, что это останется между нами, могу сказать тебе, что я жду суда. Да, Женя, я представлен на условно-досрочное освобождение. Суд будет или в марте или в апреле, но я не знаю, как мне его дождаться.

Ужасно то, что теперь, когда близок конец, я чувствую упадок сил. Представь себе, что человек бесконечно долго карабкался на крутую скалу, он уже видит ее вершину, где зарыт ключ его счастья, и вдруг он чувствует, что не в силах ползти дальше, что он уже начинает скользить обратно в бездну. Как передать его отчаянье?! Меня охватывает безразличие, с некоторых пор я заметил это совершенно отчетливо. Получая из дома письма, в которых пишут, что дед очень плох, я остаюсь совершенно беспристрастен. Сегодня я не пошел на работу. Вчера у меня появились симптомы гриппа. Усилив их самовнушением и подняв себе температуру, я получил освобождение и некоторое удовлетворение в том, что хоть один день я побуду наедине с собой. Как хорошо одному! Я слушал музыку и дочитывал Эйнштейна. Гармония Эйнштейновской души сливалась с гармонией звуков и все мое существование представилось мне диаметральной противоположностью прекрасного, собственное ничтожество, убогость заставили плакать меня от досады.

Сегодня я не был апатичен. Но завтра повторится снова все, что уже продолжается много дней и завтра снова придет безразличие, как форма сохранения психического состояния, и как сила, способная разрушить надежду на благоприятный исход суда. В редкие моменты лиризма, да, да, лиризма, я еще утешаю себя иллюзией поступления в университет, но пламя страсти превратилось уже в крошечный уголек. Ты бы помог мне справиться с математикой и физикой, к тому же на биофак не нужно сдавать математику, остальное бы сделали домашние условия, покой, если таковой будет. В противном случае я останусь на всю жизнь жалким дилетантом, с которого пользы, как с козла молока. Я хотел бы жить для людей, я верю в идеалы добра и красоты, но их нужно вернуть людям. Слишком много я думал, чтобы ясно представлять себе что-либо, но в то, что человек рожден для счастья, я верю, не для обывательской, мещанской удовлетворенности, но для счастья созидания. Жаль только, что я слишком рано устал, слишком много сделал ошибок, чтобы суметь компенсировать то зло, что я принес себе и людям. Я просил у тебя поддержки в том, чтобы удержаться от безразличия, это погубит меня рано или поздно. Если суд не освободит меня, я или уйду из жизни, или уйду в бур, где буду стараться погрузиться в «надличное», пока не попаду в психбольницу. Мне не останется иного пути. Мне кажется, что я сделал все, что мог, т.е. в обществе циников я развивал и хранил этические убеждения. Музыка, которую я слышал не слишком часто была могучим двигателем для нравственного формирования. Может быть я кое в чем обманывал себя и не замечал этого, но я не признавал свою миссию в этом мире, как насаждение извращения. Может быть Алик говорил тебе о моем учителе музыки, который остался там, под Л-дом. Этот человек, вся жизнь которого могла бы послужить

образцом для каждого, несмотря на то, что он оказался в тюрьме, всегда восхищал меня чистотой своей души. Мы были достаточно близки, хотя моя пассивность и различие возрастов создавали между нами преграду. Я расскажу тебе о нем когда-нибудь, если нам суждено встретиться.

Что же тебе еще написать, старый дружище! Ты вероятно заметил непоследовательность моего писания. Что же поделаешь, теперь я так привык мыслить. Многого я не могу писать по понятной тебе причине. Еще я думаю о том. что твои книги могут не вернуться к тебе, если меня не освободят. Ты простишь меня?

Не нужно поражаться, волноваться и т.д., все это в порядке вещей. Если бы так делал каждый, на свете бы было меньше гадости. А шансов на освобождение так немного. И снова страдания? Нет. Об этом хватит.

Напрасно ты считаешь, что я всегда был безразличен к тебе, напротив, я всегда ценил твое общество, это могут подтвердить две моих бывших подруги (помнишь, ты видел меня с ними у клуба). С одной-то из них я и переписываюсь. Со второй кончил два года назад.

Теперь вопросы:

Что ты изучаешь (конкретно)?

Можешь ли достать мне Брема?

Встречаешь ли Геку Ш.? Где работаешь? Что ты принимаешь, как образец нравственности? Какие твои любимые произведения (симфонич.)? Как ты понимаешь абсолютную пустоту пространства, движение в ней? Твое отношение к Югославской системе управления? На что действуют наркотики? Почему школьная программа геометрии построена на системе Эвклида, а не Лобачевского или Римана? Что такое эфирный ветер? Кто ты будешь, окончив университет? Могу ли я заниматься в Д.М.Ш., узнай у племянницы? Почему тебе нравится Блок? Чем объясняется повышенная чувствительность у людей, врожденностью и приобретенностью в ранних стадиях развития? Передают ли гены психологию? Можешь ли ты достать «Рефлексы головного мозга» Сеченова? Твое отношение к телепатии? Почему энергия, выделившаяся из массы, уменьшает массу, разве она материальна (не беря во внимание электроток)? Твое отношение к Маяковскому?...

Как Иван и предполагал, Лыткин чувствительно среагировал на последнее письмо и ответил сразу.

26.2.64 г.

Здравствуй, Ваньк!

Начну с того, что буду тебя учить «жить»!

И если это нравоучение будет облечено в несколько грубоватую форму, то ты должен, обязан даже, спрятать свое раздражение подальше.

Я никогда не стану питаться аллегорическими образами «скалолазов, уставших», потому что пища эта несъедобна!

Человек, родившийся не по своей воле, не имеет права тешиться иллюзиями, что он имеет право распорядиться своей жизнью. Человек не имеет права на усталость!

Сбитый с ног - должен встать! Это, как на ринге! Остаются лежать трусы, а публика, и она безусловно права, не очень-то жалует их.

Любовь к жизни! Друже, да ведь это значит не только цепляться ногтями за камень ради одного лишь: выжить!

Это значит - устоять, если ветер встречный, подняться, если упал, душу и платье омыв водой, следить и впредь за их чистотой!

Понимаешь, есть ситуации, когда человеку кажется, что самое рациональное это расписаться в собственной слабости, чем продолжать жить, как бы ни было трудно. Но тем-то и обманчивы эти ситуации, что их сменяют другие и человеку ничего не остается, как только стыдливо спрятать подальше от глаз посторонних бывшую слабость, прошлое малодушие!..

Самое смешное во всем этом то, что все это пишет тебе человек, сумевший, как ему казалось, развить даже стройную теорию, оправдывающую человеческие слабости.

Ну да хватит об этом! И помни, книги ты «должен вернуть»! Человек работал, как собака, чтобы приобрести их, а ты хочешь так «ободрать» его!

В этой шутке «о книгах», Ванька, кроется, как мне кажется, глубокий смысл: «Человек живет среди людей. И хочет он этого или нет, но у него появляются обязанности перед другими! Вот почему он уже не имеет права «распорядиться собой»! Вот почему он не имеет права отказаться от выплаты долгов - буде они есть у него!»

Ванька, книги верни!

Это распоряжение, приказ, если хочешь, выполнено должно быть, без каких-либо оговорок.

Ждать? Я умею это делать! До сих пор удивляюсь тому, что не пристрастен к рыбной ловле. Там ведь, кажется, умение ждать очень высоко котируется. Научись, рыбак, ждать, - тебе этого не хватает. Кстати, о «ключах счастья»... Ванька, какой идиот сказал тебе, что они лежат на заснеженных горных вершинах! Мы куем их сами! И у каждого свой ключ! У одних индивидуальные отмычки к складам со жратвой, у других - ключи в незнаемое, но прекрасное.

У нас с тобой в руках пока лишь две заготовки, подпорченные немного подмастерьями из кузнечного цеха, а ты уже уныло смотришь окрест и не желаешь брать в руки его. Посмотри, и дела-то тут не на час, а на жизнь, и дело-то стоящее!

Все вышенаписанное звучит несколько высокопарно, но по сути своей верно.

Следующую часть своего письма я посвящаю ответам. Боже, сколько вопросов!...

Далее следовали разные перечисления и математические выводы, в которых Иван не разобрался. Он представлял себе, как Лыткин писал эти выводы, причмокивая от удовольствия. Жаль, что Ивану высшая математика совсем незнакома и вообще у него не математический склад мышления, а скорее какой-то художественный. Поэтому многие ответы Лыткина на свои вопросы Ивана не удовлетворяют. Были бы рядом, поспорили бы; ну, а так, придется в следующем письме возражать. Почему-то на сей раз нет ни слова о возлюбленной, неужели уже все кончилось?.. Правда, тон письма вполне спокойный, не похожий на тон опечаленного человека, а тем более разочарованного в любви.

... А разве понятие энергии принадлежит к разряду метафизических?

Ты говоришь: «Не беря во внимание электроток».

Ну, хорошо, допусти, что тело излучает тепло. Инфракрасные лучи? Часть спектра света? Это излучение, как и любое излучение электромагнитной шкалы, можно рассматривать, как материальное.

Нельзя путать понятий: тип нервной деятельности (меланхолик, сангвиник и т.д.) и психология. Гены и психологию никоим образом связывать воедино не следует, - докатишься до расового бреда. Психология понятие общественно-социальное. Раб мыслит холопскими категориями лишь до тех пор, пока не осмыслит, что он человек, а для этого достаточно сказать ему: «Ты свободен!» Пример несколько упрощенный. Но тем не менее дающий объяснение.

Сетона Томпсона я читал. Считаю его одним из лучших в этом отделе литературы.

Блока люблю. За что, не знаю сам. Да и смешно по-моему объяснять любовь. Не спрашивают же человека почему он любит смотреть на звезды, солнце, лес, вообще нае мир, окружающий его. И не удивляются, когда человек, оглянувшись кругом, говорит: «Братцы, красота-то какая!»

В стихах та же музыка и гармония, что и в музыке. Причем в стихах я слышу ее явственнее потому, что не одарен музыкально. И в музыке мне могут всучить халтуру, которой я не отличу от шедевра, в стихах же - шалишь!

Сел на ветку малый птах,
То прищелкнет, то присвистнет,
Острый клювик в перьях чистит -
Стало весело в кустах.
Щебетнул - и в небо фьют!
Ну, а ветка расхлесталась,
И качалась, и смеялась -
Распотешил баламут!

Это из Тувима. Польское.

Буду кончать. Еду к Иришке, - у нее сегодня день рождения. Целых двенадцать лет! А купили с сестренкой в подарок куклу! Смешно? Нет. Очень была довольна! Да и то сказать: не кукла, а красавица, - ухнули на нее 9 рублей.

Заодно поговорю о Д.М.Ш.

Пиши. Увидимся, а я в это верю, наговоримся.

Salud! *Джи.*

Что-то уж очень близко Лыткин воспринял версию о возможном не освобождении. Не стоило об этом писать. В конце концов скорее всего это фальшь, как и прежде. Если и не освободят, то ничего не изменится. Потечет мутная река жизни дальше, пока не суждено будет завершиться тому, что есть. Все проходит, и это пройдет. Кто же это сказал?.. Не вспомнить, но сказано хорошо, особенно если на настоящее смотреть из будущего. Ведь когда-нибудь все, что сейчас происходит, будет в далеком прошлом. А что-то так изгладится, что и вспомнить невозможно будет, хотя сейчас будоражит, жить не дает. Нет, жить настоящим можно лишь в некоторой мере, т.е. для биологических потребностей, а более следует уходить духом либо в прошлое, либо в будущее. Для того и дано человеку мыслить, чтобы уходить от текущего хотя бы в воображаемые миры или пытаться постичь то, что в собственно жизни вовсе не требуется, например, ту же математику. Если в нее или другую науку углубиться основательно, то значительная часть реальности останется как бы за бортом и не будет ощущаться и вызывать страдания. Наверное, истинные ученые и художники по большей части живут в нереальном мире, а здесь только появляются временами, чтобы покушать или еще какую-то потребность справить. У обычных же людей вся жизнь состоит из этих потребностей и они не могут исчезать в иные миры, разве что когда свихнутся. Иные, правда, считают, что уходящие в свои иные миры и свихнувшиеся близки друг другу, но это не так. Ведь свихнувшиеся не владеют собой здесь и не знают куда попадают. Их дух не связан с телом. Творцы же сознательно направляют свой дух в нужном и определенном направлении и возвращают его в свою телесную оболочку, сколь бы изношенной она не была.

* * *

Безделье не томит Ивана, да он и не считает, что бездельничает. Постоянно он что-то мастерит или, лежа на нарах, читает книги. Дешевое издание «Гамлета» украшено превосходным портретом Гамлета с длинными, спутанными волосами и страдальческим выражением лица. Иван часто рассматривает этот портрет. Он хорошо понимает принца датского, ведь в их судьбах есть нечто общее: мать предпочла другого мужчину отцу своего ребенка. Правда, отчим Ивана не убивал его отца, может быть потому, что цена была другая.

Когда появляется Лыткин, Иван не вспоминает Гамлета, но зачитывает приятелю понравившиеся места из «Признаний авантюриста Феликса Круля» или из рассказов Сетона-Томпсона, которые он перечитывает по несколько раз. Стены сарая украсили акварели - иллюстрации к Сетону-Томпсону. Волки воют на луну на лесной поляне, залитой лунным светом. Лыткин не понимает романтики лесной жизни. Это и понятно, ведь он инвалид. С несгибающейся ногой не очень-то побродишь по лесам, хотя нынче весной Иван брал его с собой на тягу вальдшнепов, о которой Лыткин читал и вспоминал, что где-то в Подмосковье есть мемориальная доска, на которой написано, что здесь охотился на тяге вальдшнепов великий русский пейзажист И.И. Левитан. Иван с захлебом рассказывал Лыткину о своих впечатлениях. На тягу они пришли в прекрасный вечер, и Лыткин был счастлив, пережив этот вечер. Даже обратный путь впотьмах оказался не столь трудным, так как Иван выбирал места поровнее.

И все же Лыткин, как и Генка, горожанин по духу и считает, что сходить в лес и насладиться его прелестями это одно, а жить в нем постоянно - совсем другое. Реалистически это осознает и Иван, но нельзя же жить одним реализмом.

Изредка Иван ездит в лес на велосипеде и как-то даже, бросив велосипед на лесной дороге, бегал за рябчиком с пистолетом. Когда открылась охота, Ивану выпал удачный охотничий день. Он добыл три рябчика и вальдшнепа, да еще и корзину грибов собрал.

Все приятели имеют велосипеды и иногда, собравшись, устраивают «джигитовку» на них или велосипедный слалом, ездят по двое (один рулит, другой педали крутит) или по трое (третий сидит на раме). Валерка такие мероприятия не любит. Он стал степенным стильным молодым человеком и ему не подобает дурачиться с риском свернуть шею.

Ближе к осени, когда наливаются яблоки, огольцы устраивают садовые экскурсии. Иван, как специалист по дереву, делает в заборе чьего-нибудь сада дыру. Тут, конечно, требуется сноровка, чтобы не было треска от ломаемых досок или жердей и визга от вытаскиваемых гвоздей. Рыжий Кувай ходит около дыры с ружьем, так как были случаи, когда хозяин сада стрелял по непрошеным гостям солью откуда-нибудь с чердака. Стало быть, надо отстреливаться. Яблоки, как правило, отчаянно кислые, но дело ведь не в них, а в процессе.

По воскресеньям Алипука с Витей тащат на рыночную барахоловку то стол, то пару табуреток, изготовленных Иваном. Продукция расходится хорошо, так как продают по дешевке. За материалом для изделий посещают лесозавод, где Иван знает каждую щель.

Дед напоминает Ивану, когда тот появляется перекусить, что надо бы ему найти работу. В НГЧ Ивана берут вторым кочегаром в домовую котельную. Здесь он познает новую публику, которая, правда, не имеет принципиальных отличий от публики в столярке. Почти все кочегары сидевшие и, выпив пару флаконов «лесной воды» или чесночной настойки, охотно вспоминают былое. «Туалетную воду» за 33 коп. не пьют, полагая, что это для нищих, и в самом деле нищий, стоящий днем у дверей соседнего магазина, вечером неизменно появляется в кочегарке с флаконом «Туалетной воды», который и выпивает в одиночестве. С получки пьют водку. Соседи слесари-водопроводчики составляют кочегарам компанию и бывает задушевная беседа о том о сем и даже о «высших материях».

- Я смотрю, ты тут книжки читаешь, - замечает молодой слесарь Виктор, - а у меня, веришь ли, бывает, ночью проснусь, и целые страницы в уме складываются, да записывать лень...

Народ все мирный, хотя случается, что отвалит кто-то хохму. Раз один сменщик перебрал чего-то и бегал голый вокруг кочегарки средь бела дня. Из соседнего дома кто-то позвонил начальству. Пришел сам начальник отдела кадров со свитой, что кочегара вовсе не смутило.

- Да идите вы все (он указал куда), хотите в топку перну?!.

И не дожидаясь ответа он открыл топку и осуществил угрозу в высшей степени эффектно. Беднягу рассчитали раньше, чем он протрезвел. Никто даже не поинтересовался, что побудило его к столь неординарному действу, хотя причина была и почти уважительная. В процессе «наливания» обсуждалось любимое развлечение Петра I - гашение свечей мощным выхлопом газов. Как известно из романа Алексея Толстого, известный уральский заводчик Демидов «обскакивал» на этом поприще самого Петра, за что удостоился чести монаршего поименования «педрила» (как написано у Толстого с надеждой на сообразительность читателей). Вот это-то царственное увлечение и засело в мозгах кочегара, сдобренных, должно быть, смолистым ароматом «Лесной воды». Коллеги пострадавшего и слесари при общем обсуждении события единодушно решили, что начальство поступило несправедливо. Хотели даже петицию написать, да карандаш сломался.

Нельзя сказать, что работа в кочегарке была не пыльной. В конце смены полагалось чистить топки. В тачку, которая ставилась перед открытой дверцей топки, выгребался полыхающий жаром шлак, который с грохотом вывозился на улицу и сваливался в кучу. Кочегары дышали горячей пылью и смесью газов. После чистки топок из глубины легких долго выходила отвратная вонь, а из носоглотки извергались черный сгустки. Второму кочегару за столь гнусную работу платили всего 40 рублей и Иван считал это величайшей несправедливостью, которой можно оправдать воровство и грабеж, пусть только что-либо подвернется.

Кружит в свете фонарей густой пушистый снег, который уже покрыл землю нежным покрывалом. На белой земле остаются черные следы от ног. От бани свернул на безлюдную дорогу шатающийся мужик. Только его след на дороге, а сам он медленно растворяется в феерии снежинок. Иван решается. След должно быстро замести. Он сворачивает за мужиком у моста через Воняловку, догоняет его и сует в лицо пистолет:

- Деньги есть?..

Мужик, однако, вовсе не пугается.

- Деньги?.. Я тебе сейчас такие деньги покажу, что сразу разбогатеешь!..

Он хватает Ивана за отворот полупальто, но ничего больше не успевает. Иван бьет его по голове рукоятью пистолета раз и два. Мужик валится на дорогу, но пытается встать. Иван проверяет его пустые карманы, смотрит, нет ли на руке часов. Удивительное дело, но у мужика вообще ничего нет.

- Вот если бы ты не так поступил, то на бутылку бы нашлось, - говорит мужик, вставая на ноги, - дай хоть закурить!..

Иван достает сигарету и чиркает спичку, отворачивая огонь от себя. Лицо мужика залито кровью. Иван подбирает шапку мужика и нахлобучивает ему на голову.

- Бывай здоров!..

Он уходит по тропинке вдоль забора молокозавода, оглядываясь на цепочку своих следов. Мужик, конечно, не из тех, кто вызовет милицию с собакой, но кто его знает: лучше перебдеть, чем недобдеть. Окровавленное лицо стоит перед глазами. Кой черт понадобилось ему цепляться!.. Да еще и с пустыми карманами!.. Ни за что, выходит, получил пробоину в башке!..

Однажды Витя принес отличный трехбатарейный круглый фонарь. Это была диковина, и Иван выменял фонарь на пистолет. Через пару дней старший брат Вити засадил себе в руку пулю из этого пистолета.

Иван слоняется по улицам, встречает знакомых и они прогуливаются вместе, «травя баланду». В одну из таких прогулок навстречу попадается девушка, которая летом приглашала Ивана на дамское танго и это из-за нее он отправил зареченского «старичка» с обрыва к реке, где тот, говорят, очухался под утро. Парни окружают ее, выражая дешевые комплименты. Наум прямо-таки в щенячьем восторге: «Света, тебя так давно не видно на танцах!» Света сообщает, что уезжала, а теперь вернулась и сейчас она спешит. Она уже протиснулась между молодцами и пошла своей дорогой, когда Иван прокричал ей вдогонку, что негоже ходить одной темным вечером, не проводить ли ее?..

- Проводи, - оборачивается Света.

- Давай, давай, не теряйся, - подбадривает Ивана Наум, - такая девушка!..

Он чмокает губами.

Иван быстро догоняет Свету и напоминает ей их встречу на танцплощадке. Света говорит, что надеялась еще тогда на то, что Иван ее проводит. Иван смущен и выражает свое сожаление, ведь сколько времени они уже могли бы общаться. Света соглашается и держит себя так свободно, что Иван теряет некоторую скованность, которая им овладела, как только он остался с девушкой наедине. Он поглядывает на нее сбоку и думает, какая она красивая в большой шапке-ушанке, с ярко-красными от помады губами. Она постарше Ивана, но это и к лучшему, не будет ломаться как маленькая. Света сообщает, что она студентка железнодорожного техникума в Петрозаводске, а здесь живут ее родители, поэтому она была здесь на практике, сейчас же отдыхает. Никуда она, конечно, не спешит, но у них в доме холодный подъезд, и если Иван хочет, то постоять можно в подъезде соседнего дома, там батареи отопления.

В подъезде Иван ощупывает батарею и со знанием дела ругается:

- Сволочи, пьют, должно быть, и забывают уголька подбросить!.. Ты не замерзла?..

Иван обнимает Свету и совсем рядом видит полуоткрытый в улыбке пунцовый рот. Он хочет приложиться к нему, но Света утыкается ему в плечо и говорит, что не все сразу, пусть останется на завтра. Иван размышляет вслух, что завтра они могли бы пойти дальше. Со смехом Света называет его слишком прытким, а она-то думала, что он недотепа.

- Теперь уже дотепа, - веселит Иван Свету.

Она откидывает назад голову и, улучив момент, Иван прижимается ртом к пылающим губкам. Света не проявляет неудовольствия и не дергается. Когда Иван отрывается, она шаловливо заявляет: «Заловил-таки!.. Всю помаду слизал!..»

Она достает носовой платок и вытирает рот Ивана, посмеиваясь, что надо бы было его так и отпустить домой.

- А моя бабка ничего бы не заметила сослепу!..

- Что ты на меня так странно смотришь?..

- Ты очень красивая, на тебя приятно смотреть, особенно вплотную...

Теперь Света уже не отворачивается и засовывает ладошку ему за шиворот. В ее блестящих глазах с коричневыми зрачками мелькают искорки.

- Я знала, что мы когда-нибудь будем вместе...

Глубокой ночью Иван долго стучит в дверь. Дед так и не просыпается, дверь открывает бабка:

-Шляется где-то, гулена!.. С утра ведь на работу!..

- Ну, ничего, там и досплю...

Теперь вечера заполнились новым содержанием. Иван ходит со Светой в кино и на концерты, слушает гастролирующего пианиста Рудольфа Келлера. Пожилая уборщица в клубе как-то

говорит им, что они так хорошо смотрятся вдвоем, что она всегда любуется ими. Гундос сообщает Ивану некоторые сведения из Светиного прошлого: ходила она с Кузнецом, а потом с футболистом Фазилем, который и сейчас до нее охоч, говорят, безотказная. Иван грубо отвечает Гундосу, что он только тем и занят, что сплетни собирает. Он, однако, спрашивает Свету, знает ли она Фазиля. Света отвечает, что очень даже хорошо знает, так как она оно время дружила с ним. Иван знает Фазиля как спокойного культурного парня, который учится в каком-то институте в Питере. И что тут такого в том, что она гуляла с Фазилем, который как-то встретился им на улице и очень вежливо раскланялся.

В подъезде, когда все жильцы уже дома и нет риска, что кто-то пойдет мимо них, Иван постепенно расширяет поле деятельности. Фигура у Светы спортивная, груди небольшие и плотные. Удается даже расстегнуть лифчик и поласкать их. Бедра также кажутся Ивану превосходными. Наконец, после некоторого препирательства, в ходе которого Света сообщает, что она не каменная,, дозволено спустить трусики. Теперь, когда крепость взята, Иван предлагает спуститься в подвал. Закрытая на замок дверь быстро подается под нажимом хорошей отвертки, правда, с треском, что в ночной тишине нежелательно.

Они спускаются в подвал, проходят между сараев и поленниц дров и находят подходящий угол. Но в это время на лестнице хлопает какая-то дверь, кто-то спускается и останавливается на подвальной лестнице, прислушиваясь. Любовники замирают. Однако тот не решается идти дальше. Слышатся уходящие шаги, потом опять хлопает дверь. Можно опять снимать трусики и теперь Света не противится. Однако теперь это не требуется. Иван угрюмо сообщает, что Света его измучила и он кончил не начав, так что переносится процедура на завтра. Он проводит рукой между Светиных ног и испытывает мерзкое содрогание, ощутив там какую-то слизь.

На следующий день, точнее, ночь, света не мучает Ивана. Они усаживаются на ступеньках, потом Света откидывается (лестница как будто чистая). Иван утыкается носом в ее песцовый воротник и впервые переживает мужские ощущения. Его теоретические представления об этом деле оказываются слегка не соответствующими действительности. Он полагал, что будет туго, но оказалось, что все так обильно смазано, что никаких усилий не требуется. Это озадачило.

- Недоволен, что я не девочка? - спросила Света.

- Ну почему же, я и не ожидал иного, - ответил Иван без радости.

Света смущенно затихла и Иван утешил ее заверением, что не придает значения тому, что у нее было до него. Они поговорили о разных пониманиях «первого раза», причем Иван рассказал Свете о своих неудачных попытках с немой, которая как будто и хотела, да не решалась с ним, а приятели ее хвалили. Света заявила, что парни всегда больше, чем наполовину, выдумывают и хвастаются тем, чего не было. Она надеется, что Иван не будет разносить по своим приятелям об их отношениях. Иван сказал, что он не видит в этом ничего стоящего похвальбы, что только кретины судачат о своих любовных свершениях, а он считает, что это должно быть тайной двоих. Света одобрила такие суждения, и когда Иван начал снова свои поползновения, то была уверена, что это только их тайна.

По вечерам Иван поглядывает на часы и отправляется на свидание.

- Опять ночью придешь?.. - спрашивает бабка, закрывая за ним дверь.

- Наверное, - отвечает внук.

На крыльце Иван видит бабкину тень, которая крестит его спину. В день свадьбы сестры Света пытается затащить его на торжество, но безуспешно. Идти в дом, где одни незнакомые, кроме Светы, да еще и на свадьбу, на которую его не приглашали, Иван не соглашается ни за что. От Светы пахнет спиртным. Чтобы он этого не замечал, Света бежит домой и приносит большой стакан подкрашенного самогону. От такой заправки Иван косеет через пять минут. Света кажется ему такой милой.

Она приходила к нему в кочегарку, и напарник Вася отправлялся в раздевалку спать. Но наконец настало время Свете возвращаться в свой техникум. Она взяла с Ивана обещание, что он приедет к ней на Новый Год. Он испытывал к ней двойственное ощущение, поскольку по его воззрениям, Света была девушка для спанья, а для настоящей духовной близости она не подходила, так как не было у нее возвышенных чувств. Сквозь ее красивость просматривалось только обычное бабье. Но Иван привязался к ней как к теплому существу, доверившему ему самое себя. Когда она уехала и долго не было письма, Иван грустил и представлял себе ее измены.

Приятельские связи ослабли. Часто встречались лишь с Валеркой, который увлекся чеканкой и теперь постоянно сидел дома и колотил на небольшой наковальне на окне разные безделицы. Некоторые вещицы поражали Ивана изяществом и он считал, что Валерке нужно куда-то поступить и, подучившись, заняться чеканкой профессионально. Но Валерка махал рукой: зачем ему эта учеба? Он делает это ради удовольствия. Как всегда они слушали «Би-би-си» и «Голос Америки» и испытывали истинное удовольствие, когда сообщалось что-то мало приятное для родных властей.

В кочегарке Ивана навещали юные соглядатаи, сообщавшие разные новости и составлявшие компанию в игре в карты. Затрепанная колода карт уже давно не покидала кармана Ивана, нередко давая небольшой доход, хотя приходилось и проигрывать. Однажды Алипука с Витей привели нового кадра, который сообщил, что близ его дома находится склад стеклянной тары, под двери которого легко пролезть.

Действительно, под дверью склада оказалась щель, в которую Иван легко пролез и, посветив фонариком, увидел ящики с пустыми бутылками. Совсем не составило труда унести столько бутылок, сколько могли. В следующие дни занимались сдачей бутылок в разных магазинах. Доход был неплохой и склад посещали еще несколько раз, пока вдруг не обнаружили, что путь перекрыт набитыми на двери досками.

Еще один слюнтяй как-то появился с Алипукой, который сказал, что этот может сладить пальтишко в школе. Пока он просто шарил по карманам, да осенью одел чужую куртку. Пальтишко Ивану требовалось, так как его одежда оставляла желать лучшего. Однако этот Валька ему сразу не понравился своими бегающими глазками и угодническим видом. Уж очень ему хотелось иметь дело с ворами и хулиганами.

- Да он ведь заложит в случае чего, - выразил он Алипуке свое сомнение.

- Ну что ты, он уже столько всего наковырял и не разу не влип!..

- Ладно, действуй, - дал добро Иван Вальке, - только смотри, не прихвати пальто первоклассника!..

- Да что я, не понимаю что ли, - осклабился Валька, довольный тем, что его предложение принято.

Вечерами Иван часто отправлялся на каток. Ему безумно нравилось мчаться на бегашах круг за кругом. Под звуки лирических песен в искрящемся воздухе катаются разноцветные фигуры. Здесь можно приглашать девушек покататься парой и Иван не тушуется при этом, как на танцах. Некоторое время он «пасет» одну симпатичную девушку, неторопливо делающую круг за кругом. Набравшись смелости, Иван подлетает к ней сбоку и протягивает руку: прокатимся?.. Они долго катаются молча, потом знакомятся. Таня недавно приехала в городок и учится в 9-ом классе. У нее широкое, открытое лицо и маленькие глаза, которые она часто прищуривает, как это делают близорукие. Гундос много раз обгоняет их, бросая какую-нибудь реплику Ивану и разглядывая Таню. На катке Гундос, как рыба в воде. Он способен носиться с удивительной быстротой и постоянно выступает на соревнованиях. Тане Гундос сразу не нравится. Провожать домой ее не нужно, она живет рядом с катком, хотя потом выясняется, что не так уж и рядом. Ну, да ладно, дело хозяйское, тем более, что Иван настроен поехать на Новый Год в Петрозаводск к Свете.

Перед самым праздником в кочегарке появляется Валька в украденном в гардеробе школы пальто. Он сияет. Словно совершил нечто героическое; теперь его должны принимать как своего. Иван допрашивает его, как происходило дело, не мог ли кто-то его застукать. Валька клянется, как принято - б... буду! - что ни одна собака его не видела.

Пальто оказывается тесноватым, но все же оно несомненно лучше, чем старое Иваново. Через пару дней Иван лежит на вагонной полке и представляет себе, как они будут общаться со Светой. В общежитии все получается как нельзя лучше. Новогодний вечер в студенческой компании со множеством громких тостов и безудержным трепом, потом танцы вокруг елки в зале общежития и, наконец, ночлег парами в девичьей комнате. На следующий день Света добывает ключ от соседней пустующей комнаты, где стоят голые койки. По утрам Света чертит какие-то схемы к диплому. Потом они гуляют по городу. Вечером они уединяются в пустой комнате с гулким эхо. Казалось бы, ничто не нарушает их идиллических отношений, но Иван ощущает какое-то раздражение, Света его тяготит своей безотказностью и, как ему кажется, навязчивостью. Ни с то ни с сего он дерзит ей, вспоминая каток в своем городке и Таню, которую Гундос уже успел прозвать Киской.

На вокзале Света выглядит грустной.

- Так ты будешь ждать меня три месяца?..

- Не знаю, как получится...

- Я напишу тебе о дне приезда...

- Ладно...

Дома двери открывает встревоженная бабка.

- Из милиции приходили, спрашивали тебя!.. Что ты там опять вытворил?..

В кочегарке его напарник Вася сообщает, что его искали и две ночи подряд в подъезде соседнего общежития дежурил мент в штатском, поджидая, не появится ли Иван. О причине такого интереса Вася ничего не мог сказать, но появились Алипука с Витей и внесли сность: Вальку застукали с пальто и он раскололся тут же. Вася советует Ивану не тянуть резину, а ехать в милицию, отвезти пальто и объяснить все как есть, т.е. что пальто Валька украл без чьего либо наущения, а то, что он отдал это пальто Ивану, так это его дело. Он сказал. что это его пальто, и оно ему велико, а Ивану он дал его для поездки в гости в другой город.

- Дернула же тебя нечистая связаться с этим обормотом!.. - сказал Вася.

Иван отправился в милицию, дал показания. В сущности, он не чувствовал себя виноватым, так всего лишь согласился взять пальто, когда Валька его украдет. Показания Вальки, однако, отличались от Ивановых именно тем, что тот утверждал, будто бы Иван подбил его на эту кражу. Следователь сказал, что на Ивана заведено дело за подстрекательство к краже пальто и что он должен дать подписку о невыезде.

Вечером Алипука вызвал Вальку из дома на улицу, где Иван учинил ему свой допрос.

- Я разве склонял тебя к тому, чтобы ты спер это проклятое пальто?!. Не ты ли сам предложил это?!.

- А я и не говорил, что ты меня склонял, - отвечал, шмыгая носом и бегая лазами, Валька.

- Как же не говорил, когда следователь утверждает, что говорил!..

Валька отчаянно отпирался.

- Ну, смотри, если меня посадят, я тебя потом найду!.. - пригрозил Иван.

Вскоре пришла повестка явиться в коллегию адвокатов. Глядя на делового, отутюженного еврейчика, Иван сказал, что денег на адвоката у него нет, да он и не думает, что есть надобность в нем, так как его вины в этом деле нет.

- Ошибаетесь, молодой человек, вот обвинительное заключение, и что бы вы не говорили и не думали, суд будет считаться с ним, а не с вашими утверждениями... А что касается оплаты, то не хотите личного защитника, так будет общественный, которому вам придется заплатить 25 рублей. Я советую вам обратиться в организацию, где вы работаете, с просьбой взять вас на поруки. Если на суде будет положительное решение по этому вопросу, то я гарантирую вам свободу, а если нет, то тут уж как суд решит... годик-другой могут дать...

От этих слов у Ивана похолодела спина. Только теперь он почувствовал, что над ним повис Дамоклов меч и главное - за такую чепуху, к которой он фактически отношения не имеет.

Напарник Вася согласился со всем, что сказал адвокат.

- Никто не будет слушать твой лепет... Пиши заявление в местком, чтобы тебя взяли на поруки, иначе точно засадят!..

Иван внял Васиным словам. Что ни говори, а Вася имел опыт с судами и знал, как выносятся приговоры. Местком назначил день рассмотрения Иванова заявления на всеобщем собрании. В «красном уголке» недалеко от памятной конюшни в один прекрасный вечер набился народ. Председатель зачитал заявление Ивана и предложил ему слово. Иван сказал, что никакого подстрекательства с его стороны не было, но укравший пальто это утверждает и поэтому его должны судить. Он понимает, что не может доказать свою правоту и поэтому просит собрание взять его на поруки, так как ему грозит срок ни за что.

Встал начальник отдела кадров и сказал, что Иван давно уже зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Ходит как стиляга. На коричневых ботинках у него красные шнурки. Что это такое?..

В зале раздались смешки и выкрики. Да причем тут шнурки?.. Нашему начальству наплевать на нас!.. А почему бы нам не поверить этому парню, а не органам?.. К столу вышел напарник Вася. Его мужественный облик и убедительная речь о том. что Иван является отличным работником, хотя получает гроши, почему и позарился на даровое пальто, вызвали общую симпатию. Единогласно проголосовали за то, чтобы Ивана взять на поруки.

Все же решение суда оставалось тайной Всевышнего. В назначенный день бабка собрала узелок с едой на случай, если посадят. Иван одел рабочую одежду, расцеловался с бабкой и дедом и отправился на суд. В старом здании барачного типа близ реки, в небольшом сером зале уже сидел напарник Вася, вызванный в качестве свидетеля. Пунктуально появились служители правосудия. Средних лет судья внимательно посмотрел на Ивана, у которого был растерянный вид.

- Слушается дело.., - зазвучали стандартные слова. Потом Иван рассказывает, как было дело и отвечает на вопросы. Защитник спрашивает, когда Иван познакомился с Валькой. Потом он просит заслушать свидетеля - напарника обвиняемого по работе. Вася внушительным голосом говорит то, что он высказал на собрании.

Прокурор говорит замысловатыми фразами о том, что вина Ивана несомненная, хотя он и пытается это скрыть, пользуясь тем, что совершивший кражу здесь не присутствует, так как уже отправлен в колонию несовершеннолетних. Именно потому, что Ивану требовалось пальто, он и подбил того на кражу. Иван вскакивает с места:

- Это не так!.. Я же сказал об этом!..

- Вам будет слово, - холодно произносит судья, - ведите себя прилично!..

Речь защитника короткая. Он говорит, что не случайно задал вопрос: когда познакомились подсудимый и укравший пальто. Из материалов дела следует, что похититель пальто подозревался в кражах ранее его знакомства с подсудимым. Веры его утверждениям о подстрекательстве не может быть больше, чем подсудимому, отвергающему всякое подстрекательство. Подсудимого хорошо характеризуют на его производстве и организация ходатайствует о том, чтобы взять его на поруки.

Суд удаляется на совещание. Защитник собирает свои бумаги в портфель и подходит к Ивану, который курит на крыльце.

- Если суд передаст вас на поруки, то 25 рублей принесете мне в контору, а если приговорит к лишению свободы, то в лагере напишете заявление в бухгалтерию, чтобы они перевели деньги, желаю удачи!..

Он уходит, сделав свое дело. Остальное его не интересует.

- Хорошо он выступил, - говорит Вася, - я уверен, что сегодня дежурим вместе...

Звенит звонок. Секретарша объявляет: встать, суд идет!.. Монотонным голосом судья зачитывает решение о передаче Ивана на поруки организации, в которой он работает.

Подходя к дому, Иван видит в окне бабку. Она надеется, что он вернется. И вот... свершилось!.. Она открывает дверь, не дожидаясь стука: «Ну, слава Богу!» Дед на кухне вытирает глаза: «Обошлось!»

Незаметно сомкнулась трещина, которая могла бы и расшириться. Правда, у Ивана с утра была какая-то внутренняя уверенность, что на сей раз горькая чаша его минет, поскольку не было в данном случае его преступления. Перед дежурством Иван просит у бабки на бутылку, которую он должен поставить Васе. Бабка ворчит, что пригласил бы домой, да и выпили бы, зачем же на работе. Но Иван убеждает ее, что в начале смены особых дел у них нет.

В кочегарке появляются Алипука с Витей. Они шумно рады, что Иван тут, а не где-то. Бутылка быстро пустеет и Вася посылает Витю за второй:

- По такому случаю не грех и покрепче двинуть, а тебе, - менторски обращается Вася к Ивану, - теперь надо быть тише воды, ниже травы, а уж если влетишь опять, то получишь сполна!..

Иван восхищается Васиной речью на суде и сообщает своим соглядатаям, что Васе надо бы быть адвокатом. Он даже на узелок Ивана указал, вот, дескать, приготовился в тюрьму идти. После второй бутылки еще долго обсуждаются разные подробности суда. Потом Вася уходит а раздевалку спать, а молодежь играет в очко. Ровно гудят моторы. Временами Иван встает и подбрасывает в топки угля, слегка покачиваясь с лопатой.

~ 49 ~

Мы побороть не в силах скуки серой,
Нам голод сердца большей частью чужд,
И мы считаем праздною химерой
Все, что превыше повседневных нужд.

(Вольфганг Гете)

Медленно течет река жизни, и только когда вдали показывается последний мыс, кажется, что она промчалась в одно мгновение. В суетных хлопотах растворяются драгоценные годы в начале и потом. И когда приходится спохватиться, что прожито много, а не сделано то, что теперь хочется сделать, какое жгучее сожаление порой охватит! Зачем была эта пустота, в которой мы проплыли в мутном угаре никчемности. Стоило ли родиться на свет ради бездарных будней, от которых не осталось даже малейших следов, а если и выпало что-то в осадок, то этим осадком впору только мух морить. Правда, впереди еще что-то есть, но уже нет надежды, что мы рождены гадкими утятами, из которых вырастают прекрасные лебеди. Мы остались тем, чем были, хоть иным из нас и кажется, что они превратились в лебедей и на зеркало пеняют.

Многое становится поздно. Уже не хочется оседлать дикого мустанга или отведать жаркое из крокодильего хвоста, добытого своими руками. Не тянет на Северный полюс, а заодно и на Южный, да и Джомолунгма больше не влечет. Туда и раньше не все поглядывали с вожделением, но нам-то это предприятие казалось лишь делом времени. Того самого времени, которое мы теперь оплакиваем за его внезапное исчезновение. Сколько было долгих дней, конца которых трудно было дождаться, но он наступил, а день умер в докуке. Добро бы ожидаемый конец воссиял. Нет. Он принес серые сумерки с серыми кошками в подворотнях. И добытое на шею золото потянуло на дно так же, как простой камень.

Словно дикие волки мы попали в капканы и сидим в них, не решаясь отгрызть собственную защемленную ногу. Сколько осталось времени до прихода хозяина капканов? Можно ли надеяться на его милосердие? Неужели наша замызганная шкура ему приглянется? Но, может быть, придет не хозяин а кто-то другой и разожмет капкан? Или произойдет землетрясение и лопнет пружина?

Иной из нас висит на обрыве. Совсем немного осталось пути наверх. Край обрыва перед глазами, и корявая сосна тянет сучья: цепляйся!.. Но не дотянуться, и нет больше выступающего камня, чтобы ухватиться за него. Распятый на стене слушает, как наливаются тяжестью руки и ноги. Между ног зияет пустота, от которой дрожат поджилки. Нельзя смотреть в пустоту! Она затягивает! Но куда же ты смотришь, когда медитируешь? Ах да, Космос это не пустота!

Вниз труднее, чем наверх, но другого пути нет. Нет такой женщины, к которой бы так прижимался идущий по стене вниз, как к выступам этой стены. Пыль, заглатываемая им, есть часть его жизни под вопросом. Камень, уходящий из-под ноги, призывает к осторожности: хорошо опробуй нижнюю точку, прежде чем сползти на нее. Скоро будет полка, до нее всего три длины тела, но сядь на выступ покрупнее и опусти руки, прижавшись спиной к стене. Как красив мир? В житейской сутолоке это было незаметно, а теперь, когда вопрос над жизнью еще не снят, пронзительные красоты ласкают взор. Сквозь серые очки это как-то не виделось. Теперь надо непременно доползти до полки, по которой добраться до склона.

На дне ущелья поток поздравляет: смертный приговор отменен! Великая радость бытия, от которой впору взлететь и смешаться с ласточками.

* * *

Внешне как будто ничего не изменилось. Все тот же развод на работу, угрюмая зимняя тайга, потом школа или собственные занятия. Но внутренне произошла перестройка. Почувствовав запах свободы издалека, Иван боялся его потерять, как собака, идущая по следу. Он постоянно думал о свободе, то в конкретном выражении, представляя, как он будет жить, то в абстрактном плане, понимая под свободой независимость духа. Ему трудно думалось в этом отношении и, скорее всего. Он не стал бы ломать голову над мнимыми проблемами, но они возникали при чтении «умных книг», как выражались сожители по кубрику, заглядывающие на обложку книги, которую держал Иван. Движение Броуна - свобода ли? Частица ударяется о другую, отскакивает, снова ударяется и отскакивает и так до бесконечности. Может быть и человеку, образно рассуждая, уготована подобная участь, т.е. шарахаться обо что-то социальное, отскакивать и снова шарахаться, пока мозги не содрогнутся и сознание не потускнеет. В сумеречном сознании человеку мало надо и легко достичь довольства, не нужно стахановско-гагановского усердия или олимпийских высот, слишком яркий свет неприятен, хочется укрыться в норку и провонять ее «своим».

Иван не сомневался, что выйдя на свободу он начнет новую жизнь. Иначе и быть не может. Ведь все его сознание перестроилось. Бывшее романтическое представление о воровской жизни теперь ему кажется невероятной глупостью. Правда, он вспоминает, что и раньше он это очень хорошо понимал временами, а потом снова возвращался к этой ерунде и бывал доволен. Ну что ж... теперь это все позади, все выстрадано, обо всем прошло жгучее раскаяние. Теперь он будет учиться, поступит в какой-нибудь вуз. Но если освободят на поселение, то все равно придется еще где-то в глуши, хотя и на свободе, ожидать конца своего срока, прежде чем появится возможность куда-либо поступить.

В школу он ходил теперь редко, так как суд должен был состояться раньше, чем окончится учебный год. А если не освободят, то какая уж тут школа! Гори она синим огнем! К тому же стало ясно, что знаний эта школа дает мало. Надо заниматься самому.

Морозы спали, сменившись метелями. Старожилы говорили, что запахло весной, хотя запах был слабоватый. Холодный ветер проникал под ватник не хуже, чем мороз. Выкопанную в снегу траншею заметало. Бугор ходил по вечерам за матером и доказывал, что пришлось откапывать занесенное, поэтому продвинули забор мало. Иногда мастер подписывал выполнение нормы, и на следующий день Клюква ставил на костер два ведра. Все радовались тому, что кроме супа будет еще и каша. Обед действительно получался основательный. Туговато было лишь с чифирем. Наличных денег никто не имел, а в долг шофера МАЗов чай не возили. Зимой родственники не ездят на дальняк на свидание, поэтому и денег нет. Иван уже определил достоинства чифиря и теперь всегда был не против пары-другой глотков. Чифирь дает ощущение тепла и прочищает мозги. Как хорошо после него читать или писать письма! Получив новые рукавицы, Иван сходил к молодому филологу - учителю русского языка и продал обнову за пару пачек чая. Он решил, что в тайге пить чифирь не обязательно и как-то вечером в бараке сам приготовил в печке напиток, порадовал бригадных чифиристов.

- Скоро на свободе будешь пить чифирь, хоть запейся, - сказал ему Володя, отхлебывая из банки.

- На воле народ не понимает, что это такое, - пробурчал Николай.

- На воле народ никогда не ценит то, чего много, и даже саму волю... - вставил Иван.

Скоро Иван вытягивается на своей койке и мечтает о том, как он приедет домой. Он не будет предупреждать о своем возвращении. Пусть это будет сюрприз. А как встретит его Таня, когда он свалится, как снег на голову?.. Может быть она и не обрадуется. Вполне вероятно, что у нее кто-то есть, а ему она пишет для разнообразия или из жалости к нему. Да нет!.. Непохоже!.. Ведь как только она его не называет в письмах!.. Может ли быть такая ложь?!. Кто его знает... Поживем - увидим.

Через годы мрака и стенанья,
Бесконечной грусти и тоски грызущей
Я приду к тебе без опозданья
На маяк светящий и зовущий

Через пропасти, болота вони топкой,
Через день и ночь, с дорогой и без тропки
Я спешу, бегу не уставая,
Чтоб скорей придти к тебе, родная.

А что потом?.. Допустим, все сложится хорошо. Она, наверное, захочет, чтобы они поженились. А как же тогда поступление в вуз?.. Ничего страшного, можно поступить на вечернее или заочное отделение, как Лыткин. Как было бы славно заниматься дома, рядом с любимым человеком, которого каждую минуту можно обнять. Потом попить чифирка и за книги. Можно не сомневаться, что любая наука полезет как по маслу. Она, конечно. Тоже куда-нибудь поступит, может быть даже вместе с ним. Вот только надо определиться, чем заниматься. Долгое время он думал, что его призвание биология, а теперь его влечет физика, особенно теоретическая. Приятно шевелить мозгами над проблемами микромира. И если что-то не дается сразу, так это нормально. С математикой пока все не так, как хочется, но дело двигается, а главное, желание огромное знать ее.

В прихожей раздается дружный гогот. Наверное, кто-то сальный анекдот вспомнил или случай из жизни, похожий на анекдот. Когда в мечтания врывается что-то внешнее из этого мира, то делается томно. Всегда это что-то грубое, дикое. Люди почему-то не склонны рассказывать о своих нежных ощущениях. Им кажется, что чем похабнее, тем интереснее. А может быть у них никогда не было нежности даже в юности?.. Иван вспоминает некоторых пацанов в своем городке. Выросли они в двухэтажных вонючих домах, в пьянствующих семьях и уже сызмала напоминали отродье. А сам-то он!.. Нет, он себя к отродью не относит. Скорее, наоборот, и раньше в нем было слишком даже много сентиментальности. Помнится, ему было интересно, плакал ли кто-нибудь, читая «Бедную Лизу» Карамзина. Оказалось, никто не плакал. А он плакал. Да только ли над «Бедной Лизой»!.. А сколько слез пролито под звучание музыки!.. Уж тут как будто нечему вызвать жалость или что-то подобное, а слезы текут. Правда, потом это ощущение забывается, и его сменяют совсем другие ощущения. И это всегда происходит при общении, когда не хочется показывать, что тебя трогают разные там тонкости. Мир груб и жесток, поэтому себя нужно представлять ему в той же манере. Не потому ли так приятно порой уединиться, чтобы побыть с самим собой!..

На свободе, конечно, люди разные, и они слагают различные слои. Там человек волен выбрать себе общество. Это здесь преобладает один сорт людей, потому и все общество кажется черным. Но все же и здесь встречаются приятные люди, равно как в вонючем болоте вдруг находятся прекрасные цветы. Сколько в мире противоречий!.. Не потому ли и в своей душе видишь то же самое. В нее незримо входит из окружения то, что оно содержит, и становится своим. Возвышающие импульсы сочетаются с низменными, потому и трудно разобраться в себе, часто приходит сожаление о том, что делал или говорил совсем недавно.

Каждый человек проходит свое развитие, начиная с чего-то одного, а становясь в конце концов совсем другим. Кажется, что и не было никогда того, начального. Все котята очень милые, пока не вырастают во взрослых кошек и тогда становится виден хищник, только у одного когти большие, выпускает он их быстро, чуть что. Другие как будто помягче и когти не спешат выпустить. Время воспитывает всех, и кошек и людей.

В письмах иногда видно, как изменились те, с кем Иван провел детство, и теперь они стали совсем другими, не такими, как казались раньше. Самое большое разочарование принесло письмо Валерки из армии. Иван и ранее старался не думать об их духовной близости. Ну, были они друзья с детства, много исходили лесных троп, много свершили общими усилиями. Но как-то так получалось, что инициатором природного бродяжничества был всегда Иван, а Валерка только сопровождал его. Правда, радости у них были общие, хотя Валерка не запоминал разных там птичек (очень уж их много) и Иван нередко возмущался, как это можно грача с вороной спутать.

По мере их взросления Валерка все реже отправлялся с Иваном на лесные прогулки, находя различные оправдания, хотя Иван видел, что он всего лишь боится запачкать свои узкие брюки.

С другой стороны, Иван подавлял свое недовольство приятелем, зная, что вечером они будут балдеть около радиоприемника, слушая «Би-Би-Си»; может быть Луи Армстронг отложит трубу и споет «Очи черные»; до чего здорово это у него получается!..

В последнее время Валерка и вовсе не хотел ходить в лес, осознав, наконец, что это не его стихия. Теперь у них остались общими только беспутные развлечения, держащиеся на многолетней связи. Они безжалостно убивали время, иногда даже удивляясь, что его так много, что некуда девать.

Узнав армейский адрес, Иван написал приятелю в своей теперешней тоскливо-философской манере. Ответ пришел быстро и с фотографией, с которой на Ивана смотрело как будто и знакомое и вместе с тем чужое лицо, хорошо упитанное и без малейшей мысли в глазах. Валерка писал, что удивлен настроением Ивана и совсем даже не ожидал от него ничего подобного, и на кой шут он взялся рассуждать о жизни, видно, делать ему нечего: жизнь это - джунгли и каждый продирается сквозь них волею судьбы, пока какой-нибудь более клыкастый не ухватит его за горло и не вырвет его. Наверное, Валерка прав, но как не хочется думать. что это так и есть. И откуда у него в армии мысли такие, словно в лагере?.. Видимо, не столь уж велико отличие. Вон же... торчат на вышках военнослужащие Советской Армии. Правда, слезет с вышки, может в бордель сходить, а здесь, как говорится. - только к Дуньке Кулаковой, это недалече.

Пройдет еще немало лет, прежде чем Валерка испустит дух, ставший насквозь винным. Клыки у него так и не вырастут. С легким юмором, слегка пошатываясь, он покинет этот мир без

сожаления, хотя и можно еще было бы скинуться на «фаустпатрон» бормотухи и посидеть с ним в садике Славы, нежно матерясь с компаньонами, нечаянно сделавшими лишний глоток.

Широка дорога в никуда, но и на ней нет-нет да и встретится знакомая рожа.

- Ну, что хорошего, дружище!..

- А-а, коммунисты обложились, сдали страну отрепью какому-то... ворам в законе. Между прочим, Пикса кончился от белой горячки а Гундоса юное поколение в Воняловке утопило поддатого, под мостиком нашли с презервативом вокруг уха. А Пикса в «рубашке» дуба дал; все черта норовил за хвост поймать, да так и сгорел рыжей злобой...

Припоминается Ивану почему-то, как во 2-ом или 3-ем классе Пикса и его обдавал своей рыжей яростью, трясясь в руках какого-то мужика. А потом вместе пили, пели, пока тюрьма не развела Однако парадокс. Кто не в тюрьму сел, того уж нет. Один только Лыткин роняет слезы в стакан по безвременно почившей дочке. Сколько ему еще подсаливать водку слезами, тряся седой бородой?..

Сам же Иван, как всегда, ушел от всего. В одиночестве прошла жизнь. Он думал, что вылез из Омута, как крокодил, царапая брюхо, но потом стало ясно, что ошибся. Из одного Омута он просто переполз в другой, называемый научным миром.

Прошли годы в жалком самоутверждении. Временами казалось, что совсем худо. Он пил чифирь и, наверное, поэтому избежал многих хворей. Но вот... и это время пришло. Сидит он с истерзанным сердцем - впереди третий инфаркт. «У большого окна моя жесткая койка, а вдали догорает багряный закат». Нет даже ван-гоговских строений и фигур. Все так банально. И все те, кто шли когда-то рядом, идут своей далекой задумчивой дорогой.

Прав был Хемингуэй: плохо, когда умирать больно, потому что боль унижает тебя. Когда в груди бушует адский пламень, для обозначения которого даже слова не придумали, кажется, что это Баба Яга топчет костлявыми ногами твое сердце и все тело корчится и содрогается. Откуда-то из глубины вырываются звуки, кажущиеся финальными, и за ними уже виден яркий свет. Там, наверное, все кончится и наступит тишина и вечный покой. Скорее бы добраться туда. Нет сил терпеть это топтание внутри себя и чей-то шепот: это тебе следующий Омут, барахтайся, может и вылезешь...

Проходят дни, как череда стандартных могильных крестов на организованном кладбище, где они стоят ровными рядами, и до некоторых пор никакие ветры и дожди не тревожат их. Только где-то внизу толстые могильные черви находят обильный стол и радуются жизни, сколь могут. Им не нужно взлетать в Космос и поглощать гармонию, чтобы упиваться чем-то таким, что не потрогаешь, не понюхаешь, не съешь... Потом черви съедят друг друга, и только прах будет попирать крест, напоминающий о том, что здесь зарыт человек, которому больше нечего было делать на Земле. Он поднял облако пыли и, глотая пылинки, кто-то вспомнит о нем, когдатошнем, может быть с сожалением, приязнью или враждебным чувством. Пройдут еще дни, и пыль развеется. Уйдет память о всех навсегда. Пусть говорят, что будет второе пришествие и мертвые восстанут на суд божий. Но зачем они Богу?.. Живые просто придумали сказку, чтобы им казалось, будто когда-то они еще понадобятся и дела их земные будут рассматриваться, словно в прокуратуре; будут ли они реабилитированы или останутся как есть. А если Всевышний их реабилитирует, то что покойному от этого? Может быть он снова окажется живым на Земле и снова потащится, поднимая пыль. Даст ли ему это радость, повторение все тех же жалких забот.

Зачем человеку дается инфаркт? Может быть, в последние дни он должен завершить то, что ему казалось важным, т.е. поднять больше пыли? Пусть ее глотают идущие следом, пока она свежая, пока есть кому поддержать тлеющий могильный крест, до которого никому другому нет никакого дела. И для этого Бог дал человеку частичку своего духа? Неужели он не мог со своим всесилием придумать что-нибудь иное? Зачем он наделил человека, которого, как уверяют, возлюбил, желанием жить, а не стремиться к смерти, чтобы уйти в мир, Богу только известный, и уж там возлюбить, а не на этих грязных дорогах, в вонючих помойках, ненависти и злобе среди себе подобных, в пустоте деяний, в глупости всего воспринимаемого, когда и красота земная остается непостижимой и заменяется пустыми хлопотами о куске хлеба, как самом нужном человеку в этом мире.

Однажды в столовую, где Иван занимался на скрипке, пришел какой-то сержант из охраны. Он сказал, что в детстве учился играть на скрипке и, узнав, что на зоне один любитель часто тренируется в столовой, решил попросить инструмент на пару дней. Иван дал ему скрипку, но

прошло три дня, а сержант не появлялся. Стало грустно. Если сержант унес скрипку совсем, то ничего нельзя сделать, тем более, что Иван не знает ни имени, ни фамилии сержанта. Однако на следующий день сержант с извинениями вернул скрипку в полном порядке.

Иван-валторнист пришел выяснить успехи и остался недоволен. Неровное звучание и частое спотыкание действуют на музыканта-профессионала так же как на чтеца-актера осваивание кем-то грамоты.

- Тебе нужно постоянно повторять в уме мелодию, на разводе ли, в лесу и где угодно!.. - опять разъяснял Иван-валторнист.

Последнее время он был раздражительный и жаловался на своих коллег по музыкальной комнате. Физиономия у него опухла. В лагерях понятия не имеют о витаминах и к концу зимы многие пухнут и чувствуют себя плохо, не зная отчего. Плохое состояние воспринимается однозначно как результат лагерной жизни, и кто там знает, что есть конкретные причины недомоганий. Если и обнаружится образованный человек, то что он может сделать?.. Сказать начальству?!. Что он в ответ услышит?!. Что-нибудь вроде того, что вы здесь не на курорте, чтобы вас витаминами кормить; работать надо лучше и не думать ни о чем. Разумеется, если загнется один или сотня, то замена найдется быстро.

* * *

Благополучно обернувшаяся судимость не оставила в душе Ивана опасения, что он может снова оказаться перед судом и уж тогда никаких поблажек ему не будет. Он был уверен, что судили его без вины и потому не посадили, а только припугнули на будущее. Но он не из пугливых. Последнее не соответствовало действительности. Он старался не вспоминать, как случалось лить слезы в милиции. Давно ведь это было. Он честно забыл свои ощущения в камере, когда отбывал 10 суток. Все реже его посещали мысли о природе, которая не так уж давно казалась ему чудным храмом, где в одиночестве живешь совсем другим и откуда жизнь в обществе видится жалкой и уродливой.

Теперь ему доставляло удовольствие изрядно выпить и изображать из себя лихого парня хоть куда. Как-то перед ночным дежурством зашел Алипука. Бабки дома не было, и Иван предложил деду попробовать бражку, которая уже дней 10 стоит на щите печки. Дед не возражал, и через час они опорожнили трехлитровую банку, после чего Иван с Алипукой отправились в кочегарку. Бабка встретилась по дороге. Иван ее шумно приветствовал, от радости завалившись вместе с приятелем в канаву.

- Матерь божия, на работу пошел! - ужаснулась бабка.

- Ничего, бабушка, отработаем с искрами! - ответствовал внук, вылезая весь в снегу из канавы.

Какой-то мужик около кочегарки, проходя мимо, сказал, что выпьют на рубль, а представляются на три. Иван пожалел, что нет с собой ножа. В кочегарке приятели пообщались с Васей, который послал Ивана в раздевалку отсыпаться полсмены.

По пьянке Иван вытворял иногда вызывающие действия, о которых сам впоследствии размышлял и недоумевал, зачем это ему понадобилось. Так, болтаясь однажды по улицам под изрядным шафе, он зашел в большой продуктовый магазин и, заметив, что в отделе с пирожками нет продавца, протянул руку, открыл чан с пирожками, вытащил один и, облокотясь о прилавок, принялся его тут же жевать. Хотя в магазине было немало людей, никто не подошел и не высказал распоясавшемуся болвану того, что следовало. В подобных случаях люди становятся слепы и глухи, подчиняясь принципу: не тронь дерьмо, не пахнет. И дерьмо растет и расползается.

Выйдя из магазина, Иван на миг ощутил досаду: ведь если бы кто-то в магазине встрял, он бы испугался, так как знал, что творит беззаконие, к тому же ничем не оправданное. Нередко ему казалось, что в нем, помимо его воли, прорастают какие-то изуверские начала, которым он подчиняется, хотя чувствует, что это противно его природе. Так размышляют все те, кому не чужд процесс самоосмысления, совершая непотребство. Обычно они гонят закравшиеся откуда-то мысли самокритического свойства, завидуя тем, кого подобные мысли никогда не посещают и их образ действий находится в полном соответствии с их внутренним миром, сколь бы гнусным он не был. Этим не нужно ни о чем сожалеть, в чем-то сомневаться. У них не бывает внутренней борьбы,

приводящей к упадкам. Это состояние Ивану давно знакомо, и он его попросту боится. Теперь он знает, как бороться с упадками. Не следует долго пребывать в одиночестве, это раз. Кого-то нужно найти, если кто-либо сам не приходит, и общаться на его уровне. Если это Шапик или Лыткин, нужно говорить о серьезных вещах, что совсем не плохо. Но еще лучше встретить знакомых шалопаев и дурачиться с ними или играть в карты, что дает возможность выигрыша. Второй способ избежать внутренней борьбы это - изрядно выпить и отправиться на поиски приключений, но ни в коем случае не застывать над стаканом, иначе еще хуже делается.

Как-то, уходя с танцев в клубе, Иван зашел в музыкальную комнату, где они с приятелями оставили свои пальто. У двери стоял раскрытый рояль, и в ожидании приятелей Иван сел за него и принялся подбирать знакомые мелодии. В комнату зашел музыкальный руководитель - красавец Юра, по которому сохли десятки девиц. Послушав Иваново дриньканье по клавишам, Юра вдруг предложил ему заняться серьезной работой, вот у них свободный кларнет имеется. Иван немедленно согласился и отправился домой с кларнетом в футляре. На следующий день Юра выдал ему чертеж аппликатуры кларнета, пояснил, как считать длительность звучания нот, и наказал, чтобы летом Иван сидел в оркестре на танцплощадке.

Теперь крысы, приходившие в кочегарку из соседних сараев, в изумлении поднимали морды, прислушиваясь к незнакомым звукам. Сначала дело шло плохо, но когда появилось ощущение трости и пошел нужный звук, осваивать инструмент стало приятнее. Однако крысы, а также и Вася предпочитали удалиться в раздевалку и тогда прерываемые «петухами» гаммы и непостижимые рулады вписывались в ровное гудение моторов, гнавших горячую воду в дома честных граждан. Разумеется, если являлись соглядатаи, то занятия откладывались для игры в секу. Играли честно, старательно перемешивая колоду карт. Сека - игра психологическая, и Иван редко бывал в проигрыше, уверенно «давая в гору», хотя очков кот наплакал. У Мумы он выиграл превосходный пушистый шарф, на что пошло два вечера. Кларнет оставался в футляре и в случае «командировки» в аптеку за чесночной настойкой или «Лесной водой», когда слесаря решали расслабиться после кропотливой работы по установке где-то унитаза или латания лопнувшей трубы. Иван героически глотал «молоко» разбавленной из-под крана «Лесной воды», но для своей нужды никогда не покупал этот напиток.

Однажды с получки он пришел домой с бутылкой «Охотничьей», но дед уже лежал чуть тепленький, навестив старинного дружка. Сели за стол с бабкой, которая после первой стопки, как всегда, ударилась в воспоминания. Иван любил ее слушать. Правда, она часто сетовала, что мать напрасно бросила отца Ивана, оттого и жизнь его непутевая. Иван возражал, что у всех жизнь непутевая, чего уж тут сожалеть. Так мир устроен.

Бабка выпила еще стопку, но от дальнейших повторений решительно отказалась. Скоро Иван нагрузился изрядно, тем более что «Охотничья» водка 56°. Потом он вознамерился идти на танцы, но бабка заявила, что никуда его не отпустит в таком виде. Они раскричались друг на друга так, что проснулся дед и поднял голову с мутными глазами.

- Пойду и не приду больше!.. - вспылил Иван.

Бабка разъяренно отступилась:

- Да катись ты хоть к чертовой матери, надоел уже до смерти!..

- Это я давно догадывался, что надоел, больше не буду вам в тягость!..

Иван достал из тумбочки свои ценности - две общие тетради с натуралистическими записями, сунул их за пазуху и ушел. В сарае он засунул тетради в щель под пол (а то еще залезут в сарай какие-нибудь гады и утащат его записи!) Потом он двинулся в клуб. На танцы его не пустил милиционер, пообещав «сдать». Иван походил вокруг клуба, вспоминая расположение окон. В конце концов он выдавил стекла в окне на сцену. Ничьего внимания звон стекла не привлек. Здесь был слишком темный угол, а внутри клуба своего шума было слишком много. Удачи, однако, не было. Протрепавшись со знакомыми, Иван уже протрезвел и выйдя из клуба вспомнил, что обещал бабке не возвращаться. Пошатавшись бессмысленно по улицам, решил все-таки идти домой. Это бабка, должно быть, спьяну сказала, что он им надоел.

Должно быть так и было, потому что стучать долго не пришлось. Бабка не спала и открыла дверь сразу. Она ничего не сказала. Дед лежал уже на своей подставке. Место Ивана было свободно.

С похмелья на катке поначалу не очень хорошо. Но скоро легкие прокачиваются свежим воздухом и общая атмосфера радости восстанавливает легкость. Киска, конечно, тут, оглядывает-

ся. Иван лихо подлетает и, сделав на полной скорости разворот, падает и добрых метров десять едет на брюхе. Киска смеется, спрашивая, не отбил ли он печенку. Потом они долго катаются, взявшись за руки. Теперь Киска охотно разговаривает и разрешает проводить ее домой. Стоять долго в подъезде она, однако, не намерена. Сходить в кино она, конечно, может, когда будет хороший фильм. Иван, однако, видит, что развивать отношения с ним она пока не склонна. «Маленькая еще», - думает он. Киска учится в 9-ом классе. По дороге домой Иван размышляет о своих чувствах. В сущности, Киска далека от его идеала. Просто смазливая девчонка и, как будто, глуповатая. И что он в ней нашел?.. Но как бы то ни было, похоже, что он в нее втюрился. Ведь он так много думает о ней, и когда приходит на каток, то сразу начинает ее разыскивать.

Запахло весной, и каток закрылся. Иногда Иван приходил к дому Киски и громко свистел под ее окном. За окном шевелилась штора, но никто не выходил. Пару раз Иван подстерег Киску на улице у ее дома. Она прогулялась с ним по улице, но от встречи завтра или послезавтра уклонилась, сказав, что когда-нибудь встретятся, городок маленький. Иван не мог понять свою зазнобу: то ли она хочет с ним ходить, то ли нет.

В железнодорожном клубе смотр художественной самодеятельности. Публика собралась приличная. В фойе прогуливаются интеллигентного облика мужчины и женщины. Не слышно матерных слов. Из зала доносятся отдельные звуки рояля и даже словно выхваченные откуда-то высокие голоса.

Около дверей курилки слоняются отроки, которым некуда себя деть; на потолок бы забраться, да никак. Они брезгливо поглядывают на степенную публику, в основном состоящую из родителей участников смотра, их наставников, родственников и знакомых. Публика поджидает конца бессмысленного толкания туда-сюда. Смотреть ей друг на друга неинтересно. Их волнует только выступление того, ради которого они здесь.

Звенит звонок. Все идут в зал. Гремят откидные стулья. Иван чувствует какую-то приподнятость обстановки. Он подсаживается к Котьке с Сережкой. Оба были некогда его приятелями, но это было давно. Сережа кончил музыкальную школу по классу фортепьяно. Иван спрашивает, может ли он, глядя на ноты, сразу играть, да еще и двумя руками, что всегда казалось ему невозможным, даже на гармошке.

Сережа степенно отвечает, что если вещь сложная, ее нужно сначала разобрать, потом разучить. Сережа вырос в длинного, стройного молодого человека. Он, не торопясь, перекладывает ногу на ногу. Какой-то бурный марш не производит впечатления. Трубят, правда, усердно, со множеством пассажей, но громкая музыка плавает где-то в высоте зала, и никому нет до нее дела. Иван пытается выяснить у Сережи тонкости игры на скрипке, но Сережа только усмехается: он не в курсе дела, скрипка - это так далеко от него, что и говорить не о чем. Иван думает, что, видимо, это не совсем так, потому что любую музыку что-то роднит, объединяет, а значит есть в ней такое общее, о чем можно говорить. Но Сережа держится отчужденно, да и Котька тоже, хотя виду не показывают. Они просто другие. Они выросли в других мирах. Но ведь и их семьи такие разные: разве можно сравнить отцов Котькиного и Сережиного. Первый ничего из себя не представляет, правда, водку не пьет, не курит, в общем, положительный тип, детей не бьет, матом не кроет (попробовал бы он Жору ударить, Жора размазал бы его по стене) Сережин отец совсем другой. В отличие от Котькиного он выглядит внушительно, ходит прямо, как жердь, и усы у него торчат, как щетки. Голос у Котькиного отца, как у накормленного кота, а у Сережкиного зычный, ровный, ему бы командовать, что он, видимо, и делает: открыть рот, закрыть рот, не хныкать, сейчас будет немного больно и сразу пройдет - тресть, и зуба нет! Сережкин отец улыбается: ну вот и все, а ты боялся!..

Сам Сережа тоже совсем не похож на Котьку и все же они словно родные, а Иван для них чужой, как бы он не пытался поговорить с ними о музыке. Эта отчужденность стоит между ними невидимой стенкой, и ничего не поделаешь. Сережа все объяснил Ивану, что думает о музыке, и вопросительно смотрит на него. Иван хотел бы и дальше сидеть рядом, но взгляд Сережи как бы говорит, что вопрос исчерпан, пора Ивану и отойти. Ничего сделать и не остается, хотя обидно, можно было бы еще побеседовать: вопросов у Ивана невпроворот, а отвечать на них некому. Однако Иван отходит и садится за соседний ряд, тем более, что Сережа и Котя разговаривают между собой.

На сцене появляются две девушки, и через несколько мгновений Иван зачарован. Сослепу он видит девушек на сцене только в общем: они похожи на какие-то воздушные пузыри в своих

марлевых одеждах, которые прильнули к роялю. «Слыхали ль вы?», и более низко - «Слыхали ль вы?» Их голоса сплетаются, расходятся и снова звучат как один или вторят друг другу наполовину. Иван растворился в звучании и ему бы хотелось так и остаться в нем. Марлевые девочки кланялись, кто-то жидко хлопал. Иван остался, как парализованный. Он смотрел на этих девочек и думал, что, наверное, такие должны быть ангелы, если они существуют. Ему не пришло в голову, что с этими девочками можно познакомиться как с обыкновенными земными существами, но ведь они могут воспарить над миром, а ты останешься тут, в пыли и во всевозможной грязи, в которой вывалялся. Пусть они и не подходят к нему, но только бы пели. Он мог бы слушать их откуда-нибудь из-за угла и растворять в себе эти божественные сочетания звуков. «Черт!..» - хлопают, надо было бы и ему похлопать. Сережа такой довольный, смотрит торжественно на Ивана и, должно быть, думает: «Вот дубина, даже не похлопал ради приличия».

Но тут Иван начинает думать, что эти божественные девочки почему-то быстро оказываются на земле и выходят замуж за какого-то охломона; проходит несколько лет, все наскучило, и растворилось божественное, словно и не было его никогда.

Но оно было. И кто-то будет помнить много десятилетий марлевые платьица и переливающиеся строфы Лизы и Полины: слыхали ль вы?.. слыхали ль вы?!. Много зла нейтрализуют эти строки, проносясь над Землей.

Охотясь за Киской, Иван несколько раз сталкивался с Женявым, который жил по соседству с Киской. Они и раньше были знакомы, но как-то не приходилось как следует поговорить. Теперь же они узнали друг друга, пока Иван высматривал, не появится ли Киска. Выяснилось, что их интересы весьма сходны. Оба собирались устроить какое-нибудь дельце. Женявый давно присматривался к сберкассе, но не мог придумать, как ее взять. Он рассказывал Ивану о своих прежних знакомых, кои в данный момент находились «в местах не столь отдаленных». Иван с завистью слушал, как Женявый сиживал в ресторане м каким-то Папашей и тот ему говорил: «Ты попей, попей!..» К сожалению, Папаша погорел на магазине.

Иван не мог похвастаться какими-то особыми делами, но предложил работать вместе. Теперь они встречались как соратники, вынашивая планы на лето. Около сарая на костерке они расплавили свинец и отлили кастеты. Оружие получилось увесистое и страшное. Таким кастетом можно было проломить череп быку.

В кочегарке с приходом весны работать стало проще. Меньше нужно угля кидать, коли на улице тепло. По-прежнему в кочегарку приходили разные алкаши попросить стакан, да тут и оставались распивать. Однажды ввалился уже крепко поддатый мужик. На его бутылку нашлось много желающих. За следующей бутылкой он отправился в сопровождении Ивана, который предупредил Васю, что может быть они и не вернутся в кочегарку. Вася сказал: «Делай».

После покупки бутылки Иван сказал мужику, что лучше пойти на соседнюю стройку, так как в кочегарке сейчас появятся слесаря и всем надо наливать. На стройке дома они расположились на какой-то лестнице, и Иван налил целый стакан, подставив его пьянчуге: «Давай!» Мужик не заставил себя упрашивать, хотя подавился на половине стакана. Сам Иван долго держал стакан у рта, а затем, выбрав момент, выплеснул его. После второй порции мужик начал валиться на бок. Выпрямляя его, Иван забрался к нему в карман, вытащил свернутые деньги и вскоре ушел. Денег было немного, и это раздосадовало. Стоило из-за такой жалкой добычи огород городить!.. Васе он выделил десятку, на три бутылки водки.

Вечером встретились с Женявым. Иван рассказал приятелю, что вот в этом строящемся доме он пытался очистить пьяного мужика, но у того ничего не оказалось. Из дома донеслись пьяные бредни. Приятели зашли в дом. Мужик сидел на прежнем месте и молол какую-то абракадабру.

- Ты, наверное, плохо искал, - сказал Женявый, - проверь еще раз...

Иван залез в карманы пиджака, потом в карманы брюк. Мужик вдруг протрезвел и начал с пониманием происходящего материться. Женявый легонько постучал ему по голове кастетом. В брюках пьяного нашлось несколько смятых рублей. Грабители купили бутылку водки, кусок колбасы, сходили в вокзальный буфет за стаканом и расположились в садике славы с братской могилой, на которой со времени конца войны стояла большая пятиконечная звезда. Этот садик всегда привлекал собутыльников всех мастей.

- Потихоньку надо работать, не зарываясь, - заключил Женявый и принял стакан, слегка морщась. Ивану всегда импонировала тихая сдержанность Женявого, который говорил тихо и ма-

ло, не размахивая руками. Но при этом казалось, что Женявый, если понадобится, пойдет и на мокруху.

Первомайские праздники проходили как-то буднично.Все приятели куда-то поисчезали. Иван строгал в сарае доску, думая, что предпринять. Появился Валерка, и заботы кончились. Скоро в кармане болталась «поллитра». Оприходовали ее в вокзальном туалете. Окосевшие друзья двинулись по столь изученному маршруту, и удача сопутствовала Ивану. Он увидел на другой стороне улицы Киску и поднял в знак приветствия руку. Киска ответила тем же со своей обычной формальной улыбкой.

- Ну, я похилял, - сказал Иван Валерке.

- Успеха! - пожелал приятель.

Киска была удивительно расположена. Она, разумеется, заметила состояние Ивана и нисколько не смутилась. Наоборот, ее это, как будто, воодушевило. Они ушли на пустынную улицу, несли всякий вздор друг другу и хохотали. В подъезде своего дома Киска позволила себя обнять и слегка сопротивлялась при попытке Ивана поцеловать ее. Изо рта ее крепко пахло гнилыми зубами, но, преодолевая отвращение, Иван поцеловал еще раз и еще. Он пробормотал что-то о своем счастье и был на седьмом небе, когда его поцеловала Киска. Однако на этом их сближение завершилось. На свидания Киска стала приходить со своей подругой, и они гуляли втроем. В присутствии подруги Киска чувствовала себя непринужденно. Вскоре Иван окончательно понял. что она глупа, но не придавал этому значения. Это была поверхностная влюбленность, которая не отражалась на его отношении к жизни и не вызывала в нем стремления к возвышенному. Киска удовлетворяла его потребность любить кого-то, но в данном случае это чувство в его душе располагалось где-то сбоку. Когда Иван общался с Эммой, у него не возникали желания очистить у кого-либо карманы или забраться в ларек. Но чувство к Киске эти желания не истребляло.

Женявый нашел какую-то девку и не появлялся, а Иван между тем приготовил взлом буфета в бане, отодвинув шпингалеты форточки в окне близ буфета. Валерка согласился на это дело. Поздним дождливым вечером приятели стояли под деревом около нужного окна. Улицы были пустынны. Иван протянул руку и тихонько толкнул форточку. Она подалась и открыла вторую форточку. Путь был открыт. Через три секунды Иван был внутри переднего помещения бани. Громыхнув железом подоконника, в форточку протиснулся Валерка, но застрял и долго искал, за что бы зацепиться. Наконец он спустился на пол. Иван тревожно выглянул в форточку, но на мокрых полутемных улицах не было ни души.

Дверь в буфет перекрывал мощный пробой с капитальным замком. Но они знали, что в бане никого нет и в помещении можно и громыхнуть. Иван сильно ударил по корпусу замка молотком, и замок открылся. Но оказался еще внутренний замок, который не выдержал нажима крепкой отверткой. В буфете царила теплая, слегка пряная атмосфера. При тусклом свете из окна приятели набивали кошелки конфетами, папиросами, печеньем, бутылками с лимонадом. Ничего стоящего в буфете не было, денег не оказалось.

- Хорошо бы бочку с пивом прихватить, - пошутил Валерка.

Они сходили к двери парикмахерской, которая очень плотно прилегала к косяку изнутри. Решив, что брать там нечего, они покинули баню через ту же форточку и, обогнув по улице квартал, чтобы не наследить, повернули в сарай. Дождик все так же тоскливо моросил, смывая запахи следов.

- Невместительную тару взяли, - рассудил Иван, оглядывая добычу и вспоминая сколько всего осталось в буфете.

Они попили лимонаду с печеньем, пососали шоколадные конфеты, покурили «Казбек». Потом отправились по домам.

Как-то среди бела дня к сараю подкатил на велосипеде Алипука.

- Вот, ты говорил, что педик надо бы заменить, получай!..

- Откуда угнал, - спросил Иван.

- От магазина на улице Культуры...

- Уверен, что тебя не приметили?..

- Б... буду!.. Я в окно видел, как хозяин педа прошел в дальний отдел, ну, я скок на пед и за угол, приехал дворами...

Иван завел велосипед в сарай и осмотрел его.

- Что ж, машина добрая, не заезженная...Фару надо снять, резинку на крыле отрезать, седло заменить, да и можно ездить...

Алипука был доволен - «сделал дело». Он хрупал вафли с конфетами из банного буфета и слушал инструкции Ивана, которые уже слышал - надо приглядывать, где что можно «сделать». Сквозь набитый рот Алипука сообщает, что в одном сарае у дома на улице Работниц хранится велосипед, но, кажется, старый. Они с Витей видели, как его загонял в сарай пацан.

- Так надо взять его на запчасти, - решает Иван.

Через пару дней Алипука приходит с Витей и, дождавшись ночи, они идут с Иваном к сараю с велосипедом. Окна дома рядом темны, там все спят. Замок на дверях приличный, но пробой держится слабо. Иван без треска отжимает его фомкой и входит в сарай. Велосипед прислонен к поленнице дров. Одно колесо спущено. Ну, ничего!.. Иван выводит велосипед, и приятели уходят через проход между сараями. Велосипед, конечно, не блеск, но сойдет.

Проверяя подвальные сараи с Валеркой, Иван находит еще один велосипед, на котором приятели и уезжают прямо от подъезда дома. Вечерами, кое-как натянув голубые брюки в обтяжку, и в ярко красной с желтыми цветами рубахе навыпуск Иван отправлялся искать Тань. Обычно они прогуливались по одной улице и, лишь встретившись с Иваном, делали круги по городку. Однажды вызывальщица машинистов, известная в городке как Маша-курилка, заезженная вдоль и поперек в былые годы паровозным депо, встретив Ивана с подружками, сипло расхохоталась:

- Б..., какой лыцарь!..

- Ну ты, курилка, канай себе!.. - прикрикнул Иван.

Начала работать танцплощадка, и подруги весьма регулярно ее посещали. Ивану приходилось отправляться следом за ними, чтобы потом вместе возвращаться домой. Танцевать он так и не научился и всегда испытывал напряжение, если доводилось. Лишь когда удавалось «принять за воротник» он чувствовал себя увереннее, однако, Тани со смехом от него шарахались.

Женявый познакомил Ивана со своей подругой, которая Ивану очень не понравилась. «Шлюмо какая-то, а впрочем Женявому такая и нужна была», - думал он.

Когда появилась Света и Иван увидел ее на танцах, то он решил к ней не подходить, тем более, что Света явно давала ему знать, что не нуждается в его обществе. Однако, когда обе Тани не пришли на танцплощадку, Иван подошел к Свете. Они вместе шли домой, а когда заморосил дождик, укрылись в подъезде подвернувшегося дома. Тут Иван обнаружил под юбкой колокольчиком, которая так украшала Свету, еще одну юбку, накрахмаленную. Они вспомнили былые утехи под шелест нижней юбки, но сразу по благополучному завершению акта Иван ощутил брезгливость. Он прижался лбом к холодному стеклу окна.

- Боже, если бы об этом знала Киска!..

Света резко развернулась, и по лестнице застучали ее каблучки. Из окна Иван проводил ее глазами и, зло плюнув, пошел домой.

Следующий вечер был посвящен попытке взять кассу на лесопильном заводе, где Иван отлично знал расположение помещений в конторе. Однако оказалось, что сторож сидит в этой самой конторе и не намерен куда-либо отлучаться. Друзья сели на велосипеды и отчалили. На насыпной дороге стоял грузовик. Пьяный шофер спал на руле. Иван осторожно снял с его руки часы, прихватил добротную шляпу. Женявый нетерпеливо поджидал поодаль. «Не подстраховывал», - отметил про себя Иван, разочаровываясь в Женявом, однако, «воровская удача» заглушила мысль о нелояльном поведении приятеля.

Они прокатили по городу, наслаждаясь белой ночью и разглядывая возможные объекты работы.

- На стадионе ларек совсем не видный и замочек - плюнуть, - сказал Иван.

- Давай завтра, сегодня спать охота, - ответил Женявый.

На следующий день поздно вечером раздался шорох велосипедных шин. Женявый подъехал в шляпе и небрежно соскочил с велосипеда. Часа два они ждали, лениво переговариваясь. Наконец, час настал. Иван закрепил на багажнике сумку с фомкой, одел шляпу и ощутил душевный подъем. Шли на дело, пусть и не великое, но дело воровское. На колесах они не боялись наследить и отправились напрямик. Ларек за глухим высоким забором. Его видно только из окон клуба, но клуб заперт.

Одно движение фомкой и замок отлетел. Отжатие двери той же фомкой и язычок внутреннего замка выскочил. Женявый в воротах стадиона на шухере. Иван махнул ему рукой. Снова

пахнуло спертым пряным запахом. И снова конфеты, печенье, папиросы, а денег нет. Но дело ведь не в богатстве добычи, а в самом факте происходящего. Учащенно бьется сердце, как на пробежке или при слушании захватывающей музыки, слегка дрожат руки, остро хватают глаза и напряжен слух, словно у охотника за рябчиком, который взлетел с земли и сел где-то тут на дерево. Женявый лезет на верхние полки, роняя какие-то пачки. Ну, ладно, о'кей!.. Они приторочивают сумки к багажникам, выглядывают из ворот на улицу. Тихо. Погнали!

В сарае Иван оборудовал себе нижние нары, где и спит теперь. Верхние нары заняты разобранными велосипедами, да и девочка туда не может залезть. А тут угол долго занятый кухонным столом освободился. Захар купил по дешевке и стол. Теперь постель внизу и ждет жертв. Правда, кроме Светы пока еще никто в ней не побывал, но все впереди. С Киской как будто покончено. Она, можно сказать, передала Ивана маленькой Тане, хотя потом сделала обиженную морду. Однако Таня сказала, что это она так, играет, а на самом деле она всегда насмехается над Иваном, когда его нет рядом. Ну и черт с ней! Таня такая миленькая девочка! Как она смущается, если Иван говорит о чем-то полудозволенном. Однако в кино она позволила взять ее руку, которую Иван и продержал весь сеанс, с неприязнью ощущая мерзостный запах от своих модных белых носков. Как жаль, что сейчас не старые времена рыцарей, когда дама была неким символом возвышенных мужских чувств. Если бы эти времена вернулись, то для Ивана такой бы дамой стала Таня. Уж он не стремился бы затащить ее в кустики, для этого есть Света. А впрочем, причем здесь старые времена, если он и теперь смотрит на нее по-рыцарски, разве что иногда с иронией по поводу ее детскости. Да и на божественную деву она не тянет.

В одиночестве Ивана нередко одолевает тоска. Как-то он долго читал свой прежний натуралистический дневник. Прошло уже три года, как он забросил этот дневник, хотя кое-что он мог бы за это время внести, так как были сделаны интересные наблюдения. Он вспомнил, как забирался на крышу одного дома по пожарной лестнице и смотрел в гнездо галок в дымовой трубе, ждал, когда они начнут откладывать яйца. Как-то полупьяный мужик пристал к нему, зачем, дескать, он шарит по крыше. Иван пытался растолковать ему про гнездо, держась от мужика на расстоянии. Но тот настойчиво приближался и вдруг бросился вперед и схватил Ивана за длинные волосы: «Я тебе покажу галок!» Иван схватил мужика за щапястья, ударил его ногой в потайное место, и когда мужик, охнув, отпустил волосы, Иван врезал ему с такой силой, что чуть не вывихнул кулак. Завопили бабы у подъезда, и Иван во избежание лишнего шума убежал. Хотя это случилось довольно далеко от его дома, кто-то там его знал. Прошло некоторое время и пришла повестка: явиться к Зарубину, т.е. начальнику угрозыска. Иван явился. Зарубин показал ему заявление, где было написано, что такого-то числа Иван вступил в драку с жителем таким-то такого-то дома и нанес ему по голове удар бритвой. Иван рассказал, как было дело. Зарубин усмехнулся загадочно и словно бы одобрительно.

- Ладно, из-за этого мы не будем на тебя дело заводить. А помню, ведь я прошлым летом приходил к тебе в сарай, да только тебя не было там. Но что меня изумило, так это то, что из собачьей будки вышли две галки, увидели меня, испугались и бросились обратно...

- А что вам у меня понадобилось-то?..

- Да пишут все заявления, надо же проверять!.. А у тебя рыльце-то давно в пушку!.. Ладно, иди!.. Смотри не попадайся!..

Иван листает дневник и припоминает прежние радости. Куда это все делось?.. На пустых страницах в конце тетради он силится воспроизвести что-то из более поздних натуралистических наблюдений, но сбивается на общую жизнь, в которой он занимается чем угодно, а зимой чуть не угодил за решетку. Теперь не работает, провались земля и небо!.. И да простит меня тот Иван, каким я раньше был - завершает он свои излияния. Ему искренне казалось, что он был совсем другим, но это не подтвердила бы ни одна живая душа. Просто в нем, помимо заметного окружению внешнего, было нечто внутреннее, которое теперь то ли умерло, то ли ушло в подполье.

~ 50 ~

И с отвращением читая жизнь мою
Я трепещу и проклинаю
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

(А.С. Пушкин)

В нашем сознании помимо различных знаний, накопленных при специальном обучнеии, немало такого, что пришло словно бы ниоткуда. На самом деле это знание нашего народа. Много мудрых мыслей циркулирует в народном сознании. Прошлый опыт отдельных личностей обобщается, приобретает философскую окраску, становится основой пословиц и поговорок. «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». В самом деле, живет себе человек установившимся порядком, к которому он привык, и сама эта привычка есть залог его благоденствия. Но наступает миг, который сразу переворачивает все привычное, ломает все установившееся. Так землетрясение, наполнив ужасом души, перестраивает привычный лик местности, в которой исчезает что-то прежде бывшее жизненно необходимым. Вчера еще жизнь текла обычным порядком и ничто не предвещало крутого поворота, а сегодня - отделение реанимации и «у большого окна моя жесткая койка, а вдали догорает багряный закат». Вьются по телу провода от присосок и бежит на экране монитора непрерывная кривая сердечных импульсов. Свисает со штанги шланг капельницы, сжившийся катетером с кровеносной системой. Капля за каплей уходит в тело чья-то кровь, а потом плазма, глюкоза. Никто в мире не знал, что совсем недавно из стенки желудка сочилась кровь и по капле уходила из организма, пока он не ослабел настолько, что стало ясно - смерть пришла. И вот... за окном какая-то крутая кровля спускается к пыльным кронам тополей, сквозь которые вечером просвечивают квадраты окон. Никто не смотрит оттуда на окна отделения реанимации. У них много более интересных объектов и, наверное, нет тоски внезапно поверженного человека.

Поутру белеют края бахромчатых облаков и за деревьями неприметны окна. Лишь край ржавой крыши виден над громадными кронами. И снова капля за каплей уходит кровь из мертвого мешка и становится живой в теле, возмещая те два литра, что потеряны. Тянутся минуты, часы. Господи, какая долгая жизнь! Теперь смерть ушла и притаилась где-нибудь за углом. Но все равно что-то изменилось. Очистился мир от броуновского движения черных мух, но заткались вуалью печали былые желания. Тщета была в них и самость. Теперь все смотрится по-другому. Прошлое осталось как будто за стеклом и пришло новое ощущение. Когда появляются давно известные люди и вещи, на них светится все та же вуаль печали. Они молчат, когда говорят, и говорят, когда молчат. Незримая эманация выплывает из зримого и шепчет прямо в сердце сокровенное. Никто не должен знать то, что сообщается. И свое видится за ушедшими горизонтами. Вуаль печали сглаживает резкие повороты, торчащие углы. Да было, было! Вот оно, но теперь в ином свете! На дне реки забвения. Люди тебя погубили и спасли. Ты прошел круги ада. Теперь испей росы с алхимиллы и иди своей дорогой, закрывшись вуалью.

Пройдет время, и сгладится теперешняя острота ситуации. Ведь были уже не раз повороты судьбы к смерти, но каждый раз дело ограничивалось холодным дуновением и прожигающей мыслью: все!.. Однако за поворотом к концу оказывался маленький отворот вбок, и тропинка жизни тянулась мимо жгучего тупика, а вскоре выводила снова на широкую трассу, ведущую за горизонт, в неизвестность. В свете полыхающего заката можно было сходить на местное кладбище и посмотреть на место, где сейчас уже могла бы быть твоя могила. Но судьба повела дальше, сделав в жизни запятую.

И когда дело подойдет к точке, то и тогда будет надежда, что это - только запятая. Лишь появление мрачного Харона, предлагающего место в своей ладье, покажет, что земные радости и горести остались позади и на том берегу их не останется в памяти.

«Земля, тебя вскормившая, взывает,
чтоб ты в нее скорее возвратился
и потерял обличье человека...
Особую свою закончив жизнь,
с природой вновь сольешься воедино
и станешь братом ты бесчувственному камню,
и в прах вернешься...
И в прах вернешься, чтобы парень деревенский
тебя топтал ногами и землю ту,
с которой ты смешался, взрывал сохой.
Могучий дуб пронзит корнями то,

что было оболочкою твоею. Но знай,
ты не останешься один и там,
где ждет тебя приют и вечный отдых...»

Величественные строфы «Танатопсиса» Брайэнта возвещают, что и после точки в этой жизни есть судьба и дух наш, объятый вечностью, уже не будут терзать заботы о неисповедимости судьбы и ее запятых- предвестников точки.

* * *

Наконец-то стал известен день, на который назначен суд по условно-досрочному освобождению. Ждать осталось недолго, но теперь казалось, что время не движется. Хотя Иван посещал школу, он ничего там не слышал и делал это только для порядка, чтобы не было какого-либо нарекания. Все равно, если его освободят, то 10-ый класс здесь он не кончит, а не освободят, то неизвестно. что будет. В тайге его теперь нервировало, когда бригада полдня проводила у костра. Он готов был работать без отдыха, чтобы отрядный на суде мог сказать, что он был добросовестный работник. Но ведь не будешь работать, если вся бригада греется и даже бугор не волнуется, что работа стоит. А морозы кончились, воздух часто теплый и мягкий. Снег быстро оседает. На нем появляется всякая шелуха, которую за зиму насыпал ветер.

Заниматься на скрипке Иван бросил. Читать не хочется, вернее, чтение не воспринимается. От чифиря, правда, когда предложили, не отказался.

Решающий день начался буднично, но троим из бригады дорожников не нужно было выходить на развод. В 10 часов суд начал работу. Представленные сидели в первом ряду. Сначала рассматривались один за другим двое лесоповальщиков. Их отрядный майор очень хорошо характеризовал обоих. Они горячо заверили суд, что никогда больше не совершат преступлений, и суд, без особых раздумий, вынес решение об освобождении. Прокурор был не против. Судья с протезной рукой произвел на Ивана благоприятное впечатление своей степенностью и какой-то глубинной внушительностью. Внезапно он услышал свою фамилию и встал. Судья, народные заседатели и прокурор внимательно посмотрели на Ивана. Слово дали отрядному. Тот сказал, что Иван замечаний за весь срок не имеет, закончил 8-ой и 9-ый классы школы и теперь учится в 10-ом. В отношении работы, тут отрядный слегка замялся и сказал, что бригада вообще-то сачковатая, но от подсудимого это не зависит.

- Ну, что скажете, гражданин Маккавеев, - судья бесстрастно смотрел на Ивана.

По спине у того стекла струйка, за ней другая.

- Я в полной мере осознал никчемность прошлой жизни и отбытого заключения мне хватило с избытком. Теперь у меня одно желание - получить образование и заниматься в науке...

Прокурор поднял голову:

- А почему у вас на деле красная полоса?..

В глазах у Ивана потемнело. Он уже и сам забыл про эту полосу, но она не исчезла. Но надо же говорить!..

- Это еще в тюрьме я с отчаянья сказал что-то матери на свидании, но никаких попыток к бегству у меня не было... Последние месяцы я работал в бригаде с ослабленным конвоем!..

Он задохнулся и замолк, теребя шапку. Судья склонился к одному заседателю; тот кивнул. Второй тоже кивнул.

- Поверим вам еще раз... Именем Союза...

Дальше Иван уже не слышал. Кровь бросилась ему в голову и уши заложило, как у токующего глухаря. Свобода!!! Глаза заволокло. Он едва пробормотал:

- Благодарю вас, я оправдаю доверие...

Слегка покачнувшись он вышел в проход между стульями и покинул маленький зал. Спина и зад были мокрые и захолодили. В висках стучало. Он пошел в барак. Шнырь Федя мел кубрик.

- Федя, свобода!..

- Поздравляю!..

Иван бросился на койку, но лежать не мог. Вышел в прихожую, закурил. В голове совсем загудело. Он подумал, что если бы не освободили, то, наверное, точно также все внутри ходило бы

ходуном. Как здорово!.. И никакой ссылки! Правда, теперь у него будет 101-ый км, но ведь их городок как раз подходит под эту категорию. Свою ошибку спецчасть так и не обнаружила, ну, это и естественно. Что ж, они снова перебирали дела, что ли?.. Раз сделали, так и осталось, а теперь можно не бояться, суд постановил!

Появились собригадники. Вид у них был понурый - не освободили. Но у соседа сверху и всего-то год, так что до звонка осталось три месяца. А у Николая, который жену душил своими газами, как и у Ивана, еще впереди солидно - 2 года.

Николай матерился, что есть мочи. Так случилось, что из их бригады перед судом первым предстал Иван и суд не обратил особого внимания на слова отрядного о сачковатости бригады. Рыжего с верхней над Иваном койки не освободили оттого, что у него морда неприятная, да и срок мизерный. А уж когда суд услышал, что и Николай из этой же бригады сачков, то, хотя у него и не было постановлений, его «кинули». Иван вспомнил слова Бориса в лагере под Питером: «Уйдешь раньше». Значит, он все-таки был ясновидцем; интересно, где он теперь. Уж ему-то досрочное не светит: 117-ая статья - звонковая.

Надо собирать вещички. Это, конечно, условно говоря, но все же. Книг накопился большой чемодан, а ведь уезжал из-под Питера с небольшим, собственного изготовления в столярке. Обменял на большой одному освободившемуся. Жалко было расставаться со своим памятным изделием, да что поделаешь. Иван перебирает книги, половина которых еще не прочитана. Одних только лыткинских книг целая стопа. Эти прочитаны, и Лыткин их получит. Стопа книг на английском языке - это новые ватные штаны. И еще разные обмены, присылки. Чемодан увесистый, придется на плече нести, да еще футляр со скрипкой.

В лагерной каптерке освободившиеся получают новые х/б и ватники. Это кстати, а то страшно в поезд садиться в засаленном ватнике.

В назначенный час освобожденные собираются на вахте. Небольшая радостная перекличка, и дверь распахивается. Впереди идет надзиратель, за ним тянутся освобожденные. Это еще не свобода, они идут в пересыльную тюрьму, где пробудут пару дней, пока им оформят документы и закроют их дела. Надзиратель не оглядывается. Он знает, что побега не может быть. Иван тащится последний. Чемодан оказался не просто тяжелым, а дьявольски тяжелым, и держать его на плече одной рукой неудобно. Пересылка оказалась довольно далеко. Как обычно, их встречают персонально, вызывая по одному. Устраивают весьма беглый шмон, и новый надзиратель ведет группу по двору, с трех сторон охваченному сплошным одноэтажным зданием с решетками на окнах. На противоположной стороне двора женщины зэчки гребут снег. Они прекращают работу и смотрят на идущих. Одна молодка сально улыбается, показывая фиксы. Идущий рядом с Иваном незнакомый мужик плюется: «Коблы падлючие!»

Прибывшие располагаются в обширном помещении. Из него можно выходить в коридор, где туалет, но на улицу дверь закрывается. В кубрике, правда, есть где разгуляться, чем большинство и занимается, обдумывая, что будут делать на свободе. Среди мужичья выделяется плотный мужчина лет 35 в отличном сером костюме. Он из какой-то другой зоны, явно пахан. Кто бы стал трепать хороший костюм в тюремной серости и грязи?!. А эти господа вещи в карты выигрывают. Но может быть этот просто соскучился по вольной одежде, пролежавшей годы в каптерке. При очередном пересечении маршрутов костюм притормаживает Ивана.

- Ты с пятерки?..

- Нет, с тройки...

- А Шалого не знал, он там?..

- Нет, не знал... А впрочем, слышал, кажется, его еще осенью в бур отправили...

- Бедняга, загнулся, поди, в буре зимой, здоровьица-то мало было... Сам-то сколько отслужил?..

- Трояк...

- Ну, это - разминка, я вот червонец положил, половину в крытке!..

Костюм двинулся своим маршрутом, Иван своим, размышляя, что червонец он, пожалуй, не потянул бы, да еще и 5 лет в крытой, добро б еще в одиночке, но теперь экономят место и в камерах крытки, говорят, набито, как килек в банке. Однако невозможно сказать, что было бы если бы!.. Как бы то ни было, никуда не денешься, время идет и идет. Когда-то он думал, что и три года не выдержит, а вот они уже и позади. Не освободил бы суд, и еще бы два года прошли, и может быть ничего не случилось бы. Хотя, как знать. Иван вспоминает, как рубил себе ногу. Потом он

узнал, что это дело опасное: определят, что это самокалечение и еще срок накинут. А ведь как только люди не уродуют себя. Отрубить себе палец считается самой легкой процедурой, особенно если на морозе помочиться на него. Известны случаи, когда зэк отрубал себе 4 пальца, подморозив их. Другие курят чай, и это затемняет легкие, есть надежда, что отправят к тубикам, а там легче. Сделать большую язву на боку очень просто: Потереть кожу ластиком и привязать на ночь соль. Потом можно еще чего-нибудь добавить, чтобы загнило. В Газах такой встречался, обучил. Громадная язва у него и в больнице не заживала, и он радовался тому, что еще не скоро выпишут.

На следующий день выпустили во двор на прогулку. Зэчки снова разгребали снег. Фиксатая что-то крикнула. Вчерашний мужик теперь уже громко произнес: коблиха. В ответ донеслось: «Ах ты, пидар сопливый, иди сюда, я тебя разуделаю!..» Надзиратель прикрикнул на обе стороны. Бабочка, однако, не на шутку разошлась, и мусор загнал ее в корпус отдышаться.

- Хороша газель, а; - остановился около Ивана костюм, теперь прикрытый ватником.

- На воле таких газелей до Москвы раком не переставишь, - отвечал Иван, вспоминая родной городок.

- Да, обнищал народ, в прошлом веке было не так, - философски заметил костюм.

- А ты что, в прошлом веке бывал, - удивился Иван.

- В крытке гору книг прочитал...

Иван размышляет, что он такое мог читать, чтобы думать, будто в прошлом веке народ был не такой, как теперь. Наверное, Л.Н. Толстого прочитал, Гончарова, но не Глеба Успенского, Достоевского или Некрасова «Назови мне такую обитель». А впрочем, он, вероятно, имеет в виду другое - мироощущение людей, ведь тогда большинство верило в Бога и это как-то сдерживало многих и даже душу возвышало независимо от нищеты. И все же народ писатели прошлого знали плохо, как и нынешние. Другое дело, что человеку из народа про народ и читать-то неинтересно, а про светскую жизнь интересно, ведь это незнакомо. Да и многие ли из народа читают?.. Нужно им это чтение, как прошлогодний снег. А уж если читают, то что-нибудь такое, от чего челюсти сводит, и довольны. Столько всякого хлама напечатано, что просто удивительно: для народа. Еще Л.Н. Толстой начал эту писанину, полагая, что делает доброе дело, а «Анна Каренина» это для интеллигентов. Сколько великий граф написал неинтересного для народа, пользуясь простым языком и обнажая смысл до предела. Не знал он народной души, хотя, наверное, качество деревенских девиц усвоил хорошо. Одному Богу известно, сколько он их перепортил: барин ведь, поди не уступи!.. Всех, много грешивших в молодости, в старости терзает совесть, и они стараются как только можно искупить грехи и забыть о том, что было. И это получается. Лишь временами являются забытые тени и тревожат. А потом, глядишь. Бывший великий грешник становится святым, как Владимир, крестивший Русь. По молодости наложниц имел сотнями, а как истощился от такой непомерной работы, так и вспомнил о вере своей бабки Ольги, решив сделать ее государственной. Была бы бабка католичка, и на Руси бы развернулось католичество, но святым Владимира все равно бы сделали, забыв о грехах его молодости. Ведь сколько людей нашли выгодную отраду в служении Богу.

Каждый день тюрьму покидало с десяток человек. В окно было видно, что несколько минут они толпились перед проходной вахты, по одному исчезая в дверях.

На третий день был зачитан большой список, кому выходить. Теперь пошел и Иван, сгибаясь под своим чемоданом. В проходной совершалась будничная для одних и торжественная для других процедура. Каждый получал паспорт, справку об освобождении, билет на поезд и деньги, которые имелись на личном счете. Иван с удивлением узнал, что на его счете была весьма немалая сумма, хотя в магазине зоны его давно уверили, что денег у него нет. Тем лучше. И вот настал долгожданный миг. Иван толкнул дверь на свободу и тюрьма осталась позади. Он поставил на снег чемодан и выпрямился, оглядывая окрестности. Теперь можно было идти куда угодно. Однако надо было на вокзал. Бросив окурок, он взвалил чемодан на плечо, подхватил подмышку скрипку и пошел по тропе. Раза два он оступался с тропы и проваливался в снег. Тогда чемодан увлекал его в сторону и, чертыхаясь, Иван вылезал на тропу и вновь взваливал чемодан на плечо.

Его обогнали коллеги. Один предложил поднести до вокзала футляр со скрипкой. Но Иван не решился отдать скрипку в неизвестность, хотя бы и на полчаса. Ощущение свободы придавало силы, а заодно и сглаживалось увесистым чемоданом, чтобы не сожгло это ощущение душу.

В зале ожидания бродили знакомые фигуры. Они сразу узнавались о ватникам и шапкам, а если шапка снята, то по стриженой голове. Через раскрытые двери буфета тоже виднелись «свои».

Костюм махнул рукой Ивану, приглашая присоединиться. На столе стояла уже пустая бутылка водки, начинали вторую. Ивану плюхнули полстакана, сунули бутерброд с колбасой. Через пару минут он почувствовал, что «дошло». «Ишь, секут!» - кивнул здоровый малый в сторону дверей. Там за пустым столиком сидели трое в штатском, поглядывая на пирующих. До поезда оставалось больше часа. Еще не раз налили и выпили за свободу.

Вокзальные сыщики с облегчением вздохнули, когда галдящие бритоголовые, покачиваясь, забирались в вагоны, похоже, не украв ни одного чемодана, никого не избив. Места у всех оказались в разных вагонах, и Иван остался лишь с тихим Алешей, который совсем не пил и теперь сидел и заинтересованно смотрел в окно. Внезапно появился Костюм, который сказал, что надо поддержать мазу, там мусора тянут. Иван с Алешей встали и пошли за ним, но вскоре Иван увидел, что Алеша вернулся на свое место. Солдаты - лагерные охранники - встретились в тамбуре. Они было надвинулись на Костюм, но тут выступил Иван и, видя что их всего двое, а солдат человек шесть и, к тому же, в основном чурки, начал их увещевать, что Костюм отволок червонец и что они от него хотят?.. Солдаты переключились на Ивана, а Костюм спокойно двинулся дальше, хлопнув дверью тамбура.

- Ну, этого-то мы выкинем!.. - провозгласил оскалившийся чурка, - открывай дверь!..

Пахнуло холодом. Кто-то двинул Ивана по голове через головы других. Дело принимало серьезный оборот. Хотя солдаты тоже были пьяные, Иван чувствовал, что он уже на самом краю тамбура и ему отрывают пальцы, которыми он уцепился за открытую дверь вагона.

- Не надо!.. - крикнул он, но в ответ раздались лишь злобное пыхтение и рык. Оставались секунды, и Иван вылетел бы на полном ходу поезда, не доехав до дому. Вдруг нажим и удары прекратились. Иван втянулся поглубже в тамбур. Его загораживала фигура офицера, которому самый ярый чурка говорил:

- Да что там, лейтенант, выкинули бы и дело с концом... до чего, твари, надоели за службу!..

Лейтенант, видимо только что вышедший покурить, молчал. Чурка снова протянул руку к Ивану, но лейтенант отодвинул ее:

- Отставить!.. Идите по местам!..

Солдаты ушли в вагон. Протрезвевший Иван поблагодарил лейтенанта и пошел в другую сторону.

- Не шляйся по составу. - напутствовал его лейтенант, - этим ведь ничего не стоит выбросить, твое счастье, что я вышел и они меня знают...

Алеша все так же глядел в окно. Иван сел на лавку рядом. Напротив сидели какие-то сельские бабы. Некотрое время иван сидел ошеломленный и вдруг разрыдался, закрыв лицо руками.

- Ну ладно, чего уж теперь, все позади, - участливо говорили бабы. Алеша взял стакан и сходил в туалет за водой. Иван застучал зубами о стакан и затих.

Костюма они больше не видели. Вечером на какой-то станции поезд стоял долго. Иван зашел в буфет и увидел лимоны. Рот заполнился слюной. Он купил пару лимонов и тут же съел один целиком, не морщась.

Спать совсем не хотелось. Глубокой ночью или под утро поезд надолго остановился в Вологде. Иван прогулялся по пустым привокзальным улицам. Внезапно в черноте ночи перед ним возник собор. Его купола, подсвеченные луной, золотились. Как зачарованный, Иван смотрел на купола, потом оглянулся и перекрестился. Он вспомнил сон с таинственным могучим голосом, сказавшим несколько слов, которые он забыл. То было два с половиной года назад, но как будто вчера.

Под утро Иван заснул. Щемящее ощущение, к которому он привык, заволокло сон. Метались ватники, сверкнул прожигающий луч прожектора, басовито лаяли собаки, гудел хор каких-то грубых голосов, и вдруг на снегу показалась Таня в белом летнем платьице. Иван дернулся к ней, но увидел, что это вовсе не Таня, а лишь похожая на нее девушка. Но разве ей не холодно?.. Она уходила между огромными елками с заваленными снегом ветвями. Мечущиеся ватники ее почему-то не видели. «Мальчик, возьми топор!» - услышал он хриплый голос сзади. В тот же миг сзади на него бросается собака. Иван резко поворачивается и что есть сил бьет ее ногой в пах. От боли он проснулся. Вместо собачьего паха он врезал ногой в стенку. Пальцы на ноге заныли. «Черт, еще не хватало палец сломать перед домом!», - он подтянул ногу и массировал пальцы. Напротив, скрючившись, со стонами спал Алеша. Иван протянул руку и потыкал его слегка в плечо:

- Леха, не смотри сон!..

Алеша резко поднялся: «А что?» В глазах его был страх. Несколько секунд он ошалело смотрел на Ивана, и тут до него дошло, что они в поезде, едут домой.

- Плохой сон смотрел, - сказал за него Иван, - я вот тоже от собаки отмахивался, ногу зашиб... Рад, что проснулся...

Алеша кисло улыбнулся:

- Как же, отмахнешься от этих собак!.. Давай поедим, у меня тут пирожки с мясом... бутылка с лимонадом...

Они жевали пирожки и передавали друг другу бутылку. Перестук колес навевал покой. Потом Иван спустился на пол сходить покурить. Огромная задница укрытой бабы возвышалась, как гора. За окном серело. Скоро рассвет. Иван прижался лбом к стеклу. Мелькали какие-то неопределенные силуэты, огни полустанков, темные домишки. Хлопнула дверь. Алеша, хоть и не курит, пришел постоять.

- Тебя будут встречать?..

- Нет, я не сообщал, приду неожиданно...

- А я телеграмму дал, потому и не пошел вчера с вами, а тебе-то на кой хрен надо было за этим обормотом тащиться?..

- Дурацкая солидарность... едва не поплатился за нее... там кодла пьяных чурок была, а этот мордоворот смылся, оставив меня разбираться...

- Я этих гадов всю жизнь помнить буду!..

Алеша вспомнил, как в соседней зоне чурка вызвался проводить его до своей зоны, когда он заблудился на бесконвойке.

Подмерзнув, они пошли досыпать. Днем Иван разглядывал книги в привокзальном киоске и купил толстый том под названием «Марксизм-ленинизм».

-Зачем это тебе, - удивился Алеша.

- Это философия, - ответил Иван.

- Говно это, а не философия, - заметил Алеша.

- Но тут много цитат настоящих философов, вот, смотри, Кант, Гегель, Фейербах...

- Все равно говно!.. А Блок у тебя хороший!..

- Приятель прислал еще два года назад... Уже много выучил...

Опять настала томительная ночь. Стоит забыться, и лезет недавнее в виде каких-то фантасмагорических сочетаний, от которых просыпаешься с облегчением. Но вот... до дому остались часы. Потом пошли знакомые названия станций. Тут Иван обнаружил, что с полки исчез Блок. Алеша не видел. Неприятно будет перед Лыткиным. И вот... долгожданный момент. Поезд лениво тащится вдоль знакомого перрона. Иван прощается с Алешей, которому до Питера, и бредет с чемоданом на плече и скрипкой подмышкой по знакомым улицам. Странно, но ни одна знакомая рожа не попадается навстречу. А вот и новый кинотеатр, о котором писал Лыткин. Дом, в котором живет мамаша. Окно занавешено тюлем. «Ладно, вечером схожу», - думает Иван и не торопясь двигается в поселок, к бабке. Чемодан уже допек, когда он свернул к бабкиному дому. В окошках никого. Ворота покосились. Калитка теперь закрывается на проволочное кольцо. Дед, видимо, теперь не смотрит! А береза-то какая выросла! И черемуха с рябиной, которые он когда-то принес из леса маленькими кустиками, теперь деревья. Вишня не выросла, но округлилась. Только сосенки на болотине поодаль подросли немного. Теплый мартовский воздух пьянит, здесь уже совсем весна. Сарай совсем почернел от старости.

* * *

Иван позанимался в сарае на кларнете и сидел, покуривая, погрузившись в размышления. Кларнет он освоил. Но не настолько, чтобы садится в оркестр на танцах, но руководитель поторапливает, даже деньги какие-то уже начислил, которые сам и получил.

Беда грянула, как всегда, нежданно. Проходящий мимо сарая мужик попросил осмотреть велосипед, стоящий у сарая. Он сразу отколупнул грязь на переднем крыле и увидел под ней остаток голубой резинки.

- Сдается мне, что это мой велосипед, - заявил мужик, - только у него была фара... Его угнали от магазина на улице Культуры, так?..

Иван не нашел, что ответить.

- Ваш, так забирайте, я его не угонял!..

- Конечно, заберу, только с фарой-то как?..

- Отдам деньги, - сказал Иван.

- Ну, хорошо, завтра я загляну, я здесь работаю в гараже и уже не первый раз хотел взглянуть на велосипед поближе...

- Так что, заявите?..

- Пока не буду. Если отдашь деньги за фару, то разойдемся...

Мужик сел на велосипед и уехал. Фара стоила 9 рублей, но Иван ее уже продал за бутылку водки. Ситуация произвела на него неприятное впечатление, но ведь мужик сказал, что не будет заявлять. Надо добыть денег, но где?.. К тому же пора идти на свидание с Таней. Вчера она с таким удовольствием кушала конфеты из ларька.

Таня девочка пунктуальная. Иван отмечает это, глядя на часы при ее появлении в садике Славы. Они медленно ходят по улицам. Иван разглядывает несколько веснушек на Танином лице и находит, что они ее украшают. Только один раз она пытается отнять у него свою руку, но тут же смиряется. Когда мимо проходит Киска, нарочито отвернувшись, Таня смотрит на Ивана широко раскрытыми глазами и нежно фыркает:

- Она не желает с нами здороваться!..

- Это ее дело, - холодно отвечает Иван, - она ведь сама так хотела...

- Она тебе что-нибудь говорила? - с опаской спрашивает Таня.

- Говорила...

- Что, ну что?.. - Таня возбуждается и отбирает у ивана свою руку.

- Что я нравлюсь тебе, - говорит Иван.

Таня закрывает лицо руками.

- Какая она все-таки!..

- Так что в этом плохого... Она сказала, и я теперь знаю, а ты мне тоже нравишься...

Таня смотрит в сторону и молчит. Щеки ее порозовели. Она говорит, что ей пора домой.

Денег не находится, да Иван и не прилагает особых усилий. Когда появляется мужик, то Иван объясняет ему, что пока у него ничего нет. Вечером приходит Хорь с бутылкой самогона. Свидание с Таней завтра, так что можно расслабиться. Надо бы, конечно, прибрать в сарае, вдруг мужик все-таки заявит, а ладно... потом. Целый вечер идет громкий разговор ни о чем. К ночи хмель выходит, и тут появляется Лыткин. Ему взгрустнулось, зашел потолковать. Хотя Ивана клонит в сон, беседа с Лыткиным для него приятна. Он словно переключается на иной образ мышления по сравнению с недавним хмельным гамом. Правда, Лыткин - дешевый моралист, но на это можно не обращать внимания, а главное - на его книжную мораль всегда можно подыскать уздечку. Иван дремлет, но Лыткин тыкает его в бок:

- Ты чего спишь?.. Отвечай!..

Иван встряхивается, тянется за папиросами. Они продолжают, как выражается Валерка, базар-вокзал. Смысл жизни. Кой черт тебе в этом смысле?!. Нет никакого смысла!.. Не может быть смысла, когда рожден в дерьме и всю жизнь в нем и торчишь, как тот воробей, которого корова своей лепешкой накрыла, а кошка голову откусила, когда удалось высунуть ее и чирикнуть от радости. Вот и смысл жизни - попал в дерьмо, так не чирикай!..

Лыткин возражает:

- Мелко ты смысл ищешь!.. Вспомни слова Николая Островского, ведь в них что-то есть от смысла жизни. Вот, представь, годы пройдут, и как ты будешь вспоминать это время?!. Не зашибет тоска?..

- Вот когда годы пройдут, тогда и увидим, что будет зашибать!..

Лыткин уходит глубокой ночью, и Ивану даже лень встать и закрыть дверь на засов. Днем он, как обычно, едет на другом велосипеде обедать. Может быть, спросить у бабки 9 рублей, да отдать этому хмырю за фару?.. А... ну его, обойдется. И без того дед напоминает, что он давно не работает, пора бы куда-нибудь устроиться. После обеда он возвращается в сарай и думает, чем бы заняться. Но тут близ сарая раздаются шаги и мужские голоса. Двое в костюмах при галстуках останавливаются у дверей. У Ивана сжимается сердце.

- Мы хотели бы посмотреть, что тут у вас есть!.. Заявление к нам поступило о краже велосипеда, который хозяин у вас обнаружил...

- Смотрите, - сдавленно говорит Иван, вспоминая, как хотел прибрать в сарае еще позавчера. А теперь все, поздно!..

Один смотрит на верхние нары, где навалены части велосипедов. Рядом на полочке он примечает два кастета. Второй открывает тумбочку с остатком добычи из ларька.

- Вот он, стадионный ларек! - восклицает он радостно, - ну, все ясно, пошел я вызывать машину...

Он уходит. Другой продолжает заглядывать на полки и в углы. Он как будто и не следит за Иваном, и оружия при нем явно нет, ведь они шли посмотреть, а не брать его. Улучив момент, Иван выскакивает из сарая, как белка перемахивает канаву и мчится по картофельным грядам. Однако сзади раздается: «Стой, стрелять буду!» Щелкает взводимый курок. Иван останавливается. На него смотрит черный кружок дула пистолета.

- Давай назад, куда же это ты?!.

Ноги Ивана становятся тяжелыми. Он зачарованно смотрит на черный кружок, потом плетется в сарай. Оперативник отгибает борт пиджака и, поставив пистолет на предохранитель, сует его в кобуру: «Так-то!» Машина подъезжает через несколько минут. Оперативники выносят из сарая все стоящее, в том числе Ивановы фотоаппарат, скрипку и гитару и клубный кларнет. Один потрясает кастетом:

- Такой штукой да тебе бы самому по голове!..

Иван уже вышел из состояния первоначального потрясения. Он сидит на скамье и бренчит на гитаре. К сараю подтянулись старухи, обычно собирающиеся около дома на лавочке, дети и кто-то еще. Какие-то двое подписываются как понятые и имущество грузят в машину, куда приглашают и Ивана. Пожилая черная тетка из ближайшего подъезда дома с сочувствием произносит:

- Хороший ты парень был, Иван, зачем ты связался со всем этим!..

Сердобольны русские бабы. Они не думают о том, что милиция поймала вора, который мог бы при случае и их обокрасть. Они думают, каково ему теперь, когда впереди годы заключения.

В машине Иван спрашивает оперативника, который целился в него:

- А что, стали бы стрелять в самом деле?..

- Можешь быть спокоен, уложил бы на месте!..

В КПЗ знакомо, все те же вонь и серость. В камере лишь один какой-то словно пришибленный мужичок. Иван садится на нары. Проклятье... Так глупо попасться?!. Его сознание точно пляшет на волнах: то падает куда-то в пучину, то поднимается на гребень, - а хрен-то с ним, ведь с огнем играл, вот и погорел.

- Ты за что?.. - спрашивает Иван мужичка.

- Да ни за что!.. - почти всхлипывает тот, - выпил немного в поезде, шумнул и вот... молодая баба напротив сидела, так говорит, я дрочить стал на нее... и зачем мне на нее дрочить?.. Я, как освободился несколько месяцев назад, сразу женился на старушке... так хорошо зажили!..

Иван развеселился, представив картину в поезде.

- Ты, наверное, не предложил этой молодке, а смотреть, как ты молотишь вхолостую, ей не захотелось!..

- Да ну тебя!.. Я только что 6 лет отбарабанил, а теперь еще могут навесить!..

- Да разве сажают за дрочение?.. - удивился Иван.

- Если ты уже сидел, то так и стараются снова посадить, найдут за что!..

Иван встал на нары, осмотрел решетку на окне. Сделано добротно, болты с палец толщиной. А что в сортире? Помнится, через окно сортира сбежал один парень, отодрав решетку.

- Дежурный, в уборную можно?..

Загремел мощный засов, дверь отворилась. Иван повернул в закуток и закрыл за собой дверь уборной.

- Не закрывать двери!.. - услышал он жесткий голос дежурного.

Однако было видно, что решетка на окне в сортире теперь приделана на совесть. В камере Иван ходит и ходит по диагонали. Таня, наверное, уже пришла на свидание и недоумевает, почему его нет. При этой мысли так хочется завыть на тусклую лампочку в нише над окованной дверью.

На следующий день его дергают на допрос. Иван ничего не скрывает и алипукин велосипед берет на себя, какая разница - два или три. Кастет Женявого тоже признает своим, в запас. Все делал один. Следователь смотрит на него.

- Вам лучше назвать сообщников, наказание меньше будет, и если чистосердечно раскаетесь, то, может быть, всего год-два дадут...

В кабинет заходит начальник милиции.

- О, старый знакомый!.. Как волка не корми, все в лес смотрит!..

Он говорит следователю, что партсобрание отменяется и он может не спешить, потом снова смотрит на Ивана.

- А что у этого теперь, опять кому-то мозги встряхнул?..

- Да нет, теперь похуже, - отвечает следователь.

- Ну, давно пора в загон!..

Начальник уходит. Следователь берет телефонную трубку и спрашивает насчет машины. Скоро Ивана везут на места деяний. Его фотографируют около двери ларька на стадионе, около двери сарая, откуда он вывел старенький велосипед, около магазина, откуда увел велосипед Алипука. Потом заезжают к Ивану домой. Осунувшаяся, посеревшая бабка открывает дверь и заливается слезами, увидев за спиной Ивана эскорт. Деда нет дома. Бабка не знает, что делать, спрашивает, будут ли чай пить. Следователь вежливо отвечает, что мы только на минутку, за документами. Иван проходит в комнату, открывает тумбочку и, достав паспорт, передает его следователю. В сенях он судорожно обнимает плачущую бабку: «Прости, бабушка!..» и выскакивает во двор.

- Хорошая у тебя бабушка, - говорит следователь.

Иван разражается рыданием и зло кричит с матом: «Такая бабка, черта лысого, у кого еще есть!..» Словно в тумане, он садится в машину и теперь оглядывается на бабкины окна через решетку. Машина проезжает мимо садика Славы. Вот скамейка, на которой вчера Таня его напрасно ждала. Может, по улице где-то идет? Нет, не идет. Сколько всего знакомого, часто как-то близкого, со множеством хороших и плохих воспоминаний вот так... сразу уходит из жизни и кто его знает, будет ли возврат. Река! Сколько с ней всего связано. Давно ли он стоял на мосту в плавках, перелезши через перила. Кажется, очень далеко внизу струилась вода - метров десять. Коленки неприятно дрожали. С такой высоты он никогда не прыгал. Но раз уж вылез, надо! Где-то там на берегу на него смотрят приятели и Света, которая приехала позагорать с ним. Иван делает шаг в пустоту и летит. Как долго он летел. Из строго вертикального положения он начал отклоняться вперед и ничего не мог сделать в воздухе. Когда он вошел в воду, то голову резко отбросило назад. Но уже там, на глубине он ощутил радость от того, что преодолел страх и ничего не случилось, подумаешь. Крупные кровоподтеки кое-где. С моста прыгали лишь самые отчаянные парни. Иван имел основания гордиться собой, хотя никому не сказал о дрожащих коленках. Потом, с верхних перекладин быка, т.е. метров с семи он прыгнул ласточкой, но опять не совсем удачно. Теперь у него весь бок был фиолетовым. Потом он повез Свету на багажнике велосипеда домой. По пути они завернули в кустики, но там их поджидало столько комаров, что нечего было и думать о любви. Искусанный Иван вскочил на велосипед и помчался к реке опять. Лишь благодатная вода избавила от нестерпимого зуда. Света добиралась домой пешком. Да, свински он поступил. То-то, когда он потащил ее вскоре в сарай, она заупрямилась донельзя, повела речи, что ему от нее только одно и надо, а ей этого мало. Конечно, ему надо от нее только одно, как будто она этого раньше не знала. А что она еще может дать? Или взять?

Серый мужичонка в камере совсем сник. Иван вытянулся на жестких нарах, доски которых пропахли человеческим смрадом. Завтра его повезут к прокурору за санкцией на арест. Следователь сказал что прокурор может выпустить до суда за подписку о невыезде. Как бы уговорить его на подписку?.. Может, на колени броситься, и прокурор смилостивится?.. Пусть позорно, но пусть хоть что, лишь бы не сидеть в этой вонючей камере. Сосед разглядывает полуботинок Ивана.

- Дай мне железку с пряжки, - просит он, - побриться хочу...

Он проводит рукой по заросшему щетиной подбородку. Иван удивляется, каким образом он собирается бриться кусочком жести.

- Я наточу его...

Не отрываясь от своих мрачных мыслей, Иван наблюдает, как мужичок пристраивается к печке, так чтобы не видно было из волчка, что он делает, и начинает заточку на кирпиче. Текут часы, а он шаркает и шаркает железкой о кирпич.

Утром сосед толкает Ивана.

- Стучи дежурному, я тут вену себе вскрыл...

Выскочив из кошмарного забытья, Иван с ужасом смотрит на залитый кровью край нар и пол. Упругая струя крови ударила в стену, на которой теперь струистое пятно. Иван замолотил в дверь. Дежурный, едва глянув, выскочил и позвонил в дежурную комнату. Скоро прибежали мусора, обложили мужичка и увели его куда-то, заставив Ивана мыть пол и стену. Сон прошел, но в голове было муторно. Однако кусок хлеба с кружкой горячей воды прошел хорошо. Появился аппетит, что было совершенно излишне.

В кабинете прокурора была ковровая дорожка, но падать на колени Иван не мог. Его предварительные мысли о каком-либо ожидаемом событии нередко не соответствовали его действительному поведению в этом событии. Он даже ни о чем не попросил прокурора, а тот на него едва взглянул и за несколько секунд судьба Ивана была решена: держать под арестом до суда, а там суд решит, что дальше.

Томительно тянулись дни. Иногда Ивана таскали к следователю, чтобы уяснить кой-какие детали. Вскрылась неувязка с показаниями потерпевшего насчет того, где стоял велосипед около магазина на улице Культуры. Иван не знал, с какой стороны дверей он стоял, но решил четко держаться того места, у которого его фотографировали.

В камере появился новый постоялец, избивший по пьянке жену. Иван расспрашивал, любил ли он когда-нибудь свою жену. «Да какое там любил, - отвечал мужик, - я и не знаю, что это такое, по пьянке переспали, а потом и пошло само собой, забеременела она, женись, говорит, ну, поженились, ребенок родился дефективный, теперь ходит, челюсть отвесив, а что скажешь, не понимает, пока по затылку не треснешь... Да пусть посадят, надоело все, спасу нет!.. Не хочу видеть эту курву и ее выпердыша!..»

Иван вспоминал подобные семьи. Как же их много! Даже если в семье нет враждебности между собой ее членов, то есть пустота и никчемность. Люди хуже животных. И в благополучных с виду семьях черт знает что творится. Не так давно помер Валеркин пахан прямо на своей секретарше, с которой он отправился на машине в отпуск. А до того все в парикмахерской на вокзале ошивался, Корицкой мамашу пас. Валерка только посмеивался. И мамаша его об этом знала, и ничего, жили себе, молочко попивали от своей коровы, за которой сестра папаши ходила. А он на машине своей разъезжал. Как-то еще в детстве прокатил Валерку с Иваном в соседний городок.

За дверью гремят миски, дежурный готовится кормить своих подопечных. В соседней камере 15-суточные. Им что!.. Они скоро выйдут и пойдут себе по подворотням. То-то у них там всегда весело, словно они не в камере, а кинокомедию смотря в клубе. Наконец, грохает дверь и их камеры. «Ужинаем!» - объявляет дежурный, подавая миски с рыбным супом.

- А что, других блюд не полагается? - спрашивает Иван, - все один и тот же суп каждый день!..

- Вас сюда не откармливать поместили, - отвечает дежурный, - радуйтесь, что хоть такой-то суп дают, в Крестах похуже будет!.. Здесь хоть хлеба сколько хочешь, а там пайка...

- С хлеба живот пучит...

- А ты отпердывайся, полегчает, - советует дежурный.

После ужина, встав у двери, Иван следует совету и производит пару могучих ветров. Дежурный заглядывает в волчок.

- Давай громче, а то на втором этаже, наверное, не слышно!..

- Боюсь, что потолок обвалится, здание-то у вас тухлое, одни решетки крепкие...

Идиотическая веселость проходит и приходит погружение во мрак. Серые стены как будто вовсе чернеют, и безысходное грядущее встает уродливыми контурами. Теперь Таня уже прослышала про его катастрофу и позор. Должно быть, ей было очень неприятно вспоминать, как она гуляла с Иваном и поглядывала на него милыми, короткими взглядами.

В один прекрасный день дверь распахивается.

- Маккавеев, поехали в Кресты!.. Хватит тут обсерать нас!..

Иван ошеломлен. Он вовсе не собирался в Кресты, полагая, что суд состоится вот-вот. Во дворе стоит воронок, и скоро Иван еще раз смотрит на знакомые места и улицы в буйстве июньской зелени. Волчья тоска охватывает душу. На перроне не видно никого из знакомых. Похоже, что их провожает вся милиция. Он видит мужичка, вскрывшего себе вену. В тамбуре вагона с решетками щетинится огромная овчарка, сдерживаемая солдатом. Узкий проход с решетчатыми дверями по одной стороне. Одна дверь открыта, и около нее стоит солдат: сюда. Купе уже полно. Иван лезет на нары, головой вглубь.

- Ты развернись головой к решке, а то мент забазлает, - советует пожилой пассажир в потертом свитерке.

Вагон разгружают перед Питером. Моросит дождичек, и в свете фонарей блестит множество рельсов. Полукругом стоят солдаты с автоматами и овчарками. Оказывается, в зарешеченном вагоне - столыпине - приехала целая толпа, которую рассаживают по глухим воронкам. Остановка только перед воротами Крестов. Колонна прибывших вливается в полуподвальный длинный сводчатый зал - собачник. Здесь следует перекличка с расфасовыванием по камерам. В камерах только скамьи. Стены заляпаны штукатуркой броском. К ним невозможно прислониться. Народу набили в камеру явно с излишком. Среди них немало лагерных завсегдатаев, которые быстро вычисляют друг друга и ведут беседы о том, где как. Постепенно ночь прекращает разговоры. Сморенные люди располагаются кто где. Иван устраивается на бетонном полу под скамьей. В КПЗ хоть дерево было, а тут спи на камне, закутавшись в пиджачок.

Должно быть на рассвете выводят на оправку. Журчащий каменный сортир с мокрыми стенами и огромной фановой трубой производит неизгладимое впечатление. Легенда о беглецах через эту трубу словно висит над ней и проникает во всех посетителей.

Тюрьма принимает своих гостей. Их наголо обстригают, смотрят, нет ли мандавошек, ведут в душ. Они «играют на рояле» - оставляют свои отпечатки пальцев. Их фотографируют в профиль и анфас. Наконец, их разводят по камерам, о которых старожилы уже мечтают, чтобы лечь как следует и вытянуть ноги.

Однако камеры рассчитаны на 4 человека, а Иван оказывается пятым. Он еще не знает, что это- благо, 5 человек в камере. Ему добродушно указывают на место на полу под окном. Как в бытность в столярке, его называют «мальчик», хотя он называет свое имя. Настороженно Иван впитывает дух камеры. Он много наслышан о тюрьме. Теперь настало время проходить практику. В камере одни рецидивисты, что действует на Ивана не лучшим образом. Следовательно, его причислили к рецидивистам и уж тут поблажки можно не ожидать.

Сокамерники относятся к нему по-дружески и даже по-отечески. Они видят, что он скис, и стараются ободрить, как могут. Выслушав перечень его деяний, сокамерники заключают, что Иван получит по первости года 2, может 3, но вряд ли больше. Лишь Гриша со страшным шрамом на лице и 11-ой судимостью говорит, что все зависит от того, каков судья. Если паскуда, то может отвалить и пятерик, но вообще-то зверей среди судей немного. Да и может быть амнистия будет осенью, после съезда. Тогда все перваки уйдут на свободу, невзирая на срок.

Иван ловит каждый штрих надежды и откладывает его в какой-то внутренний тайник. Всегда он был везучий, неужели тут кривая не вывезет?!.

~ *Эпилог* ~

Печально я гляжу на наше поколенье.
Его грядущее иль пусто, иль темно.
Меж тем, под бременем познанья и сомненья
В бездействии состарится оно.
(М.Ю. Лермонтов)

Кусок земли, на котором человек вырос, хранит для него особые флюиды, и когда он возвращается после долгого отсутствия, то эти флюиды незримо проникают в него, и кто бы он ни был, он ощущает прилив бодрости и возвышенного восприятия. Самые банальные штрихи окружения лезут в глаза и поднимают из глубины души воспоминания. Время текло, пока тебя тут не было, что-то появилось и что-то осталось, и все это в той ауре в которой и твой образ хранится, и потому ты здесь жданный. Прислушайся, земля шлет тебе тепло.

Иван аккуратно положил на крыльцо футляр со скрипкой и сбросил чемодан. Он снял шапку и оглядывал двор, ограду соседского забора из свежих реек - осенью сделано. Он не спешил стучать в дверь, но в сенях послышались шаги: кто там? - тревожный бабкин голос.

- Это я, бабушка! - дрогнувшим голосом произносит Иван.

- Кто это я?.. - слышится из-за двери.

Иван озадачен.

- Это Иван, внук твой!.. - кричит он болезненно.

За дверью раздается грохот упавшего ведра, потом громыхает засов, но его, видимо, заело. Наконец дверь распахивается.

- Здравствуй, бабушка! - Иван поднимается на порог и бабка беззвучно повисает у него на шее, что-то бормоча сквозь слезы.

Иван почему-то вспоминает далекое детство, когда в их квартиру вошел незнакомый стриженый человек и тетя Маруся, Милина мама, и старуха вот точно так же повисли на нем в коридоре с той лишь разницей, что они запричитали на все лады. Мысли мелькают, как молнии, прожигая мозг. «Как она усохла!» - думает про себя Иван, обнимая щуплые плечи бабки.

- Господи, пресвятая богородица, дождались!.. Проходи, Ванюшка, только дедко-то наш плох, не соображает!..

В кухне жарко истоплено. Дед лежит все на том же сундуке. Теперь у него большая белая борода лопатой и он похож на святителя.

- Дедушка, я вернулся! - Иван присаживается на край сундука.

Несколько секунд дед безучастно смотрит мимо Ивана, но вдруг в его глазах появляется осмысленное выражение и они обращаются на Ивана.

- Это я, Иван, дедушка!..

Дед всполохивается, поднимает слабую руку. Иван припадает к нему. Непонятно, чьи слезы блестят у деда под глазами. Он что-то шепчет непонятное, проводит рукой по стриженому затылку Ивана.

- Ну, слава Богу, узнал он тебя, теперь и умереть легче, - говорит бабка, - ты особенно-то не утомляй его...

Осмысленное выражение в глазах деда исчезло, и его тусклый взор направился прямо перед собой. Иван гладит его высохшую, как у скелета, руку.

- Давно он такой?..

- Да год уже не может сам шевелиться, ворочаю его кое-как, чтобы пролежни не росли, да подтыкаю тряпки под бока... Ведь 82 года, не шутка... - бабка прикладывает к глазам край фартука, - а ты-то как, насовсем или на побывку?..

- Какую побывку, бабушка!.. Таких в лагерях не бывает!..

- Сон мне тут снился, что ты приехал на побывку... А что ж это я стою, чайник у меня горячий, сейчас картошечки поджарю с луком, как ты раньше любил!..

Иван проходит в комнату, где все осталось в точности как было три года назад. Он открывает свою тумбочку. В верхнем ящике лежат его тетради с натуралистическими записями. Пониже - охотничьи принадлежности, радиодетали. Он смотрит на копию «Утра в сосновом бору», достает и листает книжки, которые когда-то собирал, включает старенький приемник «Рекорд», из которого с шипением и треском доносится симфоническая музыка. Все те же три иконы в углу и большое зеркало в простенке. Он гладит старинный буфет и в тысячный раз думает: классная работа! Ему так ни за что не сделать.

- К матери-то заходил? - заглядывает в комнату бабка.

- Нет, вечером зайду...

- Дык она сама собиралась придти!..

Иван уже примечает в окно мать, поворачивающую к калитке. Бабка открывает ей дверь и сообщает новость. Мать с воплем бросается в дом и повисает у Ивана на шее. Потом все успокаиваются и пьют чай, вспоминая различные подробности и слухи, ходившие среди людей. Иван узнает, что его считали ослепшим в лагере, что его сарай был недоступен, так как был окружен проводами под высоким напряжением и разное прочее. Поистине удивительно, откуда рождаются подобные выдумки среди людей, но раз появившись, они расползаются, обрастают новыми деталями и никто уже не сомневается, что так и было. По-видимому, многие легенды родились именно так и имеют общее с действительностью только то, что существовал человек, возможно неординарный, вокруг которого сначала создали слухи, а потом эти слухи укрепились, и поскольку не было никакой возможности их проверить, то слухи превратились в устойчивое поверье. Таковы, вероятно, жития святых, тем более что канонизация их происходит спустя много времени после их смерти и смерти свидетелей и очевидцев, которые и оставили слухи, благодаря своей восторженности, которую выразить без приукрашивания или невероятных эпизодов казалось слишком бедным и недостаточным столь почитаемой личности.

Иван рассказывает о последнем годе, в течение которого они не виделись, и расспрашивает о знакомых. Сколько всего произошло!.. В письмах ведь все не напишешь, да и не важным кажется многое из того, что в разговоре приобретает значимость. Мать решает, что Иван пока поживет у нее, поскольку спать ему здесь негде. Они, наконец-то, разъехались с Пузней и теперь живут в соседней квартире, где тишина и покой. Оказывается, Иван смотрел не на то окно. Дядя Леша перенес инфаркт, но сейчас чувствует себя хорошо, во всяком случае от выпивки никогда не отказывается и курит каждые пять минут.

При появлении матери с Иваном весьма осовелый дядя Леша сидит на новом диване. Он удивленно поднимает брови.

- Здравствуйте, Алексей Алексеевич! - приветливо произносит Иван и протягивает руку.

Дядя Леша торопливо поднимается.

- Ну, с возвращением!..

В его словах не слышится никакого подвоха, и когда мать говорит, что Иван поживет у них, дядя Леша не возражает. Он лезет куда-то за диван и достает недопитую маленькую. Мать строго глядит на него.

- А я-то все не могла понять, куда ты прячешь бутылки!..

- Ну, тут сам Бог велел отметить, маловато, правда!..

Иван вызывается сбегать, но мать решительно протестует, говоря, что после инфаркта только бы и хлестать водку. Они выпивают по рюмке за встречу. Появляются сестры. Танька бросается обнять Ивана, Томка более сдержанна. Они стали совсем девушками, и дядя Леша очень горд, поглядывая на них. Еще один шквал разнокалиберных новостей обрушивается на Ивана. Теперь это молодежные новости: кто с кем ходит, что происходит на танцах, как поживают старые приятели Ивана. Наконец, Иван решает отправиться к Тане, завернув сначала к Брянцу.

- Очень-то не напивайтесь!.. - напутствует его мать, - а то придешь к девушке вдрабадан, а кому это приятно?!.

- Да уж, конечно!.. - соглашается Иван.

Скоро он стучит в дверь Брянца. Маленькая толстая мать Брянца несколько секунд смотрит на Ивана.

- Батюшки!..

Она едва успевает обернуться, как появляется сам Брянец.

- Иван! А мы недавно выпили за твое здоровье!.. Ну-ка, давай, раздевайся!..

За столом поддатый папаша Брянца и какие-то родственники, только что приехавшие. Брянец торжественно представляет Ивана как человека, с честью прошедшего тюрьмы и лагеря, с которым они, бывало, делились коркой хлеба. Пир возобновляется с новой силой. Брянец приходит в восторг, когда разрешает свое недоумение, почему Иван вернулся так рано.

- Освободили по незнанию спецчастью тонкостей о досрочном освобождении!.. За это следует выпить!..

Потом они направляются к Таниному дому. Брянец поднимается наверх и вызывает Таню. Как сквозь сон Иван слышит бег по лестнице, и вот Таня уже повисла у него на шее. Она так похорошела! Иван ощущает расслабленность, как после долгого пути, который, наконец, завершился.

- Ты пьяный? - спрашивает Таня.

- Немного, - отвечает Иван, - ведь я к Брянцу заходил, чтобы он тебя позвал... Не мог же я сам заявиться к тебе домой!..

Они прогуливаются по темным улицам, вдыхая сырой свежий воздух. Иван то и дело поглядывает на Таню. На ней песцовая шапка, которую мамаша Ивана называет вороньим гнездом. Щеки у нее округлились, в глазах появилась какая-то женская глубина. И вдруг с характерной зэковской проницательностью Иван ощущает, что он, собственно, чужой Тане. Сначала он не понимает, откуда и зачем явилось это ощущение, но оно как будто разгорается.

- У тебя кто-то есть?..

Таня смотрит на него с полуулыбкой и отводит глаза.

- С чего ты взял?.. Так, было небольшое развлечение...

- Но ведь оно и сейчас продолжается?..

Таня отбирает у него свою руку.

- Ну вот... с первого дня попреки... Я ведь не знала, что ты возвращаешься... Теперь уже не продолжается...

- Я не написал тебе тогда, что ты мне очень нужна. Мне казалось, что это и так ясно. Помнишь, когда я спрашивал, приедешь ли ты на выселку, если меня туда упеку... Ты так и не ответила...

- Если ясно, то давай и не будем об отношениях... С этого и начинаются распри...

В теплом подъезде они обнимаются и целуются. Ивану хочется раствориться в глубине таинственных глаз Тани, хотя какая-то заноза сидит в его сердце.

Утром Иван отправляется к Лыткину, но тот уже сидит в физическом кабинете техникума по соседству. Там и происходит встреча. Они долго говорят о то о сем, обсуждают перспективы дальнейшей жизни Ивана. Надо поступать в университет - настаивает Лыткин, готовый помочь в подготовке к вступительным экзаменам. Конечно надо, но сначала надо получить аттестат о среднем образовании и подтянуть знания. Лагерная школа это все же слабая база для того, чтобы пробиваться в вуз, да еще в университет. Шапошник на работе, но Валерка оказывается дома. Еще одна радостная встреча. Приятели опоражнивают бутылку вина, отправляются прогуляться по городу. Валерка замечает, что полупальто на Иване весьма старое и одевает его в свое шикарное зимнее пальто.

У нового кинотеатра пасется целый выводок старых знакомых. Они приветствуют Ивана и с любопытством его разглядывают. Подходят какие-то юноши, которых Иван не сразу узнает. В его памяти они остались малолетками, а теперь... какие кобели вымахали. Каждую девицу провожают сальными взглядами. Иван чувствует, что социальный климат в городке какой был, такой и остался. Те, что подросли, успешно в него вписались, но, наверное, так и должно быть, что может быть другое?!. В опаленной душе на мгновение вспыхивает неприятие этого духа, от которого он столь тяжко избавлялся в менее всего подходящей для этого среде. Но ведь это все твое родное, в чем ты вырос и возмужал. Разве можно уйти от этого болота?!.

Шапошник вечером уже поджидает Ивана. Их встреча совсем сдержанна. Они долго беседуют, и Иван думает про себя, что все-таки можно не погружаться в болото, а жить с краю его, как это делает Генка. Обсуждений у них слишком много, но Иван вспоминает про свидание с Таней. Генка как будто разочарован, что Иван предпочитает их возвышенной беседе свидание с девушкой, но Иван оправдывается тем, что договорено, а слово надо держать. Однажды он не пришел на свидание с этой девушкой, и она постаралась это забыть.

Генке не везло. Не мог он избавиться от мокнущей экземы на руках. Врачи разводили руками, мази различных бабок не помогали, хотя денег на них затрачено много и каждую бабку надо изыскивать, как драгоценность, питая надежду, что она поможет.

Остается одно - сменить климат. Кому-то это несложно: сел на поезд и уехал. Другого же словно держит место, где родился и со всем сроднился. Не может он решиться покинуть старые помойки с их сладостным запахом и мириадами громадных синих мух, представляющих отличную наживку на язя при ловле нхлыстом. В минуту жизни романтическую куда нас только не заносит, но в томительные часы реальности мы предпочитаем не отлучаться далеко от места, где возникли.

Генка решился на отчаянный шаг, да и что он мог сделать иначе, раз уж нужно менять климат. Он уехал на край света - на Чукотку, тем более, что брат его уехал туда еще ранее и почва под ногами имелась. Но не дано видеть человеку - золотой или черной краской покрыта его судьба снаружи. Проводил Генка уже на Чукотке родню на побывку в дальние домашние края, прилег на диван, и никто никогда не узнает, как отлетела его душа, о чем он сожалел в последние мгновения, шептал ли он, как Гоголь: как сладко умирать...

Получив от Лыткина зашифрованную телеграмму, Иван замер: ему-то все было понятно. Не жилец был Генка в этом мире, но и умер так некрасиво: полуразложился в жаркой квартире с опивками-объедками на столе, так что милиция, вломившись, сразу заключила: с перепою. А ведь и Генка пил, как курица.

Вспомнил Иван на поминках Генкины письма, мечты его о дальних краях. И вот... повела его неведомая сила в непонятном направлении. Сошел Иван с автобуса, прошел вдоль домов и пришел в никуда, где свалился в осеннюю канаву. Попытался вылезти, но добравшись до верху склона канавы, пополз обратно. Заткнулась сухая травина в нос, сделала больно. И тут, на краю канавы, покрытой жухлой травой, Иван завыл, и был похож его вой на волчий, оплакивающий в

ярости утраченное навсегда. Мчались по ветру темные, рваные тучи. Сбоку ярко светлели прямоугольники окон дома, за которыми, должно быть, шевелились люди, в неведении лопотали дети. В доме не пахло осенней сыростью, окутывавшей все снаружи и висевшей над канавой, на краю которой выл человек, вспоминая что-то, никак не могущее припомнится и принять четкий образ. Этот образ так и не появился, и человек, утомленный своим диким сетованием, пробудился к реальности и побрел искать ночлег.

Таня выглядит еще более эффектно, чем вчера. Совсем не важно, что их разговор совсем не такой, как с Генкой или Лыткиным. Собственно, и нет никакого разговора. Иван пытается что-то обсуждать, но не находит поддержки и смиряется. Как ему кажется, Таня рано уходит домой, да еще и говорит, что завтра у нее вечер занят, но послезавтра они могут встретиться пораньше.

На следующий день Иван отправляется в лес. Погода стоит отличная, но снегу еще очень много. На нем лежат голубые тени и показался мусор, который скопился в его толще за зиму. Иван медленно скользит на лыжах по старой лесной дороге, где ему издавна знакома каждая большая осина и где было столько разных встреч с птицами и зверями. Но сквозь окружающий его прекрасный мир словно просвечивают высокие заборы с козырьком колючки, запретки, вышки, бараки. Синицы-гаички засуетились рядом. Иван смотрит на них сквозь слезы: те ли вы, или то были ваши предки.

Неужели это наваждение лагерей будет теперь всегда?!. Он вспоминает, что бывший офицер Николай говорил ему об этом лагерном мареве, которое будет преследовать его всю жизнь.

На работу нигде не берут: не нужно. Наконец удается устроиться грузчиком на товарный двор на станции. Работа не из приятных, да еще и по 12 часов. То нужно выравнивать бревна на платформах со стойками (Иван знает, откуда едут эти бревна), то переставлять громадные ящики, которые инспектирует кладовщица, но самое-самое это - разгружать пульманы с мукой и сахарным песком. Двое носят мешки по 80 кг, двое их «наливают», т.е. кладут из вагона на плечи. После такой работы без перекура не подняться на третий этаж. Вася Жирный говорит, что это с непривычки.

Таня сочувствует тому, что Ивана ноги не несут, и терпеливо сидит на лавочке в садике Славы. Но через неделю после их первой встречи Иван ждет ее напрасно. Впрочем, он это предчувствовал по ее высказываниям и вообще поведению. Ему непонятно, зачем нужно было три года делать вид, что она ждет его. А сколько нежных слов было написано и ни одного не сказано.

Ящики в вагонах инспектирует не только кладовщица, но и сами грузчики. Стоит кладовщице отойти, как тут же появляется фомка и уж куревом-то грузчики себя обеспечивают, набивая карманы пачками сигарет, иногда чаю похватают или еще какой штучный товар. Вася, однако, командует, чтобы брали понемногу, не зарывались. И ящик заколачивают так, что никто не скажет, будто бы в него залезали. В любом деле нужен навык. Потом Иван замечает, что кладовщица отходит не случайно, а чтобы грузчики не утруждали себя чтением, что в ящике, она произносит наименование товара: вот этот ящик с чаем сюда перенесите. Парочку-другую пачек Вася ей потом выделит. Уж конечно, где это слыхано, чтобы кладовщики не воровали!..

Надежда встретить Таню на улице не оправдывается. А что, если сходить к ней домой, может быть, она заболела. Однако всевидящий Гундос сообщает, что видел Таню с молодым человеком приятной наружности. Ну и черт с ней, Иван отправляется на танцы и сразу же натыкается на Киску. В отличие от маленькой Тани, которая выросла и расцвела, Киска стала какой-то потертой и занюханной. Она очень приветливо встречает Ивана, и они долго сидят на стульях по краю танцевальной площадки. Потом он ее провожает. Изо рта Киски по-прежнему пахнет гнилыми зубами, хотя она изрядно надушена. Киска посвящает его, что с Таней ему ловить нечего, там заметано. Ну и ладно. А как насчет?.. Иван опускает руки по бедрам Киски. Завтра... Хорошо, до завтра...

Боже, все на круги своя. Зачем? Разве это мнилось ему в угаре лагерных дней. И не каялся ли он всем сердцем за столь многое, включая и эти бессмысленные связи. Но все же завтра он идет к Киске, и они всходят на прекрасную чердачную площадку со столь знакомым кошачьим запахом. Теперь Киска переносит на час, минуты, затем предлагает Ивану прибрать к рукам местную шпану. Вон чего ей нужно!.. Значиться подругой громилы... Дешевка!.. Иван закуривает, оставив в покое Кискин подол. Он объясняет этой раскрашенной крале с тощей задницей, что со шпаной он не желает иметь ничего общего. Она давно ему обрыдла. Киске нужно поискать другого предводителя, только сначала ей следует обратиться к дантисту.

По пути домой Иван с неприязнью думает, как это он мог когда-то влюбиться в это убожество. Он вспоминает, как получил от Киски еще под Питером письмо, в котором она сокрушенно рассказывала о том, как какой-то подлец совратил ее. Тогда Иван проникся к ней таким сочувствием, что счастье этого «подлеца», что Иван был надежно упрятан. Фотография Киски в красивой рамке, изготовленной с любовью, долго украшала тумбочку Ивана. Теперь, однако, не вызывает сомнения, что все эти ее переживания были игрой, так как с «подлецом» этим она долго якшалась и, по словам Тани, была весьма увлечена им. Итак, давнее пристрастие оказалось дерьмом. Иван зло плюет в канаву. Господи, после всего, что осталось позади, неужели его участь заключается вот в такой жалкой связи! Разве он не знает, что ему нужно, ведь столько об этом передумано! Но, с другой стороны, где найти то, что нужно?!. Он заключен в тот социальный пласт, где бессмысленно пытаться обнаружить желаемое. Придется довольствоваться тем, что подкинет судьба, а к ней у Ивана теперь не было особого доверия.

Дед еще не раз осмысленно признавал внука. Однажды они выпили по стопке водки, и дед был такой довольный , словно ничего более приятного в его рту никогда не бывало. Однако его осмысления хватало не более, чем на несколько минут. Потом он словно погружался куда-то и его связь с этим миром обрывалась.

Однажды рано утром бабушка нашла его мертвым. В гробу дед лежал успокоенный, и округлая белая борода еще больше придавала ему облик святого. «А ведь не был он святым в жизни!» - думал Иван, глядя на тщедушное тельце.

Бабка плевала на общественные порядки. Она сказала: должно быть по-нашему, по-старому. Откуда-то приехал поп, сделал отпевание и все, что полагается. Гроб пронесли до самого моста через Воняловку, где когда-то дед и внук смотрели в темные струи, и тут на станции загудели все паровозы; басистые и высокие звуки висели над городком целую минуту - последний аккорд старому машинисту.

Однажды на улице Иван столкнулся с девушкой, которая фактически была его двоюродной сестрой по отцу. Он никогда не знался с ней, но теперь поздоровался и спросил, что ей известно о его отце, а также нет ли у нее нот скрипичных вещей, ведь она училась на скрипке в музыкальной школе. Татьяна приветливо ответила на все его вопросы, а насчет нот они отправились к ней домой покопаться. Иван поиграл на ее скрипке, услышал похвалу своему исполнению и получил несколько нотных листов с превосходными вещами. Дома он редко брал в руки скрипку, жалея об этом и надеясь, что скоро он начнет новый образ жизни, введет регламент и бросит все пустые занятия. Он ушел из грузчиков и устроился плотником на стройку нового цеха на заводе. Девушка, с которой его однажды познакомил Валерка, как-то окликнула его в окно товарной конторы на вокзале и вышла к нему. Ничего не оставалось, как назначить ей свидание. Что-то в ней было надрывное, подкупившее Ивана, хотя он постоянно думал, зачем он с ней связался, ведь это так далеко от его идеала. Но что близко?.. Серая обывательщина затянула его, как топь. Временами он приходил в отчаяние от несостоятельности самого себя. Чтение «умных» книг только усугубляло понимание мелкости всего сущего. Как и прежде, он жил, как на волнах: то вздымался на гребне и видел далеко, манили горизонты, высокие помыслы казались достижимыми, то низвергался в пучину серого прозябания и старые страстишки не казались абсурдом. С новой подругой они совершили пару удачных краж. Иван был жестоко разочарован тем, что его новая подруга с легкостью согласилась стоять на шухере. Водку она пила, едва ли уступая Ивану. Но одно событие его повергло в полное негодование. Как-то подруга сказала, что завтра у нее деловой разговор и они не встретятся. Ивану было непонятно, какой такой деловой разговор у нее может быть и с кем, но допытываться не стал. На следующий день пришедшая домой мамаша со странной усмешкой сообщила Ивану, что внизу его спрашивают. Иван спустился по лестнице и к своему изумлению увидел увидел свою подругу в сопровождении известной городской потаскухи. Обе были вдрызг пьяные. Ни слова не говоря, Иван ушел домой и продолжил чтение. Потом выяснилось, что его подруга была приглашена Хлопушей в качестве избранной девочки на пикник в кустики. Освободился из лагерей один друг Хлопуши, нуждавшийся в женской ласке.

Иван выслушал исповедь, что ничего не было, только попытки, и они убежали. Все это не вязалось одно с другим. С какой стати нужно было убегать потаскухе, если Хлопуша стал ее постоянным партнером, да и в состоянии ли они были бегать. Он оценил ситуацию, как предельное низкопробие, но оценивая свое состояние после лагерей, как охристианенное, он простил свою подругу и продолжал болтаться с ней по чердакам для физиологической потребности.

Еще получая паспорт, Иван спросил в окошечко пересылки: а вещи мои, которые отобрали в лагере и в милиции - часы и фотоаппарат?..

Красная рожа заслонила оконце и прошлепала губищами: кто отбирал, у того и спрашивай, у нас здесь не склад...

В своем городке Иван съездил в милицию с тем же вопросом. Воров ловят, а сами не прочь прикарманить оставшееся бесхозным. Мусор озабоченно порылся в каких-то, явно свежих бумагах: родственники должно быть забрали, да и забыли.

Ивану было не жаль вещей, тем более, часы были краденые, но ему хотелось убедиться в том, что конфискованные вещи пропадают, если не находится хозяин.

- Да на складе где-нибудь валяются, - заявил мусор, глядя на Ивана, как на претендента в камеру.

- Так найдите, - спокойно сказал Иван, - вот паспорт фотоаппарата.

- Давай сюда!..

- Ну нет, найдете, так сравним.

- Приходи через неделю, - буркнул мент.

Иван хлопнул дверью, решив чего-либо добиться.

Он явился в назначенное время. Дежурил другой мент. Он снова выслушал историю, порылся в бумагах.

- Нету, - заявил он, - списали, должно быть...

- А если бы у меня там рояль был?..

- И рояль бы списали, коли годами никто не приходит за ним.

- Как же так? Это ведь мои кровные вещи!..

- Были твои, стали чьи-то... Здесь тебе что, камера хранения?..

- Так зачем брать было, я ведь показывал вашим собратьям паспорт?..

Какой-то мужик постучал в окошко приемной с некой бумажкой, заявлением, должно быть.

Мусор за столом глянул на Ивана: надоел ты мне тут со своими вещами; сидеть меньше надо, а так, где я тебе искать их буду, тут уже полсотни человек сменилось...

- И каждый что-то прихватил? - ехидно спросил Иван.

- Давай-ка, друг любезный, шлепай отсюда, пока в камеру не угодил...

- Не пугай камерой, долго пугали, вашего бы брата в камеру одного за другим, да лес Родине пилить...

Мент вскочил.

- Ты будешь тут мешать мне работать?!.

Иван вышел из приемной, опять хлопнув дверью. Разозли этих монстров, так и в самом деле в камеру засунут, а потом напишут, что надоедал, мешал выполнять обязанности, матерно оскорблял, ведь нормально-то говорить не научился.

Серое здание все так же незаметно занимало угол серого переулка, скрываясь под сенью тополей. Лишь с той стороны, где был сортир, стояла жуткая вонь, над которой пышно цвела сирень.

К дому с коваными воротами подкатила милицейская машина. Из нее легко выпрыгнула на длинном поводке овчарка. Она с подозрением уставилась на Ивана. «Узнала своего, - горько подумал Иван, - дух, должно быть, почуяла». Молоденький мусорок вылез следом за собакой и тоже уставился на прикуривающего Ивана, который стоял и насмешливо смотрел на них.

- Пошли, Сильва, - сказал, наконец, мусорок, - это не наш...

Иван почему-то вспомнил рассказ о финне, который голыми руками убил вот такого зверя с огромными белыми клыками в запретке, и тех, которые скалились на него в воронках, едущих в тайгу или обратно в лагерь. В глазах у Ивана, должно быть, что-то сверкнуло, и собака дернулась в его сторону. «Ну ты что, Сильва?» - спросил нежно мусорок, замешкавшийся на ступеньках, и опять подозрительно посмотрел на стоящего Ивана. «Ты чего стоишь, зубов собачьих хочешь отведать, что ли?»

- А вот кол стоит, видишь? - сказал злой Иван, - переломаю хребет, так сразу рассчитаюсь за все долги.

- Шел бы ты, парень, пока тебе самому хребет не переломали, - миролюбиво сказал вышедший из-за машины шофер, - видели тут таких, волосы сначала отрасти, а то издалека приметен.

Вышел дежурный.

- А... этот все еще тут, вещички свои надеется получить...

Иван плюнул в сторону милиционеров и собаки и пошел прочь. Сзади над чем-то скалились мусора. «Как собаки, - подумал Иван, - были бы у власти фашисты, полицаями бы похохатывали, да собаками стращали бы точно так же. Что ж, таковы люди, разве мало ты их познал...»

Он пошел по старым знакомым дорогам мимо кладбища, где как и многие годы назад белели кресты и ванночки. На душе было скверно.

Милиция ворует, и сам еще остаешься виноват. До чего подлючий мир! Как мы чувствуем несправедливость к себе.

В районе депо как всегда пыхтели паровозы и пахло гарью, жесткой, вонючей, не как от дров. Ходили люди в измазанных мазутом комбинезонах, похожие на чертей, которым обрубили хвосты. Он прошел мимо свалки, на которой когда-то было столько маленьких радостей. Какие-то мальчишки, матерясь, ковырялись в железяках. Новое поколение выросло, с теми же наклонностями.

Иван закурил и стоял смотрел на мальчишек. Как странно все повторяется, только с новыми нюансами. Он вздрогнул. На своей шкуре Иван испытывал , что правы были те, которые утверждали, будто побывав раз в тюрьме, опять в нее возвращаешься. Так неужели?!.

Цыганка с картами, дорога дальняя.
Дорога дальняя, казенный дом.
А может старая тюрьма центральная
Меня несчастного по новой ждет.

Так происходит, потому что из лагеря возвращаешься в старую среду, погружаешься в косный серый мир, в котором за ценности принимаются дешевые развлечения, пахучие женские прелести и пустые, пьяные разговоры. Этим заражаешься с детства, словно неизлечимой болезнью, и в тусклой безысходности бредешь по пыльным дорогам, по которым уже прошли миллионы и исчезли в бессмысленной бесконечности. Из них кто-то оглядывался в конце пути и кричал, предупреждая о пропасти, но его не слышали. Всем хотелось дойти до конца по привычному пути, и мало кому удалось свернуть вбок, выскочив из общего потока, и, отдышавшись в тени дерева перед журчащим ручейком, увидеть тропинку, ведущую к далеким синим горам, и услышать сердцем далекий зов. Тогда встать и крикнуть: иду!!!

И пусть на пути встают дремучие леса и топкие болота, громадные озера и порожистые реки заставят искать обход, какие-то чудища будут скалиться в буреломе. Зов услышан, и когда-то синие горы будут достигнуты.

Самое трудное в личной жизни - изменить ее, когда все вокруг не меняется. Человек как будто подключен к своему окружению множеством коммуникаций разного рода и силы воздействия. Чтобы вырваться из этой сети, нужно совершенно убедить себя, что все это ему не нужно, и тогда по ниточке будут рваться канаты. Но главное тут - поставить цель и стремиться к ней всеми душевными силами.

Иван уже достаточно осознал, что путь за решетку еще расстилается перед ним, хотя он не сомневается, что вторичный залет он не переживет. Тем не менее, он рисковал искушать судьбу, поскольку все складывалось совсем не так, как представлялось. Любимая девушка не встречалась. Работа была неинтересная и грязная. Приятного общения сильно недоставало. С Генкой он почти перестал встречаться, так как ощущал на себе новую скверну. Лыткин назначил ему приемные часы для проверки заданий по математике и физике. Борьба с собственной бестолковостью, хотя и утомительна, но зато возвышает дух.

И вот настал момент триумфа: Иван увидел свою фамилию в списке прошедших конкурс в университет. Это был подлинный перелом жизни, связанный с внедрением в новую среду. Только теперь наступила резкая перестройка внутреннего мира. Остался сбоку серый мир обывательщины, от которой он когда-то бежал в уголовный мир. Теперь он начинал самореализацию. Высокое начальство сняло с него «101-ый км», и начался долгий путь восхождения. Ему пригодился опыт скудного питания и общей неприхотливости. Он еще не знал точно, куда идет, но все, что дава-

лось, стремился уложить в свое сознание. Единственное, о чем приходилось сожалеть, это неспособность помогать бабке, к которой он нередко наведывался. Лежа на старинном сундуке, на котором умер дед, он читал и читал, а поутру отправлялся в лес, где с новыми чувствами приветствовал старые осины:

- Я все-таки сбежал из омута!..

Но перед ним, как по мановению волшебной палочки, вставали заборы с козырьком из колючей проволоки, и толпы серых людей с землистыми лицами стояли, как на параде человеческой нужды и безобразия. В кубриках искаженные звериной гримасой лица издавали каркающие звуки - смеялись. В гробовой тишине тайги падал нежный снег и таял на текущей крови из прорубленной ноги. Окровавленный топор покрывался инеем. Хохочут офицеры в спецчасти: хозяин - балерина!.. Ха-ха-ха!.. И опять бесконечность воронков, конвоев, собак сливается в жуткий, невероятный хоровод.

- Господи, неужели так и будет всю жизнь?!. Разве не могу я это изгладить из своей памяти, забыть, словно и не было этого?!.

Над лесом летит ворон. Завидев человека, он делает над ним круг и громко кричит.

- Что он сказал?.. Ах, nevermore, как он отвечал великому Эдгару По, - никогда!..